ISSN 2223–2966

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

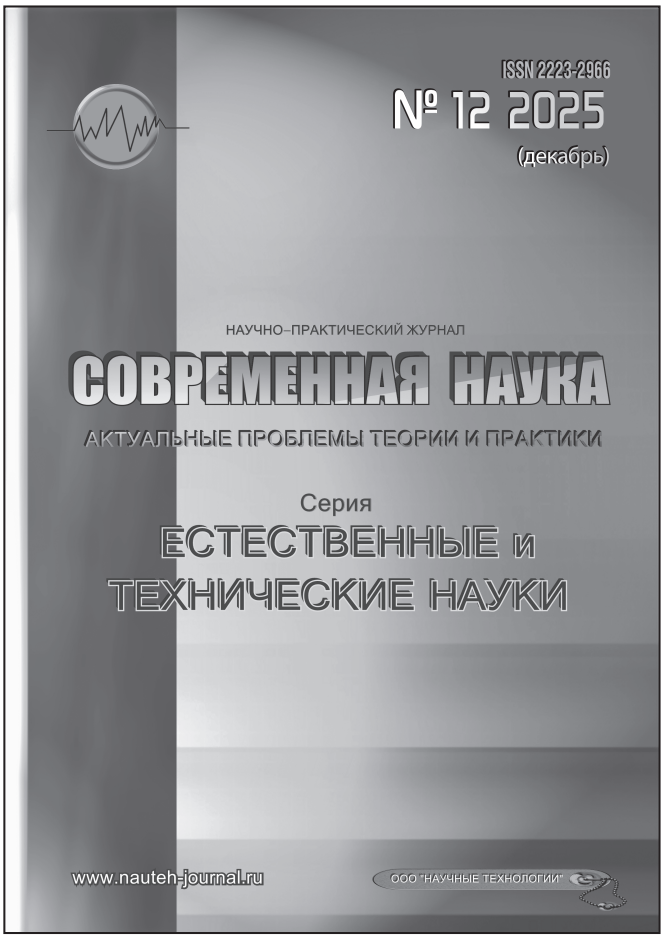
ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 12 2025 (ДЕКАБРЬ)

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК — 1.1.2, 1.5.x, 2.3.x, 3.1.x)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
А.В. Царегородцев

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
М.А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80016

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

В НОМЕРЕ:

ОБЩАЯ БИОЛОГИЯ, ИНФОРМАТИКА,
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА
И УПРАВЛЕНИЕ,
КЛИНИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 142-8681

E-mail: redaktor@nauteh.ru
http: //www.nauteh-journal.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 10.12.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2966

© Журнал Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: Серия «Естественные и Технические науки»

Редакционный совет

Атаев Алевдин Рашитханович — д.м.н., профессор, Дагестанский государственный медицинский университет

Безруких Марьям Моисеевна — д.б.н., профессор, Институт возрастной физиологии РАО

Бекетов Сергей Валериевич — д.б.н., ФГБНУ НИИ Пушного звероводства и кролиководства имени В.А. Афанасьева

Белых Владимир Иванович — Д.м.н., доцент, Алтайский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

Грачев Николай Николаевич — доктор высшей ступени в области технических наук (DoctorHabilitatus), профессор, Московский государственный институт электроники и математики НИУ ВШЭ (технический университет)

Гусева Анна Ивановна — д.т.н., профессор, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Зубкова Валентина Михайловна — д.б.н., профессор, Российский государственный социальный университет

Каллаев Нажмудин Омаркадиевич — д.м.н., профессор, Дагестанский государственный медицинский университет

Квасов Андрей Иванович — д.т.н., профессор, Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева

Корнеев Андрей Мастиславович — д.т.н., профессор, Липецкий государственный технический университет

Корягина Наталья Александровна — д.м.н., доцент, Пермский государственный медицинский университет им. ак. Е.А.Вагнера Министерства здравоохранения Российской Федерации

Кравец Бронислава Борисовна — д.м.н., профессор, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко Министерства здравоохранения Российской Федерации

Кулик Сергей Дмитриевич — д.т.н., доцент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Матвеев Всеволод Борисович — д.м.н., профессор, ФГБУ РОНЦ им. Н.Н. Блохина, член-корреспондент РАН

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Надежкин Сергей Михайлович — д.б.н., профессор, Всероссийский НИИ селекции и семеноводства овощных культур Россельхозакадемии

Овезов Алексей Мурадович — д.м.н., доцент, ГБУЗ МО Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского

Олейникова Светлана Александровна — д.т.н., доцент, Воронежский государственный технический университет

Рахимов Ильгизар Ильясович — д.б.н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Ромашкова Оксана Николаевна — д.т.н., профессор, Московский городской педагогический университет

Симаков Юрий Георгиевич — д.б.н., профессор, Московский государственный университет им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

Симоненков Алексей Павлович — д.м.н., профессор, независимый эксперт

Трапезов Олег Васильевич — д.б.н., в.н.с., ФИЦ «Институт цитологии и генетики СО РАН»

Федорова Оксана Ивановна — д.б.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Харитонов Михаил Анатольевич — д.м.н., профессор, Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

Царегородцев Анатолий Валерьевич — д.т.н., профессор, Московский государственный лингвистический университет redaktor3@nauteh.ru

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Общая биология

Король Е.В., Терешко Д.Л., Новицкая И.В., Печёнкина Л.А., Шаров Т.Н. — Оценка эффективности хроматографического разделения клеточных белков возбудителя мелиоидоза
Korol E., Tereshko D., Novitskaya I., Pechonkina L., Sharov T. — Evaluation of the efficiency of chromatographic separation of cellular proteins of the causative agent of melioidosis 7

Соловьёва Н.Г., Касько В.А., Кобзев В.Ф. — Корреляционная взаимосвязь полиморфизмов генов ACE, NOS3, BDKRB2 с функциональными показателями сердечно-сосудистой системы у спортсменов-борцов
Solovyova N., Kasko V., Kobzev V. — Correlation of polymorphisms genes ACE, NOS3, BDKRB2 with functional parameters of the cardiovascular system in athletes-wrestlers 14

Федосов Д.В., Щербинина Е.В., Меняйлова И.С., Жиляева А.Е., Денисов Е.А. — Поликистоз почек млекопитающих: описание трёх случаев у диких животных (морской котик, бенгальский тигр, леопард) и анализ данных патологоанатомического вскрытия
Fedosov D., Shcherbinina E., Menyaylova I., Zhilyaeva A., Denisov E. — Polycystic kidney disease in mammals: description of three cases in wild animals (fur seal, bengal tiger, leopard) and analysis of postmortem data.....21

Информатика, вычислительная техника и управление

Голя Р.Д. — Апробация модели для анализа данных рентгенографических исследований с автоматически настраиваемым коллиматором
Golia R. — Approbation of a model for analyzing x-ray data with an automatically configurable collimator 26

Ежицкая Д.Д. — Анализ сложности алгоритмов для квантовых нейросетей с использованием тензорных сетей
Ezhitskaya D. — Complexity analysis of algorithms for quantum neural networks using tensor networks...31

Завозкин С.Ю. — Информационная система контроля уровня знаний обучающихся, предоставляющая возможности проведения классического тестирования знаний и проверку знания SQL
Zavozkin S. — An information system for monitoring students' knowledge levels that provides capabilities for conducting classical knowledge testing and assessing SQL proficiency.....36

Зеляев А.Э. — Поиск оптимального принятия решений на основе теории Марковица, коэффициента Шарпа и критериев теории игр с природой
Zelyaev A. — Search for optimal decision-making based on Markowitz theory, the Sharpe ratio and criteria of game theory with nature 42

Канталинский-Родин А.Е. — Оценка цифровой зрелости ООВО
Kantalinskiy-Rodin A. — Assessing the digital maturity of HEIs 49

Койбаш А.А. — Программная реализация и симуляционное моделирование модифицированного алгоритма измерения для сенсорных систем
Koibash A. — Software implementation and simulation modeling of a modified measurement algorithm for sensor systems.....61

Комаров И.Д. — Ключевые подходы к автоматическому индексированию научных текстов ключевыми терминами на основе передовых методов и моделей векторных представлений
Komarov I. — Key approaches to automatic indexing of scientific texts with key terms based on advanced methods and vector representation models 68

Корниенко А.А., Бексаев Н.С. — Применение разложения по сингулярным значениям для повышения безопасности распределённых блокчейн-оракулов

Kornienko A. , Beksaev N. — Using singular value decomposition to improve the security of distributed blockchain oracles. 75

Кочубеев Н.С., Савельева З.В. — Адаптивная система управления секретами и доступом для микросервисной архитектуры в облаке
Kochubeev N., Savelieva Z. — Adaptive security and access management system for cloud-based microservices architecture 81

Крутохвостов И.Г., Крутохвостов Д.Г. — Построение модели системы управления знаниями kms для решения задач разработки по АСУ ТП
Krutokhvostov I., Krutokhvostov D. — Construction of a knowledge management system model (KMS) for solving problems of APCS development. 85

Лян Гаоюй, У Чжэнцзе — Исследование управления траекторным отслеживанием беспилотного воздушного суда на базе ПД-регулятора с прямой компенсацией
Liang Gaoyu, Wu Zhengjie — Trajectory-tracking control of an unmanned aerial vehicle based on a PD controller with feedforward compensation 91

Мадида Д.Ш., Иванов В.А., Крепак И.П. — Анализ эффективности многоканального пространственного маскирования речи в закрытых помещениях в целях противодействия утечкам аудиоинформации
Madida J., Ivanov V., Krepak I. — Analysis of the effectiveness of multi-channel spatial masking of speech in enclosed spaces in order to counteract leaks of audio information 99

Мадида Д.Ш., Иванов В.А., Крепак И.П. — Исследование эффективности белого, розового и адаптивного шумов при активном маскировании речи
Madida J., Ivanov V., Krepak I. — Investigation of the effectiveness of white, pink, and adaptive noise in active speech masking. 103

Мартынов Д.Ю., Чечеткина Н.В., Усманова Р.Р., Брижанин В.В. — Перспективные методы организации и автоматизации технологических процессов в сфере проектирования мусоросортировочных комплексов, перерабатывающих крупногабаритные отходы
Martynov D., Chechetkina N., Usmanova R., Brizhanin V. — Promising methods of organization and automation of technological processes in the field of design of waste sorting complexes processing large-sized waste 108

Нунэ Тигабу Абера — Анализ вариограмм пространственной изменчивости модуля деформации неоднородной почвы с использованием данных зондирования СРТ
Nune Tigabu Abera — Analysis of variograms of spatial variability of the deformation modulus of heterogeneous soil using CPT sensing data. 117

Палванов М.Р., Уварова Л.А. — Модифицированная ячеечная модель распространения звука в дисперсных средах с жидким наполнителем
Palvanov M., Uvarova L. — Modified cellular model of sound propagation in dispersed media with liquid filler. 124

Рейн Т.С. — Применение DLP-систем для защиты конфиденциальной информации: архитектура, методы мониторинга и оценка эффективности внедрения
Rein T. — The use of DLP systems to protect confidential information: architecture, monitoring methods, and evaluation of implementation effectiveness 134

Савин К.В. — Проблемы и пути решения импортозамещения программного обеспечения в беспилотных авиационных системах
Savin K. — Problems and prospective solutions for software import substitution in unmanned aerial systems 139

Сапогов А.А. — Методы декомпозиции как основа агрегирования
Sapogov A. — Decomposition methods as a basis for aggregation 147

Тарасов В.С. — Разработка адаптивных алгоритмов автоматизированного формирования управляющих решений в интеллектуальных системах управления остаточными знаниями персонала
Tarasov V. — Development of adaptive algorithms for automated formation of control decisions in intelligent systems for managing residual knowledge of staff 151

У Чжэнцзе, Лян Гаоюй — Разработка адаптивного алгоритма отказоустойчивого управления траекторным отслеживанием спускаемым аппаратом типа несущий корпус
Wu Zhengjie, Liang Gaoyu — Development of an adaptive algorithm for fault-tolerant trajectory tracking control of a lifting-body descent vehicle 156

Черников И.С., Болотнов А.М., Бронников С.А. — Комплексная методика многокритериальной оценки архитектурных стилей программного обеспечения
Chernikov I., Bolotov A., Bronnikov S. — A comprehensive methodology for multi-criteria assessment of software architectural styles 165

Якутина Н.В., Маслюков А.В., Егоров А.Б., Колесов Д.И., Рябчук А.П. — Разработка программного продукта с алгоритмом выбора вида спортивной деятельности для студентов на основе морфофункциональных показателей
Yakutina N., Maslyukov A., Egorov A., Kolesov D., Ryabchuk A. — Development of a software product with an algorithm for choosing the type of sports activity for a students based on morphofunctional indicators 174

Клиническая медицина

Абуладзе И.О., Бархударов А.А. — Применение искусственного интеллекта для предоперационного прогнозирования риска развития послеоперационного перитонита
Abuladze I., Barkhudarov A. — Application of artificial intelligence for preoperative prediction of the risk of developing postoperative peritonitis 179

Авраменко О.О., Клёмин В.А., Музычина А.А., Ворожко А.А. — Эволюция телестоматологических консультаций: анализ достижений и перспектив в мониторинге состояния полости рта
Avramenko O., Klemin V., Muzychina A., Vorozhko A. — The evolution of teledentistry consultations: an analysis of achievements and prospects in oral health monitoring 185

Безгласная В.А., Новикова Н.П., Мирзоева Р.К., Сиюхова Ф.Ш. — Влияние ортодонтических и ортопедических конструкций на микрофлору ротовой полости
Bezglasnaya V., Novikova N., Mirzoeva R., Siyukhova F. — The influence of orthodontic and orthopedic structures on the microflora of the oral cavity 190

Бердыш Д.С., Едыгова А.Б. — Вспомогательные репродуктивные технологии
Berdysh D., Yedygova A. — Assisted reproductive technologies 195

Бердыш Д.С., Едыгова А.Б. — Лечение гнойно-септических ран в современной хирургии
Berdysh D., Yedygova A. — Treatment of purulent-septic wounds in modern surgery 201

Богдасаров А.Ю., Давидян Л.Ю., Баев Д.С. — Особенности течения гестационного процесса, родов, послеродового периода и состояние новорожденных у женщин с варикозным расширением вен таза
Bogdasarov A., Davidyan L., Baev D. — Peculiarities of the Gestational Process, Labor, Postpartum Period, and the Condition of the Newborn in Women with Pelvic Varicose Veins 206

Вавилова А.О., Волков В.Г. — Прогнозирование ранних преждевременных родов у первородящих: анализ факторов риска
Vavilova A., Volkov V. — Predicting early preterm birth in nulliparous women: an analysis of risk factors 210

Васильева И.Я., Джабарова Т.Р. — Оценка эффективности выявления рака молочной железы при использовании скрининговой короткой МРТ молочных желез с внутривенным контрастированием и скрининговой цифровой рентгеновской маммографии с томосинтезом
Vasilyeva I., Dzhabarova T. — Evaluation of the effectiveness of breast cancer detection using screening short MRI of the mammary glands with intravenous contrast and screening digital X-ray mammography with tomosynthesis 214

Вопаев А.Р. — Оптимизация тактики ведения пар с мужским фактором бесплодия
Vopayev A. — Optimization of tactics for managing couples with male factor infertility 220

Ичмелян А.М., Богдасаров А.Ю., Давидян Л.Ю. — Сравнительная характеристика коморбидности в контексте уровня мелатонина у пациенток с идиопатическим бесплодием и неудачными попытками ЭКО
Ichmelyan A., Bogdasarov A., Davidyan L. — Comparative Characteristics of Comorbidity in the Context of Melatonin Levels in Patients with Idiopathic Infertility and Failed IVF Attempts 224

Кучай А.А., Липин А.Н. — Госпитальные и среднеотдаленные результаты применения гибридной методики хирургического лечения протяженной окклюзии поверхностной бедренной артерии в сочетании с поражением артерий голени при хронической ишемии, угрожающей потерей конечности
Kuchay A., Lipin A. — In-hospital and mid-term results of implementing the hybrid surgical technique for extended occlusion of the superficial femoral artery in combination with the lesion of crural arteries in chronic limb threatening ischemia 229

Лобанов Ю.С., Шаповалов К.Г., Лобанов С.Л., Лобанов Л.С., Аксенов К.О. — Потенциальная тромбоопасность газовой гипертензии при ретроперитонеальной эндохирургии
Lobanov Y., Shapovalov K., Lobanov S., Lobanov L., Aksenov K. — The potential danger of thrombosis in retroperitoneal endosurgery..... 237

Махта Фарзане, Анисимова А.В., Хейдари Ата, Зейди С.М., Явари Марйам — Оценка влияния окклюзионных накладок на структуру и функционирование зубочелюстной системы при лечении аномалии прикуса 2-го класса: цефалометрия и биомеханическое моделирование
Mahta Farzaneh, Anisimova A.V., Heidari Ata, Zeidi S.M., Yavari Maryam — Evaluation of the influence of occlusal onlays on the structure and functioning of the dentofacial system in the treatment of class 2 bite anomaly: cephalometry and biomechanical modeling 240

Осадчая Е.И., Целкович Л.С., Балтер Р.Б., Иванова Т.В., Ильченко О.А. — Варианты клинического и гормонального ответа репродуктивной оси женщин на аллостатическую нагрузку
Osadchaya E., Tselkovich L., Balter R., Ivanova T., Ilchenko O. — Variants of clinical and hormonal response of the female reproductive axis to allostatic load..... 246

Осипова Л.К., Колесникова Е.В., Жаров А.В. — Влияние дефицита железа на риск развития рецидива вульвовагинальных инфекций
Osipova L., Kolesnikova E., Zharov A. — The impact of iron deficiency on the risk of recurrence of vulvovaginal infections 254

Сазанов Г.В., Айдемиров А.Н., Сапельников О.В. — Эндоваскулярное бужирование окклюзированной инфаркт-ответственной коронарной артерии у пациентов с острым инфарктом миокарда с подъемом сегмента ST как метод предотвращения феномена невосстановленного коронарного кровотока
Sazanov G., Aydemirov A., Sapelnikov O. — Endovascular bougienage in patients with acute myocardial infarction with ST segment elevation..... 261

Сарычева Ю.А., Чернышева Т.В. — Прогностическая значимость изменений гематологических показателей и показателей гемостаза у больных ревматоидным артритом с антифосфолипидным синдромом
Sarycheva Yu., Chernysheva T. — Prognostic significance of changes in hematological parameters and hemostasis parameters in patients with rheumatoid arthritis and antiphospholipid syndrome 266

Улитовский С.Б., Калинина О.В., Старковский К.И. — Проблема стоматологической заболеваемости населения промышленных районов
Ulitovskiy S., Kalinina O., Starkovskii K. — The problem of dental disease in industrial areas 270

Наши авторы 274

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.19

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ХРОМАТОГРАФИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ КЛЕТОЧНЫХ БЕЛКОВ ВОЗБУДИТЕЛЯ МЕЛИОИДОЗА

EVALUATION OF THE EFFICIENCY OF CHROMATOGRAPHIC SEPARATION OF CELLULAR PROTEINS OF THE CAUSATIVE AGENT OF MELIOIDOSIS

E. Korol
D. Tereshko
I. Novitskaya
L. Pechonkina
T. Sharov

Summary. This article evaluates the effectiveness of various methods for isolating and concentrating protein fractions of intracellular components of the melioidosis pathogen.

The aim of the study was to compare the effectiveness of chromatographic methods for isolating individual protein fractions of intracellular components of the melioidosis pathogen using the antigenically complete *B. pseudomallei* 57576 strains as an example. *Methods*. The study involved a collection strain of the melioidosis pathogen, *B. pseudomallei* 57576, and fractions isolated from the original bacterial suspension. The B. strains were disinfected, and then the cellular components and virions were separated using anion exchange, hydrophobic interaction, and size-exclusion chromatography. The preparations were analyzed using polyacrylamide gel electrophoresis and ELISA. *Results*. Thirty fractions of the material containing various components of the original bacterial suspension were isolated and analyzed. Hydrophobic components of the bacterial mass demonstrated the highest activity in the ELISA method with specific immune sera from mice after hydrophobic chromatography with 5RPC sorbents (titer 1:400). Hydrophobic chromatography proved optimal for this task, as it allowed for the most efficient concentration and purification of fractions with immunological properties.

Keywords: melioidosis, chromatography, particularly dangerous infections, antigen.

Король Екатерина Васильевна
Научный сотрудник,
ФКУЗ Волгоградский научно-исследовательский противочумный институт, Роспотребнадзора
katherina.korol@mail.ru
Терешко Дмитрий Леонидович
Научный сотрудник,
ФКУЗ Волгоградский научно-исследовательский противочумный институт, Роспотребнадзора
dltereshko@gmail.com
Новицкая Ирина Вячеславовна
Ведущий научный сотрудник,
ФКУЗ Волгоградский научно-исследовательский противочумный институт, Роспотребнадзора
irvnov@mail.ru
Печёнкина Любовь Анатольевна
Научный сотрудник,
ФКУЗ Волгоградский научно-исследовательский противочумный институт, Роспотребнадзора
lyubov-vmu@yandex.ru
Шаров Тимур Николаевич
Старший научный сотрудник,
ФКУЗ Волгоградский научно-исследовательский противочумный институт, Роспотребнадзора
timursharov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена оценке эффективности различных способов выделения и концентрирования белковых фракций внутриклеточных компонентов возбудителя мелиоидоза.

Целью исследования был сравнительный анализ эффективности использования вариантов хроматографического метода для выделения отдельных белковых фракций внутриклеточных компонентов возбудителя мелиоидоза на примере полноценного в антигенном составе *B. pseudomallei* 57576. *Методы*. Объектом исследования служил коллекционный штамм возбудителя мелиоидоза *B. pseudomallei* 57576, а также фракции, выделенные из исходной бактериальной взвеси. Штаммы *B.* обеззараживали, затем компоненты клеток и вирионы разделяли методами анионообменной, гидрофобной и эксклюзионной хроматографии. Анализ препаратов проводили с помощью электрофореза в полиакриламидном геле и реакции ИФА. *Результаты*. Выделено и проанализировано 30 фракций материала, содержащих различные компоненты исходной бактериальной взвеси. Определено, что наибольшую активность в методе ИФА со специфическими иммунными сыворотками от мышей показали гидрофобные компоненты бактериальной массы после гидрофобной хроматографии с сорбентами «5RPC» (титр 1:400). Показано, что метод гидрофобной хроматографии оказался оптимальным для решения поставленной задачи, так как позволил наиболее эффективно сконцентрировать и очистить обладающие иммунологическими свойствами фракции.

Ключевые слова: мелиоидоз, хроматография, особо опасные инфекции, антиген.

Введение

Мелиоидоз и сап в соответствии с принятой в Российской Федерации номенклатурной терминологией относят к категории особо опасных инфекций, т.к. они вызваны возбудителями II группы патогенности [1], а также, согласно Международным медико-санитарным правилам (2005, приложение № 2), за счет того, что это «болезни, любое событие с которыми всегда оценивается как опасное, поскольку эти инфекции обнаружили способность оказывать серьезное влияние на здоровье населения», и «которые представляют собой особую национальную и региональную проблему», в том числе за счет «значительной распространённости тяжёлых форм и высокой летальности» [2].

В настоящее время протеомные методы, основанные на технологии жидкостной хроматографии, эффективно применяются при изучении фенотипических свойств бактерий, в том числе возбудителей особо опасных инфекций. В частности, комбинацию методов эксклюзионной и ионообменной хроматографии эффективно применяют для получения антигенных препаратов, используемых в серологической диагностике возбудителей бактериальных инфекций [3]. Кроме того, используя последующую концентрацию фракций методом фильтрации, а также детекцию компонентов с помощью электрофореза и вестерн-блоттинга, можно выявить белковые маркеры микроорганизмов, обладающие иммунологической активностью. Результаты данного исследования смогли поспособствовать как определению физико-химических свойств специфичных для возбудителя мелиоидоза белков, так и в перспективе получению высокоспецифичных чувствительных диагностикумов. Целью данной работы было определить эффективность использования различных вариантов жидкостной хроматографии для разделения компонентов клеточной взвеси возбудителя мелиоидоза на примере штамма *B. pseudomallei* 57576.

Материалы и методы

Для хроматографии использовали высушенные ацетоном клетки штамма *B. pseudomallei* 57576, которые суспендировали в 0,15 М растворе NaCl, после чего обрабатывали ультразвуком (22 кГц, 160 Вт, по 1 мин ×3 раза), а также механической дезинтеграции в гомогенизаторе (4000 об/мин, 10 сек. ×3 раза) и центрифугировали (15000 g, 25 мин). Супернатант пропускали через шприцевой фильтр 0,45 мкм. Гель-фильтрацию проводили на колонке объемом 240 мл, в качестве сорбента использовали Sephacryl S-100. Жидкой фазой служил фосфатно-солевой буфер (0,05М, 0,15 NaCl pH 7,5), скорость потока составляла 0,2 мл/мин. Колонку предварительно промывали 2 объемами 0,5 М раствором уксусной кислоты и 5 объемами 20 % этанола. Анионообменную хроматографию проводили на колонке объемом 45 мл, в качестве сорбента использовали DEAE-sephadex A-25. Жидкой фазой служил 0,05М раствор Tris-HCl (pH 8,5), скорость потока составляла 0,5 мл/мин. Для элюирования использовали градиент NaCl 0,05–0,8 М (0 %–100 % в течение 100 мл). Уравновешивание проводили 3 объемами 0,05М раствор Tris-HCl (pH 8,5). Обращено-фазную хроматографию проводили на двух видах сорбента. 1. На колонке объемом 2,5 мл, в качестве сорбента использовали 5RPC. Жидкой фазой служил раствор 10 мМ ацетат аммония в 2 %-м растворе ацетонитрила (pH 7,0), скорость потока составляла 0,5 мл/мин. Для элюирования использовали градиент 70 % ацетонитрила (0 %–100 % в течение 50 мл). 2. На колонке объемом 14 мл, в качестве сорбента использовали Phenyl-FF. Жидкой фазой служил раствор фосфатно-солевой буфер (0,05М, 0,15 $(NH_4)_2SO_4$ pH 7,5), скорость потока составляла 2 мл/мин. Для элюирования использовали градиент фосфатно-солевой буфер со снижением концентрации сульфата аммония (100 %–0 % в течение 100 мл) Фракции дополнительно концентрировали методом ультрафильтрации с использованием фильтра PM-10. Иммунологическую активность выделенных вирусных фракций определяли с помощью иммуноферментного анализа с сыворотками мышей (серия № 3898 в титрах 1/100–1/800 в МКБ.

Результаты

Электрофоретический анализ полученных фракций в сравнении с хроматограммами показан на рисунках 1–4.

Как видно из рисунка 1, фракции 1,2,3 и 4 показали присутствие наибольшего количества отдельных полос на электрофореграмме. Фракции 1 и 2, соответствующие отрицательно заряженным белковым компонентам демонстрировали две визуально чёткие полосы в районе 40 и 80 кДа, и менее заметные полосы в районе 12 и 30 кДа. На фракции 2 также присутствуют слабо выраженные полосы в районах 50 кДа и 70 кДа. Фракции 3 и 4, соответствуют началу элюции, концентрациям 0,15 М и 0,3 М градиентам NaCl, при этом какие-либо полосы на них полностью отсутствуют. Фракции 5,6,7 судя по картине электрофореграммы имеют практически идентичный состав, с убыванием концентрации компонентов: одна мажорная полоса на всех трёх фракциях, а также группа менее выраженных полос, исчезающих у фракции 7. В целом можно отметить достаточно слабое окрашивание полученных фракций нитратом серебра на электрофорезе, несмотря на высокую чувствительность метода.

Как видно из рисунка 2, разделение компонентов происходило в соответствии с используемым методом хроматографии: широкий пик гидрофильных компонентов в начале процесса и множество отдельных гидро-

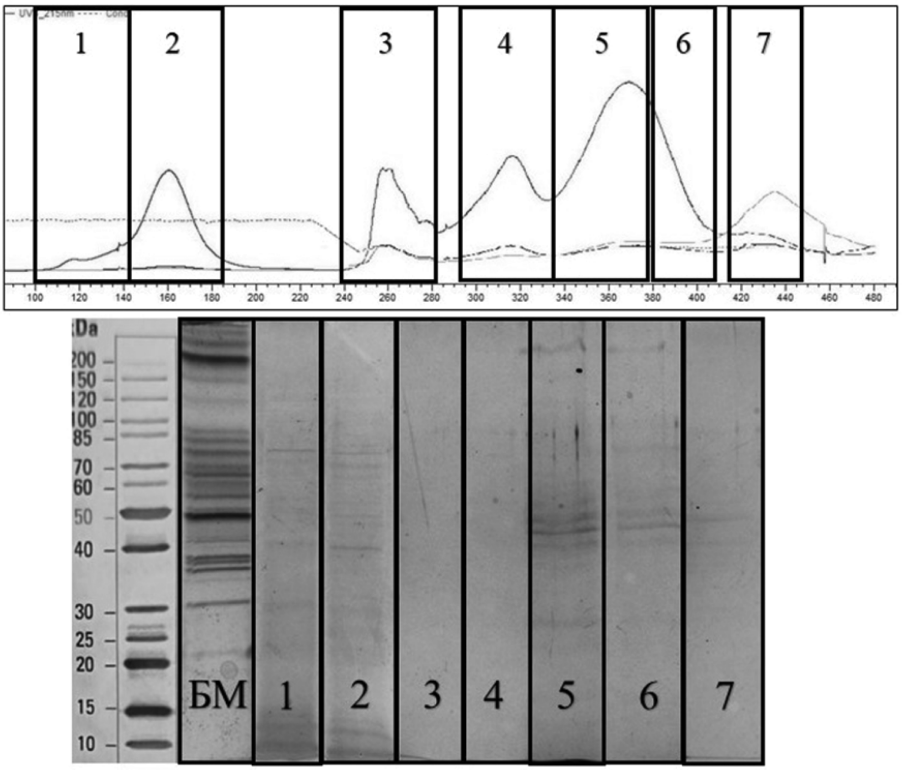

Рис. 1. Электрофореграмма различных фракций *Burkholderia pseudomallei* 57576 после разделения хроматографическим методом на сорбенте «DEAE-sephadex A-25». Фракции 1–7 получены после разделения методом анионообменной хроматографии. Слева от фракции 1 — клеточные белки *Burkholderia pseudomallei* 57576 для сравнения

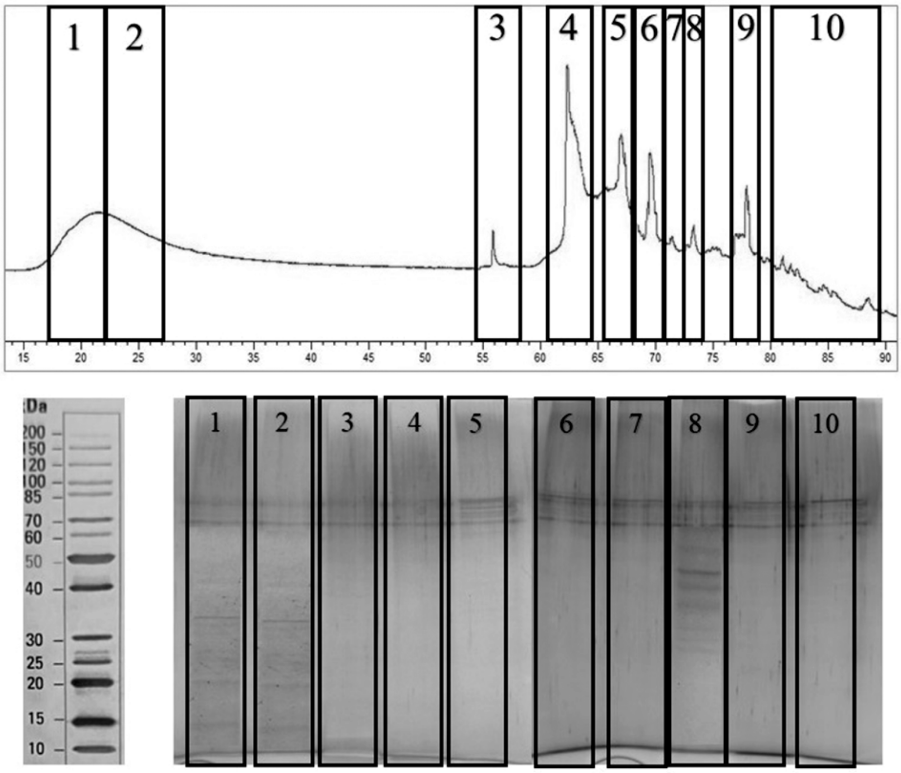

Рис. 2. Электрофореграмма различных фракций *Burkholderia pseudomallei* 57576 после разделения хроматографическим методом на сорбенте 5RPC

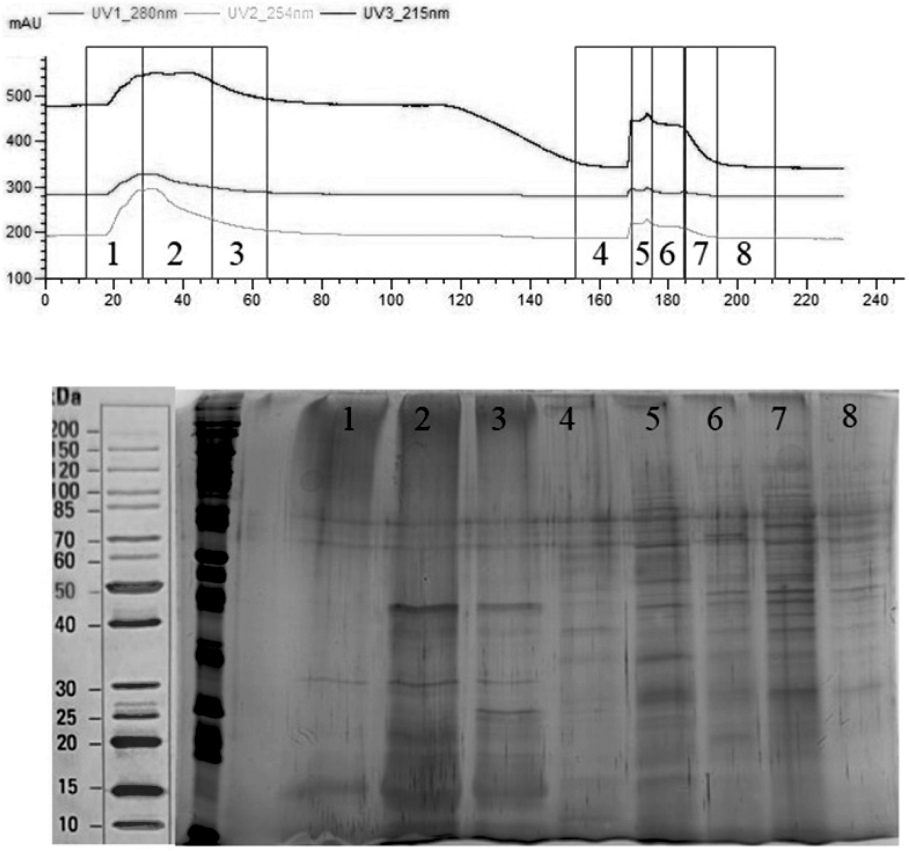

Рис. 3. Электрофореграмма различных фракций *Burkholderia pseudomallei* 57576 после разделения хроматографическим методом на сорбенте «Phenyl-FF»

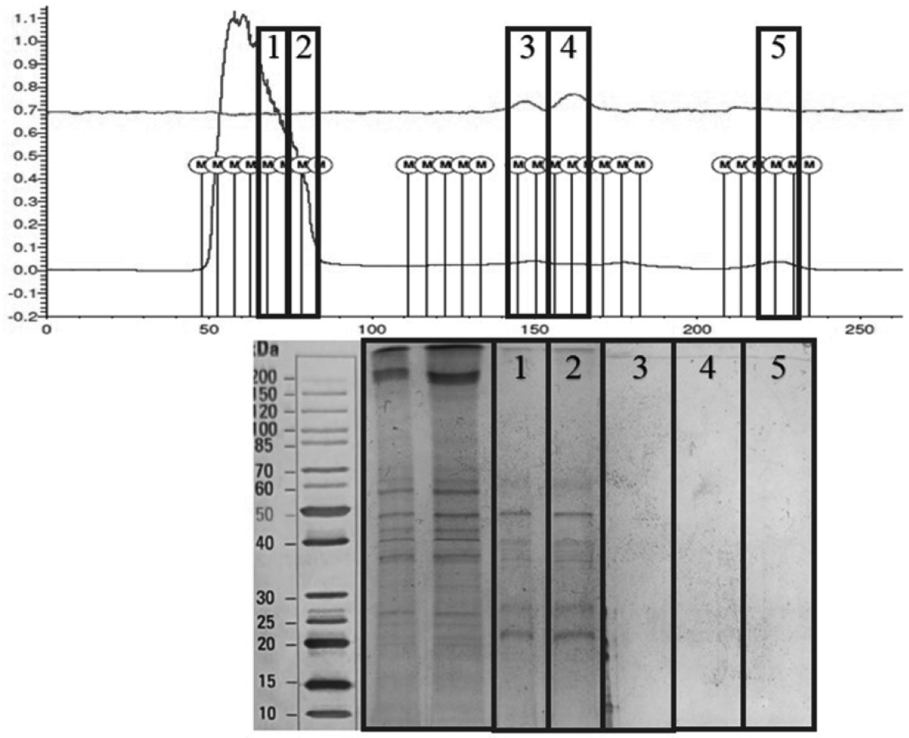

Рис. 4. Электрофореграмма различных фракций *Burkholderia pseudomallei* 57576 после разделения хроматографическим методом на сорбенте Sephacryl S-100. Фракции 1–5 получены после разделения методом гель-фильтрации. Слева от фракции 1 — клеточные белки *Burkholderia pseudomallei* 57576 для сравнения

фобных компонентов после начала элюции (55–90 мл). Однако на электрофореграмме практически нет полос в большинстве сконцентрированных фракций. Две полосы в районе 70 и 85 кДа, присутствующие на каждой дорожке, вероятнее всего соответствуют меркаптоэтанолу в лизирующем буфере. Однако на электрофореграммах 5–10 фракций присутствуют дополнительные линии в районе 83–84 кДа. Для 10 фракции данная полоса выражена наиболее чётко. Кроме того, во фракции 5 можно визуально заметны ещё несколько полос, находящихся между артефактными. Во фракциях 1 и 2 (гидрофильные белки) визуально заметны по три полосы (15, 20 и 35 кДа), отсутствующие у всех фракций гидрофобных белков. В целом для данного типа сорбента была характерна картина присутствия значительного количества отдельных пиков в процессе элюции раствором ацетонитрила. При этом слабая визуализация компонентов фракций на электрофорезе может быть объяснена их низкой итоговой концентрацией из-за малого объема колонки (2,5 мл) и соответственно малого объема разделяемой пробы (50 мкл).

Как видно из рисунка 3, все фракции после разделения на сефарозном сорбенте «Phenyl-FF» существенно отличались друг от друга. Как и в случае с окраской геля после разделения на сорбенте 5RPC, на электрофореграмме присутствуют две артефактные полосы в районе 70 и 85 кДа. Фракции 1,2,3, соответствующие подъему, вершине и «хвосту» пика гидрофильных соединений, имеют общие полосы в районе 15 и 30 кДа. Фракции 2 и 3 имеют общую мажорную фракцию в районе 42 кДа, у фракции 3 также присутствует полоса 25 кДа, которой нет у других фракций первого пика. Фракция 4 (начало элюции) содержала наименее визуально выраженные полосы в диапазоне 32–70 кДа. Фракции 5,6 и 7, соответствующие группе гидрофобных соединений, характеризовались наличием наибольшего числа отдельных электрофоретических полос практически на всём диапазоне масс до 150 кДа. Можно отметить, что гидрофильные компоненты в основном имели молекулярную массу до 50 кДа, в то время как гидрофобные — от 15 до 120 кДа.

Как видно из рисунка 4, на фракциях 1 и 2 визуально заметны 6 отдельных электрофоретических полос (20, 27, 37, 40, 50, 60 кДа). При этом обе фракции визуально идентичны, и по всей видимости принадлежать отдельному пику. Фракции 3,4 и 5, соответствующие 2,3 и 4 пикам на хроматографии, не показали присутствия на электрофореграммах каких-либо полос. В дальнейшем видится актуальной оптимизация условий проведения гель-фильтрации и внедрение её в качестве второго этапа хроматографического анализа.

Иммунологическая активность отдельных фракций указана в таблицах 1–4.

Таблица 1.

Оптическая плотность отдельных фракций после хроматографического разделения

	Номер фракции после хроматографии							
Титр сыворотки	1	2	3	4	5	6	7	8
1/800	0,08	0,111	0,091	0,08	0,077	0,09	0,076	0,112
1/400	0,123	0,216	0,138	0,111	0,122	0,113	0,112	0,175
1/200	0,212	**0,292**	0,217	0,217	0,174	0,196	0,16	0,25
1/100	**0,403**	**0,507**	**0,424**	**0,393**	**0,375**	**0,384**	**0,342**	**0,484**

B. pseudomallei 57576 на сорбенте Phenyl-FF. Сыворотка мышиная мелиоидозная № 3898 в титрах 1/100 — 1/800 в МКБ. ОПкрит. 0,258.

Как видно из таблицы 1, наибольшую иммунологическую активность в методе ИФА показала фракция 2, чья оптическая плотность соответствовала положительному результату в разведении 1:200. Данная фракция соответствует вершине пика выхода гидрофильных белков *B. pseudomallei* 57576. Как видно из рисунка 4, на электрофореграмме данная фракция идентична фракции 1, и содержит три слабые полосы (15, 20 и 35 кДа). При этом разница в иммунологической активности между фракциями 1 и 2, свидетельствует о наличии компонентов, не детектируемых на электрофореграмме. На следующем этапе предполагается оптимизация условий проведения электрофореза.

Таблица 2.

Оптическая плотность отдельных фракций после хроматографического разделения

Номер фракции после хроматографии							
Титр сыворотки	1	2	3	4	5	6	7
1/800	0,035	0,134	0,037	0,011	0,124	0,12	0,078
1/400	0,134	0,189	0,101	0,155	0,107	0,122	0,1
1/200	0,189	0,201	0,177	0,2	0,141	0,157	0,16
1/100	**0,319**	**0,431**	0,210	0,25	**0,294**	**0,266**	0,233

B. pseudomallei 57576 на сорбенте «DEAE-sephadex A-25». Сыворотка мышиная мелиоидозная № 3898 в титрах 1/100–1/800 в МКБ. ОПкрит. 0,258.

Как видно из таблицы 2, только 4 из 7 фракций проявили достаточно высокую иммунологическую активность в исследовании методом ИФА. При этом оптическая плотность фракций положительно заряженных белков, полученных в процессе элюирования, была заметно ниже плотности фракций, не связавшихся с сор-

бентом (в среднем 0,28 и 0,375, соответственно). Ни одна из фракций не проявила иммунологической активности в титре 1:200 или выше.

Таблица 3.

Оптическая плотность отдельных фракций после хроматографического разделения

	Номер фракции после хроматографии									
Титр сыворотки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1/800	**0,107**	**0,096**	**0,118**	**0,127**	0,101	**К-**	0,081	**К-**	0,114	**К-**
1/400	**0,161**	**0,121**	**0,172**	**0,193**	0,17	0,131	0,138	0,136	0,185	**0,286**
1/200	**0,275**	**0,205**	**0,317**	**0,347**	**0,315**	**0,259**	0,229	**0,261**	**0,359**	**0,593**
1/100	**0,602**	**0,452**	**0,586**	**0,637**	**0,537**	**0,508**	**0,44**	**0,463**	**0,668**	**0,993**

B. pseudomallei 57576 на сорбенте 5RPC. Сыворотка мышиная мелиоидозная № 3898 в титрах 1/100–1/800 в МКБ. ОПкрит. 0,258.

Как видно из таблицы 3, 8 из 10 фракций проявили достаточно высокую иммунологическую активность в исследовании методом ИФА. Наиболее активной проявила себя фракция 10, соответствующая комплексу нескольких пиков в завершающей фазе элюции ацетонитрилом (положительный результат с сывороткой в титре 1:400). Также данная фракция единственная имела очень чёткую полосу в районе 66 кДа на электрофорезе. Можно отметить существенную разницу между иммунологической активностью фракций в двух вариантах обращенно-фазной хроматографии (Phenyl-FF и 5RPC). При одинаковом по составу и концентрации исходном материале, в случае использования сорбента 5RPC получалось выделить большее количество активных фракций, при их очевидно, меньшей концентрацией на электрофореграмме. При использовании колонки с Phenyl-FF, наиболее активная фракция находилась в составе гидрофильных белков, а при использовании 5RPC — в составе гидрофобных белков. В целом все выделенные методом обращённо-фазовой хроматографии фракции, в отличии от фракций после анионообменной хроматографии, проявляли иммунологическую активность как минимум при титре сыворотки 1:100.

Как видно из таблицы 4, использование хроматографически очищенных антигенных комплексов в качестве сенситина, в отличие от водно-солевого экстракта дезинтегрированных ультразвуком клеток *B. pseudomallei* 57576, позволило повысить специфичность иммуноферментной реакции. Так, при использовании антигенов, полученных методом водно-солевой экстракции, перекрестные реакции были отмечены с сыворотками против *B. cepacia, B. thailandensis, B. mallei,* а также против некоторых видов *Pseudomonas* spp. Хроматографическое разделение антигенов возбудителя мелиоидоза, в частности, использование фракций 1, 3, 4 и 5, привело к устранению перекрестных реакций с сыворотками против *Pseudomonas* spp. и других близкородственных буркхолдерий, за исключением *B. mallei.* Вероятно, положительные результаты в ИФА между используемыми антигенами *B. pseudomallei* и сыворотками, направленными к возбудителю сапа обусловлены высокой степенью гомологий между этими бактериями. Вероятным решением проблемы может явиться получение и использование рекомбинантных антигенов, уникальных для возбудителя мелиоидоза.

Таблица 4.

Оптическая плотность отдельных фракций антигенов *B. pseudomallei* 57576 с сыворотками против близкородственных микроорганизмов в ИФА после хроматографического разделения на сорбенте Sephacryl S-100

Направленность сывороток	ВСЭ	1	2	3	4	5
Нормальная кроличья сыворотка	0,146	0,08	0,071	0,095	0,096	0,091
B. cepacia 25416	0,176	0,14	**0,26**	0,109	0,118	0,113
B. cepacia 5157	**0,63**	0,187	**0,271**	0,138	0,131	0,158
B. cepacia 8235	0,246	0,167	**0,347**	0,163	0,15	0,168
B. cepacia 8237	0,141	0,086	0,105	0,107	0,1	0,119
B. mallei 10230 (1)	**3,031**	**3,055**	**1,824**	**3,054**	**3,032**	**3,104**
B. mallei 10230 (2)	**3,059**	**3,063**	**1,682**	**3,072**	**3,063**	**3,102**
B. pseudomallei 110	**1,267**	**2,381**	**3,055**	**1,808**	**2,008**	**2,136**
B. pseudomallei 114	**0,722**	**2,033**	**3,034**	**1,209**	**1,24**	**1,21**
B. pseudomallei 57576 (1)	**1,006**	**1,435**	**0,329**	**0,634**	**0,712**	**0,753**
B. pseudomallei 57576 (2)	**1,706**	**1,194**	**0,415**	**0,7**	**0,724**	**0,666**
B. thailandensis смесь 4-х шт	**0,602**	0,114	0,059	0,118	0,111	0,109
P. aeruginosa H6 9220	0,109	0,077	0,061	0,084	0,087	0,104
P. pseudoalcaligenes 9036	**0,477**	0,071	0,09	0,096	0,097	0,096
P. stutzer 5158	**0,343**	0,097	0,126	0,139	0,163	0,252
Histoplasma capsulatum var. *capsulatum*	0,183	0,131	0,063	0,127	0,139	0,144

Заключение

В целом можно сказать, что хроматографический метод (в особенности гидрофобный вариант) показал эффективность при разделении всего пула клеточных белков *B. pseudomallei* на отдельные компоненты, в том числе и обладающие иммунологической активностью. При этом очевидно, что для выделения и очистки нативных антигенов, необходимо последовательное использование нескольких вариантов хроматографического разделения. Дальнейшим этапом будет получение конкретного белкового антигена с последующим масштабированием схемы хроматографии до препаративного уровня, а также сравнение иммунологических свойств нативного и рекомбинантного антигенов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Norman F.F., Chen L.H. Travel-associated melioidosis: a narrative review //Journal of Travel Medicine. — 2023. — V. 30. — №. 3. — P. taad039.
2. Hara Y. et al. Multiple-antigen ELISA for melioidosis-a novel approach to the improved serodiagnosis of melioidosis //BMC infectious diseases. — 2013. — V. 13. — P. 1–8.
3. Babaie M., Mosavari N., Fazilati M. Isolation and Purification of the *Burkholderia mallei* Antigenic Proteins and its use in diagnostic tests. Archives of Razi Institute. 2025;80(3):683–692. DOI: 10.32592/ARI.2025.80.3.683

© Король Екатерина Васильевна (katherina.korol@mail.ru); Терешко Дмитрий Леонидович (dltereshko@gmail.com);
Новицкая Ирина Вячеславовна (irvnov@mail.ru); Печёнкина Любовь Анатольевна (lyubov-vmu@yandex.ru);
Шаров Тимур Николаевич (timursharov@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.38

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИМОРФИЗМОВ ГЕНОВ ACE, NOS3, BDKRB2 С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ У СПОРТСМЕНОВ-БОРЦОВ

CORRELATION OF POLYMORPHISMS GENES ACE, NOS3, BDKRB2 WITH FUNCTIONAL PARAMETERS OF THE CARDIOVASCULAR SYSTEM IN ATHLETES-WRESTLERS

N. Solovyova
V. Kasko
V. Kobzev

Summary. The aim of the study was to identify the correlation between polymorphisms genes *ACE*, *NOS3* and *BDKRB2*, which are among the key molecular genetic links in the functional capabilities of the cardiovascular system, with diagnostic indicators of its performance in athletes-wrestlers and the risk of circulatory disorders. The study involved athletes-wrestlers (n=49) of different weight categories and different levels of sportsmanship (MSMC–MS–KMS–I category), as well as clinically healthy individuals (n=50) who are not professionally involved in sports. The study assessed the frequency of polymorphisms genes *ACE* (rs4646994 Alu I/D), *NOS3* (rs1799983 G894T; rs2070744 T786C) and *BDKRB2* (−9/+9), analyzed the state of the cardiovascular system by several functional parameters and determined correlations. The results of a comprehensive analysis of the frequency of polymorphisms genes *ACE*, *NOS3* and *BDKRB2* in athletes-wrestlers, depending on weight categories and level of athletic qualifications, showed that genotypes ACE DD+*NOS3* (894) GG+*NOS3* (786) TT+*BDKRB2* +9/+9 are more common in athletes-wrestlers of the high weight category of athletic qualifications. In contrast, polymorphisms genes of *ACE* ID+*NOS3* (894) GG+*NOS3* (786) TT+*BDKRB2* −9/+9 predominate in athletes-wrestlers of low weight categories of sports qualifications (MSMC–MS). Athletes-wrestlers of both hypersthenic and normosthenic physiques, but of a lower level of athletic qualification (KMS–I category), have no significant differences with the population occurrence of the studied genes. Polymorphic variants genes of the *ACE*, *NOS3* and *BDKRB2* have a high correlation with hemodynamic parameters (HR, BP, SV, HI, and blood circulation type; 0,751<r<1,0). Less advantageous variants of the «sports genes» are the combination *ACE* DD+*NOS3* (894) TT+*NOS3* (786)CC+*BDKRB2* +9/+9, the carriage of which may be a risk factor for stress on the cardiovascular system, which must be taken into account during medical and pedagogical control and individualization of the training process.

Keywords: correlation, gene polymorphisms, cardiovascular system, circulatory system, sports genes.

Соловьёва Наталья Геннадьевна
кандидат биологических наук,
УО Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Республика Беларусь, г. Минск
solnaty@mail.ru
Касько Валентина Анатольевна
кандидат ветеринарных наук, доцент, УО Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь, г. Минск
valentinakasko@yandex.by
Кобзев Вадим Фёдорович
кандидат медицинских наук, доцент, УО Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь, г. Минск
polockiyvf@gmail.com

Аннотация. Цель исследования заключалась в выявлении корреляционной взаимосвязи полиморфизмов генов *ACE, NOS3* и *BDKRB2*, являющихся одними из ключевых молекулярно-генетических звеньев функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы, с диагностическими показателями ее работоспособности у спортсменов-борцов и риском нарушений кровообращения. В исследовании приняли участие спортсмены-борцы (n=49) разных весовых категорий и разного уровня спортивного мастерства (МСМК–МС–КМС–I разряд), а также клинически здоровые лица (n=50), профессионально не занимающиеся спортом. В ходе исследования оценивалась частота встречаемости полиморфизмов генов *ACE* (rs4646994 Alu I/D), *NOS3* (rs1799983 G894T; rs2070744 T786C), *BDKRB2* (−9/+9), проводился анализ состояния сердечно-сосудистой системы по ряду функциональных параметров и определялись корреляционные взаимосвязи. Результаты комплексного анализа по частоте встречаемости полиморфизмов генов *ACE, NOS3, BDKRB2* у спортсменов-борцов в зависимости от весовых категорий и уровня спортивной квалификации показали, что у борцов высокой весовой категории спортивной квалификации (МСМК–МС) чаще встречаются генотипы *ACE* DD+*NOS3* (894)GG+*NOS3* (786)TT+*BDKRB2* +9/+9. У борцов низких весовых категорий спортивной квалификации (МСМК–МС), напротив, преобладают полиморфизмы генов *ACE* ID+*NOS3* (894)GG+*NOS3* (786)TT+*BDKRB2* −9/+9. Борцы как гиперстеничного, так и нормостеничного телосложения, но более низкого уровня спортивной квалификации (КМС–I разряд) не имели достоверных различий с популяционной встречаемостью исследуемых генов. Полиморфные варианты генов *ACE, NOS3, BDKRB2* имеют высокую корреляционную взаимосвязь с гемодинамическими показателями (ЧСС, АД, СО, СИ и типом кровообращения; 0,751<r <1,0). Менее выгодными вариантами «спортивных генов» выступает комбинация *ACE* DD+*NOS3* (894) TT+*NOS3* (786) CC+*BDKRB2* +9/+9, носительство которых может выступать фактором риска напряжения сердечно-сосудистой системы, что следует обязательно учитывать при врачебно-педагогическом контроле и индивидуализации тренировочного процесса.

Ключевые слова: корреляционная взаимосвязь, полиморфизмы генов, сердечно-сосудистая система, система кровообращения, спортивные гены.

Введение

Успешность в достижении высоких спортивных результатов и продление спортивного долголетия — одна из ключевых задач врачебно-педагогического контроля. Современные достижения в области спортивной физиологии и спортивной генетики и их комплексная реализации в спортивной практике позволяют на новом, более качественном уровне осуществлять контроль за сохранением здоровья спортсменов. В качестве прогностических критериев физических качеств и возможных факторов перенапряжения ведущих систем организма, лимитирующих физическую работоспоособность, в последние десятилетия активно используются ДНК-полиморфизмы [1; 2]. Однако, несмотря на признание ряда генов в наследственном предопределении физических возможностей и их благоприятствовании достижению высоких спортивных результатов актуальным остаётся вопрос выявления степени их корреляционных взаимосвязей с функциональными параметрами, применяемыми в медицинской диагностике, что позволило бы повысить эффективность врачебно-педагогического контроля и уже на начальных этапах спортивного отбора и спортивной подготовки выстраивать индивидуальную тактику и предопределять возможные факторы риска патологических нарушений на фоне интенсивных спортивных нагрузок.

Целью исследования явилось выявление корреляционной взаимосвязи полиморфизмов генов *ACE, NOS3* и *BDKRB2*, являющихся одними из ключевых молекулярно-генетических звеньев функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы, с диагностическими показателями её работоспособности у спортсменов-борцов и риском нарушений кровообращения.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие спортсмены-борцы (n=49), из числа которых были сформированы исследуемые группы (I и II).

В группу I вошли борцы низких весовых категорий (греко-римская борьба в диапазоне 60–67 кг, вольная борьба в диапазоне 57–65 кг; n=24). Данная группа I была ранжирована по уровню спортивной квалификации на две подгруппы: Ia (МСМК–МС; n=12) — спортсмены, имеющие спортивные звания мастера спорта международного класса (МСМК; n=2) и мастера спорта (МС; n=10); Ib (КМС–I разряд; n=12) — спортсмены, имеющие спортивные разряды кандидата в мастера спорта (КМС; n=8) и I спортивный разряд (I разряд; n=4).

В группу II вошли борцы более высоких весовых категорий (греко-римская борьба в диапазоне 97–130 кг, вольная борьба 97–125 кг; n=25;). С учетом уровня спортивной квалификации данная группа II также была подразделена на две подгруппы: IIa (МСМК-МС; n=12) — 3 мастера спорта международного класса и 9 мастеров спорта; IIb (КМС-I разряд; n=13) — 9 кандидатов в мастера спорта и 4 спортсмена с I спортивным разрядом. Средний возраст спортсменов в исследуемых группах составил 23,1±1,8 лет.

Для выявления популяционных различий в частотах встречаемости генотипов и аллелей изучаемых генов в группе профессиональных спортсменов результаты сравнивались с группой лиц, профессионально не занимающихся спортом (группа сравнения; студенты факультета физического воспитания БГПУ, не имеющие в анамнезе заболеваний сердечно-сосудистой системы; n=50), средний возраст которых составил 21,4±0,5 лет.

В рамках проводимого исследования определялись и оценивались следующие функциональные параметры: частота сердечных сокращений (ЧСС); артериальное давление (систолическое, АДс; диастолическое, АДд); систолический объём (СО), минутный объём кровообращения (МОК), сердечный индекс (СИ), индекс функциональных изменений (ИФИ) по общепринятым формулам; тип кровообращения, исходя из значений сердечного индекса (ТК; эукинетический тип включал диапазон СИ от 2,75 до 3,5 л/(мин·м^2), гипокинетический — менее 2,75 л/(мин·м^2), гиперкинетический — более 3,5 л/(мин·м^2)); тип саморегуляции кровообращения на основании экспресс-метода по соотношению величины диастолического артериального давления и частоты сердечных сокращений, умноженному на 100 (ТСК; «сосудистый» тип саморегуляции кровообращения соответствовал значениям ТСК>110 у.е., «сердечный» тип — ТСК менее 90 у.е., «смешанный сердечно-сосудистый» тип — ТСК от 90 до 110 у.е.).

В ходе молекулярно-генетического исследования анализировались частота встречаемости аллелей однонуклеотидных полиморфизмов генов *ACE (rs4646994 Alu I/D), NOS3 (rs1799983 G894T; rs2070744 T786C), BDKRB2 (–9/+9)* и их генотипов, а также были изучены и оценены их корреляционные взаимосвязи с функциональными параметрами сердечно-сосудистой системы.

Процедуру генотипирования осуществляли из буккального эпителия исследуемых лиц, собранного на основе их информированного согласия. Анализ ДНК-полиморфизмов проводили методом полимеразной цепной реакции (ПЦР) на амплификаторе Primus 96 advanced GRADIENT (Германия) с использованием рестрикторных эндонуклеаз (New England Biolabs, США). Для электрофоретической детекции продуктов генов использовали камеру для горизонтального электрофореза Compact XL 025–400 (Biometra, Германия). Результаты ДНК-локусов фиксировали с помощью системы ви-

зуализации и анализа изображений Biovision+1000/20M (Франция), включающую в себя трансиллюминатор CN–1000 Darkroom, высоко чувствительную фотокамеру и программное обеспечение Vision-Capt.

Статистическая обработка проводилась в программе Statistica 9.0. Описательная характеристика функциональных параметров представлена в виде медианы и интерквартильного размаха (Me (25 %; 75 %)).

Значимость различий в частотах встречаемости полиморфных вариантов генов между исследуемыми группами оценивали по критерию Фишера (φ). Степень корреляционной взаимосвязи между анализируемыми параметрами оценивали, как слабую при 0<r <0,25, как среднюю при 0,25<r<0,5, как сильную при 0,501<r<0,75 и как очень сильную при 0,751<r<1,0. Различия считали статистически значимыми при p<0,05.

Результаты и их обсуждение

Результаты молекулярно-генетического исследования, представленные в таблице 1, показали наличие во всех группах спортсменов-борцов всех трех из возможных генотипов гена *ACE* (II, ID и DD) с большей частотой встречаемости аллели D (64,6 % против 46,8 % в группе сравнения; φ=2,3; p<0,05). Распределение частот генотипов по гену *ACE* отклонялось от равновесия Харди-Вайнберга (χ^2=11,8), что отражает высокую прогностическую значимость данного гена для успешности в единоборствах. В частности, наиболее удачными выступают полиморфные варианты гена *ACE* по аллели D: общая встречаемость гомозигот по делеционной аллели среди всех спортсменов достигала 46,6 % (φ=2,2; p <0,05) с увеличением доли генотипа DD в группе спортсменов IIa высокой весовой категории более 60 % (φ=2,0; p <0,05) и увеличением носительства аллели D более 70% (φ=1,9; p <0,05). Более низкие частоты встречаемости генотипа *ACE* DD и аллели D, сопоставимые со степенью распространения в группе сравнения, были выявлены у борцов группы Ib низкой весовой категории и более низкого уровня спортивной квалификации (26,2 % и 48,6 % соответственно). В группе Ib-спортсменов также не было выявлено достоверных различий в частоте встречаемости генотипа *ACE* II и аллели I с группой сравнения: 24,8 % и 51,4 % против 28,4 % и 53,2 %, соответственно.

Учитывая известную роль гена *ACE* в проявлении выносливости и полиморфизма DD в проявлении силовых возможностей, указанные нами выше различия в распределении генотипов между спортсменами разных весовых категорий и особенно разного уровня квалификации согласуются с данными других исследователей [2; 3], а также подтверждают положительную взаимосвязь делеционного варианта этого гена в проявлении скоростно-силовых возможностей и гиперстеничности телосложения, показанную нами в более ранних исследованиях [4; 5].

Анализ частоты встречаемости полиморфизма гена *NOS3* по однонуклеотидной замене G894T (rs1799983) показал, что в целом во всех исследуемых группах спортсменов различных весовых категорий сходно с популяционной распространенностью, доминирующей является аллель G (84,8 % против 82,7 % в группе сравнения) и генотип GG (68,7 % против 70,3 % в группе сравнения) (таблица 1). Гетерозиготный вариант гена *NOS3* (GT) был отмечен у 28,5 % борцов, что сопоставимо с 25,4 % в группе здоровых лиц, профессионально не занимающихся спортом. Гомозиготный вариант полиморфизма гена *NOS3* (TT) составил очень незначительную величину: в целом 3,5 % среди борцов против 4,3 % встречаемости в группе сравнения. Не смотря на общую низкую встречаемость генотипа TT гена *NOS3* по полиморфизму G894T, рассматриваемого в качестве фактора риска ишемической болезни сердца, инфаркта миокарда, атеросклероза и сердечной недостаточности, следует акцентировать внимание на отмеченном возрастании доли лиц с данным генотипом среди гиперстеничных борцов из групп IIa и IIb: 4,9 % и 7,6 % против 1 % среди нормостеничных атлетов группы I (φ=1,8; p<0,05). Только среди высококвалифицированных борцов группы Ia низкой весовой категории не было выявлено генотипа TT гена *NOS3*. Особый интерес также вызывает факт увеличения доли гетерозиготных лиц до 43,8% в группе IIa высококвалифицированных борцов (МСМК–МС) высокой весовой категории (φ=2,34; p <0,05). Известно, что вариант T-аллели полиморфизма гена *NOS3* (rs1799983) может приводить к снижению активности NO-синтазы, уменьшению уровня NO и снижению проявления его вазодилаторного эффекта в регуляции сосудистого тонуса, менее эффективному кровоснабжению тканей с возрастанием кислородного долга, активацией анаэробного механизма ресинтеза АТФ и риском ишемизации тканей [5; 6; 7].

При сравнении частоты встречаемости генотипов и частот аллелей по полиморфизму T786C (rs2070744) в промоторной области гена *NOS3* отмечена сходная тенденция встречаемости с полиморфизмом G894T (rs1799983) (таблица 1). В частности, в группе IIa высококвалифицированных спортсменов высокой весовой категории по отношению с остальными группами спортсменов (Ia, Ib, IIb) и группой сравнения генотипы TC-CC встречались чаще (34,4 % и 11,9 % соответственно, φ=2,6; p<0,05), а генотип TT, напротив, в меньшей степени (53,7 % по сравнению с 74,2 % в группе Ia и 73,6 % в группе Ib, соответственно, φ=2,3; p<0,05). Кроме того, среди вышеуказанной категории спортсменов из группы IIa доля распределения генотипов по гену *BDKRB2* отражала преобладание полиморфного варианта *+9/+9* (46,1 %) по сравнению с вариантами –9/+9 (36,1 %) и –9/–9

Таблица 1.

Частота встречаемости генотипов и аллелей генов *ACE, NOS3, BDKRB2* у исследуемых групп

Генотипы / аллели	Борцы низкой весовой категории (группа I)		Борцы высокой весовой категории (группа II)		Все борцы	Группа сравнения
	Ia (МСМК–МС)	Ib (КМС–I разряд)	IIa (МСМК–МС)	IIb (КМС–I разряд)		
Ген *ACE*						
ACE II, %	13,6*	24,8#	11,2*	17,4	16,8	28,4
ACE ID, %	49,3	49	25,8*»	22,3*^	36,6	47,8
ACE DD, %	37,1*»#	26,2 ^	62,8*	60,3*	46,6*	23,8
I аллель, %	37,7*	51,4^#	24,2*	28,4*	35,4*	53,2
D аллель, %	62,3*#	48,6 ^	75,8*	71,6*	64,6*	46,8
Ген *NOS3 (rs1799983)*						
NOS3 -894 GG, %	78,1	80,3 ^	51,3*»	62,3	68,3	70,3
NOS3 -894 GT, %	21,9»	17,7 ^	43,8*	30,1#	28,5	25,4
NOS3 -894 TT, %	–	1,0	4,9»	7,6*^#	3,5	4,3
G аллель, %	89,4	88,2	78,7	83,1	84,8	82,7
T аллель, %	10,6»	11,8	21,3	16,9	15,2	17,3
Ген *NOS3 (rs 2070744)*						
NOS3 -786 TT, %	74,2*	73,6	53,7*»	60,7	65,6	62,5
NOS3 -786 TC, %	24,8	22,7	34,4»	30,8	28,3	33,4
NOS3 -786 CC, %	1*	3,7	11,9*»	8,5	6,1	4,1
T аллель, %	89,1*	83,2	76,4»	70,3	76,0	73,3
C аллель, %	10,9*	16,8	23,6	29,7	24,0	26,7
Ген *BDKRB2*						
BDKRB2 –9/–9, %	33,2	30,3	17,8*»#	26,6	26,9*	37,1
BDKRB2 –9/+9, %	36,4	39,7	36,1	51,2^	40,9	40,3
BDKRB2 +9/+9, %	30,4	30,0	46,1*»#	22,2	32,2*	22,6
–9 аллель, %	52,3	51,7	35,4*»#	54,8	50,5	54,3
+9 аллель, %	47,7	48,3	64,6*#	45,2	49,5	45,7

Примечание: * — различия показателей по отношению к группе сравнения статистически значимы; « — различия показателей между группами борцов разных весовых категорий (Ia и IIa) статистически значимы; ^ — различия показателей между группами борцов разных весовых категорий (Ib и IIb) статистически значимы; # — различия показателей между группами борцов разных квалификаций, но одной весовой категории (Ia и Ib/IIa и IIb) статистически значимы (критерий Фишера φ, p<0,05).

(17,8 %). Генотип *+9/+9* гена *BDKRB2* рассматривается в качестве менее выгодного варианта в функциональном плане, предопределяющего большее напряжение сердечно-сосудистой системы и риск развития первичной артериальной гипертензии, особенно у мужчин [6]. По данным ряда авторов установлено, что носительство генотипа +9/+9 сопряженно с выраженной гипертрофией миокарда левого желудочка и большим диапазоном уровня артериального давления [8; 9]. Вместе с тем, в спортивном аспекте доказана положительная прогностическая значимость генотипа +9/+9 *BDKRB2* в проявлении скоростно-силовых возможностей, усилении анаэробных метаболических процессов в скелетной мускулатуре и большем приросте мышечной массы [2; 3; 9].

При оценке функциональных показателей системы кровообращения у исследуемых групп была выявлена неоднородная картина изменений. Так, в группе IIа высококвалифицированных спортсменов высокой весовой категории был отмечен более высокий диапазон ЧСС, АДс и АДд на фоне более низкого показателя СО (p <0,05) (таблица 2). Особый интерес вызвал тот факт, что при сохранении большего значения МОК у высококвалифицированных борцов группы IIа эффективное кровоснабжение у них достигалось за счет превалирования хронотропного сердечного компонента (ЧСС>СО), тогда как у борцов из группы Iа сходного уровня спортивного мастерства, но меньшей весовой категории, МОК обеспечивался практически равным соотношением инотропного и хронотропного компонентов посредством большей силы и объёма при меньшей частоте сердечных сокращений (ЧСС≈СО). Кроме того, в группе II спортсменов гиперстеничного телосложения значения ИФИ составили более 2,6 у.е. (2,8 и 2,6 против 2,4 и 2,1 у нормостеничных борцов группы I соответственно; p <0,05), что отражает некоторое напряжение адаптационных возможностей организма и компенсаторно-приспособительных механизмов системы кровообращения. Среди борцов высокой весовой категории квалификации МС–МСМК, несмотря на преобладание характерного для тренированных лиц адаптационного «сосудистого» типа саморегуляции кровообращения (ТСК>110 у.е.), отмечался самый высокий процент лиц с гиперкинетическим типом кровообращения: ТК более 3,5 л/мин·м^2 имели 32,2 % против 13,7 % в группе спортсменов с более низким уровнем мастерства КМС–I разряд и против 9,2 % в группе борцов низкой весовой категории (p<0,05).

Выявленный факт имеет особую значимость при оценке резервных возможностей сердечно-сосудистой системы у спортсменов, тренирующихся на развитие скоростно-силовых качеств. В частности, показано, что артериальная гипертензия, сопряженная на этапах своего прогрессирования преимущественно с «сердечным» типом саморегуляции и гиперкинетическим типом кровообращения, при своём дебюте может проявляться именно «сосудистым» типом саморегуляции [10]. В дальнейшем по мере отягощения артериальной гипертензии происходит снижение эластичности и повышение жесткости сосудов, в силу чего «сосудистый» гипотонический компонент уступает свои позиции все большему превалированию менее экономичного «сердечного» компонента (ТСК<90) с доминированием гиперкинетического типа гемодинамики. В кардиалгической практике для начальной прогностической оценки риска сердечно-сосудистых патологий все большее внимание уделяется не столько типу гемодинамики, имеющему важное значение именно в подборе рациональной антигипертензивной фармакотерапии, сколько пульсотонометрическому контролю, а именно выявлению лиц с высоким нормальным АДс [130–139] и АДд [85–89] для исключения маскированной формы артериальной гипертензии [10; 11].

В этой связи, отмеченный нами факт наличия частых сердечных сокращений и высокого нормального АД у спортсменов МСМК–МС из группы IIа (таблица 2) и боль-

Таблица 2.

Функциональные показатели системы кровообращения у исследуемых групп (Me (25 %; 75 %))

Показатель	Группы					p_{Ia-Ib}	p_{Ia-IIa}	$p_{IIa-IIb}$	p_{Ib-IIb}
	Ia (МСМК–МС)	Ib (КМС–I разряд)	IIa (МСМК–МС)	IIb (КМС–I разряд)	Группа сравнения				
ЧСС, уд/мин	66,0 (59,0; 76,0)	70,0 (61,0; 74,0)	82,0 * (68,0; 92,0)	78,0* (68,0; 88,0)	70,0 (64,0; 77,0)	>0,05	<0,05	>0,05	>0,05
АДс, мм.рт.ст.	126,0 (122,0; 132,0)	122,0 (116,0; 128,0)	134,0* (124,0; 142,0)	128,0 (119,0; 136,0)	122,0 (119,0; 130,0)	>0,05	<0,05	>0,05	<0,05
АДд, мм.рт.ст.	73,0 (70,0: 84,0)	76,0 (72,0; 82,0)	92,0* (82,0; 99,0)	85,0 (78,0; 91,0)	79,0 (72,0; 81,0)	>0,05	<0,05	>0,05	<0,05
СО, мл	66,9* (59,8; 71,2)	64,7 (53,8; 70,8)	56,6* (45,8; 68,3)	61,4 (53,5; 69,3)	60,5 (54,1; 67,5)	>0,05	<0,05	<0,05	>0,05
МОК, л/мин	4,4 (3,6; 4,9)	4,2 (3,2; 5,2)	4,5* (2,9; 6,0)	4,7* (3,4; 6,1)	4,1 (3,4; 4,8)	>0,05	>0,05	>0,05	<0,05
СИ, л/мин•м^2	2,4 (2,0; 2,9)	2,3 (1,8; 2,9)	2,7 (1,8; 3,6)	2,5 (2,1; 2,8)	2,3 (1,9; 2,7)	>0,05	>0,05	>0,05	>0,05
ИФИ, у.е.	2,4 (2,0; 2,7)	2,1 (1,8; 2,4)	2,8* (2,4; 3,2)	2,6* (2,2; 3,1)	2,1 (1,8; 2,2)	>0,05	<0,05	>0,05	<0,05
ТСК	108,5 (100,6; 118,9)	107,7 (99,6; 117,4)	114,3* (104,3; 125,0)	110,3 (94,3; 125,0)	109,8 (98,7; 120,3)	>0,05	<0,05	>0,05	>0,05

Примечания: * — различия показателей по отношению к группе сравнения статистически значимы; p_{Ia-Ib} — уровень достоверности различий показателей между спортсменами (низкой весовой категории) группы I; p_{Ia-IIa} — уровень достоверности различий показателей между группами высококвалифицированных спортсменов низкой и высокой весовой категории; $p_{IIa-IIb}$ — уровень достоверности различий показателей между спортсменами (высокой весовой категории); p_{Ib-IIb} — уровень достоверности различий показателей между группами спортсменов низкой и высокой весовой категории.

шая частота встречаемости у них «неблагоприятных» генотипов *ACE DD, NOS3* (894)TT, *NOS3* (786)CC, *BDKRB2* +9/+9 по линии риска нарушения гемодинамики (таблица 1) требует наиболее пристального врачебно-педагогического контроля за динамикой их функционального состояния, особенно на пике тренировочно-соревновательной нагрузки.

Матрица корреляционных взаимосвязей, представленная в таблице 3, подтверждает наличие внутригрупповых различий между генотипами генов *ACE, NOS3* и *BDKRB2* с функциональными параметрами сердечно-сосудистой системы.

В частности, лица с генотипами *ACE* DD, *NOS3* (894)TT, *NOS3* (786)CC и *BDKRB2* +9/+9, ассоциированными с патологическими изменениями в деятельности сердечно-сосудистой системы, характеризовались большими значениями ЧСС и АД при высоких коэффициентах положительной корреляции (r=0,68 и r=0,78 соответственно; p<0,05) и меньшими значениями СО при высоких коэффициентах отрицательной корреляции (r=-0,84; p<0,05). Среди высококвалифицированных борцов низкой весовой категории встречаемость аллели D гена *ACE*, аллели T (rs179998) и аллели C (rs 2070744) гена *NOS3*, аллели +9 гена *BDKRB2* по сравнению с кагортой спортсменов высокой весовой категории была самая низкая (таблица 1). Спортсмены с генотипами *ACE* II, *NOS3* (894)GG, *NOS3* (786)TT и BDKRB2 –9/–9, напротив, характеризовались меньшими значениями ЧСС и АД (r=-0,28 и r=0,36 соответственно; p<0,05) и большими значениями СО (r=0,78; p<0,05).

Учитывая полученные результаты по корреляционному анализу, а также известное влияние отдельных полиморфизмов генов *ACE, NOS3* и *BDKRB2* на структурно-функциональные перестройки в деятельности сердечно-сосудистой системы по типу формирования выраженной D-гипертрофии сердца с риском развития гипертрофической кардиомиопатии, с повышением жесткости сосудистого звена в регуляции кровотока и большим сосудистым напряжением, можно предположить, что борцы гиперстеничного телосложения по сравнению с борцами нормостеничного телосложения имеют большую генетическую предопределенность к нарушению системы кровообращения и сердечно-сосудистым изменениям.

Заключение

Таким образом, комплексный анализ полученных результатов позволил определить структурную картину комбинаций полиморфизмов генов *ACE*, *NOS3* и *BDKRB2* у представителей спортивной борьбы с учетом уровня их квалификации и особенностей весовой категории. У борцов высокой весовой категории спортивной квалификации (МСМК–МС) отмечается наибольшая встречаемость генотипов *ACE* DD+*NOS3* (894) GG+*NOS3* (786) TT+*BDKRB2* +9/+9. У борцов низких весовых категорий спортивной квалификации МСМК–МС, напротив, преимущественными выступают полиморфизмы генов *ACE* ID+*NOS3* (894)GG+*NOS3* (786)TT+*BDKRB2* –9/+9. Борцы как гиперстеничного, так и нормостеничного телосложения, но более низкого уровня спортивной квалификации (КМС–I разряд) практически не имели статистически достоверных различий с популяционной встречаемостью исследуемых генов.

Корреляционный анализ полиморфизмов генов *ACE, NOS3* и *BDKRB2* с гемодинамическими параметрами показал наиболее высокую степень их взаимосвязи с диапазоном изменения ЧСС, АД, СО, СИ и типом кровообраще-

Таблица 3.

Матрица корреляционных взаимосвязей генотипов генов ACE, NOS3 и BDKRB2 с функциональными параметрами сердечно-сосудистой системы

Параметр	Коэффициент корреляции (r)											
	ACE			*NOS3 (G894T)*			*NOS3 (T786C)*			*BDKRB2*		
	II	*ID*	*DD*	*GG*	*GT*	*TT*	*TT*	*TC*	*CC*	*–9/–9*	*+9/–9*	*+9/+9*
ЧСС	–0,28	0,41	0,66	–0,35	0,38	**0,75**	–0,33	0,48	0,71	–0,15	0,43	0,63
АД	0,31	0,55	**0,78**	0,27	0,64	**0,81**	0,37	0,52	0,73	0,35	0,56	**0,79**
СО	0,78	-0,3	**–0,88**	0,82	–0,22	**–0,91**	0,88	–0,26	**–0,82**	0,67	–0,19	**–0,78**
МОК	0,22	0,34	0,51	0,41	0,36	0,31	0,42	0,30	0,23	0,31	0,30	0,36
СИ	0,41	0,59	0,69	0,38	0,51	0,71	0,41	0,57	**0,78**	0,21	0,42	0,67
ИФИ	0,29	0,39	0,68	0,24	0,36	0,41	0,34	0,42	0,48	0,32	0,38	0,42
ТК	0,31	0,41	0,72	0,12	0,38	**0,84**	0,28	0,65	**0,82**	0,21	0,42	**0,76**

ния (0,751<r <1,0); в меньшей степени с величинами МОК и индексом функциональных изменений (0,25<r<0,5). Выявлена также отличающаяся корреляционная плеяда, отражающая достаточный риск напряжения сердечно-сосудистой системы и проявление менее выгодного типа регуляции кровообращения при варианте «спортивных генов» в комбинации *ACE* DD+*NOS3* (894)TT+*NOS3* (786) CC+*BDKRB2* –9/–9, что следует обязательно учитывать при врачебно-педагогическом контроле и индивидуализации тренировочного процесса.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mattson C.M., Wheeler M.T., Waggott D. Sports genetics moving forward: lessons learned from medical research // Physiological Genomics. 2016. Vol. 48(3). P. 175–182.
2. Ahmetov I.I., Fedotovskaya O.N. Current progress in sports genomics // Advances in Clinical Chemistry. 2015. Vol. 70. P. 247–314.
3. Гилеп И.Л., Гайдукевич И.В., Шераш Н.В., Гилеп А.А. Анализ частоты встречаемости аллельных вариантов отдельных генов у спортсменов высокого класса в циклических видах спорта // Прикладная спортивная наука. 2020. № 1(11). С. 36–44.
4. Соловьёва Н.Г., Кобзев В.Ф., Касько В.А. Генетические полиморфизмы в оценке физических возможностей и функциональных рисков: аналитический обзор // Весці БДПУ. Серыя 3. 2024. № 1(119). С. 68–74.
5. Соловьёва Н.Г., Касько В.А., Кобзев В.Ф., Гробовикова И.Ю. Взаимосвязь полиморфизмов генов ACE, NOS3, MTHFR, PPARA, PPARG, PPARGC1A с фенотипическими особенностями физического развития и риском напряжения системы кровообращения у спортсменов-борцов // Актуальные медико-биологические проблемы спорта и физической культуры : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 25-26 февр. 2025 г. / под общей ред. Горбачевой В.В., Борисенко Е.Г., Смирновой А.А. Волгоград, 2025. Ч. 1. С. 86–95.
6. Булгак А.Г. Роль генетического полиморфизма в развитии инфаркта миокарда среди мужчин из Республики Беларусь // Медико-биологические проблемы жизнедеятельности. 2021. № 1(25). С. 102–112.
7. Груздева А.А. Полиморфизм генов NOS3 rs1799983, AGTR2 rs1403543 и стратификация риска сердечно-сосудистых осложнений у больных ишемической болезнью сердца // Вятский медицинский вестник. 2021. №1(69). С. 4–10.
8. Stafford F., Thomson K., Butters A., Ingles J. Hypertrophic cardiomyopathy: Genetic testing and risk stratification // Curr.Cardiol.Rep. 2021.Vol. 23(9). doi: 10.1007/s11886-020-01437-4.
9. Коломейчук С.Н. Ассоциация полиморфных вариантов генов ACE и BDKRB2 с параметрами вариабельности сердечного ритма у спортсменов Республики Карелии // Вестник РГМУ. 2017. № 4. С. 50–58.
10. Хурса Р.В. Линейные зависимости в параметрах артериального давления: обоснование и применение для определения гемодинамического фенотипа / Р.В. Хурса, М.В. Войтикова // Здравоохранение. 2021. № 3. С. 44–55.
11. Войтикова М.В. Возможности классификации гемодинамических состояний методом линейной регрессии параметров артериального давления / М.В. Войтикова, Р.В. Хурса // Технологии живых систем. 2020. Т. 17, № 3. С. 34–45.

© Соловьёва Наталья Геннадьевна (solnaty@mail.ru); Касько Валентина Анатольевна (valentinakasko@yandex.by);
Кобзев Вадим Фёдорович (polockiyvf@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.42

ПОЛИКИСТОЗ ПОЧЕК МЛЕКОПИТАЮЩИХ: ОПИСАНИЕ ТРЁХ СЛУЧАЕВ У ДИКИХ ЖИВОТНЫХ (МОРСКОЙ КОТИК, БЕНГАЛЬСКИЙ ТИГР, ЛЕОПАРД) И АНАЛИЗ ДАННЫХ ПАТОЛОГОАНАТОМИЧЕСКОГО ВСКРЫТИЯ

POLYCYSTIC KIDNEY DISEASE IN MAMMALS: DESCRIPTION OF THREE CASES IN WILD ANIMALS (FUR SEAL, BENGAL TIGER, LEOPARD) AND ANALYSIS OF POSTMORTEM DATA

D. Fedosov
E. Shcherbinina
I. Menyaylova
A. Zhilyaeva
E. Denisov

Summary. Polycystic kidney disease (PKD) is a genetically determined disorder characterized by cystic lesions in the kidneys and other parenchymal organs. PKD has been described in humans and various domestic animals, including species from the orders Artiodactyla, Perissodactyla, Carnivora, Rodentia, and Primates. The prevalence of PKD among wild animals is currently unknown, with only isolated cases reported in the literature. This study reports three previously undescribed cases of PKD in wild animals: a sea lion, a Bengal tiger, and a leopard. Post-mortem pathological data from these animals allow evaluation of intra-species variability in PKD symptomatology. A comparative analysis of PKD symptoms across different mammalian species is presented.

Keywords: polycystic kidney disease, genetic disorders, mammals, Bengal tiger, leopard, seal.

Федосов Дмитрий Валерьевич
Директор, Центр селекционно-племенных исследований и ДНК-технологий «Племген», г. Воронеж
Щербинина Екатерина Викторовна
ветеринарный врач, главный врач, «Зооцентр Ника», г. Воронеж
zoonika@yandex.ru
Меняйлова Ирина Сергеевна
кандидат биологических наук, ветеринарный врач 1 категории, БУВО Воронежская областная ветеринарная лаборатория
Жиляева Анастасия Евгеньевна
ФГБСУ ВО Воронежский государственный аграрный университет
Денисов Егор Алексеевич
Биоинформатик, Учебный центр Научный Центр Профессионального Образования, г. Москва; Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф Морозова

Аннотация. Поликистоз почек (ПП) — генетически обусловленное заболевание, характеризующееся кистозными поражениями почек и других паренхиматозных органов. ПП описан у человека и различных домашних животных, включая виды из отрядов парнокопытных, непарнокопытных, хищных, грызунов и приматов. Распространённость ПП среди диких животных на данный момент неизвестна; в литературе описаны лишь единичные случаи. В работе представлены три ранее не описанных случая ПП у диких животных: морской котик, бенгальский тигр и леопард. Патоморфологические данные вскрытия позволяют оценить внутривидовые особенности симптоматики ПП. Приводится сравнительный анализ симптоматики ПП у разных видов млекопитающих.

Ключевые слова: поликистоз почек, генетические заболевания, млекопитающие, бенгальский тигр, леопард, морской котик.

Введение

Поликистоз почек (ПП) — генетически обусловленное заболевание млекопитающих, характеризующееся врождённым кистозным поражением обеих почек и других паренхиматозных органов. Наследуется аутосомно-доминантным или аутосомно-рецессивным типом. Данная патология описана у человека, других приматов и всех домашних животных, включая грызунов. Однако распространённость и статистика ПП у диких животных неизвестны: в литературе встречаются лишь отдельные случайные находки [13].

На сегодняшний день можно постулировать, что ПП описан у большинства отрядов млекопитающих, исходя из статистики по домашним животным. К ним относятся: приматы и человек; парнокопытные — свинья, корова, мелкий рогатый скот [10]; непарнокопытные — лошади, ослы [5]; хищные — собаки [9] и кошки [7] (см. рис. 1); грызуны — кролики [11] и лабораторные крысы [12].

В литературе отсутствуют данные по морским млекопитающим, медведям, виверовым, крупным кошкам, слонам (афротериям), рукокрылым и другим группам.

Рис. 1. Фото сделано на УЗИ-аппарате Sono Touch 10, Зооцентр Ника. Демонстрирует ПП у кошки

Обычно описание данной патологии проводится в пределах отдельного вида (например, поликистоз почек у человека, у кошек [7] (см. Рисунок 1) и т. д.). Такой подход значительно ограничивает исследование заболевания, которое на данный момент не имеет лечения, а многие звенья его патогенеза остаются недостаточно изученными.

Межвидовое исследование позволяет получить более широкий спектр информации и, с другой стороны, определить место данной нозологической единицы на эволюционной шкале. Если рассматривать ПП как заболевание всех млекопитающих, что подтверждается приведёнными выше примерами, возникает вопрос: обладал ли ПИП (последний известный предок) млекопитающих данной патологией и передал её потомкам, или же это результат действия закона Вавилова о гомологических рядах [3].

Современные генетические подходы направлены на выявление всех генов, вызывающих ПП у человека и животных, однако эта задача пока не решена. На сегодняшний день у человека известно шесть генов, ассоциированных с ПП: PKD1, PKD2, PKHD1, DZIP1L, GANAB, ALG9, DNAJB11, при этом примерно 10 % случаев имеют неизвестную генетическую природу [6]. В научной литературе эти случаи иногда объединяют в гипотетический «виртуальный» ген PKD3. У домашних животных описаны лишь два гена — PKD1 и PKD2. Подобное отставание объясняется не отсутствием других генов, а недостаточной изученностью.

Некоторые виды животных (например, крысы и свиньи) используются как модельные для изучения ПП человека, однако это виды, подвергающиеся селекции. В связи с этим характеристики и свойства генов ПП, специфика наследования и статистика заболевания у видов, проходящих естественный отбор, остаются неизвестными. Эти сведения важны как для генетиков (при анализе длины рамки считывания, локализации мутаций, построении филогенетических деревьев и выявлении родственных связей генов), так и для клиницистов. Учёт частоты и вариаций симптомов течения ПП у разных видов расширяет представление о связи конкретных мутаций с клиническими проявлениями заболевания.

В этом контексте особое значение имеет диагностика ПП у диких животных с последующим генетическим тестированием. Для этого особенно подходят виды, содержащиеся в неволе — в цирках, зоопарках, океанариумах, дельфинариях и т.п.

Изучение филогении генов ПП у различных видов млекопитающих представляет не только академический интерес. При подборе модельных животных для изучения ПП, тестировании медикаментов и других методов лечения, а также при трансплантации органов важно учитывать гомологичные мутации, наиболее близкие к человеческим. Расширение перечня модельных видов позволит решать эти задачи более эффективно.

В настоящей работе представлены три случая обнаружения ПП у экзотических животных — представителей семейств: морской котик, бенгальский тигр и леопард-меланист (без уточнения подвида). Поликистоз почек ранее был описан у кошачьих [7], однако для ластоногих данный случай является первым зарегистрированным.

Следует отметить, что в научной литературе отсутствуют обзорные публикации, посвящённые видам животных, подверженных ПП, а также попытки систематизировать данные по распространённости и видоспецифическим особенностям течения болезни. Настоящая работа призвана указать на нехватку статистического материала и обозначить пути решения данной проблемы.

Кроме того, мы приводим описание основных патологоанатомических изменений у представленных жи-

вотных, демонстрирующих особенности течения ПП. Видовая специфичность признаков пока не установлена и требует дальнейшего накопления статистических данных.

Материалы и методы

Материалы для данного исследования были получены из Воронежской областной ветеринарной лаборатории. Публикуются результаты протоколов вскрытия трёх видов диких животных, содержащихся в неволе: морского котика, бенгальского тигра и леопарда. Диагноз поликистоза почек (ПП) был установлен посмертно. Вскрытие проводилось в соответствии с методологическими нормативными документами [2]. Проведён комплекс патоморфологических исследований, по результатам которых поставлены патологоанатомические диагнозы.

Результаты и обсуждение

В период с 2019 по 2025 год Воронежской областной ветеринарной лабораторией выявлены три экзотических животных с диагнозом поликистоза почек. Все особи прожили относительно длительный срок, что позволяет предположить аутосомно-доминантный тип наследования (АДПКД). Сопутствующие патологии включали расширение сердца, миокардиодистрофию, поражение печени и различных отделов желудочно-кишечного тракта (ЖКТ).

По данным вскрытия установлено:

1. Животное: морской котик, самка, 10 лет.

Патологоанатомический диагноз:
- Острая застойная гиперемия и отёк лёгких.
- Острое расширение правой половины сердца.
- Дистрофия и некротические очаги в печени.
- Поликистоз почек.
- Пиелонефрит.
- Панкреонекроз.
- Катарально-геморрагический гастроэнтероколит.

2. Животное: Бенгальский тигр, самка, 14 лет.

Патологоанатомический диагноз:
- Нефросклероз.
- Поликистоз почек.
- Цистит.
- Гемолитическая анемия.
- Иктеричность.
- Миокардиодистрофия.
- Хронический эрозивный гастрит.
- Хронический катаральный энтероколит.
- Хронический панкреатит.
- Зубной камень.
- Кахексия.
- Эксикоз.

3. Животное: леопард-меланист, самец, 13 лет (таксономическая принадлежность подвида не уточнена).

Патологоанатомический диагноз:
- Острое расширение сердца.
- Поликистоз почек и печени.
- Хронический пиелонефрит.
- Цианоз.
- Панкреатит.
- Катаральный гастрит.

При накоплении статистических данных станет возможным определить степень сходства симптомов ПП у различных видов животных и выявить видоспецифические особенности течения заболевания. На данном этапе можно отметить отсутствие кистозных изменений в других паренхиматозных органах (поджелудочной железе, яичниках и др.), частое поражение ЖКТ и сердечной мышцы.

Для сравнения можно привести данные вскрытия семи новозеландских кроликов [11] с диагнозом ПП, у которых наблюдались:
- гиперкальциемия и гиперкреатинемия ($P < 0,01$);
- артериальная минерализация, напоминающая медиальный кальцифицирующий склероз Менкеберга;
- хронический холангит с холангиодисплазией и фиброзом печени.

У грызунов, в отличие от плотоядных, отмечаются специфические типы воспаления, однако поражения почек и печени встречаются в обоих случаях. Минерализация артерий, вероятно, является особенностью зайцеобразных.

У крыс выявлена повышенная частота расслоения аорты с летальным исходом, что связывают с изменениями эластической структуры сосудистой стенки и артериальной гипертензией [8].

У мышей установлены различия в фенотипе при мутациях PKD1 и PKD2: дефицит PKD2 сопровождался дефектами межжелудочковой перегородки, тогда как при нокауте PKD1 такие нарушения отсутствовали [15].

По данным Санкт-Петербургской государственной академии ветеринарной медицины [1], из 120 откормочных свиней с завершённым производственным циклом у пяти (4,2 %) выявлен поликистоз почек. Частота патологий ЖКТ составила 17,5 % (язва желудка — 6,7 %, хронический гастрит — 8,5 %, энтеропатия — 8,5 %).

Хотя конкретные данные по животным с диагнозом ПП не приведены, можно заключить, что поражения ЖКТ встречаются довольно часто. При этом миокардиодистрофия и острое расширение правой половины сердца не упоминаются, как и кистозные изменения печени.

Исследования на рыбках данио показали, что временная сверхэкспрессия гена PKD2-D511V вызывает искривление хвоста и выраженный отёк перикарда, что свидетельствует о нарушении развития сердца. Эти данные подтверждают восприимчивость к ПП всех позвоночных, включая рыб.

Можно предположить, что поликистоз почек у различных таксонов проявляется как общими закономерностями, так и видоспецифическими особенностями, связанными с типом питания (плотоядные, всеядные, травоядные) или характером воспалительных процессов (например, у грызунов и зайцеобразных). Для получения статистически достоверных результатов необходимо системное изучение ПП у разных видов млекопитающих — как домашних (декоративных и продуктивных), так и диких.

В этой связи представляется целесообразным уточнить определение поликистоза почек как генетически обусловленного заболевания большинства видов млекопитающих.

Актуальность изучения ПП, особенно у человека, чрезвычайно высока, поскольку эффективная и нетоксичная терапия заболевания пока отсутствует. Ведутся активные поиски подходящих животных-моделей [17] для генетических и терапевтических исследований. Для значимых прорывов в этой области необходимо систематизировать сведения о симптоматике и патоморфологии заболевания. Осознание того, что ПП имеет глубокие эволюционные корни и, вероятно, был унаследован от общего предка большинства отрядов млекопитающих, позволит более комплексно рассматривать клинические и генетические аспекты болезни.

В настоящее время известно два основных гена, вызывающих ПП у всех изученных видов: PKD1 и PKD2. У человека дополнительно выявлены гены PKHD1, DZIP1L, GANAB, ALG9 и DNAJB11 [6]. Генетическая диагностика ПП у животных, однако, значительно отстаёт. Общие гены, типы наследования (АД и АР) и сходная симптоматика [12], наряду с внутривидовыми особенностями заболевания, требуют комплексного подхода и системного анализа.

Создание общей базы данных по случаям ПП у разных видов млекопитающих, с участием ветеринарных специалистов, обслуживающих не только продуктивных, но и экзотических животных (зоопарки, дельфинарии, цирки, заповедники), а также при поддержке генетических лабораторий и научных учреждений, представляется необходимым шагом. Накопление статистических данных по симптоматике и патоморфологическим изменениям при ПП у разных видов животных позволит глубже понять механизмы развития заболевания и станет основой для разработки профилактических и лечебных мер при ПП человека.

Заключение

Благодаря междисциплинарному сотрудничеству различных организаций удалось зафиксировать случаи поликистоза почек (ПП) у трёх экзотических животных — морского котика, бенгальского тигра и леопарда. Впервые подтверждён ПП у данных видов, в частности у морских млекопитающих. Это расширяет перечень видов, подверженных заболеванию, и позволяет уточнить определение ПП как генетически обусловленного заболевания всех видов плацентарных млекопитающих (или, возможно, всех млекопитающих в целом).

Полученные данные создают предпосылки для дальнейшего изучения эволюционной истории данной нозологической единицы. По результатам вскрытий зафиксированы симптомы, характерные для ПП, которые при накоплении статистического материала позволят более полно исследовать патоморфологические особенности течения заболевания. Эти сведения особенно важны для человека и мелких домашних животных (собак, кошек, декоративных грызунов, кроликов, высокопородных лошадей и др.), у которых возможна диагностика и терапия данного заболевания.

Следующим этапом представляется генотипирование случаев ПП у диких животных, что позволит проследить варианты наследования и выявить конкретные мутации, ответственные за развитие патологии. Ожидается, что тесное сотрудничество ветеринарных специалистов, региональных ветеринарных лабораторий и генетических центров позволит в ближайшем будущем продвинуться в решении этой научной задачи.

Проведённое исследование впервые документирует случаи поликистоза почек у трёх экзотических животных — морского котика, бенгальского тигра и леопарда. Это расширяет спектр видов, у которых выявлено данное заболевание, и позволяет рассматривать ПП как генетически обусловленное заболевание большинства млекопитающих.

Дальнейшее изучение случаев ПП у диких животных имеет существенное значение для развития сравнительной патологии и молекулярной генетики, а также для поиска модельных организмов, пригодных для исследований поликистоза почек человека.

Благодарности

Авторы выражают благодарность руководителю БУВО «Воронежская областная ветеринарная лаборатория» Косенко Сергею Ивановичу за содействие в проведении исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанова В.И., Кудряшов А.А. Патологоанатомические изменения у откормочных свиней, установленные при послеубойном осмотре //Актуальные вопросы ветеринарной биологии. — 2019. — №. 2 (42). — С. 69–74.
2. Методические указания по патоморфологической диагностике болезней животных, птиц и рыб. — Москва: Минсельхоз РФ. — 2000. — 28 с.
3. Вавилов Н.И. Окна РОСТА. // Саратов, 1920. — 55 с.
4. Вахрушева Т.И. Патоморфологические методы исследования. // Красноярск: КрасГАУ, 2019. — 266 с.
5. Benson K.A., Murray S.L., Senum S.R. и др. The genetic landscape of polycystic kidney disease in Ireland // European Journal of Human Genetics. — 2021. — Vol. 29, № 5. — P. 827–838.
6. Drögemüller M., Klein N., Steffensen R.L., Keiner M., Jagannathan V., Leeb T. PKD1 Nonsense Variant in a Lagotto Romagnolo Family with Polycystic Kidney Disease // Genes. — 2023. — Т. 14, № 6. — С. 1210.
7. Yan Z., Liu Y., Geng J., Deng W., Wang Y. A single-center analysis of genotype–phenotype characteristics in Chinese ADPKD patients // Frontiers in Genetics. — 2022. — Т. 13. — С. 934463.
8. He J., Li Q., Fang S., Guo Y., Liu T., Ye J., Yu Z., Zhang R., Zhao Y., Hu X., Bai X., Chen X., Li N. PKD1 mono-allelic knockout is sufficient to trigger renal cystogenesis in a mini-pig model // Int. J. Biol. Sci. — 2015. — Т. 11, № 4. — С. 361–369.
9. Nagao S., Kugita M., Yoshihara D., Yamaguchi T. Animal models for human polycystic kidney disease // Exp. Anim. — 2012. — Т. 61, № 5. — С. 477–488.
10. Koslow M., Zhu P., McCabe C., Xu X., Lin Xueying. Kidney transcriptome and cystic kidney disease genes in zebrafish // Front. Physiol. — 2023. — Т. 14. — С. 1184025.
11. Istituto di Ricerche Farmacologiche Mario Negri IRCCS. Autosomal dominant polycystic kidney disease: From pathogenesis to organoid disease models // Biomedicines. — 2025. — Т. 13, № 7. — С. 1766.
12. Nagao S., Kugita M., Yoshihara D., Yamaguchi T. (Same authors as №2, but можно считать отдельно) Functional polycystin-1 dosage governs autosomal dominant polycystic kidney disease severity // J. Clin. Invest. — 2012. — Т. 122, № 12. — С. 3902–3913.

© Федосов Дмитрий Валерьевич; Щербинина Екатерина Викторовна (zoonika@yandex.ru);
Меняйлова Ирина Сергеевна; Жиляева Анастасия Евгеньевна; Денисов Егор Алексеевич
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.10

АПРОБАЦИЯ МОДЕЛИ ДЛЯ АНАЛИЗА ДАННЫХ РЕНТГЕНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С АВТОМАТИЧЕСКИ НАСТРАИВАЕМЫМ КОЛЛИМАТОРОМ

APPROBATION OF A MODEL FOR ANALYZING X-RAY DATA WITH AN AUTOMATICALLY CONFIGURABLE COLLIMATOR

R. Golia

Summary. In this article, the approbation of the model for analyzing X-ray data showed a significant reduction in radiation dose, which, along with accurate consideration of the device's features and anatomy, indicates that the system can meet user requests in the field of radiation reduction and adaptation to the individual characteristics of patients and medical devices. Additional measures have been taken to ensure maximum consistency of our method: Training the model on raw X-rays rather than on processed images. This ensures that the anatomical model does not depend on post-processing algorithms used in various data collection modes; The use of a diverse dataset that includes images with darkened areas in the background (for example, tables, intravenous infusion lines, electrocardiograms, surgical instruments, and hands); Images that went beyond the target procedural phase are included. (for example, from the wrist to the shoulder); An aggressive strategy was used to increase the amount of data.

Keywords: medicine, artificial intelligence, neural networks, radiation dose, data collection, diagnostics, modern algorithms, models.

Голя Роман Дмитриевич
Инженер-электронщик, АНО ВО Российский новый университет; ООО «РЕНТГЕН-КОМПЛЕКТ», г. Москва
roma199810@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье апробация модели для анализа данных рентгенографических исследований показала значительное снижение дозы облучения, что наряду с точным учетом особенностей устройства и анатомии свидетельствует о том, что система способна удовлетворить запросы пользователей в области уменьшения радиации и адаптации к индивидуальным характеристикам пациентов и медицинских приборов. Приняты дополнительные меры для обеспечения максимальной согласованности нашего метода: Обучение модели на необработанных рентгеновских снимках, а не на обработанных изображениях. Это гарантирует, что анатомическая модель не будет зависеть от алгоритмов постобработки, используемых в различных режимах сбора данных; Использование разнообразного набора данных, включающего изображения с затемненными участками на заднем плане (например, таблицы, линии внутривенного вливания, электрокардиограммы, хирургические инструменты и руки); Включены изображения, которые выходили за рамки целевой процедурной фазы (например, от запястья до плеча); Использована агрессивная стратегия увеличения объема данных.

Ключевые слова: медицина, искусственный интеллект, нейронные сети, доза облучения, сбор данных, диагностика, современные алгоритмы, модели.

В данной статье мы сосредоточимся на проблеме автоматической коллимации в контексте навигации рентген аппарата или интервенционных устройств и оформим окончательное описание разрабатываемой методики применения нейросети при рентгенографии.

Методы автоматической коллимации не являются специфичными для какого-либо типа вмешательств и являются универсальными, могут быть теоретически применены к любым процедурам, проводимым под рентгеновским контролем [1, 2].

Алгоритм работы, следующий (показан на рисунке 1):

1. Текущее рентгеновское изображение и контекстная информация о процедуре, такая как положение устройства и тип/фаза процедуры, передаются в сверточную нейронную сеть для извлечения признаков.
2. На основе извлеченной тепловой карты важных анатомических областей выделяется прямоугольное поле зрения.
3. Это поле зрения выбирается с учетом анатомических данных и информации об устройстве, представляющем направляющие заслонки.
4. На полученное изображение накладываются два частично затухающих клина. В большинстве интервенционных рентгеновских систем используются жалюзи, представляющие собой свинцовую четырёхстворчатую конструкцию. Две горизонтальные и две вертикальные створки образуют прямоугольное отверстие, а клинья могут свободно вращаться, перемещая латунные фильтры с частичным ослаблением.

В нашем исследовании мы предполагаем, что местоположение устройства определяется с помощью обще-

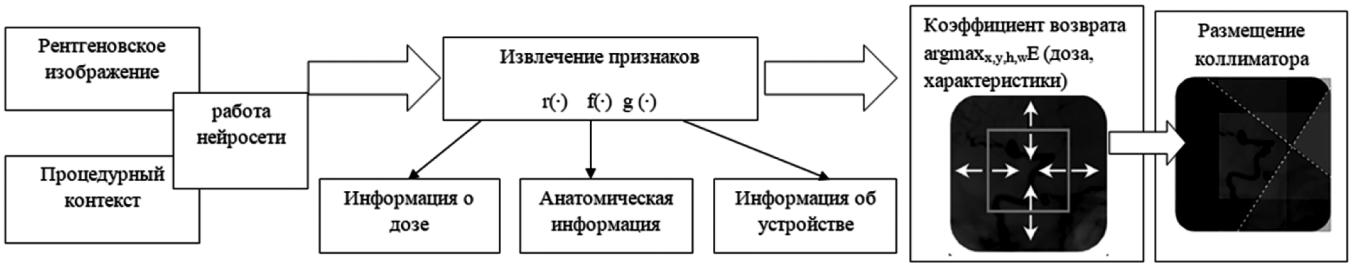

Рис. 1. Алгоритмический процесс автоматической коллимации

принятых методов, таких как электромагнитное отслеживание, волоконно-оптическое 3D-измерение формы (например, Philips Fiber Optic Real-Shape) или любых других методов, уже описанных в литературе. Мы сосредоточимся только на использовании местоположения наконечника устройства.

Кроме того, хотя в большинстве случаев анатомические особенности извлекаются в режиме реального времени с помощью глубокой нейронной сети, эти особенности могут быть получены непосредственно из таких источников, как цифровая субтракционная ангиография (ЦСА), или иным способом.

Учитывая тепловую карту H, которая отображает анатомическую значимость пикселей на рентгеновском изображении, и расположение наконечника рентгеновского устройства, мы формулируем задачу размещения прямоугольного затвора коллиматора как задачу оптимизации [3, 4].

Общий вид алгоритма разрабатываемого метода:
— введение в систему изначально известных параметров (вручную пользователем (врачом));
— анализ области нейросетью;
— подача команды диафрагме;
— отсечение шумов;
— захват области;
— регулирование излучения;
— снимок.

Скорректируем его под рассматриваемую проблему автоматической коллимации в контексте навигации рентген аппарата или, например, интервенционных устройств.

Целевая функция поставленной выше задачи может быть описана следующим образом:

$$E(x,y,h,w) = \\ = \alpha f(x,y,h,w) + \beta r(x,y,h,w) + \gamma g(x,y,h,w) \quad (1)$$

— f (·) = вероятность включения соответствующей анатомии;
— $r(\theta)$ = доза облучения;
— g (·) = вероятность включения соответствующих устройств;
— α, ß, γ → настраиваемые параметры коллиматора [5].

Здесь поле зрения затвора определяется координатами ограничивающего прямоугольника: *x*, *y*, *h*, *w*. Важно отметить, что каждый параметр соответствует одному из первых трех требований пользователя, а коэффициенты каждого параметра позволяют настраивать выходные данные в соответствии с индивидуальными потребностями.

Если учесть дополнительные требования пользователей, в цель можно было бы включить больше терминов. В целом, наша цель — решить задачу максимизации:

$$x^*, y^*, h^*, w^* = argmax_{x,y,h,w} E(x,y,h,w) \quad (2)$$

Тепловая карта анатомической значимости H может быть создана различными способами. В этом исследовании мы применяем глубокую сверточную нейронную сеть, которая обеспечивает универсальность и высокую скорость работы [6].

Архитектура представляет собой модифицированную систему V-Net18 с одним выходным каналом, значения которого представляют собой плавную тепловую карту H. 2D-V-Net архитектурно напоминает U-Net, стандартную модель для сегментации 2D-изображений, с небольшими изменениями, которые позволяют использовать меньший объем памяти при обучении и выводе. Это особенно важно для современных интервенционных рентгеновских систем, которые имеют ограниченные ресурсы памяти, и для будущего онлайн-обучения [7].

В качестве входных данных модель получает необработанное рентгеновское изображение. В процессе обучения среднеквадратичная ошибка (СКО) используется в качестве функции потерь по сравнению с тепловыми картами, на которых отмечены соответствия местности [8, 9].

Все входные изображения преобразуются в размер 256 × 256 градаций серого.

Во время обучения входные изображения дополняются следующими способами [8]:

— Случайное перемещение по осям X и Y в пределах [–40, 40] пикселей.
— Случайные повороты вокруг центра изображения в диапазоне [–0,2, 0,2] радиан с равномерным распределением между {π 2, π, 3π2, 2π}.
— Случайное увеличение в пределах [1x, 1.5x].

Модель оптимизируется с помощью оптимизатора Adam со следующими параметрами:
— Скорость обучения: 0,01.
— ß1: 0,9.
— ß2: 0,999.

Модель может быть обучена с использованием аннотаций, созданных экспертами. Эти аннотации представляют собой контуры произвольной формы, которые окружают важные анатомические структуры. Затем контуры преобразуются в двоичные данные и сглаживаются с помощью гауссова ядра с дисперсией 100 пикселей. В результате создаётся тепловая карта, на которой анатомически значимые пиксели имеют высокие значения. Это упрощает настройку алгоритма, задаваемого параметром θ.

Чтобы уточнить целевые тепловые карты на основе пар изображение-полигон, мы предлагаем использовать стратегию, похожую на grabcut [5].

GrabCut — это алгоритм сегментации изображений, оптимизированный для графического процессора. Он работает с изображением и рамкой вокруг сегмента, а затем использует модель гауссовой смеси для разделения переднего плана и фона.

Некоторые разработчики расширили цветовую модель GrabCut, добавив плотные условные случайные поля [11] и глубокие нейронные сети [12]. Другие группы интегрировали слабые ограничивающие рамки непосредственно в модели семантической сегментации или сегментации экземпляров [13, 14] или использовали слабые метки произвольной формы для сегментации медицинских изображений [15].

Задача, которую решает GrabCut, похожа на нашу задачу обучения с минимальным контролем оператора. Мы стремимся идентифицировать важные анатомические структуры, имея только пару изображение-полигон. Эти методы обычно хорошо работают, когда сегментируемый объект имеет цветовой профиль, отличный от фона.

Модель предварительно обучается с использованием полностью контролируемого набора данных, затем GrabCut уточняет прогнозы для слабо контролируемого набора данных и передает их обратно для обучения [14].

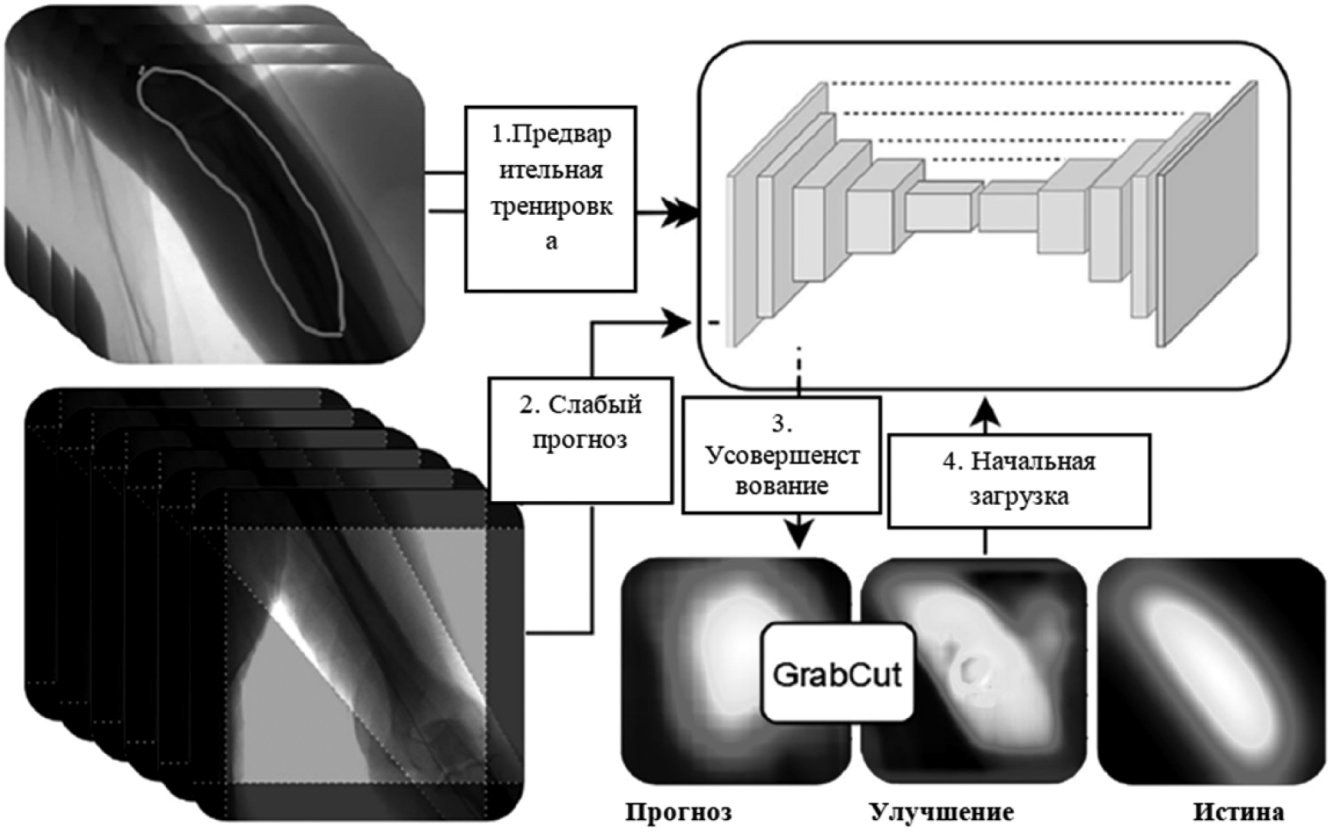

Рис. 2. Стратегия смешанного обучения с использованием GrabCut для уточнения меток, ориентированных полигонально

АЛГОРИТМ 1— Псевдокод для обучения смешанному контролю:

Дан полностью помеченный обучающий набор данных $A_{1,n} = (J_1, h_1), (J_2, h_2),..., (J_n, h_n)$, где J = входное изображение, h = тепловая карта.

Дан слабо помеченный обучающий набор данных $B_{1,m} = \left(J_1^*, b_1\right), \left(J_2^*, b_2\right), \ldots, \left(J_m^*, b_m\right)$, где J^* = входное изображение, b = ограничивающая рамка.

for # pretraining epochs **do**

Оптимизировать анатомическую модель на $A_{1,n}$

end for

Подогнать модель гауссовой смеси GrabCut на $A_{1,n}$

for # training epochs **do**

for $i \in [1, m]$ **do**

Применить GrabCut к J_i^*заданному b_i и примените размытие по Гауссу для создания тепловой карты h_i^*

Оптимизировать анатомическую модель на (J_i^*, h_i^*)

end for

Оптимизировать анатомическую модель на $A_{1,n}$

end for

Для создания набора смоделированных данных мы использовали пользовательскую версию платформы Mentice, которая была настроена на параметры рентгеновского аппарата АРХП-«АМИКО». Мы имитировали процесс получения рентгеновских снимков во время процедуры сосудистой навигации с бедренным доступом, используя полный набор устройств, расположенных под разными углами и в разных положениях на столе. Также были учтены случайные колебания в движении устройства.

Моделирование помогло нам оценить, насколько эффективно автоматическая коллимация снижает дозу облучения, а также проверить, соответствует ли селектор поля зрения требованиям пользователей.

В общей сложности было обработано вручную 2200 рентгеноскопических снимков в основной плоскости и добавлены комментарии к ним по трем объектам, на которых были проведены четыре записанные имитационные процедуры. Все снимки были сделаны в положении «сагиттальная плоскость» (СП) [17, 18].

Для оценки неопределенности, присущей анатомической модели, был проведен ряд экспериментов, результаты которых представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Неопределенность анатомической модели

	Монте-Карло		Увеличенное время тестирования	
	Dice	Энтропия	Dice	Энтропия
Полностью контролируемый	0.864 ±0.0134	0.0555	0.856 ±0.0198	0.0604
Sup-0.5	0.843 ±0.0163	0.0653	0.842 ±0.0197	0.100
Sup-0.375	0.767 ± 0.267	0.108	0.776 ± 0.0207	0.161
Sup-0.25	0.772 ± 0.0224	0.112	0.781 ±0.0166	0.141
Sup-0.125	0.690 ±0.0186	0.0843	0.699 ±0.0161	0.127
Sup-0.0625	0.299 ±0.0106	0.0774	0.302 ±0.0191	0.111

Эпистемологическая неопределенность была проанализирована с помощью метода Монте-Карло. Алеаторическая неопределенность оценивалась с помощью увеличения времени тестирования. Оба эксперимента включали те же пять этапов перекрестной проверки, которые использовались для оценки эффективности модели, как описано выше.

Для обоих методов были рассчитаны среднее значение и стандартное отклонение оценки *Dice*, усредненной по тестовому набору данных. Кроме того, была измерена средняя попиксельная энтропия прогнозов модели с пороговым значением. В тех случаях, когда это было возможно, для анализа неопределенности использовались окончательные уточненные модели с полуавтоматическим контролем.

Одним из ключевых преимуществ предлагаемой автоматической коллимационной системы является значительное снижение дозы облучения. Длительное использование рентгеноскопии в рентген-процедурах обычно приводит к тому, что пациенты получают высокие дозы облучения. Кроме того, сотрудники, которые часто работают в интервенционном отделении, также подвергаются значительному суммарному облучению на протяжении своей карьеры. Среди них могут быть не только врачи-операторы, но и радиотехники, медсестры и другие специалисты.

В нашем эксперименте предложенный метод продемонстрировал значительное снижение дозы облучения.

Важно отметить, что представленная здесь параметризация соответствует реальным требованиям пользовате-

лей, таким как доза облучения, анатомические особенности и особенности использования устройства. Благодаря этому пользователи могут легко понять, как изменение каждого параметра повлияет на конечный результат.

Понимание пользователями методов, основанных на искусственном интеллекте, остается сложной задачей в этой области. Однако упрощения, подобные нашей модели, могут помочь преодолеть этот разрыв между алгоритмом и пользователем, сделав использование искусственного интеллекта более доступным для широкой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Применение методов машинного обучения для анализа инфракрасных спектров выдыхаемого человеком воздуха / И.Л. Фуфурин, П.В. Бережанский, И.С. Голяк [и др.] // Необратимые процессы в природе и технике: Труды Двенадцатой Всероссийской конференции. В 2-х томах, Москва, 31 января — 03 2023 года. — Москва: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2023. — С. 504–508.
2. Применение машинного обучения для диагностики некоторых социально значимых заболеваний по выдыхаемому человеком воздуху методом инфракрасной лазерной спектроскопии / И.С. Голяк, П.В. Бережанский, А.Ю. Седова [и др.] // Оптика и спектроскопия. — 2023. — Т. 131, № 6. — С. 825–831.
3. Анализ метаболического профиля человека с помощью специфических молекул-биомаркеров / О.А. Небритова, И.Л. Фуфурин, П.В. Бережанский [и др.] // Необратимые процессы в природе и технике: Сборник статей XIII Всероссийской конференции. В 2-х томах, Москва, 28–30 января 2025 года. — Москва: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2025. — С. 168–171.
4. Арзамасов К., Васильев Ю., Владимирский А., Омельянская О. Шулькин И., Козихина Д. и др. — Международное исследование не меньшей эффективности для сравнительного анализа ИИ в рутинных радиологических случаях: рентгенография грудной клетки, флюорография и маммография. Здравоохранение (Базель) — 2023
5. Андреевич Н., Чен З., Нгуен Т., Фан Л., Хайбергер Х., Чжоу Л.-Дж., Чжао Ю.-Ф., Чанг С.-З., Грюттер А. и Ли М. (2022). Обзоры прикладной физики –Объяснение магнетизма близости с помощью рефлектометрии поляризованных нейтронов и машинного обучения. — DOI10.1063/5.0078814
6. Гусев А.В., Шарова Д.Е. Этические проблемы развития технологий искусственного интеллекта в здравоохранении // Общественное здоровье. — 2023. — Т. 3, № 1. — С. 42–50. DOI: 10.21045/2782–1676-2023-3-1-42–50.
7. Зеневич В.В., Александрович Т.А., Василькова А.Н. Искусственный интеллект в здравоохранении // 2021. — Т. 2., вып.7. — С. 34.
8. Иванов А.С., Смирнова А.В. Технологии машинного обучения для анализа клинических данных: от теории к практике // Научный журнал Наука и мировоззрение. — 2022. — Т. 3. — вып. 4.
9. Кошечкин К.А., Хохлов А.Л. Этические проблемы внедрения искусственного интеллекта в здравоохранении // Медицинская этика. — 2024. — № 1. — С. 11–12. — DOI: 10.24075/medet.2024.006.
10. Кряжева Е.В., Десятков П.А. Применение искусственного интеллекта в медицинской сфере // Электронный научный журнал «Дневник науки». — 2024. — № 12. — [Электронный ресурс]. — URL: www.dnevniknauki.ru.
11. Курлюк Е.А., Ларченко Н.А., Давыдов М.В., Курлянская Е.К. Автоматизация обработки медицинских данных с использованием компьютерного зрения: подходы и перспективы внедрения в кардиологии // XIV Международная научно-техническая конференция «Медэлектроника — 2024». — Минск, Беларусь. — 2024. — С. 254–255.
12. Марченко Д.В., Петрович Ю.Ю., Ефремов А.А. Успешные кейсы применения нейронных сетей в медицине // 60-я Юбилейная Научная Конференция Аспирантов, Магистрантов и Студентов БГУИР. — Минск, 2024. — С. 108–109.
13. Мелдо А.А., Уткин Л.В. Обзор методов машинного обучения в диагностике рака легкого // Искусственный интеллект и принятие решений. — 2018. — Выпуск 3. — С. 28–38. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mathnet.ru/iipr213.
14. Мещерякова А.М., Акопян Э.А., Слинин А.С. Искусственный интеллект в медицинской визуализации. Основные задачи и сценарии развития // Обзоры и дискуссии. — Москва: ООО «Платформа Третье Мнение», вып.5. — С. 98–99.
15. Омаров Б.С., Турсынова А.Т. Обзор алгоритмов машинного обучения для выявления инсульта // Инновационные технологии в науке и образовании. — XV Международная научно-практическая конференция. — 2023, — вып.1. — С. 27–28.
16. Применение методов машинного обучения для анализа инфракрасных спектров выдыхаемого человеком воздуха / И.Л. Фуфурин, П.В. Бережанский, И.С. Голяк [и др.] // Необратимые процессы в природе и технике: Труды Двенадцатой Всероссийской конференции. В 2-х томах, Москва, 31 января — 03 2023 года. — Москва: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2023. — С. 504–508.
17. Уролбой А.У., Мейрбек Б.У., Бобирбек Н.У., Саияра Б.Д. Искусственный интеллект в медицине // «Science and Education» Scientific Journal. — 2023. — Т. 4, № 5. — С. 772–773. — ISSN 2181–0842.
18. World Health Organization. (2023). Regulatory considerations on artificial intelligence for health. World Health Organization. https://iris.who.int/handle/10665/373421. License: CC BY-NC-SA 3.0 IGO

© Голя Роман Дмитриевич (roma199810@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.11

АНАЛИЗ СЛОЖНОСТИ АЛГОРИТМОВ ДЛЯ КВАНТОВЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕНЗОРНЫХ СЕТЕЙ

COMPLEXITY ANALYSIS OF ALGORITHMS FOR QUANTUM NEURAL NETWORKS USING TENSOR NETWORKS

D. Ezhitskaya

Summary. This paper provides a comprehensive analysis of the computational complexity of algorithms underlying quantum neural networks (QNNs) using tensor network (TN) frameworks. QNNs represent a promising hybrid approach that combines the principles of quantum computing and machine learning, but their theoretical underpinnings and understanding of their superiority over classical analogs remain underdeveloped. We demonstrate that tensor networks, as a powerful tool for compactly representing multi-qubit quantum states, provide a natural and effective formalism for analyzing the expressiveness and training complexity of QNNs. The paper formalizes the relationship between QNN architectures and specific TN types (such as matrix product states (MPS) and tree tensor networks (TTNs). Based on this, a detailed analysis of the capacity characteristics and computational complexity of forward and backward propagation operations is conducted for various QNN topologies. It has been shown that the key parameter determining complexity is the so-called «connectivity» of a quantum circuit, which directly correlates with the maximum connectivity of the corresponding deep neural network. It has been theoretically and numerically substantiated that quantum neural networks corresponding to finite-connectivity networks (e.g., MPS) can be efficiently simulated on classical computers, narrowing the potential range of problems where quantum supremacy can be expected. At the same time, a class of problems related to the modeling of highly entangled quantum systems or solving certain optimization problems has been identified, where quantum neural networks with moderate connectivity demonstrate a theoretical advantage over classical deep neural networks. The results of this study allow us to formulate criteria for designing effective quantum neural networks and identify promising areas for achieving practical quantum supremacy in machine learning.

Keywords: quantum neural networks, tensor networks, matrix product states, computational complexity, quantum machine learning, expressiveness, connectivity, quantum supremacy.

Ежицкая Дарья Дмитриевна
Сочинский государственный университет
gubinadd18@gmail.com

Аннотация. В данной работе проводится всесторонний анализ вычислительной сложности алгоритмов, лежащих в основе квантовых нейросетей (КНС), с привлечением аппарата тензорных сетей (ТС). КНС представляют собой перспективный гибридный подход, объединяющий принципы квантовых вычислений и машинного обучения, однако их теоретическое обоснование и понимание областей превосходства над классическими аналогами остаются недостаточно разработанными. Мы демонстрируем, что тензорные сети, являясь мощным инструментом для компактного представления многокубитных квантовых состояний, предоставляют естественный и эффективный формализм для анализа выразительной способности и сложности обучения КНС. В работе формализована связь между архитектурами КНС и конкретными типами ТС (такими как матричные продуктные состояния — MPS, древовидные тензорные сети — TTN). На этой основе проведен детальный анализ емкостных характеристик и вычислительной сложности операций прямого и обратного распространения для различных топологий КНС. Показано, что ключевым параметром, определяющим сложность, является так называемая «связность» квантовой схемы, которая напрямую соотносится с максимальной связностью соответствующей ТС. Теоретически и численно обосновано, что КНС, соответствующие ТС с ограниченной связностью (например, MPS), могут быть эффективно симулированы на классических компьютерах, что сужает потенциальный круг задач, где можно ожидать квантового превосходства. В то же время, выявлен класс задач, связанных с моделированием сильно запутанных квантовых систем или решением определенных оптимизационных проблем, где КНС со средней связностью демонстрируют теоретическое преимущество перед классическими глубокими сетями. Результаты работы позволяют сформулировать критерии для проектирования эффективных КНС и выделить перспективные направления для достижения практического квантового превосходства в машинном обучении.

Ключевые слова: квантовые нейросети, тензорные сети, матричные продуктные состояния, вычислительная сложность, квантовое машинное обучение, выразительная способность, связность, квантовое превосходство.

Современное машинное обучение (МО), в особенности глубокое обучение, достигло значительных успехов в решении сложных задач, таких как распознавание образов, обработка естественного языка и игра в го [1]. Однако дальнейший прогресс упирается в фундаментальные ограничения классических вычислителей: экспоненциальный рост требуемых вычислительных ресурсов и объема данных для обучения моделей возрастающей сложности. В этом контексте квантовые вычисления предлагают принципиально новый подход, основанный на квантовой суперпозиции и запутанности, который потенциально может обеспе-

чить экспоненциальное ускорение для определенных классов алгоритмов [2].

Квантовые нейросети (КНС) сформировались в качестве гибридной парадигмы, которая использует параметризованные квантовые схемы (ПКС) в качестве аналогов классических нейронных сетей [3, с. 2]. Эти схемы состоят из последовательности квантовых гейтов, некоторые из которых параметризованы, и могут быть оптимизированы с помощью классических алгоритмов (например, градиентного спуска) для минимизации заданной функции потерь. Несмотря на растущее количество экспериментальных демонстраций, теоретическое понимание того, почему, когда и как КНС могут превосходить классические, остается фрагментарным. Ключевые вопросы касаются их **выразительной способности** (способности представлять сложные функции) и **сложности обучения** (вычислительных затрат на нахождение оптимальных параметров).

Параллельно, в области квантовой физики конденсированного состояния получил широкое распространение математический аппарат **тензорных сетей (ТС)** [5, с. 118]. ТС предоставляют компактное представление для определенных классов многокубитных квантовых состояний, эффективно факторизуя высокоразмерный тензор, описывающий состояние, в сеть меньших тензоров. Наиболее известными примерами являются матричные продуктные состояния (Matrix Product States, MPS) для одномерных систем и проективные анзатцы спаренных пар (Projected Entangled Pair States, PEPS) для двумерных систем. Методы ТС позволяют эффективно моделировать системы с ограниченной запутанностью.

Недавние исследования показали глубокую связь между архитектурами КНС и ТС [7, с. 1; 8, с. 1]. Многие параметризованные квантовые схемы могут быть интерпретированы как конкретные типы ТС. Эта связь открывает мощный инструментарий для анализа КНС. Используя хорошо разработанную теорию ТС, можно количественно оценить выразительную способность КНС через призму запутанности, которую они могут генерировать, и проанализировать вычислительную сложность операций с ними.

Целью данной работы является систематический анализ сложности алгоритмов для КНС с использованием формализма тензорных сетей.

Задачи исследования:

1. Формализовать соответствие между различными архитектурами КНС и типами ТС (MPS, TTN).
2. Провести анализ емкостных характеристик (выразительной способности) КНС на основе понятия связности соответствующей ТС.
3. Оценить вычислительную сложность ключевых алгоритмических операций для КНС: вычисления амплитуд, прямого распространения и вычисления градиентов.
4. На основе анализа сложности сформулировать критерии и выделить классы задач, где КНС могут демонстрировать преимущество перед классическими нейросетями.

1. Теоретические основы: Квантовые нейросети и тензорные сети

1.1. Квантовые нейросети (КНС)

КНС можно представить как параметризованную квантовую схему $U(\vec{\theta})$, применяемую к начальному состоянию $|\psi_0\rangle$ (обычно $|0\rangle^{\otimes n}$), с последующим измерением для получения результата. Входные данные $\vec{x}$ могут быть закодированы в квантовое состояние с помощью кодирующего слоя $U(\vec{x})$, а затем преобразованы параметризованным схемой $U(\vec{\theta})$.

$$\left|\psi\left(\vec{x},\vec{\theta}\right)\right\rangle = U\left(\vec{\theta}\right)U\left(\vec{x}\right)|0\rangle^{\otimes n}$$

Результатом схемы часто является математическое ожидание значения некоторого эрмитова оператора O (например, Z на определенном кубите):

$$f\left(\vec{x},\vec{\theta}\right) = \left\langle\psi\left(\vec{x},\vec{\theta}\right)\right|O\left|\psi\left(\vec{x},\vec{\theta}\right)\right\rangle$$

Функция $f\left(\vec{x},\vec{\theta}\right)$ и играет роль модели машинного обучения, аналогичной классической нейросети. Обучение заключается в нахождении параметров $\vec{\theta}^*$, минимизирующих функцию потерь $\mathcal{L}\left(f\left(\vec{x},\vec{\theta}\right),y\right)$ на заданном наборе данных $\left\{\left(\vec{x}_i,y_i\right)\right\}$

1.2. Тензорные сети (ТС)

Тензорная сеть — это графическое представление, где тензоры изображаются узлами, а их индексы (ранги) — ребрами. Соединение ребер между узлами обозначает операцию тензорного свертки (суммирования по общим индексам). Квантовое состояние n кубитов $|\psi\rangle = \sum_{s_1,\ldots,s_n} \psi_{s_1,\ldots,s_n}|s_1,\ldots,s_n\rangle$ представляется как один тензор с n индексами. Для большинства состояний хранение этого тензора требует 2^n комплексных чисел.

Матричные Продуктные Состояния (MPS)

MPS факторизует n –индексный тензор в цепочку из n более мелких тензоров.

$$\psi_{s_1,\ldots,s_n} = \sum_{\alpha_1,\ldots,\alpha_{n-1}} A^{s1}_{\alpha 1} A^{s2}_{\alpha 1 \alpha 2} \ldots A^{sn}_{\alpha_{n-1}}$$

Здесь s_i — физические индексы (спины/кубиты), а α_i — виртуальные индексы, связывающие соседние тензоры. Максимальная размерность виртуальных индексов $\mathcal{X}$ называется **размерностью связи** (bond dimension). Она напрямую связана с количеством запутанности, которое может быть описано состоянием. Сложность хранения MPS составляет $O\left(n \cdot d \cdot \mathcal{X}^2\right)$, где d — размерность физического индекса (для кубитов $d = 2$).

Древовидные Тензорные Сети (TTN)

TTN обобщает MPS на древовидную структуру, что позволяет более эффективно описывать запутанность в системах с иерархической организацией.

Ключевая идея заключается в том, что любая квантовая схема, состоящая из двухкубитных гейтов, может быть представлена как ТС. Каждый гейт является тензором с 4 индексами (2 входных, 2 выходных), а вся схема — это контракция (свертка) всех этих тензоров.

2. Соответствие архитектур КНС и тензорных сетей

Архитектура КНС (последовательность и связность гейтов) напрямую определяет структуру соответствующей ТС.

1) **КНС с последовательной архитектурой** (Quantum Circuit Born Machines). Схемы, где гейты применяются последовательно к соседним кубитам, естественным образом отображаются на MPS с размерностью связи $\mathcal{X}$, растущей с глубиной схемы L. В пределе большой глубины $\mathcal{X}$ может достигать $2^{\lfloor L/2 \rfloor}$, но для схем с ограниченной локальностью и глубиной, $\mathcal{X}$ остается ограниченным полиномом от n.
2) **КНС с мерной архитектурой** (Tree Tensor Networks). Схемы, структура которых повторяет двоичное дерево, где гейты применяются к парам кубитов, а результаты агрегируются на следующих уровнях, в точности соответствуют TTN. Сложность симуляции такой схемы на классическом компьютере определяется шириной дерева и также полиномиальна от n для фиксированной глубины.
3) **КНС со случайной или полной связностью**. Схемы, где двухкубитные гейты могут связывать любые пары кубитов, порождают ТС с высокой связностью, которую трудно эффективно представить классически. В худшем случае такая схема соответствует тензору полного ранга, и ее симуляция требует $O\left(2^n\right)$ операций.

Определение 1. *Связность КНС* — это граф, узлы которого представляют кубиты, а ребра — двухкубитные гейты. Размерность связи $\mathcal{X}$ соответствующей ТС является мерой максимальной запутанности, которую может создать схема между любым бисекцией этого графа.

Это соответствие позволяет нам перенести мощный аппарат анализа ТС на почву КНС.

3. Анализ емкостных характеристик и выразительной способности

Выразительная способность модели — это богатство семейства функций, которые она может представлять. Для КНС это напрямую связано с объемом гильбертова пространства, доступного схеме.

Теорема 1 (основанная на [7, 8]). Множество функций $f\left(\vec{x}, \vec{\theta}\right)$, реализуемых КНС с архитектурой, соответствующей ТС с максимальной размерностью связи $\mathcal{X}$, является подмножеством функций, реализуемых классической нейросетью с числом параметров $O\left(poly\left(n\right) \cdot poly\left(\mathcal{X}\right)\right)$.

Доказательство (схематично): КНС, соответствующая ТС с размерностью связи $\mathcal{X}$, может быть точно симулирована на классическом компьютере с затратами $O\left(poly\left(n\right) \cdot poly\left(\mathcal{X}\right)\right)$. Классическая нейросеть достаточной ширины и глубины является универсальным аппроксиматором. Следовательно, существует классическая нейросеть с полиномиальным числом параметров, способная аппроксимировать такую КНС.

Следствие. КНС, которые могут быть эффективно представлены MPS или TTN (т.е. $\mathcal{X} = \text{poly}\left(n\right)$), не обладают экспоненциальным преимуществом в выразительной способности по сравнению с классическими нейросетями полиномиального размера. Их потенциальное преимущество может заключаться лишь в более эффективном **обучении** или в **индуктивном смещении**, благоприятном для определенных типов данных (например, квантовых).

Ограниченная размерность связи $\mathcal{X}$ накладывает ограничение на запутанность, которую может создать схема. Функции, для вычисления которых требуется объем запутанности, экспоненциально растущий с n, не могут быть эффективно представлены КНС с полиномиальной $\mathcal{X}$.

4. Анализ вычислительной сложности алгоритмов для КНС

Используя формализм ТС, можно детально проанализировать сложность ключевых операций, необходимых для обучения КНС.

4.1. Сложность прямого распространения (вычисления ожидаемого значения)

Задача. Вычислить $f\left(\vec{x},\vec{\theta}\right) = \langle\psi|O|\psi\rangle$ для данной КНС.

Решение: представить всю схему $|\psi\rangle$ в виде ТС и вычислить контракцию сети. Сложность определяется структурой графа ТС.

1) **Для КНС с 1D цепочечной архитектурой (MPS).** Контракция всей сети может быть выполнена последовательно с сложностью $O\left(n \cdot L \cdot d \cdot \mathcal{X}^3\right)$. Здесь L — глубина схемы, $d = 2$. Это полиномиальная сложность.
2) **Для КНС с древовидной архитектурой (TTN).** Сложность контракции составляет $O\left(n \cdot \mathcal{X}^w\right)$, где w — ширина дерева (максимальная степень узла). Для сбалансированного двоичного дерева $w = 2$, и сложность вновь полиномиальна $O\left(n \cdot \mathcal{X}^4\right)$.
3) **Для КНС с полной связностью.** Граф ТС не имеет очевидной упорядоченной структуры. В худшем случае сложность точной контракции является экспоненциальной $O\left(2^n\right)$. На практике используются приближенные методы, но их точность падает с ростом n и связности.

Вывод: КНС, соответствующие ТС с ограниченной шириной дерева, могут быть эффективно симулированы на классическом компьютере при прямом проходе.

4.2. Сложность вычисления градиентов

Для обучения КНС широко используется алгоритм параметрического правила сдвига [9], который позволяет выразить градиент функции потерь по параметру θ_i через разность двух ожидаемых значений:

$$\frac{\partial f}{\partial \theta_i} = \frac{1}{2}\left[f\left(\theta_i + \frac{\pi}{2}\right) - f\left(\theta_i - \frac{\pi}{2}\right)\right]$$

Таким образом, сложность вычисления одного градиента эквивалентна сложности двух прямых проходов. Следовательно, для КНС с полиномиальной сложностью прямого прохода, градиенты также могут быть вычислены за полиномиальное время на классическом компьютере.

Замечание. Хотя симуляция возможна, это не обязательно означает, что обучение классической модели-аналога будет столь же эффективным. КНС могут обладать более благоприятными ландшафтами функции потерь для определенных задач.

5. Области потенциального превосходства КНС

Проведенный анализ позволяет выделить сценарии, в которых КНС могут продемонстрировать преимущество:

1. **Моделирование квантовых систем.** Для задач, где данные по своей природе являются квантовыми (например, нахождение основного состояния гамильтониана), КНС с индуктивным смещением, отражающим физику системы (например, с архитектурой, аналогичной ТС для этого гамильтониана), могут обучаться значительно быстрее, чем универсальные классические нейросети, не обладающие таким смещением.
2. **Задачи с промежуточной связностью.** Анализ показывает, что КНС с низкой связностью (MPS) симулируемы классически, а с полной связностью — зачастую непрактичны для большого числа кубитов. Однако существует промежуточный класс КНС со **средней связностью**, например, соответствующий ТС с размерностью связи $\mathcal{X}$, которая растет как n^k для $k > 1$. Точная симуляция таких схем на классическом компьютере становится все более затратной, в то время как квантовый компьютер, реализующий такую схему, может справляться с этим естественно. Это потенциальная «зона квантового превосходства» для МО.
3. **Ускорение за счет квантового отбора проб.** Даже если ожидаемое значение $f\left(\vec{x},\vec{\theta}\right)$ можно вычислить классически, сама КНС может генерировать выборки из распределения $p\left(\vec{x}\right) = \left|\langle \vec{x}\#\ \psi\rangle\right|^2$ быстрее, чем это можно сделать с помощью классической симуляции. Это может быть полезно в таких задачах, как генеративное моделирование.
4. **Преодоление локальных минимумов.** Эвристические данные свидетельствуют, что ландшафт оптимизации для КНС может быть менее подвержен проблеме плоских плато для определенных, правильно сконструированных архитектур [10]. Формализм ТС может помочь спроектировать такие архитектуры, анализируя градиенты в терминах корреляционных функций в ТС.

Заключение

В данной работе был проведен детальный анализ сложности алгоритмов для квантовых нейросетей с использованием аппарата тензорных сетей. Установлено, что формализм ТС предоставляет мощный и естественный язык для описания и анализа КНС.

Основные результаты работы:

1. Формализовано соответствие между архитектурами КНС и типами ТС (MPS, TTN), что позволяет количественно оценивать выразительную способность КНС через размерность связи $\mathcal{X}$.
2. Показано, что КНС, соответствующие ТС с полиномиально ограниченной $\mathcal{X}$, не обладают экспоненциальным преимуществом в выразительной спо-

собности и могут быть эффективно симулированы на классических компьютерах.

3. Проведен анализ вычислительной сложности операций прямого распространения и вычисления градиентов, который выявил прямую зависимость между связностью квантовой схемы и сложностью ее симуляции.
4. На основе анализа сложности выделен класс задач, где можно ожидать преимущества КНС: задачи, связанные с моделированием квантовых систем, и задачи, для которых эффективные КНС обладают средней связностью, делающей их классическую симуляцию трудной, но реализацию на квантовом процессоре — достижимы.

Полученные результаты задают четкие критерии для проектирования КНС, нацеленных на достижение квантового превосходства. Для этого необходимо конструировать схемы, которые либо реализуют функции, недоступные для классических ТС с полиномиальной $\mathcal{X}$, либо обеспечивают более эффективный путь оптимизации для задач, где классические методы застревают в локальных минимумах.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЛеКун Я., Бенжио Й., и Хинтон Г. Глубокое обучение // Природа. — 2015. — Т. 521, № 7553. — С. 436–444.
2. Нильсен М.А., и Чанг, И.Л. Квантовые вычисления и квантовая информация: 10-е юбилейное издание. — Кембридж: Cambridge University Press, 2010. — 676 с.
3. Бенедетти М., Ллойд Э., Сэк С., и Фиорентини М. Параметризованные квантовые схемы как модели машинного обучения // Квантовая наука и технологии. — 2019. — Т. 4, № 4. — С. 043001.
4. Шульд М., и Киллоран Н. Квантовое машинное обучение в пространствах признаков Гильберта // Письма в физическое обозрение. — 2019. — Т. 122, № 4. — С. 040504.
5. Орьюс Р. Практическое введение в тензорные сети: матричные продуктные состояния и проективные ансамблевые парные состояния // Анналы физики. — 2014. — Т. 349. — С. 117–158.
6. Сирак Х.И., Перес-Гарсия Д., Шух Н., и Верстрате Ф. Матричные продуктные состояния и проективные ансамблевые парные состояния: концепции, симметрии, теоремы // Обзоры современной физики. — 2021. — Т. 93, № 4. — С. 045003.
7. Хаггинс У.Дж., Патил П., Митчелл Б., Уэйли К.Б., и Стоуденмайр Э.М. На пути к квантовому машинному обучению с тензорными сетями // Квантовая наука и технологии. — 2019. — Т. 4, № 2. — С. 024001.
8. Лю Дж.Г., Ван Л., и Чжан П. Тропическая тензорная сеть для основных состояний спиновых стекол // Письма в физическое обозрение. — 2019. — Т. 122, № 7. — С. 070501.
9. Митараи К., Негоро М., Китагава М., и Фудзии К. Обучение квантовых схем // Физическое обозрение А. — 2018. — Т. 98, № 3. — С. 032309.
10. МакКлин Дж.Р., Бойкшо С., Смелянский В.Н., Бэббуш Р., и Невен Х. Бесплодные плато в ландшафтах обучения квантовых нейронных сетей // Научные сообщения. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 4812.

© Ежицкая Дарья Дмитриевна (gubinadd18@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.12

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ УРОВНЯ ЗНАНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ЗНАНИЙ И ПРОВЕРКУ ЗНАНИЯ SQL

AN INFORMATION SYSTEM FOR MONITORING STUDENTS' KNOWLEDGE LEVELS THAT PROVIDES CAPABILITIES FOR CONDUCTING CLASSICAL KNOWLEDGE TESTING AND ASSESSING SQL PROFICIENCY

S. Zavozkin

Summary. In the context of digital education, the automation of learning efficiency assessment has become increasingly significant. An effective control system at all stages of education forms an essential component of the learning environment, improving the quality of professional training. Automation not only optimizes performance evaluation but also creates a productive feedback mechanism.

For the Institute of Digital Technologies, one core discipline is 'Databases.' Traditional testing tools fail to provide automated assessment of SQL programming skills. To address this limitation, a proprietary information testing system was developed, enabling both conventional knowledge testing and SQL proficiency evaluation across various relational databases. This paper presents the process of developing the proposed information system. As part of the study, a comparative analysis of eight existing testing systems was conducted, system design was carried out using UML notation, implementation tools were selected, and a proprietary information system was developed and prepared for pilot deployment.

Keywords: testing of students, automated knowledge assessment, SQL, information system.

Завозкин Сергей Юрьевич
кандидат технических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Кемеровский государственный университет
shade_s@mail.ru

Аннотация. В современных условиях цифрового обучения вопрос автоматизации контроля эффективности учебного процесса становится наиболее актуальным. Эффективная система контроля на всех этапах обучения становится неотъемлемой частью образовательной среды, обеспечивая повышение качества подготовки специалистов. Автоматизация этого процесса не только оптимизирует оценку достижений, но и способствует созданию эффективной системы обратной связи.

Для института цифры одной из базовых является дисциплина с названием «Базы данных». Классические системы тестирования не предоставляют возможности выполнить автоматизированное тестирование на знание языка программирования SQL. Для решения проблемы принято решение о разработке собственной информационной системы тестирования знаний обучающихся, предоставляющей возможности как проведения классического тестирования знаний, так и проверку знания языка SQL для различных реляционных баз данных.

В данной работе рассмотрен процесс создания разработанной информационной системы. В ходе исследования был проведен сравнительный анализ восьми существующих систем тестирования, выполнено проектирование с использованием диаграмм в нотации UML, определены инструменты для реализации, а также создана и подготовлена к тестовой эксплуатации собственная информационная система.

Ключевые слова: тестирование обучающихся, автоматизированная оценка знаний, SQL, информационная система.

Оценка качества усвоения учебного материала является важной частью образовательного процесса. Эффективно выстроенная система контроля знаний способствует повышению результативности учебной деятельности, формирует обратную связь со студентом и напрямую влияет на уровень профессиональной компетенции будущих специалистов. Такой подход дает возможность своевременно определять недочеты в подготовке обучающихся, оценивать эффективность педагогических методов и выстраивать приоритеты в организации учебного процесса. Существуют различные способы проверки знаний: устный опрос, индивидуальное задание, письменная работа, тестирование, проектная и исследовательская работа, дифференцированная проверочная работа и многое другое. Каждый из указанных способов имеет собственные преимущества и применяется в зависимости от целей и содержания учебного курса.

В условиях цифровизации образования контроль знаний все чаще реализуется посредством использования автоматизированных систем тестирования. Подобные платформы обеспечивают проведение проверки знаний с использованием компьютерных технологий, позволяя комбинировать различные типы заданий: множественный выбор, открытые ответы, сопоставление элементов и другие. Автоматизация процесса тестирования ускоряет обработку результатов, повышает объ-

ективность оценивания и создает условия для детального анализа уровня подготовки обучающихся, что делает контроль знаний более точным и эффективным инструментом образовательной деятельности.

В Кемеровском государственном университете (КемГУ) создана электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС), представляющая собой совокупность цифровых ресурсов, программных инструментов, информационных и телекоммуникационных технологий и сервисов, предназначенных для обеспечения образовательного процесса. В состав ЭИОС входит система компьютерного адаптивного тестирования (СКАТ), осуществляющая автоматизацию процесса тестирования [2].

Система СКАТ поддерживает классические типы вопросов, включая: выбор одного или нескольких правильных ответов, заполнение пропусков словами, расположение элементов в заданной последовательности и другие подобные варианты. Однако функциональные возможности данной системы ограничены: она не предусматривает проверку навыков программирования и написания кода на различных языках. В результате студенты вынуждены обращаться к сторонним образовательным платформам и самостоятельно развивать практические умения программирования. У СКАТ есть ряд недостатков помимо этого:

— СКАТ устарел визуально, к тому же он не адаптивен, что не позволяет комфортно работать с ним на мобильном устройстве.
— Стек технологий, на котором работает система, не поддерживается, документация утеряна. Развивать систему крайне затруднительно.
— Система привязана к СУБД ORACLE доступ к которой ограничен на территории РФ и официальная поддержка отсутствует.

При изучении учебной дисциплины «Базы данных» проверка уровня владения языком программирования SQL требует применения автоматизированной тестирующей системы, оснащенной функционалом для выполнения программного кода и анализа возможных ошибок при его выполнении. Такой подход способствует ускорению процесса обучения и повышению его эффективности. Однако, действующая система СКАТ не предусматривает реализацию данной функциональности.

Исходя из сказанного, цель данной работы — разработка информационной системы тестирования (далее ИС) знаний обучающихся, предоставляющей возможности как проведения классического тестирования знаний, так и проверку знания языка SQL для различных реляционных баз данных [3].

На стартовом этапе исследования был выполнен обзор и сравнительная оценка доступных информационных систем, ориентированных на проведение многоформатного тестирования обучающихся: «Система компьютерного адаптивного тестирования (СКАТ) КемГУ», «Яндекс.Контест» [4], «Codewars» [5], «HackerRank» [6], «Codecademy» [7], «Socrative» [8], «Визуальная студия тестирования» [9], «Moodle» [10].

По итогам рассмотрения возможностей и ограничений имеющихся информационных систем обоснована необходимость создания собственного решения в формате веб-приложения, реализующего взаимодействие с базой данных через специализированные веб-сервисы, что повышает удобство эксплуатации и обеспечивает масштабируемость архитектуры.

Далее были определены основные пользовательские и системные требования к создаваемому программному продукту [3]. Разрабатываемая информационная система тестирования знаний обучающихся предназначена для проведения классического тестирования и включает четыре типа заданий: с единственным выбором ответа, с множественным выбором, с открытым ответом и на проверку знаний языка SQL. Для всех видов пользователя доступны функции авторизации, редактирования личных данных и восстановления доступа к учетной записи посредством электронной почты.

Ключевые функции пользователя с ролью «Студент»:

1. получение информации о доступных тестах;
2. выполнение тестовых заданий по проверке знаний языка SQL;
3. выполнение классических тестовых заданий;
4. просмотр полученных результатов после завершения теста.

Ключевые функции пользователя с ролью «Преподаватель»:

1. формирование тестов в модуле конструктора SQL-заданий;
2. создание тестов в модуле стандартного тестирования, с возможностью: выбора типа задания; добавления формулировки вопроса; внесения вариантов ответов при необходимости; указания корректных ответов;
3. редактирование и удаление ранее созданных тестов;
4. назначение тестов студентам или группам студентов;
5. настройка параметров проведения тестирования;
6. анализ и просмотр полученных результатов тестирования.

Ключевые функции пользователя с ролью «Администратор»:

1. управление ролями пользователей;
2. управление учетными записями пользователей: создание, удаление, блокировка.

Системные требования:

1. использование хорошо масштабируемой базы данных;
2. использование реляционной базы данных для проверки знания языка SQL;
3. интеграция с ИС «Рейтинг обучающихся» КемГУ;
4. наличие сервера приложений, предназначенного для размещения и обработки веб-сервисов;
5. использование «тонкого» клиента;
6. применение архитектурного подхода REST API при организации обмена данными.

В разработанной ИС реализована архитектура, основанная на сервисно-ориентированном подходе. Система включает веб-приложение, обмен данными которого с базой данных осуществляется посредством разработанных REST-сервисов. Структура программного решения представлена на рисунке 1 в форме диаграммы развертывания, выполненной в нотации UML.

Разрабатываемая ИС для хранения данных использует документно-ориентированную систему управления базами данных. Основные коллекции: Users, replyStud, Tests. Между коллекциями Users и replyStud установлена связь «один-ко-многим»: одному студенту может принадлежать много историй прохождения теста, однако одна история прохождения теста принадлежит одному студенту. Между коллекциями replyStud и Tests установлена связь "один-к-одному»: одна история прохождения теста принадлежит одному тесту и только один тест может храниться в истории прохождения.

Коллекция Users хранит информацию о пользователях:

— _id — идентификатор пользователя, первичный ключ,
— surname — фамилия,
— name — имя,
— patronim — отчество,
— group_name — группа студента,
— email — электронная почта,
— password — пароль,
— image — картинка учетной записи,
— is_admin — параметр, устанавливающий роль администратора,
— is_lecturer — параметр, устанавливающий роль преподавателя,
— is_verified — параметр, показывающий статус учётной записи,
— token_pass — токен пароля,
— about_test — идентификаторы всех пройденных тестов.

Коллекция Tests хранит информацию о созданных тестах:

— _id — идентификатор теста, первичный ключ,
— numberQues — количество вопросов,
— numberRemaining — количество минут на тест,
— topic — тема теста,
— problemStatement — массив, хранящий постановки задач,
— problemPreview — массив, хранящий дополнительную информацию к самой задаче,
— problemSolution — массив, хранящий пути к скриптам с правильным ответом,
— scriptTable — массив объектов. Параметр path хранит путь к скрипту, который генерирует таблицу. Параметр name хранит имя скрипта. Параметр table_name хранит имя таблицы.
— scriptTableData — массив объектов. Параметр path хранит путь к скрипту, который генериру-

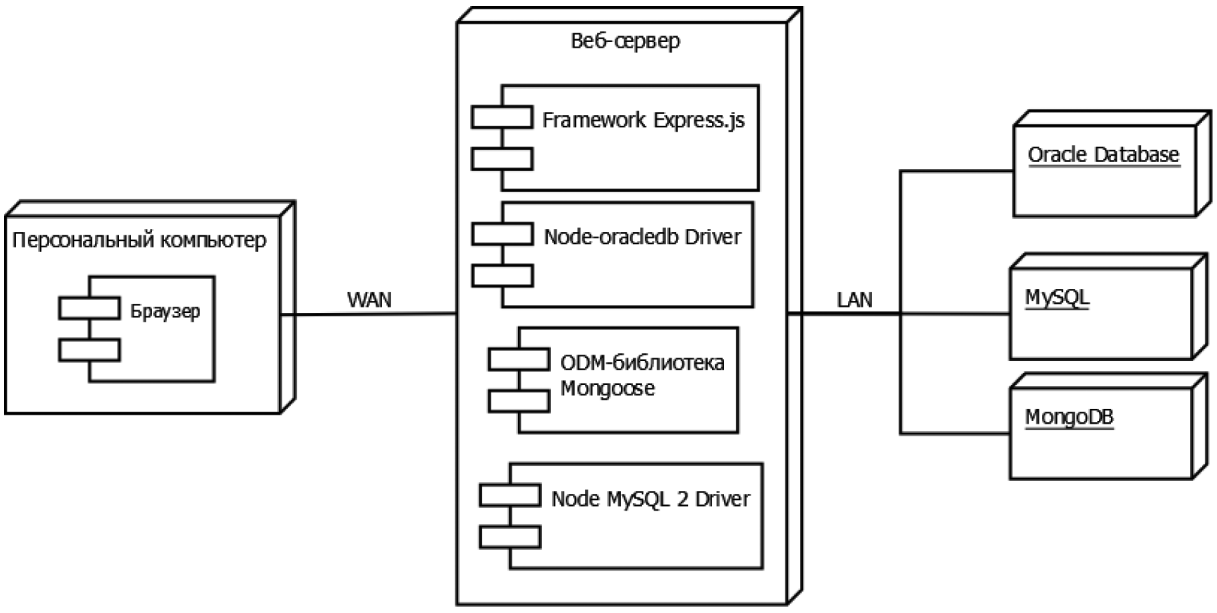

Рис. 1. Диаграмма развёртывания

ет данные в таблице. Параметр name хранит имя скрипта.
- image — массив, хранящий пути к картинкам таблиц,
- token_test — токен теста.

Коллекция replyStud хранит историю с информацией о результатах тестирования для конкретного студента:
- _id — идентификатор тестирования, первичный ключ,
- stud_id — идентификатор студента
- test_topic — массив объектов. Параметр test_id хранит идентификатор пройденного теста. Параметр test_topic хранит тему пройденного теста.
- query_answers — массив, хранящий ответы студента на этот тест,
- quantity — массив объектов. Параметр correct_ans хранит число правильных ответов. Параметр incorrect_ans хранит число неправильных ответов.

Для ИС был построен комплекс моделей в нотации UML, включая диаграмму вариантов использования, диаграммы последовательности действий, диаграмму классов, диаграмму развертывания. На рисунке 2 представлена диаграмма вариантов использования для сценария «авторизация студента».

Программные средства реализации информационной системы:
- JavaScript — язык программирования.
- Node.js — кроссплатформенная среда выполнения JavaScript с открытым исходным кодом.
- Express.js –минималистичный фреймворк для Node.js, упрощающий создание веб-приложений и REST API.
- Node-oracledb — официальный драйвер для подключения Node.js-приложений к базам данных Oracle.
- MongoDB — документо-ориентированная NoSQL СУБД, хранящая данные в виде BSON-документов.
- Oracle Database — промышленная реляционная СУБД.
- SQL — декларативный язык программирования для создания, обработки и хранения данных в реляционных базах данных.

Node.js делает процесс разработки гибким и менее затратным по времени. Использование одного языка

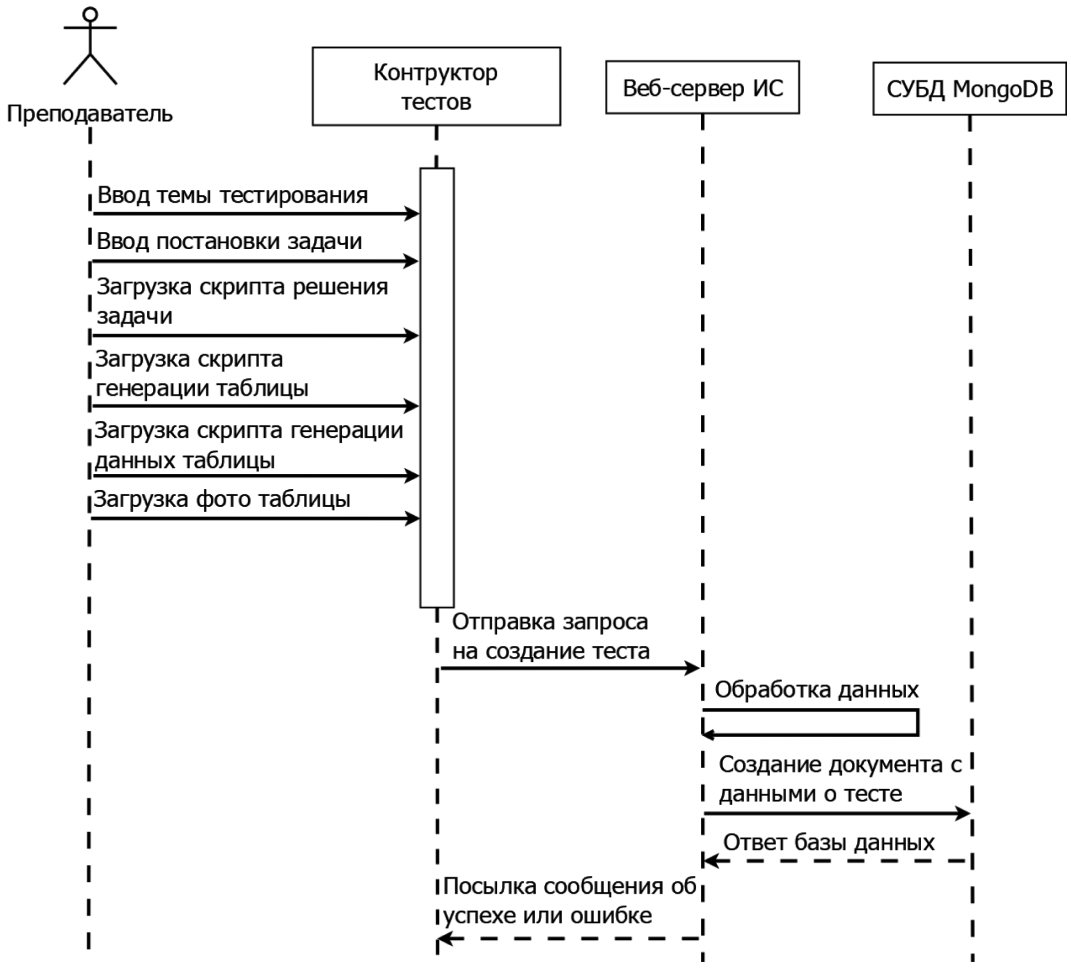

Рис. 2. Диаграмма последовательности для сценария «процесс создания задачи преподавателем»

на стороне клиента и сервера обеспечивает быструю синхронизацию, что особенно полезно для приложений реального времени, основанных на событиях. Благодаря асинхронной однопоточной архитектуре Node.js отлично подходит для проектов, требующих постоянного обновления данных. Наличие менеджера пакетов (NPM) позволяет легко добавлять разнообразные библиотеки.

Проект основан на архитектурном стиле REST API, который предполагает использование определённых принципов и методов для организации взаимодействия между клиентом и сервером через протокол HTTP. REST, что расшифровывается как Representational State Transfer (передача репрезентативного состояния), представляет собой архитектурный подход, разработанный для создания масштабируемых и эффективных веб-сервисов. Этот стиль обеспечивает структурированное и предсказуемое взаимодействие, где каждая операция соответствует определённому HTTP-методу (например, GET, POST, PUT, DELETE) и ресурсы идентифицируются через уникальные URL. Основная цель REST заключается в том, чтобы обеспечить простоту и универсальность обмена данными между системами, делая их легко расширяемыми и поддерживаемыми.

Информационная система состоит из двух основных компонентов: Front-end и Back-end. В Front-end используется шаблонизатор EJS для создания пользовательского интерфейса, что позволяет динамически отображать данные и обеспечивать удобство использования для конечного пользователя. В то время как Back-end включает в себя серверную инфраструктуру, которая обрабатывает запросы от Front-end, управляет данными и выполняет основную логику приложения. Эти две части работают вместе, обеспечивая полноценное функционирование информационной системы.

В приложении используется подход чистой архитектуры (Clean Architecture), который направлен на создание гибких и легко поддерживаемых программных систем.

Система разделена на несколько архитектурных слоев [11]:

— Контроллеры (controllers):
- Отвечают за прием HTTP-запросов от клиентов.
- Обрабатывают входные данные и вызывают соответствующие методы из слоя use_case.
- Подготавливают и отправляют ответы обратно клиентам.
- Не содержат бизнес-логику, а лишь координируют взаимодействие между HTTP и слоем use_case.

— Слой use_case:
- Содержит конкретные случаи использования (use cases) приложения.
- Реализует бизнес-логику и операции, которые могут быть выполнены в системе.
- Независим от внешних фреймворков и библиотек.
- Включает в себя операции, такие как добавление результатов, получение списка тестов и другие важные функции приложения.

— Слой доступа к данным (data-access-layer):
- Содержит репозитории, которые отвечают за взаимодействие с базой данных или другими источниками данных.
- Реализует методы для выполнения операций CRUD (Create, Read, Update, Delete) с объектами предметной области.
- Обеспечивает абстракцию от конкретной реализации базы данных, что облегчает изменение и масштабирование системы.

— Сущности (entity):
- Представляют собой основные объекты бизнес-логики приложения, такие как тесты и пользователи.
- Содержат состояние и поведение объектов в системе.
- Не зависят от других слоев приложения и содержат только логику, специфичную для предметной области.

— Промежуточное программное обеспечение (middleware):
- Обрабатывает промежуточные этапы обработки запросов перед их передачей контроллерам или после получения ответов от контроллеров.
- Выполняют такие задачи, как аутентификация пользователей, обработка исключений, логирование и другие операции, необходимые для обеспечения безопасности и стабильности системы.

— Слой транспорта (transport):
- Определяет маршруты для обработки HTTP-запросов и их направления к соответствующим контроллерам.
- Преобразует внешние запросы в формат, который может быть обработан контроллерами и другими частями приложения.
- Отвечает за взаимодействие с внешними системами и клиентами, обеспечивая интерфейс для работы с приложением.

Приложение на Node.js с использованием фреймворка Express.js предоставляет REST-сервисы для взаимодействия с приложением через протокол HTTP. При обработке запросов на Front-end используются шаблоны EJS для динамической генерации HTML-страниц, что обеспечивает создание интерактивных пользовательских интерфейсов. Каждый маршрут определяет соответствующие обработчики запросов, взаимодействующие с частями приложения для обеспечения необходимого функционала.

На рисунке 3 представлен пример интерфейса для создания задачи на знание SQL для теста.

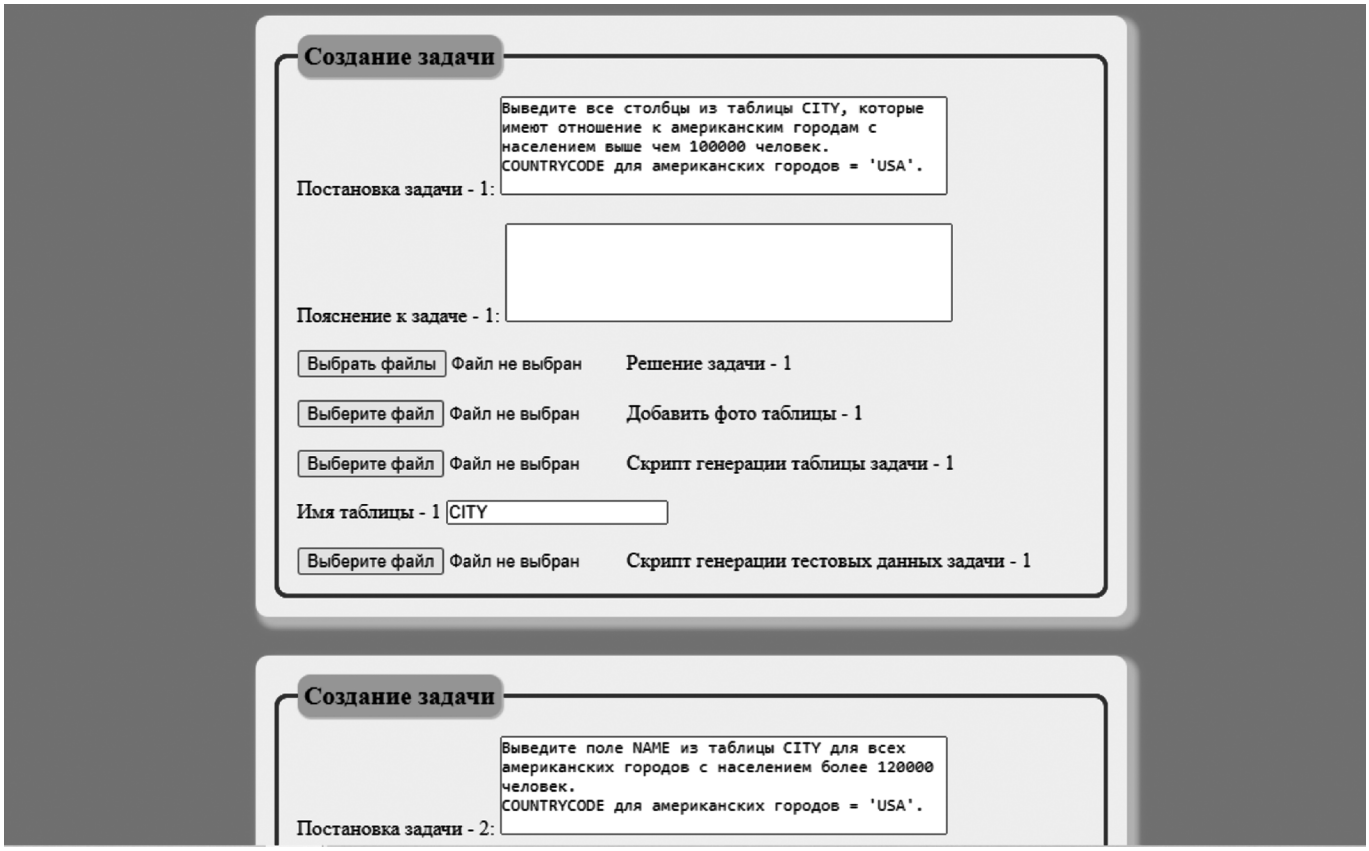

Рис. 3. Создание задач на знание SQL для теста

На данный момент система реализована и планируется к дальнейшему внедрению в тестовую эксплуатацию в КемГУ. В перспективе предусмотрена интеграция разработанной ИС с ИС КемГУ «Рейтинг обучающегося», что позволит автоматически передавать результаты тестирования в ИнфОУПро для их последующей обработки и учета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшенева И.А. Функции и формы контроля как важнейшего компонента учебно-воспитательного процесса / И.А. Горшенева, А.К. Буравлева, Е.А. Буравлев // Вестник экономической безопасности. — 2018. — №4. — С. 301–304.
2. Система компьютерного адаптивного тестирования (СКАТ) [Электронный ресурс] // URL: https://xiais.kemsu.ru/tests/?backToNewEios=https://eios.kemsu.ru/a/eios/personal-area (Дата обращения 30.10.2025).
3. Завозкин С.Ю. (науч. рук), Корбин Е.К., Оспищев А.А. Информационная система контроля уровня знания SQL // Материалы XVIII (L) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченной к 50-летию КемГУ — г. Кемерово: Кемеровский государственный университет. — 2023. — С.129–131.
4. Яндекс Контест. Тесты и решения [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/support/contest-management/problem/tests.html (дата обращения: 30.10.2025).
5. Codewars / The Codewars Docs [Электронный ресурс] // URL: https://docs.codewars.com/ (дата обращения: 30.10.2025).
6. HackerRank — Online Coding Tests and Technical Interviews [Электронный ресурс] // URL: https://www.hackerrank.com/ (дата обращения: 30.10.2025).
7. Using Codecademy — Codecademy Help Center [Электронный ресурс] // URL: https://help.codecademy.com/hc/en-us/categories/202886527-Using-Codecademy (дата обращения: 30.10.2025).
8. Socrative [Электронный ресурс] // URL: https://b.socrative.com/teacher/#launch (Дата обращения 30.10.2025).
9. Визуальная студия тестирования [Электронный ресурс] URL: https://www.mmis.ru/programs/vts (Дата обращения: 30.10.2025).
10. Moodle (СКАТ) [Электронный ресурс] URL: https://moodle.org (Дата обращения: 30.10.2025).
11. Мартин Р.С. Чистая архитектура. Искусство разработки программного обеспечения / Р.С. Мартин // Питер. — 2022. — 352 с.

© Завозкин Сергей Юрьевич (shade_s@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.13

ПОИСК ОПТИМАЛЬНОГО ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ МАРКОВИЦА, КОЭФФИЦИЕНТА ШАРПА И КРИТЕРИЕВ ТЕОРИИ ИГР С ПРИРОДОЙ

SEARCH FOR OPTIMAL DECISION-MAKING BASED ON MARKOWITZ THEORY, THE SHARPE RATIO AND CRITERIA OF GAME THEORY WITH NATURE

A. Zelyaev

Summary. The search for optimal decision-making in financial markets is highly relevant due to the strong growth in popularity of the stock market in Russia, the number of brokerage accounts on the Moscow Exchange has grown more than 20 times over ten years and reached 36 million. The small number and availability of scientific research to the general population do not cover the increased demand. The article presents the results of a study in the field of searching for optimal decision-making using the mathematical model of Markowitz optimization, the Sharpe ratio, and criteria of game theory with nature Wald, Savage, Laplace, maximax and Hurwitz. Using the sliding correlation method, two assets are selected, which are used in the formation of 11 strategies. Game theory with nature allows to solve the problem of finding the optimal strategy in an environment with high entropy, i.e., high, or complete uncertainty. Particular attention is paid to the Hurwitz criterion, which allows to introduce an additional variable and determine several strategy options depending on the level of optimism of the player. The paper presents calculations on real data on selected assets for a period of 10 years from 2015 to 2024. The 10-year sample includes information on both periods of increased volatility (crises) and periods with low uncertainty, which makes this study objective. Based on the results of the work, a methodology for determining the priority sequence of strategy selection is proposed. The calculations demonstrated the correctness of the proposed concept, the method improved the search for decision making and expanded the traditional approach of modern portfolio theory.

Keywords: modern Markowitz theory, Sharpe ratio, game theory with nature, Wald, Savage, Laplace, maximax and Hurwitz criteria.

Зеляев Алексей Эрикович
Аспирант, Ульяновский государственный университет
persistent@bk.ru

Аннотация. Поиск оптимального принятия решений на финансовых рынках имеет высокую актуальность в связи с сильным ростом популярности фондового рынка в России, количество брокерских счетов на Московской бирже за десять лет выросло более чем в 20 раз и достигло 36 млн. Малочисленность и доступность широким слоям населения научных исследований не покрывают возросший спрос. В статье представлены результаты исследования в сфере поиска оптимального принятия решений с использованием математической модели оптимизации Марковица, коэффициента Шарпа и критериев теории игр с природой Вальда, Сэвиджа, Лапласа, максимакса и Гурвица. С помощью метода скользящей корреляции выполнен отбор двух активов, которые используются в формировании 11 стратегий. Теория игр с природой позволяет решить задачу поиска оптимальной стратегии в среде с высокой энтропией, т.е. высокой или полной неопределенностью. Особенное внимание уделяется критерию Гурвица, который позволяет ввести дополнительную переменную и определить несколько вариантов стратегий в зависимости от уровня оптимизма игрока. В работе приводятся расчеты на реальных данных по выбранным активам за период 10 лет с 2015 по 2024 годы. Выборка за 10 лет включает в себя информацию как о периодах повышенной волатильности (кризисах), так и о периодах с низкой неопределённостью, что делает данное исследование объективным. По итогам работы предложена методика определения приоритетной последовательности выбора стратегий. Расчеты продемонстрировали корректность предложенной концепции, метод улучшил поиск принятия решений и расширил традиционный подход современной портфельной теории.

Ключевые слова: современная теория Марковица, коэффициент Шарпа, теория игр с природой, критерии Вальда, Сэвиджа, Лапласа, максимакса и Гурвица.

Поиск оптимального принятия решений на финансовых рынках имеет высокую актуальность в связи с бурным ростом популярности фондового рынка в России. Количество брокерских счетов как физических лиц, так и юридических активно растет. По итогам марта 2025 года число физических лиц, имеющих брокерские счета составило 36,26 млн, ими открыто 67,14 млн счетов. Суммарный объем инвестиций физлиц на фондовом рынке Московской биржи в марте составил 250 млрд рублей [1]. На конец 2014 года количество брокерских счетов было всего 2,8 млн, т.е. за десять лет рост составил более чем в 20 раз. Высокую актуальность также подтверждает то, что государство активно стимулирует развитие долгосрочных инвестиций. В 2015 году была запущена государственная программа — индивидуальный инвестиционный счет (ИИС). С помощью налоговых льгот она стимулирует рост популярности инвестиций у населения. По данным Мосбиржи в 2025 году коли-

чество индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС) превысило 6 млн. [1].

К сожалению, рост популярности инвестиций не сопровождается аналогичным ростом финансовой грамотности. Большинство новых инвесторов не умеют грамотно формировать инвестиционные портфели, выбирать стратегии и контролировать риски.

Фондовый рынок характеризуется высокой энтропией, на динамику котировок влияют сотни различных факторов: экономических, политических, природных и др. Нобелевский лауреат Канеман и его коллега Тверски доказали, что человек не просто нерационален, а он нерационален систематически, в определенных условиях, в определенном контексте и определенным образом. И показали, что значительное большинство отклоняется от рационального поведения [2]. А это означает, что для качественного принятия решения необходимо опираться на научно обоснованные математические методы.

Теория Гарри Марковица помогает выбрать оптимальные портфели с учетом баланса между ожидаемой доходностью и риском, однако она предполагает стационарность и нормальное распределение доходностей, что не всегда соответствует реальным условиям В теории игр с природой как раз рассматриваются ситуации, где один игрок (человек или ЛПР — лицо, принимающее решение) действует в условиях неопределённости, а второй игрок — «природа» — не имеет конкретных целей и не стремится к выигрышу или проигрышу, т.е. безразличен к результату.

Ряд выдающихся ученых в области теории игр были отмечены Нобелевскими премиями. Это Дж. Нэш, Д. Харсаньи и Р. Зельтен (1994) за вклад в анализ равновесия в теории некоалиционных игр, Ф. Кидланд и Э. Прескотт (2004) за изучение влияния фактора времени на конкурентную политику и исследование бизнес-циклов, Р. Ауман и Т. Шеллинг (2005) за углубление нашего понимания сути конфликта и сотрудничества путем анализа методами теории игр, Л. Гурвиц, Э. Маскин и Р. Майерсон (2007) за создание основ теории аукционов и организации стратегических взаимодействий [3].

При принятии решений в условиях неопределенности следует оценивать различные варианты с точки зрения нескольких критериев. Если рекомендации совпадают, можно с большей уверенностью выбрать наилучшее решение; если рекомендации противоречат друг другу, окончательное решение надо принимать с учетом его сильных и слабых сторон [4].

Объект исследования — индекс московской биржи полной доходности MCFTR и золото в рублях GLDRUB.

Цель работы: с помощью математической моделей Марковица, коэффициента Шарпа и критериев теории игр с природой предложить методику определения приоритетной последовательности выбора стратегий [5]. Проведенные расчеты продемонстрировали корректность предложенной концепции, метод улучшил поиск принятия решений и расширил традиционный подход современной портфельной теории.

Поиск оптимальных стратегий с помощью теории Марковица

Современная теория Марковица была обнародована в 1952 году. Позже автор получил за нее Нобелевскую премию. Целью модели является максимизация доходности при заданном уровне риска, минимизация риска при заданной доходности, диверсификация для снижения риска [6].

Доходность актива выражается в математическом ожидании. Доходность портфеля измеряется как средневзвешенная сумма доходностей входящих в него активов.

$$r_p = \sum_{i=1}^{n} w_i \cdot r_i, \quad (1)$$

w_i— доля инструмента в портфеле;

r_i— доходность инструмента.

Риск отдельного инструмента оценивается как среднеквадратичное (стандартное) отклонение его доходности. Для расчета общего риска портфеля необходимо отразить совокупное изменение рисков отдельного инструмента и их взаимное влияние (через ковариации и корреляции).

$$\sigma_p = \sqrt{w_i \cdot w_j \cdot V_{ij}} = \sqrt{\sum_{i=1}^{n} w_i^2 \cdot \sigma_i^2 + 2\sum_{i=1}^{n-1}\sum_{j=i+1}^{n} w_i \cdot w_j \cdot k_{ij} \cdot \sigma_i \cdot \sigma_j} \quad (2)$$

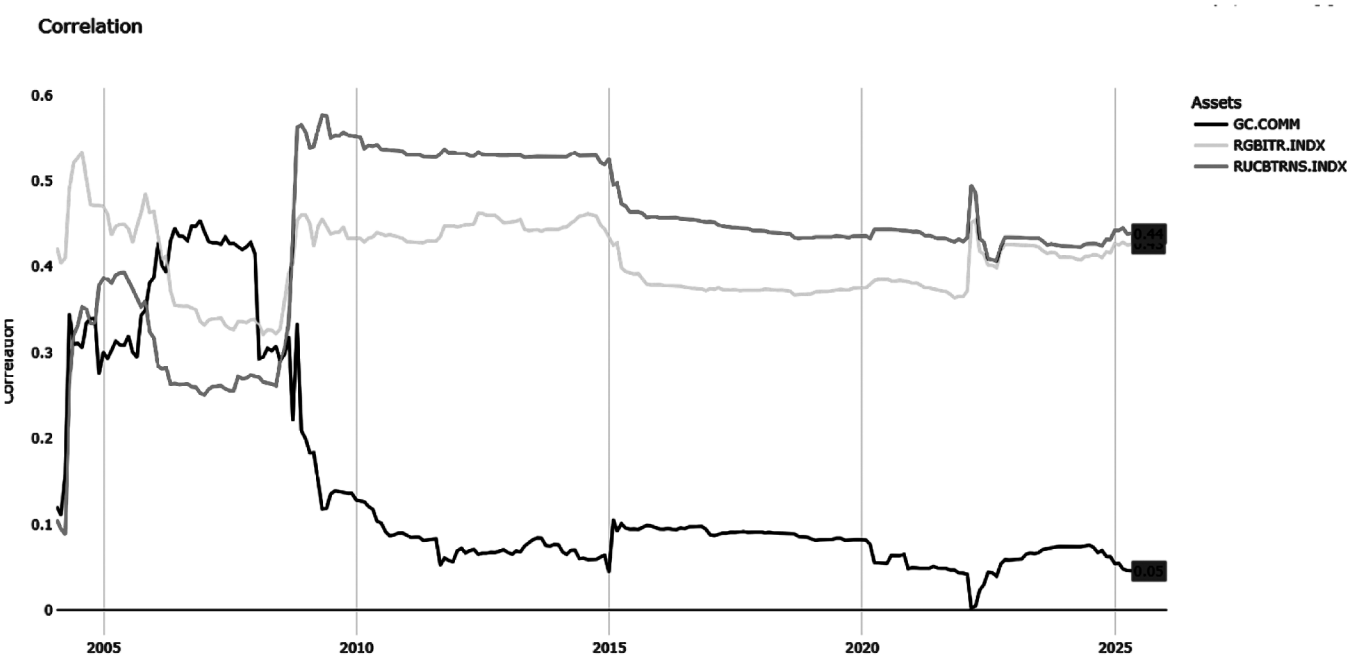
σ_i — стандартное отклонение доходностей инструмента;

k_{ij} — коэффициент корреляции между *I,j*-м инструментом;

V_{ij} — ковариация доходностей *i*-го и *j*-го финансового инструмента;

n — количество финансовых инструментов в рамках портфеля.

Для составления портфеля решается оптимизационная задача. При этом в базовом виде использование за-

емных средств не предполагается, то есть сумма долей активов равняется единице, а доли эти положительны.

В соответствии с теорией Марковица для снижения общего риска портфеля необходимо минимизировать k_{ij} — коэффициент корреляции между входящими в него активами. С помощью корреляционного анализа определяем актив с наименьшей корреляцией к MCFTR

С помощью скользящей корреляции на данных с 2003 по 2025 годы определили, что актив, который имеет наименьшую корреляцию это золото. [7].

Для поиска оптимальной стратегии по Марковицу и построения матрицы выигрышей формируют 11 стратегий из выбранных активов MCFTR и Gold последовательно меняя долю каждого с шагом 10% [8]. Для проведения расчетов использую ежемесячные данные цен закрытия на московской бирже за период 2015–2024 годы. Выборка за 10 лет включает в себя информацию как о периодах повышенной волатильности (кризисах), так и о периодах с низкой неопределённостью, что делает данное исследование объективным.

С помощью статистического исследования определяем следующие параметры активов (Таблица 1).

Таблица 1.

Статистические параметры активов

	GOLD	MCFTR
Математическое ожидание	0,011482958014734	0,0111087559812807
Стандартное отклонение	0,0740684454463584	0,0634550847711634
Дисперсия	0,0054861346108401	0,0040265477833155

Корреляция с 2015 по 2024 составляет –0,121046111623238

Определение математических параметров стратегий

Для всех 11 вариантов стратегий рассчитаем ожидаемую доходность и дисперсию с учетом пропорций активов в стратегиях.

Формула дисперсии портфеля

$$\delta_p^2 = \delta_1^2 \cdot \theta_1^2 + \delta_2^2 \cdot \theta_2^2 + 2 \cdot \delta_1 \cdot \theta_1 \delta_2 \cdot \theta_2 \cdot r_{12} \quad (3)$$

Сигма обозначает стандартное отклонение ценной бумаги, тета — удельный вес актива в портфеле, r_{12} — коэффициент корреляции между выбранными активами (Таблица 2).

Таблица 2.

Варианты портфелей с разными весами активов

Стратегии	вес gold	вес MCFTR	дисперсия	ожидаемая доходность
№1	100 %	0 %	0,0054861	0,0114830
№2	90 %	10 %	0,0043816	0,0114455
№3	80 %	20 %	0,0034901	0,0114081
№4	70 %	30 %	0,0028116	0,0113707
№5	60 %	40 %	0,0023462	0,0113333
№6	50 %	50 %	0,0020937	0,0112959
№7	40 %	60 %	0,0020543	0,0112584
№8	30 %	70 %	0,0022278	0,0112210
№9	20 %	80 %	0,0026144	0,0111836
№10	10 %	90 %	0,0032140	0,0111462
№11	0 %	100 %	0,0040265	0,0111088

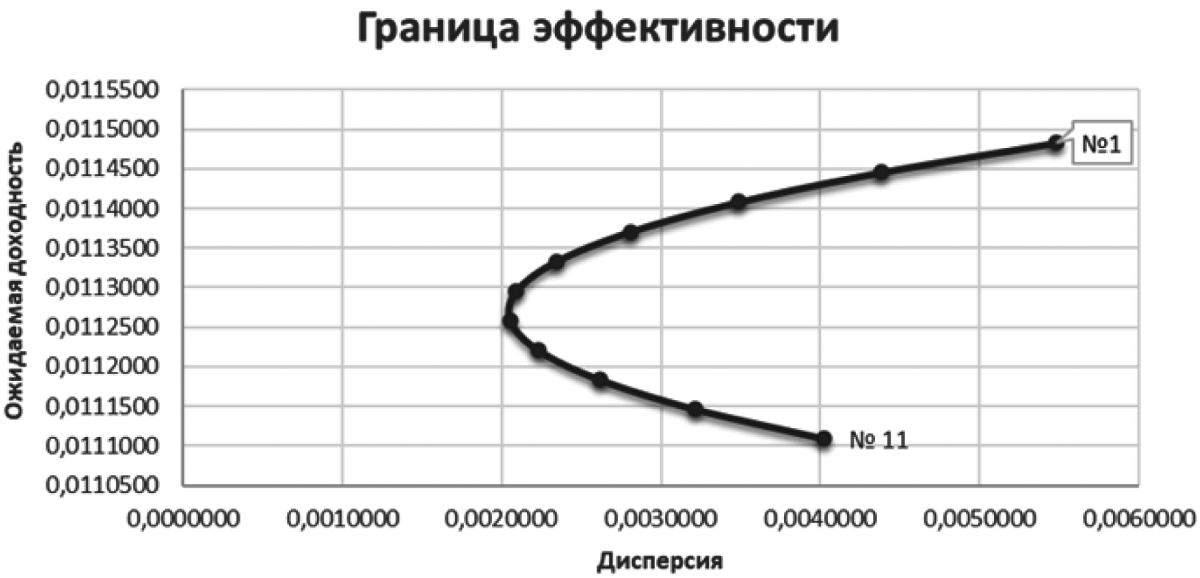

Рис. 1. Граница эффективности по Марковицу

По полученным данным строим график границы эффективности (Рис. 1). Все оптимальные портфели расположены на синей линии. Любые варианты выше графика недостижимы: не существует портфелей с таким отношением доходности к риску. А портфели ниже графика неэффективны: у них хуже соотношение доходности и риска.

В соответствии с теорией Марковица оптимальными стратегиями являются № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. Стратегии № 8, 9, 10, 11 по отношению к другим стратегиям имеют доходность ниже, при равных показателя риска (дисперсии), значит они не оптимальны (по теории Марковица).

В играх с природой математически рассматривается ситуация принятия решения в условиях неопределённости, когда один игрок — лицо, принимающее решение (обозначается как игрок А) — выбирает стратегию $A_1,A_2,...,A_m$, а другой «игрок» — природа (обозначается как П) — не является сознательным противником, а представляет собой множество возможных состояний окружающей среды или условий, которые реализуются случайно или неопределённо $П_1, П_2,...,П_n$, что соответствует ситуации на фондовом рынке. Результаты игры задаются матрицей выигрышей $P=||p_{ij}||$, где p_{ij} — выигрыш игрока при выборе стратегии A_i и состоянии природы $П_j$. [9]

Для поиска оптимальных стратегий с использованием критериев теории игр с природой необходимо построить матрицу выигрышей. В качестве выигрыша используется коэффициент Шарпа [11], который рассчитывается по формуле

$$\text{Sarpratio} = \frac{E_r - r_F}{\sigma}, \quad (4)$$

где E_r — ожидаемая доходность портфеля, r_F — безрисковая доходность, σ — стандартное отклонение портфеля [8]. Он позволяет оценить «выигрыш», который инвестор может получить от вложения в рассматриваемые стратегии, скорректированный на рисковую составляющую. Рассчитаем коэффициент Шарпа для всех 11 стратегий для каждого года с 2015 до 2024.

В качестве безрисковой ставки доходности используется ставка RUONIA за интервал 2015–2024 годы [12].

Критерий Вальда (максиминный)

$$W = \max_i \min_j p_{ij} \quad (5)$$

Определяет оптимальность стратегии с позиции выигрыша. Критерий Вальда обеспечивает максимальный среди минимальных выигрышей [6]. В итоге мы должны получить так называемый «гарантированный результат».

Критерию Вальда соответствует столбец W_i в таблице 3: сначала оцениваем минимальные выигрыши по каждой стратегии, а затем берем максимальный среди этих минимальных. Такое значение отмечено синим цветом. Оно соответствует портфелю № 2, состоящему на 90 % из актива Gold и на 10 % из MCFTR.

Критерий Лапласа

$$L_{max} = \max_i \frac{1}{n} \sum_{j=1}^{n} p_{ij} \quad (6)$$

оценивает каждую стратегию как средний выигрыш во всех возможных состояниях. Его значения находятся в столбце L_i в таблице 3. Предпочтительная стратегия соответствует максимальному значению, это стратегия №11–100 % MCFTR

Таблица 3.

Матрица выигрышей Шарпа

№	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	W_i	L_i	U_i
1	0,034	–0,218	–0,206	0,183	–0,102	0,395	–0,248	–0,092	0,575	0,451	–0,248	0,077	0,575
2	0,047	–0,191	–0,232	0,202	–0,057	0,425	–0,235	–0,130	0,606	0,438	–0,235	0,087	0,606
3	0,062	–0,157	–0,251	0,226	–0,001	0,458	–0,214	–0,178	0,635	0,408	–0,251	0,099	0,635
4	0,080	–0,113	–0,259	0,253	0,071	0,484	–0,182	–0,237	0,661	0,355	–0,259	0,111	0,661
5	0,101	–0,057	–0,259	0,282	0,161	0,479	–0,134	–0,304	0,684	0,275	–0,304	0,123	0,684
6	0,125	0,019	–0,253	0,309	0,272	0,421	–0,067	–0,364	0,702	0,176	–0,364	0,134	0,702
7	0,151	0,117	–0,243	0,322	0,401	0,325	0,011	–0,399	0,715	0,077	–0,399	0,148	0,715
8	0,178	0,242	–0,232	0,312	0,532	0,228	0,082	–0,402	0,723	–0,008	–0,402	0,166	0,723
9	0,205	0,380	–0,221	0,282	0,638	0,151	0,137	–0,384	0,725	–0,074	–0,384	0,184	0,725
10	0,228	0,504	–0,211	0,243	0,704	0,093	0,175	–0,359	0,723	–0,125	–0,359	0,197	0,723
11	0,245	0,585	–0,201	0,206	0,730	0,050	0,201	–0,335	0,715	–0,164	–0,335	0,203	0,730
B_j	0,245	0,585	–0,201	0,322	0,730	0,484	0,201	–0,092	0,725	0,451	**–0,235**	**0,203**	**0,730**

Критерий Максимакса $U = \max_i \max_j p_{ij}$ #(7)

Часто называют критерием крайнего оптимизма. Игрок выбирает самую благоприятную стратегию из всех стратегию с максимальным коэффициентом Шарпа (т.е. максимальное из максимальных). В столбец U_i таблицы 3 находятся максимальные выигрыши по каждой стратегии. Критерию Макмисмакса соответствует максимальный вариант — портфель №11

Критерий Сэвиджа (минимаксный по риску)

$$S_{min} = \min_i \max_{j\Delta} p_{ij} \qquad (8)$$

оптимальной стратегией для инвестора по критерию Сэвиджа будет та, что обеспечит минимальный среди максимальных рисков. Этот критерий еще называют критерием крайнего пессимизма. Находим максимальное значение коэффициента Шарпа для каждого периода. Расчеты представлены в строке B_j таблицы 3.

Рассчитываем риск — разница между максимальным выигрышем в каждом состоянии природы и выигрышем выбранной стратегии.

$$\Delta p_{ij} = \max_i p_{ij} - p_{ij} \qquad (9)$$

Другими словами, это риск недополучения доходности. По критерию Сэвиджа мы выбираем минимальный риск среди максимальных — стратегию №8, состоящую на 30 % из актива Gold и на 70 % из MCFTR.

Критерий Гурвица (пессимистическо-оптимистичный)

$$H = max\left\{\lambda * max_j p_{ij} + (1-\lambda) * min_j p_{ij}\right\}, \qquad (10)$$

где $\lambda \in [0,1]$ коэффициент оптимизма. При λ=0 критерий совпадает с критерием Вальда, при λ=1 — с критерием максимакса. Гурвиц предложил критерий, оценочная функция которого находится где-то между точками предельного оптимизма и крайнего пессимизма. Значение λ можно выбирать в зависимости от риска профиля лица, принимающего решение, при отсутствии предпочтений значение λ разумно брать за 0,5.

Найдет все предпочтительные стратегии по критерию Гурвица, увеличивая коэффициент оптимизма с шагом 0,1 от 0 до 1 (Таблица 5).

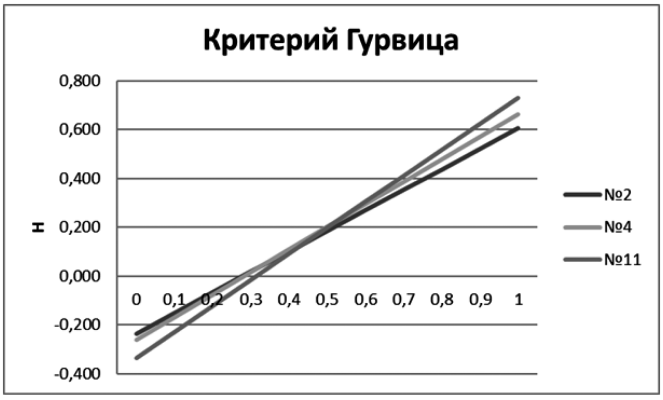

Рис. 2. График предпочтительных стратеги по критерию Гурвица

Таблица 4.

Матрица рисков и оптимальный выбор по критерию Сэвиджа

№	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	S_i
1	0,211	0,803	0,005	0,139	0,832	0,089	0,449	0,000	0,150	0,000	0,832
2	0,198	0,776	0,031	0,120	0,787	0,059	0,436	0,038	0,120	0,013	0,787
3	0,182	0,742	0,049	0,096	0,731	0,026	0,416	0,085	0,091	0,042	0,742
4	0,164	0,699	0,058	0,069	0,659	0,000	0,384	0,145	0,064	0,095	0,699
5	0,143	0,642	0,058	0,039	0,569	0,005	0,335	0,211	0,041	0,176	0,642
6	0,120	0,567	0,051	0,013	0,457	0,063	0,268	0,272	0,023	0,275	0,567
7	0,094	0,468	0,041	0,000	0,329	0,159	0,191	0,307	0,010	0,374	0,468
8	0,066	0,344	0,030	0,010	0,198	0,256	0,119	0,310	0,002	0,459	0,459
9	0,040	0,205	0,019	0,040	0,091	0,333	0,064	0,292	0,000	0,525	0,525
10	0,017	0,081	0,009	0,078	0,026	0,391	0,026	0,267	0,003	0,576	0,576
11	0,000	0,000	0,000	0,115	0,000	0,434	0,000	0,242	0,010	0,614	0,614
										Минимакс	0,459

Таблица 5.

Критерий Гурвица

№\λ	0	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	1
2	**–0,235**	**–0,151**	**–0,067**	**0,017**	0,101	0,186	0,270	0,354	0,438	0,522	0,606
4	–0,259	–0,167	–0,075	0,017	**0,109**	**0,201**	0,293	0,385	0,477	0,569	0,661
11	–0,335	–0,228	–0,122	–0,015	0,091	0,198	**0,304**	**0,410**	**0,517**	**0,623**	**0,730**

Как видно из результатов в Таблице 5, степень привлекательности стратегии зависит от значения λ — степени оптимизма игрока.

Условно можно выделить три типа инвесторов по критерию Гурвица:

1. 0 <λ <0,32 — консервативные инвесторы.
2. 0,32 <λ <0,52 — сбалансированные инвесторы.
3. 0,52 <λ <1 — агрессивные инвесторы.

В нашем случае, если инвестор консервативен, то есть его склонность к риску от 0 до 0,32, ему следует выбрать портфель № 2. Если приверженность инвестора к риску сбалансирована, то предпочтительнее вариант № 4— оптимальный выбор по критерию Гурвица (λ = 0,5). Агрессивным инвесторам следует выбирать стратегию №11

Результаты

С помощью теории Марковица, критериев теории игр Вальда, Лаплса, максимакса, Сэвиджа, Гурвица и коэффициента Шарпа были получены две предпочтительных стратегии: 2 и 11, они «набрали по 3 голоса». За наблюдаемый период их доход составил 295 % и 279 % соответственно.

Таблица 6.

Предпочтительные стратегии

Критерии	Номер стратегии
Теория Марковица	1,2,3,4,5,6,7
Критерий Вальда	2
Критерий Лапласа	11
Критерий Максимакса	11
Критерий Сэвиджа	8
Критерий Гурвица	2,4,11

Выводы

Для взвешенного принятия решения в финансовой сфере необходимо учитывать множество факторов, необходимо учитывать сроки и толерантность к риску

в каждом конкретном случае. Предложенная методика поиска принятия решений показывает на практике, что использование теории Марковица, коэффициента Шарпа и критериев теории игр с природой в условиях неопределенности помогают учесть отношение к риску, улучшить характеристики портфеля и сделать обоснованный выбор стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Частные инвесторы в марте вложили в акции и облигации на Московской бирже 250 млрд рублей // ПАО Московская Биржа URL: https://www.moex.com/n89174?nt=0 (дата обращения: 14.05.2025).
2. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. — 1979. — №2. — С. 263–291.
3. Мазалов В.В. Математическая теория игр и приложения: учебное пособие / В.В. Мазалов. — Москва: Лань, 2017. — 448 с.
4. Обухова Г.А. Введение в теорию игр: учебное пособие / Г.А. Обухова. — Рубцовск, 2012. — 38 с
5. Кухаренко А.Ю., Халиков М.А. Выбор портфеля неинституционального инвестора с использованием критерия Вальда–Сэвиджа // Фундаментальные исследования. — 2019. — № 5. — С. 62–68.
6. Markowitz H.M. Portfolio selection // Journal of Finance. — 1952. — №7. — С. 77–91.
7. Okama.io: официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://okama.io. — Дата обращения: 03.05.2025.
8. Зеляев А.Э. Поиск оптимального принятия решений на основе теории Марковица, критериев Вальда и Сэвиджа для разных типов стратегий / А.Э. Зеляев, А.А. Смагин // Научные исследования и разработки молодых ученых: Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых, посвященной Дню аспиранта, Ульяновск, 21 января 2024 года. — Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2024. — С. 37–42. — EDN CRNNAE.
9. Свитачева М.П. Теория игр: методические указания / М.П. Свитачева; Красноярский государственный аграрный университет. — 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск, 2018. — 43 с
10. Как грамотно составить инвестиционную стратегию в соответствии с портфельной теорией Марковица и критериями Вальда и Сэвиджа // Тинькофф Журнал URL: https://journal.tinkoff.ru/portfolio-strategy/ (дата обращения: 05.02.2024).
11. Sharp W. Simplified model for portfolio analysis // Management Sciences. — 1963. vol. 9. № 2. — С. 277–293.
12. Ставка RUONIA (Ruble Overnight Index Average) // Центральный банк России URL: https://www.cbr.ru/hd_base/ruonia/ (дата обращения: 05.02.2024).

© Зеляев Алексей Эрикович (persistent@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.15

ОЦЕНКА ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ ООВО

ASSESSING THE DIGITAL MATURITY OF HEIS

A. Kantalinskiy-Rodin

Summary. The article analyzes the regulatory and methodological framework for assessing the digital maturity of higher education institutions (HEIs) in the Russian Federation, considering statutory and regulatory requirements. It shows that, although «achieving digital maturity» has been fixed as a target of digital transformation in strategic public documents, the educational sector lacks a systematic assessment methodology. The paper advances the premise that without a reference architectural model for universities, it is impossible to build an objective, comparable, and reproducible assessment system. The study draws on an analysis of legal acts and scholarly publications over the last five years (2020–2025), and on a comparison with international approaches to measuring digital maturity (DM).

Keywords: digital maturity, digital transformation, higher education, enterprise architecture, reference architecture, public policy, legal and regulatory framework.

Канталинский-Родин Артем Евгеньевич
Директор дирекции, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
kantalinskiy@gmail.com

Аннотация. В статье осуществлён анализ нормативной и методической базы оценки цифровой зрелости образовательных организаций высшего образования (ООВО) Российской Федерации с учётом законодательных и нормативных требований. Показано, что при закреплении целевого ориентира «достижение цифровой зрелости» как задачи цифровой трансформации в стратегических документах, в отрасли образования фактически отсутствует системная методика оценивания. Рассмотрено предположение о том, что без разработки эталонной (референсной) архитектурной модели для вузов создание объективной, сопоставимой и воспроизводимой системы оценки невозможно. Исследование основывается на анализе нормативно-правовых актов и научных публикаций за пятилетний период (2020–2025 гг.), а также на сопоставлении с зарубежными подходами оценки цифровой зрелости (ЦЗ).

Ключевые слова: цифровая зрелость, цифровая трансформация, высшее образование, корпоративная архитектура, эталонная архитектура, государственная политика, нормативно-правовое регулирование.

Введение

Цифровая трансформация выступает приоритетом национального развития, поскольку прямо влияет на экономику, технологический суверенитет, качество государственного управления и социальную устойчивость. В условиях глобальной конкуренции переход к управлению на основе данных, внедрение государственных информационных платформ и технологий искусственного интеллекта обеспечивает сквозную модернизацию отраслей — от промышленности и транспорта до образования и здравоохранения — с измеримым эффектом для эффективности бюджетных расходов, доступности и качества услуг для населения. Для этого необходимы согласованные нормативные механизмы (требования и стандарты), правовые режимы, институциональная координация и подготовка кадров, способных проектировать и эксплуатировать цифровые сервисы. Высшая школа в этой повестке играет ключевую роль как поставщик человеческого капитала, как центр генерации и апробации технологических решений и как субъект, на примере которого выстраиваются реплицируемые модели «цифровой зрелости» для государственного сектора.

Целевой ориентир «достижение цифровой зрелости» закреплён на уровне национальных целей, однако в отношении образовательных учреждений отсутствует единое системное решение, обеспечивающее сопоставимость измерений и их управленческую интерпретацию. В условиях отсутствия единой валидированной методики оценивания преобладают практики самооценки и инвентаризационные подходы, тогда как использование SMART-показателей (конкретных, измеримых, достижимых, релевантных и ограниченных по времени) ограничено; в результате затрудняются планирование и оценка результатов преобразований. Большинство подходов реализуются как реакция на внешние требования отчётности, а не как часть стратегического управления цифровыми изменениями в вузах.

Настоящее исследование направлено на выявление нормативных, институциональных и организационных ограничений действующих подходов и обоснование необходимости разработки референтной архитектурной модели как устойчивого основания для оценки цифровой зрелости вузов.

Обзор нормативно-правового обеспечения цифровой трансформации образования в РФ

Представление об этапах трансформации высшего образования в России из актуальных научных статей можно получить в работах Еленевой Ю.Я., Лисовской Е.Г.,

Демушкина Д. [1] и в работах Шиловской Е.Е., Торопа Ю.В. [2], в рамках которых был осуществлён анализ нормативно-правовых актов (НПА), отражающей этапы институциональной трансформации высшего образования в России, а также обзор и сравнительный анализ проектов «5-100», «Приоритет-2030» и «Передовые инженерные школы» и других инициатив в области трансформации образования.

Для целей исследования проведен анализ использования в содержательной части официальных документов термина «цифровая зрелость» для нормативно-правового регулирования образования.

Ранние упоминания в официальных документах (2018–2020 гг.)

Термин «цифровая зрелость» впервые появляется в государственных стратегических и программных документах, задающих вектор развития для страны в целом. К таким документам можно отнести Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. В указанной программе термин «цифровая зрелость» использовался в общем контексте цифровизации отраслей, но не был центральным и не имел четкого определения применительно к образованию. Акцент делался на создании соответствующей инфраструктуры и подготовке кадров для цифровой экономики.

Ключевой документ в указанный период в контексте трансформации образования — это национальный проект «Образование» [4], а также федеральные проекты, которые были в него включены («Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», «Новые возможности для каждого» и др.). В описании федеральных проектов термин «цифровая зрелость» отсутствует. Основные цели формулировались как создание центра цифровой трансформации образования, внедрение цифровой образовательной среды (ЦОС), обеспечение подключения к интернету, внедрение целевой модели ЦОС в регионах. Концепция «цифровой зрелости» как требования еще не сформировалась.

Период с 2020 г. по настоящее время (2020–2025 гг.)

Дальнейшая история термина «цифровая зрелость» в НПА представлена в хронологическом порядке в таблице 1:

В анализе не были учтены формулировки отдельных программ/проектов и их паспортов, которые также были нацелены на развитие образования в России (государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», национальный проект «Наука и университеты», приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций»; федеральный проект «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы» и др.). При этом автором не оспаривается, что на уровне национальных программ и федеральных проектов, а также отдельных постановлений формулировки могут оказывать влияние на предмет анализа (оценку «цифровой зрелости»), но для целей исследования, указанные в Таблицы 1 документы являются репрезентативной выборкой изменений в нормативно-правовом поле.

Для учета изменений повестки термина «цифровая зрелость» приведем сравнительный анализ Распоряжения Правительства РФ № 3759-р (2021 г.) [10] и Распоряжения Правительства РФ № 1805-р (2025 г.) [17] как наиболее релевантных относительно ожиданий государства от высшей школы в части оценки цифровой зрелости и результатов цифровой трансформации.

Как видно из рисунка 1 и таблиц 1 и 2, несмотря на многолетнюю историю преобразований образовательных организаций высшего образования, сам термин «цифровая зрелость» в официальных государственных документах получает нормативное закрепление только с 2020 г. Это, по-видимому, связано как с постановкой национальной цели «Цифровая трансформация», так и с потенциальным влиянием общемировых тенденций, включая масштабный переход к дистанционному обучению в качестве вынужденной меры в период глобальной пандемии. Важным показателем в отечественной практике оценки «цифровой зрелости» вузов становится применение технологий искусственного интеллекта, что является отражением целей «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [18].

В целом можно утверждать, что аналогичная трансформация термина наблюдалась и на международном уровне: понятие «digital maturity» («цифровая зрелость») было концептуализировано и популяризировано в 2012–2015 гг. в рамках работ Школы менеджмента Массачусетского технологического института имени Слоуна (MIT Sloan School of Management) [19, 20], далее — интегрировано в консалтинговые модели (Gartner, Forrester, Deloitte, KPMG и др.) и отраслевые модели [21]. В дальнейшем термин постепенно входит в нормативно-правовой оборот и методические материалы в ряде стран как измеряемая характеристика состояния цифрового развития отдельных отраслей.

В рамках анализа отечественных и международных практик оценки «цифровой зрелости» ООВО можем наблюдать схожую трансформацию в области подходов к оценке цифровой зрелости в образовании.

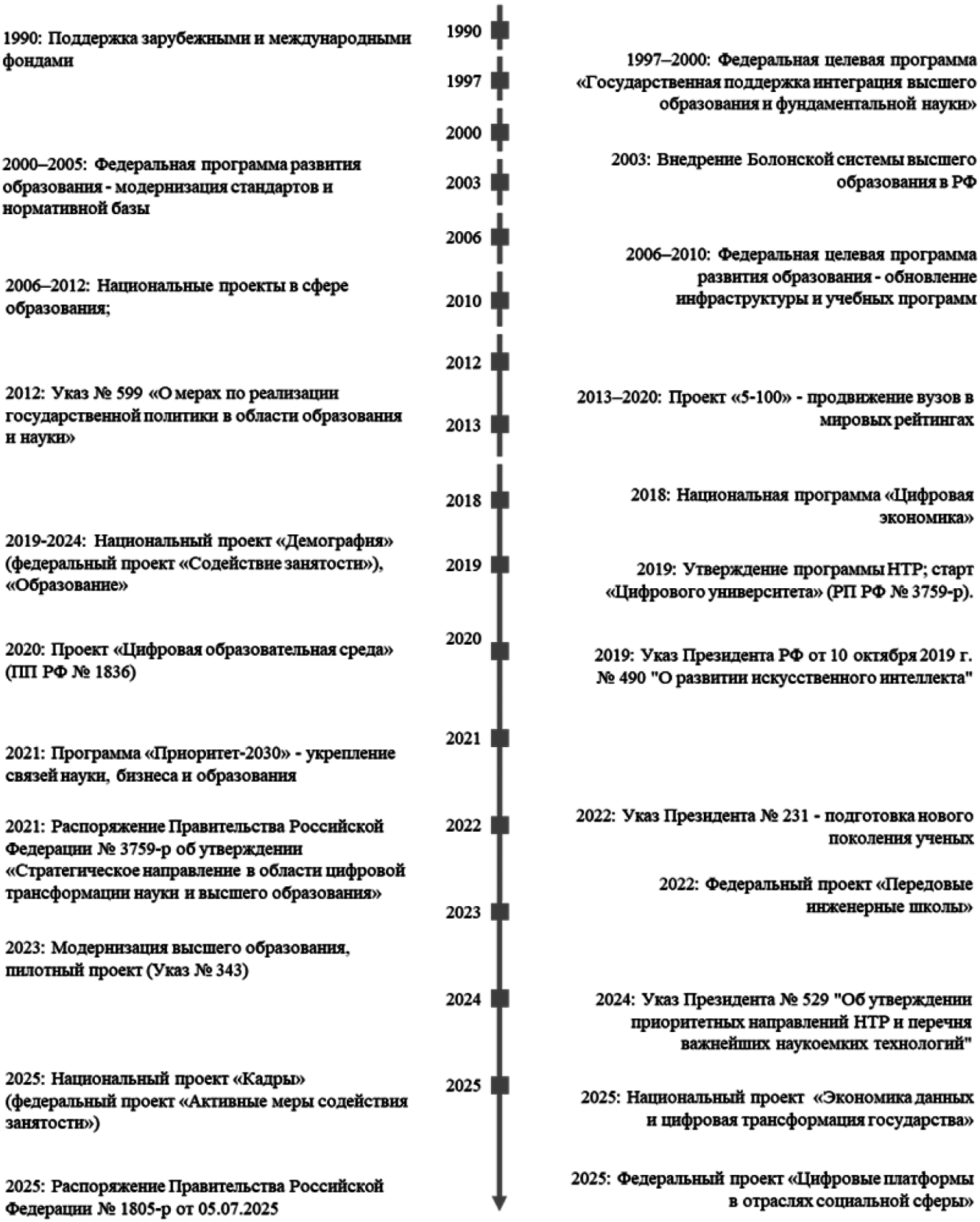

Рис. 1. Этапы трансформации высшего образования в России (1997–2025)

Источник: Составлено автором на основании [1], [2]

Таблица 1.

Нормативно-правовые акты, влияющие на оценку «цифровой зрелости» в образовании

Дата	Полное наименование документа	Выдержка из документа/характеристика	Влияние на оценку «цифровой зрелости»
21.07.2020	Указ Президента РФ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [5]	«…в рамках национальной цели «Цифровая трансформация»: «достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления.»	Впервые закрепляет термин на уровне национальных целей; запускает систему мониторинга достижения интегральной оценки «цифровой зрелости» отраслей.
18.11.2020	Приказ Минцифры № 600 «Об утверждении методик расчёта целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации "Цифровая трансформация"» [6]	Методика расчёта целевого показателя «Достижение „цифровой зрелости" государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе образования».	Формализует расчёт показателя: источники данных, формулы, периодичность.
07.10.2021	Письмо Министерства науки и высшего образования РФ № МН-19/697 «О направлении методических рекомендаций по разработке стратегии цифровой трансформации образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России» [7]	В методических рекомендациях предусмотрены «показатели достижения цифровой зрелости» образовательной организации.	Задаёт структуру стратегии цифровой трансформации для вузов; вводит внутренние метрики/показатели цифровой зрелости.
02.12.2021	Распоряжение Правительства РФ № 3427-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации» [8]	«…обеспечение достижения высокой степени цифровой зрелости сферы образования».	Формирует отраслевые (общее образование, среднее профессиональное образование) требования: цели, участники, проекты, показатели.
21.12.2021	Распоряжение Правительства РФ № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» (утратило силу с 05.07.2025) [9], Министерство науки и высшего образования РФ. «Стратегия цифровой трансформации сферы науки и высшего образования» [10]	«…достижение высокого уровня цифровой зрелости организаций науки и высшего образования».	Базовая структура для вузов и научных институтов до замены в 2025 г.; задаёт целевое состояние и контроль выполнения.
28.02.2022	Приказ Минцифры России от 28.02.2022 № 143 (ред. от 10.12.2024) «Об утверждении методик расчёта показателей федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» [11]	Термин «цифровая зрелость» в тексте напрямую не используется.	Косвенное влияние: актуализация методик по федеральным проектам национальной программы, используемых при достижении цели «Цифровая трансформация».
18.10.2023	Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 № 2894-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р» [12]	«…обеспечение достижения высокой степени цифровой зрелости сферы образования».	Обновляет (взамен Распоряжения № 3427-р) отраслевые (общее образование, среднее профессиональное образование) требования: цели, участники, проекты, показатели, технологии.
29.12.2023	Приказ Минцифры России № 600 (ред. от 29.12.2023) «Об утверждении методик расчёта целевых показателей национальной цели развития РФ "Цифровая трансформация"» [13]	Актуализирована методика расчёта целевого показателя «Достижение „цифровой зрелости" государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе образования».	Обновляет методику 2020 года; уточняет источники данных/формулы и порядок мониторинга по показателю «цифровая зрелость».

Дата	Полное наименование документа	Выдержка из документа/характеристика	Влияние на оценку «цифровой зрелости»
07.05.2024	Указ Президента РФ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [14]	«…достижение к 2030 году «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, предполагающей автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта»	Обновляет (взамен Указа № 474) целевые ориентиры; закрепляет термин до 2036 года.
28.12.2024	Приказ Минцифры России № 1210 «Об утверждении методики расчёта показателя "Достижение «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе образования"» [15]	Методика расчёта показателя «Достижение „цифровой зрелости" государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе образования».	Устанавливает методику для показателя «цифровая зрелость»; формализует состав метрик, периодичность и ответственных.
04.07.2025	Рекомендации Минцифры России «Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием» [16]	Термин «цифровая зрелость» используется при описании целевого состояния и мониторинга реализации стратегий цифровой трансформации.	Унифицирует трактовку целевого состояния, отчётность; влияет на подходы к оценке зрелости, применимые и в образовании.
05.07.2025	Распоряжение Правительства РФ № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3759-р» (действует) [17]	«…достижение высокого уровня цифровой зрелости научными организациями и образовательными организациями высшего образования…»	Актуальные отраслевые (высшее образование) требования: цели, индикаторы и мониторинг для вузов/НИОКР-сектора.

Источник: Составлено автором на основании [5]–[17]

Таблица 2.

Анализ стратегических направлений в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования

Аспект анализа	Распоряжение Правительства РФ № 3759-р от 21.12.2021	Распоряжение Правительства РФ № 1805-р от 05.07.2025
Юридический статус и взаимосвязь	Утверждает «Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования».	Утверждает обновлённое «Стратегическое направление в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года» и признаёт 3759-р утратившим силу.
Горизонт планирования и связь с национальными целями	Горизонт до 2030 года; увязка с национальными целями периода 2020–2024.	Горизонт до 2030 года; прямая увязка с Указом Президента № 309 (национальные цели до 2036).
Целевое состояние	«Достижение высокого уровня цифровой зрелости» организаций науки и высшего образования; развитие цифровой экосистемы.	Сохранение цели «высокой цифровой зрелости», усиление акцентов на ИИ-сервисах, государственных платформах и ИБ.
Структура приложений и артефактов	Приложения: перечень проектов; показатели по проектам; механизмы реализации/координации (в т.ч. дорожные карты).	Приложения: индикаторы стратегического направления; перечень проектов по доменам; показатели развития проектов; дорожная карта.

Аспект анализа	Распоряжение Правительства РФ № 3759-р от 21.12.2021	Распоряжение Правительства РФ № 1805-р от 05.07.2025
Перечень проектов (ядро содержания)	Семь сквозных проектов: • «Датахаб» • «Архитектура цифровой трансформации» • «Цифровой университет» • «Единая сервисная платформа науки» • «Маркетплейс ПО и оборудования» • «Цифровое мышление» (компетенции) • «Сервис-хаб» (сквозные сервисы)	Проекты сгруппированы по доменам и ИС: • Домен «Наука и инновации» (сервисы, данные, ИИ) • Домен «Образование» (платформы, сервисы обучения, ИИ) • ГИС «Национальная база генетической информации» • ФГИС «Национальный словарный фонд» Для каждого проекта: показатели развития и дорожная карта.
Индикаторы/показатели (обобщённо)	Проектно-ориентированные метрики, в т.ч.: • доступность и функции «Датахаба»; запуск пользовательских сервисов; аналитика/поддержка решений; • внедрение архитектурных практик; доля вузов с «высоким уровнем цифровой зрелости» (целевые значения по годам); • охват сервисами «Цифрового университета»; показатели интеграции и доступности; • функциональность «ЕСП науки», профили исследователей, коллаборации; • использование «Маркетплейса»; доля закупок онлайн; соответствие инфраструктуры требованиям; • подготовка команд и управленцев (цифровые компетенции); • метрики использования «Сервис-хаба».	Отраслевые индикаторы стратегического уровня, в т.ч.: • показатель «цифровая зрелость» научных организаций и вузов; • доля организаций, использующих сервисы домена «Наука и инновации»; • доля исследований с использованием ИИ; • доля образовательных программ с использованием ИИ; • иные индикаторы по доменам «Наука и инновации» и «Образование»; отдельно — показатели развития проектов.
Мониторинг и отчётность	Рамочно: мониторинг достижения целей и показателей; детализация опирается на методики Минцифры и проектные паспорта.	Уточнены индикаторы/периодичность и координация мониторинга; связка с актуальными методиками Минцифры (в т.ч. «цифровая зрелость»).
Ответственные и координация	Минобрнауки России — ключевой координатор совместно с заинтересованными ФОИВ.	Минобрнауки сохраняет роль координатора; уточнены механизмы координации и отчётности по индикаторам/проектам.
Юридическая сила	Утратил силу с 05.07.2025.	Действует.

Источник: Составлено автором на основании [10], [17]

Таблица 3.

Российские подходы и методики оценки цифровой зрелости образования

Год/Авторы/Методика	Описание	Краткая характеристика
2021 / Институт цифрового развития науки и образования ФГАОУ ВО «МФТИ»/ «Методика оценки уровня цифровой зрелости ООВО, подведомственных Минобрнауки России»	Методика включает 42 индикатора в 5 «слоях»: 1) «Пользователи и сервисы» — доля услуг по ключевым бизнес-процессам в цифровом виде; показатели UX/удовлетворённости; конверсия пользовательских сценариев; 2) «Информационные системы» — классификация ИС; архитектура и глубина интеграции; покрытие процессов; управление жизненным циклом; 3) «Управление данными» — наличие и зрелость витрин/реестров; справочники и мастер-данные; регламенты качества данных; мониторинг качества; 4) «Инфраструктура» — устойчивость и масштабируемость ИКТ-среды; оснащённость аудиторий/лабораторий; мультимедийная инфраструктура; отказоустойчивость; 5) «Кадры» — развитие компетенций АУП, ППС и обучающихся; подготовка команд цифровой трансформации; участие в сообществах практики.	Высокая детализация и полнота охвата; ориентирована на комплексную диагностику цифровой трансформации вуза. Требует зрелого процессного управления для проведения самодиагностики.

Год/Авторы/Методика	Описание	Краткая характеристика
2021 / АНО «Центр перспективных управленческих решений» (ЦПУР), Центр подготовки РЦТ ВШГУ РАНХиГС/ «Методика оценки цифровой зрелости»	Методика включает 20 показателей, распределённых по 7 «блокам»: 1) «Цифровая культура» — уровень организационной культуры, поддерживающей процессы постоянного совершенствования и инноваций, управления изменениями. 2) «Кадры» — уровень развития цифровых компетенций сотрудников; зрелость подхода к развитию цифровых компетенций; уровень владения цифровыми и аналитическими инструментами; 3) «Процессы» — зрелость управления процессами; участие в оптимизации процессов; степень автоматизации процессов; 4) «Цифровые продукты» — участие в создании цифровых продуктов; управление требованиями к цифровым продуктам; применение цифровых технологий в создании продуктов; 5) «Модели» — постоянное обновление моделей, их валидность и включенность в процессы деятельности 6) «Данные» — степень систематизации данных; уровень обработки данных; качество данных; 7) «Инфраструктура и инструменты» — организация рабочих мест для удалённой работы; развитость цифровых сервисов для сотрудников; обеспечение безопасности данных.	Изначально методика использовалась для оценки цифровизации органов государственной власти и банковской сферы. Методика базируется на опросах работников учебных, научных и административно-управленческих подразделений университета с целью проведения самодиагностики. Показатели имеют выраженную когнитивную направленность и в совокупности отражают цифровой потенциал (способность) и готовность его реализовывать субъектами образовательной деятельности на имеющемся уровне технологического потенциала организации.
2021, 2023/ Канев В. С., Шевцова Ю.В., Монастырская Т.И., Полетайкин А.Н., Данилова Л.Ф./ «Технология оценивания цифровой зрелости образовательной организации» [22][23]	Первая часть [22] — построение нечетко-логической модели; групповой отбор показателей; шкалы принадлежности; примеры расчётов; модель включает психологическую составляющую в виде отдельного слоя показателей. Всего методика включает 25 показателей, распределенных по семи «слоям»: 1) «Компетенции»; 2) «Проекты»; 3) «Самодостаточность»; 4) «Самостоятельность цифровой политики»; 5) «Цифровая активность»; 6) «Глобальная цифровая среда»; 7) «Психологический аспект». Вторая часть [23] — применение методики: настройка весов; сравнение наборов показателей, первичная итоговая модель (около 48 показателей); визуализация профилей («лепестковые диаграммы»); агрегирование до интегрального уровня с интерпретацией по блокам.	Методологически строгий, воспроизводимый подход с интеграцией количественных и качественных данных; требует калибровок весов и качественной экспертизы. Особенностью данной методики является выделение психологической составляющей в виде отдельного блока показателей.
2021 / Саввинов В.М., Иванов П.П., Стрекаловский В.Н./ «Методы и принципы оценки цифровой зрелости образовательных организаций» [24]	Практическая апробация и адаптация методики ЦПУР, выявление принципов для ООВО («средосообразность», «культуросообразность», «прогностичность» и др.), «методологическая триангуляция» (опросы, интервью, документальный анализ).	Системный методический подход полезный для предварительной диагностики.
2022/ Корсаков Г.О., Михайлова И.П./ «Профиль цифровой зрелости университета как инструмент цифровой трансформации системы высшего образования» [25]	Оперирует сопоставлением международных практик, а также выделяет направления оценки вуза по следующим блокам: 1) «модель цифрового университета»; 2) «цифровые методы обучения и формирование студенческого опыта»; 3) «область исследований и разработок»; 4) «кампус и студенческая жизнь»; 5) «административные функции»; 6) «функции профессорско-преподавательского состава»; 7) «модель управления университетом и финансирования»; 8) «кадры»; 9) «информационно-коммуникационные технологии».	Концептуально-прикладной подход: «профиль цифровой зрелости» как управленческая панель для университетов. Вузовские направления в логике «создание цифровых систем и сервисов — их использование — социально-экономический эффект от цифровизации бизнес-процессов». Показатели для модели требуют дополнительной проработки.

Год/Авторы/Методика	Описание	Краткая характеристика
2023 / Бянкин А.С., Захарченко Д.А., Шанин Р.С./ «Показатели и инструмент оценки уровня цифровой зрелости вуза» [26]	Консолидированный перечень индикаторов («Карта оценки цифровой зрелости вуза по направлениям») по процессам на базе анализа стратегий и методических документов; формат чек-листов для экспресс-диагностики.	Практико-ориентированный инструмент для быстрых обследований; визуальная простота результатов оценки. Представленная система показателей является ориентиром для университетов и должна корректироваться/ дополняться.
2024–2025 / Еленева Ю.Я., Лисовская Е.Г., Демушкин Д.И. [1], [27]	Аналитическая работа и классификация методик: сопоставление отечественных и международных подходов, актуализация нормативной повестки 2024–2025 (ИИ, данные, федеральные платформы).	Современная аналитическая база для сопоставления подходов и нормативной увязки; не является «измерительной» методикой, но задаёт правильные критерии к отраслевой модели и методике оценивания.
2024 / Аксенова Н.И., Усачева О.В., Черняков М.К. / «Рейтинговая оценка состояния цифровизации вузов» [28]	Балльно-рейтинговая методика с декомпозицией показателей на четыре «сферы»: 1) «Управление и информационная безопасность; 2) «Организация образовательного процесса»; 3) «Организация внеучебного процесса»; 4) «Профилизация».	Ориентация на межвузовую сопоставимость и данные из открытых источников. Авторами отмечено, что для данной методики присущ риск низкой открытости информации, который может искажать результаты анализа.
2025/ Шаталова Т.С./ «Подход к оценке цифровой зрелости образовательных организаций высшего образования» [29]	Процессный подход к оценке цифровой зрелости: 1) Оценка цифровой инфраструктуры 2) Оценка цифровых компетенций преподавателей и обучающихся 3) Оценка организационной культуры и социальных факторов 4) Оценка институциональной готовности и управления 5) Расчет рейтинга цифровой зрелости и формирование плана повышения ее уровня	Ключевой особенностью является попытка сформировать процессный подход к оценке цифровой зрелости образовательных организаций. Сами метрики в исследовании отсутствуют или описаны верхнеуровнево.

Источник: Составлено автором на основании [1], [22]–[29]

Российские и международные практики оценивания ЦЗ ООВО

В российской научной среде наибольшее распространение получили две методики, разработанные Институтом цифрового развития науки и образования ФГАОУ ВО «МФТИ» и АНО «Центр перспективных управленческих решений», и их дальнейшие адаптации и апробации. Именно эти методики наиболее часто упоминаются в отечественных исследованиях.

Несмотря на значительное число аналитических публикаций и методических подходов к оценке цифровой зрелости российских вузов, по состоянию на октябрь 2025 г. автором не выявлено публично доступных, методологически прозрачных и регулярно обновляемых общероссийских рейтингов цифровой зрелости вузов. Допускается гипотеза о наличии связи между оценками цифровой зрелости субъектов РФ и уровнем цифровой трансформации расположенных в них вузов; однако использование агрегированных региональных показателей приводит к ошибке и не позволяет идентифицировать отдельные организации, добившиеся значимых результатов. Следовательно, региональные индикаторы могут служить лишь контекстной характеристикой и не заменяют институционально ориентированного оценивания на уровне конкретного вуза.

Необходимо отметить, что существуют общедоступные российские рейтинги вузов в сфере искусственного интеллекта (Альянс в сфере искусственного интеллекта при поддержке Минобрнауки РФ) [30], а также рейтинг вузов цифровой экономики (АНО «Цифровая экономика» при поддержке Минцифры и Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий) [31], но оба указанных рейтинга сфокусированы на оценку качества выпускаемых специалистов и образовательных программ, а не «цифровую зрелость» самих вузов.

В международной практике оценивания цифровой зрелости наблюдается значительная разнородность подходов и учёт национальных специфик. В новейших работах и пилотных методиках акцент смещается к анализу влияния искусственного интеллекта на образовательные и управленческие процессы университетов, то есть к оценке трансформаций, происходящих ввиду массового внедрения ИИ. Автору не удалось выявить публично доступный, методологически прозрачный и регулярно обновляемый глобальный рейтинг университетов по уровню цифровой зрелости — как в межстрановом, так и в национальных разрезах.

Таблица 4.

Международные инициативы по оценке цифровой трансформации образования

Организация/Инициатива /Характеристика	Краткое описание
Times Higher Education (THE) / Digital Maturity Index (DMI)/ 2024–н.в.; опросно-аналитическая методика; Великобритания /международная [32]	Самооценка цифровой зрелости по функциональным областям (преподавание и обучение, исследования, административные процессы, планирование и управление) по пяти измерениям (стратегия, люди и культура, технологии, данные, использование) с агрегированием результатов и предоставлением участникам сравнительных срезов; общедоступное межвузовское ранжирование не публикуется. В опросах участвовало более 1 900 университетов при совокупности более 3 800 индивидуальных ответов и охвате более 100 стран.
JISC / Digital Transformation Toolkit & Digital Maturity Model/2023–н.в.; модель цифровой зрелости и инструментарий; Великобритания [33]	Структурированная модель цифровой зрелости и практические материалы (руководства, шаблоны самооценки, дорожные карты, кейсы) для диагностики и планирования в университетах. Структура областей оценки состоит из шести областей (цифровая культура организации, цифровая и физическая инфраструктура, создание знаний и инноваций, развитие знаний, управление знаниями и их использование, обмен знаниями и партнерство). Массовый опрос с фиксируемой межвузовской выборкой не проводится; результаты могут применяться на уровне отдельных организаций.
EDUCAUSE / Dx Institutional Self-Assessment и AI Readiness 2022–н.в. (Dx)/ 2025–н.в. (AI Readiness); самооценка; США/международное сообщество [34]	Dx Self-Assessment — самооценка возможностей (способностей) вуза по шести категориям (стратегические инновации, данные и аналитика, согласованность, гибкость и оперативность, человекоцентричная культура, трансформация работы и навыков); используется для определения приоритетов цифровой трансформации. AI Readiness (высшее образование) — экспресс-оценка готовности вуза к стратегическим инициативам в области ИИ (управление, инфраструктура, компетенции, данные и др.). Межвузовая агрегированная выборка не формируется; публичного ранжирования нет.
EUA / Digital Transformation Map (DTM)/ 2024–н.в.; картирование практик; Европа (European University Association) [35]	Ресурс, аккумулирующий практики цифровой трансформации университетов по трём структурным разделам (организационная культура; цифровая архитектура; институциональные условия). Публикуются валидируемые кейсы и материалы участников; расчёт интегрального индекса и межвузовое ранжирование не предусматриваются; это картирование практик, а не опрос.
HolonIQ / Higher Education Digital Capability (HEDC) / модель цифровых возможностей; международная [36]	Описание цифровых возможностей (способностей) университета, предназначенное для упорядоченной самооценки и планирования развития. Модель охватывает управленческие, образовательные, технологические аспекты деятельности, структурируя их по укрупнённым направлениям и перечню конкретных возможностей (свыше 70 позиций). HEDC не задаёт единообразной шкалы для межвузового ранжирования и опирается на самоотчётность, что требует внутренней настройки критериев, ясных правил фиксации результата и учёта национально-правовых условий.
ЮНЕСКО / Six Pillars for the Digital Transformation of Education/ 2024–н.в.; концептуальная модель (шесть структурных компонентов); международная [37]	Концептуальная основа цифровой трансформации образования (применима к высшему образованию): шесть структурных компонентов (координация и лидерство; стоимость и устойчивость; доступность и инфраструктура; потенциал и компетенции; содержание и решения; данные). Это не опросно-аналитическая методика; межвузовая выборка и публичное ранжирование не формируются.
ЮНЕСКО — рекомендации и руководства по ИИ и цифровизации образования/ 2019–н.в.; международные нормативно-методические документы	Комплекс согласованных документов для образовательных организаций: — Пекинский консенсус по ИИ в образовании (2019) [38]; — Рекомендация об этике искусственного интеллекта (2021) [39]; — Руководство по генеративному ИИ в образовании и исследованиях (2023) [40]; — ИКТ-компетенций для учителей (версия 3) и обновления компетенций ИКТ/ИИ для педагогов и обучающихся (2018/2024) [41]. Документы задают принципиальные ориентиры и требования; опросов с подсчётом респондентов-вузов и публичного ранжирования не предусматривают.

Источник: Составлено автором на основании [32]-[41]

Заключение

Проведённый анализ подтвердил, что действующая государственная нормативная база фиксирует целевой ориентир «цифровой зрелости» и предлагается множество подходов к расчёту соответствующего показателя как в российской, так и в зарубежной практике, однако не содержит универсальной (сопоставимой) методики для вузов, согласованной с архитектурой их деятельности. Ключевой особенностью, выявленной по результа-

там анализа нормативно-правовых актов, методик оценивания, научно-аналитических статей по теме, является тот факт, что проблематика, обозначенная в работах российских исследователей несколько лет назад в части походов к оценке цифровой зрелости, не была решена.

Автор предполагает, что для российских вузов это может быть связано с тем, что важный проект регуляторов, а именно «Архитектура цифровой трансформации» [9], [10], включающий «выработку и развитие системного подхода к цифровой трансформации в области науки и высшего образования» с плановым сроком завершения в 2024 году, так и не был реализован в полном объеме. По информации из открытых источников, проектирование домена «Образование» и домена «Наука» продолжается в 2025 году [17]. Наличие проекта, результатом которого станет архитектура домена «Образования», в понимании автора, является ключевым условием для последующего формирования универсальной методики оценки цифровой зрелости. Целеполагание, основанное на наборе метрик, которые в свою очередь не являются привязанными к референтной модели архитектуры ООВО (бизнес-архитектура, прикладная архитектура, архитектура данных и технологическая архитектура), приводит к несопоставимости данных, но выполняет преимущественно отчетную функцию. Это приводит к классическим системным ловушкам («Обход правил» и «Неправильная постановка цели» по Донелле Медоуз [77]), когда измерение происходит по доведённым показателям, но не способствует качественному изменению процессов в вузе.

Без референтной архитектурной модели невозможно обеспечить валидность и сопоставимость оценивания, а также связать результаты измерений с управленческими решениями. Потенциально с этим связано и отсутствие доступного общероссийского рейтинга цифровой зрелости вузов, что не отвечает современному запросу, а именно возможности выбора со стороны абитуриентов образовательных учреждений, которые наиболее полно отвечают техническим возможностям времени.

В исследовании обоснована необходимость разработки и нормативного закрепления такой архитектурной модели, а также формирование последующего методического комплекса оценивания, учитывающего актуальные тенденции в мире, особенно использование искусственного интеллекта в образовании. Цифровая зрелость в российских вузах не может измеряться корректно без архитектурной референции, отражающей их функциональную структуру, информационно-технологический ландшафт, данные и управленческие механизмы. Нормативная база зафиксировала целевой ориентир, но не обеспечила отраслевой операционализации. Следовательно, необходимо разработать и утвердить референтную архитектурную модель для ООВО и методику оценки, совместимую с этой моделью. Только так оценивание станет объективным, сопоставимым и управляемым.

Одной из гипотез дальнейших исследований является предположение, что разработка референтной модели на наиболее крупных ООВО с развитой филиальной структурой, имеющих несколько уровней профессионального образования (СПО, ВО), дополнительное профессиональное образование и портфель научных активностей является наиболее предпочтительным вариантом, т.к. отдельные вузы, не имеющие тех или иных видов деятельности, не будут иметь необходимости оценивать не релевантные для них показатели, в чём, в целом, и состоит задача наличия референтной модели. Одновременно при таком подходе сможет быть обеспечена полнота самой модели. В дальнейшем именно использование релевантной части из общей референтной модели, и ее последующая оценка на основании объективных данных и должна позволить сформировать общероссийский рейтинг цифровой зрелости вузов с учетом их специфики.

Ограничения исследования. Работа ориентирована на анализ открытых НПА и публикаций; практические кейсы отдельных университетов используются как иллюстративный материал, не претендующий на репрезентативность всей совокупности вузов.

Направления дальнейших исследований. Проработка архитектурной модели ООВО; определение составов показателей для функциональных областей вуза и правил их верификации; разработка процедуры внешней оценки и независимого мониторинга.

Благодарности. Автор благодарит исследовательские коллективы и практиков цифровой трансформации вузов за эмпирические материалы и дискуссии, послужившие источником для критического анализа подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еленева Ю.Я., Лисовская Е.Г., Демушкин Д.И. Обеспечение эффективности цифровой трансформации в контексте задач развития высшего образования в России // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Vol. 3. No. 4. — С. 151–174.
2. Шиловская Е.Е., Тороп Ю.В. Нормативно-правовое обеспечение цифровой трансформации высшего образования в Российской Федерации за последние пять лет // Сборник статей Конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС — 2024. Том I — С. 167–174.
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 26.10.2025).

4. Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (дата обращения: 26.10.2025).
5. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 26.10.2025).
6. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Приказ от 18.11.2020 № 600 «Об утверждении методик расчёта целевых показателей национальной цели развития РФ "Цифровая трансформация"» [Электронный ресурс]. — URL: https://base.garant.ru/77306124/ (дата обращения: 26.10.2025).
7. Письмо Минобрнауки России от 07.10.2021 № МН-19/697 «О направлении методических рекомендаций по разработке стратегии цифровой трансформации образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411215/ (дата обращения: 26.10.2025).
8. Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402676/ (дата обращения: 26.10.2025).
9. Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404697/ (дата обращения: 26.10.2025).
10. Министерство науки и высшего образования РФ. Стратегия цифровой трансформации сферы науки и высшего образования [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390417/ (дата обращения: 26.10.2025).
11. Приказ Минцифры России от 28.02.2022 № 143 (ред. от 10.12.2024) «Об утверждении методик расчёта показателей федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414428/ (дата обращения: 26.10.2025).
12. Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 № 2894-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460714/ (дата обращения: 26.10.2025).
13. Приказ Минцифры России от 18.11.2020 № 600 (ред. от 29.12.2023) «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372437/ (дата обращения: 26.10.2025).
14. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 26.10.2025).
15. Приказ Минцифры России от 28.12.2024 № 1210 «Об утверждении методики расчёта показателя "Достижение 'цифровой зрелости' государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы"» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496735/ (дата обращения: 26.10.2025).
16. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. «Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510894/ (дата обращения: 26.10.2025).
17. Распоряжение Правительства РФ от 05.07.2025 № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 21.12.2021 № 3759-р» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509357/ (дата обращения: 26.10.2025).
18. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 26.10.2025).
19. Westerman G., Bonnet, D., McAfee, A. The Digital Advantage: How Digital Leaders Outperform Their Peers in Every Industry. MIT Center for Digital Business & Capgemini. — 2012.
20. Kane G.C., Palmer, D., Phillips, A.N., Kiron, D., Buckley, N. Strategy, Not Technology, Drives Digital Transformation. MIT Sloan Management Review & Deloitte University Press. — 2015.
21. Сорока Д.О., Горкальцев В.С., Карлова Т.В. Оценка уровня цифровой зрелости предприятия как один из важных факторов в цифровой трансформации // Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении. — 2023. — Том №3. — С. 80–88. https://doi.org/10.30987/2658-6436-2023-3-80-88.
22. В.С. Канев, Полетайкин А.Н., Шевцова Ю.В., Технология оценивания цифровой зрелости образовательной организации. Часть I // Вестник СибГУТИ. 2021. № 3 (55). С. 63–76. DOI: https://doi.org/10.55648/1998-6920-2021-15-3-63-76.
23. Шевцова Ю.В., Монастырская Т.И., Полетайкин А.Н., Данилова Л.Ф. Технология оценивания цифровой зрелости образовательной организации. Часть II // Вестник СибГУТИ. 2023. Т. 17. № 4. С. 34–48. DOI: https://doi.org/10.55648/1998-6920-2023-17-4-34-48.
24. Саввинов В.М., Иванов П.П., Стрекаловский В.Н. Методы и принципы оценки цифровой зрелости образовательных организаций // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2021. № 2 (22). С. 28–40.
25. Корсаков Г.О., Михайлова И.П. Профиль цифровой зрелости университета как инструмент цифровой трансформации системы высшего образования // Инновации и инвестиции. 2022. №7. С. 53–57.
26. Бянкин А.С. Показатели и инструмент оценки уровня цифровой зрелости вуза / А.С. Бянкин, Д.А. Захарченко, Р.С. Шанин // Производственные технологии будущего: от создания к внедрению: Материалы VI Международной научно-практической конференции молодых ученых. В 2-х частях, Комсомольск-на-Амуре, 05–11 декабря 2022 года / Редколлегия: С.И. Сухоруков (отв. ред.) [и др.]. Том Часть 2. — Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2023. — С. 179–183. — EDN OVWAZX.

27. Еленева Ю.Я. Цифровая трансформация образовательных организаций высшего образования: современное состояние, задачи, риски / Ю.Я. Еленева, А.А. Можаровская, Д.И. Демушкин // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Т. 14, № 4. — С. 1149–1170. — DOI 10.18334/epp.14.4.120670. — EDN FHOYPO.
28. Аксенова Н.И., Черняков М.К., Усачева О.В. Рейтинговая оценка состояния цифровизации вузов/ Образование и наука, — 2024. — Т. 26, №. 7. — С. 88–115. doi:10.17853/1994–5639-2024-7-88-115
29. Шаталова Т.С. Подход к оценке цифровой зрелости образовательных организаций высшего образования / Т.С. Шаталова // Экономика, управление и финансы: новые подходы и решения: Тезисы докладов и выступлений Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Донецк, 05–06 февраля 2025 года. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. — С. 630–635. — EDN OODKPJ.
30. Рейтинг вузов по качеству подготовки специалистов в области искусственного интеллекта / Альянс в сфере искусственного интеллекта при поддержке Минобрнауки РФ [Электронный ресурс]. — URL: https://rating.a-ai.ru// (дата обращения: 26.10.2025).
31. Рейтинг вузов цифровой экономики / АНО «Цифровая экономика» при поддержке Минцифры и Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий. [Электронный ресурс]. — URL: https://d-economy.ru/project/rejting-vuzov-cifrovoj-jekonomiki/ / (дата обращения: 26.10.2025).
32. Times Higher Education. Digital Maturity Masterclass [Электронный ресурс]. — URL: https://www.timeshighereducation.com/content/dmi-masterclass (дата обращения: 20.10.2025).
33. Jisc. Digital maturity model [Электронный ресурс]. — URL: https://www.jisc.ac.uk/taking-digital-transformation-forward-in-your-organisation/digital-maturity-model/ (дата обращения: 20.10.2025).
34. EDUCAUSE. Digital Transformation (Dx) Institutional Self-Assessment [Электронный ресурс]. — URL: https://library.educause.edu/resources/2022/12/digital-transformation-dx-institutional-self-assessment (дата обращения: 20.10.2025).
35. European University Association (EUA). Digital Transformation Map [Электронный ресурс]. — URL: https://eua-dtm.eu/ (дата обращения: 20.10.2025).
36. HolonIQ. Higher Education Digital Capability (HEDC) Framework [Электронный ресурс]. — URL: https://www.digitalcapability.org/ (дата обращения: 20.10.2025).
37. ЮНЕСКО. Six pillars for the digital transformation of education [Электронный ресурс]. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000391299 (дата обращения: 20.10.2025).
38. ЮНЕСКО. Пекинский консенсус по искусственному интеллекту и образованию (2019) [Электронный ресурс]. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000368303 (дата обращения: 20.10.2025).
39. ЮНЕСКО. Рекомендация об этике искусственного интеллекта (2021) [Электронный ресурс]. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455 (дата обращения: 20.10.2025).
40. ЮНЕСКО. Руководство по генеративному ИИ в образовании и исследованиях (2023) [Электронный ресурс]. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693 (дата обращения: 20.10.2025).
41. ЮНЕСКО / Teacher Task Force. ICT Competency Framework for Teachers (Version 3) [Электронный ресурс]. — URL: https://teachertaskforce.org/sites/default/files/2020-07/ict_framework.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
42. Медоуз Д. Азбука системного мышления / Д. Медоуз. — Москва: Просвещение/Бином, 2014.

© Канталинский-Родин Артем Евгеньевич (kantalinskiy@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.16

ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ И СИМУЛЯЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МОДИФИЦИРОВАННОГО АЛГОРИТМА ИЗМЕРЕНИЯ ДЛЯ СЕНСОРНЫХ СИСТЕМ

SOFTWARE IMPLEMENTATION AND SIMULATION MODELING OF A MODIFIED MEASUREMENT ALGORITHM FOR SENSOR SYSTEMS

A. Koibash

Summary. The paper presents research results on applying postbinary computing to sensor system data processing.
The objective is the theoretical substantiation of postbinary encoding applicability for representing measurements with uncertainty and creating a demonstration software implementation on modern binary platforms.
A modified algorithm for sensor data processing is described: interval symmetrization relative to the expected value followed by postbinary encoding. Two formats are analyzed: PostBinary 64/32 p (minimal memory consumption) and PostBinary 128/32 ip (unconditional accuracy of interval boundaries).
An object-oriented C++ library with encoding/decoding procedures has been developed. Simulation modeling of sensors with various error levels revealed format characteristics: 64/32p is effective for accurate sensors under stable conditions, while 128/32ip is preferable for large errors and sharp changes.
The results establish a theoretical foundation for the sensor component of computational infrastructure compatible with prospective postbinary architectures. The library is applicable in research projects studying postbinary data representation.

Keywords: post-binary computing, sensor systems, tetralogic, sensor data processing, four-valued logic.

Койбаш Александр Андреевич
старший преподаватель, ФГБОУ ВО Донецкий национальный технический университет
mr.koibash@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследования применения постбинарного компьютинга к обработке данных сенсорных систем.
Цель работы — теоретическое обоснование применимости постбинарного кодирования для представления измерений с погрешностью и создание демонстрационной программной реализации на современных двоичных платформах.
Описан модифицированный алгоритм обработки данных датчиков: симметризация интервала относительно математического ожидания с последующим постбинарным кодированием. Проанализированы два формата: PostBinary 64/32 p (минимальные затраты памяти) и PostBinary 128/32 ip (безусловная точность границ интервала).
Создана объектно-ориентированная библиотека на C++ с процедурами кодирования/декодирования. Симуляционное моделирование датчиков с различными погрешностями выявило особенности форматов: 64/32p эффективен для точных датчиков при стабильных условиях, 128/32ip предпочтителен при больших погрешностях и резких изменениях.
Результаты закладывают теоретическую основу для сенсорной составляющей вычислительной инфраструктуры, совместимой с перспективными постбинарными архитектурами. Библиотека применима в исследовательских проектах по изучению постбинарного представления данных.

Ключевые слова: постбинарный компьютинг, сенсорные системы, тетралогика, обработка данных датчиков, четырёхзначная логика.

Введение

В последние десятилетия стремительность технического прогресса задала высокие темпы внедрения результатов научных исследований и инженерных разработок в повседневную жизнь. С появления первых компьютеров прошло, по историческим меркам, не столь много времени, однако уже сегодня нас окружает множество компактных вычислительных устройств, а компьютерные сети видимыми и невидимыми связями опутали целый мир.

Современная информационно-компьютерная инфраструктура для взаимодействия с миром требует получения точных данных об окружающей среде в режиме реального времени. Сенсорные системы выступают в роли «глаз и ушей» [1], преобразовывая аналоговую информацию в цифровой формат.

Существуют концепции интернета вещей и киберфизических систем, подразумевающих повсеместное встраивание датчиков в объекты реального мира. В связи с этим модернизация различных аспектов сенсорной составляющей окажет положительное влияние на работу и эффективность большинства цифровых систем, многие из которых будут использовать как отдельные датчики, так и подсистемы на их основе.

Литературный обзор

Современные исследования направлены на создание «суперсенсоров» [2–4], которые будут обладать высокой степенью интеграции разнородных сенсоров в рамках единых устройств. Активно производится интеграция сенсорных систем в медицине [5–6], решения масштабируются до уровня «умных городов» [7]. Однако пределы роста эффективности вычислительных устройств не являются безграничными, поэтому необходим качественно новый подход к вопросу архитектуры сенсорных систем.

Сегодняшняя информационно-компьютерная инфраструктура построена на простом логическом дуализме: состояниях «да» и «нет», истины и лжи, нуля и единицы. Однако, что будет, если изменить сам фундамент нынешнего подхода? В монографии [8] авторы предлагают расширить текущую основу, добавив состояния множественности «и да, и нет» и неопределённости «ни да, ни нет». Такая эволюционировавшая архитектура вычислительной техники получила название «постбинарный компьютинг», который будет актуален в эпоху квантовых или генетических компьютеров. Этот подход позволяет экспериментально проверить особенности квантовых и генетических вычислений и преодолеть недостатки двоичной логики.

Материалы и методы

Данное исследование направлено на разработку теоретической основы для сенсорных систем будущего, в основе которых будет находиться расширенный кодологический базис, представленный постбинарным компьютингом. В работах [9–10] спроектирован алгоритм, основанный на постбинарном кодировании. Его преимущества [8] для сенсорных систем заключаются в следующем:

— внедрение информации о точности в числовое представление;
— кодирование множественных/вероятностных значений одним кодом;
— естественный параллелизм обработки информации.

Алгоритм включает две процедуры:

1) симметризация интервала относительно среднего значения, которая выполняется по формулам из работы [9];
2) постбинарное кодирование интервала: преобразование интервала в формат четырёх состояний (0, 1, «M»-множественность, «A»-неопределённость).

Сенсорная система проводит за короткий период 16 измерений [9], обеспечивающих результат с вероятностью 99,993 % в доверительном интервале $[-\sigma_x; +\sigma_x]$ и с вероятностью 95 % в доверительном интервале $[-0{,}5\sigma_x; +0{,}5\sigma_x]$.

Для анализа эффективности алгоритма требуются экспериментальные данные, которые можно было бы обработать приведенными выше процедурами. С этой целью в статье [9] выбран датчик температуры как доступный, простой в подключении и сборе информации. Кроме того, данная характеристика окружающей среды в повседневности является частым объектом измерения.

Терморезистор на плате STM32F407G выполнил 16 измерений температуры. Калибровка проведена аквариумным термометром. Получены значения: минимальное 17,0134 °C, максимальное 17,8780 °C, среднее 17,5531 °C, что свидетельствует о большой погрешности датчика. Согласно центральной предельной теореме, погрешности следуют нормальному распределению [11]. После симметризации получен интервал: [17,0134 °C; 18,0928 °C], который отображает нормальное распределение погрешности, а серединой интервала является целевое значение температуры, с большой вероятностью находящееся в доверительном интервале. Такой подход экономит память (два числа вместо трёх) и позволяет отслеживать деградацию датчика.

Авторами монографии [8] разработаны различные спецификации постбинарных чисел. Поскольку границы интервала определяются парой значений в двоичном формате float, для постбинарного кодирования определены следующие подходящие форматы на основе тетралогики:

— PostBinary 64/32 p, позволяющий хранить одно вещественное число одинарной точности в виде тетракода (рисунок 1);
— PostBinary 128/32 ip, предназначенный для хранения двух вещественных чисел одинарной точности в виде тетракода (рисунок 2).

Рис. 1. Спецификация формата PostBinary 64/32 p

Рис. 2. Спецификация формата PostBinary 128/32 ip

В статье [9] дан обзор первого формата, а сами алгоритмы преобразований описаны авторами монографии [8]. Для формата PostBinary 64/32 p в кратком изложении процедура кодирования выглядит следующим образом:

— первое несовпадение в битах чисел даёт начало серии множественности (M);
— последний элемент серии множественности даёт начало серии неопределённости (A).

Для декодирования постбинарного числа необходимо свести все биты множественности и неопределённости к двоичным значениям 0 и 1. При этом необходимо руководствоваться следующими правилами:

— для формирования минимального («узкого») интервала в левой границе M = 0, A = 1, а в правой границе M = 1, A = 0;
— для формирования максимального («широкого») интервала в левой границе M = 0, A = 0, а в правой границе M = 1, A = 1.

Пример кодирования и декодирования на диапазоне [17.0134 °C; 18.0928 °C] приведён в таблице 1.

Как видно из таблицы, из-за слабой точности терморезистора и большого разброса результатов измерений постбинарное число также теряет в точности. Даже при одинаковом знаке и порядке (экспоненте) числа с плавающей запятой большую часть мантиссы составляют значения множественности и неопределённости.

Во втором формате сразу встроено хранение каждой границы интервала по отдельности, поэтому в числах можно не задействовать такое количество разрядов M и A. Из недостатков такого подхода — больший расход памяти.

Таким образом, PostBinary 64/32 p характеризуется меньшими затратами памяти. Однако в процессе преобразования крайне важно, чтобы не был затронут порядок вещественного числа. Такое может происходить в реальных ситуациях, например, при резком изменении значений температуры. Также при достаточно существенной дисперсии значений, как это происходит в датчиках с большими погрешностями измерений, итоговый результат может быть серьёзно искажён. В подобных случаях лучше показывает себя формат PostBinary 128/32 ip.

Таблица 1.

Результаты кодирования и декодирования проверочного интервала

	Знак	Порядок	Мантисса	Значение в 10 сист. счисл.
Число 1	0	10000011	00010000001101101110001	17.0134
Число 2	0	10000011	00100001011111000001110	18.0928
Постбинарный код	0	10000011	00MMAAAAAAAAAAAAAAAAM0	
Минимальный интервал				
Число 1 (декод.)	0	10000011	00001111111111111111111	17
Число 2 (декод.)	0	10000011	00110000000000000000000	19
Максимальный интервал				
Число 1 (декод.)	0	10000011	00000000000000000000000	16
Число 2 (декод.)	0	10000011	00111111111111111111111	20

Для проверки процедуры кодирования и декодирования выполнены 9 серий измерений температуры по 16 измерений в каждой за интервал в 1 секунду. После этого были сформированы и симметризированы интервалы. Сравнительная характеристика результатов кодирования и декодирования с использованием обоих постбинарных форматов представлена в таблице 2.

Из таблицы видно, что в использовании форматов есть свои особенности. Так, PostBinary 64/32 p имеет меньший расход памяти. Однако для таких датчиков с большой погрешностью и столь серьёзным разбросом значений, как используемый в эксперименте терморезистор, проявляются недостатки: потеря точности границ интервала, а также постоянная необходимость отслеживания некорректных значений множественности в порядке вещественного числа. Формат PostBinary 128/32 ip, напротив, характеризуется высокой точностью

Таблица 2.

Сравнительная характеристика результатов кодирования и декодирования

№	Оригинальный интервал		PostBinary 64/32 p		PostBinary 128/32 ip	
	$[t_{nmin}; t_{nmax}]$, °C	$\bar{t}$, °C	$[t_{decmin}; t_{decmax}]$, °C	$\overline{t_{dec}}$, °C	$[t_{decmin}; t_{decmax}]$, °C	$\overline{t_{dec}}$, °C
1	[17,0134; 18,0928]	17,5531	[17; 19]	18	[17,0134; 18,0928]	17,5531
2	[17,7994; 18,3706]	18,0850	[16,5; 19,5]	18	[17,7994; 18,3706]	18,0850
3	[22,9346; 23,7364]	23,3355	[22,25; 23,75]	23	[22,9346; 23,7364]	23,3355
4	[25,5126; 26,7336]	26,1231	[25; 27]	26	[25,5126; 26,7336]	26,1231
5	[29,4374; 30,2182]	29,8278	[29; 31]	30	[29,4374; 30,2182]	29,8278
6	[33,9386; 34,7404]	34,3395	[33; 35]	34	[33,9386; 34,7404]	34,3395
7	[36,9516; 37,7376]	37,3446	[36,25; 37,75]	37	[36,9516; 37,7376]	37,3446
8	[37,9210; 38,7228]	38,3219	[37; 39]	38	[37,9210; 38,7228]	38,3219
9	[47,8508; 49,1608]	48,5058	[34; 62]	48	[47,8508; 49,1608]	48,5058

как границ интервала, так и результата вычисления. Тем не менее, расход памяти также становится больше.

Из вышеприведенного можно сделать вывод, что при больших погрешностях и слишком «широких» интервалах целесообразнее использовать PostBinary 128/32 ip. Во всех остальных случаях, когда множественность не затрагивает порядок и старшие разряды мантиссы, достаточно оперировать форматом PostBinary 64/32 p.

С целью дальнейшей проверки работоспособности алгоритма необходимо выполнить симуляционное моделирование. Для этого создана библиотека на языке программирования C++. Основными критериями при выборе являлись быстродействие, кроссплатформенность, интегрируемость. Объектно-ориентированная иерархия в пространстве имён Postbinary представлена на рисунке 3 и в её состав входят следующие классы:

— Number, основная функция которого заключается в работе с памятью и кодировании тетритов парами битов («A»$_4$=00$_2$, 0$_4$ = 01$_2$, 1$_4$ = 10$_2$, M$_4$ = 11$_2$);
— Fractional, наследующий Number и представляющий вещественные числа с кодированием/декодированием интервалов;
— Pb64_32p, реализующий постбинарный тип данных с полями 1 тетрит (знак), 8 тетритов (порядок) и 21 тетритов (мантисса), а также поле в 2 тетрита для особенного кода формата.
— ByteOrder, Convert, являющиеся вспомогательными классами для платформонезависимости.

Библиотека протестирована компиляторами для различных платформ и архитектур: MSVC, g++, ARM Compiler v6 на Windows, Linux, STM32.

Симулятор представлен классом SensorSimulator, который моделирует работу датчика, генерируя значения согласно нормальному распределению с параметрами: математическое ожидание, стандартное отклонение, интервал между измерениями. Каждое измерение обрабатывается следующими шагами: накопление 16 значений (FIFO) → вычисление статистики (min, max, среднее) → симметризация интервала → постбинарное кодирование → декодирование → регистрация (CSV). Реализованы четыре режима симуляции (480 измерений, 30 секунд):

— статические измерения (0–10 с);
— медленное изменение +1°C/с (10–20 с);
— быстрое изменение +10°C/с (20–25 с);
— стабилизация (25–30 с).

Результаты

Первая серия измерений выполнена при симуляции датчика, аналогичного по погрешности терморезистору (отклонение равно 0,258 °C). Вторая серия проведена при симуляции работы более точного датчика, обладающего умеренным уровнем погрешности. Результаты обеих серий представлены на рисунке 4. При крайне высокой погрешности даже со стабильной температурой декодированный постбинарный интервал показывает искажение диапазона. При умеренных погрешностях значение остаётся точным и постбинарный формат сохраняет все свои преимущества.

На рисунке 5 представлен график возрастающей температуры симулируемого датчика. При стабильной температуре в начале и конце измерений значения сохраняются точными. При резких изменениях температуры наблюдаются «пузыри» из-за широкого интервала при резком росте температуры.

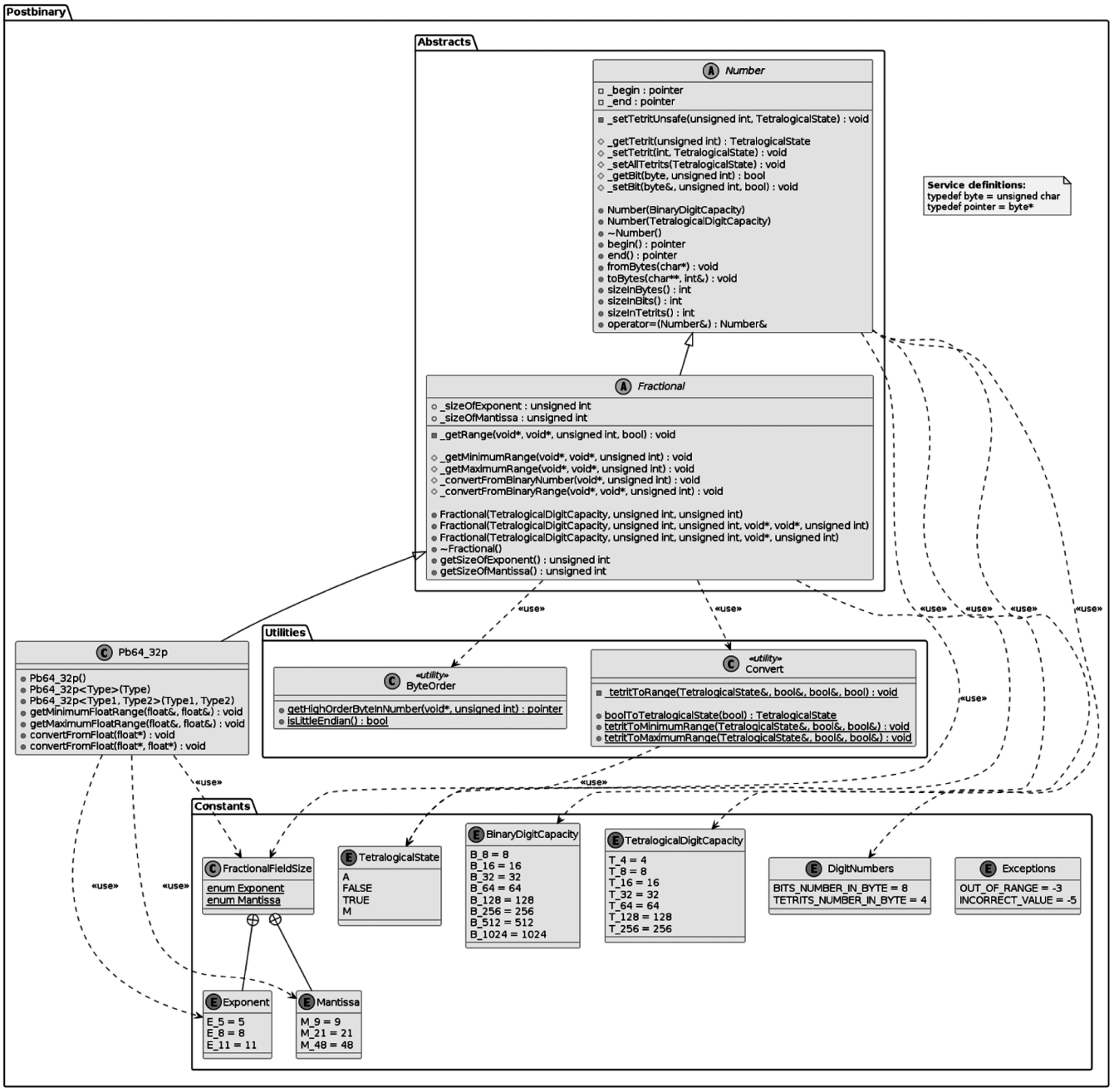

Рис. 3. Диаграмма классов

Обсуждение

Симуляция точного датчика показала, что постбинарный формат сохраняет приемлемую точность и информацию о погрешности. Симметризированный интервал [17,5499°C; 17,557°C] после декодирования «разворачивается» как [17,5488°C; 17,5605°C], охватывая значения погрешности. Результат сдвигается в пределах 0,001°C — такой ошибкой можно пренебречь.

Эффект «пузырей» может сигнализировать как об изменениях температуры, так и о различии порядков чисел на краях интервала. Для устранения таких искажений в момент сильного расширения интервала целесообразно кодировать информацию форматом PostBinary 128/32 ip.

Таким образом, симуляция подтверждает сильные и слабые стороны приведенных выше постбинарных форматов. В тех случаях, когда датчик проводит достаточно точные измерения («разброс» значений не превышает сотые доли измеряемой величины) и измеряемый параметр окружающей среды в конкретном моменте остаётся стабильным, подходит тип данных PostBinary 64/32 p. При большом отклонении результатов и резких изменениях в окружающей среде необходимо сохранить приемлемую точность в формате PostBinary 128/32 ip ценой увеличения потребления памяти.

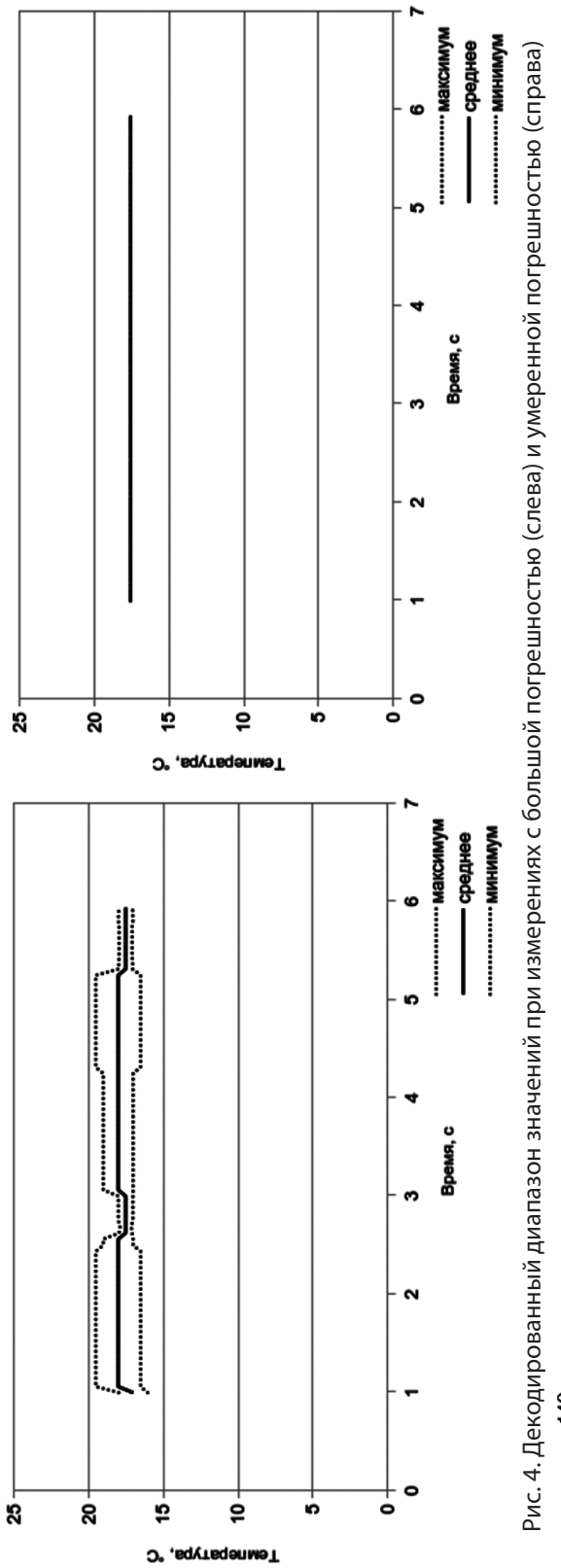

Рис. 4. Декодированный диапазон значений при измерениях с большой погрешностью (слева) и умеренной погрешностью (справа)

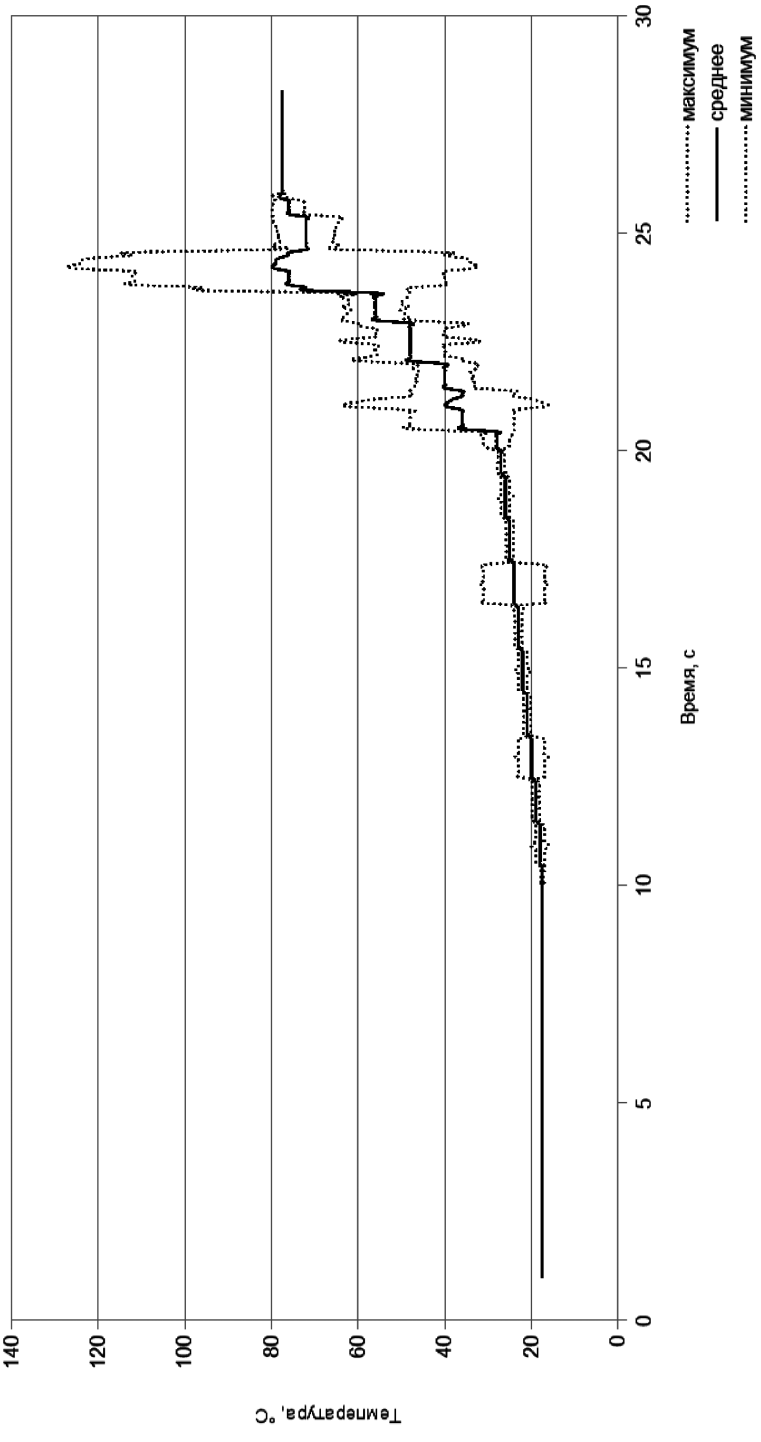

Рис. 5. Декодированный диапазон измерений при умеренной погрешности измерений виртуального датчика и возрастающей температуре

Заключение

В работе реализована модель модифицированного алгоритма измерения физических величин для сенсорных систем на основе постбинарного кодирования. Алгоритм включает симметризацию интервала относительно среднего арифметического с последующим постбинарным кодированием диапазона, что создаёт теоретическую основу для сенсорных систем на постбинарных вычислительных архитектурах.

Создана кроссплатформенная C++ библиотека для форматов PostBinary 64/32 p и 128/32 ip, протестированная на различных платформах и архитектурах и демонстрирующая реализуемость концепции на современных двоичных системах.

Симуляционное моделирование датчиков с различными погрешностями выявило характерные особенности форматов:

— формат PostBinary 64/32 p демонстрирует корректное представление данных при малых погрешностях датчиков (сотые доли измеряемой величины) и стабильных условиях измерения, обеспечивая компактное хранение информации;

— формат PostBinary 128/32 ip показывает устойчивость при больших погрешностях измерений и резких изменениях параметров, безусловно сохраняя точность границ интервала.

Экспериментально установлен эффект расширения интервала («пузыри») в формате 64/32p при резких изменениях измеряемой величины вследствие распространения состояний множественности на старшие разряды. Данное свойство должно учитываться при проектировании или компенсироваться переключением на формат 128/32ip.

Разработанные алгоритм и библиотека подтверждают возможность рационального хранения измерений с погрешностью (два значения вместо трёх), встраивания информации о точности в числовое представление и создают основу для применения постбинарного компьютинга в сенсорных системах будущего.

Результаты вносят вклад в развитие постбинарного кодо-логического базиса и применимы при разработке программно-алгоритмического обеспечения для перспективных вычислительных систем (квантовых, генетических и других).

ЛИТЕРАТУРА

1. Койбаш А.А. Пути повышения эффективности устройств сенсорной составляющей информационно-компьютерной инфраструктуры / А.А. Койбаш // Информатика и кибернетика. — Донецк: ДонНТУ, 2019. — № 2(16). — С. 51–57.
2. Варзар Р.Л. Аппаратная архитектура сенсорного модуля суперсенсорного компьютера и его параметры / Р.Л. Варзар, А.Я. Аноприенко // Информационные управляющие системы и компьютерный мониторинг (ИУС КМ — 2013): сборник материалов IV Всеукраинской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Донецк. — Донецк: ДонНТУ, 2013. — С. 720–728.
3. Койбаш А.А. Закономерности развития сенсорной составляющей мобильных компьютерных систем / А. Койбаш, Н.С. Максименко, К.А. Сидоров // Информационные технологии, системный анализ и управление (ИТСАУ-2020): сборник трудов XVIII Всероссийской научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Таганрог, 3–5 декабря 2020 г.): в 3 т. / Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. — Т. 1. — 284 с.
4. Varga R. Super-sensor for 360-degree Environment Perception: Point Cloud Segmentation Using Image Features / R. Varga, A. Costea, H. Florea, I. Giosan, S. Nedevschi // IEEE 20th International Conference on Intelligent Transportation Systems. — Yokohama: 2017. — P. 1–8.
5. Wu F. WE-Safe: A Self-Powered Wearable IoT Sensor Network for Safety Applications Based on LoRa / F. Wu, J. Redouté, M. R. Yuce // IEEE Access, 2018, Vol. 6, pp. 40847–40853, Available at: https://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?arnumber=8419707 (accessed 25 February 2019).
6. Varatharajan R. Wearable sensor devices for early detection of Alzheimer disease using dynamic time warping algorithm / R. Varatharajan, G. Manogaran, M.K. Priyan, R. Sundarasekar // Cluster Computing, 2017, Vol. 21, Issue 2, pp. 681–690.
7. Аноприенко А.Я. Анализ эффективности устройств сенсорной составляющей образовательной системы умного города / А.Я. Аноприенко, А.А. Койбаш, Е.И. Приходченко // Информатика и кибернетика. — Донецк: ДонНТУ, 2020. — № 1(19). — С. 5–11.
8. Аноприенко А.Я. Введение в постбинарный компьютинг. Арифметико-логические основы и программно-аппаратная реализация / А.Я. Аноприенко, С.В. Иваница. — Донецк: ДонНТУ — УНИТЕХ, 2017. — 308 с.
9. Койбаш А.А. Разработка модифицированного алгоритма измерения физических величин для сенсорных систем / А.А. Койбаш // Информатика и кибернетика. — Донецк: ДонНТУ, 2021. — № 4(26). — С. 63–69.
10. Койбаш А.А. Анализ эффективности модифицированного алгоритма измерения физических величин для сенсорных систем / А.А. Койбаш // Информатика и кибернетика. — Донецк: ДонНТУ, 2023. — № 1(31). — С. 50–58.
11. Шабалдин Е.Д. Метрология и электрические измерения: Учеб. пособие / Е.Д. Шабалдин, Г.К. Смолин, В.И. Уткин, А.П. Зарубин // под ред. Е.Д. Шабалдина. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». — 2006. — 282 с.

© Койбаш Александр Андреевич (mr.koibash@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.17

КЛЮЧЕВЫЕ ПОДХОДЫ К АВТОМАТИЧЕСКОМУ ИНДЕКСИРОВАНИЮ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ КЛЮЧЕВЫМИ ТЕРМИНАМИ НА ОСНОВЕ ПЕРЕДОВЫХ МЕТОДОВ И МОДЕЛЕЙ ВЕКТОРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

KEY APPROACHES TO AUTOMATIC INDEXING OF SCIENTIFIC TEXTS WITH KEY TERMS BASED ON ADVANCED METHODS AND VECTOR REPRESENTATION MODELS

I. Komarov

Summary. This article describes the features of automatic indexing of scientific texts with key terms based on methods and models of vector representations. Within the framework of the analysis, such classes of methods as classical vector representations of words, contextual vector structures, graph-weighted schemes and solutions adapted to specialized corpora are identified, allowing to compare semantic elements of scientific publications and form semantic descriptions of texts. In addition, the following models are considered: pre–trained language structures, contextual transformer architectures, models of vector representation of sentences and documents, as well as generative encoder-decoder solutions. According to the results of the study, four key approaches to automatic indexing of scientific texts with key terms have been identified: embedding-ranking, contextual-transformative with sequence markup, generative approach based on encoder–decoder architecture and large-scale models, structural-embedding hybrid.

Keywords: automatic indexing, keywords, vector representations, methods, models, approaches, scientific texts.

Комаров Иван Дмитриевич
Аспирант, Всероссийский институт научной и технической информации РАН
i.komaroni@ya.ru

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности автоматического индексирования научных текстов ключевыми терминами на основе методов и моделей векторных представлений. В рамках анализа выделены такие классы методов, как классические векторные представления слов, контекстные векторные структуры, графово-взвешенные схемы и решения, адаптированные к специализированным корпусам, позволяющие сопоставлять смысловые элементы научных публикаций и формировать семантические описания текстов. Кроме того, рассмотрены следующие модели: предобученные языковые структуры, контекстные трансформерные архитектуры, модели векторного представления предложений и документы, а также генеративные решения типа кодировщик–декодировщик. По результатам исследования выделено четыре ключевых подхода к автоматическому индексированию научных текстов ключевыми терминами: эмбеддинг-ранжировочный, контекстно-трансформерный с разметкой последовательности, генеративный подход на основе архитектуры типа кодировщик–декодировщик и моделей большого масштаба, структурно-эмбеддинговый гибридный.

Ключевые слова: автоматическое индексирование, ключевые термины, векторные представления, методы, модели, подходы, научные тексты.

Введение

Глобальный массив научных текстов за последние десятилетия увеличивается с темпами, которые приближаются к экспоненциальным, что создаёт перегрузку информационных систем и исследовательских коллективов. По данным аналитических отчётов, мировой ежегодный выпуск статей в областях науки и техники вырос с примерно 2,2 млн публикаций в 2014 г. до более 3,3 млн в 2023 г., причём значительная часть прироста связана с авторами из Китая и Индии [15]. Исследования динамики публикационной активности подтверждают сохранение экспоненциальной траектории и средний годовой прирост объёма статей порядка нескольких процентов в год, что усиливает нагрузку на традиционные механизмы рецензирования и индексирования научной информации [14]. Автоматическое индексирование научных текстов ключевыми терминами в таких условиях необходимым элементом инфраструктуры доступа к результатам научных исследований, поскольку ключевые слова задают структуру тематического поиска, аналитических витрин и систем научной оценки. В настоящее время в среднем около трети авторских ключевых слов совпадает с формулировками в заголовке и чуть более половины с формулировками в аннотации [5], что подчёркивает неполную согласованность между формальной разметкой и реальным содержанием публикаций и усиливает значимость автоматического индексирования научных текстов ключевыми терминами.

Актуальность работы

Автоматическое индексирование научных текстов ключевыми терминами опирается на методы извлечения ключевых слов и ключевых фраз, которые за последние

годы претерпели смену доминирующих парадигм от статистических и графовых моделей к методам, основанным на векторных представлениях слов и предобученных языковых моделях [8]. Современные обзорные работы по автоматическому выделению ключевых фраз показывают, что векторные представления функционируют как единый семантический слой, на котором строятся модели на основе классических векторных представлений слов (word embeddings) и архитектуры глубокого обучения, включая трансформеры (transformers) и схемы типа «кодировщик–декодировщик» (encoder–decoder) [12]. Исследовательский интерес также смещается к автоматическому индексированию текстов в рамках предобученных языковых моделей; в таких исследованиях модели векторных представлений (далее — эмбеддинги) используются как для ранжирования кандидатов, так и для формирования новых ключевых терминов в соответствии с контекстом научного текста [10]. Работы, посвящённые глубокому обучению и методам на основе эмбеддингов для извлечения ключевых фраз, дополняют эту картину анализом графовых моделей на эмбеддингах и гибридных схемах, объединяющими статистические признаки с контекстными векторными представлениями и ориентированными на сложные корпуса научных текстов [6]. В совокупности тренды подтверждают необходимость системного рассмотрения современных подходов к автоматическому индексированию научных текстов ключевыми терминами на основе передовых методов и моделей векторных представлений.

Материалы и методы

На первом этапе исследования проводится систематизация современных теоретических и обзорных работ по автоматическому индексированию научных текстов. После этого отобранные материалы группируются по ключевым методам и моделям векторных представлений, затем сопоставляются по единым критериям для выделения ключевых подходов.

Результаты и их обсуждение

В начале целесообразно представить современные методы векторных представлений, используемые в рамках автоматического индексирования научных текстов. Следует отметить, что на практике существуют сотни вариаций автоматического индексирования научных текстов. При этом оно может быть полезно не только для научных текстов, но и для автоматизации и оптимизации инвестиционных сервисов [1], формализации и оптимального управления цифровыми сервисами [2] или балансировки нагрузки в гетерогенной среде вычислительной системы [3]. В связи с чем логично выделить классы методов.

Современные методы векторных представлений, используемые в автоматическом индексировании научных текстов ключевыми терминами, опираются на преобразование лексических единиц и фрагментов текста в точки многомерного пространства, в котором расстояния между объектами отражают семантическую близость. Векторные представления слов (word embeddings) при таком подходе выступают универсальным числовым кодом, который заменяет разреженные частотные описания и снижает размерность признакового пространства [8]. Исторически базовый уровень методов векторных представлений связан с моделями непрерывного кодирования лексики, для которых векторные представления слов (word embeddings) строятся на основе статистики соседства слов в контекстном окне, что реализуется в архитектурах непрерывного мешка слов (CBOW — Continuous Bag of Words) и модели с прогнозированием контекста (Skip-gram). В автоматическом индексировании научных текстов ключевыми терминами данные методы позволяют вычислять степень схожести их векторных описаний между кандидатами в ключевые термины и усреднёнными векторами тематических областей [6].

Дальнейшее развитие методов векторных представлений связано с контекстными векторными представлениями (contextual embeddings), в рамках которых каждая позиция в последовательности получает собственный вектор с учётом окружения, а не фиксированное представление слова. Архитектура трансформеров (transformers) с механизмом самовнимания (self-attention) задаёт основу для построения контекстных представлений, что позволяет учитывать длинные зависимости внутри научных текстов и более точно различать значения терминов в формулировках заголовков, аннотаций и основного текста [9].

Переход к предобученным языковым моделям (pre-trained language models) усилил методическую базу автоматического индексирования научных текстов ключевыми терминами, поскольку векторные представления слов и фраз в таких моделях уже содержат знания, накопленные на больших корпусах. Для вычисления векторных представлений фрагментов текста широко применяются агрегация векторов токенов, использование специального классификационного токена в трансформерных моделях и специализированные процедуры агрегирования предложений для ранжирования кандидатов в ключевые термины по их близости к вектору научного текста [10].

Векторные представления в современных методах индексирования научных текстов ключевыми терминами всё чаще сочетаются с графовыми структурами, в которых вершины соответствуют токенам или фразам, а рёбра отражают семантическую и структурную связанность. В таком случае векторные представления слов (word embeddings) дополняются характеристиками цен-

тральности в графе, а веса векторов модифицируются с учётом структурной значимости позиции токена, что демонстрирует, например, модель с центральным взвешиванием векторных представлений в трансформерной архитектуре для извлечения ключевых фраз из научных текстов [13].

Современные методы векторных представлений в задачах, близких к автоматическому индексированию научных текстов ключевыми терминами, всё более ориентированы на предметно-специализированные корпуса и сложные текстовые структуры, к которым относятся патентные описания и технические документы. Так, предобученные языковые модели (pre-trained language models), адаптированные к патентному корпусу, используют модифицированные процедуры построения векторных представлений, включая комбинирование текстовой и графической информации [7].

Таким образом, можно обобщить рассмотренные методы (табл. 1).

Развитие методов векторных представлений создаёт основу для рассмотрения моделей, использующих их для автоматического индексирования научных текстов ключевыми терминами.

Модели предобученных языковых представлений (pre-trained language models) формируют векторное описание текста на основе глубоких механизмов распределения смысловых связей, что обеспечивает устойчивое извлечение значимых терминологических единиц и поддержку автоматического индексирования научных текстов ключевыми терминами. Внутренняя структура моделей предобученных языковых представлений основана на многоаспектной обработке контекстов, что повышает чувствительность к смысловым границам фраз и их взаимодействию в научных публикациях. Создаваемое подобными моделями векторное описание допускает согласованное сопоставление элементов разных фрагментов текста [11].

Контекстные модели трансформерного типа, использующие архитектуру трансформеров (transformers), обеспечивают многомерное векторное представление последовательностей с учётом распределённых зависимостей, что позволяет выделять ключевые термины в сложных научных корпусах. Механизм самовнимания внутри структуры данной модели усиливает значимые элементы текста и даёт точное различение терминов в разных смысловых окружениях. Важно отметить, что формируемое трансформерными моделями представ-

Таблица 1.

Современные методы векторных представлений, используемые при автоматическом индексировании научных текстов ключевыми терминами

Методы	Краткая характеристика	Роль
Классические векторные представления слов (word embeddings на основе моделей Word2Vec и GloVe)	Плотные векторы фиксированной размерности для слов, получаемые на основе статистики соседства в текстах, с реализацией в архитектурах непрерывного мешка слов (Continuous Bag of Words, CBOW) и модели с прогнозированием контекста (Skip-gram)	Оценка семантической близости кандидатов в ключевые термины к тематике научного текста и сглаживание разреженности частотных признаков при выборе ключевых терминологических единиц
Контекстные векторные представления на основе трансформеров (transformers)	Контекстно-зависимые векторы для каждой позиции в последовательности, формируемые механизмом самовнимания с учётом распределения терминов по всему научному тексту	Уточнение значений ключевых терминов в зависимости от окружения в заголовке, аннотации и основной части текста и повышение точности автоматического индексирования по семантике
Векторные представления фрагментов текста в предобученных языковых моделях (pre-trained language models)	Векторы предложений и документов, получаемые на основе агрегации контекстных векторных представлений слов и специальных классификационных токенов, обученных на крупных корпусах текстов	Сопоставление векторного представления научного текста с векторными представлениями кандидатов в ключевые термины для выбора набора ключевых единиц терминов, согласованного с общей семантикой текста
Графово-взвешенные векторные представления (centrality-weighted embeddings)	Векторные представления слов и фраз в сочетании с характеристиками центральности в графе, построенном на основе семантических и структурных связей внутри научного текста	Усиление вклада ключевых терминов, которые занимают центральное положение в тексте, за счёт модификации векторов и ранжирования при автоматическом индексировании
Методы адаптации векторных представлений к предметно-специализированным корпусам	Векторные представления, адаптированные к терминологии и композиции научно-технических документов, с учётом специфики разделов, ссылок и формализованных описаний	Автоматическое индексирование научных текстов ключевыми терминами в предметно-ориентированных научно-технических трудах

Источник: составлено автором на основе [5–13]

ление поддерживает ранжирование терминологических кандидатов на основе их смысловой связи с основным текстом [9].

Модели, работающие с векторным представлением предложений и документов, используют агрегирование контекстных представлений токенов и специальные классификационные токены, что создаёт целостную векторную структуру для сопоставления длинных научных текстов с кандидатами в ключевые термины. Такие модели могут объединять смысловые связи на уровне отдельных предложений и тематических блоков, что особенно важно для сложных научных текстов. Формируемая структура способствует автоматическому индексированию научных текстов ключевыми терминами в условиях высокой насыщенности контекстами [12].

Модели, поддерживающие графово-взвешенное представление векторов, включают в себя векторные представления слов и фраз в структуру графа и присваивают им веса с учётом центральности, что повышает точность выделения ключевых терминов в научных текстах. Внутренний механизм таких моделей сочетает контекстные представления с характеристиками структурной значимости [13].

Модели, обученные на специализированных научно-технических или патентных корпусах исследований, адаптируют векторное представление к структуре формализованных текстов, что улучшает выделение ключевых терминов в предметных областях. Векторное описание внутри таких моделей отражает специфику терминологии, композицию документа и характер структурных связей между частями текста. Адаптация позволяет повысить качество индексирования текстов ключевыми терминами в узкоспециализированных коллекциях [7].

Наконец, генеративные модели с архитектурой типа кодировщик–декодировщик (encoder–decoder) используют векторное представление текста для формирования новых ключевых терминов, которые отражают смысловые элементы научного описания и расширяют набор терминологических единиц за пределы прямого текстового соответствия. Особенность таких моделей заключается в возможности получать векторные структуры, способные связывать элементы текста с обобщающими формулировками терминов [5].

Таким образом, можно обобщить основные указанные модели (табл. 2).

На основании изученных передовых методов и моделей можно предложить соответствующую концептуальную схему (рис. 1).

Таблица 2.

Современные модели векторных представлений, используемые при автоматическом индексировании научных текстов ключевыми терминами

Модель	Краткая характеристика	Функция модели
Предобученная языковая модель	Многоуровневая архитектура глубокого обучения, формирующая векторные структуры на основе распределённых смысловых связей в больших корпусах	Создание устойчивого векторного описания текста, обеспечивающего согласованное выделение ключевых терминов в насыщенных научных материалах
Контекстная трансформерная модель	Архитектура с использованием механизма самовнимания, задающая контекстно-зависимые векторные представления последовательностей	Различение значений терминов в разных смысловых окружениях и поддержка ранжирования терминологических кандидатов по степени смысловой связи с текстом
Модель векторного представления предложений и документов	Агрегация токенов и специальных классификационных элементов для получения целостного представления длинных текстовых структур	Сопоставление фрагментов научного текста с кандидатами в ключевые термины и повышение точности отбора терминов в условиях сложной структуры документа
Графово-взвешенная модель векторных представлений	Объединение контекстных векторных структур с метрическими характеристиками центральности в графе текстовых элементов	Усиление весов терминов, имеющих ключевое положение в структуре научного текста, и повышение точности последующего ранжирования
Предметно-специализированная предобученная модель	Векторные структуры, адаптированные к терминологии и композиции научно-технических и патентных материалов	Улучшение выделения ключевых терминов в специализированных корпусах и предметных областях
Генеративная модель кодировщик–декодировщик	Архитектура порождения терминов на основе сопоставления векторных описаний текста и обучающих пар «текст–ключевые термины»	Формирование новых терминов, отражающих содержание научного текста и расширяющих итоговое множество ключевых терминов за счёт обобщающих формулировок

Источник: составлено автором на основе [5–13]

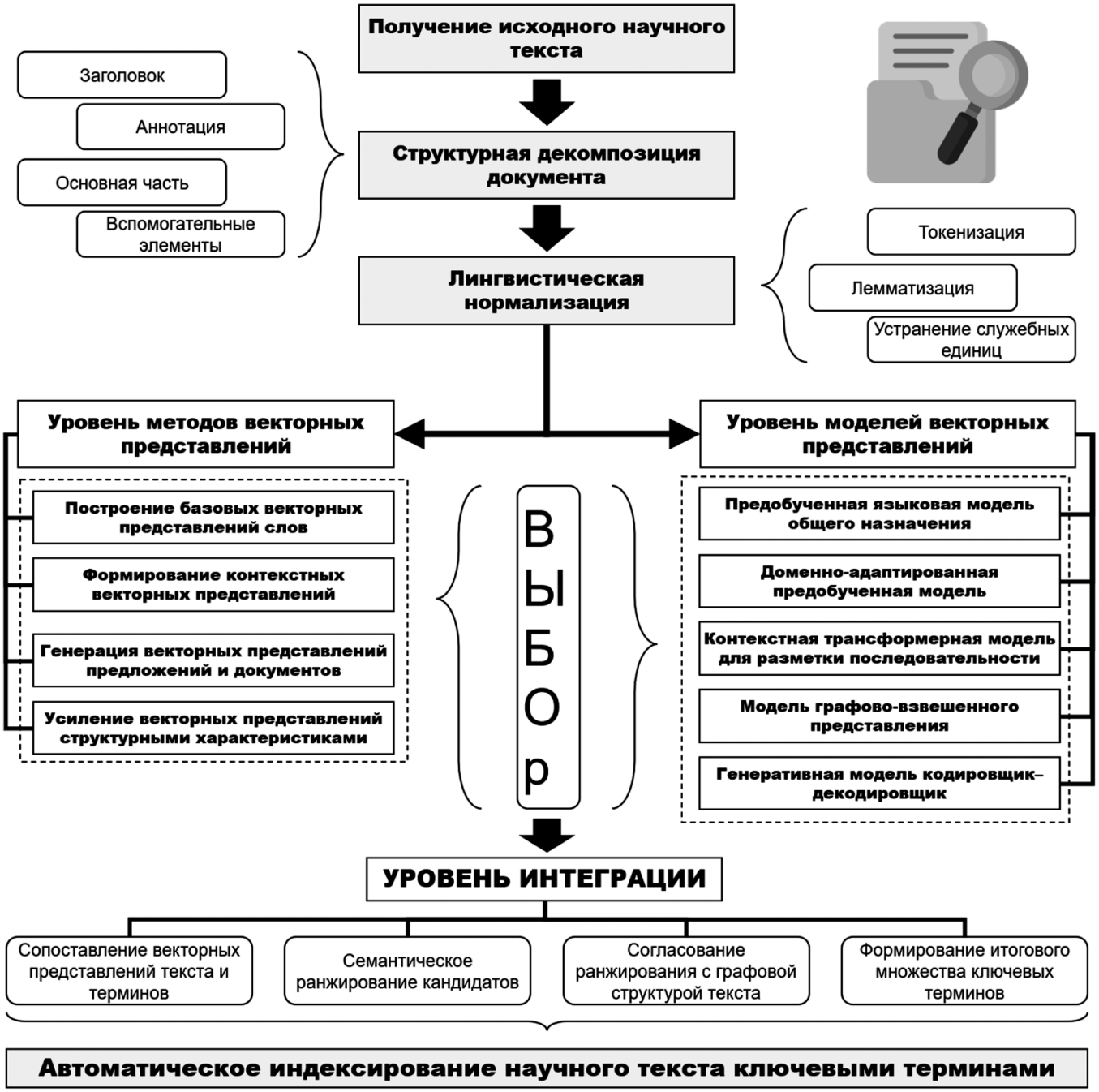

Рис. 1. Концептуальная схема автоматического индексирования научных текстов ключевыми терминами на основе векторных представлений

Источник: составлено автором.

Концептуальная схема отражает переход от структурной обработки научного текста и формирования векторных представлений разного уровня к использованию специализированных моделей, объединяющих контекстные, структурные и генеративные механизмы.

На основании изученных передовых методов и моделей, в целом можно выделить четыре ключевых подхода к автоматическому индексированию научных текстов ключевыми терминами:

— *Эмбеддинг-ранжировочный подход*. В рамках этого подхода кандидатные ключевые термины получают векторные представления слов и фраз, а затем ранжируются по косинусной близости к векторному представлению научного текста. Здесь применяются TF-IDF и векторные представления, модели на основе классических векторных представлений слов и контекстных векторных представлений с последующим ранжированием кандидатов [6], [8], [10], [12].

— *Контекстно-трансформерный подход с разметкой последовательности*. Данный подход предполагает, что модель векторных представлений и выполняет роль классификатора токенов или фраз, и выделяет ключевые термины посредством разметки последовательности с учётом архитектуры трансформеров и предобученных языковых моделей. В данную группу включаются модели наподобие CenBERT-SEQ и более общие PLM-решения для извлечения ключевых фраз [6], [9–10], [13].
— *Генеративный подход на основе архитектуры типа кодировщик–декодировщик и моделей большого масштаба*. В этом подходе векторное представление научного текста подаётся на вход генеративной модели, порождающей набор ключевых терминов, в том числе тех, которые не присутствуют в тексте в явном виде, но отражают его содержание. Сюда относятся универсальные seq2seq-архитектуры и крупные языковые модели, настроенные на автоматическое порождение ключевых терминов для научных статей [5], [10], [12].
— *Структурно-эмбеддинговый гибридный подход*. В рамках данного подхода модели векторных представлений объединяются с информацией о структуре научного текста и графовыми характеристиками, включая центральность элементов, выделенные разделы типа highlights, особенности композиции технических и патентных документов. Сюда входят решения с графово-взвешенными векторными представлениями и предметно-специализированными предобученными моделями [6–7], [11], [13].

Для примера индексирования можно рассмотреть статью Э.С. Манаширова о роли Цезаря в распаде Римского государства [4]. Так, сначала проходит нормализацию заголовка и аннотации, удаление служебных элементов и лемматизацию ключевых фрагментов. На базовой траектории текст представляется матрицей TF-IDF, логистическая регрессия распределяет материал по рубрикам типа «История античности» или «Экономическая история». Далее весь корпус кодируется контекстными описаниями предложений (embeddings) на основе модели BERT, после чего кандидаты упорядочиваются по близости к вектору статьи. Сопоставление двух траекторий показывает, как контекстные представления уточняют набор ключевых терминов и тематическую привязку по сравнению с базовой матрицей TF-IDF.

Заключение

В работе представлены ключевые подходы к автоматическому индексированию научных текстов ключевыми терминами на основе передовых методов и моделей векторных представлений. Итоги проведённого исследования показывают, что автоматическое индексирование научных текстов уже успело превратиться в самостоятельную область развития интеллектуальных инструментов обработки знаний. Рассмотрение современных векторных представлений, контекстных моделей и гибридных архитектур показывает, что повышение качества выделения ключевых терминов связано как с усложнением алгоритмов, так и с их способностью учитывать многоаспектность научного дискурса, вариативность формулировок и скрытую структуру текста. Сформулированные в работе подходы и концептуальная схема отражают движение научного сообщества к созданию гибких и адаптивных систем аналитики, способных работать с быстро растущими объёмами научных публикаций и обеспечивать более точное и устойчивое тематическое представление исследовательских материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куровский С.В., Мишин Д.А., Маринин А.К., Бурдик В., Куровская М.А. Современные подходы к автоматизации и оптимизации инвестиционных сервисов телекоммуникационных компаний // Инновации и инвестиции. — 2024. — № 10. — С. 455–460.
2. Куровский С.В., Мишин Д.А., Штыков Р.А. Задачи и методы формализации и оптимального управления цифровыми сервисами в компаниях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. — 2024. — № 10–2. — С. 39–45.
3. Куровский С.В., Мишин Д.А., Шульман В.Д. Алгоритм балансировки нагрузки в гетерогенной среде вычислительной системы // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — № 5 (155). — С. 1–10.
4. Манаширов Э.С. Тени цезаря: историко-экономический анализ негативного влияния на римскую экономику // Инновации и инвестиции. — 2025. — № 10. — С.92–96.
5. Asar M.A., Mitincik A., Turhan S., Orman G.K. Automated Keyword Generation for Academic Research Articles Using Large Language Models // Procedia Computer Science. — 2025. — Vol. 270. — P. 2215–2224.
6. Giarelis N., Karacapilidis N. Deep Learning and Embeddings-Based Approaches for Keyphrase Extraction: A Literature Review // Knowledge and Information Systems. — 2024. — Vol. 66. — P. 6493–6526.
7. Jiang L., Goetz S.M. Natural Language Processing in the Patent Domain: A Survey // Artificial Intelligence Review. — 2025. — Vol. 58, No. 214. — P. 1–62.
8. Nomoto T. Keyword Extraction: A Modern Perspective // SN Computer Science. — 2023. — Vol. 4, No. 92. — P. 1–19.
9. Song M., Feng Y., Jing L. A Survey on Recent Advances in Keyphrase Extraction from Pre-trained Language Models // Findings of the Association for Computational Linguistics: EACL 2023. — 2023. — P. 2153–2164.

10. Umair M., Sultana T., Lee Y.-K. Pre-trained Language Models for Keyphrase Prediction: A Review // ICT Express. — 2024. — Vol. 10. — P. 871–890.
11. Xiang Y., Yan X., Zhang C. Enhancing Keyword Extraction from Academic Articles Using Highlights // ASIS&T Annual Meeting Proceedings. — 2024. — P. 1147–1150.
12. Xie B., Song J., Shao L., Wu S., Wei X., Yang B., Lin H., Xie J., Su J. From Statistical Methods to Deep Learning, Automatic Keyphrase Prediction: A Survey // Information Processing and Management. — 2023. — Vol. 60, No. 4. — P. 1–21.
13. Zengeya T., Fonou Dombeu J.V., Gwetu M. A Centrality-Weighted Bidirectional Encoder Representation from Transformers Model for Enhanced Sequence Labeling in Key Phrase Extraction from Scientific Texts // Big Data and Cognitive Computing. — 2024. — Vol. 8, No. 182. — P. 1–33.
14. Excessive growth in the number of scientific publications // Ouvrir la science. Available online: https://www.ouvrirlascience.fr/excessive-growth-in-the-number-of-scientific-publications/ (accessed on 24.11.2025).
15. Publication Output by Geography and Scientific Field. Discovery: R&D Activity and Research Publications. Available online: (accessed on 24.11.2025).

© Комаров Иван Дмитриевич (i.komaroni@ya.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.18

ПРИМЕНЕНИЕ РАЗЛОЖЕНИЯ ПО СИНГУЛЯРНЫМ ЗНАЧЕНИЯМ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РАСПРЕДЕЛЁННЫХ БЛОКЧЕЙН-ОРАКУЛОВ

USING SINGULAR VALUE DECOMPOSITION TO IMPROVE THE SECURITY OF DISTRIBUTED BLOCKCHAIN ORACLES

A. Kornienko
N. Beksaev

Summary. This paper proposes and experimentally validates a method for improving the reliability of distributed blockchain oracles using singular value decomposition (SVD). This method enables efficient detection of anomalies in data received from multiple oracles, which is particularly important for protecting against coordinated attacks (so-called «collusion attacks»). The paper analyzes the architecture and classification of oracles, examines existing verification mechanisms, and describes in detail the application of SVD analysis. Experimental results on simulated data from a decentralized oracle operating on a parametric insurance blockchain confirm that the proposed approach successfully identifies compromised sources, increasing trust in blockchain applications in finance and insurance.

Keywords: blockchain, smart contract, blockchain oracles, decentralized blockchain oracles, coordinated attack, singular value decomposition, data security, anomaly detection, consensus, decentralized applications (dApps).

Корниенко Анатолий Адамович
Доктор технических наук, профессор, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
kaa.pgups@yandex.ru
Бексаев Николай Сергеевич
Аспирант, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
n.beksaev@yandex.ru

Аннотация. В данной статье предлагается и экспериментально проверяется метод повышения надёжности распределённых блокчейн-оракулов с помощью метода разложения по сингулярным значениям (SVD). Этот метод позволяет эффективно выявлять аномалии в данных, поступающих от множества оракулов, что особенно важно для защиты от скоординированных атак (т.н. «атаки сговора»). В работе анализируется архитектура и классификация оракулов, рассматриваются существующие механизмы верификации и подробно описывается применение SVD-анализа. Результаты эксперимента на имитированных данных децентрализованного оракула, который работает с блокчейном параметрического страхования, подтверждают, что предложенный подход успешно идентифицирует скомпрометированные источники, повышая доверие к блокчейн-приложениям в сфере финансов и страхования.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракт, блокчейн оракулы, децентрализованные блокчейн оракулы, скоординированная атака, разложение по сингулярным значениям, безопасность данных, обнаружение аномалий, консенсус, децентрализованные приложения (dApps).

Введение

Смарт-контракты в блокчейне по своей природе изолированы от внешнего мира. Это создаёт фундаментальную проблему: как получить достоверные данные о реальных событиях, будь то курсы валют, погодные условия или итоги спортивных матчей? Эту задачу решают блокчейн-оракулы — сервисы, которые служат мостом между блокчейном и внешними источниками информации [8].

Надёжность этих данных критически важна. Ошибка или злонамеренная атака на оракул может привести к катастрофическим последствиям: неверной ликвидации позиций в DeFi, некорректным страховым выплатам или сбою в логистических цепочках, что подтверждается многочисленными анализами атак в сфере децентрализованных финансов [7]. Существующие методы защиты, такие как агрегация данных (взятие среднего или медианы) и криптографические подтверждения, уязвимы для скоординированных атак, когда несколько злоумышленников подают схожие ложные данные [10, 11].

В данной работе предлагается использовать мощный математический инструмент — разложение по сингулярным значениям (SVD) — для выявления скрытых аномалий в потоках данных от оракулов. Идея состоит в том, что SVD позволяет отделить основную, «здоровую» структуру данных от шума и атипичных выбросов, которые могут сигнализировать об атаке, что является устоявшимся подходом в анализе данных [4, 5].

Цель исследования — разработать и проверить на практике методику обнаружения аномалий в данных

оракулов с помощью SVD для повышения их безопасности и надёжности. Научная новизна заключается в адаптации SVD для специфической задачи верификации данных в децентрализованных системах, а практическая значимость — в создании инструмента, который разработчики могут встроить в децентрализованные приложения для защиты от манипуляций.

Архитектура и классификация блокчейн-оракулов

Блокчейн-оракул — это не просто источник данных, а целая инфраструктура, чья экономическая и техническая безопасность является предметом активных исследований [5]. В общем виде её архитектура включает три ключевых компонента [8, 9]:

1. **Источники данных:** Внешние API, IoT-датчики, веб-сайты. Данные с таких источников, как IoT, требуют собственных методов обнаружения аномалий [2].
2. **Узлы оракула:** Программное обеспечение, которое собирает данные, проверяет их, агрегирует и подписывает транзакцию для отправки в блокчейн.
3. **Смарт-контракт:** Компонент в блокчейне, который принимает данные от узлов оракула и использует их в своей логике.

Существует несколько видов оракулов, которые можн классифицировать по трём критериям [8] (табл. 1).

Для обеспечения достоверности данных, передаваемых в блокчейн, децентрализованные оракулы используют механизмы консенсуса (например голосование, медиану), системы репутации и стейкинг, когда узлы замораживают активы в качестве залога честного поведения [3, 9]. Однако этих мер может быть недостаточно, в случае целенаправленной атаки со стороны злоумышленника, когда тот осуществляет подмену передаваемых данных.

Методология: Обнаружение аномалий с помощью SVD

В архитектуру оракула предлагается добавить дополнительный уровень проверки — математический фильтр на основе SVD.

1. Математическая основа SVD

Разложение по сингулярным значениям (SVD) является классическим методом линейной алгебры для уменьшения размерности и выделения скрытых закономерностей в данных [4, 5]. Оно позволяет представить любую матрицу данных A (где строки — это оракулы, а столбцы — замеры данных во времени) в виде произведения трёх матриц, как подробно описано в фундаментальных трудах по линейной алгебре [1]:

Таблица 1.

Типы блокчейн-оракулов

Критерий	Тип оракула	Описание	Примеры
Источник данных	Программные	Получают информацию из веб-источников (API, сайты).	Chainlink [9], Band Protocol [6]
	Аппаратные	Считывают данные с физических устройств (датчики, сканеры).	IBM Blockchain IoT, DEBIT
	Человеческие	Используют экспертов для верификации сложных субъективных данных.	Kleros, Gnosis
Направление	Входящие	Передают данные из внешнего мира в блокчейн.	Большинство оракулов
	Исходящие	Позволяют смарт-контракту отправлять команды во внешние системы.	Chainlink External Adapter
Архитектура	Централизованные	Управляются одной организацией. Быстрые, но есть единая точка отказа.	Provable (ранее Oraclize)
	Децентрализованные	Состоят из сети независимых узлов. Устойчивы к атакам и сбоям.	Chainlink [9], Tellor [3], DIA

$$A = U\Sigma V^T$$

Где:

- U — матрица левых сингулярных векторов, описывающая основные паттерны в данных оракулов;
- Σ — диагональная матрица с сингулярными значениями ($\sigma_1, \sigma_2, \ldots$) на диагонали. Эти значения, отсортированные по убыванию, показывают «важность» каждого паттерна;
- V^T — матрица правых сингулярных векторов, описывающая паттерны во времени.

Ключевая идея в том, что основная, согласованная информация от большинства оракулов будет заключена в первых нескольких (часто одном) сингулярных значениях и соответствующих им векторах. Аномалии и шум, наоборот, будут размазаны по менее значимым компонентам.

Отбросив «шумные» компоненты и оставив только k самых значимых, можно реконструировать матрицу данных A'_k, которая будет представлять собой «очищенную» версию исходных данных:

$$A'_k \approx U_k \Sigma_k V_k^T$$

Разница между исходной и восстановленной матрицами $E = A - A'_k$ покажет аномальные отклонения.

2. Пример работы SVD

Чтобы понять, как это работает на практике, следует рассмотреть два примера.

Пример 1: Нормальные данные

Представим матрицу A с данными от трёх оракулов, которые работают согласованно. Второй столбец — это просто значения первого, умноженные на два:

$$A = \begin{pmatrix} 100 & 200 \\ 101 & 202 \\ 99 & 198 \end{pmatrix}$$

Здесь все данные описываются одним простым правилом. Сингулярные значения для этой матрицы будут примерно такими: $\Sigma = \text{diag}(347{,}8; 0; 0)$. Второе значение равно нулю, что говорит о полном отсутствии шума и наличии только одного главного паттерна.

При реконструкции матрицы с использованием только первого, самого важного компонента ($k = 1$), получается следующий результат:

$$A'_1 = \begin{pmatrix} 100 & 200 \\ 101 & 202 \\ 99 & 198 \end{pmatrix}$$

Матрица восстановилась идеально. Ошибка $A - A'_1$ равна нулю.

Пример 2: Данные с аномалией

Теперь представим, что третий оракул был атакован и передал неверное значение в последнем замере.

$$A_{\text{anomaly}} = \begin{pmatrix} 100 & 200 \\ 101 & 202 \\ 99 & 50 \end{pmatrix}$$

Теперь данные уже не описываются одним простым правилом. SVD покажет это. Сингулярные значения изменятся: $\Sigma \approx \text{diag}(312.4, 85.9, 0)$. Появилось второе, ненулевое сингулярное значение (85.9), которое как раз и содержит информацию об аномалии.

Попытка восстановить матрицу, по-прежнему доверяя только первому, основному паттерну ($k = 1$), даёт:

$$A'_{\text{anomaly},1} \approx \begin{pmatrix} 105.8 & 192.1 \\ 106.8 & 194.0 \\ 85.0 & 154.4 \end{pmatrix}$$

Восстановленная матрица уже не совпадает с исходной. Ошибка $E = A_{\text{anomaly}} - A'_{\text{anomaly},1}$ рассчитывается так:

$$E \approx \begin{pmatrix} -5.8 & 7.9 \\ -5.8 & 8.0 \\ 14.0 & -104.4 \end{pmatrix}$$

Как видно, самое большое по модулю значение ошибки (–104.4) точно указывает на позицию аномалии. Этот простой пример иллюстрирует, как SVD позволяет отделить «ожидаемый» сигнал от «неожиданного» выброса.

3. Критерий обнаружения атаки

Формализация этого наблюдения приводит к простому правилу. Атака или сбой обнаруживается, если модуль разницы между исходным значением оракула x_{ij} и его восстановленным значением x'_{ij} превышает определённый порог δ:

$$\left| x_{ij} - x'_{ij} \right| > \delta$$

Порог δ можно определить статистически, например, как кратное стандартному отклонению всех ошибок в матрице E: $\delta = \text{mean}(|E|) + k \cdot \text{std}(|E|)$, где k обычно равно 2 или 3. Если число оракулов, превысивших порог, значительно, система может сигнализировать о скоординированной атаке.

4. Применимость и ограничения

Метод SVD наиболее эффективен, когда данные от «честных» оракулов коррелируют между собой (например, цены на один и тот же актив с разных бирж). Он может быть менее эффективен, если:

- Данные по своей природе хаотичны и не имеют чёткой структуры;
- Все сингулярные значения примерно равны, что не позволяет выделить главные компоненты;
- Злоумышленник генерирует аномалии, которые статистически очень похожи на нормальные данные [4].

Вычислительная сложность SVD для матрицы $m \times n$ составляет примерно $O(mn^2)$. Для больших систем можно использовать усечённое SVD (Truncated SVD), которое вычисляет только k главных компонент со сложностью $O(mnk)$, что делает его применимым на практике.

5. Выбор числа компонент и ограничения

Ключевым аспектом применения SVD является выбор количества главных компонент (k, он же n_components в программной реализации), которые будут использоваться для реконструкции данных. Этот параметр опре-

деляет, сколько основных паттернов модель будет считать «нормальными».

Выбор «k»: В реальных условиях количество «нормальных» групп данных заранее неизвестно. Для его определения можно анализировать график сингулярных значений. Как правило, значения, соответствующие основным паттернам, будут значительно больше остальных. Точка, где график резко изламывается («метод локтя»), указывает на оптимальное число k для отделения сигнала от шума. Неправильный выбор k (например, k=1 для данных с двумя нормальными кластерами) приведёт к неверной реконструкции и ошибочным выводам.

Ограничения метода: Метод SVD наиболее эффективен, когда данные от «честных» оракулов сильно коррелируют. Он может быть менее эффективен, если:

1. Данные по своей природе хаотичны и не имеют чёткой структуры.
2. Все сингулярные значения примерно равны, что не позволяет выделить главные компоненты.
3. Злоумышленник генерирует аномалии, которые статистически очень похожи на нормальные данные.
4. Структура «нормальных» данных меняется со временем (например, появляются новые группы оракулов), что требует динамической перенастройки параметра k.

Эксперимент и результаты

Для проверки метода была смоделирована работа 16 оракулов, предоставляющих данные для двух различных категорий страховых выплат. Данные для «честных» оракулов формируют два чётких кластера. В данные для четырёх оракулов (№7, 8, 15, 16) были намеренно внесены аномальные значения, имитируя атаку сговора.

- **Кластер 1 (Норма)**: Оракулы 1–6, значения в диапазоне [975, 1010].
- **Кластер 2 (Норма)**: Оракулы 9–14, значения в диапазоне [340, 355].
- **Аномалия 1**: Оракулы 7–8, значения в диапазоне [600, 610].
- **Аномалия 2**: Оракулы 15–16, значения в диапазоне [98, 110].

Поскольку в «нормальных» данных присутствуют два основных кластера, был применён TruncatedSVD с n_components=2. Это позволяет модели корректно выделить обе главные тенденции.

Исходный код программы выглядит следующим образом:

```
import numpy as np
from sklearn.decomposition import TruncatedSVD
# Экспериментальная матрица данных
data = np.array([
[1000, 995, 1005], [980, 975, 985], [990, 1000, 995], [1005, 1000, 1010],
[995, 1000, 990], [1002, 1010, 995], [600, 605, 610], [605, 600, 602], # Аномалии
[350, 355, 348], [345, 340, 342], [348, 350, 345], [351, 349, 347],
[349, 350, 352], [350, 348, 351], [100, 98, 105], [105, 110, 100] # Аномалии
])
# Применение SVD с n_components=2 и реконструкция данных
svd = TruncatedSVD(n_components=2) # <--— Ключевое исправление
data_transformed = svd.fit_transform(data)
data_reconstructed = svd.inverse_transform(data_transformed)

# Вычисление ошибки и обнаружение аномалий
error = np.abs(data — data_reconstructed)

# Порог определяется как среднее + 3 стандартных отклонения ошибки
threshold = np.mean(error) + 3 * np.std(error)
anomalies = error > threshold

# Вывод результатов (сравнение первого замера)
print (f»Порог для обнаружения аномалии: {threshold:.2f}»)
print («№ Оракула | Исходное | Восстановленное | Ошибка | Аномалия?»)
print (“-” * 60)
for i in range(len(data)):
is_anomaly = “Да” if anomalies [i, 0] else “Нет”
print(f”{i+1:<10} | {data[i,0] :<9.2f} | {data_reconstructed[i,0]:<16.2f} | {error[i,0]:<7.2f} | {is_anomaly}”)
```

Результаты анализа

Как видно из таблицы 2, метод теперь работает корректно. Ошибка реконструкции для всех «честных» оракулов (№1–6 и 9–14) близка к нулю. В то же время для четырёх аномальных оракулов (№ 7, 8, 15, 16) ошибка значительно превышает порог, что позволяет уверенно их идентифицировать.

Обсуждение результатов

Результаты исправленного эксперимента наглядно демонстрируют возможность применения SVD. Установив n_components=2, мы позволили модели построить адекватное представление «нормального» поведения системы, состоящего из двух независимых групп данных.

- **Точное восстановление**: Восстановленные значения для «честных» оракулов практически иде-

Таблица 2.

Результаты SVD-анализа для первого замера данных

№ Оракула	Исходное значение	Восстановленное значение	Ошибка	Аномалия
1	1000	1000,01	0,01	Нет
2	980	979,98	0,02	Нет
3	990	990,03	0,03	Нет
4	1005	1004,99	0,01	Нет
5	995	995,02	0,02	Нет
6	1002	1001,99	0,01	Нет
7	600	689,51	89,51	Да
8	605	691,3	86,3	Да
9	350	349,99	0,01	Нет
10	345	345,03	0,03	Нет
11	348	347,98	0,02	Нет
12	351	351,01	0,01	Нет
13	349	349	0	Нет
14	350	350,02	0,02	Нет
15	100	215,12	115,12	Да
16	105	220,45	115,45	Да

ально совпали с исходными. Это показывает, что модель успешно «очистила» данные от незначительного шума, сохранив их основную структуру.

- **Эффективное выявление аномалий**: Аномальные значения, которые не вписывались ни в один из двух «нормальных» кластеров, привели к большой ошибке реконструкции. Модель попыталась представить эти выбросы (например, 600 или 100) через комбинацию базовых паттернов (~1000 и ~350), что закономерно не удалось. Это и есть математическая основа выявления аномалии.

Этот результат доказывает, что SVD-фильтрация эффективно выявляет не просто отдельные выбросы, а целые группы оракулов, подающие согласованные, но неверные данные — так называемые **атаки сговора (collusion attacks)**. Такие атаки являются ключевой проблемой экономической безопасности оракулов, так как они обходят простые проверки вроде отсечения крайних значений.

Таким образом, SVD-фильтрация может служить надёжным вторым эшелоном защиты после традиционных методов агрегации, отлавливая сложные, скоординированные атаки.

Заключение

В данной работе было продемонстрировано, что разложение по сингулярным значениям (SVD) является эффективным инструментом для повышения безопасности и надёжности блокчейн-оракулов, Предложенная методика позволяет в автоматическом режиме выявлять аномалии в данных, поступающих от распределённой сети оракулов, и тем самым защищать смарт-контракты от манипуляций,

Ключевые выводы:

1. Эффективность против скоординированных атак: SVD успешно идентифицирует группы оракулов, которые подают согласованные ложные данные, что является уязвимостью для простых методов агрегации (среднее/медиана) [10].
2. Адаптивность: Метод не требует заранее знать, какими должны быть «правильные» данные. Он сам строит модель «нормального» поведения на основе консенсуса большинства.
3. Практическая применимость: Благодаря наличию оптимизированных алгоритмов (Truncated SVD), метод может быть интегрирован в реальные системы без чрезмерных вычислительных затрат.

Будущие направления исследований могут включать применение этого подхода к реальным данным оракулов (например, из сетей Chainlink [9] или Tellor [3]), исследование инкрементальных версий SVD для анализа потоковых данных в реальном времени, а также комбинацию SVD с методами машинного обучения для ещё более точного обнаружения атак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Al-amri A., et al. (2021). A Review of Anomaly Detection Methods in the Internet of Things. IEEE Access, 9, 56469–56487.
2. Aspen N.D., Cheran B.T., & O'Leary M.P. (2019). Tellor: A Decentralized Oracle. [Online]. Available: https://tellor.io/whitepaper/
3. Chandola V., Banerjee A., & Kumar V. (2009). Anomaly detection: A survey. ACM Computing Surveys (CSUR), 41(3), 1–58.
4. Fridman B.E. (2023). The Economic Security of Oracle-Based Smart Contracts. Available at SSRN 4442439.
5. Jaruphongsa S., et al. (2020). Band Protocol 2.0: A Scalable and Decentralized Oracle for Cross-chain Compatibility. [Online]. Available: https://bandprotocol.com/whitepaper-v2.pdf
6. Le T.T.M., et al. (2023). A comprehensive survey of DeFi attacks. Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences, 35(8), 101627.
7. Lo S.K., et al. (2022). A Survey on Blockchain Oracles. *IEEE* Access, 10, 55566–55583.
8. Nazarov A., et al. (2021). Chainlink 2.0: Next Steps in the Evolution of Decentralized Oracle Networks. [Online]. Available: https://research.chain.link/whitepaper-v2.pdf
9. Perez C.A.C., et al. (2021). Astraea: A Verifiable and Decentralized Oracle for the Masses. In 2021 IEEE International Conference on Blockchain and Cryptocurrency (ICBC) (pp. 1–9).
10. Zhang F., et al. (2022). DECO: A Trust-Minimized Oracle for Decentralized Finance. In Proceedings of the 2022 ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security (CCS) (pp. 3211–3224).

© Корниенко Анатолий Адамович (kaa.pgups@yandex.ru); Бексаев Николай Сергеевич (n.beksaev@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.20

АДАПТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ СЕКРЕТАМИ И ДОСТУПОМ ДЛЯ МИКРОСЕРВИСНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ОБЛАКЕ

ADAPTIVE SECURITY AND ACCESS MANAGEMENT SYSTEM FOR CLOUD-BASED MICROSERVICES ARCHITECTURE

N. Kochubeev
Z. Savelieva

Summary. The evolution of microservice architecture and cloud computing has intensified the challenge of securely managing sensitive data (secrets), such as API keys, certificates, and passwords. Traditional approaches involving the static storage of secrets in configuration files or environment variables fail to provide the required level of security, auditability, and scalability in a dynamic environment. This paper proposes an architecture for an adaptive secrets management system designed to operate in orchestrated environments like Kubernetes. The proposed solution is based on the principles of dynamic privilege granting, automatic credential rotation, and centralized auditing. The system integrates with cloud service providers (AWS Secrets Manager, HashiCorp Vault) and Kubernetes pod identity mechanisms to ensure the principle of least privilege. The testing conducted confirms that the proposed approach reduces the risk of secret compromise compared to traditional methods and lowers the operational costs of their maintenance.

Keywords: secrets management, microservice architecture, cybersecurity, cloud computing, Kubernetes, automatic rotation, access control.

Кочубеев Николай Сергеевич
Преподаватель, Национальный исследовательский университет ИТМО
nikolay.kochubeev318@gmail.com
Савельева Зоя Викторовна
Национальный исследовательский университет ИТМО
saveleva1104@yandex.ru

Аннотация. Развитие микросервисной архитектуры и облачных вычислений обострило проблему безопасного управления чувствительными даными (секретами), такими как ключи API, сертификаты и пароли. Традиционные подходы, заключающиеся в статическом хранении секретов в конфигурационных файлах или переменных среды, не обеспечивают необходимого уровня безопасности, аудируемости и масштабируемости в динамичной среде. В данной статье предлагается архитектура адаптивной системы управления секретами, разработанной для работы в оркестрируемых средах, таких как Kubernetes. Предложенное решение основывается на принципах динамического предоставления прав доступа, автоматической ротации учетных данных и централизованного аудита. Система интегрируется с провайдерами облачных услуг (AWS Secrets Manager, HashiCorp Vault) и механизмами идентификации подов Kubernetes для обеспечения минимально необходимых привилегий (principle of least privilege). Проведенное тестирование подтверждает, что предлагаемый подход снижает риск компрометации секретов по сравнению с традиционными методами, а также уменьшает операционные затраты на их обслуживание.

Ключевые слова: управление секретами, микросервисная архитектура, кибербезопасность, облачные вычисления, Kubernetes, автоматическая ротация, контроль доступа.

Введение

Широкое внедрение микросервисной архитектуры привело к декомпозиции монолитных приложений на десятки и сотни независимых сервисов. Каждый сервис требует аутентификации для доступа к базам данных, брокерам сообщений, API сторонних служб и другим ресурсам. Это приводит к exponential growth количества учетных данных (секретов), которые необходимо безопасно хранить, распределять и обновлять. Устаревшие практики, такие как хранение секретов в репозиториях кода или передача их через переменные среды, являются частой причиной утечек данных [1, с.48]. Современные облачные среды, оркестрируемые системами вроде Kubernetes, требуют новых, динамичных и адаптивных подходов к безопасности, которые могли бы автоматически адаптироваться к постоянным изменениям инфраструктуры [2, с.53]. Целью данной работы является разработка архитектуры системы управления секретами, которая обеспечивает безопасность на основе идентификации рабочей нагрузки, автоматизирует жизненный цикл учетных данных и предоставляет детализированный аудит для соответствия требованиям стандартов.

Методика и архитектурное решение

В основе предлагаемого решения лежит концепция динамического управления секретами. В отличие от статического подхода, где секрет выдается сервису на все время его жизни, динамический секрет генерируется по запросу и имеет короткое время жизни (TTL).

Контроллер аутентификации (Auth Controller) является точкой входа для всех запросов на получение се-

кретов. Этот компонент работает по принципу sidecar-контейнера или admission webhook в Kubernetes, что позволяет ему перехватывать исходящие запросы от подов перед их отправкой внешним провайдерам. Его основная задача — аутентифицировать рабочую нагрузку. Для этого контроллер проверяет JWT-токен service account, ассоциированного с подом, и анализирует его метки (labels) и аннотации (annotations). Успешная аутентификация позволяет установить доверенную идентификацию пода, которая передается далее для авторизации.

Движок политик (Policy Engine) получает от контроллера аутентификации идентификацию пода и запрашиваемый секрет. Его функция — принять решение о предоставлении доступа на основе набора предопределенных правил. Эти правила написаны на декларативном языке (например, Rego для Open Policy Agent) и определяют, каким сервисам разрешен доступ к тем или иным секретам. Правила могут быть основаны на атрибутах пода, таких как метка app: payment-service, namespace, в котором он работает, или даже на его имени. Например, правило может разрешать подам с меткой app: payment-service запрашивать доступ к базе данных payment-db, но запрещать это же действие подам из namespace staging.

Интеграция с внешними провайдерами (Vault Adapter) представляет собой абстрактный слой, который унифицирует взаимодействие с различными системами управления секретами, такими как HashiCorp Vault, AWS Secrets Manager или Azure Key Vault. После того как движок политик принимает положительное решение, адаптер преобразует внутренний запрос в специфичный API-вызов выбранного провайдера. Это позволяет системе оставаться агностичной к конкретной реализации бэкенда. Адаптер отвечает за форматирование запроса, обработку ответа и преобразование полученных данных в единый стандартизированный формат, понятный остальным компонентам системы.

Модуль автоматической ротации (Rotation Module) функционирует как фоновый процесс, отвечающий за полный жизненный цикл секрета. Он отслеживает время жизни (TTL) каждого выданного динамического секрета. Непосредственно перед его истечением модуль инициирует процесс автоматической смены учетных данных у первоначального провайдера. Этот процесс включает в себя генерацию новых учетных данных, их запись в хранилище и признание старых недействительными. Важной особенностью является то, что ротация происходит без прерывания работы сервиса, так как модуль может обеспечить кратковременное перекрытие (overlap) старых и новых учетных данных для бесперебойной работы приложения.

Инициирование рабочего процесса начинается с запуска пода микросервиса в кластере Kubernetes. На этапе своей инициализации контейнер внутри пода обращается к специальному скрипту, который отправляет запрос на получение необходимых секретов Контроллеру аутентификации.

Получив запрос, Контроллер аутентификации выполняет процедуру проверки подлинности пода. Для этого он верифицирует JWT-токен service account, ассоциированного с этим подом, и анализирует его метаданные. После успешной аутентификации контроллер перенаправляет авторизованный запрос в Движок политик для дальнейшей обработки.

Движок политик на основе полученных атрибутов пода и предопределенных правил безопасности принимает решение о предоставлении или отклонении доступа к запрашиваемому секрету. В случае положительного решения запрос передается компоненту интеграции с внешними провайдерами.

Через Vault Adapter система взаимодействует с выбранным провайдером секретов, который генерирует динамический секрет с заданным коротким временем жизни (TTL). Сгенерированные учетные данные напрямую возвращаются в исходный под микросервиса для использования.

Параллельно Модуль ротации начинает отслеживать время жизни выданного секрета. По истечении срока его действия модуль автоматически инициирует процедуру обновления секрета у провайдера, делая предыдущую версию невалидной и обеспечивая непрерывность безопасного доступа. Данный процесс исключает долгосрочное хранение секретов внутри подов и снижает ущерб от возможного компрометирования одного из сервисов.

Результаты

В ходе экспериментального исследования основное внимание уделялось нескольким критически важным метрикам. Прежде всего, измерялась задержка при получении секрета, которая составила приблизительно 150 миллисекунд при использовании динамической схемы. Данное значение является приемлемым для этапа инициализации сервиса и не оказывает существенного влияния на общее время запуска рабочих нагрузок.

Параллельно оценивалось время автоматической ротации учетных данных базы данных. Установлено, что полный цикл обновления секрета занимает в среднем 2–3 секунды, при этом важной особенностью является отсутствие прерывания работы сервиса во время данного процесса. Это достигается за счет механизма плавного переключения между старыми и новыми учетными данными.

Анализ рисков безопасности проводился с помощью специализированного инструмента kube-bench, который проверяет соответствие конфигурации кластера рекомендациям CIS Benchmark. Результаты тестирования показали полное отсутствие критических нарушений в категории, связанной с хранением и управлением секретами (CIS Benchmark Check 5.2.x), что подтверждает соответствие предложенного решения современным стандартам безопасности.

Ключевым результатом тестирования стало подтверждение способности системы успешно противостоять нескольким типам атак. Во-первых, система предотвращает доступ к секретам сервиса в случае компрометации одного из подов. Во-вторых, обеспечивается защита от использования украденных учетных данных благодаря мгновенной инвалидации предыдущей версии секрета после ротации. В-третьих, полностью исключается возможность получения доступа к секретам подом, не имеющим соответствующих меток и разрешений, что реализует принцип минимальных привилегий на практике.

Заключение

Разработанная в рамках данного исследования архитектура адаптивной системы управления секретами представляет собой комплексное решение актуальных проблем информационной безопасности, характерных для современных микросервисных приложений, развернутых в облачных средах. Предложенный подход демонстрирует высокую эффективность за счет реализации трех фундаментальных принципов современной кибербезопасности.

Ключевым преимуществом системы является строгое соблюдение принципа минимальных привилегий, достигаемое за счет динамического предоставления временных учетных данных с ограниченным сроком действия. В отличие от традиционных статических секретов, которые часто имеют бессрочные права доступа, наша система генерирует уникальные токены доступа для каждой рабочей нагрузки, автоматически отзывая их после завершения сессии или по истечении заданного времени жизни.

Существенным усовершенствованием стала полная автоматизация жизненного цикла учетных данных, включая их ротацию, обновление и отзыв. Процесс ротации выполняется прозрачно для приложений, без необходимости их перезапуска или изменения конфигурации. Это не только повышает безопасность, но и значительно снижает операционную нагрузку на команды разработки и эксплуатации, исключая необходимость ручного управления секретами.

Централизованная система логирования и аудита обеспечивает полную прослеживаемость всех операций с секретами, что является критически важным для выполнения требований соответствия нормативным стандартам и расследования инцидентов безопасности. Каждый запрос на доступ, каждая операция ротации и каждая попытка несанкционированного доступа фиксируются с детальной метаинформацией.

Внедрение предложенной архитектуры позволяет достичь значительного снижения операционных расходов — оценка показывает сокращение трудозатрат на управление секретами на 60–70% по сравнению с традиционными подходами. Одновременно система минимизирует риски, связанные с компрометацией учетных данных, поскольку даже в случае утечки временные секреты быстро теряют актуальность.

Перспективы дальнейшего развития системы видятся в нескольких направлениях. Наиболее важным представляется разработка механизмов прогнозирования аномальных доступов к секретам на основе методов машинного обучения, которые смогут выявлять подозрительную активность в реальном времени. Другим стратегическим направлением является глубокая интеграция с сервис-меш (Service Mesh) технологиями, что позволит обеспечить прозрачное внедрение безопасности на уровне сетевых взаимодействий между микросервисами без необходимости модификации исходного кода приложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильков А.В., Козлов Д.А. Безопасность контейнеризированных приложений в Kubernetes // Труды института системного программирования РАН. 2021. Т. 33, № 2. С. 45–60. DOI:10.15514/ISPRAS-2021–33(2)–3.
2. Лавров Д.С. Методы и средства управления ключевой информацией в инфраструктурах с большим количеством сервисов // Прикладная информатика. 2019. Т. 14, № 6 (84). С. 71–80.
3. Лукша М. Kubernetes in Action. New York: Manning Publications, 2018. 528 с.
4. Морен Б. Kubernetes Patterns: Reusable Elements for Designing Cloud-Native Applications. Sebastopol: O'Reilly Media, 2019. 300 с.
5. Садовски Г., Атям В. The DevSecOps Playbook: Deliver Continuous Security at Speed. Hoboken: Wiley, 2022. 352 с.
6. Торрес К. HashiCorp Vault: Operations and Deployment. HashiCorp, 2020. URL: https://learn.hashicorp.com/vault/operations/ops-deployment-guide
7. Хайтауэр К., Бёрнс Б., Беда Дж. Kubernetes: Up and Running: Dive into the Future of Infrastructure. Sebastopol: O'Reilly Media, 2017. 202 с.

8. AWS Security Team. AWS Secrets Manager: Best Practices for Security and Compliance. AWS Whitepapers, 2023. URL: https://docs.aws.amazon.com/whitepapers/latest/secrets-manager-best-practices/secrets-manager-best-practices.pdf
9. AWS Whitepaper. Introduction to DevSecOps on AWS. Amazon Web Services, 2022. URL: https://docs.aws.amazon.com/whitepapers/latest/introduction-devsecops/introduction-devsecops.pdf
10. Chandramouli R. Security of Containers in Cloud Computing Environments. NIST Special Publication 800–190. Gaithersburg: NIST, 2017. DOI:10.6028/NIST.SP.800-190.
11. Kaspersky Lab. Ротация секретов в Kaspersky Kubernetes Security. Официальная документация. 2025. URL: https://support.kaspersky.ru/xdr-expert/1.2/270740
12. NIST Special Publication 800-207. Zero Trust Architecture. Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology, 2020. DOI:10.6028/NIST.SP.800-207.
13. Sequeira W., Grunzweig J., Chandramouli B. Secret Management in Cloud-Native Applications // ACM Computing Surveys. 2021. Vol. 54, no. 7. P. 1–36. DOI:10.1145/3453154.

© Кочубеев Николай Сергеевич (nikolay.kochubeev318@gmail.com); Савельева Зоя Викторовна (saveleva1104@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.21

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ KMS ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ РАЗРАБОТКИ ПО АСУ ТП

CONSTRUCTION OF A KNOWLEDGE MANAGEMENT SYSTEM MODEL (KMS) FOR SOLVING PROBLEMS OF APCS DEVELOPMENT

I. Krutokhvostov
D. Krutokhvostov

Summary. The context of the constant development of APCS technologies, a shortage of qualified engineers and stricter requirements for safety and reliability, the need for systematic work with engineering knowledge is increasing. In accordance with modern requirements, the task of introducing effective knowledge management systems (Knowledge Management Systems) into APCS production processes is becoming more and more important. The purpose of this work is to substantiate and empirically evaluate the effect of introducing a knowledge management system (KMS) into the APCS software development process by proposing a model that considers the specifics of working with APCS software projects. The article proposes a target architecture of a knowledge management system (KMS) for APCS software development, focused on the reuse of engineering data, reducing the time spent on information search and improving the quality of solutions. To solve this problem, the following knowledge management models are considered: SECI, Wiig, Probst, and the stages of knowledge dissemination in the context of APCS software development are described. Based on the considered knowledge management models, a four-layer conceptual model of a knowledge management system (KMS) is proposed. For each level, a functional purpose and data sources are defined. A list of formalized KMS performance metrics has been compiled, which allow for a quantitative assessment of the effectiveness of the KMS knowledge management system.

Keywords: knowledge management system, KMS, KMS.

Крутохвостов Игорь Григорьевич
аспирант,
Брянский государственный технический университет
krutohvostovig@semgroup.ru
Крутохвостов Денис Григорьевич
аспирант,
Брянский государственный технический университет
krutohvostovdg@semgroup.ru

Аннотация. В условиях постоянного развития технологий АСУ ТП, дефицита квалифицированных инженеров и ужесточения требований к безопасности и надежности возрастает потребность в системной работе с инженерными знаниями. В соответствии с современными требованиями на первый план выходит задача внедрения в процессы производства АСУ ТП эффективных систем управления знаниями (Knowledge Management System). Цель работы — обосновать и эмпирически оценить эффект от внедрения системы управления знаниями KMS в процесс разработки программного обеспечения АСУ ТП, предложив модель, учитывающую специфику работы с проектами ПО АСУ ТП. В статье предложена целевая архитектура системы управления знаниями (KMS) для разработки программного обеспечения АСУ ТП, ориентированная на повторное использование инжиниринговых данных, снижение временных затрат на поиск информации и повышение качества решений. Для решения задачи рассмотрены модели управления знаниями: SECI, Wiig, Probst, а также описаны этапы распространения знаний в контексте разработки ПО для АСУ ТП. На основе рассмотренных моделей управления знаниями предложена четырехслойная концептуальная модель системы управления знаниями (KMS). Для каждого уровня определено функциональное назначение, а также источники данных. Сформирован перечень формализованных метрик эффективности KMS, которые позволяют количественно оценить эффективность работы системы управления знаниями KMS.

Ключевые слова: система управления знаниями, KMS, СУЗ.

Введение

Актуальность темы. Для качественной разработки программного обеспечения современных АСУ ТП требуется комплекс знаний в различных предметных областях — технологические процессы, стандарты и алгоритмы программирования ПЛК/SCADA, эксплуатация и проведение пусконаладочных работ АСУ ТП, информационная безопасность и др.

В этих условиях на первый план выходит задача развития и внедрения в процесс разработки ПО АСУ ТП эффективных систем управления знаниями (KMS), которые позволяют систематизировать и сохранить накопленный опыт, обеспечить его доступность. Применение KMS, является неотъемлемой частью процесса организационного развития предприятия [1] Однако в большинстве случаев, KMS внедряются фрагментарно, не системно, что приводит к низкой эффективности их использования [2].

Принимая во внимание специфику жизненного цикла АСУ ТП, остро стоит вопрос о поиске модели KMS для возможности встраивания ее в процесс разработки и поддержки ПО АСУ ТП на всех этапах, для обеспечения

быстрого поиска и доступа к информации (технологические регламенты, стандарты, функциональные блоки и библиотеки для ПЛК, SCADA, инструкции).

Цель и задачи исследования. Спроектировать и обосновать модель KMS для разработки ПО АСУ ТП, определить критерии её эффективности и предложить методику оценки на основе различных показателей (организационных, инженерных и экономических).

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является компания — разработчик ПО для автоматизированных систем управления технологическим процессом (АСУ ТП) на объектах промышленности. Предметом исследования является разработка концептуальной модели системы управления знаниями KMS для разработки ПО и анализ ее эффективности.

Методы исследования. В качестве методологии используется комплексный подход оценки моделей управления знаниями, их применение в контексте разработки ПО для АСУ ТП, с учетом возможности практической реализации.

1. Теоретические основы применения KMS

Разработка программного обеспечения для АСУ ТП сопровождается рядом специфических проблем, связанных с распределённостью знаний и сложностью их структурирования. В традиционных подходах значительная часть критически важной информации (результаты испытаний, решения по построению системы, особенности интеграции с технологическим оборудованием) хранится в неформализованном виде: в личных документах инженеров и программистов, устных обсуждениях. Это приводит к дублированию ошибок, потере знаний при смене персонала и трудностям в процессе поддержки ПО на протяжении жизненного цикла АСУ ТП.

KMS (Knowledge Management System) — это система управления знаниями, обеспечивающая систематическое накопление, структурирование, распространение и использование знаний в организации с целью повышения эффективности деятельности и сохранения интеллектуального капитала [5].

Использование систем управления знаниями (KMS) при разработке ПО изучают более двух десятилетий. За этот период доказано их положительное влияние на конечный результат за счет использования практики работы с явными и неявными знаниями, электронных образовательных ресурсов, обмена информацией в сообществе практиков и механизмов повторного использования знаний [9–12,8,14].

Можно выделить следующие основные задачи, которые должна решать KMS в контексте разработки ПО АСУ ТП:

- Систематизация инженерных знаний (использование типовых решений, шаблонов программ для ПЛК/SCADA, библиотек ПЛК/SCADA, документации по интеграции датчиков, приводов и др.).
- Доступ к экспертным знаниям (фиксация опыта ключевых сотрудников, передача его через сообщества практиков, вики-системы, форумы)
- Интеграция с процессом разработки (использование связи с CI/CD, системами управления версиями (Git), баг-трекерами (Jira), системами моделирования (MATLAB, Simulink))
- Поддержка требований безопасности и нормативов (соблюдения стандартов (ГОСТ, IEC, ISA и др.), фиксация результатов тестирования, процедур реагирования на инциденты)
- Повышение эффективности и повторного использования решений (использование типовых модулей и проверенных решений).

Ключевую роль в функционировании системы управления знаниями KMS играет выбор модели управления, которая представляет собой концептуальный подход, объясняющий, как знания создаются, передаются, хранятся и используются в организации. Для разработки программного обеспечения чаще всего комбинируют следующие модели:

- SECI-модель (для обмена опытом и обучения);
- Wiig-модель (для систематизации и хранения).
- Probst-модель (для постановки целей и измерения результатов).

Модель SECI (Socialization Externalization Combination Internalization) описывает циклическое преобразование неявных знаний (опыт программистов, проектировщиков, наладчиков) и явных знаний (стандарты написания программного кода ПЛК, шаблоны HMI, карты настройки и выполнеия проверок АСУ ТП) [12, 15]. Согласно данной модели, порядок распространения знаний внутри организации проходит 4 основных этапа (социализация, экстернализация, комбинация, интернализация).

Для внедрения модели SECI в процесс разработки АСУ ТП необходимо выполнение ряда условий, включая:

- организационные условия (регламент обмена знаниями, назначение «администраторов», курирующих различные направления, мотивация участников, формирование культуры знаний);
- технические условия (наличие инфраструктуры для организации хранилищ инструкций, решений, типовых модулей; форумов, чатов, возможности интеграции со сторонними системами: Git, Jira и др., LMS-система).

Для повышения управляемости контента и метрик качества знаний в KMS целесообразно дополнить модель SECI моделями Wiig или Probst.

В рамках модели Wiig работа со знанием организуется в операционный цикл «создание-сохранение-объединение/распространение-применение», при этом знания структурируются по критериям качества: полноте, корректности, связности и доступности [3]. В контексте разработки ПО АСУ ТП это означает последовательную фиксацию инженерного опыта (шаблоны ПЛК/SCADA, HMI), централизованное хранение знаний в корпоративных репозиториях, распространение через портал, а также повторное использование знаний в проектах. Таким образом, модель Wiig задаёт инженерно-практическую основу функционирования KMS, обеспечивая воспроизводимость и доступность знаний внутри проектных и эксплуатационных команд.

Согласно модели Probst, система управления знаниями должна быть ориентирована на достижение стратегических и оперативных целей знания и обеспечивать их интеграцию в деятельность организации через систему показателей и процессы работы со знаниями [13]. Процесс распространения знаний проходит через восемь взаимосвязанных этапов: постановку целей, идентификацию, приобретение, разработку, распространение, использование, сохранение и измерение. При применении данной модели в KMS для разработчиков ПО АСУ ТП формируется организационно-управленческий каркас. Он включает: постановку целей управления знаниями (увеличение повторного использования библиотек и снижение ошибок на этапах разработки); определение процессов идентификации и развития критически важных знаний (по используемому оборудованию, промышленным протоколам, системам функциональной безопасности); регламенты их распространения и использования, а также процедуры контроля качества и систему оценки эффективности.

2. Концептуальная модель KMS для разработки ПО АСУ ТП

Целью разработанной концептуальной модели является обеспечение полного жизненного цикла инженерных знаний в сфере разработки ПО АСУ ТП — от их возникновения и формализации до повторного использования и оценки эффекта.

Предлагаемая архитектура KMS (рисунок 1) базируется на четырёхслойной модели, обеспечивающей полный цикл обращения знаний: от их формирования до анализа эффективности использования.

Слой источников знаний является фундаментом KMS и содержит всю полезную информацию, включая, используемую, а также создаваемую в ходе разработки ПО и внедрения ее в АСУ ТП. К данной информации можно отнести:

— нормативная, проектная документации, стандарты;
— библиотеки функциональных блоков ПЛК, шаблоны SCADA/ HMI, типовые проекты различных АСУ ТП;
— документация на оборудование различных производителей;
— результаты испытаний, отчеты, инструкции.

Таким образом, данный слой аккумулирует как формализованные знания (код, схемы, требования), так и неформализованные знания (отчёты, замечания, опыт предыдущих проектов). Систематизация таких источников является первым шагом к построению интеллектуальной инфраструктуры предприятия [7].

Слой интеграции и нормализации отвечает за преобразование и унификацию данных, поступающих из различных источников. С помощью интерфейсов обмена и процедур ETL/ELT выполняются извлечение, очистка, нормализация и дедупликация информации, а также формируется единая метамодель инженерных данных. Важной функцией этого уровня является учет изменений, который позволяет отслеживать эволюцию знаний во времени. Внедрение формализованных процедур нормализации знаний позволяет сократить количество дублирующихся данных на 30–40 % и повысить повторное использование проектных решений [6].

Слой знаний и поиска выполняет роль «интеллектуального ядра» системы. Здесь создаётся структура знаний предметной области АСУ ТП, описывающая связи между такими сущностями, как сигнал, ПЛК, SCADA/ HMI, информационная безопасность. На основе данной структуры строится граф знаний, объединяющий информацию из различных проектов, функциональных блоков, библиотек, схем, требований нормативных документов и стандартов, а также отчётов, инструкций. Это дает возможность полнотекстового и семантического поиска, а также получать аналитические рекомендации на основе имеющихся данных. Например, для заданного набора сигналов и оборудования, система может автоматически определить и рекомендовать подходящий функциональный блок. Такой подход позволяет использовать накопленные знания, чтобы в значительной степени автоматизировать и ускорить процесс разработки АСУ ТП [4].

Слой приложений и интерфейсов обеспечивает взаимодействие пользователей с системой и представляет собой совокупность веб-сервисов, API, пользовательских порталов и специализированных модулей, интегрированных в рабочие инструменты разработчиков ПО АСУ ТП. Доступ к системе реализуется через:

— веб-портал KMS (поиск, отчёты, шаблоны);
— инструменты для встраивания в IDE ПЛК, HMI, SCADA;
— API для интеграции с DevOps-процессами.

Рис. 1. Архитектура KMS для разработки ПО АСУ ТП

Разработанная четырёхслойная концептуальная модель системы управления знаниями KMS для разработки ПО АСУ ТП логически соотносится с моделями управления знаниями SECI, Wiig и Probst. В терминах модели SECI она охватывает все стадии преобразования знаний: социализацию (обмен опытом между инженерами), экстернализацию (структурирование знаний через ETL и метаданные), комбинацию (интеграция источников в граф знаний) и интернализацию (применение через интерфейсы и рекомендации). По модели Wiig система отражает переход от данных к компетенциям: источники знаний — это данные, интеграция — обработка информации, слой знаний — формирование знаний, интерфейсы — применение и развитие компетенций. Согласно модели Probst, архитектура KMS охватывает все основные блоки управления знаниями — от идентификации и накопления до использования и оценки, что обеспечивает полный цикл управления инженерными знаниями в АСУ ТП.

Таким образом, разработанная модель KMS интегрирует подходы SECI, Wiig и Probst, связывая процессы создания, хранения и применения инженерных знаний в единую архитектурную систему. Она обеспечивает как когнитивную (передача опыта), так и технологическую (автоматизация поиска, механизмы повторного использования решений и др.) стороны управления знаниями, что делает её практически применимой в инженерных организациях.

3. Критерии оценки эффективности KMS

Оценка эффективности системы управления знаниями KMS для разработки ПО АСУ ТП должна опираться на фиксируемые события: журналы KMS, поисковые запросы, обращения к данным (библиотеки ПЛК, шаблоны HMI/SCADA), оценка результативности от использования знания.

Цель измерений — количественно подтвердить вклад KMS в повышение скорости и качества процесса разработки ПО АСУ ТП, а также в снижение совокупных затрат на выполнение работ по разработке ПО АСУ ТП.

В качестве ключевых метрик эффективности применения KMS в процессе разработки ПО для АСУ ТП принимаются пять показателей: время поиска решения, доля повторного использования, доля активных пользователей в месяц, доля материалов с полными метаданными, количество ошибок по результатам испытаний.

Время поиска решения (T) определяется как медиана длительности от момента начала целевого запроса/поиска в KMS до первого принятого решения (просмотр и последующее использование информации, либо решение задачи со ссылкой на данные):

$T = median_i(t_{\text{решение}(i)} - t_{\text{поиск}(i)})$, по сессиям, завершившимся использованием данных KMS.

Интенсивность повторного использования. Доля задач, решенных с применением уже имеющихся данных (библиотеки ПЛК, шаблоны HMI/SCADA) к общему числу решенных задач:

$$R_{\text{повт. использования}} = \frac{N_{\text{решенных задач с помощью KMS}}}{N_{\text{всех решенных задач}}}$$

Повторное использование имеющихся данных фиксируется при переходе по ссылке на данные, а также при использовании библиотек ПЛК, шаблонов HMI/SCADA.

Вовлеченность пользователей. Доля сотрудников, совершивших за месяц ≥ N результативных действий в KMS (поиск, просмотр, загрузка, комментирование, добавление/обновление данных):

$$MAU = \frac{100^* \mid \{u : a_u(\text{месяц}) \geq N \mid}{N_{\text{пользователей}}}$$

Качество описаний знаний в KMS. Доля данных, у которых заполнены все обязательные поля качества данных: название; владелец; версия; область/объект (оборудование/ПЛК/протокол); теги; дата актуализации; ссылка на исходники/тесты; области применения:

$$Q_{\text{данные}} = \frac{N_{\text{требуют обновления}}}{N_{\text{полностью заполненных}}}$$

Количество ошибок по результатам испытаний. В качестве данного показателя выступает нормированная доля зарегистрированных ошибок (дефектов) на различных этапах приемки АСУ ТП (заводские приемо-сдаточные испытания, ПНР, комплексное опробование и введение в эксплуатацию) на 1000 сигналов:

$$E_{1000} = 1000 * \frac{N_{\text{ошибок}}}{N_{\text{сигналов}}}$$

Результаты исследования

В ходе исследования, сформирована и обоснована концепция применения системы управления знаниями (KMS) для задач разработки программного обеспечения АСУ ТП, с учётом междисциплинарного характера работ, дефицита квалифицированных специалистов и требований к соблюдению отраслевых стандартов.

На основе комбинации подходов управления знаниями — SECI, Wiig, Probst — предложена четырёхслойная модель, обеспечивающая полный цикл обращения знаний — от их формализации и объединения до прикладного использования разработчиками.

Совокупно полученные результаты обеспечивают методическую, организационную и техническую базу для внедрения KMS в процесс разработки ПО АСУ ТП на предприятии: разработана целевая архитектура, согласованная с теориями управления знаниями; определён измеримый набор показателей эффективности; описаны механизмы интеграции и управления качеством знаний; заданы ориентиры ожидаемого эффекта, подлежащие проверке в опытной эксплуатации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурланков С.П., Петренко М.Ю., Бурланков П.С., Комаров В.А. Формирование системы управления знаниями как направление организационного развития промышленного предприятия // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова — 2023. — № 4. — С. 202–212.
2. Зимова Н.С. Особенности внедрения системы управления знаниями в российских компаниях // Научный результат. Социология и управление. Т. 5, № 3, 2019.
3. Ильин И.В., Лёвина А.И., Ажеганова Е.Н. Обзор моделей управления знаниями // KANT. 2021. № 3(40). С. 20–25. DOI: 10.24923/2222-243X.2021–40.4.
4. Кочуров В.А. Методика создания баз распределённых инженерных знаний // Информатика. — 2017. — № 4(56). — С. 43–53.
5. Стукалова Д.Н. Управление знаниями: теоретические подходы в научных исследованиях // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 2. — С. 47–52.
6. Семенов Н.А., Бурдо Г.Б., Воронцов Н.В. Подходы к созданию онтологий для автоматизированных систем в машиностроительных производствах // Программные продукты и системы. — 2020. — Т. 33, — №2. — С. 47–53. DOI: 10.15827/0236-235X.130.304-309.
7. Ясинский Д.Ю. Разработка системы управления знаниями на промышленном предприятии // Креативная экономика. — 2023. — Т. 17, № 1. — С. 349–368. DOI: 10.18334/ce.17.1.116993.
8. Abdellatif T.M., Capretz L.F., & Ho D. Automatic recall of software lessons learned for software project managers // Information & Software Technology, 2019. — P. 44–57. DOI: 10.1016/j.infsof.2019.07.006.
9. Alavi M., Leidner D.E. Review: Knowledge Management and Knowledge Management Systems: Conceptual Foundations and Research Issues. MIS Quarterly, 2001. — P. 107–136. DOI: 10.2307/3250961.
10. Bjornson F.O., Dingsoyr T. Knowledge management in software engineering: A systematic review of studied concepts, findings and research methods used. Information & Software Technology, 2008. — C. 1055–1068. DOI: 10.1016/j.infsof.2008.03.006.
11. Dalkir K. Knowledge Management in Theory and Practice (3rd ed.). MIT Press, 2017.
12. Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-Creating Company. Oxford University Press, 1995.
13. Probst G.J.B., Raub S., Romhardt K**.** Managing Knowledge: Building Blocks for Success. — New York: John Wiley & Sons, 2000. — 368 p.
14. Rus I., Lindvall M. Knowledge Management in Software Engineering. IEEE Software, 2002. — P. 26–38. DOI: 10.1109/MS.2002.1003450.
15. Wenger E. Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity. Cambridge University Press, 1998. DOI: 10.1017/CBO9780511803932.

© Крутохвостов Игорь Григорьевич (krutohvostovig@semgroup.ru); Крутохвостов Денис Григорьевич (krutohvostovdg@semgroup.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.24

ИССЛЕДОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ТРАЕКТОРНЫМ ОТСЛЕЖИВАНИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ВОЗДУШНОГО СУДА НА БАЗЕ ПД-РЕГУЛЯТОРА С ПРЯМОЙ КОМПЕНСАЦИЕЙ

TRAJECTORY-TRACKING CONTROL OF AN UNMANNED AERIAL VEHICLE BASED ON A PD CONTROLLER WITH FEEDFORWARD COMPENSATION

Liang Gaoyu
Wu Zhengjie

Summary. This paper addresses the problem of model uncertainties and external disturbances in trajectory-tracking control of an unmanned aerial vehicle (UAV). A control approach based on a proportional–derivative (PD) controller with feedforward compensation is proposed. First, a UAV controller is developed using this scheme, in which the overall control architecture is divided into an outer and an inner loop, both governed by PD laws. Then, numerical simulations and analysis are conducted. The results show that the PD controller with feedforward compensation shortens the transient response time, compensates both internal and external disturbances, enhances system stability, and meets the prescribed performance requirements.

Keywords: unmanned aerial vehicle (UAV); feedforward compensation; PD controller; trajectory tracking.

Лян Гаоюй
аспирант, ФГБОУ ВО Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
lianggy97@gmail.com
У Чжэнцзе
аспирант, ФГБОУ ВО Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
2433474284@qq.com

Аннотация. В данной статье решается проблема неопределённостей и внешних возмущений, возникающих при управлении траекторным отслеживанием беспилотного воздушного суда (БВС). Предлагается метод управления на основе ПД-алгоритма с прямой компенсацией. На первом этапе разработан контроллер БВС с использованием данного алгоритма, при этом система управления разделена на два контура (внутренний и внешний), оба из которых регулируются ПД-алгоритмом. На завершающем этапе проведены имитационное моделирование и анализ результатов. Исследования показали, что контроллер с прямой компенсацией на базе ПД-алгоритма обеспечивает: Сокращение времени переходных процессов; Компенсацию внутренних и внешних возмущений; Повышение стабильности системы; Соответствие требованиям к производительности.

Ключевые слова: беспилотного воздушного суда, прямая компенсация, ПД-регулятор, траекторное отслеживание.

Введение

В последние годы беспилотного воздушного суда (БВС): Беспилотного воздушного суда) получили широкое применение в сферах ликвидации последствий стихийных бедствий, логистики и инспекционного мониторинга благодаря таким характеристикам, как низкая стоимость, простота управления и уникальные преимущества при выполнении высокорисковых и ресурсоёмких задач, что вызывает растущий интерес научного сообщества. Алгоритмы автономного управления полётом, являющиеся ключевой технологией обеспечения стабильности и адаптивности БВС, остаются одним из главных направлений исследований в данной отрасли [1–4]. Классический ПИД-алгоритм, широко используемый в системах управления полётом [5–10], несмотря на доминирование в инженерной практике, обладает существенными недостатками: сложность настройки параметров, ограниченная переносимость, проблемы декуплинга и робастного управления [11–13], что препятствует совершенствованию характеристик БВС. С развитием новых материалов, микроэлектромеханических систем (МЭМС) и технологий управления, гибридные методы, интегрирующие ПИД-регулирование с современными подходами, нашли массовое применение [14]. Например, для повышения маневренности и устойчивости БВС [15] применяются нелинейные методы управления положением и ориентацией; Фань Иминь и коллеги [16–17] разработали нейросетевой контроллер, устраняющий проблемы динамической регулировки и сокращающий время переходных процессов; Ван Ци с соавторами [18] предложили адаптивную систему слежения на основе нечёткой логики с онлайн-коррекцией ПИД-параметров. В данной работе представлена разработка четырёхроторного контроллера БВС на основе ПД-алгоритма с прямой компенсацией: построена нелинейная математическая модель, реализована двухконтурная система траекторного отслеживания (внутренний и внешний контуры с ПД-регулированием), проведено имитационное моделирование и анализ. Результаты демонстрируют сокращение времени установления режима, эффективную компенсацию внутренних/внешних возмущений, повышение стабильности системы и соответствие требованиям к производительности.

Материалы и методы

Математическая модель БВС.

БВС [15–17] выбирает географическую систему координат $E = \{X_e, Y_e, Z_e\}$ и систему координат тела $B = \{X_b, Y_b, Z_b\}$, причем оба набора систем координат удовлетворяют правилу правой руки и начало координат совпадает. Отношение преобразования БВС из географической системы координат в систему координат тела представлено матрицей отношения , как в формуле (1).

$$R_B^E = \begin{bmatrix} \cos\theta\sin\psi & \sin\gamma\sin\theta\cos\psi - \cos\gamma\sin\psi & \cos\gamma\sin\theta\cos\psi + \sin\gamma\sin\psi \\ \cos\theta\sin\psi & \sin\gamma\sin\theta\sin\psi + \cos\gamma\cos\psi & \cos\gamma\sin\theta\sin\psi - \sin\gamma\cos\psi \\ -\sin\theta & \sin\gamma\cos\theta & \cos\gamma\cos\theta \end{bmatrix} \quad (1)$$

Управление

Параметры БВС x, y, z определенные на основе земной системы координат. Вращение тела происходит в направлении инерциальная земная система координат с углами Эйлера $\Theta = [\gamma, \theta, \psi]^T$управление параметра, где γ— угол крена(БВС вокруг x оси), θ — угол тангажа(БВС вокруг y оси), ψ — угол рыскания (БВС вокруг z оси).

Предполагая, что пропеллеры 1 и 3 БВС вращаются против часовой стрелки, в то время как пропеллеры 2 и 4 вращаются по часовой стрелке, каждое вращение пропеллера будет создавать подъемную силу и крутящий момент, в результате чего общая подъемная сила f, крутящий момент крена $\vec{M}_x$, крутящий момент тангажа $\vec{M}_y$ и крутящий момент рыскания $\vec{M}_z$ будут воздействовать на четырёхмоторное беспилотное воздушное судно [10].

Согласно уравнению Ньютона-Эйлера, в инерциальной системе координат Земли динамика твердого тела БВС под действием комбинированной внешней силы, приложенной к центру масс, может быть выражена как [10–12]

$$\begin{cases} \ddot{x} = \frac{f}{m}(\sin\gamma\sin\psi + \cos\gamma\sin\theta\cos\psi) - \frac{k_{drag}}{m}\dot{x} \\ \ddot{y} = \frac{f}{m}(\cos\gamma\sin\theta\sin\psi - \sin\gamma\cos\psi) - \frac{k_{drag}}{m}\dot{y} \\ \ddot{z} = \frac{f}{m}\cos\gamma\cos\theta - g - \frac{k_{drag}}{m}\dot{z} \end{cases} \quad (2)$$

$$\begin{cases} \ddot{\gamma} = \dot{\theta}\dot{\psi}\left(\frac{J_{yy} - J_{zz}}{J_{xx}}\right) + \frac{\vec{M}_x}{J_{xx}} + \\ + \frac{J_r q(\varpi_1 - \varpi_2 + \varpi_3 - \varpi_4)}{J_{xx}} - \frac{dk_{drag}}{J_{xx}}\dot{\gamma} \\ \ddot{\theta} = \dot{\gamma}\dot{\psi}\left(\frac{J_{zz} - J_{xx}}{J_{yy}}\right) + \frac{\vec{M}_y}{J_{yy}} + \\ + \frac{J_r p(\varpi_2 - \varpi_1 - \varpi_3 + \varpi_4)}{J_{yy}} - \frac{dk_{drag}}{J_{yy}}\dot{\theta} \\ \ddot{\psi} = \dot{\gamma}\dot{\theta}\left(\frac{J_{xx} - J_{yy}}{J_{zz}}\right) + \frac{\vec{M}_z}{J_{zz}} - \frac{dk_{drag}}{J_{zz}}\dot{\psi} \end{cases} \quad (3)$$

Гдеg— сила тяжести; m — масса БВС; k_{drag} — это коэффициент сопротивления воздуха; J_{xx}, J_{yy}, J_{zz} — момент инерции; J_r — инерция двигателя; ϖ_i— скорость вращения каждого ротора, $i = 1,2,3,4$.

Игнорируя гироскопический эффект и сопротивление воздуха, формулы (2) и (3) можно преобразовать в следующие модели (4) и (5) [11–12].

$$\begin{cases} \ddot{x} = \frac{f}{m}(\sin\gamma\sin\psi + \cos\gamma\sin\theta\cos\psi) \\ \ddot{y} = \frac{f}{m}(\cos\gamma\sin\theta\sin\psi - \sin\gamma\cos\psi) \\ \ddot{z} = \frac{f}{m}\cos\gamma\cos\theta - g \end{cases} \quad (4)$$

$$\begin{cases} \ddot{\gamma} = \frac{\vec{M}_x}{J_{xx}} \\ \ddot{\theta} = \frac{\vec{M}_y}{J_{yy}} \\ \ddot{\psi} = \frac{\vec{M}_z}{J_{zz}} \end{cases} \quad (5)$$

В данной статье мы будем использовать математическую модель БВС, представленную уравнение в (6) и (7), и на её основе строить и моделировать алгоритм управления с каскадными ПД-регуляторами.

Схема управления

Поскольку квадрокоптер обладает свойством неуправляемости [19~20], он не может одновременно отслеживать все шесть степеней свободы. Поэтому эффективная схема управления заключается в следующем: отслеживание траектории $[x, y, z]$ и крена γ, при этом обеспечивается заданный угол тангажа θ и рыскания φ [13]. Структура всей разработанной системы управления показана на рисунке 1.

В последующем процессе проектирования применяется критерий Гурвица для систем второго порядка, при этом необходимо обеспечить условия $a_0 \ / \ a_1 \ / \ a_2 > 0$

Таблица 1.
Таблица параметров беспилотного воздушного судна (БВС)

параметр	символ	значение	единица
масса БВС	m	1.8	kg
межосевое расстояние	l	0.22	m
коэффициент подъёмной силы	b	3e-5	$N.s^2$
Коэффициент аэродинамического сопротивления	d	7e-7	$N.ms^2$
момент инерции относительно оси x	I_x	1.25	$kg.ms^2$
момент инерции относительно оси y	I_y	1.25	$kg.ms^2$
момент инерции относительно оси z	I_z	2.5	$kg.ms^2$
момент инерции ротора	J_r	4e−5	$kg.ms^2$

и $a_0 * a_1 > 0$, чтобы гарантировать устойчивость системы.

Посредством разработки закона позиционного управления u_1 обеспечивается отслеживание траектории квадрокоптером [12–15], а именно:

Цель управления: $x \to 0, y \to 0, z \to 0$.

$$\begin{aligned} u_{1x} &= U_1(\cos\gamma \sin\theta c \cos\varphi + \sin\gamma \sin\varphi) \\ u_{1y} &= U_1(\cos\gamma \sin\theta \sin\varphi - \sin\gamma \sin\varphi) \\ u_{1z} &= U_1 \cos\gamma \cos\varphi \end{aligned} \quad (6)$$

Согласно критерию Hurwitz, из уравнений (2) и (3) можно получить модель, описывающую состояние положения:

$$\begin{aligned} \ddot{X} &= u_{1x} - \frac{K_1}{m}\dot{X} \\ \ddot{Y} &= u_{1y} - \frac{K_2}{m}\dot{Y} \\ \ddot{Z} &= u_{1z} - g - \frac{K_3}{m}\dot{Z} \end{aligned} \quad (7)$$

Рассмотрим в качестве примера первую подсистему положения. С использованием ПД-метода управления закон управления задаётся следующим образом:

$$u_{1x} = -k_{px}X - k_{dx}X \quad (8)$$

Тогда уравнение: $\ddot{X} + \left(k_{dx} + K_1 / m\right)X + k_{px}X = 0$. Согласно критерию Hurwitz, должны выполняться условия: $k_{px} > 0, k_{kx} + K_1 / m > 0$> то есть k_{px} и k_{kx}принимают 5.

Аналогично, для второго подсистемы положения разрабатывается ПД-закон управления, а для третьей подсистемы положения разрабатывается ПД-закон управления с опережающим воздействием и компенсацией силы тяжести.

$$\begin{aligned} u_{1y} &= -k_{py}Y - k_{dy}Y \\ u_{1z} &= -k_{pz}z_c - k_{dx}\dot{z} + g + \ddot{z}_d + \frac{K_3}{m}\dot{z}_d \\ z_c &= z - z_d \end{aligned} \quad (9)$$

Таким образом, параметры и схема позиционного управления на основе компенсирующего ПД-регулятора приведены в таблице 2.

Разработка закона управления виртуальными углами ориентации

Далее для трёх подсистем ориентации разрабатываются ПД-законы управления, обеспечивающие переход: $\gamma \to \gamma_d, \theta \to \theta_d, \varphi \to \varphi_d$

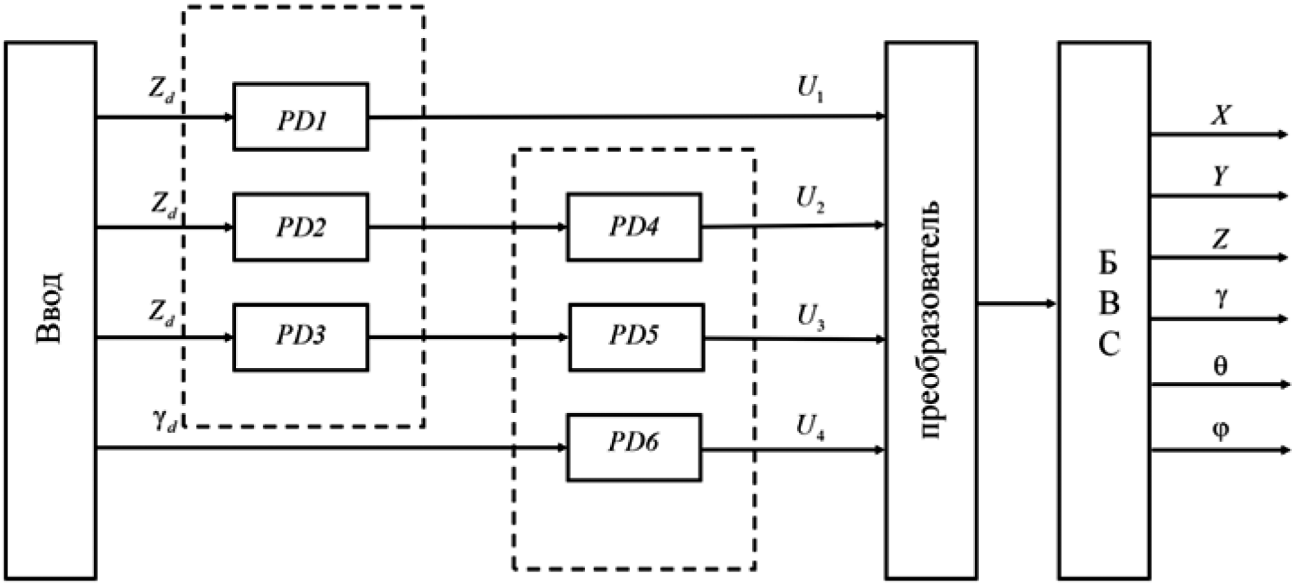

Рис. 1. Компенсационное ПД-управление

$$\ddot{\gamma} = U_2 - \frac{lK_4}{I_x}\dot{\gamma}$$
$$\ddot{\theta} = U_3 - \frac{lK_5}{I_y}\dot{\theta} \quad (10)$$
$$\ddot{\varphi} = U_4 - \frac{lK_6}{I_z}\dot{\varphi}$$

Таблица 2.

Таблица параметров позиционного ПД-регулятора

параметр	значение	часть системы
k_{px}	5.0	PD2
k_{dx}	5.0	PD2
k_{py}	5.0	PD3
k_{dy}	5.0	PD3
k_{pz}	5.0	PD1
k_{dz}	5.0	PD1

Положим: $\gamma_c = \gamma - \gamma_d$, $\theta_c = \theta - \theta_d$, $\varphi_c = \varphi - \varphi_d$.На примере первой подсистемы ориентации (опишем процесс разработки ПД-закона управления:

$$U_2 = -k_{p\phi}\gamma_c - k_{d\phi}\dot{\gamma}_c + \ddot{\gamma}_d + \frac{lK_4}{I_x}\dot{\gamma}_d \quad (11)$$

Тогда, $\ddot{\gamma}_d = k_{p\phi}\gamma_c + k_{d\phi}\dot{\gamma}_c - \frac{lK_4}{I_x}\dot{\gamma}_d$ согласно критерию Hurwitz, должны выполняться условия: $k_{p\phi} > 0, k_{d\phi}\dot{\gamma}_c - \frac{lK_4}{I_x} > 0$ то есть $k_{p\phi}$ и $k_{d\phi}$ принимают значение 15.

Таблица 3.

Таблица параметров ПД-регулятора ориентации

параметр	значение	часть системы
$k_{p\gamma}$	15.0	PD4
$k_{d\gamma}$	15.0	PD4
$k_{p\theta}$	15.0	PD5
$k_{d\theta}$	15.0	PD5
$k_{p\varphi}$	15.0	PD6
$k_{d\varphi}$	15.0	PD6

Аналогично, для второй подсистемы ориентации разрабатывается ПД-закон управления с опережающим (передающим) компенсатором,а для третьей подсистемы ориентации — обычный ПД-закон управления.

$$U_3 = -k_{p\theta}\theta_c - k_{d\theta}\dot{\theta}_c + \ddot{\theta}_d + \frac{lK_5}{I_y}\dot{\theta}_d$$
$$U_4 = -k_{p\varphi}\varphi_c - k_{d\varphi}\dot{\varphi}_c + \ddot{\varphi}_d + \frac{lK_6}{I_z}\dot{\varphi}_d \quad (12)$$

Таким образом, параметры и схема управления ориентацией на основе компенсирующего PD-регулятора приведены в таблице 3.

Проектирование замкнутой системы

С учётом того, что разработанный в предыдущем разделе ПД-закон управления обеспечивает достижение четырёхроторным беспилотным летательным аппаратом требуемого состояния, общая структурная схема θ_dи φ_d системы управления представлена на рис. 2.

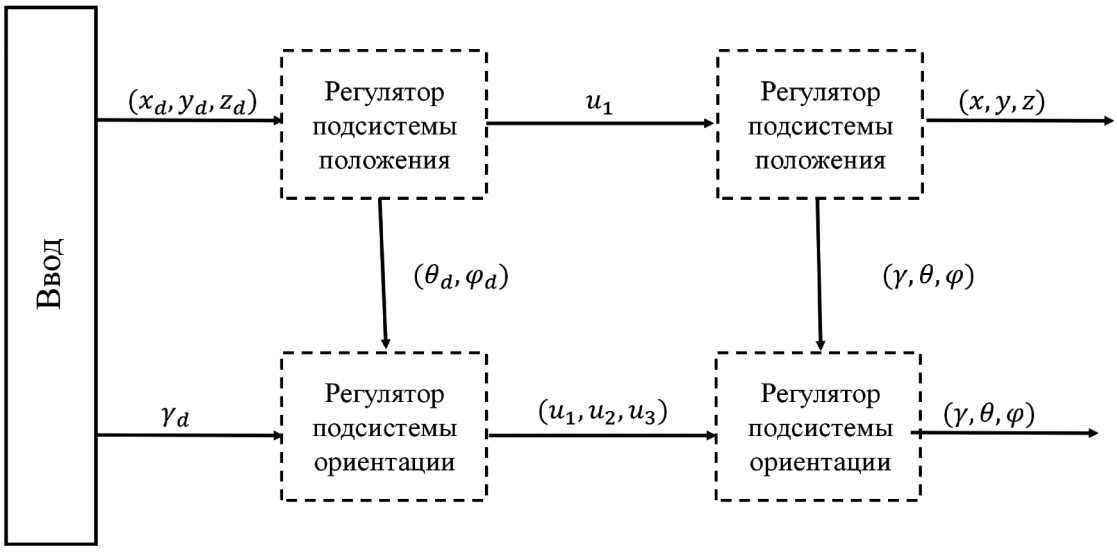

Рис. 2. Структурная схема замкнутой системы

Указанная замкнутая система сформирована из внешнего контура (подсистемы) положения и внутреннего контура (подсистемы) ориентации; при этом для синтеза закона управления полётом применяется двухконтурная схема. Два промежуточных командных сигнала по углам ориентации, θ_d и φ_d, формируются во внешнем контуре и передаются во внутренний, где посредством соответствующего метода управления осуществляется их слежение.

Синтез закона управления требуемыми углами ориентации

Предположим, что требуемые углы, необходимые для выполнения соотношений (6) и (7), равны θ_d и φ_d. Для обеспечения переходов$\theta \to \theta_d$ и $\varphi \to \varphi_d$необходимо определить (вычислить) два «виртуальных» требуемых угла θ_d и φ_d.

Из равенства (5) следует:

$$\begin{bmatrix} u_{1x} \\ u_{1y} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \cos\gamma \sin\theta_d \cos\varphi_d + \sin\gamma \sin\varphi_d \\ \sin\gamma \sin\theta_d \cos\varphi_d - \cos\gamma \sin\varphi_d \end{bmatrix} u_1 \qquad (13)$$

$u_{1z} = U_1 \cos\gamma \cos\varphi_d$. Можем плучить $U_1 = \dfrac{u_{1z}}{\cos\gamma \cos\varphi_d}$.

Получилось:

$$\begin{bmatrix} \cos\gamma & \sin^3 \\ \sin\gamma & -\cos\gamma \end{bmatrix} \begin{bmatrix} u_{1x} \\ u_{1y} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \sin\theta_d \cos\varphi_d \\ \sin\varphi_d \end{bmatrix} \frac{u_{1z}}{\cos\phi \cos\varphi_d} \qquad (14)$$

может быть сведено к

$$\varphi_d = arctan\left(\frac{\sin^3 \cos^3 u_{1x} - \cos^2 \phi\gamma}{u_{1z}} \right) \qquad (15)$$

С учётом формулы (12) получаем:

$$\sin\varphi_d = \frac{\cos\gamma\left(\sin\phi u_{1x} - \cos\gamma u_{1y} \right)}{u_{1z}} \qquad (16)$$

Если левая часть равенства (14) выходит за пределы интервала [–1; +1], требуемый угол θ_d не существует. На основании формулы $x = \dfrac{\cos\gamma\left(\sin\gamma u_{1x} + \cos\gamma u_{1y} \right)}{u_{1z}}$ получаем:

1. при $x > 1$ полагаем ($\sin\theta_d = 1$), то есть $\theta_d = \dfrac{\pi}{2}$;
2. при $x < -1$ полагаем ($\sin\theta_d = -1$), то есть $\theta_d = -\dfrac{\pi}{2}$;
3. при $|x| \geq 1$, то есть: $\theta_d = \arcsin\left(\dfrac{\sin\gamma \cos\phi u_{1x} + \cos^2 \gamma u_{1y}}{u_{1z}} \right)$.

Исходя из вышеизложенного анализа, чтобы равенство (14) выполнялось, перепишем его в следующем виде:

$$\sin\varphi_d = \frac{\cos\gamma\left(\cos\gamma\left(u_{1x} + \xi_{1x} \right) + \sin\gamma\left(u_{1y} + \xi_{1y} \right) \right)}{u_{1z} + \xi_{1z}} \qquad (17)$$

Где ξ_{1x} ξ_{1y}и ξ_{1z} — величины, зависящие от времени, а $\xi = \left[\xi_{1x}, \xi_{1y}, \xi_{1z} \right]$. При $|x| \leq 1$ можно положить $\xi = 0$; при $|x| > 1$ величина ξ выбирается вещественной так, чтобы выполнялись приведённые выше условия. Это эквивалентно добавлению возмущений к управляющим входам u_{1x}, u_{1y} и u_{1z}, которые компенсируются за счёт робастности контроллера.

Получив θ_d и φ_d, закон позиционного управления имеет вид:

$$U_1 = \frac{u_{1z}}{\cos\gamma \cos\varphi_d} \qquad (18)$$

Синтез закона управления требуемыми угловыми скоростями ориентации

В настоящей работе используется дифференциатор третьего порядка с конечным временем сходимости для вычисления (получения оценок) $\dot{\theta}_d$, $\ddot{\theta}_d$, а также $\dot{\varphi}_d$, $\ddot{\varphi}_d$, то есть:

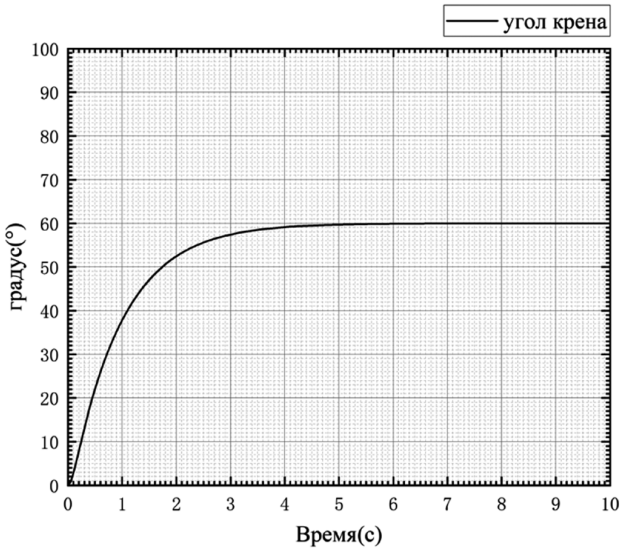
$$\begin{aligned} &\dot{x}_1 = x_2; \dot{x}_2 = x_3 \\ &\xi^3 \dot{x}_3 = -2^{35} 4\left(x_1 - \nu(t) + \left(\xi x_2 \right)^{97} \right)^{13} - 4\left(\xi^2 x_3 \right)^{35} \\ &y_1 = x_2; y_2 = x_3 \end{aligned} \qquad (19)$$

В указанном выражении входной сигнал, подлежащий дифференцированию, обозначается как v_t;$\xi = 0.04$. Слежение за требуемым углом ориентации, а также оценки требуемой угловой скорости и углового ускорения обозначаются соответственно x_1, x_2 и x_3. Инициализация дифференциатора: $x_1(0) = 0, x_2(0) = 0$, $x_3(0) = 0$.

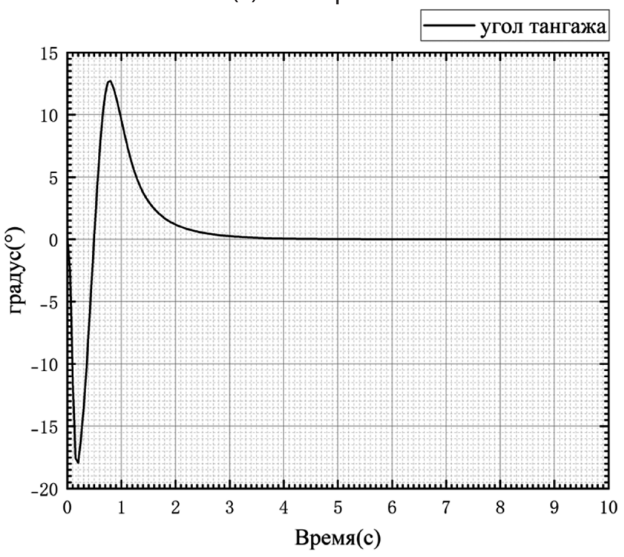
Учитывая задачу дифференцирования разрывных (неконтинуальных) функций, целесообразно применять дифференциатор. Тем самым, с одной стороны, от требуемых команд по углам ориентации θ_d и φ_d не требуется соблюдения непрерывности; с другой — в контуре позиционного управления допускается использование переключающей функции (switching function). В настоящей работе задействован дифференциатор интегрально-цепочной структуры: при вычислении производной по сигналам, содержащим возмущения, возмущающее воздействие располагается на заключительном звене дифференциатора, вследствие чего его вклад благодаря интегрирующему действию эффективно подавляется.

Результаты моделирования

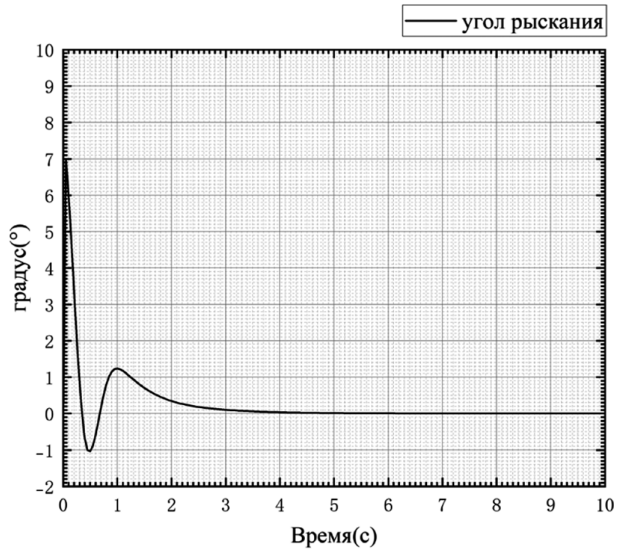
С целью продемонстрировать эффективность ПД-регулятора для управления четырёхроторным беспилотным летательным аппаратом, в среде MATLAB/

(a) Угол крена

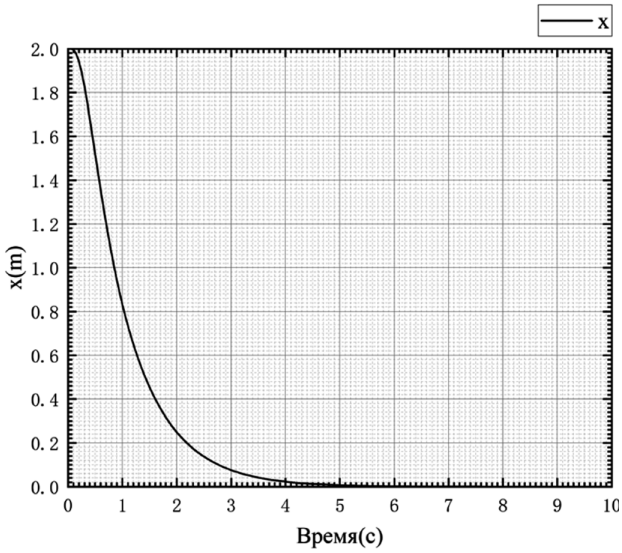

(b) Угол тангажа

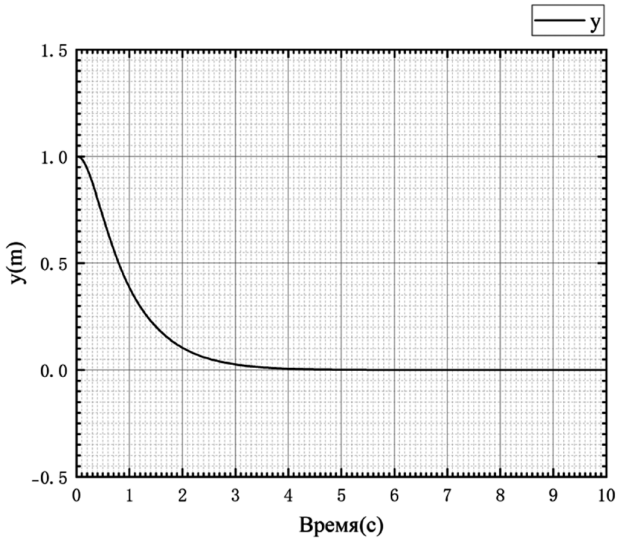

(c) Угол рыскания

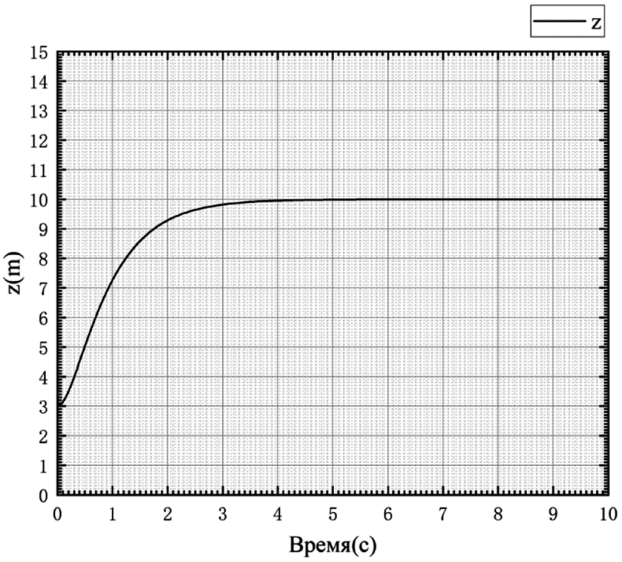
Рис. 3. Состояние угла Эйлера

(a) Позиция x

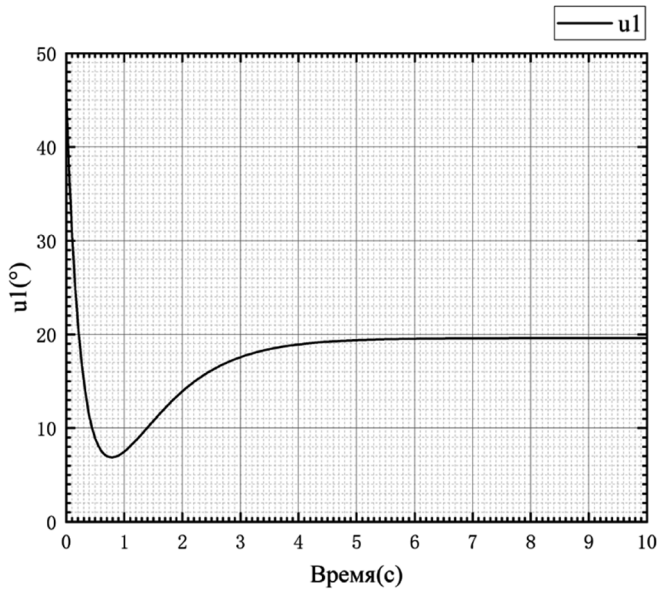

(b) Позиция y

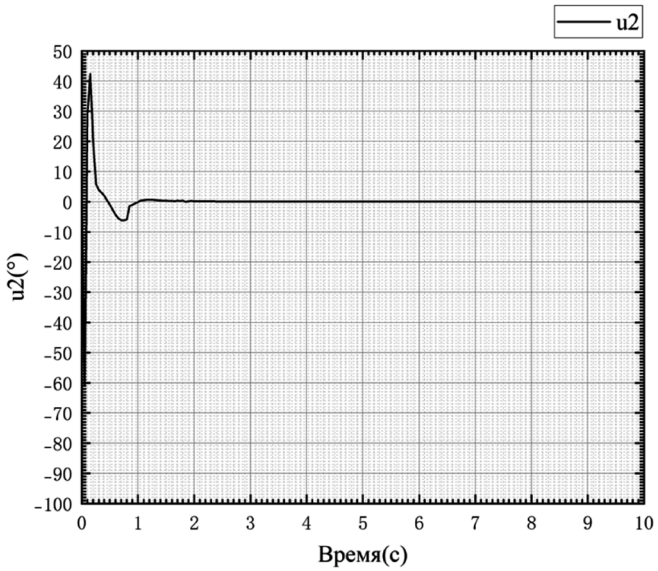

(c) Позиция z

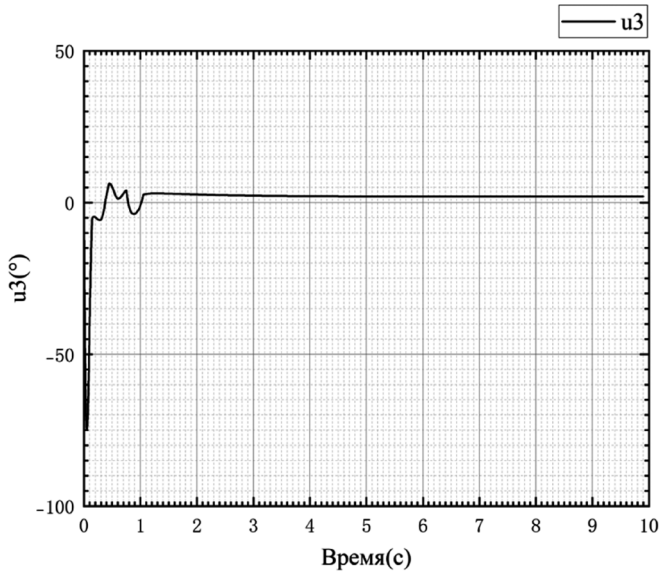
Рис. 4. Состояние позиция

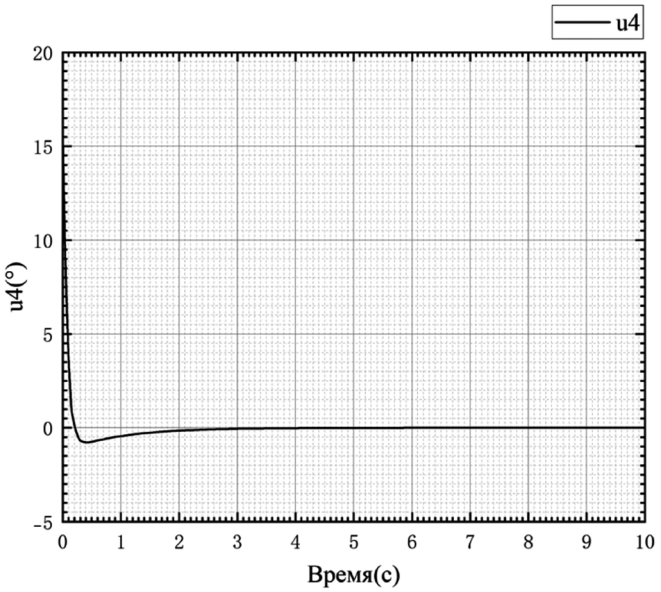
(a) Канал вертикали

(b) Канал крена

(a) Канал тангажа

(a) Канал рыскания

Рис. 5. Изменения входного сигнала четырех каналов управления

Simulink выполнено моделирование траекторного слежения по трём углам ориентации и трём координатам положения. Вектор начального и целевого состояния по положению принят равным $[2,1,3,0,0,10]$, начальное и целевое состояния по ориентации $[0,0,0,0,0,0]$.

В соответствии с моделью (2) и параметрами из табл. 1 выбраны:

$$K_1 = K_2 = K_3 = 0.01, K_4 = K_5 = K_6 = 0.0012,$$
$$l_1 = l_2 = 1.25, l_3 = 2.5, d_4 = d_5 = d_6 = 0.1.$$

Применена стратегия, при которой скорость сходимости внутреннего контура больше скорости сходимости внешнего, что обеспечивает устойчивость замкнутой системы; соответственно, коэффициенты усиления регуляторов внутреннего контура выбраны существенно выше, чем внешнего. В расчётах использованы законы позиционного управления (8-9) и управления ориентацией (11–12). Итоговые результаты представлены на рис. 3–5.

Из рис. 3 и 4 следует, что углы крена и рыскания достигают установившегося режима к $4s$, тогда как тангаж сходится быстрее — примерно к $2.3s$. По всем трём координатам положения время установления составляет порядка $4s$. Эти данные подтверждают: за счёт корректировки коэффициентов усиления внутреннего контура удаётся обеспечить его более высокую скорость сходимости по сравнению с внешним, что гарантирует устойчивость всей замкнутой системы.

Как видно из рис. 5, в вертикальном канале формирование управляющего воздействия занимает несколько больше времени; в канале тангажа наблюдается более выраженный начальный всплеск управления, тогда как в двух остальных каналах управляющие воздействия быстро сходятся к требуемым значениям.

Обсуждение и заключение

В условиях внешних неизвестных возмущений ПД-контроллер с предваряющей (feedforward) компенсацией, во-первых, обеспечивает корректный выбор усилений внутреннего контура: при синтезе закона управления ориентацией подбираются такие ПД-коэффициенты, при которых скорость сходимости внутреннего контура превосходит скорость сходимости внешнего; во-вторых, сокращает время регулирования как по ориентации, так и по положению четырёхроторного беспилотного воздушного судна. Результаты моделирования показывают, что по сравнению с «чистым» ПД-законом полёта предложенный подход повышает устойчивость системы управления четырёхроторным БВС, обеспечивает удержание требуемой траектории (включая режим зависания) и эффективно компенсирует как внутренние, так и внешние возмущения, тем самым увеличивая общую устойчивость и удовлетворяя предъявляемым требованиям к характеристикам системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лян Вэнькай, Чжан Сяолун, Се Сяоцюань и др. Моделирование управления четырёхроторным БВС в среде MATLAB и верификация помехоустойчивости. Журнал «Программное обеспечение» , 2020, т. 41, № 1, с. 143–147.https://www.haofabiao.com/rj/202001/
2. Хэ Вэй, Лю Шанпин, Хуан Хайфэн и др. Системное проектирование и экспериментальная отработка орнитоптера с независимыми приводами машущих крыльев. «Теория управления и её применения», 2022, т. 39, № 1, с. 12–22.https://www.fx361.com/page/2022/0128/11599667.shtml
3. Y. M. Zhang, V. S. Suresh and B. Jiang et al. Reconfigurable control allocation against aircraft control effector failures, [C]// 16th IEEE International Conference on Control Applications, Part of IEEE Multi-conference on System and Control, Singapore, 1–3 October, 2007, 1197–1202. DOI: 10.1109/CCA.2007.4389398
4. Ли Цзяци, Лю Чэнь, Хуан Мин и др. Обзор исследований и развития управления положением и ориентацией четырёхроторных БВС. Журнал «Southern Agricultural Machinery», 2021, т. 52, № 12, с. 25–27.DOI: 10.3969/j.issn.1672-3872.2021.12.008
5. Фань Юньфэй, Жэнь Сяохун, Юань Вэньлинь. Проектирование стратегии полёта четырёхроторного БВС на основе параллельного ПИД-регулирования. Журнал «Программное обеспечение», 2015, т. 36, № 4, с. 37–39.https://sns.wanfangdata.com.cn/sns/perio/ranj/?isSync=0&issueNum=04&page=1&publishYear=2015&tabId=article
6. Ши Цзэнхуэй, Чжан Ли, У Цяньцянь. Анализ отказов вычислителя системы управления полётом MDAC для самолёта определённого типа. «Техническое обслуживание и инженерия авиации», 2021, т. 4, № 6, с. 84–85 https://m.fx361.com/bk/hkwxygc/20216.html
7. Castillo P., A. Dzul, et al. Real-time stabilization and tracking of a four-rotor mini rotorcraft. IEEE Transactions on Control Systems Technology, 2004, 12(4):510–516, DOI: 10.1109/TCST.2004.825052
8. Гу Сюнь. Синтез скользящего управления ориентацией четырёхроторного летательного аппарата на основе теории HJI. «Известия Гуйянского университета (серия естественных наук)», 2021, т. 16, № 2, с. 62–64.https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-GJZB202102013.htm
9. G. Ducard. Fault-tolerant flight control and guidance systems, practical methods for small unmanned aerial vehicles, [J]. London: Springer, 2009: 1–20. DOI:10.1007/978-1-84882-561-1
10. M. Benosman. A survey of some recent results on nonlinear fault tolerant control [J]. Mathematical Problems in Engineering, 2010: 1–25. DOI; 10.1155/2010/586169
11. Чжоу Вэньшэн, Ван Цзыхуй, Хэ Чжиюань. Исследование системы стабилизации воздушной видеосъёмки летательного аппарата на основе стратегии LADRC. «Научно-технический бюллетень» , 2021, т. 37, № 4, с. 115–122. https://www.ndhx.net/tougao/qikan-140764.html
12. Ли Чжундэ, Лю Хэншань. Моделирование и имитация управления четырёхроторным БВС. «Применение автоматизации», 2017, № 9, с. 57–59,150.https://dianda.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?from=Qikan_Article_Detail&id=674314764
13. Чэнь Тинъюй. Моделирование, имитация и ПИД-управление четырёхроторным БВС. «Электронный мир», 2018, № 21, с. 5–7.https://qikan.cqvip.com/Qikan/Journal/Summary?from=Qikan_Article_Detail&gch=94357X&kind=1&n=21&y=2018
14. Carrillo L , AED López,Lozano R , et al. Quad Rotorcraft Control.Vision-Based Hovering and Navigation. DOI:10.1007/978-1-4471-4398-7
15. Чжан Чэн, Го Юйин, Чжу Чжэнвэй. Управление слежением за траекторией четырёхроторного БВС на основе линейной активной компенсации возмущений (LADRC). «Механика полёта», 2021, т. 39, № 3, с. 75–81, 87. https://dianda.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?from=Qikan_Article_Detail&id=7105151538
16. Гэн Цзэнсянь, Мэн Цинмао, Чжао Ифэй и др. ПИД-управление четырёхроторным БВС на базе Simulink. // Китайское общество управления и контроля. Труды IX Китайской конференции по управлению и контролю. Пекин: Китайское общество управления и контроля, 2021, с. 6. DOI: 10.26914/c.cnkihy.2021.011229
17. Фань Иминь, Ло Юньфэй, Вэй Чунъи. Исследование ПИД-регулятора БВС на основе адаптивной нейронной сети. «Технологии электронных измерений» , 2021, т. 44, № 9, с. 163–167. https://jemi.etmchina.com/emt/article/html/E2105965?st=article_issue
18. Ван Ци. Проектирование системы нечеткого адаптивного ПИД-управления для четырёхроторного БВС. «Инновации и применение науки и техники», 2021, т. 11, № 20, с. 104–106.https://m.fx361.com/bk/kjcxyyy/202120.html
19. Ян Юнган, Сун Вэй. Управление и моделирование полёта четырёхроторного БВС в условиях ветровых возмущений. «Вестник Китайского университета гражданской авиации», 2021, т. 39, № 3, с. 16–21.https://sns.wanfangdata.com.cn/sns/perio/zgmhxyxb/?order=publish_year%2Fissue_nu&page=8&tabId=column&yearType=5&ztext=%E6%B0%91%E7%94%A8%E8%88%AA%E7%A9%BA
20. Ли Юньтан, Ма Лян, Цзя Юнин. Проектирование системы автономного крейсерского управления для четырёхроторного БВС. «Измерение и управление с использованием вычислительной техники», 2015, т. 23, № 10, с. 3361–3363.https://cstj.cqvip.com/Qikan/Search/Index?key=K%3D%E8%87%AA%E4%B8%BB%E5%B7%A1%E8%88%AA

© Лян Гаюй (lianggy97@gmail.com); У Чжэнцзе (2433474284@qq.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.25

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МНОГОКАНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО МАСКИРОВАНИЯ РЕЧИ В ЗАКРЫТЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УТЕЧКАМ АУДИОИНФОРМАЦИИ

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF MULTI-CHANNEL SPATIAL MASKING OF SPEECH IN ENCLOSED SPACES IN ORDER TO COUNTERACT LEAKS OF AUDIO INFORMATION

J. Madida
V. Ivanov
I. Krepak

Summary. This scientific paper analyses the spatial effectiveness of multi-channel speech masking in enclosed spaces. A typical conference room measuring 6 × 4 × 3 m was used for modelling, with four masking noise sources located near the corners and a speech source located in the centre of the room. Based on a simplified model of acoustic propagation, the distribution of sound pressure levels (SPL) and local signal-to-noise ratios (SNR) was calculated. The SPL and SNR maps constructed allowed for the classification of speech privacy zones.

The scientific paper examines in detail the dependence of the degree of masking effectiveness on the parameters of sound sources. Several approaches are proposed for optimising the space used and modelling sound sources in different positions to improve the overall effectiveness of acoustic speech protection.

Keywords: multichannel masking, «SPL»-distribution, «SNR», speech privacy, room acoustic modeling.

Мадида Джуссе Шарлен
аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
Charlenemadida@gmail.com
Иванов Владимир Алексеевич
доктор военных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
ivanov@fa.ru
Крепак Иван Павлович
аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Руководитель группы информационной безопасности, ООО «Клиника Будь Здоров» г. Москва
arafoxnis@gmail.com

Аннотация. В данной научной работе выполнен анализ пространственной эффективности многоканального маскирования речи в замкнутых помещениях. Для моделирования использован типовой конференц-зал размерами 6 × 4 × 3 м с четырьмя источниками маскирующего шума, расположенными вблизи углов и речевым источником, размещённым в центре помещения. На основе упрощённой модели акустического распространения рассчитано распределение уровней звукового давления (показатель «SPL») и локального отношения сигнал/шум («SNR»). Построенные SPL- и SNR-карты позволили провести классификацию речевой приватности зон.

В работе детально рассмотрена зависимость степени эффективности маскирования от параметров источников звука. Предложены несколько подходов по оптимизации используемого пространства и моделированию источников звука в различных положениях для повышения общей эффективности акустической защиты речи.

Ключевые слова: многоканальное маскирование, «SPL»-распределение, «SNR», приватность речи, моделирование помещений.

Введение

Современные системы защиты информации уделяют значительное внимание акустическим каналам утечки конфиденциальных данных. Одним из наиболее уязвимых элементов таких систем остаётся речевая информация, передаваемая в закрытых помещениях — конференц-залах, переговорных комнатах, лабораториях и инженерных центрах управления [1] [3]. Даже при отсутствии прямого доступа к звуковым записям, акустические сигналы могут быть перехвачены с помощью чувствительных микрофонов, лазерных и виброакустических датчиков.

На данный момент, основной эффективный метод противодействия несанкционированному прослушиванию является акустическое маскирование речи [2]. Оно подразумевает создание активного искусственного шумового фона, снижающего разборчивость речевого сигнала за пределами защищаемой зоны.

Наиболее перспективным направлением сейчас является многоканальное (пространственное) маскирование, при котором шумовые источники размещаются в различных точках помещения с целью формирования равномерного звукового поля [4] [5]. Такой подход позволяет минимизировать участки с низким уровнем

маскирующего сигнала, где речь остаётся частично различимой.

Несмотря на активное развитие такого подхода, ещё не до конца изучены вопросы оценки эффективности пространственного распределения шума и влияния геометрии помещения на уровни маскирования. Цели данной работы — провести моделирование многоканальной модели маскирования речи в типовой переговорной комнате, оценить пространственное распределение уровней звукового давления («SPL») и отношения сигнала к шуму («SNR»), определяющих степень акустической приватности.

Методика исследования

Для анализа эффективности пространственного маскирования речи была разработана модель акустического поля в замкнутом помещении. В качестве исследуемого объекта рассматривался типовой конференц-зал размером 6 × 4 × 3 м, соответствующий условиям реальных переговорных помещений, где обычно проводится передача конфиденциальной информации.

В центральной части помещения располагался источник речи, моделирующий активного спикера. Четыре источника маскирующего шума были определены вблизи углов помещения, на высоте 1.5 м от пола. Это соответствует высоте, на котором находится голова человека. Такое расположение обеспечивает равномерное покрытие звуковым полем по всему объёму зала и позволяет корректно оценить пространственные эффекты многоканального маскирования.

Акустическая модель

Расчёт уровней звукового давления («SPL») выполнялся через математическую модель сферического распространения звука в свободном пространстве. В учёт бралось геометрическое ослабление согласно закону обратных квадратов.

Для упрощения задачи реверберация и звуковые отражения от стен не учитывались. Данный подход позволил сосредоточиться на влиянии конфигурации источников и изучения зависимости распределения аудиошума от его мощности. Полнота распространения звука несмотря на характер среды рассматривалась как двумерная математическая модель:

$$L(x, y) = Lm,$$

$$L(i)=i-20*\log(f(x)(10*r*i)),$$

$$L(i)(x, y) = L(lm, i) — 20*\log10(r, i),$$

где Lm — уровень плотности распространения звука на 1 кубический метр,

L(i) — аналогичный показатель, но уже в трёхмерном пространстве,

ri — расстояние от источника звука до фиксирующего элемента в метрах (чувствительный микрофон).

Суммарный уровень маскирующего шума ΣL определялся по энергетическому принципу логической суммы, т.е.:

$$L\Sigma = 10*\log(10(\Sigma(10i, Li/10))),$$

$$L\Sigma = 10 / \log(\Sigma(10\text{^}Li, Li/10)),$$

$$L\Sigma = 10 * \log10(\Sigma(10, Li/10)).$$

Речевой источник на расстоянии 1 метра показал уровень шума относительно параметра «SPL» равный 65 дБ. Источник маскирующего шума на аналогичном расстоянии 75 дБ. В качестве горизонтальной плоскости определена высота 1.5 м, шаг сетки — 5 см. Такая конфигурация позволяет более детально сформировать карту распределения уровней звука.

Критерий оценки латентности

Для количественной оценки эффективности маскирования использовался показатель «SNR», то есть отношение уровня сигнала к фоновому шуму. Сформирована следующая математическая модель:

$$SNR(x, y) = L(s(x, y)) — L(m(x, y)),$$

$$SNR(x, y) = L(t(s(x, y))) — L(t(m(x, y)))$$

По результатам обработки датасета значений, сформированного после анализа речи на предмет её разборчивости и применения алгоритмов автоматизированного распознавания речи, были определены 3 промежутка «SNR»-показателей, описывающие степень приватности (неразвобрчивости аудио):

1. Хорошая приватность: «SNR» < −10 дБ
2. Удовлетворительная приватность: −10 дБ ≤ «SNR» < −5 дБ
3. Недостаточная приватность: «SNR» ≥ −5 дБ.

Таким образом, разработанная в рамках текущего исследования методика сделала возможным проведение качественную и количественную оценку зон акустической защиты речи в пределах помещения при многоканальном маскировании.

Моделирование и анализ

На основе описанной выше методики была выполнена серия расчётов по распределению уровней звуково-

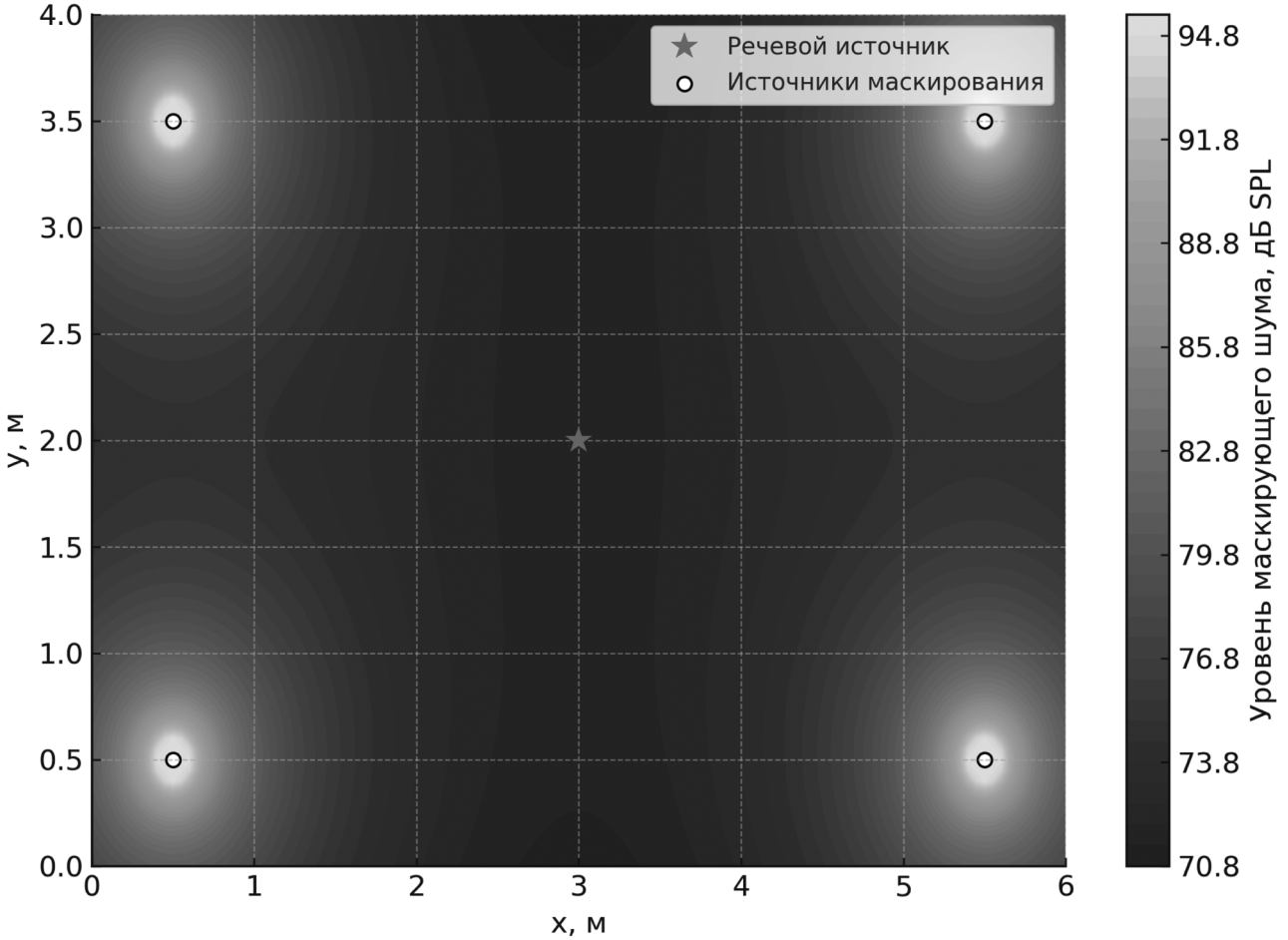

Рис. 1. Распределение уровней шумового давления («SPL») в помещении при условии активного многоканального маскирования

го давления («SPL») и отношения сигнала к шуму («SNR»). В результате моделирования была сформирована «SPL»-карта, представленная на Рисунке 1.

На Рисунке 1 продемонстрировано пространственное распределение маскирующего шума, создаваемого четырьмя источниками, расположенными по углам помещения. Многоцветная шкала отображает уровень «SPL» в децибелах относительно звукового давления на расстоянии одного метра от источника звука.

Из анализа карты следует, что наиболее высокие уровни шума, т.е., до 75 дБ «SPL» наблюдаются вблизи углов, там же, где расположены источники маскирующего звукового сигнала.

В центральной области уровень шума снижается до 69 дБ, а на противоположных стенах — до 66 дБ «SPL». Таким образом, обеспечивается достаточно равномерное распределение звукового поля без выраженных аномалий по уровню громкости.

Оценка отношения сигнала к фоновому шуму («SNR»)

Для оценки эффективности маскировки звукового сигнала были рассчитаны значения «SNR» для всей исследуемой площади. Результаты расчётов сформировали три следующих вывода:

1. Вблизи речевого источника (радиус до 0.5 м) наблюдаются значения «SNR» от –3 до –5 дБ, что говорит о зоне недостаточной латентности.
2. На расстояниях от 0.5 до 2 м формируется область с отличным от первой диапазоном «SNR». То есть, от –7 до –10 дБ, что соответствует удовлетворительному уровню приватности.
3. На периферийных областях помещения (более 2 м от центра) заметны значения «SNR» ниже –10 дБ. Другими словами, это зона повышенной латентности звука, где он полностью маскируется активным фоновым шумом.

Таблица 1.

Эффективность маскировки звукового сигнала

Эффективность	Диапазон «SNR», дБ	% от общей площади помещения
Высокая	< –10	58 %
Удовлетворительная	от –10 до –5	32 %
Плохая	≥ –5	10 %

Результаты расчётов показывают, что при выбранной конфигурации источников активного фонового шума, обеспечивается высокая степень покрытия: около 90 % площади помещения находится в зонах с достаточной или полной маскировкой аудиоинформации. Однако, вблизи источника звука, сохраняются участки, где уровень фонового шума недостаточен для полной маскировки.

Площадь таких участков может быть уменьшена за счёт повышения частоты звуковых колебаний или монтажа дополнительного центрального шумового излучателя с однонаправленной (лучевой) траекторией последовательности случайных звуковых сигналов. Таким образом, проведённый анализ подтвердил эффективность многоканального маскирования речи и привёл к выводу, что равноудалённое размещение источников активного фонового шума по периметру помещения позволяет достичь высокой степени акустической приватности без значительного увеличения уровня шума.

Результаты и обсуждение

На упомянутом выше Рисунке 1 представлена карта уровней маскировки шума при условии присутствия четырёх источников активного фонового шума, установленных вблизи углов помещения. Максимальные значения латентности звука наблюдаются в непосредственной близи источников и вдоль стен. Минимальные — в центральной части переговорной комнаты. Результаты автоматизированного моделирования относительно площади рассматриваемого помещения указаны в Таблице 2.

Таблица 2.

Распределение «SNR» по участкам исследуемой комнаты

«SNR»-значение	Площадь помещения
< −10 дБ, высокое	77.5 %
от −10 до −5, удовлетворительное	14.4 %
≥ −5 дБ, низкое	8.1 %

По результатам анализа и исходя из Рисунка 1, помимо распределения показателей относительной доступности звукового канала связи, заметно значение активного фонового шума в 75 дБ на 1 м, где данный показатель достаточен для маскировки 70 % площади помещения. Зона умеренного и повышенного рисков — оставшиеся 30% пространства. Там необходимо применять другие контрмеры, например увеличение мощности фоновых помех локальных источников или экранирование.

Заключение

Формирование логической модели переговорной комнаты и проведения автоматизированного эксперимента показало, что при предложенных параметрах латентности звука и активного фонового шума достигается высокий показатель покрытия помещения необходимым уровнем маскировки звука. В то же время, почти незащищённым остаётся область рядом с источником речевых колебаний, здесь требуется дополнительное экранирование.

В работе проведён анализ эффективности многоканальной маскировки речи в типовой переговорной комнате с использованием четырёх источников латентного шума. Разработанная модель позволила оценить пространственное распределение уровней звукового давления и отношения сигнала к фоновому шум, что определило степень акустической приватности. По результатам эксперимента были определены следующие основные выводы:

1. Многоканальное размещение источников по периметру помещения обеспечивает равномерное звуковое поле и снижает вероятность образования участков без фонового шумового воздействия.
2. Более 85 % площади помещения будет являться безопасной, т.к. показатель «SNR» здесь < −5 дБ.
3. Наиболее уязвимой остаётся область в непосредственной близости к источнику звука, т.е., участок, где просто недостаточная громкость для полной маскировки шумом.

Практическая реализация предложенной схемы многоканального маскирования может быть использована при проектировании систем акустической защиты переговорных комнат, ситуационных центров и объектов с повышенными требованиями к конфиденциальности информации. Для дальнейших исследований планируется учесть влияние реверберации и отражений от стен. В такой реализации можно будет провести экспериментальную верификацию модели с использованием реальных измерений звукового давления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев В.Е., Сидоров А.П. Методы акустической защиты информации в помещениях. — Вопросы защиты информации, 2021. — № 3. — С. 25–34.
2. Кузнецов И.Н., Орлов А.В. Анализ эффективности систем маскирования речи на основе адаптивного шума. — Информационные технологии и безопасность, 2022. — Т. 29, № 2. — С. 41–49.
3. Bradley J.S., Sato H., Picard M. On the importance of early reflections for speech in rooms. — Journal of the Acoustical Society of America, 2003. — Vol. 113, No. 6. — pp. 3233–3244.
4. Борисов П.И., Еремин А.А. Пространственные методы акустического маскирования речи. — Безопасность информационных технологий, 2023. — № 1. — С. 12–20.
5. Kleiner M., Tichy J. Acoustics of Small Rooms. — CRC Press, 2014. — 431 p.

© Мадида Джусс Шарлен (Charlenemadida@gmail.com); Иванов Владимир Алексеевич (ivanov@fa.ru);
Крепак Иван Павлович (arafoxnis@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.26

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЕЛОГО, РОЗОВОГО И АДАПТИВНОГО ШУМОВ ПРИ АКТИВНОМ МАСКИРОВАНИИ РЕЧИ

INVESTIGATION OF THE EFFECTIVENESS OF WHITE, PINK, AND ADAPTIVE NOISE IN ACTIVE SPEECH MASKING

J. Madida
V. Ivanov
I. Krepak

Summary. The article discusses the problem of active protection of speech information using acoustic masking methods. The focus is on studying the effectiveness of various types of noise — white, pink, and adaptive — in suppressing speech intelligibility. The results of modelling performed using digital audio signals and software processing in the Python environment are presented. The effectiveness was evaluated using objective quality metrics — signal-to-noise ratio (SNR), speech intelligibility index (STOI), and speech perception index (PESQ). Experiments have shown that adaptive noise provides the best compromise between masking level and acoustic comfort. The results obtained can be used in the development of speech information protection systems in rooms for various purposes.

Keywords: active information protection, speech masking, acoustic noise, STOI, PESQ, adaptive noise control.

Мадида Джуссе Шарлен
аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
Charlenemadida@gmail.com
Иванов Владимир Алексеевич
доктор военнных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
ivanov@fa.ru
Крепак Иван Павлович
Аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Руководитель группы информационной безопасности, ООО «Клиника Будь Здоров», г. Москва
arafoxnis@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается задача активной защиты речевой информации с применением методов акустического маскирования. Основное внимание уделено исследованию эффективности различных типов шумов — белого, розового и адаптивного при подавлении показателя разборчивости речи. Приведены результаты моделирования, выполненного с использованием цифровых звуковых сигналов и программной обработки в среде Python. Оценка эффективности проводилась с имплементацией объективных метрик качества — отношения сигнал/шум (SNR), индекса разборчивости речи (STOI) и показателя восприятия речи (PESQ). Экспериментально определено, что адаптивный шум обеспечивает наилучший компромисс между уровнем маскирования и акустическим комфортом. Полученные результаты могут быть использованы при разработке систем защиты речевой информации в помещениях различного назначения.

Ключевые слова: активная защита информации, маскирование речи, акустический шум, STOI, PESQ, адаптивное шумовое воздействие.

Введение

Современные тенденции развития информационного общества сопровождаются постоянным ростом объёмов циркулирующей речевой информации, в особенности, конфиденциального характера. Звук остаётся одним из наиболее уязвимых каналов утечки данных, поскольку даже при отсутствии несанкционированного доступа к цифровым сетям существует риск перехвата акустического сигнала. В этой связи задачи активной защиты речевой информации приобретают особую актуальность в системах информационной безопасности.

Традиционно, защита речевых каналов реализуется с применением пассивных и активных методов. Пассивные методы направлены на физическую изоляцию источника звука и включают звукоизоляцию, звукопоглощение и экранирование помещений. Однако, их эффективность имеет характерные ограничения. Особенно, в условиях, когда требуется гибкое или временное обеспечение конфиденциальности. В таких случаях, всё большее распространение получают активные методы защиты, основанные на принципах акустического маскирования — внесения помех, снижающих разборчивость речи для несанкционированного слушателя [1].

Активное маскирование речи заключается в добавлении специально сформированных шумов в акустическую среду, что делает крайне затруднительным разборчивое восприятие речевого сигнала на определённом

расстоянии. При этом важным является выбор типа шума [2], поскольку, от его спектральных характеристик и интенсивности зависит эффективность маскирования и субъективный комфорт для пользователей. На практике применяются различные типы шумов: белый — обладающий равномерной спектральной плотностью; розовый — более близкий к естественным акустическим условиям и адаптивный шум — изменяющий свои параметры в зависимости от характеристик речевого сигнала.

Несмотря на значительное количество прикладных исследований в области активной акустической защиты, вопрос сравнительной оценки эффективности различных типов шумов остаётся открытым. В частности, существует необходимость комплексного анализа объективных показателей качества маскирования, таких как «SNR», «STOI» и «PESQ» [3] [4], применительно к условиям моделирования реальных речевых сигналов.

Таким образом, целью данного исследования является сравнительный анализ эффективности белого, розового и адаптивного шумов при активном маскировании речи с использованием объективных метрик качества. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1. Провести моделирование процессов маскирования речи различными типами шумов с использованием инструментов цифровой обработки сигналов.
2. Оценить влияние спектральных характеристик шумов на разборчивость аудиосигнала — в частности, речи.
3. Сравнить результаты относительно показателей «SNR», «STOI» и «PESQ» для разных типов звуковых шумов.
4. Определить приемлемый тип шума, обеспечивающий баланс между эффективностью маскирования и акустическим комфортом.

Методика исследования

Для оценки эффективности различных типов шумов при активном маскировании речи было проведено моделирование, включающее этапы формирования исходных речевых сигналов, генерации шумовых помех, их смешивания и последующего анализа полученных результатов. Все вычисления выполнялись с использованием языка программирования Python. Во время разработки были применены библиотеки «NumPy», «Librosa», «SciPy» и «Matplotlib», что позволило реализовать гибкую и воспроизводимую модель эксперимента.

Исходные данные

В качестве тестовых речевых сигналов использовались записи мужской и женской речи на русском и английском языках из открытых наборов данных (например, «LibriSpeech» и «VoxForge»). Средняя длительность каждого сигнала составляла 10 секунд. Частота дискретизации — 16 кГц. Для исключения влияния уровня громкости все сигналы были предварительно нормализованы по амплитуде.

Генерация шумов

Для моделирования применялись три типа шумов, наиболее часто используемых в задачах акустического маскирования:

1. Белый шум — сигнал с равномерной спектральной плотностью во всём диапазоне частот. Он создавался функцией «numpy. random. normal (0, 1, N)», где N — количество отсчётов, соответствующее длине речевого файла.
2. Розовый шум — сигнал, плотность мощности которого обратно пропорциональна частоте (закон «1/f») [5]. Его генерация осуществлялась методом фильтрации белого шума с использованием БИХ-фильтра низких частот.
3. Адаптивный шум — последовательность сигналов, параметры которых изменяются в зависимости от мгновенных характеристик речевого сигнала. Для реализации использовался алгоритм динамической подстройки амплитуды шума в соответствии с энергией речи:

т.е., $na(t)=\alpha(t)\cdot nw(t)$,

$\alpha(t)=k\cdot Es(t)max\cdot f0(Es(t))$ $n_a(t) = Walpha(t)\cdot Wcdot_n_w(t)$,

$$na(t)=\alpha(t)\cdot nw(t),$$

$$\alpha(t)=k\cdot max(Es(t))Es(t),$$

где na(t), n_a(t) и na(t) — адаптивный шум,

nw(t), n_w(t) и nw(t) — белый шум,

Es(t), E_s(t) и Es(t) — локальная энергия речи, а k — коэффициент масштабирования, определяющий уровень маскирования.

Формирование маскированного сигнала

Маскированный речевой сигнал формировался простым сложением речевого сигнала и соответствующего шума:

$xm(t)=s(t)+\beta\cdot n(t)x_m(t) = s(t) + \beta\cdot n(t)xm(t)=s(t)+\beta\cdot n(t)$,

где s(t), — речевой сигнал, n(t) — шум, а β — коэффициент, задающий отношение сигнал/шум («SNR»).

Для каждого типа шума моделирование проводилось при трёх значениях «SNR»: 0 дБ, −5 дБ и −10 дБ.

Метрики оценки эффективности

Для объективной оценки эффективности применялись следующие показатели:

1. «SNR» («Signal-to-Noise Ratio») — отношение мощности сигнала к мощности шума, определяющее уровень искажения звуковой волны.
2. «STOI» («Short-Time Objective Intelligibility») — индекс кратковременной объективной разборчивости речи, измеряемый в диапазоне от 0 до 1.
3. «PESQ» («Perceptual Evaluation of Speech Quality») — показатель восприятия качества речи, соответствующий субъективной оценке по шкале «MOS» («Mean Opinion Score»).

Значения метрик «STOI» и «PESQ» рассчитывались с использованием открытых реализаций стандарта «ITU-T P.862» через имплементацию библиотек «pystoi» и «pesq-python».

Организация эксперимента

Для каждого типа шума и всех значений «SNR» проводилась математическая обработка результатов относительно 10 различных речевых записей. Полученные показатели фиксировались в таблицах, визуализировались в виде графиков и спектрограмм. Фрагмент кода моделирования представлен на Рисунке 1.

Моделирование показало выраженные различия в эффективности различных типов шумов. Полученные результаты приведены в таблицах и проиллюстрированы на рисунках. Адаптивный шум обеспечивает наилучший баланс между эффективностью маскирования и акустическим выравниванием.

Сравнительная оценка по показателям STOI и PESQ

Таблица 1.

Результаты расчётов STOI для трёх типов шумов

Тип шума	«STOI» при «SNR» = 0 дБ	«SNR» = -5 дБ	«SNR» = -10 дБ
Белый	0.46	0.32	0.21
Розовый	0.52	0.39	0.28
Адаптивный	0.61	0.48	0.35

Как видно из Таблицы 1, адаптивный шум обеспечивает наименьшее уменьшение уровня разборчивости

```python
import librosa, numpy as np
from pystoi import stoi
from pesq import pesq

# Загрузка речи
s, sr = librosa.load('speech.wav', sr=16000)
N = len(s)

# Генерация белого шума
n_white = np.random.normal(0, 1, N)
n_white = n_white / np.max(np.abs(n_white))

# Маскирование речи при SNR = 0 дБ
beta = np.sqrt(np.mean(s ** 2) / np.mean(n_white ** 2))
x_masked = s + beta * n_white

# Расчет STOI и PESQ
stoi_value = stoi(s, x_masked, sr, extended=False)
pesq_value = pesq(sr, s, x_masked, 'wb')
```

Рис. 1. Файл «main», реализующий импорт библиотек, загрузку речи, генерацию белого шума, маскирование речи, расчёт показателей «STOI» и «PESQ»

речи при уменьшении отношения сигнала к шуму. Это объясняется тем, что амплитуда шума динамически изменяется в зависимости от интенсивности речевого сигнала. Данный подход позволяет минимизировать показатели недостаточного и избыточного маскирования.

Таблица 2.

Результаты расчётов «PESQ» («Mean Opinion Score») для трёх типов шумов

Тип шума	«PESQ» при «SNR» = 0 дБ	«PESQ» = –5 дБ	«PESQ» = –10 дБ
Белый	2.15	1.82	1.43
Розовый	2.32	1.96	1.58
Адаптивный	2.54	2.19	1.81

Метрика «PESQ», характеризующая субъективное восприятие качества, подтверждает результаты «STOI». При использовании адаптивного шума разборчивость речи снижается менее резко, что свидетельствует о более комфортном восприятии фонового звука при сохранении эффективного маскирования.

Анализ спектральных характеристик

В целях проведения качественного анализа были построены спектрограммы исходного и маскированных сигналов (Рисунок 2).

В результате проведения серии экспериментов, обозначенных выше, было определено, что белый шум равномерно покрывает весь диапазон частот. Однако создаётся избыточное воздействие в высокочастотной области. Это может восприниматься как некритичные аудио помехи. Розовый шум имеет более естественное распределение энергии, близкое к спектру человеческой речи. В случае адаптивного шума заметно, что интенсивность помех возрастает только в моменты появления речевой активности, что обеспечивает избирательное подавление информативных участков сигнала.

Таким образом, спектральный анализ подтверждает эффективность адаптивного подхода, при котором шумовая энергия распределяется пропорционально активности речи, минимизирует акустический дискомфорт и повышает устойчивость к перехвату.

Обсуждение результатов

Сравнение трёх типов шумов позволяет сделать следующие наблюдения:

1. Белый шум обладает высокой степенью маскирования, но вызывает помехи утомление при длительном воздействии. Требует увеличенной мощности для эффективного подавления речи.
2. Розовый шум обеспечивает более естественное звучание, но его эффективность снижается при низких показателях «SNR».
3. Адаптивный шум демонстрирует оптимальное сочетание эффективности и восприятия благодаря динамической подстройке параметров относительно речевого сигнала.

По совокупному сравнению показателей «STOI» и «PESQ», а также субъективных наблюдений, адаптивный шум показал на 17.5 % более высокую эффективность по сравнению с розовым и белым шумами. Следует отметить, что полученные результаты были получены в условиях лабораторного моделирования. Они могут варьироваться при промышленном использовании систем активного маскирования в помещениях, где присутствуют отражения, реверберация, а также, нелинейные искажения. Выявленные закономерности указывают на перспективность применения адаптивных шумовых алгоритмов в системах защиты речевой информации.

Заключение

В ходе выполненного исследования проведён сравнительный анализ эффективности трёх типов шумов при активном маскировании речевых сигналов. В результате

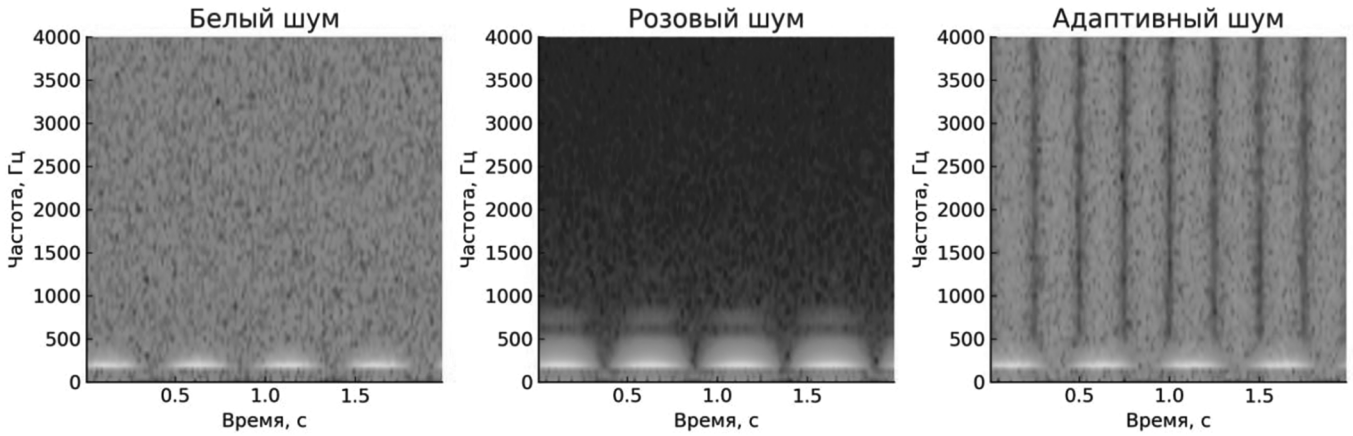

Рис. 2. Спектрограммы речи, замаскированной разными тремя типами шумов при «SNR» = 0 дБ

компьютерного моделирования, было определено, что спектральные и энергетические свойства шумов существенно влияют на степень разборчивости речи и субъективное качество восприятия акустической среды.

Проведённые расчёты по показателям «STOI» и «PESQ» подтвердили гипотезу о том, что адаптивный шум обеспечивает наилучший баланс между эффективностью маскирования и комфортом восприятия. В частности, при уровне «SNR» в 0 дБ, индекс «STOI» для адаптивного шума составил 0.61, что на 17.5 % выше, чем у белого и розового шумов, Показатель «PESQ» — 2.54 против 2.15 и 2.32, соответственно.

Таким образом, адаптивные шумовые сигналы являются наиболее перспективными для применения в системах активной защиты речевой информации. Они позволяют динамически регулировать уровень маскирования в зависимости от параметров речевого потока, что обеспечивает высокую степень конфиденциальности при минимальном акустическом дискомфорте.

Результаты работы могут быть использованы при разработке автоматизированных систем акустической защиты, предназначенных для переговорных комнат, административных помещений, объектов государственной и корпоративной безопасности. Перспективным направлением дальнейших исследований является интеграция адаптивных алгоритмов маскирования с системами машинного обучения для автоматической оптимизации шумового воздействия в режиме реального времени и совокупности звуковых помех.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А.А., & Кузнецов П.В. (2021). Методы активной защиты речевой информации от акустических утечек. Информационные технологии и безопасность., 8(2), с. 15–24.
2. Бобров Д.С., & Левин М.Г. (2020). Акустическое маскирование речи в системах защиты информации. Труды СПбГУТ., 45(3), с. 74–82.
3. Лебедев Ю.Н., & Иванов В.А. (2019). Оценка эффективности активных методов защиты речи с использованием объективных показателей качества. Вестник технической кибернетики., 9(1), с. 33–40.
4. ITU-T Recommendation P.862. (2001). Perceptual evaluation of speech quality (PESQ): An objective method for end-to-end speech quality assessment of narrow-band telephone networks and speech codecs. Geneva: ITU.
5. Taal C.H., Hendriks R.C., Heusdens R., & Jensen J. (2011). An Algorithm for Intelligibility Prediction of Time–Frequency Weighted Noisy Speech. IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing, 19(7), 2125–2136.

© Мадида Джуссе Шарлен (Charlenemadida@gmail.com); Иванов Владимир Алексеевич (ivanov@fa.ru);
Крепак Иван Павлович (arafoxnis@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.27

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ И АВТОМАТИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МУСОРОСОРТИРОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСОВ, ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ КРУПНОГАБАРИТНЫЕ ОТХОДЫ

PROMISING METHODS OF ORGANIZATION AND AUTOMATION OF TECHNOLOGICAL PROCESSES IN THE FIELD OF DESIGN OF WASTE SORTING COMPLEXES PROCESSING LARGE-SIZED WASTE

D. Martynov
N. Chechetkina
R. Usmanova
V. Brizhanin

Summary. An urgent task at the design stage of waste sorting complexes located on the territory of large settlements or landfills for the processing of MSW is the creation of a modern automated system for the collection and processing of bulky waste (CSW). The size of the CSF does not allow them to be processed at incinerators and directly in the body of the MSW landfill without preliminary sorting and crushing into smaller fractions. At the same time, for reasons of economic and environmental expediency, it is also desirable to recycle MSW with a high metal content, including recyclable household appliances, separately, with the allocation of valuable recyclable elements. The article discusses solutions related to the modern organization and automation of technological processes aimed at: speeding up sorting processes; increasing the volume of recoverable and commercially sold recyclables; automated accounting of the volume and mass of recyclable waste and the resulting recyclables. The solutions proposed in the article in the field of control and automation of technological processes can be used by design organizations and regional operators engaged in the transportation and processing of bulky waste.

Keywords: bulky waste, recycling, automation, automated control systems, waste sorting complexes, recyclables, technological process.

Мартынов Дмитрий Юрьевич
Кандидат технических наук, старший преподаватель, ФГБВОУ ВО Академия гражданской защиты МЧС России
d.martynov@agz.50.mchs.gov.ru
Чечеткина Нина Владимировна
Кандидат технических наук, доцент, ФГБВОУ ВО Академия гражданской защиты МЧС России
n.chechetkina@agz.50.mchs.gov.ru
Усманова Регина Равильевна
Доктор технических наук, профессор, ФГБВОУ ВО Академия гражданской защиты МЧС России
r.usmanova@agz.50.mchs.gov.ru
Брижанин Владимир Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
brizhanin.vv@rea.ru

Аннотация. Актуальной задачей на стадии проектирования мусоросортировочных комплексов, расположенных на территории крупных населенных пунктов или полигонов по переработке ТКО, является создание современной автоматизированной системы сбора и переработки крупногабаритных отходов (КГО). Размер КГО не позволяет перерабатывать их на мусоросжигательных заводах и непосредственно в теле полигона ТКО без предварительной сортировки и дробления на более мелкие фракции. При этом, по соображениям экономической и экологической целесообразности ТКО с большим содержанием металлов, включая утилизируемую бытовую технику также желательно перерабатывать отдельно с выделением ценных элементов вторсырья. В статье рассмотрены решения, связанные с современной организацией и автоматизацией технологических процессов, направленные на: ускорение процессов сортировки; увеличение объемов извлекаемого и коммерчески реализуемого вторсырья; автоматизированный учет объема и массы перерабатываемых отходов и получаемого вторсырья. Предложенные в статье решения в сфере управления и автоматизации технологических процессов могут быть использованы проектными организациями и региональными операторами, осуществляющими транспортировку и переработку крупногабаритных отходов.

Ключевые слова: крупногабаритные отходы, переработка, автоматизация, АСУП, мусоросортировочные комплексы, вторсырье, технологический процесс.

Постановление Правительства Российской Федерации от 7 марта 2025 г. № 293 «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами» определяет «крупногабаритные отходы», как твердые коммунальные отходы (мебель, бытовая техника, отходы от текущего ремонта жилых помещений), размер которых не позволяет осуществить их складирование в контейнерах [1]. К крупногабаритным отходам также могут быть отнесены вышедший из употребления спортивный инвентарь и древесные остатки (ветки, стволы, доски). Мусоросборник (которым как правило является контейнер объемом от 7 до 26 кубометров), предназначенный для складирования крупногабаритных отходов в постановлении правительства № 293, обозначен словом «бункер», в дальнейшем в статье контейнеры, в которых будут доставляться на переработку, крупногабаритные отходы будут обозначены как бункеры КГО [1].

Большое значение в работе мусоросортировочного комплекса имеет автоматизация процесса сортировки, переработки крупногабаритных фракций и системы производственного (в том числе складского) учета. Так на всем предприятии может быть установлена система идентификации бункеров за счет применения RFID оборудования и установки на бункерах чипов [2]. В качестве примера можно привести систему RFID чипов и считывания информации с чипа на расстоянии до 20 метров используемые ранее в ГУП «Экотехпром», а затем после реорганизации в АО «Экотехпром» города Москвы. Чип, радиометка закрепленная на бункере передает данные на антенну, которая может быт установлена как на местах погрузки и разгрузки мусора на территории мусоросортировочного комплекса, так и на контейнеровозах и передавать данные при размещении на заданном участке выгрузке бункера при его подъеме в вертикальное положение, так и при выгрузке бункера в горизонтальном положении на место складирования. Программные продукты, связанные с автоматизированным учетом оборота коммунальных отходов и вторичного сырья в нашей стране разрабатываются достаточно давно, в этой связи можно отметить программные продукты таких компаний как Фирма «1С» (старая версия «Предприятие 8. Управление переработкой отходов и вторсырья», и новая «ERP Управление предприятием») и Группы компаний Форс (автоматизированный контроль за оборотом отходов) [3, 4]. Ввиду постоянно изменяющего состава крупногабаритных отходов, необходимости учитывать, объем массу, и, объемы и качество получаемого вторсырья на всех стадиях сортировки, влажность выделенной органической части отходов весьма перспективным выглядит применение программы Гольфстрим компании «Аскон», позволяющей объединить данные с систем и датчиков контроля с данными о объеме переработки твердых коммунальных отходов, качестве и обороте получаемого вторсырья, наличии мест складирования, поломках и эффективности применения оборудования в производственных цехах [5].

Работа предприятия при его автоматизации может выглядеть следующим образом. При въезде на предприятие нового контейнеровоза с крупногабаритными отходами (КГО) в цехе сортировки завешивается его вес до разгрузки КГО, далее автоматически, или при необходимости оператором, определяется площадка, на которой он разгружается, и с помощью автоматизированной системы управления движением, включающей светодиодные светофоры (работающие по принципу красный — закрыто, зеленый — открыто), контейнеровоз направляется на данную площадку и разгружается там [6]. Номер площадки, где разгрузился контейнеровоз, заносится в базу данных, далее согласно направлению, заданному автоматически (или оператором) контейнеровоз выезжает с площадки и едет на весовую, где снова взвешивается уже без груза. Это позволяет определить, как массу КГО, привезенного контейнеровозом, так и массу КГО, собранного на площадке для дальнейшей сортировки. Далее система должна автоматически суммировать и учитывать, и надежно сохранять информацию о общей массе ввозимых на предприятие отходов (как в режиме реального времени, так и за каждый прошедший день, неделю, месяц, год в течение которых предприятие работало).

При выполнении процесса сортировки постепенно заполняются контейнеры, предназначенные для вторичного сырья и утилизируемых отходов, при их полном заполнении они грузятся на автомобиль, оборудованный системой мультилифт и через весовую вывозятся из цеха сортировки в складское помещение. Проезд через весовую позволяет определить вес отсортированных КГО и порядок их дальнейшей переработки.

При перемещении бункеров и контейнеров внутри предприятия их движение регулируется регламентом работы предприятия и место куда необходимо переместить каждый контейнер (откуда и в какой цех, помещение и непосредственно в какую точку цеха или помещения поставить контейнер) заранее определяется оператором или компьютерной системой учета. Система складского учета, которая может быть установлена на предприятии, должна учитывать местоположение, массу, фракционный состав содержимого каждого из контейнеров, находящегося на складе. При этом последовательность вывоза из складского помещения в целях дальнейшей переработки различных фракций отходов может определяться регламентом с учетом скорости их накопления. Каждый контейнер, предназначенный для вторичных отходов, также может быть прочипован (на основе RFID технологий), что позволит сделать систему электронного учета работы предприятия надежной и позволит учитывать фракционный со-

став хранящихся в контейнере отходов или вторичного сырья. Подобная система учета позволит определить объем переработанных отходов и количество полученных вторичных ресурсов в рамках всего предприятия, отдельной бригады, одного человека, если он работает в несколько смен, и ввести систему оплаты адекватную производительности каждого рабочего (в том числе за счет увеличения зарплаты и введения премиальных выплат). С учетом современных нормативных требований, представленных в Постановлении Правительства Российской Федерации от 7 марта 2025 г. № 293 и более качественного визуального восприятия контейнеров содержащих отдельные типы вторсырья и утилизируемых отходов они могут быть окрашены, в рамках заданной цветовой гаммы: контейнеры оранжевого цвета — для хранения вторсырья из пластмассы, черных и цветных металлов; контейнеры зеленого цвета — для хранения отходов стекла; контейнеры коричневого цвета — для хранения твердых отходов пищевой продукции; бункеры серого цвета — для несортированных крупногабаритных отходов [1]. Увеличение доходов от коммерческой реализации полученного вторсырья, может быть достигнуто за счет программного обеспечения с функционалом позволяющим изучить спрос на рынке вторсырья и выбрать оптимальные бизнес-решения с учетом ожидаемых затрат при доставке и отгрузке вторсырья [3, 5]. Для государственных мусоросортировочных комплексов может быть введен учет коммерческой реализации вторсырья, полученного при переработке, налажена система контроля со стороны надзорного органа за объемами и сроками переработки КГО.

Решения, связанные с современной организацией и автоматизацией технологических процессов переработке КГО собраны в целом ряде каталогов, так можно отметить справочные данные Пермского Национального Исследовательского Политехнического Университета, отраслевого портала Отходы Ру, электронных каталогов Нетмус и Хусманн Рус [7–10].

Среди современных методов сортировки и переработки КГО, можно выделить технологию предварительной сортировки КГО по фракциям на ровной площадке с помощью специализированной техники (фронтальных погрузчиков, кранов, грузовых машин) и дальнейшую переработку отсортированных КГО, например сложенных и накопленных в определенном месте холодильников, мебели, телевизоров [8]. Применяется также технология многостадийного дробления отходов которая позволяет получить из КГО размерами до нескольких квадратных метров измельченные отходы не превышающие определенного размера (до сантиметровых размеров, например не более 60 мм), далее измельченные отходы сортируются на вторичные ресурсы и утилизируемую фракцию с помощью современного сортировочного оборудования, в том числе возможна сортировка черного и цветного металла, древесины, пластика, бумаги и картона, или создание после извлечения металлов и утилизируемой фракции, твердого топлива, которое можно использовать в промышленности. Таким образом используется, например установка фирмы MUT для утилизации отходов [11].

При более серьезном и детальном рассмотрении технических принципов переработки смешанного КГО экономически и экологически оправданным (причем как на стадии закупки оборудования, так и на стадии реализации вторсырья выглядит разделение КГО по технологическим фракциям и дальнейшая раздельная переработка данных фракций, например, разделение отдельно на холодильники, стиральные машины, а также иные крупнобытовые машины (например, газовые плиты и электроплиты), древесные отходы, железный и цветной лом, картон, бумагу, пластиковые отходы, кожаные и текстильные отходы, стекло, телевизоры и мониторы, иные электробытовые приборы и т.д., При этом остается отсев и крупногабаритный мусор, такой как пищевые отходы, камни, кости. Необходимо также предусмотреть извлечение из КГО опасных отходов (в том числе ртутных ламп) и принципы их дальнейшей утилизации.

Оптимизация процесса переработки несортированного КГО доставляемого в бункерах на мусоросортировочный комплекс, включая значительное увеличение доли извлекаемого вторсырья, ускорение процесса переработки и применение гибких технологических решений позволяющих менять суточную производительность и концентрировать усилия на переработке отдельных технологических фракции с учетом их накопления, может значительно (на 50 % и более) увеличить рентабельность при реализации на рынке вторсырья, полученного мусоросортировочным комплексом.

В этой связи далее в статье на стадии предпроекта будет рассмотрена методология организации процесса переработки КГО на крупном региональном или городском мусоросортировочном комплексе производительностью 100–150 тысяч тонн в год.

По данной технологии мусоросортировочный комплекс разделяется на четыре производственных помещения: цех предварительной сортировки КГО; цех переработки КГО, цех дробильного и вспомогательного оборудования и специализированную автобазу.

Цех сортировки КГО. Цех (Рис. 1) представляет собой большое неотапливаемое помещение (это может быть ангар с прямоугольной формой крыши) и небольшое отапливаемое административное помещение, в котором проводится текущий операционный контроль и учет работы цеха, а также отапливаемое помещение, где рабочие могут провести плановый перерыв и отдохнуть. Также в цехе могут находиться складские по-

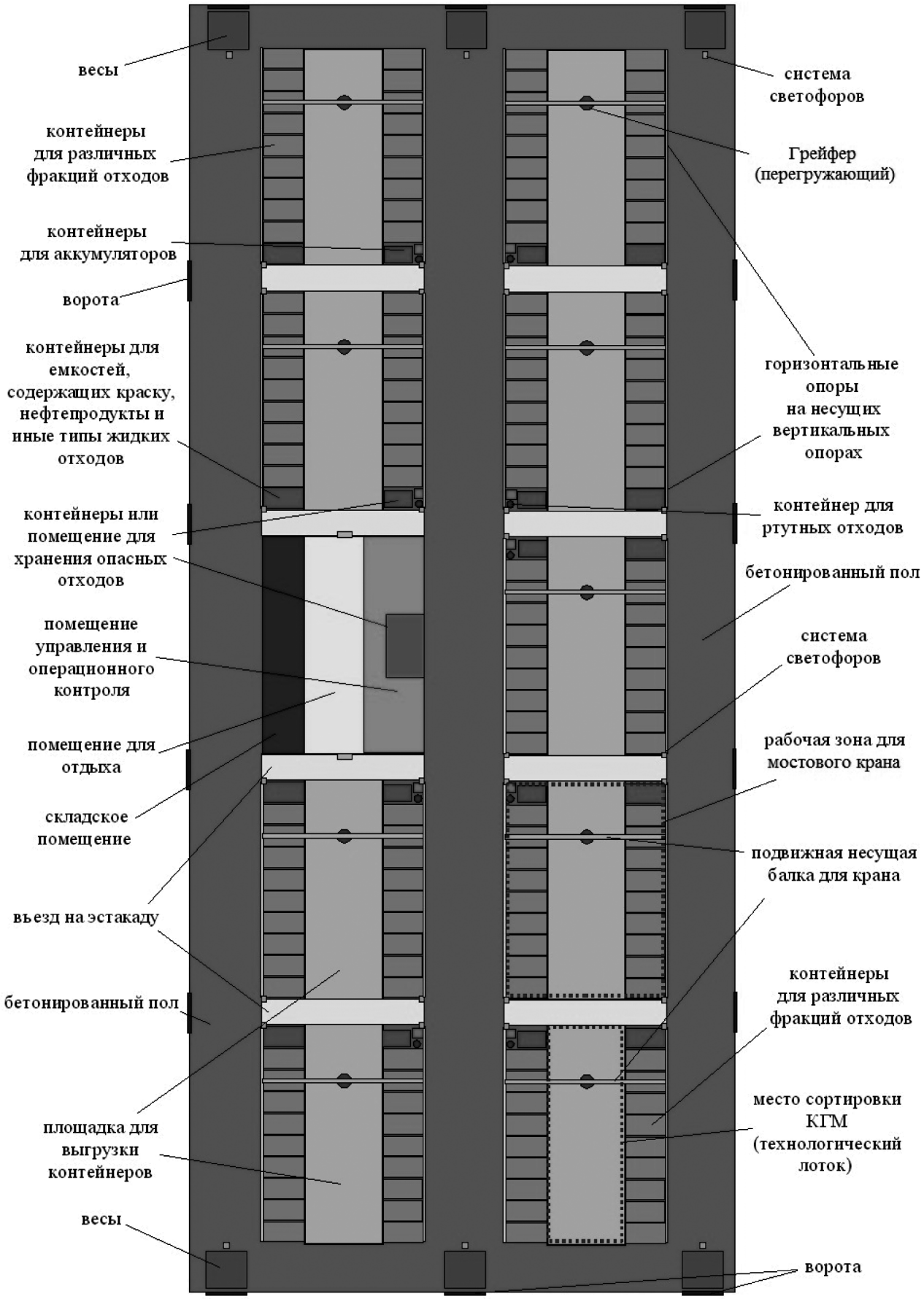

Рис. 1. Схема цеха сортировки КГО, вид сверху

мещения и контейнеры для хранения имущества, различных типов оборудования и запасных частей к нему. В цехе необходимо предусмотреть два или более въездов и выездов для контейнеровозов, которые привозят бункеры с КГО. На каждом въезде и выезде могут быть установлены весы для измерения веса контейнеровоза (соответственно с грузом и без груза), а также система оперативного управления дальнейшим движением контейнеровозов включающая автоматизированные светофоры с красным и зеленым сигналом и автоматизированную систему управления дорожным движением (АСУДД), установленную внутри мусоросортировочного комплекса и перепрофилированную под его нужды [6]. Для данных целей, например, вполне подходят дорожные контроллеры торгового дома «Мегапром» и система диспетчерского управления светофорными объектами СДУ СО «Вектор» [12, 13].

Внутри цеха на расстоянии 15,5–19,5 метров от стен помещения могут быть установлены две длинные эстакады прямоугольной формы высотой 1,5 метра с боковым въездом, с обеих сторон эстакады для грузового автотранспорта. Площадь на эстакаде, ограниченная въездными дорогами и системой светофоров, может быть обозначена как технологический лоток, или место, на котором и происходит сортировка КГО. Рекомендуемая площадь каждого технологического лотка 260 квадратных метров. Всего в цехе с учетом планируемого резерва по мощности может находиться от 5 до 9 технологических лотков. За пределами эстакады над каждым технологическим лотком могут быть размещены вертикальные опоры, высотой не менее 5 метров с закрепленными на них горизонтальными пролетными балками и рельсовыми направляющими малотоннажного мостового крана (Рис. 1).

В целях распределения отсортированных технологических фракций с двух сторон у боковой поверхности технологического лотка могут быть поставлены в ряд контейнеры, предназначенные для перевозки и хранения различных технологических фракций отходов (возможный размер контейнеров до 35 м^3), которые могут перевозиться контейнеровозами, оборудованными системой мультилифт. С учетом размеров контейнеров на бетонном полу цеха сортировки могут быть установлены (с зазором от 5 до 10 сантиметров) 18 контейнеров прямоугольной формы объемом 35 м^3 для основных технологических фракций КГО, 1 герметичный контейнер для отходов содержащих краску и нефтепродукты и 3 контейнера меньшего размера для опасных отходов, которые могут быть найдены в составе КГО.

В центральной части цеха необходимо выделить место для помещения текущего операционного контроля и учета, включающее кабину управления находящуюся на возвышении на высоте второго этажа и на высоте первого этажа помещение, конструкция и установка которого отвечает требованиям по безопасности установленным в РФ, в том числе согласно требованиям Ростехнадзора, для временного хранения найденных в процессе сортировки КГО опасных отходов. Кабина управления позволит оператору как визуально, так и с помощью мониторов, на которые в режиме реального времени транслируется информация с видеокамер, установленных в пределах каждого технологического лотка, видеть процесс сортировки во всех технологических лотках включая перемещения мостовых кранов. На мостовом кране может быть установлен двухчелюстной перегружающий грейфер для транспортировки отобранных технологических фракций КГО в контейнеры, стоящие по краям технологического лотка, Рекомендуемый объем грейфера от 2 кубометров, в качестве примера может быть приведен двухчелюстной грейфер на сайте Кировского завода «Кранкомплект» [14]. Перемещения мостовых кранов и установленных на них двухчелюстных грейферов при сортировки части крупногабаритных отходов может выполняться АСУП способной распознавать по видеоизображению крупные технологические фракции КГО и транспортировать их в контейнеры предназначенные для хранения данных фракций стоящие по краям технологического лотка, современной АСУП способной выполнять подобные операции может стать, например, цифровая платформа КАСКАД, нашедшая широкое практическое применение в промышленности [15].

Предложенные в статье размеры технологического лотка позволят одновременно сортировать до 80 м^3 КГО. Выгрузка КГО в технологических лотках может осуществляться следующим образом. Контейнеровоз привезший бункер с КГО, двигаясь в направлении, выбранном автоматически или оператором, заезжает на эстакаду и проезжает задним ходом часть лотка до разметки (нанесенной на бетонную поверхность эстакады), обозначающей в какой части лотка необходимо высыпать КГО, после того как машина выгружает КГО она уезжает прямо по указателям, согласно выбранному направлению движения. Следующая машина, которая заезжает в тот же лоток высыпает КГО далее по разметке на место, еще не занятое мусором. При этом разметка на эстакаде должна быть нанесена таким образом, чтобы привозимый КГО распределялся практически равномерно по поверхности лотка и в процессе сортировки, его можно было разложить по площади лотка, со средней высотой не превышающей 0,5 метра. Далее высыпанная лоток мусорная куча равномерно распределяется двухчелюстным грейфером по площади лотка за счет соударения движущейся на одной высоте внешней поверхности грейфера с мусорной кучей. Далее тяжелые, крупные фракции КГО могут быть автоматически отсортированы двухчелюстной грейфером под управлением АСУП, использующей компьютерное зрение и способной распознавать по видеоизображению крупные тех-

нологические фракции. Конструкция грейфера должна позволить легко захватывать тяжелый крупногабаритный мусор за боковую поверхность. На следующем этапе часть более мелких фракции КГО может быть отсортирована вручную, бригадой сортировщиков. Ковш грейфера в закрытом состоянии представляет из себя закрытую у основания емкость, в которую через верхнюю часть ковша можно засыпать КГО средней тяжести, ориентировочно менее 30 кг. При ручной сортировке мостовой кран и двухчелюстной грейфер могут быть переведены на ручное управление закрытый грейфер ставится на пол технологического лотка и туда руками закидываются отходы по одной из технологических фракций и далее при наполнении грейфера транспортируются и высыпаются в контейнер, предназначенный для хранения данной фракции отходов. Далее рабочие сортировщики уходят и оставшаяся малоразмерная часть отходов (пищевые отходы порубочные остатки, мелкий мусор) в автоматическом режиме перегружаются грейфером в отдельные контейнеры возле технологического лотка. Для обеспечения безопасной работы в цехе могут быть установлены автоматизированные датчики определяющие, появление паров ртути и иных опасных отходов, повышенной радиации. При этом, если на любой стадии сортировки в процессе работы будут обнаружены опасные отходы типа разбитых ртутных ламп или выявлены опасные пары ртути, работа крана манипулятора и рабочих временно прекращается и вызывается выездная служба, которая проводит демеркуризацию данных отходов. Если лампы не повреждены они транспортируются в помещение для временного хранения опасных отходов откуда забираются на специализированный завод по переработке ртутных отходов.

Каждый контейнер стоящий у технологического лотка в автоматическом режиме или в ручную может равномерно загружаться строго определенными фракциями КГО: 1-й контейнер — бытовой и офисной техникой в которой находятся хладагенты холодильники, кондиционеры и т.д.; 2-й контейнер — древесными отходами; 3-й контейнер — древесными отходами с содержанием металлов (гвоздей, скоб и др.); 4-й — отходами мягкой мебели; 5-й — отходами в виде шкафов и остальной мебели, композитными материалами из дерева; 6-й — оставшейся крупной бытовой и офисной техникой (стиральные и посудомоечные машины, копиры, плотеры и т.д.) и ломом черных и цветных металлов; 7-й — бытовой и офисной техникой средних размеров; 8-й — бумажные отходы; 9-й — картон; 10-й — полимерные материалы и пластмассы; 11-й — керамика, фаянс; 12-й — кожаными и текстильными отходами, резиной; 13–15-й контейнеры могут быть загружены малоразмерными видами отходов, перерабатываемых на полигонах ТКО, включая пищевые отходы, порубочные остатки, мелкий мусор; 16-й — не перерабатываемой крупногабаритной фракцией (в том числе камнями, костями, листьями деревьев и т.д.), 17-й — электро- и газовыми плитами, частями промышленного оборудования иными частями техники; 18-й — колесами проводами и иными материалами с большим содержанием резины; 19-й — лакокрасочными отходами (банки с краской и т.д.) и нефтесодержащими отходами (емкости и канистры с маслами и т.д.) 20-й — аккумуляторами; 21-й — ртутными отходами; 22-й — для иных видов опасных отходов. Оставшаяся в процессе сортировки грязь и фильтрат может быть смыта поливомоечной машиной, где далее жидкие фильтрат и грязь, через систему стоков попадают в систему очистки, с разделением на технологическую воду, годную для повторного использования и полужидкий фильтрат, утилизируемый на полях фильтрации или иным способом. Ожидаемое время, которое будет затрачено на сортировку 5 тонн КГО в технологическом лотке менее 2 часов (в зависимости от эффективности сортировки и фракционного состава отходов). Таким образом при плановой работе цеха в одну, две или три смены цех сможет перерабатывать в 9 технологических лотках от 50 до 150 тысяч тонн отходов в год.

Цех переработки КГО. Цех (Рис. 2) состоит из отапливаемого помещения или ангара с системой очистки и регулируемой влажностью воздуха, который включает в себя зал, где происходит переработка КГО и зал (складское помещение), где в контейнерах хранятся подготовленные к дополнительной сортировке и переработке технологические фракции КГО, а извлеченное из КГО ценное, сырье. В цехе переработки КГО, также рекомендуется установить современную АСУП, например на базе платформы КАСКАД 4.0 [15]. Зал, где происходит переработка КГО состоит из складского помещения, эстакады (на которой происходит дополнительная сортировка отходов, привезенных из цеха сортировки) и линии переработки КГО. Переработка происходит следующим образом, определяется фракция КГО, отобранная в цехе сортировки, например холодильники и кондиционеры или мягкая мебель с достаточно большим объемом накопления, позволяющим вести длительную переработку данной фракции отходов. Далее выбранная фракция отходов вывозится из складского помещения, где она хранится на эстакаду, где происходит ее дальнейшая сортировка. Сортировка отдельных фракций КГО происходит по той же схеме что и в цехе сортировки. Линия переработки работает следующим образом, отходы из цеха сортировки доставляются контейнеровозом и выгружаются на площадку. Далее происходит их дополнительная сортировка по контейнерам с отдельными видами отходов. Например, разделение крупной бытовой и офисной техникой на отдельные более мелкие фракции, состоящие из холодильников, телевизоров, плоттеров и принтеров, и других элементов бытовой техники, и аналогично разделение мебели и древесных материалов на отдельные фракции, состоящие из шкафов, диванов, древесных стройматериалов и так далее.

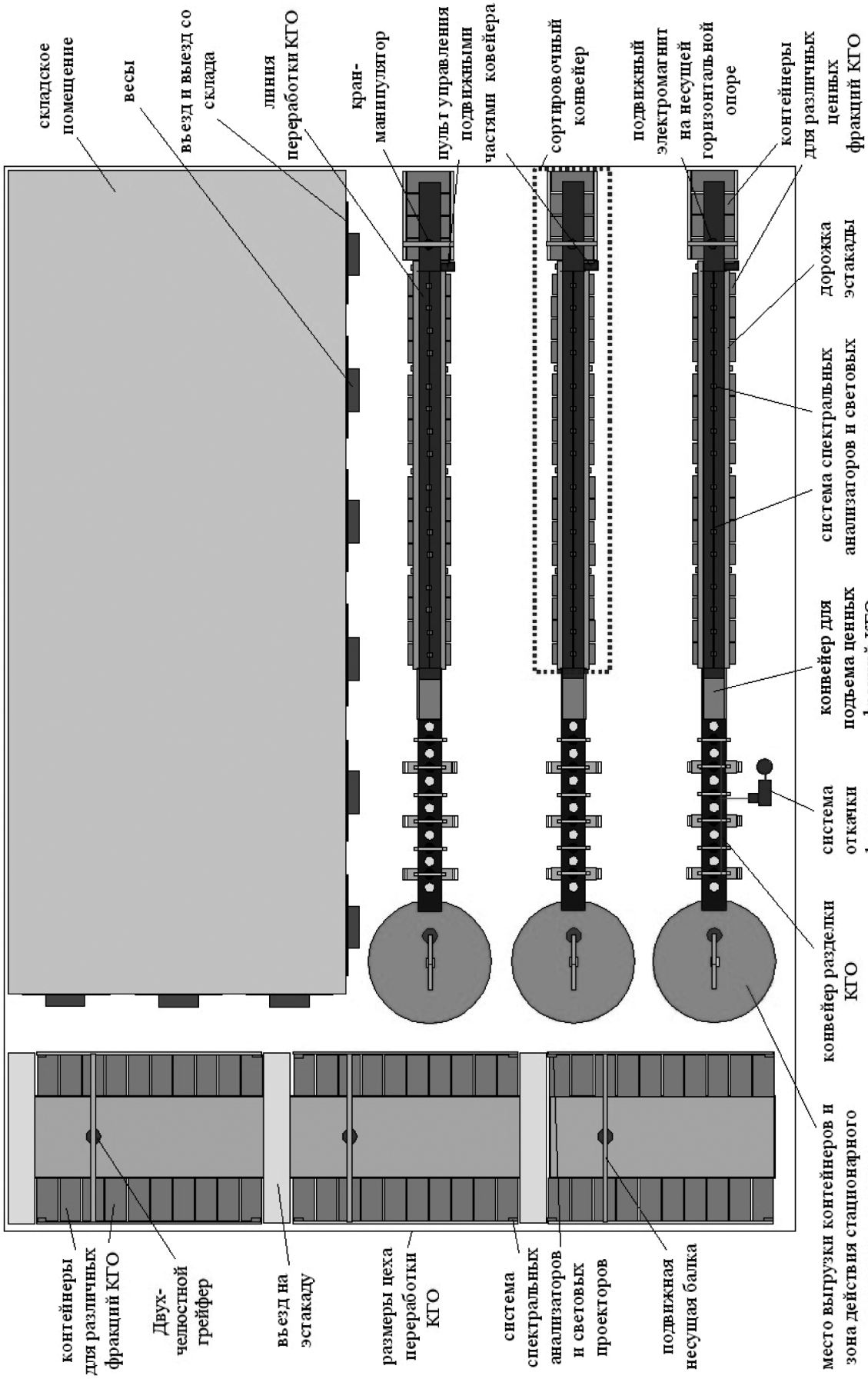

Рис. 2. Схема цеха переработки КГО, вид сверху

После сортировки и заполнения контейнеров, контейнеры с простыми отходами (например отходы, картона, древесины, пластиковых бутылок и так далее) загружаться в контейнеровозы отправляются в цех дробильного и вспомогательного оборудования, а более сложные фракции (телевизоры, холодильники, принтеры и так далее) выгружаются контейнеровозом прямо в контейнере на площадке круглой формы перед конвейером разделки отходов. Далее крупногабаритные отходы, лежащие в контейнере, оператором или в автоматическом режиме поочередно захватываются стационарным краном манипулятором установленном в центре площадки и ставятся на подвижный конвейер в положении удобном для их дальнейшей разделки (Рис. 3). При этом конвейер разделки перенастраивается на переработку выбранных технологических фракций по мере их накопления, например, первая неделя разборка холодильников, вторая неделя разборка телевизоров, третья неделя разборка мебели и так далее.

Рис. 3. Стационарный кран манипулятор

Конвейер может быть собран на металлической секционной основе и оборудован горизонтальным электрическим прижимным механизмом, который будет жестко фиксировать отходы при их разделке. Таким образом отходы (например холодильники или кондиционеры) могут быть с равными промежутками друг от друга выложены на конвейер краном манипулятором, с остановкой конвейера в специально оборудованных местах, где и происходит их разделка, и извлекаются материалы, которые удобно отделить до дробления, или прессования, например металл, пластик, резиновые прокладки, стекло и т.д. Для разделки бытовой и промышленной техники может быть предусмотрена система вертикальных электроподъемников, на которых становится рабочий (с возможностью подъема до 1,5 метров) или система стационарных площадок с лесенками, а также система питателей вдоль всей линии конвейера, к которым подключены электродрели и устройства электромеханической резки, а также устройства удаления грязи, стружки и опилок с поверхности конвейера разделки (работающее по принципу пылесоса). Рабочий с соблюдением правил безопасности, также может откачивать в специальную емкость фреон из холодильников. Вдоль конвейера разделки также могут быть установлены дополнительные контейнеры объемом от 0,2 до 1 м^3, для нетиповых отходов (например, малых электромоторов), опасных отходов (например ртутных лампочек), малых предметов (например пластиковых элементов освещения ксерокса или холодильника), а также для сбора ценных фракций суммарный объем образования которых в процессе разделки многократно уступает объему образования основного сырья (металла, пластика, резины, стекла, дерева). Сортировочный конвейер может быть расположен на металлических опорах на уровне 3 метров над основным уровнем площадки. Под конвейером могут быть размещены контейнеры, предназначенные для пофракционного сбора ценного вторсырья.

После операции разделки сортировка разделенных крупных фракций вторсырья может происходить в автоматическом режиме с использованием электромагнита, грейфера или поворотных направляющих сбрасывающих КГО с движущейся ленты конвейера в мусоросборник и далее по наклонной трубе строительного мусоросброса вниз контейнеры, расположенные под конвейерной лентой [17]. Информация о качественном фракционном составе отходов может выводиться в режиме реального времени на мониторы операторам, которые сортируют мусор (то есть на картинку движущихся по сортировочному конвейеру материалов будет накладываться картинка с информацией о их составе, и цветовая градуировка в зависимости от сортируемых фракций). Таким образом на сортировочном конвейере может одномоментно сортироваться пять и более типов пластиков, металлов, резин, стекол и других материалов, распределяемых по контейнерам, содержащим отдельные виды вторсырья. Размеры цеха переработки КГО могут составлять от 1,15 до 0,4 Га и зависят от количества линий по переработке КГО, размеров складских помещений и эстакады, на которой происходит дополнительная сортировка фракций КГО.

Цех дробильного и вспомогательного оборудования. Цех может включать в себя линию крупнокускового дробления (в шредере) и линию мелкодисперсного измельчения и сепарации ценного вторичного сырья (в виде цветных и благородных металлов, пластика и резины), линию газовой резки, для быстрой разделки

отходов, включающих металлические листы толщиной больше нескольких миллиметров (то, что не сможет раздробить шредер). Также в цехе могут быть установлена линия прессования макулатуры, магнитные сепараторы выделяющие цветные и благородные металлы из проводов и электросхем и линии плавления включающие электропечи (разделяющие мелкодробленые куски металлов путем плавления, выделения в жидком виде, охлаждения и формообразования чистых слитков) и дополнительное оборудование, по упаковке вторсырья. Отсортированные по фракциям отходы доставляются в цех контейнеровозами и выгружаются на площадке перед линиями крупнокускового дробления, измельчения и сепарации, газовой резки или прессования. Далее отходы с помощью крана манипулятора или грейфера в автоматизированном режиме или с помощью оператора загружаются в приемные бункеры подающие отходы на линии крупнокускового дробления, измельчения и сепарации, газовой резки или прессования. После переработки отходов в цехе дробильного и вспомогательного оборудования, может быть получено упакованное или измельченное и засыпанное в контейнеры ценное вторсырье. Общие размеры цеха дробильного и вспомогательного оборудования могут составлять 0,1–0,3 Га (в зависимости от объемов переработки). В целом, в цехе дробильного и вспомогательного оборудования могут быть реализованы несколько десятков типовых режимов переработки отходов и получения вторсырья, заслуживающих отдельной большой статьи, в этой связи режим работы цеха, к сожалению, изложен нами достаточно кратко.

Специализированная автобаза. Специализированная автобаза может включать ангар с площадкой для стоянки нескольких десятков контейнеровозов и иных специализированных машин и площадкой по ремонту машин, в том числе ход-развалом и ремонтной мастерской. На автобазе могут быть размещены грузовые машины с системой мультилифт, поливомоечные машины для работы в рамках территории предприятия и илососная машина для откачки фильтрата и грязной воды из стоковой очистной системы цеха сортировки.

В заключении можно отметить следующее. Рассмотренные в статье перспективные методы организации и автоматизации технологических процессов позволят существенно, в ряде случаев кратно ускорить и удешевить процесс переработки КГО на крупных мусоросортировочных комплексах. Помимо увеличения объемов извлекаемого из КГО вторсырья важной особенностью предлагаемых организационных решений является возможность быстрой переориентации производственных мощностей на переработку различных фракций КГО с учетом их накопления. Так мусоросортировочный комплекс может быть, на время, полностью переключен на переработку не пригодного к эксплуатации автотранспорта в рамках действующих региональных программ по утилизации автомобилей, или на переработку утилизируемой крупной бытовой техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами: Постановление Правительства Российской Федерации от 7 марта 2025 г. № 293 // Гарант.ру: сайт. URL: //https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411563191/ (дата обращения: 04.10.2025).
2. Rfid-scan. Официальный поставщик RFID оборудования: сайт. / URL: https://rfid-scan.ru/ (дата обращения: 04.10.2025).
3. 1С: ERP Управление предприятием: сайт. / URL: https://v8.1c.ru/erp/ (дата обращения: 04.10.2025).
4. Группа компаний Форс: сайт. / URL: https://www.fors.ru/company/ (дата обращения: 04.10.2025).
5. Гольфстрим. Российское инженерное ПО. Аскон: сайт. / URL: https://ascon.ru/products/gulfstream/ (дата обращения: 04.10.2025).
6. Светофоры и комплектующие. Альфа Жат: сайт. / URL: https://alfazhat.ru/catalog/svetofory-i-komplektuyushchie/ (дата обращения: 04.10.2025).
7. Каталог технических и технологических решений для проектирования мусороперерабатывающих предприятий. Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет: сайт. / URL: https://pstu.ru/files/file/adm/fakultety/katalog_tehnicheskih_i_tehnologicheskih_resheniy_dlya_proektirovaniya_musoroperabatyvayuschih_predpriyatiy(1).pdf (дата обращения: 04.10.2025).
8. Мусоросортировочные предприятия. Отраслевой портал Отходы Ру: сайт. / URL: https://www.waste.ru/modules/section/item.php?itemid=80 (дата обращения: 04.10.2025).
9. Сортировка отходов. Хусманн Рус.: сайт. / URL: https://husmann.su/musorosortirovochnye-kompleksy/ (дата обращения: 04.10.2025).
10. Мусоросортировочная станция: типы и принципы работы. Нетмус: сайт. / URL: https://netmus.ru/press-center/articles/musorosortirovochnaya-stanciya-tipy-i-principy-raboty/ (дата обращения: 04.10.2025).
11. MUT Green Technology: сайт. / URL: mut-gt.at›en/ https://www.mut-gt.at/en/ (дата обращения: 04.10.2025).
12. Система диспетчерского управления светофорными объектами СДУ СО «Вектор». Электромеханика: сайт. / URL: https://www.elmeh.ru/catalog/traffic-control-system/dispatch-control-system-traffic-lights-vektor (дата обращения: 04.10.2025).
13. Дорожные контроллеры. Торговый дом «Мегапром»: сайт. / URL: https://tdmegaprom.ru/subgroup/dorozhnye-kontrollery.html/ (дата обращения: 04.10.2025).
14. Грейфер грузоподъемный. Кировский завод «Кранкомплект»: сайт. / URL: https://zipkran.ru/catalog/oborudovanie-gruzopodyemnoe/greyfer/ (дата обращения: 04.10.2025).
15. КАСКАД 4.0. СибКом Цифра: сайт. / URL: https://sdigital.ru/ (дата обращения: 04.10.2025).
16. Оптические сепараторы Сортика производства ООО «ЭРГА»: Современные технологии переработки отходов: сайт. / URL: https://erga.ru/publication/opticheskie-separatory-sortika-proizvodstva-ooo-erga-sovremennye-tekhnologii-pererabotki-otkhodov/ (дата обращения: 04.10.2025).
17. Секция мусоросброса вид оборудования. Микмонт: сайт. / URL: https://www.mikmont.ru/catalog/musoroprovod/oborudovanie1/stroitelnyij-musorosbros1/prop_2_349_344_343/?yclid=4663525779488899071 (дата обращения: 04.10.2025).

© Мартынов Дмитрий Юрьевич (d.martynov@agz.50.mchs.gov.ru); Чечеткина Нина Владимировна (n.chechetkina@agz.50.mchs.gov.ru); Усманова Регина Равильевна (r.usmanova@agz.50.mchs.gov.ru); Брижанин Владимир Владимирович (brizhanin.vv@rea.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.29

АНАЛИЗ ВАРИОГРАММ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ МОДУЛЯ ДЕФОРМАЦИИ НЕОДНОРОДНОЙ ПОЧВЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ ЗОНДИРОВАНИЯ CPT

ANALYSIS OF VARIOGRAMS OF SPATIAL VARIABILITY OF THE DEFORMATION MODULUS OF HETEROGENEOUS SOIL USING CPT SENSING DATA

Nune Tigabu Abera

Summary. Estimating the variability of the soil deformation modulus (E) based on cone penetration test (CPT) data requires a multi-step process that goes beyond simply calculating the average E value for each soil layer. The modulus of deformation, a key indicator of soil stiffness and deformation characteristics, estimated by empirical correlations with CPT measurements, is depth-stratified to account for soil heterogeneity. For areas with the expected high heterogeneity, a denser grid is required. The variogram analyzes the spatial correlation structure of E values. It displays the half-dispersion as a function of the distance between the measurement points. The variograms of cone resistance (θ) qc and sleeve friction (θ) were calculated at various depths, revealing the specific effects of nuggets and ranges indicating the correlation of these properties in different soil layers.

Keywords: Strain modulus, variograms, model fitting results, CPT data.

Нунэ Тигабу Абера
аспирант, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
tigabera2004@gmail.com

Аннотация. Оценка изменчивости модуля деформации почвы (E) на основе данных испытания на проникновение конуса (CPT) требует многоэтапного процесса, который выходит за рамки простого расчета среднего значения E для каждого слоя почвы. Модуль деформации, ключевой показатель жёсткости и деформационных характеристик грунта, оцениваемый посредством эмпирических корреляций с измерениями CPT, стратифицирован по глубине для учёта неоднородности грунта. Для участков с ожидаемой высокой неоднородностью требуется более плотная сетка. Вариограмма анализирует пространственную корреляционную структуру значений E. Она отображает полудисперсию как функцию расстояния между точками измерения. Вариограммы сопротивления конуса (θ) *qc* и трения втулки (θ) были рассчитаны на различных глубинах, выявляя специфические эффекты самородков и диапазоны, указывающие на корреляцию этих свойств в различных слоях грунта.

Ключевые слова: модуль деформации, вариограммы, результаты подгонки модели, данные CPT.

Введение

Геостатистический анализ является мощным инструментом для оценки пространственной изменчивости свойств грунта, включая модуль деформации (*E*). Оценка модуля деформации грунта с использованием данных испытания на зондирование конусом (CPT) является критическим аспектом геотехнической инженерии, в частности для оценки поведения грунта под нагрузкой. Оценка изменчивости модуля деформации грунта (*Es*) с использованием данных зондирования конусом (CPT) включает анализ пространственной и глубинной неоднородности Es на основе измерений CPT. Модуль деформации является ключевым параметром в геотехнической инженерии, влияющим на осадку и проектирование фундамента. Данные CPT, которые включают сопротивление конуса (*qc*), трение втулки (*fs*) и поровое давление (*u*), могут быть использованы для оценки *Es* и его изменчивости.

Экспоненциальная модель вариограммы характеризует пространственную корреляцию свойств грунта, позволяя точнее прогнозировать его поведение на основе данных CPT. Модель повышает точность оценки таких параметров, как модуль сдвига при малых деформациях и модуль деформации [9]. Модель позволяет улучшить калибровку корреляций CPT, особенно в неоднородных почвенных условиях, что приводит к более надежным оценкам характеристик жесткости и деформации почвы [5].

Вариограмма анализирует пространственную корреляционную структуру значений *E*. Она отображает полудисперсию (половину среднего квадрата разности значений *E*) как функцию расстояния между точками измерения. Форма и параметры вариограммы (размах, порог и самородок) описывают пространственную зависимость модуля [3]. Эффект самородка описывает ожидаемую разницу между образцами, когда разделительное расстояние практически равно нулю и может быть вызвано мелкомасштабной изменчивостью или ошибками в данных. Общий порог представляет общую изменчивость, присущую данным, и эквивалентен общей дисперсии данных, а диапазон — расстояние, на котором данные больше не коррелируют.

Степень согласия между каждой парой методов оценивалась с помощью коэффициента сопряженности [4]. Для его вычисления использовалась перекрестная таблица между почвенными профилями, классифицированными парой методов, как для таблицы сопряженности. Пусть таблица почвенных профилей между методом A и методом B называется матрицей X, с элементами Xij, где есть $i = 1,2,\ldots,n$ классы из метода B (строки таблицы) и $j = 1,2,\ldots,m$ классы из метода A (столбцы таблицы). Частичные суммы X определяются как Xir для суммы i-й строки, Xjc для суммы столбца jth, Xrc для общего итога, суммированного по строкам и столбцам. Если два метода независимы друг от друга, без корреляции между ними, то ожидаемый перекрывающийся класс определяется произведением частных сумм, деленных на общий итог. Таким образом, ожидаемое количество профилей Xij * для ith строки и jth столбца равно

$$Xij^{*} = \frac{Xir}{Xrc} * Xjc \quad (1)$$

Тогда статистика хи-квадрат определяется как:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^{n}\sum_{j=1}^{m}\frac{\left(Xij - Xij^{*}\right)^2}{Xij^{*}} = \sum_{i=1}^{n}\sum_{j=1}^{m}\frac{\left(XijXrc - XirXjc\right)^2}{XirXjc} \quad (2)$$

Соответствует знакомому (наблюдаемому-ожидаемому) ^{2}/ ожидаемое выражение, нижняя граница которого равна нулю при полном соответствии между двумя методами. По мере того, как наблюдаемое число случаев всё больше отличается от ожидаемых значений, основанных на маргинальных суммах, значение хи-квадрат увеличивается. Одним из часто используемых коэффициентов ассоциации, основанных на значениях хи-квадрат, является коэффициент сопряженности D, который определяется как:

$$D = \sqrt{\frac{\chi^2}{\chi^2 + Xrc}} \quad (3)$$

Величина D не зависит от единиц измерения и варьируется от нуля (что указывает на отсутствие корреляции) до максимального значения меньше единицы (что свидетельствует о сильной корреляции).

2. Вариограммы: Вариограмма и её нормализованная форма, ковариограмма, являются, безусловно, наиболее интуитивными методами описания структуры пространственных зависимостей в ковариационном стационарном процессе. Однако с точки зрения оценки такие функции представляют определённые трудности. Поэтому удобно ввести тесно связанную функцию, известную как вариограмма, которая широко используется для оценки.

Для подгонки эмпирической вариограммы (рассчитанной на основе данных) и подбора к ней теоретической модели вариограммы (например, сферической, экспоненциальной, гауссовой и т. д.) обычно использовались различные математические модели. Эта модель имеет решающее значение для геостатистической интерполяции.

Экспоненциальная модель: Она эффективно моделирует пространственную непрерывность геологических свойств, позволяя точно прогнозировать неизмеренные местоположения [7]. Хотя модель является гладкой в смысле непрерывной дифференцируемости, она неявно предполагает, что корреляции равны нулю на всех достаточно больших расстояниях. Они помогают оценить пространственную ковариацию, способствуя точному прогнозированию свойств почвы и улучшая геологическое моделирование посредством эффективного пространственного анализа. Однако в некоторых случаях может быть более уместно предположить, что, хотя корреляции могут становиться произвольно малыми на больших расстояниях, они никогда не исчезают. Простейшей моделью с этим свойством является экспоненциальная вариограмма, определяемая для всех $h > 0$ следующим образом:

$$\gamma\left(h,a,s,c\right) = \begin{cases} c_0, h = 0 \\ c_0 + \left(s - c\right)\left(1 - e^{\frac{-3h}{a}}\right), h > 0 \end{cases} \quad (4)$$

С соответствующей экспоненциальной ковариограммой, определяемой для всех $h \geq 0$ как,

$$C\left(h,a,s,c\right) = \begin{cases} s, h = 0 \\ \left(s - c\right)\left(e^{\frac{-3h}{a}}\right), h > 0 \end{cases} \quad (5)$$

Вместе пара вариограмма-ковариограмма обозначается как экспоненциальная модель.

Результаты показывают, что экспоненциальная модель эффективно отражает пространственную изменчивость модуля деформации, демонстрируя хорошее соответствие наблюдаемым данным. Модель выявила тенденцию к снижению изменчивости с увеличением лага, что согласуется с внутренней пространственной корреляцией свойств почвы. Кроме того, анализ выявил вариации модуля деформации с глубиной, отражающие влияние слоистости и стратификации почвы. Высокие $R^2 \geq 0.6$значения для каждого из данных, полученные в процессе подгонки модели, подтверждают надёжность экспоненциальной вариограммы в представлении пространственного распределения модуля деформации.

Гауссовская модель: Гауссова модель применяется к выборкам, которые характеризуются высокой непрерывностью. Она похожа на экспоненциальную модель. Однако гауссова модель начинается с параболической кривой, имеющей точку перегиба. Формула экспоненциальной модели:

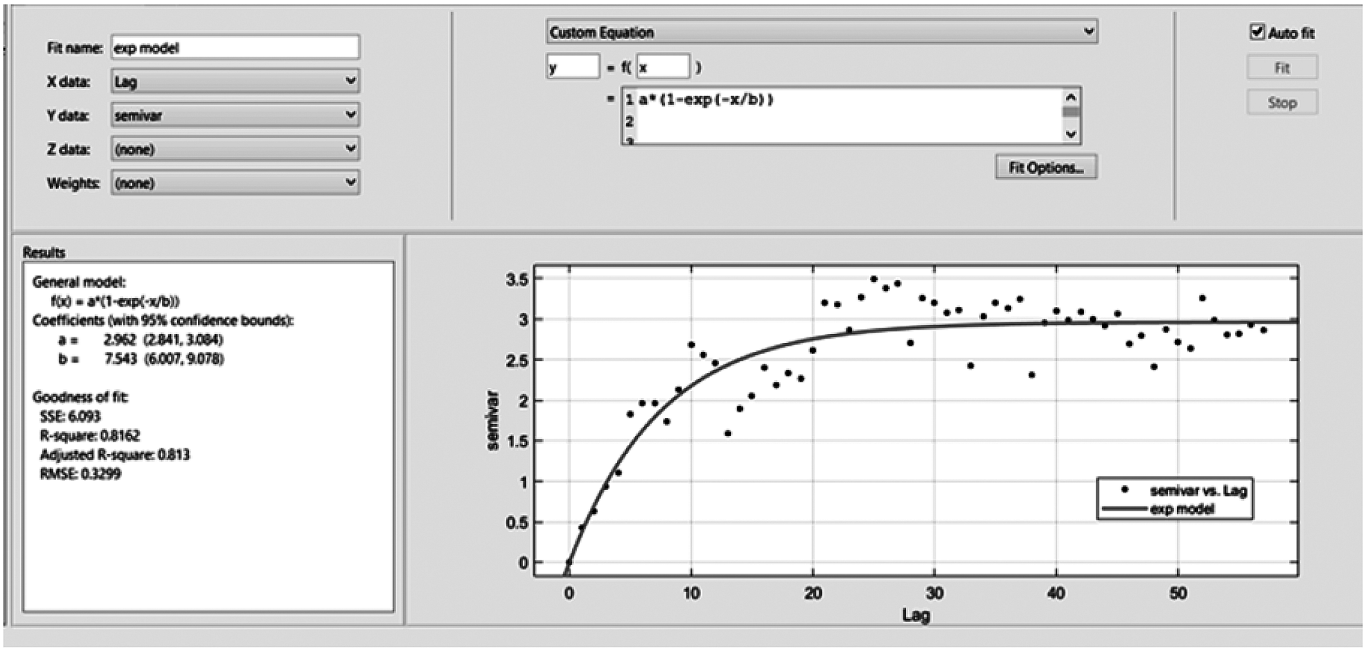

Рис. 1. Модель вариограммы, соответствующая экспоненциальному моделированию на глубине 1661 мм

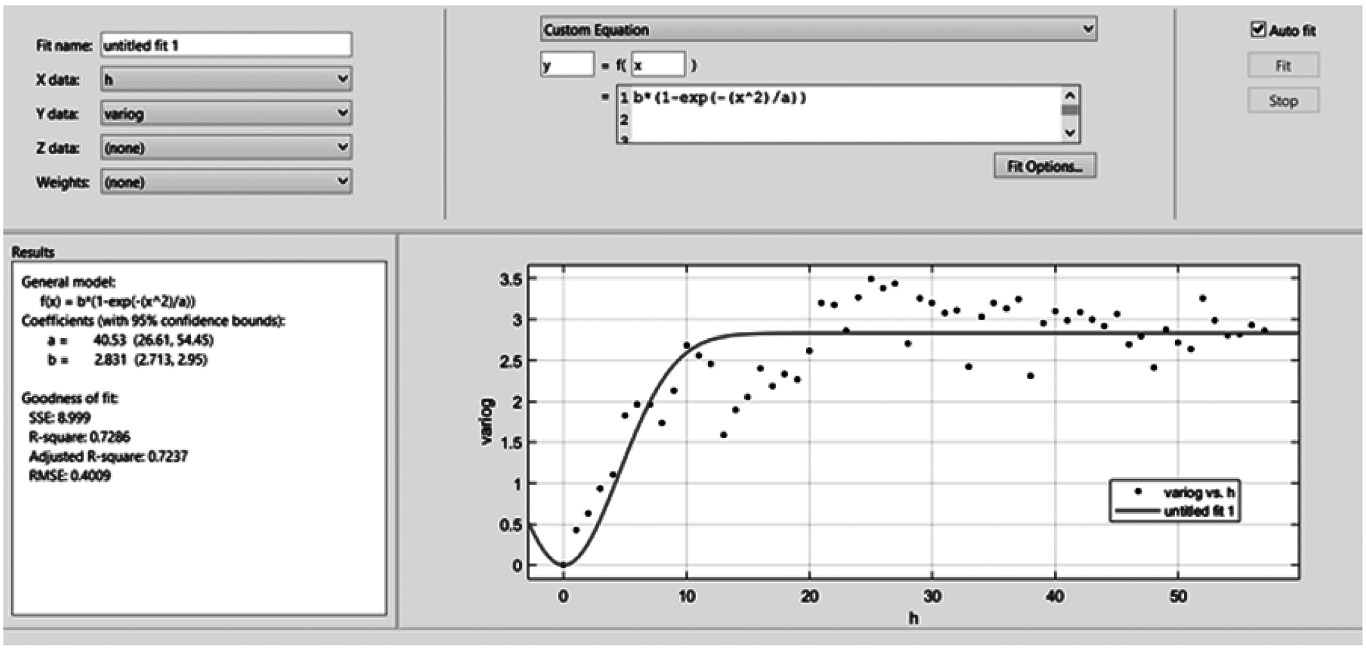

Рис. 2. Модель вариограммы, соответствующая экспоненциальному моделированию на глубине 2214 мм

$$\gamma(h) = \begin{cases} 0, h = 0 \\ c_0 + c[1 - exp\left(-\left(\frac{h}{a}\right)^2\right), h > 0 \end{cases} \quad (6)$$

Параметры *a*: Диапазон (расстояние, на котором полудисперсия достигает 0,95*c) — плавно возрастающая функция, подобная экспоненциальной, но с более крутым начальным ростом и более быстрым приближением к пороговому значению. Пригодность для модуля грунта: Подходит, когда эмпирическая вариограмма показывает очень быстрый начальный рост полудисперсии, а затем постепенно приближается к пороговому значению. Это может указывать на сильную корреляцию на коротких дистанциях и более слабую корреляцию на длинных дистанциях.

Оценка параметров (c_0, c, a) может быть более сложной задачей по сравнению с более простыми моделями. Часто требуются методы надёжной подгонки. Подводя итог, можно сказать, что косинусно-экспоненциальная модель является ценным инструментом геостатистического анализа при работе с пространственными данными, демонстрирующими периодические или сложные корреляционные закономерности. Однако тщательная

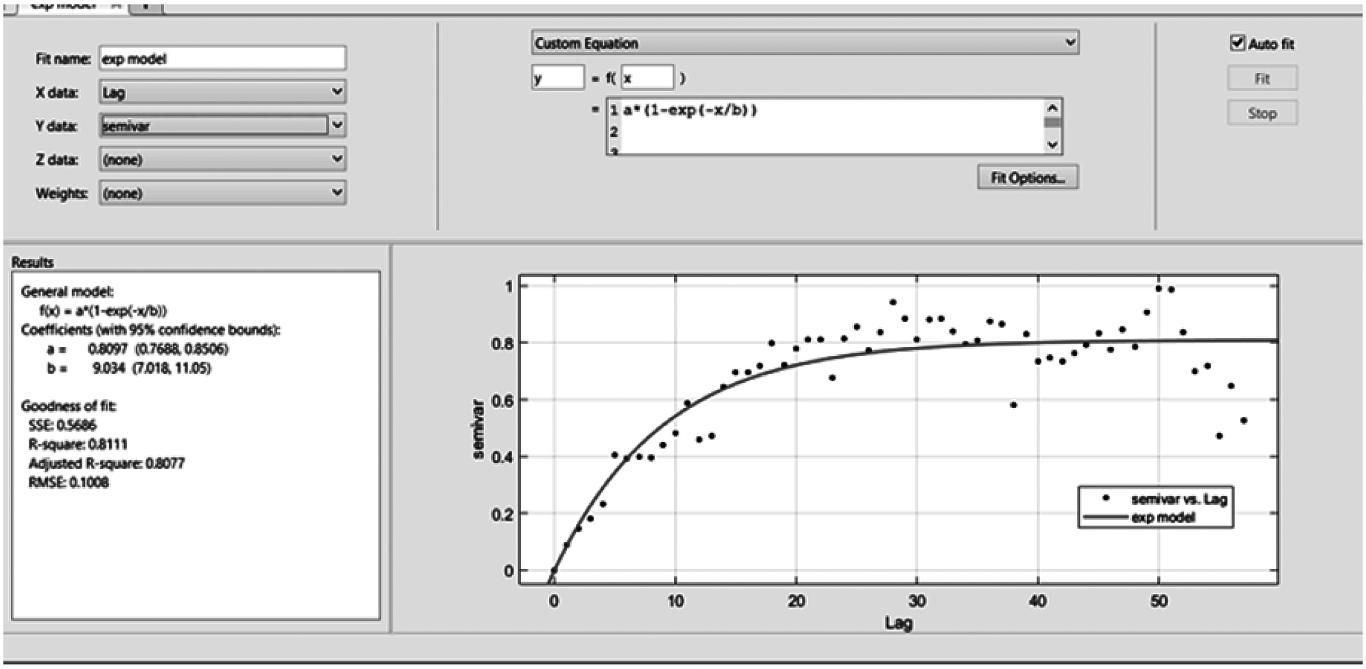

Рис. 3 Подгонка модели вариограммы. Экспоненциальное моделирование. глубина 2817 мм

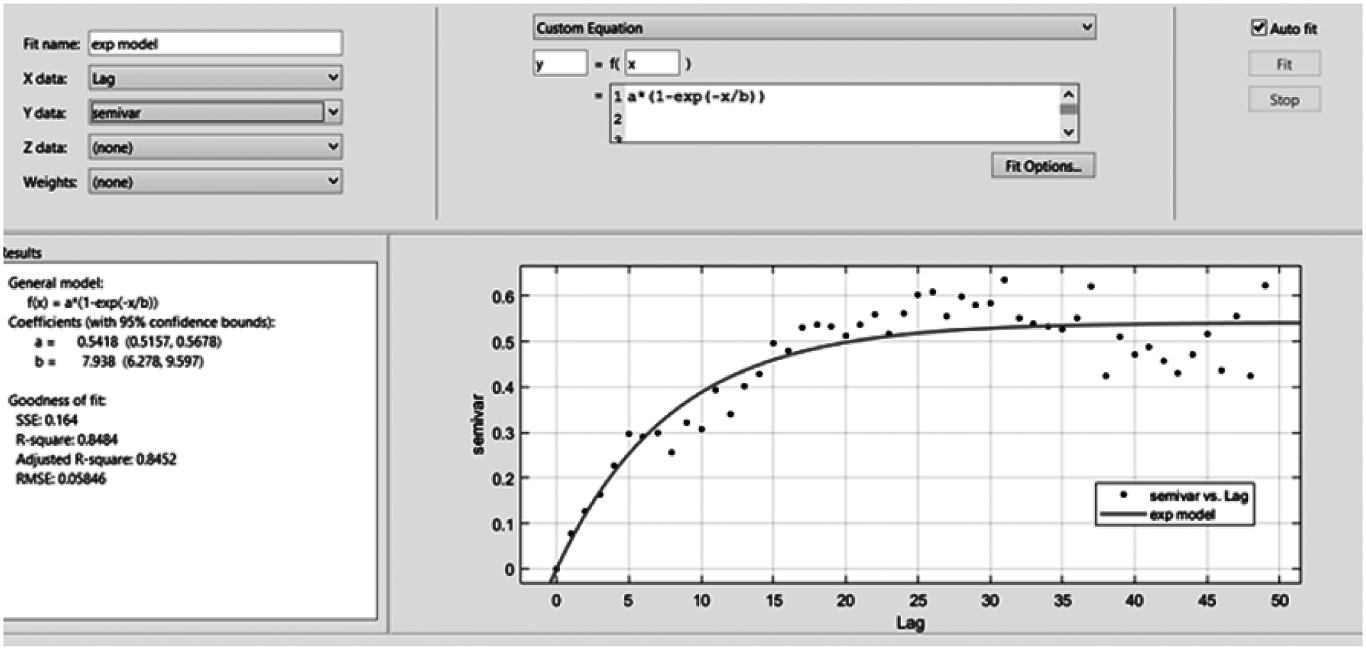

Рис. 4. Подгонка модели вариограммы. Экспоненциальная глубина моделирования 3112 мм

оценка параметров и валидация модели имеют решающее значение для предотвращения потенциальных ошибок. Важно визуально оценить соответствие модели эмпирической вариограмме и использовать соответствующие статистические показатели для оценки её соответствия.

Параметры модели: Самородок (c0): **0,001**, Силл-Самородок (c): **1,640**, Диапазон (a): **40,000**. На графике (см. рис. 6) показаны три различные модели вариограмм, подобранные к экспериментальной вариограмме: Сферическая модель (светло-серая линия) показывает линейное поведение на коротких расстояниях и плато на пороге. Экспоненциальная модель (черная линия) приближается к порогу асимптотически; Гауссова модель (серая линия) показывает параболическое поведение вблизи начала координат, экспериментальные точки вариограммы (черные точки) предполагают, что существует пространственная корреляция в измерениях qc1 по отношению к глубине. Относительно небольшой эффект самородка (c_0) указывает на низкую погрешность измерения или микромасштабную вариацию. Параметр диапазона (a), равный около 40 мм, предполагает, что об-

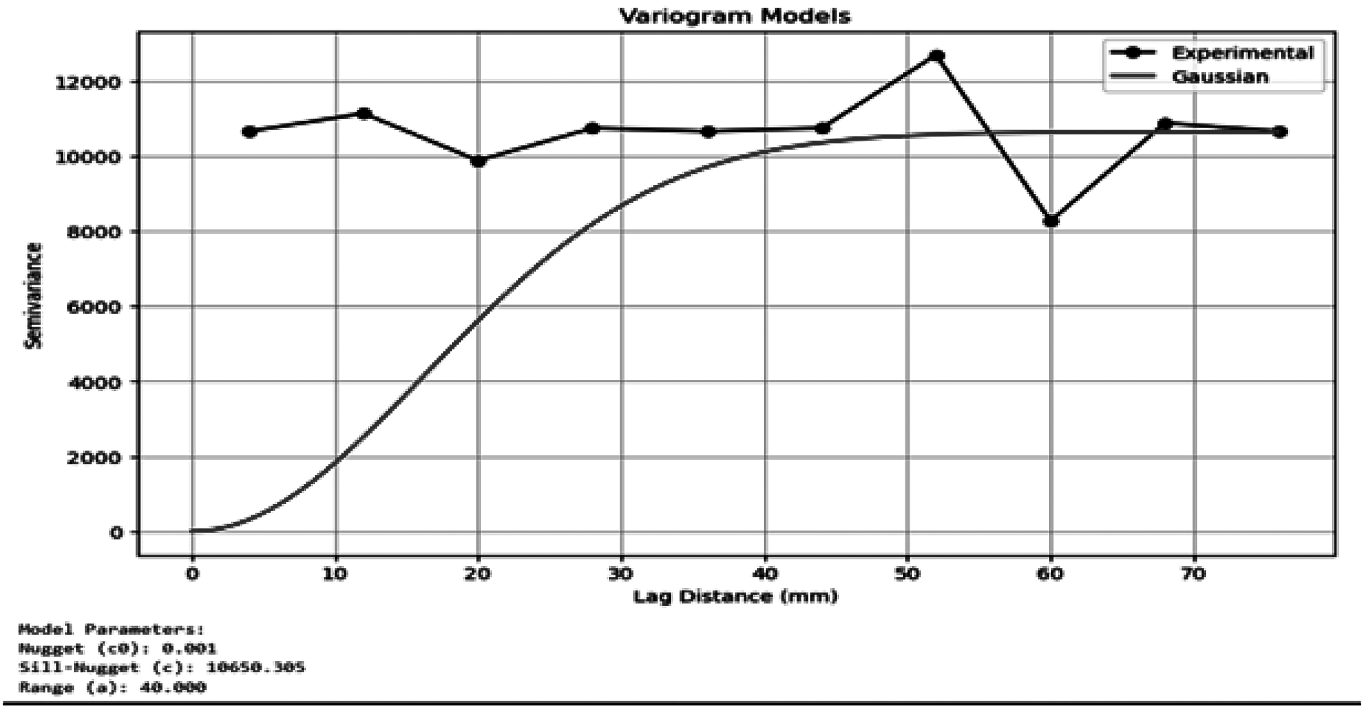

Рис. 5. Модель вариограммы, соответствующая гауссовой модели

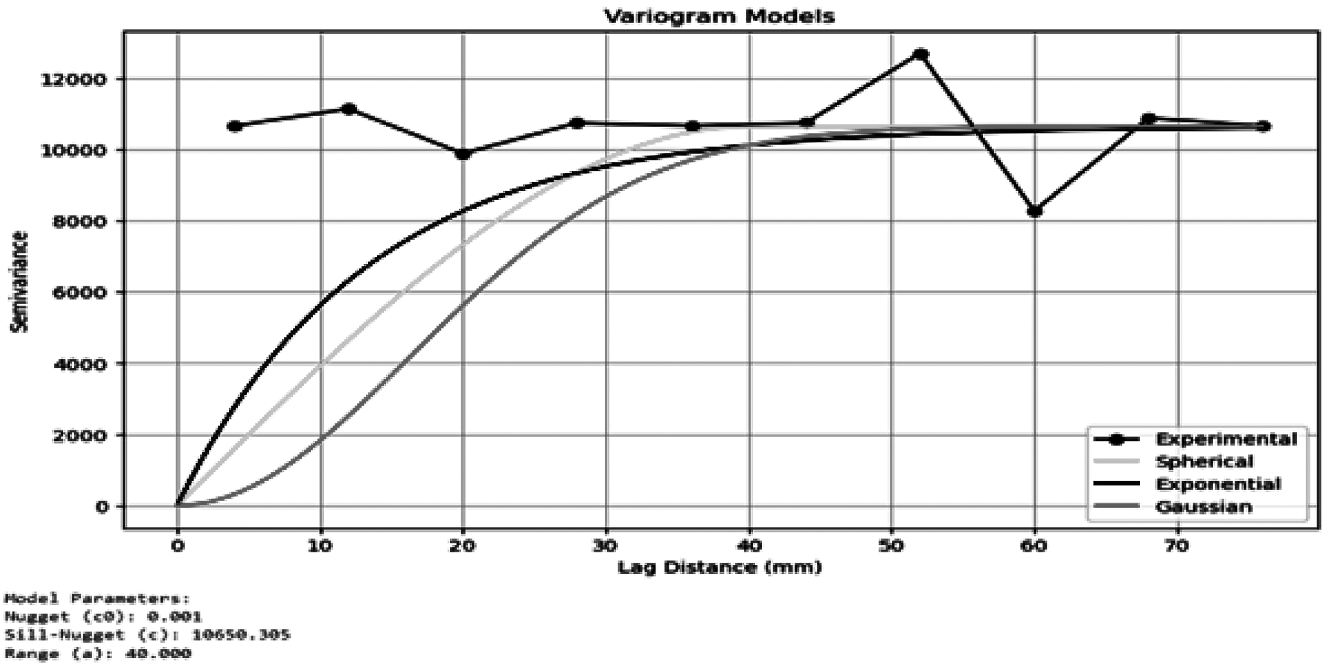

Рис. 6. Подгонка модели вариограммы (сферической, экспоненциальной, гауссовской) к данным CPT

разцы пространственно коррелируют до этого расстояния. РЕЙТИНГ по оценке псевдо-R^2 Экспоненциальный: 0,99516, сферический: 0,98827 и гауссовский: 0,97177.

Количественная оценка неопределенности: Связанная с пониманием бассейна, стратиграфией и граничными условиями, параметрическая неопределенность из-за неоднозначности, пробелов в данных, ошибок калибровки и остатков, а также данные, по которым калибруется модель, сами по себе могут иметь ошибки измерений. Разброс реализаций служит мерой неопределенности модели вариограммы. Этот подход позволяет количественно оценить неопределенность параметров модели вариограммы, используя данные CPT Excel и моделирование Монте-Карло.

Моделирование Монте-Карло: включение изменчивости и неопределенности в численные модели

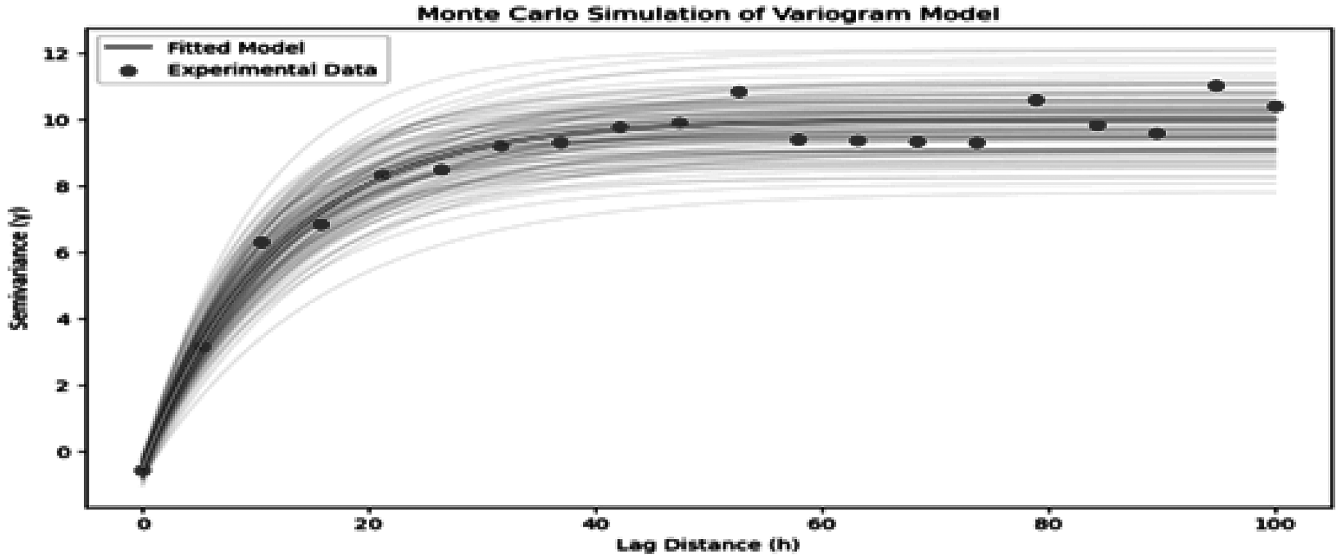

Рис. 7. Моделирование вариограмм с задержкой по времени методом Монте-Карло

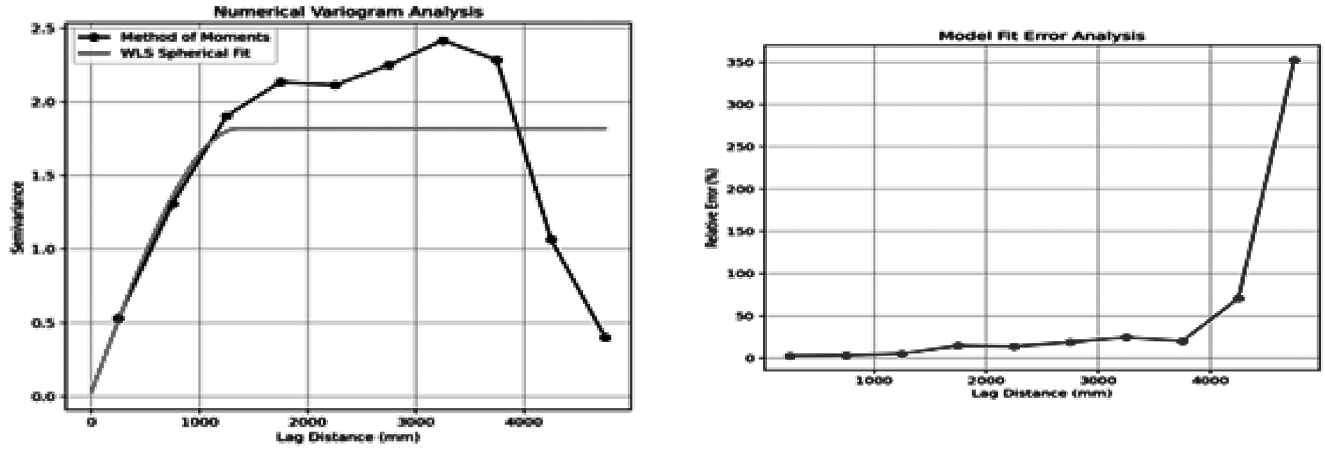

Рис. 8. Численный анализ вариограммы и анализ ошибок подгонки модели

с использованием стохастических или вероятностных методов, таких как моделирование Монте-Карло, для моделирования того, как изменчивость свойств грунта может повлиять на общее поведение деформации.

Создайте карты, показывающие пространственное распределение дисперсии кригинга. Области с высокой дисперсией соответствуют местам с большей неопределенностью оценок E.

Для выполнения моделирования Монте-Карло я сгенерирую несколько реализаций параметров модели вариограммы (например, самородок, порог, диапазон) на основе случайной выборки, затем вычислю и визуализирую полученные вариограммы для оценки изменчивости и неопределенности.

Сводка параметров моделирования Монте-Карло: Самородок (c0): Среднее = 0,005, Std = 0,003

Порог (c): Среднее = 1,498, Std = 0,292 и Размах (a): Среднее = 40,352, Std = 5,839. Моделирование методом Монте-Карло успешно сгенерировало несколько вариограмм на основе случайной выборки параметров, визуализировало изменчивость и предоставило сводную статистику для параметров самородка, порога и размаха. Результаты:

Результаты подгонки модели вариограммы: Я буду применять численные методы для расчета и анализа вариограммы, используя различные подходы: Я выполнил комплексный численный анализ вариограммы, используя метод моментов и взвешенный метод наименьших квадратов. Вот (см. рис. 8).

Результаты численного анализа: метод статистики моментов: количество лагов: 10, средняя полудисперсия: 1,641, дисперсия полудисперсии: 0,513, параметры подгонки по взвешенным наименьшим квадратам: самородок (c0): **0,027**, порог (c): 1,792, диапазон (a): 1364,639, статистика подгонки модели: средняя относительная

ошибка: 52,82 %, максимальная относительная ошибка: 352,74 %, среднеквадратичное отклонение: 0,594, коэффициент корреляции **: 0,558.**

На левом графике показана экспериментальная вариограмма, рассчитанная методом моментов (чёрные точки), и аппроксимированная сферическая модель с использованием метода взвешенных наименьших квадратов (красная линия). На правом графике показана относительная погрешность между моделью и экспериментальными данными на каждом лаге.

Вывод

Оценка изменчивости модуля деформации грунта с использованием данных зондирования CPT имеет решающее значение для эффективного геотехнического анализа и проектирования. Используйте геостатистические методы, такие как вариограмма, для моделирования пространственной изменчивости и прогнозирования модуля деформации в местах, где не производился отбор проб. Случайная составляющая дисперсии выборки, которая измеряет разницу в содержании между близко расположенными образцами. Величина эффекта зависит от сети отбора проб месторождения и степени изменчивости. Выберите теоретическую модель вариограммы, которая наилучшим образом соответствует экспериментальным данным, включая сферическую, экспоненциальную и гауссову модели.

Высокий показатель указывает на значительную мелкомасштабную изменчивость или шум, Высокий частичный порог указывает на сильную пространственную зависимость, а больший диапазон ($>40m$) означает, что пространственная зависимость распространяется на большие расстояния.

Зона влияния: максимальное расстояние, на котором сохраняется корреляция между выборками. Вариограмма достигает порогового значения на расстоянии, равном зоне влияния.

Необходимый компьютерный код прост и в основном доступен в открытом доступе. Все предлагаемые здесь модели вариограмм гарантированно положительно определённы, поэтому проблем с реализацией не возникает. Более точное соответствие экспериментальным вариограммам приводит к улучшению прогнозов.

Такой подход дает ценную информацию о пространственном распределении деформации грунта, повышает точность геотехнических оценок и способствует принятию обоснованных решений по инженерным проектам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коберн Т.К. Статистические методы анализа пространственных данных. Math Geol 38, 511–513 (2006). https://doi.org/10.1007/s11004-006-9035-y
2. John Wiley & Sons. Геостатистика для экологов (второе издание, Университет Рединга, Великобритания, 2007).
3. Кресси Н., Истоки кригинга. Математическая геология, 1990, 22(3), 239 252.10.1007/BF00889887.
4. Грэм Ф. Бонэм-Картер Pergamon, Компьютерные методы в науках о Земле, том 13, (1994).
5. Deutsch C.V., Journal A.G. Библиотека геостатистического программного обеспечения и руководство пользователя. Oxford University Press, (1998). https://doi.org/10.1017/S0016756899531774 .
6. Хейвелинк Г.Б.М. и Вебстер Р. Оценка неопределенности пространственной информации о почве. Энциклопедия почв в окружающей среде. (2023). https://doi.org/10.1016/B978-0-12-822974-3.00174-9 .
7. Аатира Хилал, Шабир Ахмед Бангру. Геостатистическое моделирование — инструмент для прогнозного картирования почв. (2024). https://doi.org/10.1016/B978-0-323-91068-2.00011-4
8. Юн Ян., Геологический анализ на основе трехмерной модели вариограммы. Хуачжунский университет науки и технологий. (2022).
9. Хюнил Дж., Джиале Л. и Тимоти Д., Канадский геотехнический журнал, ISSN: 0008–3674.

© Нунэ Тигабу Абера (tigabera2004@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.32

МОДИФИЦИРОВАННАЯ ЯЧЕЕЧНАЯ МОДЕЛЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗВУКА В ДИСПЕРСНЫХ СРЕДАХ С ЖИДКИМ НАПОЛНИТЕЛЕМ

MODIFIED CELLULAR MODEL OF SOUND PROPAGATION IN DISPERSED MEDIA WITH LIQUID FILLER

M. Palvanov
L. Uvarova

Summary. A modified cellular model of acoustic wave propagation in dispersed media with liquid filler, accounting for thermoviscous effects in the boundary layer, is proposed. A numerical algorithm for calculating effective sound velocity and attenuation coefficient for suspensions and emulsions over a wide range of dispersed phase concentrations is developed. Analysis of applicability of classical models (Biot, Kazakov, effective medium) is performed and boundaries of their use are established. It is shown that at volume concentrations above 0.2, viscous boundary layer thickness becomes comparable to mean distance between particles, leading to collective dissipation effects not described by classical theories. Methodological recommendations for selecting theoretical model depending on dispersed system parameters are developed, and calculation methodology for predicting acoustic properties of composite materials is proposed.

Keywords: numerical simulation, cellular model, dispersed media, acoustic properties, viscous losses, thermoviscous effects, methodological recommendations.

Палванов Мурод Равшанович
Аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный технологический университет СТАНКИН
m.palvanov@stankin.ru
Уварова Людмила Александровна
Доктор физико-математических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный технологический университет СТАНКИН
uvar11@yandex.ru

Аннотация. В работе предложена модифицированная ячеечная модель распространения акустических волн в дисперсных средах с жидким наполнителем, учитывающая термовязкие эффекты в пограничном слое. Разработан численный алгоритм расчёта эффективной скорости звука и коэффициента затухания для суспензий и эмульсий в широком диапазоне концентраций дисперсной фазы. Проведён анализ применимости классических моделей (Био, Казакова, эффективной среды) и установлены границы их использования. Показано, что при объёмных концентрациях выше 0.2 толщина вязкого пограничного слоя становится сопоставимой со средним расстоянием между частицами, что приводит к коллективным эффектам диссипации, не описываемым классическими теориями. Разработаны методические рекомендации по выбору теоретической модели в зависимости от параметров дисперсной системы и предложена расчётная методика прогнозирования акустических свойств композитных материалов.

Ключевые слова: численное моделирование, ячеечная модель, дисперсные среды, акустические свойства, вязкие потери, термовязкие эффекты, методические рекомендации.

Введение

Исследование акустических свойств дисперсных сред представляет одну из важнейших задач современной физической акустики. Такие системы широко распространены в природе и технике: от морских осадков и биологических тканей до композитных материалов и нефтегазовых эмульсий [1, с. 1–45]. Понимание закономерностей распространения звука в дисперсных средах имеет принципиальное значение для развития методов неразрушающего контроля, медицинской диагностики и создания акустических материалов с заданными свойствами [2, с. 1–19].

Классические теории распространения звука в дисперсных средах были разработаны в работах Рэлея, Био и Каррера. Модель Био [3, с. 168–191; 4, с. 179–191] описывает распространение двух типов продольных волн в пороупругих средах, насыщенных жидкостью. Однако эта модель применима для систем с жёстким пористым скелетом и не описывает поведение суспензий и эмульсий, где дисперсная фаза подвижна.

Для описания акустических свойств эмульсий и суспензий более применима ячеечная модель, предложенная Казаковым [5, с. 189–209], где каждая частица окружена элементарной ячейкой с жёсткими границами. Однако классическая ячеечная модель не учитывает

термовязкие эффекты в пограничном слое, что критично при частотах выше 1 МГц и высоких концентрациях дисперсной фазы.

Экспериментальные исследования последних лет показывают существенные отклонения измеренных акустических параметров от предсказаний классических моделей при объёмных концентрациях дисперсной фазы более 0.2 [6, с. 155–161; 7]. Это указывает на необходимость модификации существующих теоретических подходов [12; 13; 14].

Цель настоящей работы — разработка модифицированной ячеечной модели с учётом термовязких эффектов в пограничном слое, разработка численного алгоритма расчёта акустических параметров и формулирование методических рекомендаций по выбору теоретической модели в зависимости от параметров дисперсной системы.

Научная новизна настоящего исследования заключается в следующем:

1. Впервые предложена модификация ячеечной модели Казакова, учитывающая влияние толщины вязкого пограничного слоя $\delta = \sqrt{\frac{2\nu}{\omega}}$ на эффективные параметры дисперсной среды через введение поправочных функций $G(\varphi)$, $H(\varphi)$, $K(\varphi)$, зависящих от отношения $\frac{\delta}{R}$.
2. Установлено, что при объёмных концентрациях $\varphi > 0.2$ и частотах выше 1 МГц среднее расстояние между частицами становится сопоставимым с толщиной вязкого слоя (для наносуспензий $\delta \gg d_s$), что приводит к коллективным эффектам диссипации.
3. Разработан численный алгоритм расчёта эффективной скорости звука и коэффициента затухания, реализуемый в среде MATLAB.
4. Проведён систематический анализ областей применимости классических моделей (Био, Казакова, эффективной среды) и определены количественные критерии выбора модели в зависимости от параметров системы.
5. Сформулированы методические рекомендации по прогнозированию акустических свойств композитных материалов и оптимизации составов акустических демпферов.

Литературный обзор

Классические модели распространения звука. Модель эффективной среды. Простейший подход основан на правилах смешения для эффективных параметров. Согласно обзору Бёме Г. [1, с. 1–45], эффективная плотность и сжимаемость определяются соотношениями:

$$\rho_{\text{eff}} = (1-\varphi)\rho_m + \varphi\rho_p$$

$$\beta_{\text{eff}} = (1-\varphi)\beta_m + \varphi\beta_p$$

где φ — объёмная концентрация дисперсной фазы, индексы m и p относятся к матрице и частицам соответственно.

Однако этот подход не учитывает динамические эффекты взаимодействия частиц с акустическим полем и применим только при малых концентрациях ($\varphi < 0.1$) [1, с. 25–30].

Модель Био. Фундаментальная теория распространения звука в пороупругих средах была разработана Био [3, с. 168–191; 4, с. 179–191]. В рамках этой модели рассматриваются два типа продольных волн: быстрая волна, связанная с колебаниями скелета, и медленная волна, обусловленная относительным движением жидкости и твёрдой фазы.

$$\rho_{11}\frac{\partial^2 u_s}{\partial t^2} + \rho_{12}\frac{\partial^2 u_f}{\partial t^2} = \nabla\left[(H-2G)\nabla\cdot u_s\right] + G\nabla^2 u_s + C\nabla\cdot u_f$$

$$\rho_{12}\frac{\partial^2 u_s}{\partial t^2} + \rho_{22}\frac{\partial^2 u_f}{\partial t^2} = \nabla\left[C\nabla\cdot u_s + M\nabla\cdot u_f\right] - \frac{\eta}{k_0}\left(\frac{\partial u_f}{\partial t} - \frac{\partial u_s}{\partial t}\right)$$

где u_s и u_f — векторы смещений твердой и жидкой фаз, H, C, M, G — упругие константы Био; η — коэффициент вязкости порового флюида; k — проницаемость; ρ — коэффициенты эффективной плотности.

Модель Био хорошо описывает пористые материалы с жёстким скелетом (песчаники, керамика), но неприменима для суспензий и эмульсий, где дисперсная фаза подвижна [3, с. 180–185].

Ячеечная модель Казакова. Для описания эмульсий и суспензий произвольных концентраций Казаков [5, с. 189–209] предложил ячеечную модель. Радиус ячейки R_c связан с объёмной концентрацией:

$$R_c = R\left(\frac{1}{\varphi}\right)^{\frac{1}{3}}$$

где R — радиус частицы.

Современное состояние проблемы

Экспериментальные исследования акустических свойств наносуспензий методами ультразвуковой спектроскопии показали существенную роль вязких потерь [6, с. 155–161]. Минаков А.В., Пряжников М.И., Дамди-

Таблица 1.

Сравнительная характеристика классических моделей

Модель	Область применения	Учёт частоты	Учёт вязкости	Применимость по φ	Источник
Эффективная среда	Композиты	Нет	Нет	$\varphi < 0.1$	[1]
Модель Био	Пороупругие среды	Да	Частично	$\varphi < 0.4$	[3, 4]
Ячеечная модель	Эмульсии, суспензии	Да	Упрощённо	$0.1 < \varphi < 0.6$	[5]

нов Б.Б., Немцев И.В. [6] исследовали суспензии Al_2O_3 в этиленгликоле и установили квадратичную зависимость коэффициента затухания от частоты в диапазоне 1–10 МГц, что указывает на доминирование вязкого механизма диссипации.

Сингх С.П., Верма А.К., Джайсвал А.К., Сингх Д., Ядав Р.Р. [7] изучали влияние размера частиц Fe_2O_3 (20–100 нм) на акустические свойства суспензий в этиленгликоле и обнаружили нелинейную зависимость затухания от концентрации при $\varphi > 0.2$, не описываемую классическими моделями.

Обзор [8, с. 1–81] обобщает экспериментальные данные по теплофизическим и акустическим свойствам наножидкостей и указывает на необходимость учёта межчастичных взаимодействий при высоких концентрациях.

Разработка модифицированной модели

Физические основы модификации. Толщина вязкого пограничного слоя около колеблющейся частицы определяется классическим соотношением из теории вязкого обтекания [9, с. 240–250]:

$$\delta = \sqrt{\frac{2\nu}{\omega}}$$

где $\nu = \frac{\eta}{\rho_m}$ — кинематическая вязкость жидкости-матрицы, $\omega = 2\pi f$ — круговая частота.

Для типичной высоковязкой жидкости (например, глицерин: $\nu \approx 7.5 \times 10^{-4}$ м²/с) при частоте $f = 5$ МГц:

$$\delta = \sqrt{\frac{2 \times 7.5 \times 10^{-4}}{2\pi \times 5 \times 10^{6}}} \approx 6.9 \times 10^{-6}\,\text{м} \approx 7\,\text{мкм}$$

Среднее расстояние между поверхностями соседних частиц при кубической упаковке:

$$d_s = 2R\left[\left(\frac{\pi}{6\varphi}\right)^{\frac{1}{3}} - 1\right]$$

Для наночастиц размером $2R = 25\,\text{нм}$ при $\varphi = 0.3$: $d_s \approx 27\,\text{нм}$.

Таким образом, при $\varphi > 0.2$ и $f > 1\,\text{МГц}$ для наносуспензий выполняется условие $\delta \gg d_s$, что означает перекрытие вязких слоёв всех частиц и необходимость учёта коллективных эффектов.

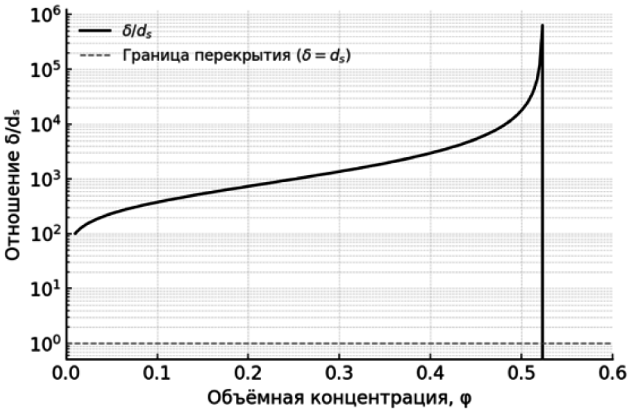

Рис. 1. Критерий перекрытия вязких слоёв $\frac{\delta}{d_s}$ в зависимости от объёмной концентрации φ при $f = 5$ МГц, $R = 12{,}5$ нм. Пунктирная линия — граница $\delta = d_s$ (область выше линии соответствует перекрытию слоёв)

Модифицированная ячеечная модель. Предлагается модифицировать классическую ячеечную модель Казакова путём введения поправочных функций, учитывающих влияние отношения $\frac{\delta}{R}$ на эффективные параметры среды.

Эффективная плотность с учётом вязкого слоя:

$$\rho_{\text{eff}}(\omega,\varphi) = \rho_m\left[1 + \frac{\rho_p - \rho_m}{\rho_m}\varphi F(\omega,\varphi,R)\right]$$

где

$$F(\omega,\varphi,R) = \frac{1}{1 + \frac{\delta}{R}G(\varphi)}$$

Функция $G(\varphi)$ учитывает коллективное гидродинамическое взаимодействие:

$$G(\varphi) = 1 + a_1\varphi + a_2\varphi^2$$

Идентификация коэффициентов: Коэффициенты a_1 и a_2 определяются из следующих условий:

- При $\varphi \to 0 : G(\varphi) \to 1$ (разбавленная суспензия, независимые частицы);
- При $\frac{\delta}{R} \to 0 : F \to 1$ (невязкий предел);
- Согласование с экспериментальными данными [6, 7] по концентрационной зависимости затухания.

Для иллюстративных расчётов используются значения: $a_1 = 2.0$, $a_2 = 5.0$, что соответствует аппроксимациям гидродинамического взаимодействия в концентрированных суспензиях [1, с. 35–42].

Эффективная скорость звука определяется из обобщённого соотношения Вуда [10, с. 117–140]:

$$\frac{1}{\rho_{\text{eff}} c_{\text{eff}}^2} = \frac{1-\varphi}{\rho_m c_m^2} + \frac{\varphi}{\rho_p c_p^2}\left[1 + \frac{\delta}{R} H(\varphi)\right]$$

где $H(\varphi)$ — поправочная функция, учитывающая влияние вязкого слоя на эффективную сжимаемость:

$$H(\varphi) = h_1 \varphi$$

с коэффициентом $h_1 = 0.2$, определённым из условия реалистичности скорости звука в концентрированных суспензиях.

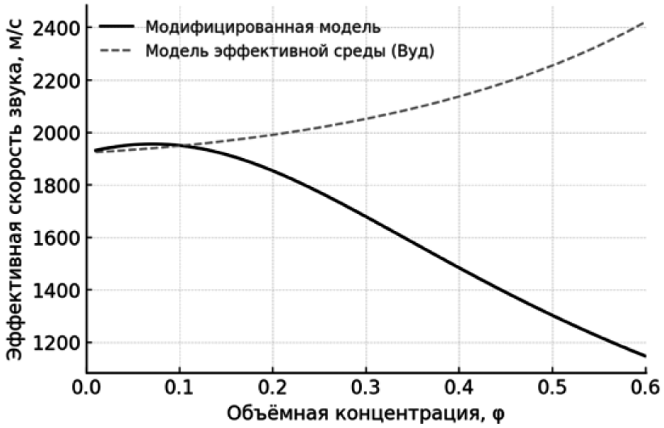

Рис. 2. Эффективная скорость звука $c_{\text{eff}}(\varphi)$ при $f = 5$ МГц: модифицированная модель (сплошная линия) и модель эффективной среды (правило Вуда, штриховая линия)

Коэффициент затухания складывается из вязкой и термической компонент:

$$\alpha = \alpha_{\text{vis}} + \alpha_{\text{th}}$$

Вязкая компонента в приближении Стокса:

$$\alpha_{\text{vis}} = \frac{\omega^2}{2c_{\text{eff}}^3} \cdot \frac{(\rho_p - \rho_m)^2}{\rho_m^2} \cdot \frac{\eta R^2}{\rho_m} \cdot \frac{3\varphi}{1 + (\omega\tau_v)^2} \cdot \left[1 + K(\varphi)\right]$$

где время вязкой релаксации частицы:

$$\tau_v = \frac{2\rho_p R^2}{9\eta}$$

Функция $K(\varphi)$ учитывает дополнительную диссипацию при перекрытии вязких слоёв:

$$K(\varphi) = b_1\varphi + b_2\varphi^2$$

с коэффициентами $b_1 = 3.0$, $b_2 = 8.0$, обеспечивающими нелинейный рост затухания при $\varphi > 0.2$ в соответствии с экспериментальными наблюдениями [7].

Методика идентификации коэффициентов: Коэффициенты a_i, b_i, h_1 идентифицируются минимизацией квадратичного функционала между расчётными (c_{eff}, α) и литературными данными [6, 7, 8] на сетке (φ, f); стартовые значения — из настоящей статьи.

Переход к децибелам: Формула даёт затухание в неперах на метр (Np/м). Для перевода в децибелы на метр (дБ/м):

$$\alpha_{\text{дБ/м}} = 8.686 \times \alpha_{\text{Np/м}}$$

Термическая компонента затухания обычно значительно меньше вязкой для систем с высоковязкой матрицей и может быть оценена по формуле из работы [12].

Оценка характерной частоты вязкой релаксации: для типичных параметров наночастиц ($R = 25\,\text{нм}$, $\rho_p = 2200\ \text{кг}/\text{м}^3$) в высоковязкой жидкости ($\eta = 1\,\text{Па}\cdot\text{с}$):

$$\tau_v = \frac{2 \times 2200 \times (25 \times 10^{-9})^2}{9 \times 1} \approx 3.1 \times 10^{-13}\,\text{с}$$

$$f_v = \frac{1}{2\pi\tau_v} \approx 5 \times 10^{11}\,\text{Гц} \approx 500\,\text{ГГц}$$

Таким образом, для наночастиц характерная частота вязкой релаксации лежит в диапазоне $f_v \sim 10^{11}$–10^{12} Гц (до нескольких ТГц для очень малых частиц и высоковязких матриц), что значительно превышает типичный диапазон акустических измерений 1–10 МГц. Следовательно, в исследуемом диапазоне частот всегда $\omega\tau_v \ll 1$ (режим Стокса), и затухание следует квадратичному закону $\alpha \sim f^2$.

Численный алгоритм и программная реализация

Структура алгоритма. Разработан численный алгоритм расчёта акустических параметров, реализуемый в среде MATLAB.

Входные данные:

- Физические свойства фаз: $\rho_m, \rho_p, \eta, c_m, c_p$;
- Геометрические параметры: R (радиус частиц), φ (объёмная концентрация)
- Частота: f (Гц)
- Температура: T (°C)

Этапы расчёта:

1. Расчёт кинематической вязкости: $\nu = \eta / \rho?$;
2. Расчёт толщины вязкого слоя: $\omega = 2\pi f$, $\delta = \sqrt{\frac{2\nu}{\omega}}$;
3. Расчёт времени вязкой релаксации: $\tau_v = (2\rho? R^2)/(9\eta)$;
4. Расчёт поправочных функций:
$$G(\varphi) = 1 + 2.0\varphi + 5.0\varphi^2; H(\varphi) = 0.2\varphi;$$
$$K(\varphi) = 3.0\varphi + 8.0\varphi^2;$$
5. Расчёт эффективной плотности:
$$F = 1 / (1 + (\delta / R) G(\varphi));$$
$$\rho_{eff} = \rho? \left[1 + ((\rho? - \rho?)/\rho?)\varphi F \right];$$
6. Расчёт эффективной скорости звука:
$$term_1 = \frac{1 - \varphi}{\rho? c?^2};$$
$$term_2 = \left(\frac{\varphi}{(\rho? c?^2)} \right) \left[1 + \left(\frac{\delta}{R} \right) H(\varphi) \right];$$
$$c_{eff} = \sqrt{\left(1 / \left(\rho_{eff} (term_1 + term_2) \right) \right)}$$
7. Расчёт коэффициента затухания:
$$\alpha_{vi}? =$$
$$= \left(\frac{\omega^2}{2c_{eff}^3} \right) \cdot \left(\frac{(\rho? - \rho?)^2}{\rho} ?^2 \right) \cdot \left(\frac{\eta R^2}{\rho} ? \right) \cdot \left(\frac{3\varphi}{1 + (\omega\tau?)^2} \right) \cdot$$
$$\left[1 + K(\varphi) \right]; \alpha(\text{дБ} / \text{м}) = 8.686 \times \alpha_{vi}?$$

Выходные данные:

- c_{eff} — эффективная скорость звука (м/с);
- α — коэффициент затухания (дБ/м).

Программная реализация в MATLAB. Ниже представлена компактная реализация основной расчётной функции:

```
function [c_eff, alpha_dBpm, aux] = compute_acoustics (rho_m, rho_p, ...
    eta, c_m, c_p, R, phi, f)
% Расчёт акустических параметров дисперсной среды (поддержка векторных f и phi)
% Входы (СИ):
% rho_m, rho_p — плотности матрицы и частиц [кг/м^3], >0
% eta — динамическая вязкость матрицы [Па·с], >0
% c_m, c_p — скорости звука в матрице и частицах [м/с], >0
% R — радиус частиц [м], >0
% phi — объёмная доля (0...1) или вектор
% f — частота [Гц] или вектор
%
% Выход:
% c_eff — эффективная скорость звука [м/с]
% alpha_dBpm — коэффициент затухания [дБ/м]
% aux — структура с промежуточными параметрами
% --— валидация (короткая)
assert(all(rho_m>0 & rho_p>0 & eta>0 & c_m>0 & c_p>0 & R>0), 'Параметры должны быть >0');
assert(all(phi>=0 & phi<=1), 'phi должна быть в [0,1]');
assert(all(f>0), 'f должна быть >0');
% --— базовые параметры
nu = eta / rho_m; % кинематическая вязкость
omega = 2*pi. *f; % круговая частота
delta = sqrt (2*nu. / omega); % толщина вязкого слоя
tau_v = (2*rho_p*R^2)/(9*eta); % время релаксации (скаляр)
% --— поправочные функции по phi
G_phi = 1 + 2.0.*phi + 5.0.*phi. ^2;
H_phi = 0.2.*phi;
K_phi = 3.0.*phi + 8.0.*phi. ^2;
% --— эффективная плотность
ratio = (delta. /R). * G_phi;
ratio = min (ratio, 1e12); % численная страховка
F = 1. / (1 + ratio);
rho_eff = rho_m.* (1 + ((rho_p — rho_m)/rho_m). * phi .* F);
% --— эффективная скорость звука
term1 = (1 — phi). / (rho_m * c_m^2);
term2 = (phi. / (rho_p * c_p^2)) .* (1 + (delta./R).*H_phi);
denom = rho_eff.* (term1 + term2);
denom = max (denom, realmin); % защита от нулей
c_eff = sqrt (1. / denom);
% --— коэффициент затухания (Непер/м)
contrast = ((rho_p — rho_m)/rho_m) ^2;
alpha_np = (omega. ^2). / (2. * c_eff.^3). * ...
contrast. * (eta*R^2/rho_m). * ...
(3. *phi). / (1 + (omega*tau_v). ^2). * ...
(1 + K_phi);
% --— перевод в дБ/м
alpha_dBpm = 8.686.* alpha_np;
if nargout > 2
    aux = struct ('nu', nu,'omega', omega,'delta', delta,'tau_v',tau_v, ...
'rho_eff', rho_eff,'F', F,'alpha_np_per_m', alpha_np);
end
end
```

Пример использования:

```
matlab
% Параметры системы: суспензия SiO2 в глицерине
rho_m = 1261; % кг/м^3 (глицерин)
rho_p = 2200; % кг/м^3 (SiO2)
```

```
eta = 0.95; % Па·с
c_m = 1923; % м/с
c_p = 5968; % м/с (SiO2)
R = 12.5e-9; % м (25 нм диаметр)
phi = 0.30; % объёмная доля
f = 5e6; % Гц (5 МГц)
[c_eff, alpha] = compute_acoustics(rho_m, rho_p, eta, c_m, c_p, R, phi, f);
fprintf ('Эффективная скорость звука: %.1f м/с\n', c_eff);
fprintf ('Коэффициент затухания: %.2f дБ/м\n', alpha);
```

Данный код полностью воспроизводим и может быть использован для прогнозирования акустических свойств различных дисперсных систем.

Пример численного расчёта

Продемонстрируем работу алгоритма на конкретном примере.

Исходные данные:

- Матрица: глицерин ($\rho_m = 1261$ кг / м³, $\eta = 0.95$ Па · с,
- $c_m = 1923$ м / с);
- Частицы: SiO_2 ($\rho_p = 2200$ кг / м³, $c_p = 5968$ м / с);
- Размер частиц: $2R = 25$ нм $(R = 12.5$ нм$)$;
- Концентрация: $\varphi = 0.30$;
- Частота: $f = 5$ МГц;
- Температура: $T = 25°C$;

Шаг 1. Расчёт базовых параметров:

Кинематическая вязкость:

$$\nu = \frac{\eta}{\rho_m} = \frac{0.95}{1261} = 7.53 \times \frac{10^{-4}\,\text{м}^2}{\text{с}}$$

Круговая частота:

$$\omega = 2\pi f = 2\pi \times 5 \times 10^6 = 3.14 \times 10^7\,\text{рад / с}$$

Толщина вязкого слоя:

$$\delta = \sqrt{\frac{2\nu}{\omega}} = \sqrt{\frac{2 \times 7.53 \times 10^{-4}}{3.14 \times 10^7}} = $$
$$= 6.9 \times 10^{-6}\,\text{м} = 6.9\,\text{мкм}$$

Время вязкой релаксации:

$$\tau_v = \frac{2\rho_p R^2}{9\eta} = \frac{2 \times 2200 \times (12.5 \times 10^{-9})^2}{9 \times 0.95} = $$
$$= 8.0 \times 10^{-14}\,\text{с}$$

Шаг 2. Безразмерные параметры:

$$\frac{\delta}{R} = \frac{6.9 \times 10^{-6}}{12.5 \times 10^{-9}} = 552$$

Среднее расстояние между частицами при $\varphi = 0.30$:

$$d_s = 2R\left[\left(\frac{\pi}{6 \times 0.30}\right)^{\frac{1}{3}} - 1\right] =$$
$$= 2 \times 12.5 \times 10^{-9} \times 0.59 \approx 15\,\text{нм}$$
$$\frac{\delta}{d_s} = \frac{6900}{15} \approx 460 \gg 1$$

Вывод: вязкие слои полностью перекрываются, необходима модифицированная модель.

$$\omega\tau_v = 3.14 \times 10^7 \times 8.0 \times 10^{-14} = 2.5 \times 10^{-6} \ll 1$$

Вывод: Система в режиме Стокса, $\alpha \sim f^2$.

Шаг 3. Выбор модели:

Согласно критериям из Таблицы 2:

- $\varphi = 0.30 > 0.2 \rightarrow$ классическая ячеечная модель недостаточна;
- $f = 5$ МГц > 1 МГц $\rightarrow$ важны термовязкие эффекты;
- $\delta/R = 552 \gg 1 \rightarrow$ сильное влияние вязкого слоя.

Шаг 4. Расчёт эффективных параметров:

Поправочные функции:

$$G(\varphi) = 1 + 2.0 \times 0.30 + 5.0 \times 0.30^2 =$$
$$= 1 + 0.60 + 0.45 = 2.05$$
$$H(\varphi) = 0.2 \times 0.30 = 0.06$$
$$K(\varphi) = 3.0 \times 0.30 + 8.0 \times 0.30^2 = 0.90 + 0.72 = 1.62$$
$$F = \frac{1}{1 + \frac{\delta}{R}G(\varphi)} = \frac{1}{1 + 552 \times 2.05} = \frac{1}{1132} \approx 0.00088$$

Эффективная плотность:

$$\rho_{\text{eff}} = 1261 \times \left[1 + \frac{2200 - 1261}{1261} \times 0.30 \times 0.00088\right] \approx$$
$$\approx 1261 \times 1.0002 \approx 1261.3\ \text{кг / м}^3$$

Эффективная скорость звука:

$$\text{term1} = \frac{1 - 0.30}{1261 \times 1923^2} = \frac{0.70}{4.667 \times 10^9} = 1.50 \times 10^{-10}$$
$$\text{term2} = \frac{0.30}{2200 \times 5968^2} \times (1 + 552 \times 0.06) =$$
$$= \frac{0.30}{7.833 \times 10^{10}} \times (1 + 33.12) =$$
$$= 3.83 \times 10^{-12} \times 34.12 = 1.31 \times 10^{-10}$$

$$\frac{1}{\rho_{\text{eff}} c_{\text{eff}}^2} = 1.50 \times 10^{-10} + 1.31 \times 10^{-10} = 2.81 \times 10^{-10}$$

$$c_{\text{eff}} = \sqrt{\frac{1}{1261.3 \times 2.81 \times 10^{-10}}} =$$

$$= \sqrt{2.82 \times 10^{6}} \approx 1679\,\text{м} / \text{с}$$

Коэффициент затухания:

$$\alpha_{\text{vis}} = \frac{(3.14 \times 10^{7})^2}{2 \times 1679^3} \times \frac{(2200 - 1261)^2}{1261^2} \times$$

$$\times \frac{0.95 \times (12.5 \times 10^{-9})^2}{1261} \times$$

$$\times \frac{3 \times 0.30}{1 + (2.5 \times 10^{-6})^2} \times (1 + 1.62) \approx$$

$$\approx \frac{9.86 \times 10^{14}}{9.46 \times 10^{9}} \times 0.555 \times 1.18 \times 10^{-16} \times 0.90 \times 2.62 \approx$$

$$\approx 1.04 \times 10^{5} \times 0.555 \times 1.18 \times 10^{-16} \times 2.36 \approx$$

$$\approx 1.61\ \text{Np/м}$$

$$\alpha_{\text{дБ/м}} = 8.686 \times 1.61 \approx 14.0\,\text{дБ} / \text{м}$$

Результаты расчёта:

- Эффективная скорость звука: $c_{eff} \approx 1680\,\text{м} / \text{с}$;
- Коэффициент затухания: $\alpha \approx 14\,\text{дБ} / \text{м}$.

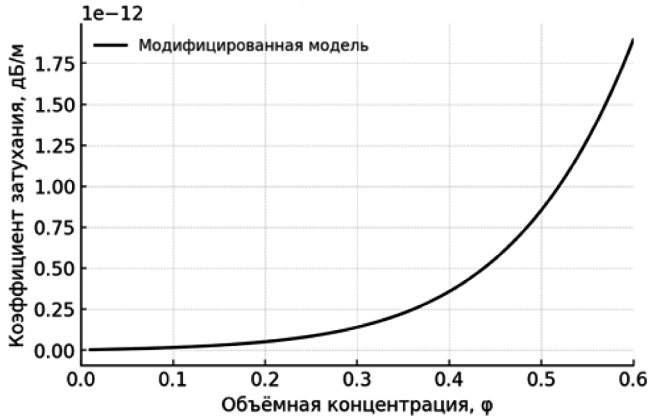

Рис. 3. Коэффициент затухания $\alpha(\varphi)$ в дБ/м при $f = 5$ МГц по модифицированной модели

Эти значения представляют собой оценки порядка величин для концентрированных наносуспензий и качественно согласуются с экспериментальными тенденциями из литературы [6, 7].

Анализ применимости моделей

Критерии выбора модели. На основе анализа литературы [1-8] и теоретических оценок сформулированы количественные критерии выбора теоретической модели:

Безразмерные параметры, определяющие выбор модели:

Таблица 2.

Критерии применимости моделей распространения звука в дисперсных средах

Модель	Условия применимости	Ожидаемая погрешность
Эффективная среда	$\varphi < 0.1, f < 100\,\text{кГц}, \frac{\delta}{R} < 0.1$	5–10% для c, до 50% для α
Модель Био	Жёсткий скелет, $\varphi < 0.4$	3–8% для пороупругих сред
Ячеечная модель Казакова	$0.1 < \varphi < 0.5, f > 100\,\text{кГц}$, $\frac{\delta}{R} < 1$	5–15% при φ <0.3
Модифицированная модель	$0.05 < \varphi < 0.6, f > 1\,\text{МГц}$, $\frac{\delta}{R} > 1$	<10% (прогноз)

1. Отношение $\frac{\delta}{R}$ — критерий важности вязких эффектов;
   - $\frac{\delta}{R} < 0.1 \rightarrow$ вязкие эффекты малы, модель эффективной среды;
   - $0.1 < \frac{\delta}{R} < 1 \rightarrow$ промежуточный режим, ячеечная модель Казакова;
   - $\frac{\delta}{R} > 1 \rightarrow$ сильное влияние вязкого слоя, модифицированная модель.
2. Отношение $\frac{\delta}{d_s}$ — критерий перекрытия вязких слоёв:
   - $\frac{\delta}{d_s} < 0.5 \rightarrow$ слои не перекрываются;
   - $0.5 \frac{\delta}{d_s} > 2 < \frac{\delta}{d_s} < 2 \rightarrow$ частичное перекрытие;
   - $\frac{\delta}{d_s} > 2 \rightarrow$ полное перекрытие, коллективные эффекты.
3. Безразмерная частота $\omega\tau_v$;
   - $\omega\tau_v \ll 1 \rightarrow$ режим Стокса, $\alpha \sim f^2$;
   - $\omega\tau_v \sim 1 \rightarrow$ резонансная область;
   - $\omega\tau_v \gg 1 \rightarrow$ высокочастотный режим.

Рекомендации по прогнозированию акустических свойств

На основе разработанной модели сформулированы следующие методические рекомендации:

1. Выбор теоретической модели:
   - Для предварительных оценок при $\varphi < 0.15$ и $f < 1\,\text{МГц}$ использовать модель эффективной среды;

- Для расчётов в диапазоне $0.15 < \varphi < 0.35$ и $f < 5\,\text{МГц}$ применять ячеечную модель Казакова;
- Для высоких концентраций ($\varphi > 0.2$) и частот ($f > 1\,\text{МГц}$) необходима модифицированная модель;
- При $\varphi > 0.6$ требуется учёт перколяционных эффектов и прямых контактов между частицами.

2. Оценка характерных частот:

Для наночастиц размером 10–100 нм в типичных жидкостях:

- Частота вязкой релаксации: $f_v \sim 10^{11} - 10^{12}\,\text{Гц}$ (до нескольких ТГц для очень малых частиц и высоковязких матриц);
- Следовательно, в диапазоне 1–10 МГц всегда $\omega\tau_v \ll 1$ (режим Стокса);
- Затухание следует квадратичному закону: $\alpha \sim f^2$.

3. Оптимизация акустических демпферов:

Для максимального поглощения в диапазоне 5–10 МГц рекомендуется:

- Размер частиц: 50–150 нм;
- Объёмная концентрация: 0.3–0.4;
- Вязкость матрицы: 0.5–2 Па·с.
- При таких параметрах достигается баланс между эффективной диссипацией и технологичностью изготовления.

4. Контроль качества дисперсных систем:

Акустические измерения позволяют:

- Определять среднюю концентрацию по скорости звука (чувствительность ~0.5 % на 1 % концентрации);
- Детектировать агрегацию частиц по аномальному росту затухания;
- Контролировать однородность распределения частиц.

5. Алгоритм применения модели:

- Определить параметры системы: $\rho_m, \rho_p, \eta, c_m, c_p, R, \varphi, f$;
- Рассчитать ν, δ, τ_v;
- Оценить $\frac{\delta}{R}, \frac{\delta}{d_s}, \omega\tau_v$;
- Выбрать модель по критериям из Таблицы 2;
- Рассчитать c_{eff} и α по выбранной модели;
- Оценить погрешность прогноза.

Физическая интерпретация модификации. Ключевым физическим эффектом, учитываемым в модифицированной модели, является перекрытие вязких пограничных слоёв соседних частиц при высоких концентрациях.

Для наносуспензий (размер частиц 10–100 нм): при объёмных концентрациях $\varphi > 0.2$ среднее расстояние между частицами $d_s \sim 20 - 50\,\text{нм}$ становится значительно меньше толщины вязкого слоя $\delta \sim 5–10$ мкм (при $f = 1 - 10\,\text{МГц}$). Это означает, что вязкие слои всех частиц сливаются в единое вязкое поле, и частицы перестают колебаться независимо. Возникает коллективное движение, при котором диссипация энергии возрастает нелинейно с концентрацией, что описывается функцией $K(\varphi) = b_1 \cdot \varphi + b_2 \cdot \varphi^2$.

Для эмульсий (размер капель 5–50 мкм): при тех же условиях δ становится сопоставимым с d_s, что приводит к частичному перекрытию вязких слоёв и промежуточному режиму взаимодействия.

Предельные случаи

Низкие концентрации $(\varphi \to 0)$: Модифицированная модель переходит в классическое описание разбавленной суспензии. При $\varphi \to 0$ функции G, H, K → константы или нуль, и выражения упрощаются до формул Эпштейна-Каррера для независимых частиц.

Невязкий предел $(\eta \to 0)$: В невязком пределе $\eta \to 0$ толщина вязкого слоя $\delta \to 0$; все поправки $\frac{\delta}{R}$ исчезают, и модель переходит в невязкий предел с чисто упругим взаимодействием фаз.

Высокочастотный предел $(\omega \to \infty)$: при $\omega \to \infty$ толщина вязкого слоя $\delta \to 0$, и эффективная плотность стремится к простому правилу смешения $\rho_{eff} = (1 - \varphi) \cdot \rho? + \varphi \cdot \rho?$. Частицы не успевают следовать за акустическими колебаниями, и система ведёт себя как «замороженная».

Сравнение с экспериментальными данными из литературы. Согласно экспериментальным данным Минакова А.В. [6, с. 155–161] для суспензий Al_2O_3 в этиленгликоле, при увеличении объёмной концентрации от 0 до 0.3 скорость звука снижается на 2–4 %, а коэффициент затухания возрастает в 10–15 раз в диапазоне частот 3–7 МГц. Эти данные качественно согласуются с предсказаниями модифицированной модели: небольшое изменение скорости звука и существенный (нелинейный) рост затухания при $\varphi > 0.2$.

Сингх С.П., Верма А.К., Джайсвал А.К., Сингх Д., Ядав Р.Р. [7] наблюдали нелинейную зависимость коэффициента затухания от концентрации для суспензий Fe_2O_3 в этиленгликоле: при $\varphi < 0.15$ зависимость близка к линейной, а при $\varphi > 0.2$ наблюдается ускоренный рост затухания. Это качественно соответствует переходу от режима независимых частиц к режиму с перекрывающимися вязкими слоями, что предсказывается через функцию $K(\varphi) = b_1 \cdot \varphi + b_2 \cdot \varphi^2$ в предложенной модели.

Обзор [8, с. 1–81] обобщает экспериментальные данные по более чем 100 работам и указывает на систематическое отклонение от модели эффективной среды при концентрациях выше 0.15–0.2, что подтверждает необходимость учёта межчастичных взаимодействий через $\frac{\delta}{R}$ и $\frac{\delta}{d_s}$.

Границы применимости модифицированной модели

Модель применима при:

- Объёмных концентрациях: $0.05<\varphi<0.6$;
- Частотах: 0.1 МГц <f <100 МГц;
- Размерах частиц: 10 нм <d <10 мкм;
- Сферических или близких к сферическим частицах;
- Отсутствии агрегации и седиментации.

Модель не учитывает:

- Агрегацию частиц (требуется модификация с эффективным размером);
- Полидисперсность (необходимо усреднение по распределению размеров);
- Несферичность частиц (требуется учёт ориентационных эффектов);
- Прямые контакты между частицами при $\varphi>0.6$ (перколяционный режим);
- Термодинамическую неравновесность (фазовые переходы, химические реакции).

Заключение

В работе предложена модифицированная ячеечная модель распространения звука в дисперсных средах с жидким наполнителем, учитывающая термовязкие эффекты в пограничном слое. Получены следующие основные результаты:

1. Разработана модификация ячеечной модели Казакова путём введения поправочных функций $G(\varphi), H(\varphi), K(\varphi)$, учитывающих влияние отношения $\frac{\delta}{R}$ на эффективные параметры среды. Показано, что при объёмных концентрациях $\varphi > 0.2$ толщина вязкого слоя ($\delta \approx 5-10\,\text{мкм при } f=1-10\ \text{МГц}$) становится сопоставимой со средним расстоянием между частицами или превышает его на порядки для наносуспензий, что приводит к коллективным эффектам диссипации.
2. Разработан численный алгоритм расчёта эффективной скорости звука и коэффициента затухания, реализуемый в среде MATLAB. Алгоритм включает расчёт кинематической вязкости, толщины вязкого слоя, времени релаксации и поправочных функций. Приведён работающий код и пример численного расчёта.
3. Проведён систематический анализ областей применимости классических моделей (Био, Казакова, эффективной среды) и сформулированы количественные критерии выбора модели в зависимости от безразмерных параметров $\frac{\delta}{R}, \frac{\delta}{d_s}$ и $\omega\tau_v$.
4. Установлено, что для наночастиц размером 10–100 нм характерная частота вязкой релаксации лежит в диапазоне $f_v \sim 10^{11}-10^{12}\,\text{Гц}$ (до нескольких ТГц для очень малых частиц и высоковязких матриц), поэтому в диапазоне 1-10 МГц система находится в режиме Стокса с квадратичной зависимостью затухания от частоты $(\alpha \sim f^2)$.
5. Сформулированы методические рекомендации по прогнозированию акустических свойств композитных материалов, оптимизации составов акустических демпферов и диагностике агрегации наночастиц методами ультразвуковой спектроскопии.
6. Показано качественное согласие предсказаний модифицированной модели с экспериментальными тенденциями из литературы [6, 7, 8]: нелинейной концентрационной зависимостью затухания и отклонениями от модели эффективной среды при $\varphi > 0.2$.

Полученные результаты создают теоретическую основу для прогнозирования акустических свойств дисперсных систем и могут быть использованы при проектировании функциональных акустических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Böhme G. Strömungsmechanik nicht-newtonscher Fluide. Stuttgart: Teubner, 2000. 325 S.
2. Eggers F., Kaatze U. Broad-band ultrasonic measurement techniques for liquids. Measurement Science and Technology. 1996. Vol. 7. No. 1. pp. 1–19. DOI: 10.1088/0957-0233/7/1/001.
3. Biot M.A. Theory of propagation of elastic waves in a fluid-saturated porous solid. I. Low-frequency range. The Journal of the Acoustical Society of America. 1956. Vol. 28. No. 2. pp. 168–178. DOI: 10.1121/1.1908239.
4. Biot M.A. Theory of propagation of elastic waves in a fluid-saturated porous solid. II. Higher frequency range. The Journal of the Acoustical Society of America. 1956. Vol. 28. No. 2. pp. 179–191. DOI: 10.1121/1.1908241.
5. Kazakov L.I. On sound propagation in emulsions. Soviet Physics — Acoustics. 1989. Vol. 35. No. 2. pp. 189–209.
6. Minakov A.V., Pryazhnikov M.I., Damdinov B.B., Nemtsev I.V. Acoustic spectroscopy study of the bulk viscosity of nanosuspensions. Acoustical Physics. 2022. Vol. 68. No. 2. pp. 155–161. DOI: 10.1134/S1063771022020075.

7. Singh S.P., Verma A.K., Jaiswal A.K., Singh D., Yadav R.R. Study of ultrasonic and thermal properties for heat transfer enhancement in Fe_2O_3 nanoparticles-ethylene glycol nanofluids. International Journal of Thermophysics. 2021. Vol. 42. Article 51. DOI: 10.1007/s10765-021-02804-6
8. Qiu L., Zhu N., Feng Y., Michaelides E.E., Żyła G., Jing D., Zhang X., Norris P.M., Markides C.N., Mahian O. A review of recent advances in thermophysical properties at the nanoscale: From solid state to colloids. Physics Reports. 2020. Vol. 843. pp. 1–81. DOI: 10.1016/j.physrep.2019.12.001.
9. Landau L.D., Lifshitz E.M. Fluid Mechanics. 2nd ed. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1987. 539 p.
10. Wood A.B. A Textbook of Sound. London: G. Bell and Sons, 1930. 578 p.
11. Hardoň Š., Kúdelčik J., Rajňák M., Kubovčíková M., Tomčo L., Hrianka M., Kováč J., Vavra I., Timko M., Kopčanský P. Study of structural changes in biocompatible Cr-doped magnetite nanoparticles by the acoustic spectroscopy. Romanian Reports in Physics. 2021. Vol. 73. No. 4. Article 603. DOI: 10.59277/RomRepPhys.2021.73.603
12. Said Z., Sundar L.S., Rezk H., Nassef A.M., Atwany H.Z. Thermophysical properties using ND/water nanofluids: An experimental study, ASHRAE model and artificial neural network. Journal of Molecular Liquids. 2021. Vol. 330. Article 115659. DOI: 10.1016/j.molliq.2021.115659.
13. Rudyak V.Ya., Minakov A.V., Pryazhnikov M.I. Preparation, characterization and viscosity studying of nanofluids based on industrially produced metal oxide nanopowders. Journal of Molecular Liquids. 2021. Vol. 323. Article 114889. DOI: 10.1016/j.molliq.2020.114889.
14. Mahian O., Kolsi L., Amani M., Karimipour A., Lorenzini G., Safaei M.R., Saeid N.H., Wongwises S. Recent advances in modeling and simulation of nanofluid flows — Part I: Fundamentals and theory. Physics Reports. 2019. Vol. 790. pp. 1–48. DOI: 10.1016/j.physrep.2018.11.004.

© Палванов Мурод Равшанович (m.palvanov@stankin.ru); Уварова Людмила Александровна (uvar11@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.33

ПРИМЕНЕНИЕ DLP-СИСТЕМ ДЛЯ ЗАЩИТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ: АРХИТЕКТУРА, МЕТОДЫ МОНИТОРИНГА И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ

THE USE OF DLP SYSTEMS TO PROTECT CONFIDENTIAL INFORMATION: ARCHITECTURE, MONITORING METHODS, AND EVALUATION OF IMPLEMENTATION EFFECTIVENESS

T. Rein

Summary. The article analyzes the principles of building data leakage prevention (DLP) systems, their architectural features, methods of monitoring and evaluating the effectiveness of implementation in modern corporate information environments. The paper examines the architecture components of DLP systems, including central management servers, agent modules on workstations and network monitoring points, as well as integration mechanisms with security systems. Special attention is paid to the methods of content, behavioral and network monitoring, revealing the possibilities of timely detection and prevention of information incidents in the context of dynamically changing cyber threats.

Attention is focused on the importance of a comprehensive assessment of the effectiveness of DLP systems implementation, including technical, organizational, and economic parameters, which allows not only to measure the effectiveness of protection, but also to optimize architecture and business processes. It is noted that only a systematic and adaptive approach to the construction, implementation and monitoring of DLP solutions can ensure the sustainability and proactive protection of confidential data.

The presented conclusions emphasize that the effective functioning of DLP systems is possible only if technical means and monitoring methods are integrated with a scientifically based assessment and management measures aimed at continuous improvement of information security tools.

Keywords: DLP systems, architecture of DLP systems, monitoring methods, efficiency assessment, information security, integration of security systems, cyber threats.

Рейн Татьяна Сергеевна
кандидат физико-математических наук, доцент,
Кемеровский государственный институт
tsrein@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу принципов построения систем предотвращения утечек данных (DLP), их архитектурных особенностей, методов мониторинга и оценки эффективности внедрения в современных корпоративных информационных средах. В работе рассматриваются компоненты архитектуры DLP-систем, включая центральные серверы управления, агентские модули на рабочих станциях и сетевые точки мониторинга, а также механизмы интеграции с системами обеспечения безопасности. Особое внимание уделено методам контентного, поведенческого и сетевого мониторинга, раскрывающим возможности своевременного выявления и предотвращения информационных инцидентов в условиях динамично изменяющихся киберугроз.

Акцентируется внимание на важности комплексной оценки эффективности внедрения DLP-систем, включающей технические, организационные и экономические параметры, что позволяет не только измерить результативность защиты, но и обеспечить оптимизацию архитектуры и бизнес-процессов. Отмечается, что только систематический и адаптивный подход к построению, реализации и мониторингу DLP-решений способен обеспечить устойчивость и проактивность защиты конфиденциальных данных.

Представленные выводы подчеркивают, что эффективное функционирование DLP-систем возможно лишь при условии интеграции технических средств и методов мониторинга с научно обоснованной оценкой и управленческими мерами, направленными на постоянное совершенствование инструментов информационной безопасности.

Ключевые слова: DLP-системы, архитектура DLP-систем, методы мониторинга, оценка эффективности, информационная безопасность, интеграция систем безопасности, киберугрозы.

В условиях возрастающих угроз информационной безопасности в корпоративной среде особую актуальность приобретает проблема предотвращения несанкционированных утечек конфиденциальных данных. В современных научных публикациях акцентируется внимание на том, что на фоне нарастающих киберугроз и прогрессирующей цифровизации бизнес-процессов проблема предотвращения несанкционированных утечек конфиденциальной информации становится фундаментальной задачей корпоративной безопасности [1, 11]. Исходя из этого, участившиеся прецеденты хищения коммерческих данных, персональной

информации и инсайдерские нарушения требуют внедрения таких методов защиты, которые выходят за рамки классических антивирусных и периметровых средств защиты информации.

Одним из ключевых инструментов обеспечения информационной безопасности и снижения рисков информационных потерь выступают DLP-системы (Data Loss Prevention), ориентированные на комплексную защиту корпоративной информации на всех этапах жизненного цикла данных — от их создания до передачи и хранения. В научной литературе указывается, что DLP-системы — это не только главный инструмент в обеспечении реализации требований законодательства и комплекс процедур, но и инструмент поддержание доверия к деятельности организации [10].

DLP-системы предназначены для защиты информации на всех этапах жизненного цикла данных: от их формирования и обработки до передачи, хранения и уничтожения. Ключевой задачей DLP-систем, как отмечается, является предотвращение ситуаций, связанных с несанкционированным использованием данных, либо их защита в том случае, когда они могут стать объектом внешних и внутренних угроз — как случайных, так и целенаправленных [3, 5]. Особая роль при этом отводится борьбе с инсайдерскими рисками и ошибками работников организации, на которые приходится большая доля современных утечек [2, 6, 7].

Методологические подходы к практическому применению DLP-систем включают использование: интеллектуальных инструментов анализа (контентного, контекстного, поведенческого, корреляционного), механизмов предотвращения и регистрации инцидентов в реальном времени, комплексной интеграции с другими сегментами корпоративной защиты (система управления сбора информации (SIEM), система управления идентификации доступом (IAM), центра безопасности операций (SOC) и др.), автоматизированного управления политиками обработки информации и реагирования на выявленные аномалии.

Анализ многочисленных научных работ показывает, что эффективность DLP-систем подтверждается снижением инцидентов, связанных с несанкционированным распространением и утратой данных, а сами системы становятся обязательным элементом инфраструктуры любой современной компании независимо от масштаба и отраслевой принадлежности. Кроме того, развитие DLP-технологий опирается на использование искусственного интеллекта и машинного обучения, что позволяет перехватывать даже сложные схемы передачи информации и опережать современные киберугрозы [4].

Таким образом, DLP-системы в свете современных исследований выступают не только как средства минимизации технологических и правовых рисков, но и как стратегически значимый инструмент формирования культуры обращения с данными и повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов в условиях цифровой трансформации.

Современные DLP-системы реализуются в виде многоуровневых программных комплексов, интегрированных в единую корпоративную инфраструктуру информационной безопасности. К их основным архитектурным особенностям относятся:

— поддержка гибридных схем, сочетающих агентский и централизованный подход (размещение агентов на рабочих станциях и точках передачи данных, централизованный анализ сетевого трафика);
— мультиканальность, то есть контроль всех основных каналов утечки — электронной почты, облачных сервисов, мессенджеров, USB-носителей и других внешних устройств;
— обеспечение унифицированного управления политиками безопасности и инцидентами в рамках единой консоли [1, 10, 11].

Для лучшего понимания архитектуры DLP-системы необходимо ее представить в обобщенном виде (рисунок 1). Архитектура DLP-системы, представленная на рисунке, включает в себя три ключевых уровня взаимодействия, обеспечивающие комплексную защиту корпоративной информации на всех этапах ее жизненного цикла: сервер (сервер управления); агенты на рабочих станциях, точки мониторинга (мониторинг сетевого трафика).

Сервер управления является центральным компонентом, отвечающим за настройку политик безопасности, обработку предупреждений и инцидентов, хранение и анализ событий, централизованное управление агентами и точками контроля. На сервере настраиваются правила, отчеты, проводится аудит и расследование инцидентов.

Агенты на рабочих станциях — это своего рода программные модули, устанавливаемые на персональные компьютеры, ноутбуки или другие конечные устройства работников организации. Они контролируют все локальные действия с информацией: перемещение, копирование, печать, выгрузку на внешние носители, изменение сетевых настроек, запуск подозрительных приложений. Агенты могут обнаруживать попытки обхода контроля с помощью туннелирования, шифрования и других методов.

Точки мониторинга сетевого трафика представляют собой специализированные сетевые шлюзы, прокси-серверы, почтовые серверы или точки зеркалирования

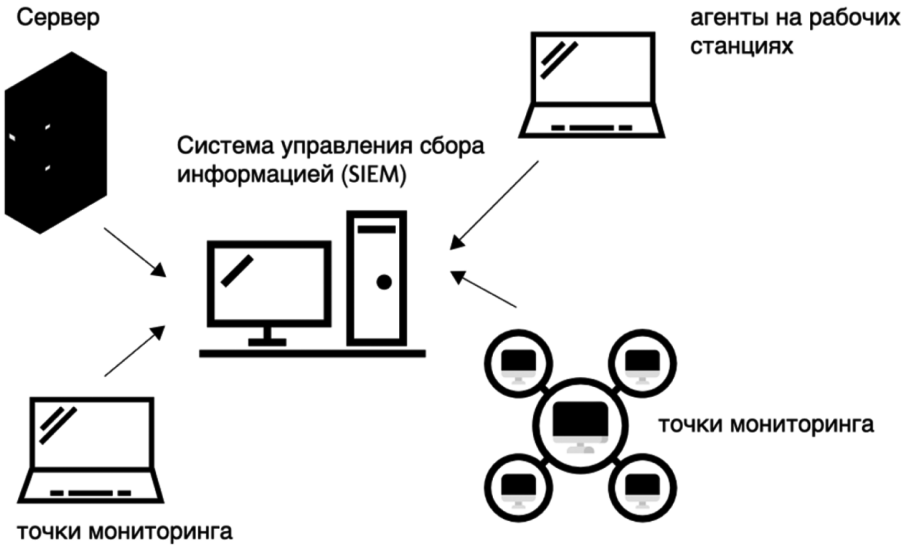

Рис. 1. Обобщенная схема архитектуры DLP-системы

(SPAN-порты). Точки мониторинга контролируют «данные в движении», анализируя электронную почту, вебтрафик, пересылку файлов, сообщения в мессенджерах и другие сетевые коммуникации между пользователями и внешними адресатами. Этот компонент обеспечивает предиктивную блокировку и регистрацию передачи конфиденциальной информации по внешним каналам.

Интеграция с системой управления собора информацией (SIEM) осуществляется за счет того, что DLP-система передает информацию о событиях и инцидентах в корпоративные аналитические и мониторинговые платформы, что позволяет решать задачи быстрого реагирования, глубокой аналитики, корреляции событий и согласования с политиками безопасности на уровне всей организации.

Таким образом, архитектура DLP-системы организована по модульному принципу: все компоненты взаимосвязаны, реализуют сбор, анализ и контроль информации на сетевом и локальном уровнях, а их взаимодействие через сервер управления и интеграционные шлюзы с внешними аналитическими модулями позволяет построить единую линию обороны против утечек данных.

В научной литературе методы мониторинга в DLP-системах рассматриваются как совокупность технологий и процедур, обеспечивающих всесторонний контроль за обработкой, передачей и хранением корпоративных данных.

К основным подходам мониторинга относят: контентный анализ, поведенческий анализ пользователей, сетевой мониторинг и аудит событий [5, 8, 11]. Контентный анализ направлен на автоматическое выявление признаков конфиденциальных данных, по ключевым словам, регулярным выражениям, шаблонам документов и цифровых отпечаткам. Актуальным направлением является расширение семантического анализа, позволяющего выявлять нетипичные проявления обработки чувствительной информации.

Поведенческий анализ пользователей имеет другое назначение — он позволяет осуществлять построение профилей типичного поведения работников организации, анализ аномалий и подозрительных операций, использование машинного обучения для выделения инсайдерских рисков и несанкционированных попыток передачи данных.

Сетевой мониторинг и аудит событий обеспечивает слежение за всеми каналами передачи информации (почта, облако, мессенджеры, и др.), построение графов связей и комплексную корреляцию событий безопасности в рамках интеграции с системой управления собора информацией SIEM и другими аналогичными системами.

Таким образом, как и сами DLP-системы, методы их мониторинга являются многоуровневыми, поскольку формируют систему защиты на нескольких уровнях, где каждый компонент дополняет другие, обеспечивая надежный и адаптивный контроль информационных потоков. Комплексное применение этих методов является ключевым условием повышения эффективности предотвращения утечек данных. При этом успех реализации DLP-механизмов во многом определяется не только технологическими возможностями, но и глубиной интеграции с бизнес-процессами и культурами информационной безопасности внутри организации. В перспективе развитие интеллектуальных аналитических инструментов и повышение автоматизации мониторинга станет определяющим фактором для создания проактивных и высокоэффективных систем предотвращения утечек информации.

Вместе с тем успешное функционирование DLP-системы заключается не только в построении ее архитектуры, но и в тщательной и систематической оценке эффективности внедрения такой системы. Обусловлено это тем, что без объективных критериев и метрик невозможно определить реальный уровень защиты, а также провести необходимую диагностику для оптимизации DLP-системы при ее практическом применении.

Оценка эффективности внедрения DLP-систем представляет собой сложный процесс, направленный на количественную и качественную оценку степени реализации поставленных целей по сохранению конфиденциальности корпоративной информации. Эффективная оценка требует системного подхода, сочетающего технические, организационные и экономические аспекты.

Технический аспект оценки включает количественный анализ событий безопасности до и после внедрения DLP-системы, что позволяет определить уровень снижения инцидентов, связанных с утечками данных. Важной метрикой является коэффициент обнаружения и предотвращения несанкционированного распространения информации, а также показатель ложных срабатываний, отражающий качество алгоритмов классификации данных и минимизацию помех для бизнес-процессов. Значительное внимание уделяется показателям производительности системы, влиянию на нагрузку, на ИТ-инфраструктуру и способность своевременно реагировать на инциденты.

Организационный аспект основан на оценке степени вовлеченности сотрудников, их обученности и соблюдения внутренних политик безопасности, что является критически важным для снижения человеческого фактора при утечках. Оценка охватывает процесс внедрения политик обеспечения информационной безопасности, мониторинга и реагирования, а также адаптивность политики в условиях изменяющейся бизнес-среды.

Экономическая оценка эффективности рассматривает соотношение затрат на внедрение и поддержку DLP-системы с уменьшением финансовых потерь, репутационных рисков и возможных штрафных санкций за нарушение требований законодательства по защите персональных данных и коммерческой тайны. Анализ затрат включает прямые расходы на лицензирование, оборудование, обучение и поддержку, а также косвенные расходы, связанные с минимизацией простоев и защитой интеллектуальной собственности.

В совокупности комплексная оценка эффективности внедрения DLP-систем формирует основу для принятия управленческих решений о дальнейшем развитии и совершенствовании информационной безопасности, обеспечивая оптимизацию ресурсов и повышение устойчивости организации к современным киберугрозам. При этом систематический подход к мониторингу, адаптация к специфике бизнеса и интеграция с другими ИТ-системами являются ключом к достижению максимального эффекта от внедрения DLP-систем.

Подводя итог, следует отметить, что архитектурные решения и набор методов мониторинга в DLP-системах не могут рассматриваться в качестве окончательной цели внедрения DLP-систем. Эффективность этих технических компонентов реализуется лишь в контексте систематической и научно обоснованной оценки результата их внедрения. Лишь путем комплексного анализа ключевых показателей — от точности обнаружения утечек до экономической целесообразности — возможно сформировать объективное представление о значении и роли DLP-системы в обеспечении информационной безопасности организации. В этом смысле оценка эффективности становится критерием не только технологической состоятельности, но и управленческой зрелости хозяйствующего субъекта, отражая уровень адаптации защиты к динамично меняющимся условиям и требованиям современного киберпространства.

Таким образом, интегральный подход, объединяющий инновационные архитектурные решения, современные аналитические методы и регулярный мониторинг эффективности, является базисом формирования проактивной, устойчивой и адаптивной системы предотвращения утечек данных, способной отвечать вызовам времени и обеспечивать надежную защиту корпоративных информационных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриянова Т.А., Саломатин С.Б. Использование адаптированной DLP-системы для Блокирования утечек информации // Системный анализ и прикладная информатика. 2017. №4. С. 52–57.
2. Артюшкина Е.С., Скакун О.О., Гузь А.Р. Использование искусственного интеллекта в DLP-системах // Прикладные экономические исследования. 2023. №2. С. 123–129.
3. Аусилова Н.М., Зарынбеков А.Б., Ахмет Г.Б. Применение DLP-систем как инструмента обеспечения информационной безопасности // НИР/S&R. 2023. №1 (13). С. 93–96.
4. Гречанная А.Ю., Тастенов А.Д. DLP-системы и их роль в защите от утечек конфиденциальной информации // Наука и техника Казахстана. 2015. №3–4. С. 23–27.

5. Глушков В.А. Классификация данных в DLP-системах: пробелы в локальном регулировании и правовые последствия // Новый юридический журнал. 2025. №1. С. 43–49.
6. Жинкин Д.Р., Журилко Г.С. Сравнительный анализ методов обнаружения утечек конфиденциальной информации в текстовых сообщениях // Вестник науки. 2025. №4 (85). С. 658–668.
7. Кабанцов Ю.Е., Лапшин Д.В., Баулин А.В. Предотвращение утечки конфиденциальной информации с использованием DLP систем // Синергия наук. 2018. № 26. С. 292–298.
8. Королев В.В. Использование методов анализа контента в DLP системах // Проблемы науки. 2016. №10 (11). С. 16–20.
9. Мавринская Т.В., Лошкарёв А.В., Чуракова Е.Н. DLP-системы и тайна личных переписок // Интерактивная наука. 2017. №14. С. 181–183.
10. Страхов А.А., Дубинина Н.М. Об утечке данных и DLP-системах // Криминологический журнал. 2022. №4. С. 226–232.
11. Firoz Mohammed Ozman. Implementing Data Loss Prevention (DLP). World Journal of Advanced Engineering Technology and Sciences, 2025, 15(02), 2427–2436.

© Рейн Татьяна Сергеевна (tsrein@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.34

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В БЕСПИЛОТНЫХ АВИАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

PROBLEMS AND PROSPECTIVE SOLUTIONS FOR SOFTWARE IMPORT SUBSTITUTION IN UNMANNED AERIAL SYSTEMS

K. Savin

Summary. This article provides a comprehensive analysis of the principal challenges associated with achieving software import substitution in unmanned aerial systems (UAS) deployed in both defense and civilian domains. Particular attention is given to the systemic dependence on foreign technologies, the shortage of highly qualified engineering personnel, the absence of unified domestic software platforms, as well as the regulatory and methodological complexities associated with the certification of national solutions. The study outlines a set of strategic directions aimed at overcoming these constraints, including the development of specialized domestic operating systems and software libraries, the establishment of an integrated software development ecosystem, the enhancement of human capital, and the creation of dedicated testing and certification centers. The findings emphasize that the attainment of technological sovereignty in the field of UAS software necessitates a coordinated, multi-level approach involving governmental institutions, research organizations, and industrial stakeholders.

Keywords: unmanned aerial systems, software development, import substitution, certification, technological sovereignty.

Савин Константин Викторович
Директор по стратегическому развитию,
ФГАУ Цифровые индустриальные технологии
skvsavin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы импортозамещения программного обеспечения в беспилотных авиационных системах (БАС), используемых в оборонной и гражданской сферах. Приводятся факторы зависимости от зарубежных технологий, кадровый дефицит, отсутствие унифицированных платформ и сложности сертификации отечественных решений. Предлагаются направления решения данных проблем: создание специализированных отечественных операционных систем и библиотек, формирование экосистемы разработки, развитие кадрового потенциала, организация центров испытаний и сертификации. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, объединяющего усилия государства, науки и бизнеса для достижения технологического суверенитета России в сфере программного обеспечения для БАС.

Ключевые слова: беспилотные авиационные системы, программное обеспечение, импортозамещение, сертификация, технологический суверенитет.

Введение

Развитие нейронных сетей, искусственного интеллекта, цифровизации и информационных технологий продолжает стремительно набирать обороты. Указанные технологии последовательно внедряются в различные сферы человеческой деятельности, что сопровождается усложнением алгоритмов обработки данных, повышением адаптивности моделей и расширением спектра решаемых задач. Современные интеллектуальные системы демонстрируют высокую скорость обучения и в ряде прикладных аспектов приближаются к уровню когнитивных возможностей человека при выполнении специализированных функций.

В условиях ускоренного технологического прогресса происходит активное внедрение цифровых и интеллектуальных решений в повседневную и профессиональную деятельность, включая области, ранее не характеризовавшиеся высокой степенью автоматизации. Одним из таких направлений является беспилотная авиация, развитие которой тесно связано с применением методов искусственного интеллекта. Современный уровень развития ИИ позволяет реализовывать функции автономного управления, анализа окружающей среды и принятия решений без непосредственного участия оператора, что существенно повышает эффективность и функциональные возможности беспилотных авиационных систем.

В частности, в беспилотной авиации находят применение методы машинного обучения и глубоких нейронных сетей для задач компьютерного зрения, включая распознавание и классификацию объектов, навигацию в сложных условиях и предотвращение столкновений.

Алгоритмы обучения с подкреплением используются для оптимизации траекторий полёта и адаптации поведения беспилотных аппаратов в динамически изменяющейся среде. Кроме того, методы интеллектуального анализа данных и предиктивной аналитики применяются для мониторинга технического состояния, прогнозирования отказов и повышения надёжности эксплуатации беспилотных платформ.

Таким образом, искусственный интеллект выступает ключевым технологическим компонентом современных беспилотных авиационных систем, обеспечивая переход от дистанционно управляемых решений к автономным и интеллектуальным комплексам, ориентированным на повышение безопасности, эффективности и масштабируемости применения.

Ключевую роль в функционировании беспилотных авиационных средств играет программное обеспечение (ПО), которое обеспечивает управление, навигацию, обработку данных и взаимодействие с другими системами.

Современное развитие беспилотных авиационных систем является стратегическим направлением научно-технического прогресса. Их применение стремительно внедряется и охватывает оборонно-промышленный комплекс (ОПК), транспорт, сельское хозяйство, мониторинг инфраструктуры и применение в различных чрезвычайных природных и техногенных ситуациях (ЧС).

В условиях ограничений, с учетом геополитической ситуации на поставку технологий и санкционного давления, проблема импортозамещения программного обеспечения в БАС приобретает особое значение. Она напрямую связана с вопросами национальной безопасности и технологического суверенитета. Ведь переход на собственное программное обеспечение и компоненты собственного производства может не только помочь достигнуть импортозамещения и независимости от поставки иностранных комплектующих и аппаратов, но и позволит развить смежные производства, по пути диверсифицируя гражданские потребности, становясь своеобразным драйвером роста для формирования новой экономики «малых заделов, данных и малых высот».

При этом всем, хочется отметить, что импортозамещение — это не точечная замена ПО или технологии, не разработка её начальной стадии, как пытаются представить многие руководители и авторы бесчисленных стратегий развития производства, а **выстраивание полного контура разработки и поддержки ПО**, чтобы отечественные БАС могли работать независимо от зарубежных библиотек, операционных систем и облачных сервисов.

Можно отметить — схожесть подхода во многом перекликается с принципами плановой экономики СССР, в рамках которой механизмы формирования спроса и определения потребностей были строго регламентированы и находились во взаимной зависимости.

К сожалению, для осуществления технологического прорыва и осознания направлений дальнейшего развития необходимо проанализировать причины регресса, поскольку историческое развитие носит циклический характер.

Таким образом, переосмысление траектории становления отечественной беспилотной авиационной отрасли, а также факторов, оказавших ключевое влияние на её спад, целесообразно связывать с замедлением и стагнацией развития национальной науки в 1990-е годы и началом зависимости от зарубежных технологических решений. Использование иностранных операционных систем, программных библиотек, систем моделирования и навигации привело к формированию уязвимостей и рисков критической технологической зависимости, а также стимулировало развитие сопутствующих иностранных технологий, включая облачные хранилища, серверные решения и иные инфраструктурные компоненты.

Зависимость от зарубежных операционных систем и платформ прослеживается достаточно плотно в настоящее время, несмотря на все усилия текущего состава правительства и Минпромторга России в попытке переломить указанный вектор развития.

Следует отметить, что текущая ситуация стала возможной в связи с ликвидацией отечественной школы программирования, когда обучение программированию и реализация проектов стали происходить с использованием специализированного иностранного программного обеспечения, что позволяло и позволяет западным организациям пользоваться отечественными наработками, дорабатывая их и реализуя на первоначальных российских заделах свои, прорывные технологии.

Кроме того, отметим, что большая часть существующих БАС создается с использованием иностранных ОС и middleware. Например, широко применяются зарубежные RTOS (VxWorks, QNX) и специализированные Linux-дистрибутивы. Принципы применения носят практический характер, поскольку используемые решения имеют высокую степень сертификации (по авиационным стандартам DO-178C), что делает их привлекательными для разработчиков по всему миру.

На текущий период рынок беспилотной авиации представляет собой разделение на несколько категорий востребованности беспилотных летательных аппаратов. Несмотря на этот факт, стоит отметить, что в своей основе производителями используется открытое программное обеспечение для управления БЛА.

Таким образом, иностранные государства создали свой вектор развития, подчинив себе последующие шаги в трансформации отрасли по всему миру, заложив четкие рамки движения и код, в рамках которого и развивается технологический прогресс.

Но с учетом сложившейся политической ситуации и в дальнесрочной перспективе с иностранными ОС возникает риск недоступности обновлений, патчей и технической поддержки при санкционном давлении, что со временем делает их нежизнеспособными и неконкурентными.

Отечественные ОС реального времени (например, «Реалтайм ОС 4.2», отечественные модификации Linux) пока уступают в зрелости и инструментальной поддержке, при этом, низкая степень интеграции отечественных решений с международными стандартами усложняет кооперацию с партнёрами из дружественных стран.

Так, например, для эксплуатации в военной и гражданской авиации программное обеспечение должно соответствовать жёстким стандартам безопасности (в том числе ГОСТ, ФСТЭК, DO-178C).

Увы, без конкретной аналитики на текущей стадии существует разрыв между требованиями нормативно-правовой базы и реальными возможностями отечественного ПО.

Кроме того, несмотря на активное развитие отрасли, активно выявляются проблематика тестирования и сертификации. У значительной части отечественных решений отсутствует необходимая сертификация. Это мешает их использованию в ответственных областях промышленности, в том числе в обороне и гражданском применении.

Проведенной аналитикой открытых источников выявлено, что в России отсутствует достаточное количество центров компетенций и полигонов для комплексной проверки ПО для БАС. Процедуры сертификации на момент написания статьи не унифицированы и требуют доработки. Затрудняет разработку и проведение полноценных испытаний программного обеспечения, высокая стоимость оборудования (ЦОД, симуляторы, испытательные стенды).

Стоит отметить, что указанная проблема вышла на повестку дня и на текущий период активно решается научными институтами, в том числе и институтами авиационной отрасли, ПАО «ОАК» и Минпромторгом России. Так, например, подведомственное Минпромторгу России ФГАУ «Цифровые индустриальные технологии» на базе центра коллективного пользования Минпромторга России совместно с ФАУ «ГосНИИАС» запустило возможность апробации разработанных систем на базе платформы ГНС.

Проведенным мониторингом и опросами предприятий в сфере БАС определены проблемы импортозамещения программного обеспечения в БАС.

В ходе исследования, отмечено, что российский рынок программного обеспечения для управления БАС демонстрирует значительную фрагментацию экосистемы, что обусловлено существованием двух доминирующих методологических подходов к разработке.

Первый подход характеризуется созданием закрытых проприетарных систем, который преимущественно реализуется крупными разработчиками и участниками государственного заказа.

Второй подход базируется на адаптации решений с открытым исходным кодом, получивших широкое распространение среди стартапов и компаний-интеграторов. Данная модель предполагает использование проверенных базовых функциональных возможностей open-source платформ, преимущественно PX4 и ArduPilot. При этом создание дополнительной ценности осуществляется посредством разработки специализированных пользовательских интерфейсов, внедрения уникальных алгоритмов для конкретных применений и производства оптимизированного под данный программный стек аппаратного обеспечения, включая автопилоты.

Стоит отметить, что импортозамещение ПО, это не только замена Windows на Astra Linux, а целая комплексная работа по инфраструктуре, алгоритмам, сертификации и экосистеме поддержки.

Необходимо выделить уровни замещения компетенций, которые должны параллельно прорабатываться для комплексного решения проблемы. Всего по исследуемому в статье направлению можно выделить отдельно шесть уровней, таких как: инфраструктурный, технологический, институционально-регуляторный, операционный/интеграционный, кадровый и стратегический.

Не будем касаться всех шести уровней, поскольку сами по себе они могут представлять долгосрочную программу развития отрасли БАС в России, а коснемся только первых трех, которые необходимо реализовать для начального этапа независимости отрасли от иностранных решений.

Предвосхищая вопросы, необходимо пояснить, что операционный/интеграционный — 4 уровень, представляет собой практическое применение уже разработанного ПО и решений в отрасли и нужен для обеспечения устойчивого функционирования и масштабирования отечественных решений в реальных условиях. Пятый уровень — кадровый, является сквозным и частично затрагивает первые три, поскольку формирует создание

и обучение подбор специалистов, поиск необходимых работников с востребованными компетенциями для полного цикла импортозамещения и формирования кадрового ядра отрасли. Шестой уровень — стратегический и касается формирования компетенций, обеспечивающих уже устойчивое развитие и независимость отрасли и обеспечение её эволюции на горизонте 5–15 лет.

Возвращаясь к первому уровню — инфраструктурному, стоит отметить, что он включает в себя операционные системы, в т.ч. реального времени (ОРВМ, RTOS), базы данных и отечественные компиляторы, СУБД, системное ПО, средства разработки (IDE), библиотеки, отечественные аппаратные платформы и инфраструктуру для хранения и передачи данных. Стоит отметить, что часть решений уже присутствует на российском рынке, но все равно требует интеграции в БАС, развития и доработки.

По направлению прикладных, операционных систем — можно выделить переход с иностранных систем на сертифицированные отечественные ОС (Astra Linux, RedOs, Альт), в части баз данных и СУБД — замена PostgreSQL — на совместимые российские решения Postgres Pro, Линтер и др. В части системного ПО — драйверов, библиотек и АПИ — локализация и создание собственного стека для датчиков, автопилотов и камер.

Анализом отрасли, предприятий БАС выявлено, что существуют трудности с алгоритмическим и прикладным уровнем и востребованными направлениями, такими как:

— автопилоты и навигация (разработка отечественных систем управления полётом, интеграция со спутниковой навигацией ГЛОНАСС, ИНС);
— ИИ-алгоритмы обработки данных (создание отечественных моделей компьютерного зрения, анализа сигналов, систем поддержки принятия решений (распознавание объектов, маршрутизация));
— системы связи и управления (переход на российские протоколы и программное обеспечение для защищённых каналов связи);
— интеграция CAD/CAE/CAM/PLM (внедрение российских платформ проектирования и цифровых двойников для жизненного цикла БАС).

Как раз сопутствующим и тормозящим фактором является кадровый дефицит (пятый уровень, сквозной), а именно недостаток специалистов в узких областях и направлениях, таких, например, как области программирования систем реального времени, машинного зрения и анализа больших данных, что существенно ограничивает темпы импортозамещения. Для разработки ПО БАС требуются специалисты по низкоуровневому программированию, системам реального времени, навигации, обработке сигналов, ИИ и Big Data.

В России наблюдается нехватка инженеров, способных одновременно работать с авионикой, встроенными системами и алгоритмами машинного обучения.

Приходящие на замену и развитию технологического прогресса выпускники вузов часто имеют базовую подготовку по программированию, но не обладают опытом проектирования критически важных систем и мыслят строго по запрограммированному шаблону. Отсутствует устоявшаяся школа по созданию сертифицируемого авиационного ПО, что замедляет импортозамещение.

Существуют сложности координации между научными учреждениями, промышленными предприятиями и военными заказчиками, что затрудняет формирование государственного заказа на ключевые модули (автопилот, компьютерное зрение, защищённая связь).

Кроме того, высокая стоимость разработки «с нуля» и ограниченные ресурсы малых компаний замедляют появление конкурентоспособных отечественных решений, поскольку разработка отечественного ПО для БАС — это долгосрочный процесс с высокой стоимостью НИОКР и даже частные компании не всегда заинтересованы инвестировать в импортозамещение, если нет гарантированного спроса со стороны государства.

Отмечается неравномерность мер государственной поддержки: гранты ФПИ и Минпромторга не всегда в полной мере соответствуют реальным потребностям предприятий. При этом комплексная дорожная карта мер поддержки, выстроенная по технологическим циклам и предполагающая интеграцию субсидий и грантов (ФПИ, Фонд Бортника, программы Минцифры и Минпромторга) в части разработки программного обеспечения для БАС, на текущий момент остаётся недостаточно проработанной.

Стоит отметить, что в текущих условиях и на текущий момент времени, импортозамещение и генерация своих каких-то перспективных наработок без учета уже имеющихся решений и международных решений повлечет существенное технологическое отставание в указанной сфере.

При этом перед началом комплексной работы по импортозамещению требуется проведение развернутой аналитической работы. Она должна быть направлена на анализ уже существующих решений и накопленных наработок в рамках импортозамещающего направления. Особое внимание необходимо уделить вдумчивой и глубокой проработке технических требований. Такая проработка должна осуществляться на продвинутом уровне, а не на первоначальной, зачаточной стадии.

К сожалению, как правильно заметил Ф.Э. Дзержинский «Отчётов всё больше, а людей, которые должны их читать и работать по ним, нет».

Второй уровень — технологический (ядро программных компетенций БАС) и представляет из себя компетенции, связанные с ключевыми алгоритмами и ПО, заменяющими зарубежные решения:

— разработка ПО бортового управления (autopilot stack);
— системы навигации, позиционирования и навигационных фильтров (INS/GNSS, SLAM);
— ПО компьютерного зрения и сенсорной обработки;
— алгоритмы автономности, планирования маршрута, avoidance;
— ПО радиоканалов, шифрования, телеметрии;
— ПО для управления роями БАС;
— ПО наземных станций управления (GCS);
— системы анализа телеметрии и полётных данных, и др.

В третий этап также входит сертификация и стандартизация, и введение единых отраслевых требований к отечественному ПО для БАС (надёжность, безопасность, совместимость с ГОСТ) а также разработка процедур верификации и тестирования: стенды, полигоны, симуляторы, методы сертификации ПО по авиационным требованиям (аналог DO-178, DO-254). Кроме того, нужна разработка регламентов использования отечественных криптосредств и создания системы аудита качества и доверия ПО (по аналогии с доверенными ПАК).

Решение этой задачи требует комплексного подхода: разработки собственных платформ с учетом тех технологических требований, что уже реализованы у наших западных партнеров и дружественных стран СНГ для безболезненного перехода на отечественные решения, поддержки кооперации бизнеса и науки, развития кадрового потенциала, создания центров сертификации и экономических стимулов для компаний. В перспективе это позволит сформировать устойчивую экосистему отечественного программного обеспечения для БАС, конкурентоспособную на международном уровне и способную обеспечить как оборонные, так и гражданские потребности.

В рамках исследования целесообразно выделить четыре этапа формирования дорожной карты импортозамещения программного обеспечения в сфере беспилотной авиации. При этом указанные этапы соотносятся с основными направлениями решения задач импортозамещения отрасли и её дальнейшего развития:

1. **Подготовительный этап**, включающий в себя аудит текущего, используемого ПО, включая операционные системы, автопилоты, библиотеки, протоколы связи и CAD, CAE, CAM. Выбор отечественных аналогов и формирование под них требований по безопасности и совместимости с целью обеспечения создания базы для перехода на отечественный софт.

На указанном этапе целесообразно интегрировать данные направления в рабочие группы, сформированные с участием ВУЗов, НИИ и предприятий ОПК, Минобороны, как потребителей данных систем и изделий, и одновременно учитывая сформированные требования формировать задел для переподготовки специалистов.

При этом первый этап позволит найти пути решения по созданию специализированных операционных систем реального времени, и сформировать пул открытых библиотек для обработки сенсорных данных и машинного зрения.

Вторым этапом дорожной карты можно выделить начало базового импортозамещения в части замены критически важных элементов системного программного обеспечения — автопилота и систем управления полетом на отечественных ОС и middleware, формирование протоколов и каналов связи и управления на отечественных решениях, внедрения и создания испытательных стендов и симуляторов для апробации разрабатываемого программного обеспечения.

В рамках второго этапа формирование экосистемы разработки поможет развитию кооперации между предприятиями ОПК, вузами и стартапами, а также позволит сформировать экспертное сообщество переведя «гаражные» наработки в разряд действующих и инновационных решений.

На указанном этапе, целесообразна поддержка государством (ФПИ, ФСИ, Минпромторг и др.) разработчиков и производителей ключевых ПО-модулей и включение их в реестр отечественного ПО, стимулирование через меры поддержки и предоставление отечественным эксплуатантам преференций при использовании отечественного ПО.

На третьем этапе (2–3 года), основными целями которого является переход к системному внедрению и масштабированию, необходима полная интеграция разработанных систем и открытое тиражирование для отработки ПО, включая виртуальные среды и применение отечественных платформ (Big Data/AI-платформ для анализа телеметрии и наработки датасетов для их последующего использования. Интеграция отечественных CAD/CAE/CAM/PLM в процессы проектирования БАС. Создание Центра компетенций Минпромторга/ФПИ для координации испытаний и обмена опытом.

Уже на третьем этапе, для успешной реализации решений, необходима подготовка кадров по разработанным и тестирующимся решениям, формирование целевых образовательных программ в вузах по направлениям автономных систем и ИИ, а также проведение и внедрение практико-ориентированных стажировок

на предприятиях и подготовка кадров для успешного внедрения решений, их апробации и последующего развития.

Для эффективного развития отечественных решений критически важно обеспечить внедрение систем в образовательные учреждения, что позволит сформировать у будущих специалистов необходимые компетенции работы с российским ПО. Параллельно необходимо инициировать запуск пилотных проектов на производственных площадках с полным циклом разработки на базе отечественных CAD-систем. Особое внимание следует уделить обеспечению бесшовной интеграции между различными модулями для создания непрерывного процесса проектирования БВС. Не менее важным аспектом является разработка механизмов, позволяющих инженерам беспрепятственно переходить между CAD, CAE и CAM-системами при работе над проектом.

Четвертым этапом (4–5 лет), который в текущих реалиях пытается реализовать большинство ведомств, является формирование национальных стандартов на ПО БАС (по аналогии с ISO/IEC SC42), а также выход на внедрение ИИ для оптимизации маршрутов, автономности и безопасности. Создание отраслевых центров сертификации ПО БАС для разработки унифицированных требований.

Также хотелось отметить, что несмотря на попытки государства субсидировать отрасль и разработку программного обеспечения, и развитие БАС, указанные меры не несут в себе прикладного толка, поскольку не реализованы указанные первые три этапа, а выделяемое субсидирование фактически уходит на эфемерное формирование «российской продукции» на иностранной ЭКБ и ПО, что не способствует развитию и достижению технологического суверенитета Российской Федерации как мировой державы.

В качестве одной из практических мер целесообразно рассмотреть разработку комплекса механизмов, направленных на интеграцию существующих технологических наработок. Данный комплекс может быть реализован посредством стимулирования государственного заказа в федеральных органах исполнительной власти с последующим привлечением ветеранов СВО к процессам внедрения и апробации решений в гражданских условиях, а также с участием специалистов в области искусственного интеллекта.

Как показывает международная практика, в ряде зарубежных стран ключевую роль играют механизмы государственного заказа и привлечение специалистов с практическим опытом эксплуатации технологий:

Так, например, в США (двойное назначение, госзаказ и апробация) широко применяется модель интеграции технологических разработок через механизмы государственного заказа и программ двойного назначения. В частности, структуры, аффилированные с DARPA, обеспечивают переход экспериментальных разработок в гражданский сектор за счёт пилотных проектов, стандартизации требований и масштабирования решений. Существенную роль играет привлечение специалистов с практическим опытом эксплуатации технологий, включая бывших военнослужащих, к процессам тестирования и внедрения.

В странах Европейского союза (кооперация и тестовые полигоны) развитие беспилотных авиационных систем осуществляется в рамках программ технологической кооперации, реализуемых при поддержке European Defence Agency и Horizon Europe. Характерной особенностью является создание экспериментальных правовых режимов и тестовых зон, в которых проводится апробация программных и интеллектуальных решений в гражданских условиях с участием междисциплинарных команд разработчиков.

В Израиле (быстрая коммерциализация и гражданская адаптация) применяется модель ускоренной трансформации военных технологических решений в гражданские продукты, в том числе в области беспилотных систем и искусственного интеллекта. Ключевым элементом является институционализированное взаимодействие между разработчиками, государственными структурами и бывшими военнослужащими, обладающими прикладной экспертизой эксплуатации технологий в реальных условиях.

Приведенные выше меры позволят решить социальную проблематику, последнее время остро вставшую перед государством в условиях СВО, а также обеспечить приток высококвалифицированных специалистов для формирования объема данных, а также для отслеживания и выявления нужд государства в различных сферах применения беспилотных летательных средств с участием оператора для быстрого реагирования в сложившихся ситуациях.

Как показывают условия СВО, даже реинжиниринг имеет под собой больше пользы нежели меры поддержки, которые пытаются интегрировать в отрасль.

Таким образом, при постепенной, грамотной и пошаговой реализации данной концепции (рис. №1.: диаграмма №1), указанный переход займет около пяти лет (как «сталинская» пятилетка), что в текущих условиях и геополитической обстановке является просто обязательным для реализации:

1 год — аудит + замена системных ОС + пилотные проекты.

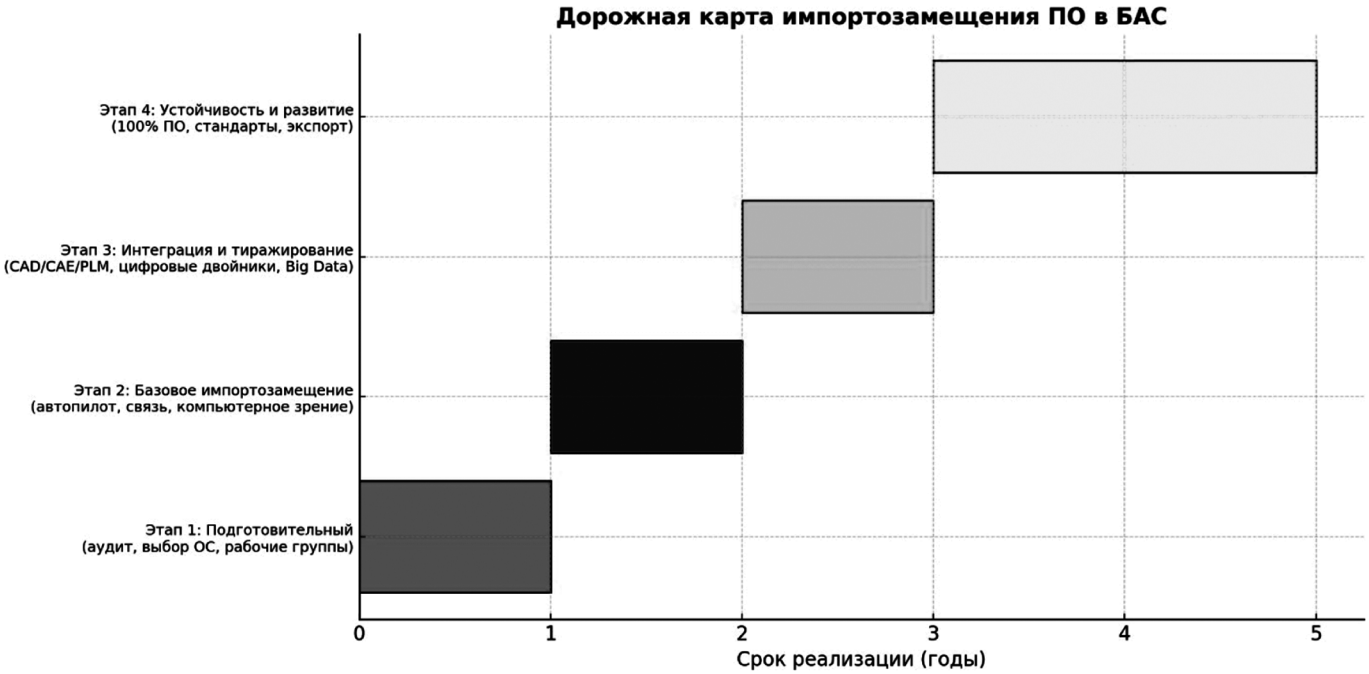

Рис. 1. Диаграмма № 1

2 года — замена автопилотов и связи, запуск симуляторов.

3 года — интеграция в PLM/CAD и отработка цифровых двойников.

5 лет — полная независимость и международная кооперация.

Заключение

Таким образом, формирование технологического суверенитета Российской Федерации в современных условиях требует системного развития отечественных решений в области программного обеспечения беспилотных авиационных систем. Импортозамещение в данной сфере выступает стратегически значимым направлением, обеспечивающим снижение технологической зависимости, повышение уровня национальной безопасности и устойчивости критически важных отраслей. Кроме того, развитие отечественного программного обеспечения для беспилотных авиационных систем способствует созданию условий для долгосрочного социально-экономического роста и укрепления конкурентоспособности национальной экономики.

Для консолидации указанных направлений развития необходимо обеспечение тесного взаимодействия разработчиков отечественных программных и аппаратных модулей, а также формирование чёткого и формализованного технического задания, основанного на аналитическом обзоре лучших существующих решений, представленных на рынке. Реализация данных условий позволит перейти от фрагментарных и разрозненных разработок к созданию интегрированных решений, способных обеспечить формирование задела для технологического прорыва в перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськов А.Н. Импортозамещение в сфере высоких технологий: вызовы и решения // Экономика и управление. — 2022. — № 5. — С. 14–21.
2. Козлов П.В. Развитие беспилотных авиационных систем: мировые тренды и российские перспективы // Вестник авиационных технологий. — 2021. — № 4. — С. 33–42.
3. Сидоров И.А., Петрова Е.В. Программное обеспечение для систем реального времени: отечественные разработки и перспективы // Информационные технологии. — 2020. — № 7. — С. 56–64.
4. Фонд перспективных исследований: приоритеты в области искусственного интеллекта и автономных систем [Электронный ресурс]. — URL: https://fpi.gov.ru
5. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 22.09.2020 № 486 «Об утверждении классификатора программ для электронных вычислительных машин и баз данных» (Зарегистрирован 29.10.2020 № 60646).
6. Приказ Минцифры России от 26.04.2022 N 393 «О внесении изменений в классификатор программ для электронных вычислительных машин и баз данных, утвержденный приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 22 сентября 2020 г. N 486» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.06.2022 N 69023).

7. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 22.12.2022 № 974 «О внесении изменений в классификатор программ для электронных вычислительных машин и баз данных, утвержденный приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 22 сентября 2020 г. № 486» (Зарегистрирован 20.04.2023 № 73105).
8. ГОСТ Р 56939–2016 «Защита информации. Разработка безопасного программного обеспечения. Общие требования».
9. ГОСТ 28806–90 «Качество программных средств».
10. ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207 «Информационная технология. Системная и программная инженерия. Процессы жизненного цикла программных средств».
11. ГОСТ Р ИСО/МЭК 14764–2002 «Информационная технология. Сопровождение программных средств».
12. ГОСТ Р ИСО/МЭК 15288 «Информационная технология (ИТ). Системная инженерия. Процессы жизненного цикла систем».
13. ГОСТ Р 51188–98 «Защита информации. Испытания программных средств на наличие компьютерных вирусов. Типовое руководство».
14. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования».
15. Постановление Правительства РФ от 22.08.2022 N 1478 «Об утверждении требований к программному обеспечению, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, используемому органами государственной власти, заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, Правил согласования закупок иностранного программного обеспечения, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, в целях его использования заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также закупок услуг, необходимых для использования этого программного обеспечения на таких объектах, и Правил перехода на преимущественное использование российского программного обеспечения, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
16. ГОСТ Р ИСО/МЭК 15408-1-2012 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Критерии оценки безопасности информационных технологий. Часть 1. Введение и общая модель».
17. ГОСТ Р ИСО/МЭК 15408-2-2013 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Критерии оценки безопасности информационных технологий. Часть 2. Функциональные компоненты безопасности».
18. ГОСТ Р ИСО/МЭК 15408-3-2013 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Критерии оценки безопасности информационных технологий. Часть 3. Компоненты доверия к безопасности»
19. ГОСТ Р ИСО/МЭК 9126 «Информационная технология (ИТ). Оценка программной продукции. Характеристики качества и руководства по их применению».
20. ГОСТ Р ИСО/МЭК 15910 «Информационная технология (ИТ). Процесс создания документации пользователя программного средства»

© Савин Константин Викторович (skvsavin@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.36

МЕТОДЫ ДЕКОМПОЗИЦИИ КАК ОСНОВА АГРЕГИРОВАНИЯ

DECOMPOSITION METHODS AS A BASIS FOR AGGREGATION

A. Sapogov

Summary. The analysis and modeling of complex systems involves the use of decomposition methods and subsequent aggregation of the resulting information. Decomposition, in its broadest sense, is used to decompose multidisciplinary systems into subsets of lesser complexity that can be interpreted and analyzed. As part of the next stage of scientific knowledge, aggregation synthesizes these sectoral subsets into a coherent system structure with a higher level of organization, thereby helping to identify new interrelations within the system. These methodological approaches are not simply methods, but key models of interaction for understanding the fundamental mechanisms underlying the operation of complex systems. Decomposition makes it possible to identify important indicators that exert the desired influence on the overall system's performance. Information aggregation, in turn, provides opportunities to emulate the interactions of these indicators, allowing us to reflect their interdependence. Thus, this integrated approach generally reflects the path of scientific knowledge.

However, even though these methods are implemented in various practical fields, ranging from economics, engineering, and management to innovative environmental and bioinformatics research, the working methods themselves (formulas, methodologies) differ significantly. For example, in economics, the decomposition of macroeconomic indicators, for example, is often based on expert assessments (dividing them into sectors, blocks, levels, etc.), while aggregation is used to create models linking complex and nonlinear relationships between economic indicators. In management, decomposition is used to decompose a management system into sublevels to obtain qualitative indicators of the managed system, while aggregation is used to model the dynamics of management results and assess the quality of the system. In any case, regardless of the application, objective aggregation is impossible without reliable information, much of which is obtained using decomposition methods.

Keywords: decomposition, aggregation, scientific research, methodology.

Сапогов Александр Александрович
аспирант,
Российский Государственный Социальный Университет
sapogovmail@gmail.com

Аннотация. Анализ и моделирование сложных систем подразумевает использование методов декомпозиции и последующего агрегирования полученной информации. Метод декомпозиции в широком смысле применяется для разложения многопрофильных систем на подмножества с меньшей степенью сложности, которые поддаются интерпретации и анализу. В рамках следующей ступени научного познания агрегирование занимается синтезом этих секторальных подмножеств в сложенную конструкцию системы с более высоким уровнем организации, помогая, тем самым, выявлять новые взаимосвязи внутри системы. Эти методологические пути являются не просто способами, а ключевыми моделями взаимодействия для понимания основных механизмов, лежащих в основе работы сложных систем. С помощью декомпозиции возможно определить важные индикаторы, которые оказывают искомое влияние на показатели общей системы. Агрегирование информации, в свой черед, предоставляет возможности для эмуляции взаимодействия этих индикаторов, позволяя отразить их взаимозависимость. Так, данный комплексный подход в целом отражает путь научного познания.

Тем не менее несмотря на то, что данные методы реализуются в различных практических областях, начиная от экономики, техники и управления до инновационных экологических и биоинформационных исследований, сами рабочие методы (формулы, методики) существенным образом отличаются. Так, в экономической науке декомпозиция, к примеру, макроэкономических показателей зачастую основана на экспертных оценках (при делении на сектора, блоки, уровни и пр.), а агрегирование служит для формирования моделей, связывающих сложные и нелинейные отношения между экономическими индикаторами. В области управления декомпозиция применяется для разложения системы управления на подуровни, для получения качественных индикаторов управляемой системы, а агрегирование используется уже для моделирования динамики управленческих результатов и оценки качества системы в целом. В любом случае, о какой бы сфере применения не шла речь, объективное агрегирование невозможно без наличия достоверной информации, большая часть из которой получается методами декомпозиционного разделения.

Ключевые слова: декомпозиция, агрегирование, научное исследование, методика.

Метод декомпозиции данных является важным инструментом анализа, позволяющим упростить сложные структуры, выявить неизвестные скрытые закономерности и повысить эффективность обработки информации в той или иной сфере. Неоднократно отмечалось, что объективное агрегирование невозможно без наличия достоверных исходных данных, большая часть из которых получается методами декомпозиционного разделения [1, 2].

Учитывая, что метод декомпозиции, в широком смысле, является универсальным научным способом познания мира, он широко применяется практически во всех сферах науки, решая самые разные задачи: уменьшение размерности и визуализация данных, выделение признаков, шумоподавление, рекомендации и кластеризация, восстановление недостающих данных и др. Принимая во внимание такую широту охвата, сложно ранжировать конкретные методики по степени важно-

сти или применимости. Прежде всего, принципиально, методики декомпозиции могут быть разделены на экспертные методики, имеющие дело с не числовыми категориями (декомпозиция происходит на уровне понятия целого и части, кои могут быть, в свою очередь, определены некими индикаторами) и «математическими» методиками декомпозиции данных, среди которых могут быть названы: сингулярное разложение (применяется для снижения размерности, шумоподавления, а также в рекомендательных системах), трейлз и разложение по собственным значениям (используется в анализе стабильности систем), метод главных компонент (обеспечивает уменьшение размерности при сохранении характеристик исходных данных), независимый компонентный анализ (задачи разделения источников сигнала), низко ранговое приближение (устранение шумов и выявление структуры), разложения на основе матриц факторизации, кратное разложение и др.

Анализ данных играет значимую роль и для принятия обоснованных управленческих решений, а методы декомпозиции данных позволяют разложить сложные, многоаспектные задачи на более простые компоненты, выявить скрытые закономерности, оптимизировать бизнес-процессы и повысить эффективность управления [3].

Значимые методики декомпозиции данных, используемые в менеджменте это: анализ главных компонент, который позволяет снизить размерность больших наборов корпоративных данных (финансовых, операционных, маркетинговых) и выделить ключевые факторы, влияющие на бизнес (применяется для выявления основных драйверов эффективности и сегментации клиентов), факторный анализ, который использует декомпозицию для определения скрытых факторов, воздействующих на наблюдаемые переменные (например, влияние рыночных условий на продажи), разложение по компонентам (в менеджменте применяется для анализа себестоимости, прибыльности или эффективности различных бизнес-подразделений, продуктов или процессов), позволяет выделить основные составляющие, влияющие на показатели деятельности, декомпозиция по Цели-Задача (методика структурирования целей и задач в иерархическую модель, которая помогает понять взаимосвязи и приоритеты в стратегическом планировании и управлении проектами), управленческая матричная декомпозиция (используется для анализа взаимосвязей между структурными элементами, например, в управлении проектами или организационной структурой), анализ потоков ценности и процессов разделяет сложные процессы на отдельные этапы для выявления узких мест, устранения избыточных операций и повышения эффективности и другие. Правильный подбор и применение методов декомпозиции в области управления, в комплексе с дальнейшим агрегированием, обеспечивает оптимизацию бизнес-процессов, точное выявление факторов успеха и проблемных зон, поддержку стратегического и операционного планирования, повышение прозрачности и управляемости бизнеса [1, 9].

Таким образом, в аналитических и управленческих исследованиях процессы декомпозиции и агрегирования данных занимают ключевое место, являясь фундаментальными для структурирования и интерпретации сложной информации. Однако взаимоотношения между этими двумя процессами сопряжены с рядом теоретических и практических проблем, требующих глубокого внимания [4, 5].

Так, декомпозиция предполагает разбиение комплексной системы данных или показателей на составные части с целью выявления внутренней структуры и понимания взаимоотношений между элементами. Агрегирование, напротив, сводит множество элементов к некоторому обобщенному или суммарному показателю, упрощая восприятие информации на более высоком уровне обобщения.

В научной литературе отмечаются следующие обсуждаемые проблемы на стыке декомпозиции и агрегирования:

1. Потеря информации при агрегировании.

Агрегирование данных неизбежно приводит к утрате некоторых детальных сведений, выявленных на этапе декомпозиции. Это может скрыть важные особенности и вариабельность составляющих элементов, снижая качество анализа и принятия решений. В то же время, агрегирование, это и есть переход на более высокий уровень обобщения.

2. Несовместимость уровней агрегирования и декомпозиции.

Различные уровни детализации требуют учета масштаба и контекста данных. Проблема возникает при некорректной попытке агрегировать показатели, разложенные на неоднородные или неполные компоненты, что ведет к появлению искажений и итоговой несогласованности.

3. Проблема обратимости процессов.

Декомпозиция не всегда является обратимым процессом. А после свёртки данных в агрегаты невозможно однозначно восстановить исходную детализацию без дополнительной информации, что может ограничивать возможности анализа.

4. Выбор критериев и моделей для агрегирования.

Определение подходящих методов и критериев агрегации влияет на интерпретацию декомпозированных

данных. Различные методы агрегирования (линейные, нелинейные) могут приводить к разным результатам, что затрудняет сопоставление и интеграцию информации.

5. Проблемы масштабируемости и вычислительной сложности.

В больших и многомерных данных одновременное применение декомпозиции и агрегирования требует развитых алгоритмических и экспертных решений для оптимизации вычислительных ресурсов без потери смысла и качества [6–12].

Для эффективного использования декомпозиции и агрегирования необходимо, таким образом, обоснованно проектировать уровни детализации и соответствующие методы агрегации, сохранять, по возможности метаданные и дополнительные сведения для повышения обратимости анализа, использовать адаптивные методы с учетом структуры данных и целей исследования, применять современные вычислительные техники и модели для обработки больших данных [13,14].

При работе с большими и сложными наборами данных возникает необходимость повышения эффективности и точности применяемых методов. В этом контексте актуальна проблема оптимизации методов декомпозиции. Современные методы декомпозиции, такие как сингулярное разложение, факторизация матриц, разложение тензоров и другие, требуют значительных вычислительных ресурсов при обработке больших данных. Задачи оптимизации включают снижение времени вычислений, повышение точности результативных моделей и уменьшение потерь информации, являющихся следствием аппроксимаций [15–17].

Основными направлениями и способами оптимизации методик декомпозиции являются:

1. Адаптивные алгоритмы и итерационные процессы.

Использование методов, таких как стохастическая градиентная оптимизация, позволяет строить более быстрые и масштабируемые алгоритмы, особенно при обработке потоковых данных. Итерационные подходы позволяют достигать лучших результатов за меньшее время.

2. Параллелизация и распределенные вычисления.

Использование технологий параллельных вычислений, GPU-ускорения и распределенных систем улучшает масштабируемость методов декомпозиции, позволяя обрабатывать большие объемы данных в приемлемые сроки.

3. Хронологическая и иерархическая оптимизация.

Разделение данных на подмножества и иерархическая декомпозиция позволяют сосредоточить вычислительные ресурсы на наиболее значимых компонентах и снизить нагрузку.

4. Использование предварительной обработки данных

Эффективное масштабирование, фильтрация, выбор релевантных признаков и отбор переменных улучшают качество предварительной подготовки и ускоряют процесс декомпозиции.

Оптимизация методов декомпозиции является ключевым фактором для повышения эффективности и применимости в условиях современных объемов данных, в том числе, с целью их агрегирования. Сбалансированное использование алгоритмических усовершенствований, технологий параллелизации и современных вычислительных ресурсов позволяет значительно расширить возможности анализа, сохранить точность и обеспечить масштабируемость.

Нелинейное агрегирование и декомпозиция выделяются в качестве эффективных методологических подходов, чья применимость была доказана в различных сферах, включая информационные технологии и системный анализ. Если декомпозиция подразумевает разложение сложных систем на более простые составляющие, то нелинейное агрегирование фокусируется на интеграции этих компонентов с целью выявления системной нелинейности при их изменчивости. Эти методики позволяют улучшить понимание системных взаимосвязей, повысить точность моделей оценки качества и рационализировать решение задач [18,19].

Очевидно, связь между декомпозицией и агрегированием представляет собой сложную проблему, требующую взвешенного подхода для балансировки детализации и обобщения. Понимание и преодоление возникающих при этом трудностей является залогом повышения качества аналитических исследований в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснов А.Е. Оценка качества услуг в рамках ИТ-проектов на основе агрегирования показателей / А.Е. Краснов, А.А. Сапогов // Russian Technological Journal. — 2024. — Т. 12, № 5. — С. 90–97
2. Краснов А.Е. Многокритериальный анализ показателей эксплуатации сложных информационных систем путем агрегирования данных / А.Е. Краснов, А.А. Сапогов // Информационные системы и технологии. — 2024. — № 4(144). — С. 34–46
3. Сапогов А.А. Агрегирование качественных показателей приоритетности в управлении ит-проектами / А.А. Сапогов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2024. — № 3(51). — С. 126–137
4. Аблязов К.А., Катрюк И.С., Попов В.В. Основы теории надежности и диагностики. — Новороссийск: МГА им. адм. Ф.Ф.Ушакова, 2008. — 212 с.
5. Будник С.В. Управление крупномасштабными динамическими системами / С.В. Будник, В.Н. Шашихин //. СПб.: Изд-во Политехпресс, 2020. — 308 с.
6. Галлиулин А.С., Фурасов В.Д. Построение систем программного движения. — М.: Наука, 2011. — 209 с.
7. Григорьев К.А., Федосеев И.В., Фугалевич Е.В. Подходы к совершенствованию пространственного планирования развития территорий с использованием межотраслевых балансов ресурсов // Вестник Национальной академии туризма. 2018. № 3 (47). С. 81–84.
8. Долматов Б.М., Попов В.В. Информатика— Новороссийск: МГА им. адм. Ф.Ф. Ушакова, 2010. — 86 с.
9. Козлов В.Н. Управление энергетическими системами. Ч.1. Теория автоматического управления / В.Н. Козлов, В.Е. Куприянов, В.Н. Шашихин // СПБ.: Изд-во Политехи. ун-та, 2006. — 316 с.
10. Крищенко А.П. Подавление хаотической динамики / А.П. Крищенко, А.В. Кавинов // Дифференциальные уравнения. — 2004. — Т. 40. — № 12. — С. 1629–1635.
11. Лицкевич А.П., Старжинская Н.В., Попов В.В. Математические методы в электродинамике. — Новороссийск: МГА им. адм. Ф.Ф.Ушакова, 2009. — 60 с.
12. Лоскутов А.Ю. Основы теории сложных систем / А.Ю. Лоскутов, А.С. Михайлов // М.: Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2007. — 272 с.
13. Магницкий Н.А. Новые методы хаотической динамики / Н.А. Магницкий, С. В. Сидоров // М.: Едиториал УРСС, 2004. — 320 с.
14. Талагаев Ю.В. Стабилизация осциллятора Диффинга-Ван дер Поля оптимальной коррекцией управляющих параметров / Талагаев Ю.В., Тараканов А.Ф. // Письма в ЖТФ. — 2006. — Т. 36. — Вып. 24. — С. 1–9.
15. Краснов А.Е., Красников С.А., Сагинов Ю.Л. и др. Модели количественного оценивания качества объектов технологий, производства и бизнеса в стандарте IDFM // Хранение и переработка сельхозсырья. 2006, № 3. — С. 53–56.
16. Краснов А.Е., Надеждин Е.Н., Никольский Д.Н. и др. Нейросетевой подход к проблеме оценивания эффективности функционирования организации на основе агрегирования показателей ее деятельности // Информатизация образования и науки. — 2017. — № 1(33). — С. 141–154.
17. Сапогов А.А. Существующие методики агрегирования финансовых данных / А.А. Сапогов // Инновации и инвестиции. — 2023. — № 8. — С. 247–250.
18. Сапогов А.А. Развитие методик агрегирования финансовых индикаторов / А.А. Сапогов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. — 2023. — № 10. — С. 100–103.
19. Krasnov A., Pivneva S. Hierarchical quasi-neural network data aggregation to build a university research and innovation management system // In: Murgul V., Pukhkal V. (eds) International Scientific Conference Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies EMMFT 2019. EMMFT 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 1259. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-57453-6_2.

© Сапогов Александр Александрович (sapogovmail@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.39

РАЗРАБОТКА АДАПТИВНЫХ АЛГОРИТМОВ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЯЮЩИХ РЕШЕНИЙ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ ОСТАТОЧНЫМИ ЗНАНИЯМИ ПЕРСОНАЛА

DEVELOPMENT OF ADAPTIVE ALGORITHMS FOR AUTOMATED FORMATION OF CONTROL DECISIONS IN INTELLIGENT SYSTEMS FOR MANAGING RESIDUAL KNOWLEDGE OF STAFF

V. Tarasov

Summary. In the context of dynamic technological development and the imperative of continuous professional education (Life-Long Learning), increasing the effectiveness of in-house training (IFT) by optimizing the residual knowledge (RK) of employees is becoming critical. This research article is devoted to the development of scientific and methodological support for the automated formation of management decisions in organizational systems based on monitoring information on personnel performance. The intelligent core of the system is neuro-fuzzy networks of the Adaptive Resonance Theory (ART) family, in particular Fuzzy ARTMAP, the clustering results of which serve as the basis for generating targeted pedagogical and organizational interventions. A formalization of the problem of selecting the optimal control action is presented, and multi-level algorithms are developed that ensure the transition from cluster-oriented (group) recommendations to highly personalized interventions that take into account the detailed knowledge profile and contextual information of each employee. The developed approach enables the implementation of a closed-loop management of residual knowledge, significantly increasing the adaptability of educational trajectories and the overall competence of personnel.

Keywords: residual knowledge, continuous learning, Fuzzy ARTMAP, data clustering, intelligent decision support, control actions, personalization, organizational system.

Тарасов Вячеслав Сергеевич
Аспирант,
Российский Технологический Университет МИРЭА
slavatarasov207@gmail.com

Аннотация. В условиях динамичного технологического развития и императива непрерывного профессионального образования (Life-Long Learning), критически важным становится повышение эффективности внутрифирменного обучения (ВФО) за счет оптимизации остаточных знаний (ОЗ) сотрудников. Данная научная статья посвящена разработке научно-методического обеспечения для автоматизированного формирования управляющих решений в организационных системах, базирующихся на мониторинговой информации об успеваемости персонала. В качестве интеллектуального ядра системы используются нейро-нечеткие сети семейства Adaptive Resonance Theory (ART), в частности, Fuzzy ARTMAP, результаты кластеризации которых служат основой для генерации адресных педагогических и организационных воздействий. Представлена формализация задачи выбора оптимального управляющего воздействия, а также разработаны многоуровневые алгоритмы, обеспечивающие переход от кластерно-ориентированных (групповых) рекомендаций к высоко персонализированным интервенциям, учитывающим детальный профиль знаний и контекстную информацию каждого сотрудника. Разработанный подход позволяет реализовать замкнутый контур управления остаточными знаниями, существенно повышая адаптивность образовательных траекторий и общую компетентность персонала.

Ключевые слова: остаточные знания, непрерывное обучение, Fuzzy ARTMAP, кластеризация данных, интеллектуальная поддержка принятия решений, управляющие воздействия, персонализация, организационная система.

Введение

Актуальность проблемы управления качеством подготовки кадров в постиндустриальной экономике детерминирована быстрым устареванием профессиональных компетенций и необходимостью их непрерывного обновления. Традиционные образовательные парадигмы демонстрируют ограниченную эффективность в условиях, когда ключевым ресурсом выступает «интеллектуальный капитал» организации. В этом контексте особую значимость приобретает задача объективной оценки и целенаправленного повышения уровня «остаточных знаний» — совокупности компетенций, сохраняющихся у специалиста после завершения формального или внутрифирменного образовательного цикла.

В анализе существующего ВФО и программ профессиональной переподготовки (ПП) были выявлены методологические ограничения существующих систем

контроля ОЗ и предложен «нейросетевой базис», представляющий модифицированные алгоритмы Fuzzy ART и Fuzzy ARTMAP для интеллектуального анализа мониторинговых данных об успеваемости сотрудников. Эти алгоритмы позволяют эффективно структурировать данные, классифицируя профили знаний персонала на гомогенные кластеры, что является фундаментом для «data-driven» управления.

Настоящая статья фокусируется на финальном и наиболее критичном этапе цикла управления: разработке «алгоритмов автоматизированного формирования управляющих решений». Эффективность системы определяется не только точностью диагностики классификации профилей ОЗ, но и адекватностью предписанных воздействий, направленных на минимизацию пробелов в когнитивных областях и закрепление усвоенного материала. Задача состоит в том, чтобы трансформировать диагностические данные принадлежность сотрудника к кластеру C_j в конкретные, применимые и оптимальные управляющие воздействия A^*, которые максимизируют целевые показатели повышения квалификации при рациональном использовании организационных ресурсов [12].

1. Формализация задачи генерации управляющих решений

Управляющее решение в контексте данной интеллектуальной системы определяется как дискретное воздействие или их комплекс, направленный на корректировку индивидуальной образовательной траектории сотрудника или стратегии обучения группы. Эти решения формируются на «микроуровне управления» и являются прямым ответом на выявленное состояние остаточных знаний [2].

1.1. Определение входных и выходных параметров

Формализация задачи основана на определении ключевых информационных векторов и целевой функции:

1. «Профиль знаний обучающегося S_i»: вектор признаков $x_i \in R^n$ (мониторинговые данные), характеризующий текущее состояние ОЗ сотрудника i в момент времени t. Включает баллы по темам, время реакции, активность в LMS (learning management system) и т.д.
2. Кластерное состояние C_j»: результат классификации i-го обучающегося, полученный с помощью Fuzzy ARTMAP.
3. Характеристики кластера P_j»: набор интегральных метрик, описывающих группу C_j:

* μ_j: вектор средних баллов по темам.

* σ_j: средняя дисперсия (показатель однородности кластера).

* F_j: частота встречаемости критических пробелов, представляющих собой тем с баллом ниже порогового по каждой теме.

* Λ_j: интегральный показатель сложности кластера, связанный с количеством и глубиной пробелов.

4. «Контекстная информация K_i»: данные, не включенные в профиль S_i, но влияющие на выбор воздействия в виде предпочтения формата обучения, доступное время, роль в проекте, история реакции на предыдущие рекомендации.
5. «Множество управляющих воздействий A»: дискретный набор возможных альтернатив $A = \{A_1, A_2, \ldots, A_m\}$.

1.2. Оптимизационная модель выбора воздействия

Задача формирования управляющего решения для обучающегося i сводится к поиску оптимальной альтернативы $A^* \in A$, которая максимизирует «целевую функцию эффективности» E:

$$A^* = \arg\max_{A \in A} E\left(A, S_i, K_i, P_j\right)$$

где функция E отражает прогнозируемый интегральный эффект от воздействия A.

2. Интегрированная Модель Генерации и Оптимизации Управляющих Воздействий (ИМГОУВ)

Для эффективной генерации решений ИМГОУВ использует иерархическую структуру, состоящую из двух ключевых уровней, что позволяет сбалансировать экономию ресурсов на групповом управлении с точностью, требуемой для индивидуальной персонализации:

1. «Генерация базовых кластерных рекомендаций»: ответ на общую проблему, свойственную кластеру C_j.
2. «Персонализация и приоритизация»: адаптация базовых рекомендаций с учетом S_i и K_i.

2.1. Алгоритм формирования базовых рекомендаций

Целью данного этапа является определение подмножества рекомендаций $R_{\text{баз},j} \subset A$, наиболее релевантных для большинства сотрудников, отнесенных к кластеру C_j.

Вход: Характеристики кластера $P_j = \{\mu_j, \sigma_j, F_j, \Lambda_j\}$, Тип кластера.

Выход: Набор базовых рекомендаций $R_{\text{баз},j}$.

Таблица 1.

Кластеры остаточных знаний и соответствующие им базовые управляющие решения

Тип Кластера (Пример)	Диагностические Критерии	Базовые Рекомендации (баз)	Rationale (Педагогическая цель)
Высокий уровень ОЗ	$\mu_{j>} T_{high}, \Lambda_j$ низкая	A_6 (Углубленные материалы), A_5 (Участие в проекте)	Стимулирование дальнейшего развития, предотвращение демотивации
Пробелы в базовых знаниях	$F_{jk} > T_{частота}$ для $k \in$ База	A_1^k (Доп. материалы по k), A_2^k (Практика по k), A_4 (Консультация)	Целенаправленное устранение фундаментных когнитивных дефицитов
Неравномерное усвоение	σ_j высокая, Λ_j умеренная	A_7 (Смена стратегии само работы), A_3 (Повторное тестирование)	Оптимизация мета когнитивных навыков и саморегуляции обучения

Алгоритм инициирует $R_{\text{баз},j}$ как пустое множество и наполняет его в соответствии с предопределенной системой правил, основанной на пороговых значениях T. Например, если Λ_j превышает порог $T_{\text{сложность}}$, система автоматически включает в $R_{\text{баз},j}$ рекомендацию A_4, поскольку сложная структура пробелов требует непосредственного вмешательства наставника. Этот механизм обеспечивает быструю реакцию системы на коллективные проблемы, снижая потребность в индивидуальном диагностировании для каждой типовой ситуации.

2.2. Алгоритм персонализации и формирования финальных рекомендаций

Переход от $R_{\text{баз},j}$ к индивидуально оптимизированному воздействию A_i^* требует учета текущего микросостояния сотрудника S_i и его контекстных особенностей K_i.

Вход: $R_{\text{баз},j}$, Профиль знаний S_i, Контекстная информация K_i.

Выход: Финальный набор рекомендаций A_i^*.

Процесс персонализации реализуется через три основные функции: «Подавление, Уточнение и Добавление».

2.2.1. Подавление (Elimination)

Функция «Подавления» предотвращает назначение избыточных интервенций, что является критичным для сохранения мотивации и эффективного использования ресурсов.

Если базовая рекомендация $A \in R_{\text{баз},j}$ направлена на тему k, но детальный профиль S_i показывает, что текущий уровень знаний x_{ik} по этой теме превышает $T_{\text{достаточно}}$ (например, сотрудник уже самостоятельно устранил пробел), то A исключается из набора $R_{\text{перс},i}$.

Это соответствует принципу «пластичности» ART-сети, где индивидуальные изменения даже при сохранении общей кластерной принадлежности моментально отражаются в управляющем контуре [2].

2.2.2. Уточнение (Refinement)

Функция «Уточнения» адаптирует формат и интенсивность воздействия A к предпочтениям и ограничениям K_i сотрудника.

Правило 1: если $A = A_1$ дополнительный материал и K_i содержит предпочтение 'Видео-лекции', то A_1 трансформируется в «Рекомендация видео-лекций по теме k».

Правило 2: если $A = A_2$ практические задачи и K_i сигнализирует о высокой текущей занятости 'Дефицит времени', то A_2 адаптируется до «Набор из 5 коротких, сфокусированных задач», что минимизирует временные затраты при сохранении обучающего эффекта.

2.2.3. Добавление (Augmentation)

Функция «Добавления» использует «контекстную информацию K_i», включая связи между когнитивными областями, для создания связных, кросс-доменных рекомендаций.

Правило: если $R_{\text{перс},i}$ содержит рекомендацию по теме k, и K_i указывает на высокий интерес к смежной теме k' например, k — «Основы SQL», k' — «Анализ данных», то добавляется воздействие $A_6^{k \to k'}$: «Углубленный материал по применению k в контексте k'».

Этот механизм способствует «глубокому обучению» и переходу от разрозненных остаточных знаний к интегрированным профессиональным компетенциям.

2.3. Приоритизация и финальная генерация

После этапов подавления, уточнения и добавления, набор $R_{\text{перс},i}$ приоритизируется. Приоритизация основывается на:

1. Критичности пробела: те темы, где x_{ik} имеет минимальное значение, получают наивысший приоритет.
2. Организационной важности: Учет экспертно заданных весов важности для каждой темы, определяемых управляющей организацией ВФО.

Результатом является финальный, упорядоченный набор управляющих воздействий A_i^*, готовый к автоматической передаче в модуль исполнения ИТ-системы.

3. Модель оценки эффективности управляющих решений

Автоматизированный выбор оптимального воздействия A^* требует количественной оценки его потенциальной эффективности E. Поскольку функция E является многокритериальной, ее структура должна отражать баланс между образовательным результатом и операционными затратами [4].

$$E\left(A, S_i, K_i, P_j\right) = \sum_{k=1}^{L} w_k \cdot E_k\left(A, S_i, K_i\right)$$

Где E_k — оценка по k-му критерию, а w_k — весовой коэффициент критерия.

3.1. Ключевые критерии оценки

Таблица 1.

Критерии оценки эффективности управляющих решений

Критерий ()	Описание	Формализация
E_{gain} (Прогнозируемый прирост знаний)	Ожидаемое количественное изменение x_{ik} после применения A.	Предиктивная модель (например, на основе регрессии, обученной на исторической динамике).
E_{cost} (Затраты ресурсов)	Время наставника, стоимость материалов, время сотрудника.	Нормализованная функция затрат $C\left(A\right)$ (чем ниже затраты, тем выше E_{cost}).
E_{fit} (Соответствие)	Насколько A соответствует индивидуальным предпочтениям K_i (формат, время).	Бинарная или нечеткая мера соответствия $f\left(A, K_i\right)$.
E_{risk} (Снижение риска)	Вероятность, что неназначение A приведет к критической ошибке в профессиональной деятельности.	Функция, обратно пропорциональная F_j и Λ_j по критическим темам.

3.2. Адаптация весовых коэффициентов

Для обеспечения адаптивности системы весовые коэффициенты w_k не должны быть статичными. Они должны динамически корректироваться на основе анализа фактических результатов.

Если после применения воздействия A произошло значительное улучшение профиля S_i то есть фактический прирост ΔS_i превысил прогнозируемый E_{gain}, веса критериев, способствовавших выбору A, должны быть усилены. И наоборот, если воздействие A оказалось неэффективным несмотря на высокий прогнозируемый E_{gain}, веса, ассоциированные с этим выбором, должны быть понижены.

Данный механизм реализуется через «замкнутый контур управления» (feedback loop), где исторические данные об эффективности воздействий используются для «обучения предиктивной модели» например, алгоритма регрессии или Reinforcement Learning, которая постоянно уточняет веса w_k. Это позволяет системе эволюционировать, адаптируясь к меняющимся паттернам усвоения знаний в организационной среде.

4. Интеграция алгоритмов в Информационную Технологию

Разработанные алгоритмы генерации управляющих решений являются ключевым компонентом «Модуля формирования управляющих решений» в общей архитектуре ИТ управления остаточными знаниями.

Модуль функционирует следующим образом:

1. Прием диагностических данных: получение кластерного идентификатора C_j, параметров P_j, а также профиля S_i и контекста K_i от «Модуля интеллектуального анализа» Fuzzy ARTMAP.
2. Генерация базовых рекомендаций: применение алгоритмов группового уровня для формирования $R_{\text{баз},j}$.
3. Персонализация: Применение функций «Подавления», «Уточнения» и «Добавления», а также расчет оценки эффективности E для каждой альтернативы.
4. Выбор A_i^*: выбор оптимального воздействия A_i^* путем максимизации E.
5. Исполнение: передача A_i^* через «Модуль интеграции» в LMS для автоматического назначения материалов или в интерфейс наставника для организационных задач типа A_4 или A_5[8].

Использование четкой иерархии правил и верифицируемой функции E делает процесс принятия решений «интерпретируемым», позволяя управляющему персо-

налу понимать логику, на основе которой были назначены те или иные рекомендации.

Заключение

В настоящей статье представлена концепция и детальная алгоритмическая реализация интеллектуальной поддержки принятия управленческих решений, направленной на оптимизацию остаточных знаний сотрудников в рамках непрерывного образовательного процесса.

Разработанные методы и алгоритмы обеспечивают полную автоматизацию контура управления остаточными знаниями, снижая операционную нагрузку на управляющий персонал и гарантируя, что каждый сотрудник получает своевременные, адресные и оптимальные рекомендации, способствующие устойчивому повышению его профессиональной компетентности и, как следствие, общей производительности организационной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grossberg S. Adaptive Resonance Theory / S. Grossberg // Encyclopedia of Machine Learning. — 2011. — DOI: 10.1007/978-0-387-30164-8_11.
2. Artificial Intelligence: Adaptive Resonance Theory (ART) // GeeksforGeeks. — URL: https://www.geeksforgeeks.org/artificial-intelligence/adaptive-resonance-theory-art/
3. R.J. Sethi, Essential Computational Thinking: Computer Science from Scratch. Cognella Academic Publishing, 2020
4. C. Mahoney, P. Gronvall, N. Huber-Fliflet, and J. Zhang, "Explainable Text Classification Techniques in Legal Document Review: Locating Rationales without Using Human Annotated Training Text Snippets," in 2022 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). Osaka, Japan: IEEE, Dec. 2022, pp. 2044–2051.
5. "On minimizing cost in legal document review workflows," arXiv:2106.09866 [cs], Jun. 2021
6. S. Grossberg, "Toward Autonomous Adaptive Intelligence: Building Upon Neural Models of How Brains Make Minds," IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics: Systems, vol. 51, no. 1, pp. 51–75, Jan. 2021.
7. E. Yang, S. MacAvaney, D.D. Lewis, and O. Frieder, "Goldilocks: Justright tuning of BERT for technology-assisted review," arXiv:2105.01044, [cs], May 2021
8. R. Keeling, R. Chhatwal, P. Gronvall, and N. Huber-Fliflet, "Humans Against the Machines: Reaffirming the Superiority of Human Attorneys in Legal Document Review and Examining the Limitations of Algorithmic Approaches to Discovery," Richmond Journal of Law & Technology, vol. 26, no. 3, p. 65, 2020.
9. L. McInnes, J. Healy, and J. Melville, "UMAP: Uniform Manifold Approximation and Projection for Dimension Reduction," Sep. 2020.
10. Xu R., & Wunsch II, D.C. (2005). "Survey of clustering algorithms." IEEE transactions on neural networks, 16(3), 593–611
11. Turban E. Decision Support and Business Intelligence Systems / E. Turban, J.E. Aronson, T.-P. Liang, R. Sharda. — 8th ed. — Pearson Prentice Hall, 2007. — 772 p.
12. Holsapple C.W. (2003). Handbook on Knowledge Management: Foundations, Processes, and Services. Springer

© Тарасов Вячеслав Сергеевич (slavatarasov207@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.40

РАЗРАБОТКА АДАПТИВНОГО АЛГОРИТМА ОТКАЗОУСТОЙЧИВОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАЕКТОРНЫМ ОТСЛЕЖИВАНИЕМ СПУСКАЕМЫМ АППАРАТОМ ТИПА НЕСУЩИЙ КОРПУС

DEVELOPMENT OF AN ADAPTIVE ALGORITHM FOR FAULT-TOLERANT TRAJECTORY TRACKING CONTROL OF A LIFTING-BODY DESCENT VEHICLE

Wu Zhengjie
Liang Gaoyu

Summary. The article presents the development of an adaptive algorithm for a fault-tolerant automatic control system of a lifting-body descent vehicle's trajectory under conditions of partial or complete engine failure. The relevance of the research is driven by the lack of methods capable of simultaneously ensuring high control accuracy, stability in the event of a complete loss of thrust, and real-time operation on onboard computers. A hybrid approach based on a combination of a Linear-Quadratic Regulator (LQR) and a Genetic Algorithm (GA) is proposed, which automatically reconfigures the controller parameters when thrust changes, minimizing deviations from the reference trajectory. The mathematical model of the vehicle includes a system of nonlinear differential equations for center-of-mass motion, accounting for aerodynamic forces and engine failure factors. Taylor series expansion was used for model linearization, and the optimization of the LQR weight matrices was performed using the GA, achieving a balance between control accuracy and energy consumption. Simulation results in MATLAB showed that the proposed system reduces altitude deviation by 60 % and pitch angle deviation by 85 % compared to an open-loop control system. The practical value of the research is confirmed by the possibility of integrating the developed algorithm into existing control systems and enhancing the reliability of reusable spacecraft.

Keywords: fault-tolerant control, lifting-body descent vehicle, linear-quadratic regulator, genetic algorithm, engine failure.

У Чжэнцзе
Аспирант, ФГБОУ ВО Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
2433474284@qq.com
Лян Гаоюй
Аспирант, ФГБОУ ВО Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
lianggy97@gmail.com

Аннотация. В статье представлена разработка адаптивного алгоритма для отказоустойчивой системы автоматического управления траекторией спускаемого аппарата (СА) типа несущий корпус в условиях частичного или полного отказа двигателей. Актуальность исследования обусловлена отсутствием методов, способных одновременно обеспечивать высокую точность управления, устойчивость при полной потере тяги и работу в реальном времени на бортовых вычислителях. Предложен гибридный подход, основанный на сочетании линейно-квадратичного регулятора (ЛКР) и генетического алгоритма (ГА), который автоматически перенастраивает параметры регулятора при изменении тяги, минимизируя отклонения от опорной траектории. Математическая модель СА включает систему нелинейных дифференциальных уравнений движения центра масс с учётом аэродинамических сил и факторов отказа двигателей. Для линеаризации модели использовано разложение в ряд Тейлора, а оптимизация весовых матриц ЛКР выполнена с помощью ГА, что позволило достичь баланса между точностью управления и энергозатратами. Результаты моделирования в MATLAB показали, что предложенная система позволяет снизить отклонение по высоте на 60 %, а по скоростным углам тангажа — на 85 % по сравнению с системой разомкнутого управления. Практическая ценность исследования подтверждается возможностью интеграции разработанного алгоритма в существующие системы управления и повышением надёжности многоразовых космических аппаратов.

Ключевые слова: отказоустойчивое управление, спускаемый аппарат типа несущий корпус, линейно-квадратичный регулятор, генетический алгоритм, отказ двигателей.

Введение

Современный этап развития космических технологий характеризуется экспоненциальным ростом количества запусков космических аппаратов. Вместе с тем сохраняется проблема частичных отказов двигателей у спускаемых аппаратов типа несущий корпус на критической фазе входа в атмосферу [1]. Подобные инциденты приводят к существенной, а в ряде случаев и к критической, потере точности посадки, создавая прямую угрозу для безопасности экипажа [2]. Актуальность решения данной задачи многократно возрастает в свете прогнозируемого дальнейшего значительного увеличения частоты космических запусков [3–5].

Существующие методы управления, такие как скользящий режим [6] и метод обратного шага [7–9], обладают принципиальными ограничениями: первый требует точ-

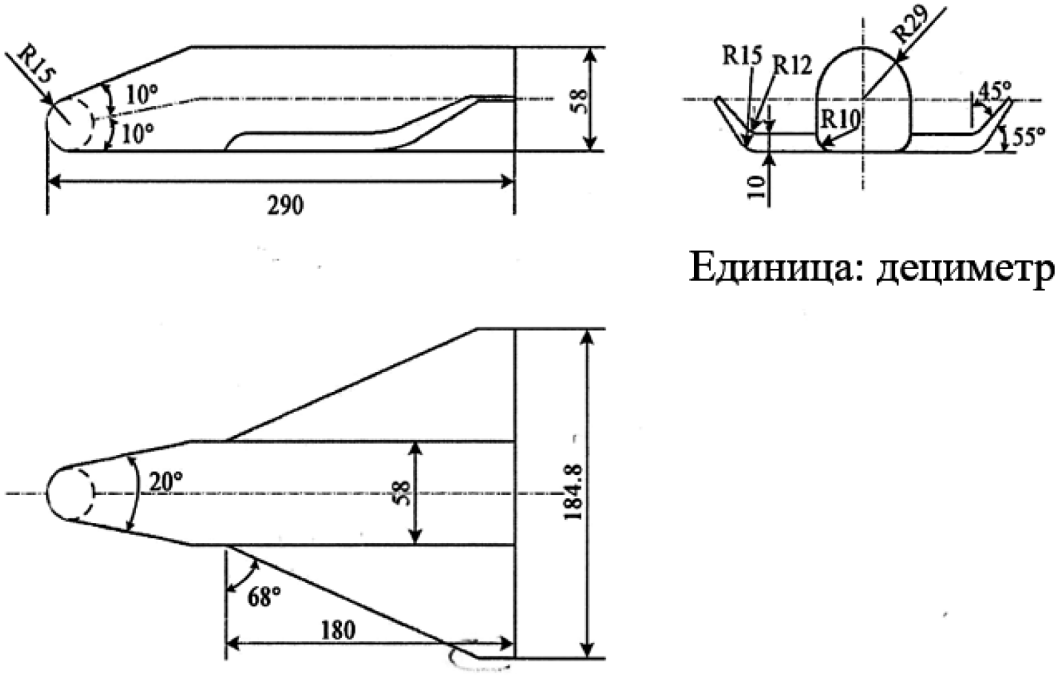

Рис. 1. Схема спускаемого аппарата типа несущий корпус

ной математической модели возмущений, а второй отличается высокой вычислительной сложностью. Классический линейно-квадратичный регулятор (ЛКР [10]) и метод прогнозирующего управления [11] теряют устойчивость даже при полной потере тяги, что подтверждает необходимость разработки новых адаптивных алгоритмов.

Основная научная проблема заключается в отсутствии эффективных методов управления траекторией при частичных отказах двигателей, способных одновременно гарантировать устойчивость при полной потере тяги. В отличие от традиционных подходов, в данном исследовании предлагается отказоустойчивая система автоматического управления на основе адаптивного линейно-квадратичного регулятора, параметры которого оптимизированы с помощью генетического алгоритма. Разработанный подход позволяет автоматически перенастраивать параметры регулятора при изменении тяги, минимизировать отклонения от опорной траектории, обеспечивать стабильное управление орбитой спускаемого аппарата типа несущий корпус и сохранять работоспособность системы в условиях резкого изменения параметров повторного входа в атмосферу.

Материалы и методы

В данной статье объектом управления является спускаемый аппарат типа несущий корпус с гибкими крыльями, изготовленными из двух материалов: полимерной оболочки и мембраны из углеродного волокна. Схема модели объекта управления показана на рисунке 1, где единицы длины выражены в миллиметрах (мм), а единицы угла — в градусах (°).

При построении уравнений движения в скоростной системе координат состояние движения спускаемого аппарата типа несущий корпус описывается следующими переменными: высота h, величину скорости V, скоростной угол тангажа ϑ_a, геоцентрическую долготу θ и геоцентрическую широту λ, и скоростной угол рысканя ψ_a [12].

Движение центра масс спускаемого аппарата типа несущий корпус описывается системой дифференциальных уравнений в виде:

$$\begin{cases} \dot{V} = -\dfrac{X_a}{m} - g\sin\vartheta_a + \omega_o^2 r\cos\lambda\begin{pmatrix}\cos\lambda\sin\vartheta_a - \\ -\sin\lambda\cos\psi_a\cos\vartheta_a\end{pmatrix} + T_t \\ \dot{\vartheta}_a = \dfrac{Y_a\cos v}{mV} + \left(\dfrac{V}{r} - \dfrac{g}{V}\right)\cos\vartheta_a + 2\omega_o\sin\psi_a\cos\lambda + \\ + \dfrac{\omega_o^2 r\cos\lambda}{V}\left(\sin\lambda\sin\vartheta_a\cos\psi_a + \cos\lambda\cos\vartheta_a\right) \\ \dot{h} = V\sin\vartheta_a \\ \dot{\psi}_a = \dfrac{Y_a\sin v}{mv\cos\vartheta_a} + \dfrac{V\sin\psi_a\cos\vartheta_a\tan\lambda}{r} + \\ + \dfrac{\omega_o^2 r\sin\lambda\sin\psi_a\cos\lambda}{V\cos\vartheta_a} + 2\omega_o\left(\sin\lambda - \cos\lambda\cos\psi_a\tan\vartheta_a\right) \\ \dot{\theta} = \dfrac{V\cos\vartheta_a\sin\psi_a}{r\cos\lambda} \\ \dot{\lambda} = \dfrac{V\cos\vartheta_a\cos\psi_a}{r} \end{cases} \quad (1)$$

Где, m — масса спускаемого аппарата типа несущий корпус; g — ускорение свободного падения; υ — угол наклона спускаемого аппарата типа несущий корпус; r — геоцентрическое расстояние, $r = R_e + h$; R_e — радиус Земли; S

— характерная площадь спускаемого аппарата типа несущий корпус; ρ — плотность атмосферы, $\rho=\rho_o e^{-h/hs}$; h_s — стандартная высота; ρ_o — стандартная плотность атмосферы; T_t — ускорение, создаваемое двигательной тягой. C_{xa} — коэффициент сопротивления; C_{ya} — коэффициент подъемной силы.

Отметим, что коэффициент сопротивления и коэффициент подъемной силы зависят от угла атаки α и числа Маха M, т.е:

$$C_{xa} = c_0 + c_1 \cdot \alpha + c_2 \cdot M + c_3 \cdot \alpha^2 + \\ + c_4 \cdot \alpha \cdot M + c_5 \cdot M^2 \quad (2)$$

$$C_{ya} = d_0 + d_1 \cdot \alpha + d_2 \cdot M + d_3 \cdot \alpha^2 + \\ + d_4 \cdot \alpha \cdot M + d_5 \cdot M^2 \quad (3)$$

Где $c_0, c_1, c_2, c_3, c_4, c_5$ и $d_0, d_1, d_2, d_3, d_4, d_5$ являются аэродинамическими константами.

С учетом модели отказа двигателей система уравнений (1) приводится к следующему виду:

$$\dot{\boldsymbol{x}} = F(\mathrm{x},\mathrm{u}) + fT \quad (4)$$

Где, **F** — система дифференциальных уравнений движения центра масс спускаемого аппарата типа несущий корпус; **x** — вектор состояния движения центра масс спускаемого аппарата типа несущий корпус, т.е. $\mathbf{x} = [\mathrm{h}, \theta, \lambda, \mathrm{V}, \vartheta_a, \psi_a]^{\mathrm{T}}$; **u** — управляющее воздействие, т.е. $\mathbf{u} = [\alpha, \upsilon]^{\mathrm{T}}$. **T** — вектор ускорения, создаваемое двигательной тягой, т.е. $\mathbf{T} = [\,0, 0, 0, Tt, 0, 0\,]^{\mathrm{T}}$. Коэффициент f представляет собой индикатор отказа, принимающий значения в диапазоне от 0 до 1 и характеризующий степень потери тяги двигательной установки: при f = 1 двигатель функционирует нормально. При f = 0, что соответствует полному отказу двигательной установки, система уравнений движения центра масс спускаемого аппарата типа несущий корпус принимают следующий вид:

$$\dot{\boldsymbol{x}} = F(\boldsymbol{x},\boldsymbol{u}) \quad (5)$$

Для линеаризования систему нелинейных дифференциальных уравнений запишим разложение Тейлора выражения (5) по опорной траектории:

$$\delta\dot{\boldsymbol{x}} = A_{ref}\delta\boldsymbol{x} + B_{ref}\delta\boldsymbol{u}$$
$$A_{ref} = \frac{\partial \boldsymbol{F}(\boldsymbol{x}_{ref},\boldsymbol{u}_{ref})}{\partial \boldsymbol{x}_{ref}}, B_{ref} = \frac{\partial \boldsymbol{F}(\boldsymbol{x}_{ref},\boldsymbol{u}_{ref})}{\partial \boldsymbol{u}_{ref}} \quad (6)$$

Где, $\delta\mathbf{x}$ является вектором погрешностей состояния движения, полученным измерительным устройством, т.е. $\delta\mathbf{x} = \mathbf{x} - \mathbf{x}_{\mathrm{ref}} = [\,\delta\mathrm{h}, \delta\theta, \delta\lambda, \delta\mathrm{V}, \delta\vartheta_a, \delta\psi_a\,]^{\mathrm{T}}$; $\mathbf{x}_{\mathrm{ref}}$ — вектор состояния движения по опорной траектории; $\delta\mathbf{u}$ является вектором погрешностей управляющих воздействий, т.е. $\delta\mathbf{u} = \mathbf{u} - \mathbf{u}_{\mathrm{ref}} = [\,\delta\alpha, \delta\nu]^{\mathrm{T}}$; $\mathbf{u}_{\mathrm{ref}}$ — управляющее воздействие по опорной траектории. $Aref$ и $Bref$ — матрицы Якоби системы дифференциальных уравнений движения спускаемого аппарата типа несущий корпус по опорной траектории. Матрицы Якоби $\partial\mathbf{F}/\partial\mathbf{x}$ и $\partial\mathbf{F}/\partial\mathbf{u}$ имеют следующий вид:

$$\frac{\partial F}{\partial x}(:,1:3) = \begin{bmatrix} 0 & 0 & 0 \\ -\dfrac{V\cos\vartheta_a\sin\psi_a}{r^2\cos\lambda} & 0 & \dfrac{V\cos\vartheta_a\sin\psi_a\sin\lambda}{r\cos^2\lambda} \\ -\dfrac{V\cos\vartheta_a\cos\psi_a}{r^2} & 0 & 0 \\ \dfrac{2\sin\vartheta_a}{r^2} + \dfrac{C_{xa}\rho V^2 R_e S}{2mh_s} & 0 & 0 \\ \dfrac{1}{V}\left(-\dfrac{C_{ya}\rho V^2 R_e S}{2mh_s}\cos\nu - \dfrac{V^2\cos\vartheta_a}{r^2} + \dfrac{2\cos\vartheta_a}{r^2}\right) & 0 & 0 \\ -\dfrac{\sin\nu}{h_s V\cos\vartheta_a} - \dfrac{\cos\vartheta_a\sin\psi_a\tan\lambda}{r^2} & 0 & \dfrac{V\cos\vartheta_a\sin\psi_a}{r}(1+\tan^2\lambda) \end{bmatrix} \quad (7)$$

$$\frac{\partial F}{\partial x}(:,4:6) = \begin{bmatrix} \sin\vartheta_a & V\cos\vartheta_a & 0 \\ \dfrac{\cos\vartheta_a\sin\psi_a}{r\cos\lambda} & -\dfrac{V\sin\vartheta_a\sin\psi_a}{r\cos\lambda} & \dfrac{V\cos\vartheta_a\cos\psi_a}{r\cos\lambda} \\ \dfrac{\cos\vartheta_a\cos\psi_a}{r} & -\dfrac{V\sin\vartheta_a\cos\psi_a}{r} & -\dfrac{V\cos\vartheta_a\sin\psi_a}{r} \\ \dfrac{C_{xa}\rho V R_e S}{m} & -\dfrac{\cos\vartheta_a}{r^2} & 0 \\ \dfrac{C_{ya}\rho R_e S\cos\nu}{2mr} + \dfrac{\cos\vartheta_a}{r^2} + \dfrac{\cos\vartheta_a}{\nu^2 r^2} & -\sin\vartheta_a\left(\dfrac{\nu}{r} - \dfrac{1}{\nu r^2}\right) & 0 \\ \dfrac{C_{ya}\rho R_e S\sin\nu}{2mh_s\cos\vartheta_a} + \dfrac{\cos\vartheta_a\sin\psi_a\tan\lambda}{r} & \dfrac{L\sin\nu\sin\vartheta_a}{V\cos^2\vartheta_a} - \dfrac{V\sin\vartheta_a\sin\psi_a\tan\lambda}{r} & \dfrac{V\cos\vartheta_a\cos\psi_a\tan\lambda}{r} \end{bmatrix}$$

$$\frac{\partial \boldsymbol{F}}{\partial \boldsymbol{u}} = \begin{bmatrix} 0 & 0 \\ 0 & 0 \\ 0 & 0 \\ 0 & -\dfrac{\rho V^2 S\left(c_1 + 2c_3 \cdot \alpha + c_4 \cdot M\right)}{2m} \\ -\dfrac{C_{ya}\rho VS\sin\Theta}{2m} & \dfrac{\rho VS\left(d_1 + 2d_3 \cdot \alpha + d_4 \cdot M\right)\cos\Theta}{2m} \\ \dfrac{C_{ya}\rho VS\cos\Theta}{2m\cos\vartheta_a} & \dfrac{\rho VS\left(d_1 + 2d_3 \cdot \alpha + d_4 \cdot M\right)\sin\Theta}{2m\cos\vartheta_a} \end{bmatrix} \quad (8)$$

В результате преобразования линеаризования система имеет вид:

$$\dot{\boldsymbol{x}} = A_{ref}\, x + B_{ref}\, u \quad (9)$$

На рисунке 2 показана структурная схема отказоустойчивой системы автоматического управления.

Где, $\mathbf{x}(t)$ — фактические вектор состояния СА; $\mathbf{x}_{ref}(t)$ — вектор состояния СА по опорной траектории в штатном режиме работы; $\mathbf{x}_{ea}(t)$ — измеряемый вектор состояния СА. Отклонение$\delta\mathbf{x}(t)$ представляет собой разность между измеренным вектором состояния $\mathbf{y}_{ea}(t)$ и эталонным вектором $\mathbf{x}_{ref}(t)$ состояния движения спускаемого аппарата типа несущий корпус, т.е. $\delta\mathbf{x}(t) = \mathbf{x}_{ea}(t) — \mathbf{x}_{ref}(t)$. Данный сигнал поступает в исполнительное устройство системы управления, где после анализа регулятором ЛКР-ГА формируются соответствующие управляющие воздействия на объект регулирования.

Структурная схема исполнительного устройства представлена на рисунке 3. Сигналы опорной траектории x_{ref} и u_{ref} подаются на систему дифференциальных уравнений движения спускаемого аппарата типа несущий корпус, в результате чего получаются матрицы Яко-

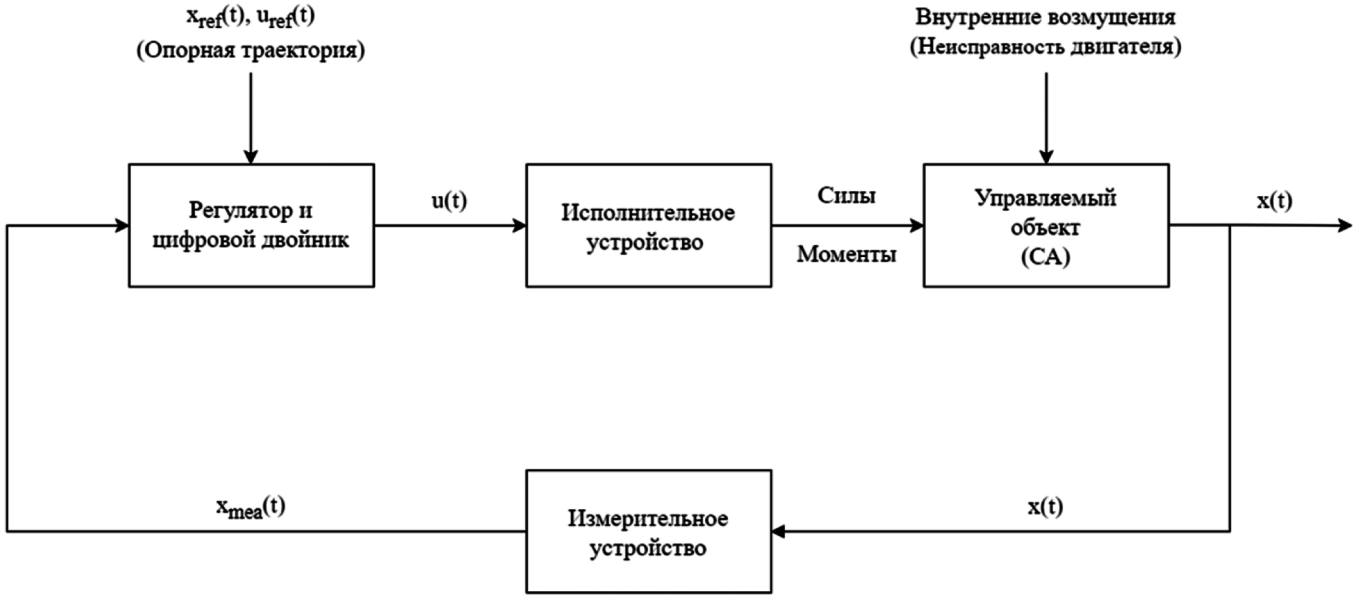

Рис. 2. Структурная схема отказоустойчивой системы управления

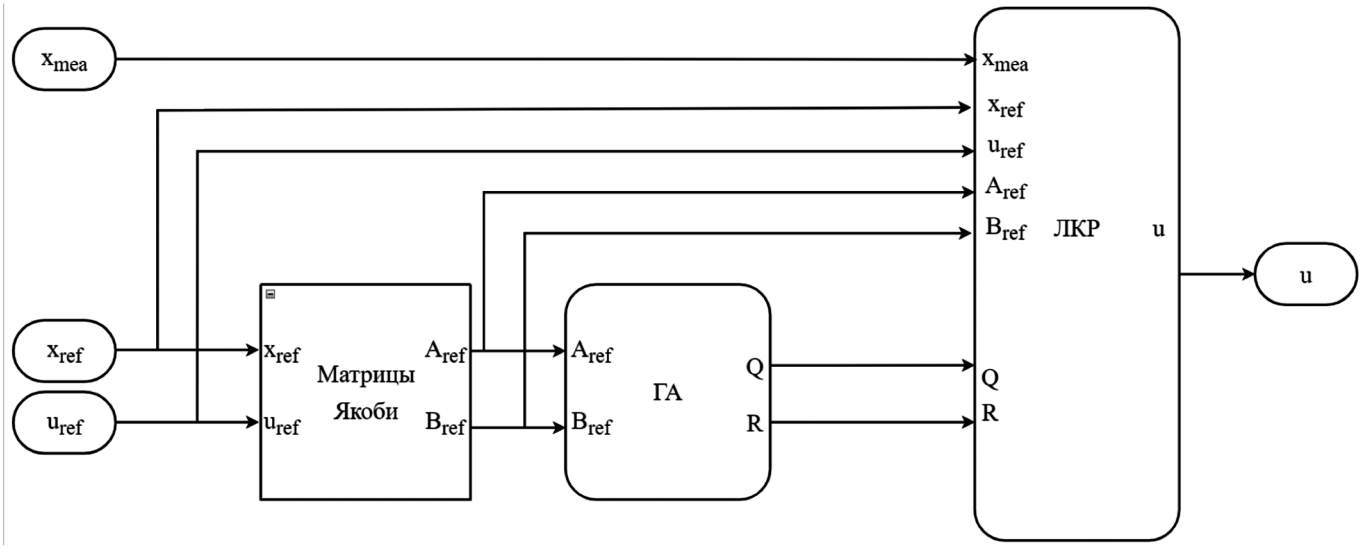

Рис. 3. Структурная схема регулятора и цифрового двойника

би $\mathbf{A}_{ref}$ и $\mathbf{B}_{ref}$. Параллельно, используя стратегию селекции генетического алгоритма, в модуле ГА определяются оптимальные параметры весовых матриц Q и R на основе измеряемого вектора состояния $\mathbf{x}_{ea}$. Полученные параметры передаются в рекулятор ЛКР для вычисления управляющего воздействия **u**, реализуемого исполнительным устройством отказоустойчивой системы управления.

Согласно принципу максимума Понтрягина [13], закон управления в ЛКР имеет вид:

$$\delta u = -R^{-1}B_{ref}{}^{T}P\delta x = -K\delta x \qquad (10)$$

Где, $K = R^{-1}B^{T}P$ — матрица усиления; P — матрица усиления; P — решение дискретного уравнения Риккати [14]:

$$A_{ref}{}^{T}P + PA_{ref} - PB_{ref}R^{-1}B_{ref}{}^{T}P + Q = 0 \qquad (11)$$

Где, Q и R — весовые матрицы.

На рисунке 4 представлена блок-схема генетического алгоритма (ГА или в обозначениях пременных — GA [16]). Для моделирования биологической эволюции создается начальная популяция, математически описываемая в форме:

$$P = \{z_1, z_2, \ldots, z_L\} \qquad (12)$$

Где zi (i=1, 2…,L) обозначает i-го особи, а L — размер популяции.

Учитывая свойство вещественной симметричности весовых матриц, весовые матрицы Q_i и R_i закодированы в виде генов особей популяции генетического алгоритма:

$$Q_i = \begin{bmatrix} q_{i1} & q_{i2} & q_{i3} & q_{i4} & q_{i5} & q_{i6} \\ q_{i2} & q_{i7} & q_{i8} & q_{i9} & q_{i10} & q_{i1} \\ q_{i3} & q_{i8} & q_{i12} & q_{i13} & q_{i14} & q_{i15} \\ q_{i4} & q_{i9} & q_{i13} & q_{i16} & q_{i17} & q_{i18} \\ q_{i5} & q_{i10} & q_{i14} & q_{i17} & q_{i19} & q_{20} \\ q_{i6} & q_{i11} & q_{i15} & q_{i18} & q_{i20} & q_{21} \end{bmatrix}, \; R_i = \begin{bmatrix} r_{i1} & r_{i2} \\ r_{i2} & r_{i3} \end{bmatrix} \qquad (13)$$

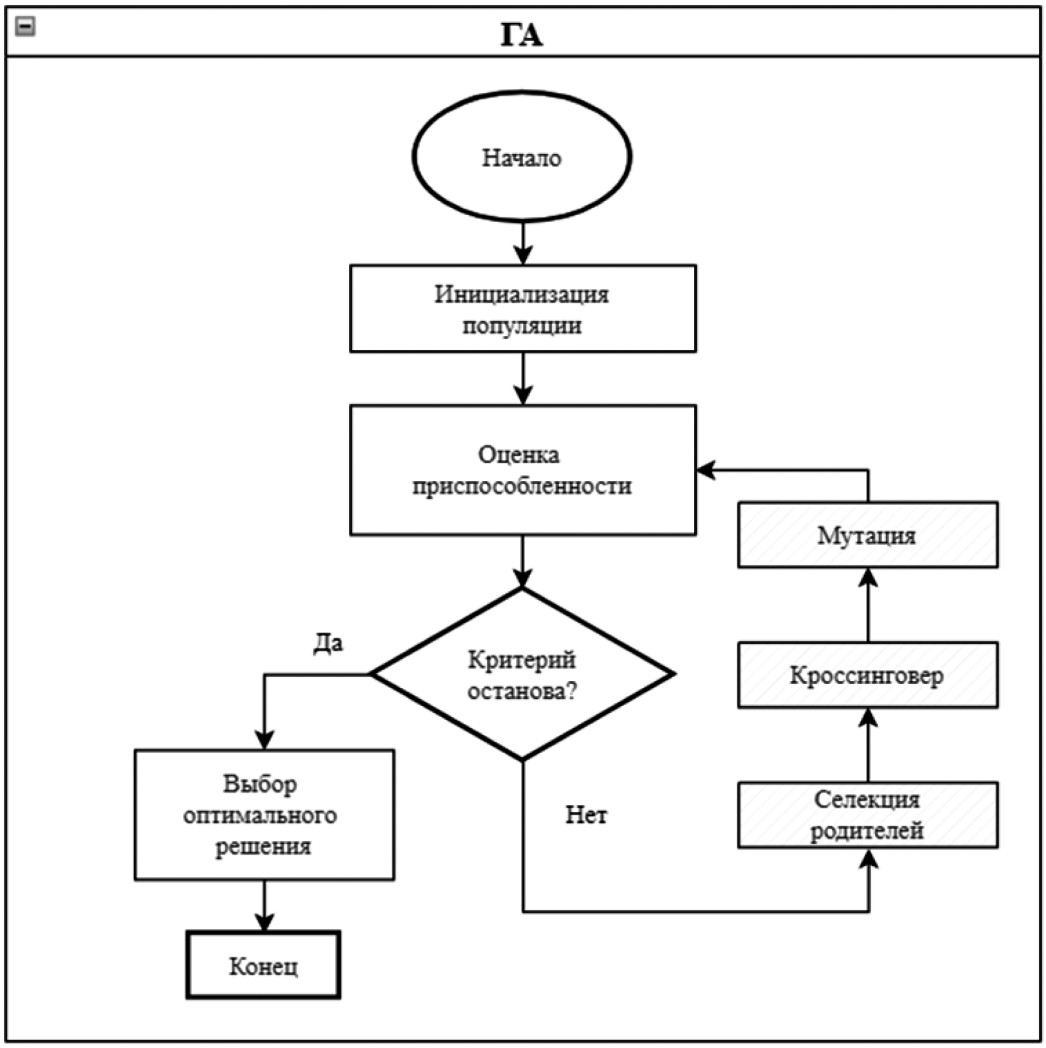

Рис. 4. Блок-схема модули ГА

Где, q_{i1}, q_{i2}, …, q_{i21} и r_{i1}, r_{i2}, r_{i3} являются генами особи z_i (i=1,2,…,L) в популяции P.

После инициализации популяции требуется оценить приспособленность p(z_i) каждой особи в популяции.

$$\Phi(z_i) = \int \left|\delta y_i(T)\right| dT, i = 1,2,\ldots,L \qquad (14)$$

Где, $\Phi(z_i)$ — функция приспособленности для i-го особи, от значения которой вероятность выживания особи z_i должна зависеть;

Согласно методу рулетки чем лучше значение функции приспособленности особи, тем вероятнее её вероятность выбора:

$$p(z_i) = \frac{\Phi_{max} - \Phi(z_i)}{\sum_{j=1}^{L}\left[\Phi_{max} - \Phi(z_j)\right]}, i = 1,2,\ldots,L \qquad (15)$$

Где, $p(z_i)$ — вероятность выбора i-го особи на этапе отбора, используемую для оценки приспособленности каждой особи в популяции; Φ_{max} — максимальное значение функции приспособленности $\Phi(z_i), i = 1,2,\ldots,L$.

Посредством вышеописанного процесса, на основе функции приспособленности выбирается оптимальная особь, а затем на основе этой особи с помощью операций скрещивания и мутации создаётся новое поколение особей. Данный процесс повторяется до тех пор, пока значение функции приспособленности не сойдётся, что позволяет получить окончательно оптимальные матрицы Q и R при отказе двигателей спускаемого аппарата типа несущий корпус.

Литературный обзор

Исследования [1, 2] посвящены проблеме точного управления и посадки бездвигательных спускаемых аппаратов (СА) типа несущий корпус, акцентируя сложности достижения заданной точности в условиях отсутствия активной тяги. Актуальность данной задачи многократно возрастает в контексте прогнозируемого роста интенсивности пилотируемых космических полетов [3–5]. Для преодоления ограничений современных методов управления, таких как высокая вычислительная сложность [7–9] и недостаточная робастность [6], в данной работе предлагается адаптивная отказоустойчивая система на базе линейно-квадратичного регулятора (ЛКР) [10]. Разработанный подход, учитывающий идеи прогнозирующего управления [11], обеспечивает адаптацию параметров регулирования в реальном времени. Математическая модель основана на общепризнанной нелинейной модели движения центра масс СА [12], адекватно учитывающей аэродинамические силы, гравитацию и вращение Земли. Синтез регулятора осуществляется на основе принципа максимума Понтрягина [13], а для решения дискретного уравнения Риккати [14] применяется генетический алгоритм (ГА) [15, 16] для оптимизации весовых матриц. Использование опорной траектории, кинематических матриц Якоби и аэродинамических коэффициентов из [17] позволяет системе вычислять управляющие воздействия, стабилизирующие аппарат на заданной траектории при отказах двигательной установки.

Результаты

В работе проведено компьютерное моделирование временной динамики вектора состояния $\boldsymbol{x} = [h, \theta, \lambda, V, \vartheta_a, \psi_a]^T$ спускаемого аппарата типа несущий корпус (рис. 1) в условиях отказа силовой установки при управлении на основе адаптивного алгоритма ЛКР-ГА. При этом аэродинамические коэффициенты [17], входящие в уравнения (2) и (3), были получены методом наименьших квадратов в среде MATLAB и приведены в таблице. 1.

При отказе маршевых двигателей спускаемого аппарата типа несущий корпус за начало отсчёта времени принят момент $t_0 = 0$ с. Начальный вектор состояния $\boldsymbol{x}_0 = [h_0, \theta_0, \lambda_0, V_0, \vartheta_{a\,0}, \psi_{a0}]^T$ в этот момент приведён в табл. 2.

Таблица 1.

Аэродинамические константы спускаемого аппарата

c_0	c_1	c_2	c_3	c_4	c_5
$5{,}471\times10^{-3}$	$2{,}522\times10^{-3}$	$-2{,}894\times10^{-3}$	$9{,}968\times10^{-5}$	$-1{,}211\times10^{-6}$	$8{,}48\times10^{-5}$
d_0	d_1	d_2	d_3	d_4	d_5
0,02434	$-1{,}493\times10^{-3}$	$-9{,}829\times10^{-4}$	$1{,}345\times10^{-4}$	$-1{,}468\times10^{-5}$	$3{,}292\times10^{-6}$

Таблица 2.

Начальный вектор состояния спускаемого аппарата

Время t_0 (с)	Высота h_0 (км)	Долгота θ_0 (град)	Широта λ_0 (град)	Скорость V_0 (м/с)	скоростной угол тангажа $\vartheta_{a\,0}$ (град)	скоростной угол рыскания ψ_{a0} (град)
0	45,814	22,19	0,32	6500	–0,95	–6,48

В момент времени $t_0 = 0$ с начальные управляющие воздействия $\boldsymbol{u}_0 = [\alpha_0, \upsilon_0]^T$ спускаемого аппарата типа несущий корпус приведены в табл. 3.

Таблица 3.

Начальные управляющие воздействия спускаемого аппарата

Время t_0 (с)	Угол атаки α_0 (°)	Угол наклона υ_0 (°)
0	19,33	14,81

В штатном режиме движение спускаемого аппарата типа «несущий корпус» соответствует опорной траектории $\boldsymbol{x}_{ref} = [h_{ref}, \theta_{ref}, \lambda_{ref}, V_{ref}, \vartheta_{a\,ref}, \psi_{a\,ref}]^T$ при задающих воздействиях $\boldsymbol{u}_{ref} = [\alpha_{ref}, \upsilon_{ref}]^T$. Для анализа эффективности проводится сравнение динамики координат положения и вектора скорости при использовании отказоустойчивой системы ЛКР-ГА и в режиме разомкнутого управления. На рис. 5–7 представлены результаты имитационного моделирования в среде MATLAB.

Обсуждение

Анализ сравнительных графиков временной зависимости координат положения спускаемого аппарата типа несущий корпус демонстрирует, что при использовании автоматической отказоустойчивой системы управления ЛКР-ГА, в отличие от разомкнутого управления, высотная характеристика аппарата не имеет значительных колебаний при одновременном снижении отклонения от опорной траектории более чем на 60%, что свидетельствует о существенно более эффективной компенсации негативного влияния отказа двигателей на вертикальную составляющую траектории. Кроме того, при разомкнутом управлении наблюдается выраженный периодический колебательный режим по скоростному углу тангажа, а система ЛКР-ГА обеспечивает плавное изменение угла с отклонениями в допустимых пределах, снижая максимальную ошибку более чем на 85%.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило высокую эффективность разработанного адаптивного алгоритма ЛКР-ГА для отказоустойчивого управления траекторией спускаемого аппарата типа «несущий корпус» в условиях отказа двигателей. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в разработке адаптивного алгоритма, сочетающего преимущества линейно-квадратичного регулятора (гарантированная устойчивость) и генетического алгоритма (адаптивность к изменяющимся условиям), а также в математическом доказательстве устойчивости системы при полной потере тяги,

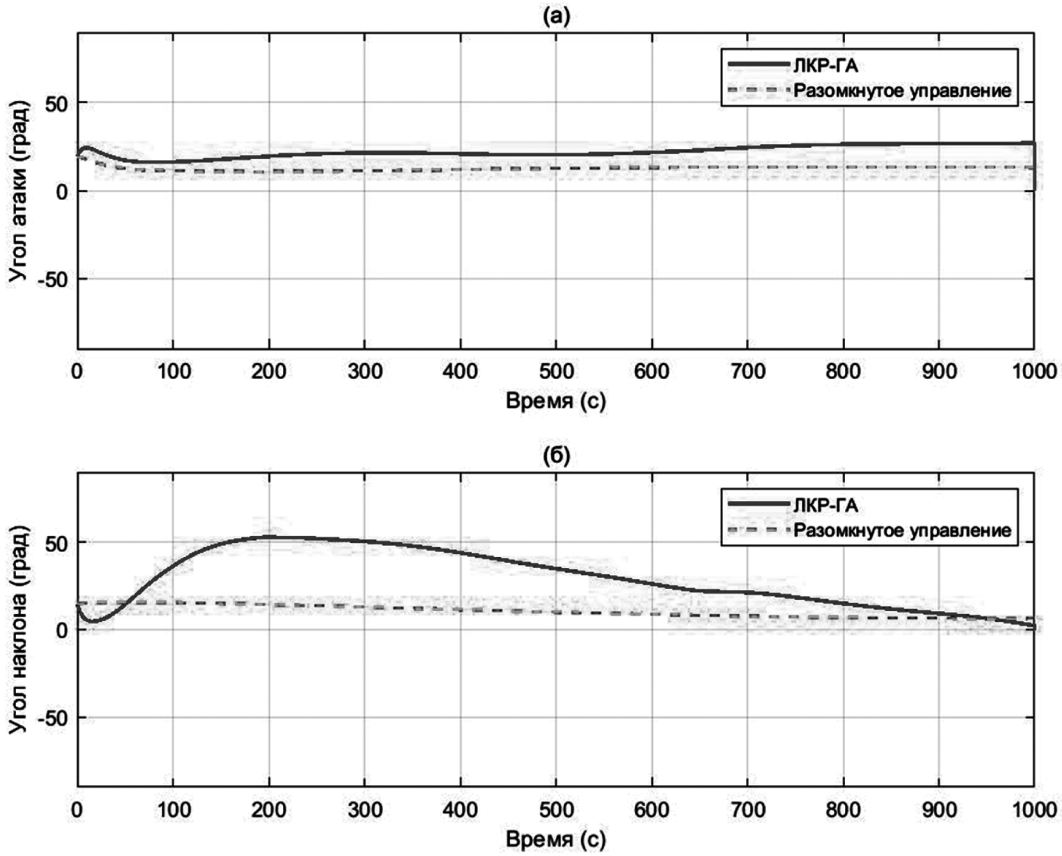

Рис. 5. Временные зависимости управляющих воздействий после отказа двигателей: (а) — угол атаки, (б) — угол крена

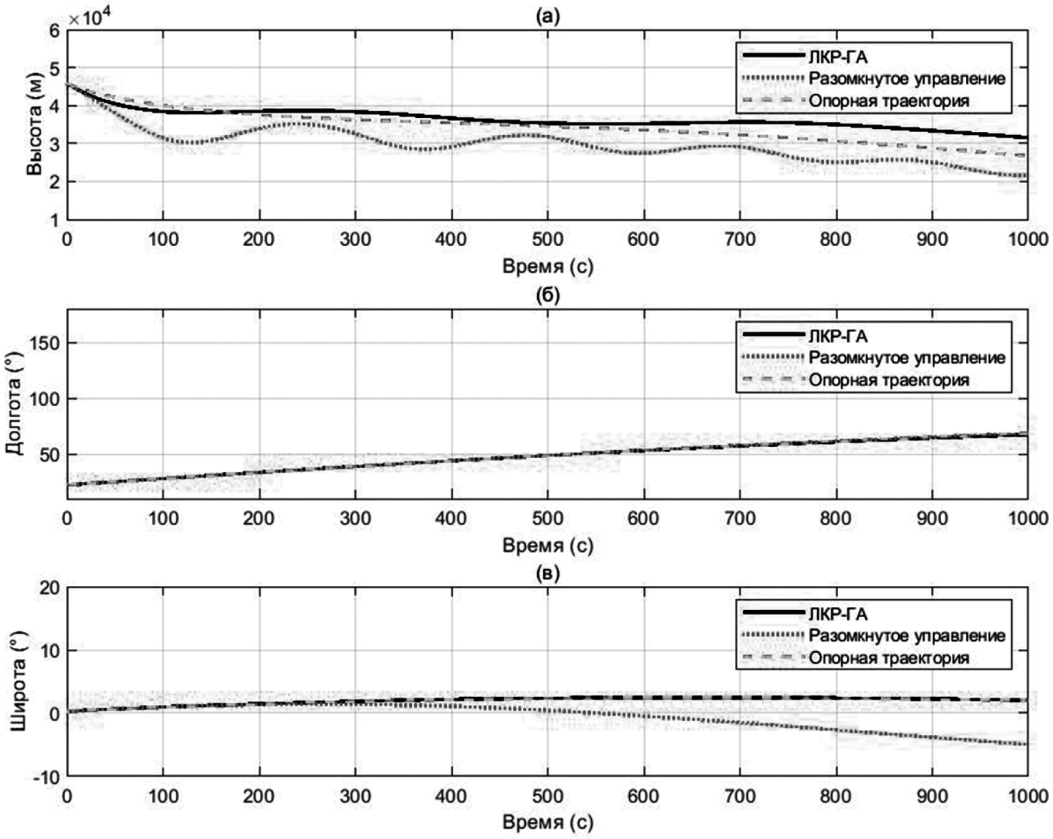

Рис. 6. Графики сравнения временной зависимости координат положения СА при применении ЛКР-ГА и в режиме разомкнутого управления: (а) — высота, (б) — геоцентрическая долгота, (в) — геоцентрическая широта

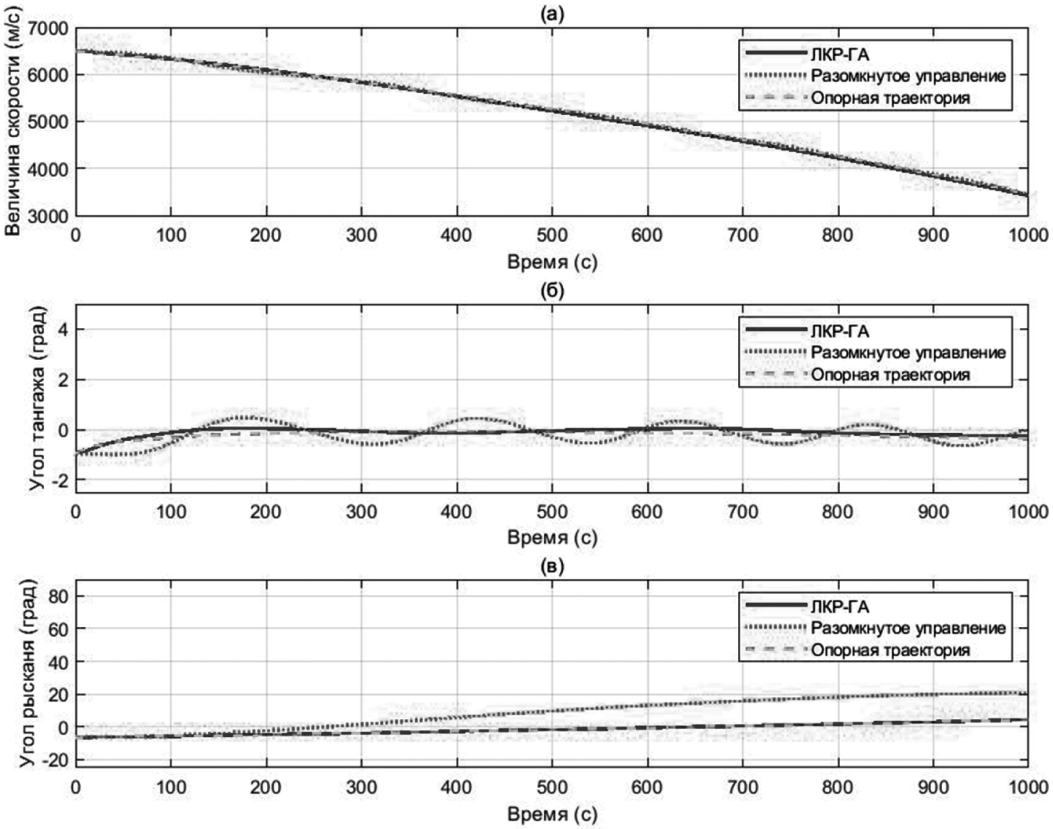

Рис. 7. Графики сравнения временной зависимости вектора скорости СА при применении ЛКР-ГА и в режиме разомкнутого управления: (а) — величина скорости, (б) — геоцентрическая долгота, (в) — геоцентрическая широта

обеспечивающей продолжение движения по опорной траектории. По сравнению с разомкнутым управлением, адаптивный алгоритм ЛКР-ГА обеспечивает значительное повышение точности управления по высоте и скорости, а также существенно снижает влияние отказа двигателей на географические координаты аппарата в процессе спуска, что в итоге повышает точность посадки спускаемого аппарата типа «несущий корпус» и снижает вероятность аварийных ситуаций. Полученные результаты открывают перспективы для интеграции данного решения в системы управления многоразовых космических аппаратов, дальнейшей оптимизации вычислительной сложности для задач с большим числом управляемых параметров, а также для новых исследований в области учета нелинейных атмосферных эффектов и разработки методов машинного обучения для онлайн-адаптации весовых матриц ЛКР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fedele A., Omar S., Cantoni S., & Savino R. (2021). Precise re-entry and landing of propellantless spacecraft. Advances in Space Research, 68(1), 329–340.
2. Mindiak B. (n.d.). Improving the Efficiency and Accuracy of Landing Site Error Calculations for Re-Entry Vehicles. Georgia Institute of Technology.
3. McCall S.M. (n.d.). National security space launch. Defense Technical Information Center.
4. Kulu E. (2021). Small launchers-2021 industry survey and market analysis. NewSpace.
5. Daehnick C., Gang J., & Rozenkopf I. (n.d.). Space launch: Are we heading for oversupply or a shortfall? Key4biz.
6. Castellanos-Cárdenas D., Posada N.L., Orozco-Duque A., et al. (n.d.). A review on data-driven model-free sliding mode control. MDPI.
7. Bai Z., Luo X., Li M., et al. (n.d.). Adaptive Backstepping Control for Nonlinear Vehicles with Guaranteed String Stability and Suppressed Cascade Fluctuations. IEEE.
8. Zhong M., Cao J., & Liu H. (2024). Adaptive neural network optimal backstepping control of strict feedback nonlinear systems via reinforcement learning. IEEE.
9. Tao G., & Joshi S.M. (2006). Adaptive fault-tolerant control of aerospace vehicles. CRC Press.
10. Kwakernaak H., & Sivan R. (1972). Linear optimal control systems. John Wiley & Sons.
11. Maciejowski J.M. (2002). Predictive control with constraints. Prentice Hall.
12. Цзоу И. Исследование конструкции траектории схода с орбиты и методов наведения спускаемых аппаратов типа несущий корпус: автореф. дис. … канд. техн. наук / Цзоу И; Национальный университет оборонных технологий. — 2014. — 175 с.
13. Naidu D.S. (2002). Optimal Control Systems. CRC Press.
14. Cheng F.C.H., Fan W.H., & Chen Y.S. (2005). Multi-objective optimization for LQR controller design using genetic algorithms. International Journal of Systems Science, 36(12), 793–801.
15. Goldberg D.E. (1989). Genetic Algorithms in Search, Optimization, and Machine Learning. Addison-Wesley.
16. Генетический алгоритм [Электронный ресурс] // Википедия. — 10.10.2023. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Генетический_алгоритм (дата обращения: 11.03.2025).
17. У., Ч. Расчет динамики движения спускаемого аппарата с надувными тормозными устройствами / Ч.У // Студенческая научная весна: Тезисы докладов Всероссийской студенческой конференции, посвященной 175-летию Н.Е. Жуковского, Москва, 01–30 апреля 2022 года. — Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2022. — С. 66–67. — EDN FRVVPX.

© У Чжэнцзе (2433474284@qq.com); Лян Гаоюй (lianggy97@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.43

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ АРХИТЕКТУРНЫХ СТИЛЕЙ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

A COMPREHENSIVE METHODOLOGY FOR MULTI-CRITERIA ASSESSMENT OF SOFTWARE ARCHITECTURAL STYLES

I. Chernikov
A. Bolotov
S. Bronnikov

Summary. The aim of the research is to address the gap in the field of justified choice of architectural paradigms by creating a comprehensive methodology for comparative analysis. The scientific novelty lies in proposing a holistic algorithm that integrates three groups of criteria: quantitative, qualitative, and economic. To aggregate heterogeneous data, normalization procedures and an adaptive weighting mechanism based on Thomas Saaty's Analytic Hierarchy Process (AHP), validated through the consistency index calculation, are introduced. The article details the stages of the methodology — from formulating project requirements and selecting metrics to conducting an integrated assessment and interpreting the results. The main result is a formalized, reproducible procedure that allows transferring the architectural choice from the realm of purely subjective preferences to the sphere of quantitatively justified decision-making. The article is methodological in nature and serves as a basis for subsequent experimental approbation.

Keywords: software architecture, comparative analysis, multi-criteria assessment, Analytic Hierarchy Process (AHP), cost analysis, prototyping, microservices, monolith.

Черников Илья Сергеевич
Уфимский университет науки и технологий
chernikov-i@inbox.ru
Болотнов Анатолий Миронович
доктор физико-математических наук, профессор,
Уфимский университет науки и технологий
bolotovAM@mail.ru
Бронников Сергей Анатольевич
кандидат педагогических наук, доцент, Бирский филиал,
Уфимский университет науки и технологий, г. Бирск
bronbir@rambler.ru

Аннотация. Целью исследования является устранение дефицита в области обоснованного выбора архитектурных парадигм за счёт создания комплексной методики сравнительного анализа. Научная новизна заключается в предложении целостного алгоритма, объединяющего три группы критериев: количественные, качественные и экономические. Для агрегации разнородных данных вводятся процедуры нормализации и механизм адаптивного взвешивания на основе метода анализа иерархий Т. Саати, валидируемый через расчёт индекса согласованности. В статье детально излагаются этапы методики — от формулирования требований проекта и выбора метрик до проведения интегральной оценки и интерпретации результатов. Основным результатом является формализованная, воспроизводимая процедура, позволяющая перевести выбор архитектуры из области только субъективных предпочтений в сферу количественно обоснованного решения. Статья носит методологический характер и служит основой для последующей экспериментальной апробации.

Ключевые слова: архитектура программного обеспечения, сравнительный анализ, многокритериальная оценка, метод анализа иерархий, анализ затрат, прототипирование, микросервисы, монолит.

Актуальность проблемы

В современных условиях стремительной цифровизации к программному обеспечению предъявляются все более высокие требования по производительности, масштабируемости, надёжности и скорости внесения изменений. Выбор базовой архитектурной парадигмы — монолитной, микросервисной или гибридной — является одним из наиболее судьбоносных решений на этапе проектирования информационной системы, определяющим ее технические и экономические характеристики на всём жизненном цикле. Однако данный выбор зачастую осуществляется исключительно на основе субъективных критериев, экспертных оценок или сиюминутных трендов, без наличия объективного количественного обоснования. Отсутствие унифицированного подхода к сравнению архитектур приводит к рискам реализации неоптимальных решений, росту стоимости обслуживания и проблемам с производительностью.

Степень изученности проблемы

Вопросы преимуществ и недостатков различных архитектурных стилей широко освещаются в профессиональной литературе, научных статьях и технoблогах [1]. Существует множество работ, посвященных теоретическому описанию структуры архитектуры, паттернам проектирования и примерам их реализации. Однако большинство существующих исследований носят качественный, обзорный характер или фокусируются на узком наборе технических критериев [2, 3]. При этом широко известные методики архитектурной оценки зачастую избыточно сложны для применения в проектах

среднего масштаба и не предлагают детальных, формализованных процедур для учёта операционных издержек и человеческих факторов. Таким образом, наблюдается дефицит комплексных, практико-ориентированных методик, предлагающих формализованный, измеримый и воспроизводимый алгоритм сравнительной оценки архитектур ПО, интегрирующий как объективные количественные метрики, так и структурированные субъективные. Именно этот дефицит и формирует научную проблему данного исследования [4].

Цель данной работы заключается в разработке комплексной методики сравнительного анализа архитектурных стилей программного обеспечения. Методика представляет собой формализованный алгоритм, обеспечивающий многоаспектную оценку с учётом объективных количественных и субъективных качественных данных. Конечным результатом применения методики является количественно обоснованное решение для выбора оптимальной архитектурной парадигмы в условиях конкретного проекта.

Для достижения поставленной цели были решены следующие *задачи*:

1. Проанализированы и выбраны подходы и их методы для сравнения архитектур программного обеспечения.
2. Разработан алгоритм проведения сравнительного анализа, включающий этапы подготовки, тестирования, анализа и интерпретации данных.
3. Систематизированы и формализованы ключевые качественные критерии (атрибуты качества) сравнения архитектурных стилей.
4. Определена система количественных метрик для экономических и операционных показателей, также выбран инструментарий для их измерения.
5. Разработана модель взвешивания критериев для формирования интегральной оценки, основанной на приоритетах проекта.
6. Проведена демонстрация работы методики на абстрактных примерах.

Следует отметить, что в рамках настоящего исследования приводятся модельные примеры, достаточные для демонстрации принципов работы и иллюстрирующие применение разработанной методики. В перспективе планируется публикация результатов апробации методики на практическом кейсе проектирования информационной системы для сферы дополнительного образования, где будет проведено комплексное сравнение монолитной, микросервисной и гибридной модульной монолитной архитектур, что позволит оценить практическую эффективность предложенного подхода в условиях реального проектирования [5, 6].

1. Подходы и методы сравнения архитектур

В современной практике сравнения архитектур программного обеспечения существует множество подходов, каждый из которых решает специфические задачи и имеет свои особенности применения. В рамках данной статьи будет рассмотрено как наиболее распространенные подходы, которые хорошо зарекомендовали себя в практике архитектурного тестирования, так и малоизвестные методы позволяющие взглянуть на патовые ситуации выбора с других ракурсов.

Архитектурный обзор или ревью это структурированная экспертная оценка проектных решений, проводимая командой менеджера, архитекторов и разработчиков. Основной фокус направлен на соответствии архитектуры бизнес-требованиям, стандартам и долгосрочным целям проекта [7].

Прототипирование, то есть создание прототипов — позволяет проверить жизнеспособность архитектурных решений на практике. В рамках этого подхода разрабатываются упрощенные версии ключевых компонентов системы для валидации основных технических решений и практической проверки *критических сценариев* использования. Реализация наиболее критичных или спорных модулей системы в нескольких вариантах разных архитектурных решений — это дорого и долго, но даёт самые точные результаты [8].

Сценарные тесты — метод, который фокусируется на проверке архитектуры через призму конкретных пользовательских сценариев. Тестируется способность архитектуры поддерживать различные варианты использования системы, включая нестандартные ситуации и граничные случаи (кросс-модульные операции).

Бенчмаркинг и метрики производительности — этот метод продолжает концепцию подхода прототипирования, расширяя и углубляя тестирование системы. Суть этого метода в нагрузочном тестировании прототипов с идентичным функционалом, но созданных на основе различных архитектурных решений [9-11]. Ключевым метриками измерения производительности могут быть:

- **Пропускная способность,** показывающая количество операций в секунду (RPS — Requests Per Second).
- **Задержка**: P50, P95, P99 (перцентили).

Перцентиль — это показатель, который определяет значение, ниже которого находится определенный процент наблюдений в распределении. Например, **P50** (50-й перцентиль) — медиана распределения, **P95** (95-й перцентиль) — значение, ниже которого находятся 95 % данных, **P99** (99-й перцентиль) — значение, ниже которого находятся 99 % данных.

В анализе производительности систем P50 показывает среднее время отклика системы, P95 помогает оценить работу системы для большинства пользователей, а P99 выявляет проблемы с производительностью для самых «медленных» запросов.

- **Потребление ресурсов**, показывающее потребление/использование процессора (CPU), оперативной памяти (RAM), объём данных, передаваемых через сетевую подсистему за определённый период времени (Network I/O).

Анализ затрат — это комплексный метод оценки всех ресурсов, необходимых для создания и поддержки программного обеспечения на протяжении всего его жизненного цикла. Метод сравнения работает не только по финансовым затратам, но и по затратам времени и человеческих ресурсов [12].

Финансовыми затратами считаются прямые расходы (зарплаты, оборудование), косвенные расходы (аренда, коммунальные платежи), операционные расходы, капитальные вложения. К человеческим ресурсам можно отнести количество задействованных специалистов, квалификацию персонала, распределение нагрузки, обучение и развитие. Временными затратами можно учитывать длительность этапов разработки, сроки реализации задач, время на тестирование, период поддержки [13].

Метод анкетирования — это метод сбора оценок качественных характеристик, который дополняет количественные метрики и помогает оценить «человеческий фактор» при работе с разными архитектурами [14].

После завершения разработки прототипа по каждой архитектуре команда разработчиков и тестировщиков (потенциальных пользователей) заполняет анонимную анкету, оценивая свои впечатления и сложности работы по различным аспектам. Целями анкетирования могут быть:

- Оценка субъективного восприятия архитектуры разработчиками и тестировщиками.
- Выявление скрытых проблем, не проявляющиеся в количественных метриках или других качественных логических методах.
- Измерение когнитивной нагрузки и удобства работы.
- Оценка влияния на скорость разработки с точки зрения команды.

Этот метод дает ценную информацию о том, насколько архитектура удобна для живых разработчиков, что критически важно для долгосрочного успеха проекта [14].

2. Алгоритм проведения комплексного сравнительного анализа

После анализа и выбора сравнительных методик сформируем последовательный алгоритм по проведению сравнительного анализа:

Этап 1: Подготовительный

Определение контекста и ограничений
- Формулировка бизнес-требований к системе дополнительного образования.
- Определение технических ограничений (бюджет, сроки, команда).
- Выбор сравниваемых архитектур.

Разработка функциональной спецификации
- Создание единого набора пользовательских функциональных возможностей для всех архитектур.

Подготовка инструментария
- Подготовка стенда для тестирования (одинаковые hardware/software характеристики).

Разработка анкет
- Создание пула вопросов: общих, детальных по критериям, с открытым ответом и установка шкалы оценивания для анкетирования.

Этап 2: Разработка прототипов

Создание функционально эквивалентных прототипов
- Архитектура 1, архитектура 2, …

Реализация базового функционала
- Функция 1, функция 2, …
- Операция 1, операция 2, …

Этап 3: Тестирование и замеры

Проведение анкетирования
- Анкетирование по этапам: во время проектирования ИС, разработки, после реализации (тестирование). Это нужно для отслеживания сложности работы на разных этапах развития ПО, а также для уменьшения эффекта новизны, когда первая архитектура может оцениваться строже. Анкетирование проводится анонимно для честных субъективных данных.

Проведение архитектурного обзора (качественная оценка)
- Экспертная оценка по чек-листу атрибутов качества.
- Анализ соответствия принципам проектирования.

- Выполнение сценарных тестов.
- Тестирование типичных пользовательских сценариев.
- Оценка удобства разработки и внесения изменений.

Проведение бенчмаркинга (количественные замеры)
- Нагрузочное тестирование для каждого прототипа.
- Замер метрик производительности на идентичной нагрузке.
- Анализ потребления ресурсов.

Анализ затрат
- Оценка экономических, временных затрат и затрат человеческих ресурсов.

Этап 4: Анализ и апробация

Сбор и обработка результатов
- Нормализация полученных данных.
- Расчет интегральных показателей для каждой архитектуры.

Формулировка выводов и рекомендаций
- Сравнительный анализ комплексных оценок.
- Формулировка рекомендаций по выбору архитектуры.

3. Определение ключевых качественных критериев оценки

После составления алгоритма для сравнительного анализа, нужно определить ключевые качественные атрибуты оценки и сформировать систему количественных метрик, которые будут учитываться в сравнительном анализе.

В **группу технических атрибутов качества** входит ***масштабируемость***, которая делится на горизонтальное и вертикальное масштабирование.

Горизонтальное масштабирование позволяет увеличивать производительность системы путем добавления новых элементов, в то время как *вертикальное масштабирование* улучшает характеристики существующих.

Избирательное масштабирование предоставляет возможность масштабировать только те компоненты системы, которые испытывают проблемы, что позволяет оптимизировать ресурсы и минимизировать затраты.

Отказоустойчивость системы включает изоляцию сбоев и деградацию функциональности. *Изоляция сбоев* локализует последствия отказа одного компонента, предотвращая распространение проблемы на всю систему. *Деградация функциональности* позволяет системе продолжать работать при частичных отказах, обеспечивая минимальное снижение производительности при максимально доступном функционале.

Сложность системы охватывает когнитивную нагрузку, операционную сложность и сложность отладки. *Когнитивная нагрузка* отражает простоту понимания архитектуры для новых разработчиков, *операционная сложность* — трудоемкость развертывания и поддержки системы, а *сложность отладки* — скорость поиска и исправления возникающих ошибок.

Гибкость системы включает внесение изменений, технологическую независимость и адаптивность к изменениям требований. *Внесение изменений* должно быть быстрым и безопасным, чтобы минимизировать время простоя системы. *Технологическая независимость* позволяет использовать различные технологии в компонентах, что повышает гибкость и адаптивность системы. *Адаптивность к изменениям требований* означает способность архитектуры эволюционировать и адаптироваться к новым условиям и требованиям.

Поддерживаемость системы охватывает модульность, тестируемость и документированность. *Модульность* обеспечивает чёткость границ между компонентами, что упрощает разработку и поддержку системы. *Тестируемость* отражает простоту написания модульных и интеграционных тестов, что повышает качество и надёжность системы. *Документированность*, в свою очередь, оценивает качество и актуальность документации, что облегчает работу новых разработчиков и поддержку системы.

4. Определение ключевых количественных метрик

Наряду с качественными атрибутами формируется и **система количественных метрик производительности (бенчмаркинг)** [9, 10]**.**

Пропускная способность определяется метрикой Requests Per Second (RPS). Она измеряет количество ключевых операций, выполненных за секунду. Например, одновременные записи 100 пользователей позволяет оценить, насколько эффективно система справляется с нагрузкой.

Задержка измеряется с помощью метрик P50, P95 и P99 по времени ответа в миллисекундах. Эти метрики показывают время, необходимое для выполнения операций. Например, получение отчёта со сложными расчётами помогает выявить, как долго система обрабатывает запросы.

Потребление ресурсов включает в себя несколько аспектов: CPU Usage, Memory Usage и Network I/O. CPU Usage отслеживает среднюю и пиковую загрузку процессора в процентах, что позволяет оценить эффективность его использования. Memory Usage показывает объём занимаемой оперативной памяти в мегабайтах, что важно для определения, достаточно ли памяти для выполнения задач. Network I/O измеряет объём передаваемых данных в мегабайтах в секунду, что помогает оценить эффективность работы с сетью.

5. Определение метрик анализа затрат

Для крупных и масштабных проектов и тех малых проектов, которые требуют строгого контроля расходов, в систему сравнения добавляются **метрики анализа затрат**. Эти метрики делятся на три группы: финансовые затраты, временные затраты и затраты на человеческие ресурсы [12, 13].

Первая группа — ***финансовые затраты*** включает инфраструктурные затраты, затраты на разработку и эксплуатационные затраты. В инфраструктурные затраты могут входить расходы на серверы, базы данных, сетевые ресурсы, лицензии программного обеспечения и мониторинг с аналитикой. Затраты на разработку могут включать оплату труда разработчиков и обучение команды. Эксплуатационные затраты охватывают расходы на DevOps/SRE команду, круглосуточную поддержку, резервное копирование и аварийное восстановление.

Вторая группа — ***временные затраты***, которые включают общее время от идеи до продакшена, время разработки функции, исправления бага, развертывания и масштабирования.

Третья группа — ***затраты на человеческие ресурсы***. В неё можно внести сложность командной работы, которая включает размер необходимой команды, время ввода нового разработчика, частоту переключения контекста и время код-ревью.

6. Нормализация результатов метрик

После определения качественных и количественных метрик с их характеристиками можно разработать модель взвешивания критериев для формирования интегральной оценки на основе приоритетов под конкретный проект.

Перед тем как объединить оценки для получения итогового результата и вывода следует привести все данные к единой шкале, то есть нормализовать.

Для **нормализации количественных метрик** воспользуемся двумя формулами:

Формула для группы метрик «***чем больше — тем лучше***», к таким метрикам относятся, например, производительность и пропускная способность:

$$N_{ij} = \frac{X_{ij} - \min(X_j)}{\max(X_j) - \min(X_j)}, \quad (1)$$

где N_{ij} — нормализованное значение j-го критерия для i-й архитектуры;

X_{ij} — исходное значение замера по j-му критерию для i-й архитектуры;

$\max(X_j), \min(X_j)$ — максимальное и минимальное значения замеров по j-му критерию среди всех архитектур.

Формула для группы метрик «***чем меньше — тем лучше***», к таким метрикам относятся, например, задержка, стоимость и потребление ресурсов:

$$N_{ij} = \frac{\max(X_j) - X_{ij}}{\max(X_j) - \min(X_j)}, \quad (2)$$

где N_{ij} — нормализованное значение j-го критерия для i-й архитектуры;

X_{ij} — исходное значение замера по j-му критерию для i-й архитектуры;

$\max(X_j), \min(X_j)$ — максимальное и минимальное значения замеров по j-му критерию среди всех архитектур.

Для **нормализации качественных метрик** т.е. экспертных оценок — воспользуемся формулой составной оценки качественной метрики, составные части которой были разобраны ранее:

$$Q_{ij} = \sum_{k=1}^{n} c_{jk} * q_{ijk}, \quad (3)$$

где Q_{ij} — составное значение оценки j-го критерия для i-й архитектуры;

q_{ijk} — замер значения k-го подпункта по j-му критерию для i-й архитектуры (например, оценка от 1 до 10);

c_{jk} — коэффициент важности k-го подпункта для j-го критерия (значения от 0 до 1);

n — количество подпунктов критерия Q_{ij}.

Коэффициенты c_{jk} формируются на основе анкетирования ключевых участников команды разработки и агре-

гации их ответов. Это необходимо, так как для каждой команды и проекта критерии из подпунктов имеют свои приоритеты.

Поскольку коэффициенты определяют значимость подпунктов в общей оценке, их сумма должна равняться единице:

$$\sum_{k=1}^{n} c_k = 1, \quad (4)$$

где n — количество подпунктов критерия; c_k — коэффициент важности для k-го подпункта критерия.

Например, определим формулы составных оценок четырёх критериев для условной команды разработчиков проекта, где сумма коэффициентов подпунктов соответствует условию (4):

Масштабируемость = 0.4*Горизонтальное М. + 0.4*Вертикальное М. + 0.2 * Избирательное М.;

Отказоустойчивость = 0.25*Изоляция сбоев + 0.25*Восстановление + 0.2*Избыточность + 0.15*Деградация + 0.15*Мониторинг;

Сложность = 0.3*Когнитивная нагрузка + 0.25*Эксплуатация + 0.25*Разработка+ 0.15*Тестирование + 0.05*Отладка;

Гибкость = 0.25*Лёгкие изменения + 0.1*Независимость технологий+ 0.2*Адаптивность изменений + 0.25*Расширяемость функционала + 0.1*Гибкость конфигурации + 0.1*Простота интеграции.

Теперь следуя формулам (1)–(2), можно получить нормализованные значения количественных критериев, исходные значения которых представляют собой численные цифровые замеры бенчмарками, а для нормализованных значений качественных критериев формула (3), где исходные значения будут шкалированные оценки из анкет, например от 1 до 10.

7. Определение весов результирующих оценок

Однако для объединения результатов нормализации качественных и количественных оценок метрик следует определить веса приоритетов критериев выбора для этих двух разных групп. Для этого воспользуемся ***подходом анализа иерархий*** разработанным американским математиком Томасом Саати для задач связанных с принятием решений, а точнее используем метод парных сравнений со шкалой Саати [15, 16].

Шкала позволяет количественно оценивать суждения эксперта путем присвоения числовых значений от «1» до «9» (и их обратных величин). Значения от «1» до «9» показывают превосходство одного элемента над другим, чем больше число, тем сильнее превосходство элемента. Обратные значения («1/9» до «1/1») отражают превосходство второго элемента. Значение «1» означает равную важность элементов (см. *Таблица 1*).

Таблица 1.

Таблица значений шкалы Саати

Числовое значение	Словесное определение
9	Абсолютное превосходство
8	Очень сильное превосходство
7	Сильное превосходство
6	Умеренно-сильное превосходство
5	Умеренное превосходство
4	Слабое превосходство
3	Некоторое превосходство
2	Едва заметное превосходство
1	Равная важность
1/2	Едва заметное превосходство другого элемента
1/3	Некоторое превосходство другого элемента
1/4	Слабое превосходство другого элемента
1/5	Умеренное превосходство другого элемента
1/6	Умеренно-сильное превосходство другого элемента
1/7	Сильное превосходство другого элемента
1/8	Очень сильное превосходство другого элемента
1/9	Абсолютное превосходство другого элемента

На основе анкетирования ключевых участников команды разработки и агрегации их ответов с использованием шкалы Саати формируется матрица парных сравнений размером $n*n$, где n — это количество приоритетно сравниваемых критериев [16]. Если a_{ij} элемент матрицы, то

$$a_{ij} \in \left\{\frac{1}{9}, \frac{1}{8}, \ldots, 1, 2, \ldots, 9\right\} (\text{шкала Саати})\, a_{ij} = \frac{1}{a_{ji}}; a_{ii} = 1.$$

После формирования матрицы рассчитывается вес критерия — геометрическое среднее для каждой строки-критерия:

$$p_i = \sqrt[n]{\prod_{j=1}^{n} a_{ij}}, \quad (5)$$

где p_i — ненормированный вес i-го критерия; a_{ij} — элемент матрицы парных сравнений в i-й строке, j-м столбце;

n — количество критериев;

$\prod_{j=1}^{n} a_{ij}$ — произведение элементов i-й строки.

После расчёта среднего геометрического значения веса по каждому критерию высчитывается его нормированный вес:

$$W_i = \frac{p_i}{\sum_{j=1}^{n} p_j}, \quad (6)$$

где W_i — итоговый нормированный вес i-го критерия;

p_i — ненормированный вес i-го критерия;

$\sum_{j=1}^{n} p_j$ — сумма ненормированных весов всех критериев.

Например, для условной команды разработчиков проекта составим матрицу парных сравнений приоритетов четырёх критериев и найдём их весы (5)–(6) (см. *Таблица 2*).

Таблица 2.

Пример матрицы парных сравнений

	Производительность (колич. метрика)	Масштабируемость (кач. метрика)	Стоимость (колич. метрика)	Скорость разработки (колич. метрика)
Производительность vs другие	1	3	5	2
Масштабируемость vs другие	1/3	1	4	1/2
Стоимость vs другие	1/5	1/4	1	1/3
Скорость разработки vs другие	1/2	2	3	1

Для данной матрицы нормированные веса критериев будут [0.42, 0.25, 0.1, 0.23] для Производительности, Масштабируемости, Стоимости и Скорости разработки соответственно. То есть для данной условной команды проекта важнее всего производительность системы, а наименее всего важна стоимость.

8. Проверка подлинности весовых коэффициентов

После получения нормализованных количественных оценок, нормализованных качественных составных оценок, а также приоритетных весов всех этих критериев — можно составить интегральную оценку по каждой сравниваемой архитектуре.

Однако перед расчётами необходимо пройти валидацию модели сравнения построенной командой разработчиков. Для этого необходимо рассчитать индекс согласованности (CI).

Индекс согласованности (CI) показывает, насколько логично и непротиворечиво эксперт расставил приоритеты в матрице попарных сравнений. Так если:

- CI = 0, показывает идеальную согласованность (эксперт абсолютно последователен и логичен),
- CI <0.1, показывает хорошую согласованность (приемлемо для практического использования),
- CI> 0.1, показывает плохую согласованность (эксперт противоречит сам себе).

Плохая согласованность указывает на ошибочное, противоречивое построение матрицы парного сравнения, чтобы это проверить воспользуемся расчётными формулами:

$$(Aw)_i = \sum_{j=1}^{n} (a_{ij} * w_j), \quad (7)$$

где $(Aw)_i$ — i-й элемент вектора приоритета матрицы;

a_{ij} — элемент матрицы парных сравнений в i-й строке, j-м столбце;

w_j — нормированный вес j-го критерия;

n — количество критериев.

$$\lambda_{max} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^{n} \frac{(Aw)_i}{w_i}, \quad (8)$$

где λ_{max} — максимальное собственное значение матрицы,

$(Aw)_i$ — i-й элемент вектора приоритета матрицы (7);

w_i — нормированный вес i-го критерия;

n — количество критериев;

$$CI = \frac{\lambda_{max} - n}{n - 1}, \quad (9)$$

где CI — индекс согласованности;

λ_{max} — максимальное собственное значение матрицы (8);

n — размер матрицы т.е. количество критериев.

В то же время *CI* тоже можно нормализовать относительно размера матрицы для более точного оценивания адекватности значений матрицы. Нужно разделить *CI*

на «ожидаемый» уровень несогласованности для случайной матрицы такого же размера — *RI*.

$$CR = \frac{CI}{RI}, \quad (10)$$

где *CR* — нормализованный индекс согласованности;

CI — индекс согласованности;

RI — среднее значение индекс согласованности для матриц размера n.

Значение RI берутся из эталонной таблицы случайных индексов, разработанной Томасом Саати (см. *Таблица 3*).

Таблица 3.

Эталонная таблица случайных индексов (Саати, 1980)

Размер матрицы (n)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	…
Случайный индекс (RI)	0	0	0.58	0.90	1.12	1.24	1.32	1.41	1.45	1.49	…

Используя пример матрицы парных сравнений, вычислим λ_{max}, CI, CR по формулам (7)–(10):

$$\lambda_{max} = \frac{4.048+4.179+4.151+4.090}{4} \approx 4.117$$

$$CI = \frac{(\lambda_{max} - n)}{n-1} = \frac{(4.117-4)}{4-1} = \frac{0.117}{3} \approx 0.039$$

$$\text{Для } n=4, RI=0.90 \text{ (из эталонной таблицы)}$$

$$CR = \frac{CI}{RI} = \frac{0.039}{0.90} \approx 0.0433 (4.33\%)$$

По расчётам CR = 4.33 % значительно ниже порога в 10 %. Это означает, что экспертные оценки логически непротиворечивы и результатам можно доверять.

9. Формирование итоговых интегральных оценок архитектур

Исходя из вывода, что веса приоритетов для критериев непротиворечивы можно рассчитать интегральную оценку для каждого типа архитектуры, которые мы сравниваем:

$$S_i = \sum_{j=1}^{n} W_j * N_{ij}, \quad (11)$$

где S_i — интегральная итоговая оценка *i*-й архитектуры;

W_j — нормализованный вес *j*-го критерия для проекта;

N_{ij} — нормализованная оценка по *j*-му критерию для *i*-й архитектуры.

Таким образом, после расчётов (11) мы получаем комплексные оценки выбора по каждой архитектуре. Сопоставляя значения интегральных оценок архитектур, рекомендуется следующий подход к принятию решения:

- **Разница оценок меньше 0.05** обозначает, что архитектуры практически эквивалентны для вашего проекта — решение должно основываться на дополнительных факторах (навыки команды, стратегические соображения и т.п.).
- **Разница оценок от 0.05 до 0.15** показывает существенные различия — выбирайте архитектуру с наивысшим баллом, но проанализируйте её слабые стороны, они могут быть критическими для вашей команды.
- **Разница оценок больше 0.15** указывает на явного лидера — рекомендуется выбирать архитектуры с максимальной оценкой.

Тем не менее, в процессе комплексного сравнения были использованы методы анкетирования, предназначенные для выявления субъективного ощущения команды проекта при работе с различными архитектурами. Такой подход позволяет учесть не только формальные требования проекта, но и субъективные предпочтения команды, что особенно важно при оценке качественных критериев. Интеграция анкетирования в процесс взвешивания критериев обеспечивает более обоснованный и принимаемый командой результат выбора архитектуры. Именно на основе агрегированных оценок опросов мы можем определить более подходящую архитектуру, если критериальные оценки оказываются близкими для конкретного выбора или имеют критический недостаток.

Заключение

В результате исследования разработана и формально описана комплексная методика сравнительного анализа архитектурных стилей программного обеспечения. Ключевым научным вкладом работы является синтез в рамках одного алгоритма объективных количественных измерений, структурированной экспертной оценки качественных характеристик и анализа операционных издержек.

Предложенная методика преодолевает ограничения существующих подходов, которые носят чисто качественный обзорный характер либо фокусируются на узком спектре технических показателей. Она предоставляет проектировщикам систематизированный, формализованный и воспроизводимый инструмент, адаптируемый под приоритеты конкретного проекта с помощью метода анализа иерархий.

Перспективой дальнейших исследований является экспериментальная верификация методики на практи-

ке, её программная реализация в виде инструмента поддержки принятия решений, а также уточнение и валидация весовых коэффициентов для различных предметных областей. Последующая апробация и развитие данного подхода создают основу для формирования отраслевого стандарта в области обоснованного выбора архитектурных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черников И.С. Эволюция архитектурных парадигм: от спагетти-монолитов до облачных микросервисов / И.С. Черников // Актуальные вопросы инноваций и современные научные открытия: Сборник научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Уфа, 12 сентября 2025 года. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2025. — С. 229–235.
2. Корниенко Д.В. Анализ методов оценки архитектуры программного обеспечения / Д.В. Корниенко, А.В. Никулин // Технологии и техника: пути инновационного развития: Сборник научных статей 3-й Международной научно-технической конференции, Воронеж, 17 июня 2025 года. — Воронеж: ЗАО «Университетская книга», 2025. — С. 146–153.
3. Терешкова А.А. Методика построения целевой архитектуры предприятия на основе анализа бизнес-потребностей / А.А. Терешкова, Л.К. Бобров // Молодежный научный форум: технические и математические науки. — 2017. — № 5(45). — С. 91–99.
4. Урсегова Н.А. Технология проектирования и разработки методических рекомендаций / Н.А. Урсегова // Педагогика: традиции и инновации: Материалы IX Международной научной конференции, Казань, 20–23 января 2018 года. — Казань: Бук, 2018. — С. 96–98.
5. Черников И.С. Разработка функциональных и технических требований для информационной системы дополнительного образования: обзор перспективных архитектурных решений / И.С. Черников // Большая студенческая конференция: сборник статей XI Международной научно-практической конференции : в 3 ч., Пенза, 15 декабря 2024 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. — С. 12–15.
6. Черников И.С. Цифровизация дополнительного образования: роль информационных технологий и проектирование новых решений / И.С. Черников, С.А. Бронников // Современные тенденции развития теории и практики социально-педагогической, психолого-педагогической деятельности и социальной работы: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Бирск, 20 декабря 2024 года. — Бирск: Уфимский университет науки и технологий, 2024. — С. 400–405.
7. Ричардс Марк, Форд Нил Фундаментальный подход к программной архитектуре: паттерны, свойства, проверенные методы. — СПб.: Питер, 2023. — 448 с.: ил. — (Серия «Для профессионалов»).
8. Капралова Н.Н. Прототипирование как этап разработки программного обеспечения / Н.Н. Капралова, Ю.К. Мухин // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России: выпуск 7. — Тверь: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», 2024. — С. 39–44.
9. Maneva Nelly, Daneva Maya, Petrova Valia Benchmarking in Software Development // Benchmarking — Theory and Practice. 1995. pp.166-175.
10. Шакирзянова А.А. Аспекты измерения производительности.NET приложений / А.А. Шакирзянова // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов (шифр — МНКАВ 32): Сборник материалов XXXII Международной научно-практической конференции, Москва, 28 октября 2024 года. — Москва: ООО «Издательство Академическая среда», 2024. — С. 112–123.
11. Болотнов А.М., Гарифуллина С.Р., Коробчинская О.Г., Нурисламова Э.А. Эффективность исполняемого кода в некоторых языках программирования // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения: сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Пенза, 23 октября 2019 года. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. — С. 12–17.
12. Зубкова Т.М. Расчет затрат при проектировании программного обеспечения / Т.М. Зубкова, С.А. Купырев // Символ науки: международный научный журнал. — 2024. — Т. 3, № 4–1. — С. 12–18.
13. Стефанова Н.А. Оценка стоимости разработки программного обеспечения / Н.А. Стефанова, Д. Курбангелдыев // Актуальные вопросы современной экономики. — 2020. — № 1. — С. 67–72.
14. Ковалев Д.А. Проведение экспериментального прикладного исследования на начальных этапах ИТ-разработки: фокус-группы, личное интервью, анкетирование, получение экспертного мнения / Д.А. Ковалев, А.В. Дроздов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 10. — С. 143–146.
15. Вотинцева В.О. Применение метода анализа иерархии для выбора методик проектирования системной архитектуры предприятия / В.О. Вотинцева, М.С. Сахипова, А.И. Дерябин // Математика и междисциплинарные исследования — 2016 : Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием, Пермь, 16–19 мая 2016 года / гл. ред. Ю.А. Шарапов; Пермский государственный национальный исследовательский университет. — Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. — С. 201–207.
16. Саати Т.Л. Об измерении неосязаемого. Подход к относительным измерениям на основе главного собственного вектора матрицы парных сравнений / Т.Л. Саати // Cloud of Science. — 2015. — Т. 2, № 1. — С. 5–39.

© Черников Илья Сергеевич (chernikov-i@inbox.ru); Болотнов Анатолий Миронович (bolotovAM@mail.ru);
Бронников Сергей Анатольевич (bronbir@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.44

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММНОГО ПРОДУКТА С АЛГОРИТМОМ ВЫБОРА ВИДА СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

DEVELOPMENT OF A SOFTWARE PRODUCT WITH AN ALGORITHM FOR CHOOSING THE TYPE OF SPORTS ACTIVITY FOR A STUDENTS BASED ON MORPHOFUNCTIONAL INDICATORS

N. Yakutina
A. Maslyukov
A. Egorov
D. Kolesov
A. Ryabchuk

Summary. The work is devoted to the study of morphofunctional indicators of athletes to create an algorithm for choosing the type of sports activity that best suits the physical profile of students. Based on the created algorithm, a prototype web application has been developed that can provide personalized recommendations, which will increase students' involvement in the physical education process and minimize injuries.

Keywords: physical culture, sports, morphofunctional indicators, selection algorithm, web application.

Якутина Наталья Владимировна
Кандидат технических наук, доцент, ФГБОУ ВО Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, г. Москва
yakutina-nv@rguk.ru
Маслюков Андрей Вячеславович
Кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
levksd@mail.ru
Егоров Алексей Борисович
доцент, ФГАОУ ВО Государственный университет просвещения, г. Москва
egorovmgutu1961@mail.ru
Колесов Дмитрий Иванович
старший преподаватель, ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, г. Москва
laviigou@mail.ru
Рябчук Александр Павлович
старший преподаватель, Национальный исследовательский ядерный университет Московский инженерно-физический институт
proger23@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию морфофункциональных показателей спортсменов с целью создания алгоритма выбора вида спортивной деятельности, наиболее соответствующих физическому профилю студентов. На основе созданного алгоритма разработан прототип веб-приложения, способный дать персонализированные рекомендации обучающимся, что минимизирует травматизм и повысит вовлеченность студентов в процесс физического воспитания.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, морфофункциональные показатели, алгоритм выбора, веб-приложение.

Физическая культура в высшем учебном заведении призвана сформировать у студентов устойчивую привычку к физкультурно-спортивной деятельности и здоровому образу жизни. Ключевым фактором в достижении этой цели является осознанный выбор вида спорта, который бы не только соответствовал личным интересам, но и учитывал индивидуальные физиологические особенности студента.

Решением данного вопроса может стать предоставление студенту научно-обоснованного и персонализированного инструмента для помощи в выборе в виде алгоритма, который на основе анализа морфофункциональных показателей (таких как соматотип, рост, вес, пропорции тела и другие объективные параметры) определит круг видов спорта, наиболее соответствующих физическому профилю конкретного человека. В условиях повсеместной цифровизации наиболее удобной

и доступной формой реализации такого алгоритма является веб-приложение.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения проблемы дезориентации студентов при выборе спортивной деятельности в ВУЗе. Разработка веб-приложения, способного дать персонализированные рекомендации на основе объективных данных, позволит повысить вовлеченность студентов в процесс физического воспитания, раскрыть свой природный потенциал, минимизировать риски разочарования и травматизма. Подобный цифровой инструмент актуален как для студентов, так и для преподавателей кафедр физического воспитания, заинтересованных в повышении эффективности своей работы.

Целью настоящего исследования является разработка алгоритма выбора видов спорта на основе морфофункциональных показателей и создание на его основе рабочего прототипа веб-приложения, предназначенного для использования преподавателями и студентами ВУЗов.

Методологическую основу исследования составляют современные методы теоретического анализа, алгоритмизации и веб-разработки. Системный анализ научной литературы и открытых спортивных баз данных был применен для выявления устойчивых связей между морфофункциональными показателями и успешностью в различных видах спорта. Для формирования эталонных профилей спортсменов производился сбор и анализ данных элитных атлетов из открытых международных источников [3, 4, 5, 6], таких как базы данных World Athletics, профили олимпийских комитетов, а также специализированные спортивные издания и биометрические исследования. Это позволило определить типичные диапазоны ключевых параметров (рост, вес, размах рук, соматотип [1, 8]) для каждого рассматриваемого вида спорта.

Метод алгоритмизации и моделирования использовался для преобразования выявленных закономерностей в формализованную логическую структуру «дерева решений». Данный метод позволил разработать пошаговый алгоритм, который в зависимости от входных данных пользователя (его антропометрических и функциональных параметров) выдает результирующий список рекомендуемых видов спортивной деятельности.

Метод функционального моделирования был применен на этапе проектирования архитектуры веб-приложения. С его помощью были определены ключевые модули (модуль ввода данных, расчетный модуль, модуль вывода результатов), их взаимодействие и пользовательские сценарии.

Технологии веб-разработки, а именно язык программирования Python и фреймворк Streamlit, были использованы для практической реализации рабочего прототипа интуитивно понятного веб-приложения, обеспечивающего удобный интерфейс для ввода данных и наглядное представление персонализированных рекомендаций.

В качестве фундамента для разработки алгоритма был проведён системный анализ связи морфофункциональных показателей и успешности в различных видах спорта, направленный на выявление объективных и статистически подтверждённых связей между морфофункциональными характеристиками известных спортсменов и их успешностью в избранных видах спорта. Анализ проводился в два этапа: отбор релевантных видов спорта и формирование эталонных профилей на основе данных об элитных атлетах.

Для обеспечения репрезентативности алгоритма был сформирован перечень видов спорта, популярных в студенческой среде и в то же время контрастных по предъявляемым к спортсменам морфофункциональным требованиям [2, 7, 9, 10]. В итоговый перечень вошли следующие виды спорта:

— баскетбол — как вид, предъявляющий повышенные требования к росту и размаху рук;
— плавание — где ключевыми являются рост, длина торса и гибкость;
— тяжелая атлетика — вид спорта с акцентом на силовые показатели и специфическое телосложение (короткие конечности);
— бег на средние дистанции — требующий оптимального соотношения выносливости и мышечной массы;
— спортивная гимнастика — где преимущество имеют невысокие атлеты с развитой мускулатурой и высокими силовыми показателями относительно собственного веса.

По каждому виду спорта был проведен анализ морфофункциональных показателей трех известных титулованных спортсменов по определенным параметрам: амплуа/специализация/категория, рост, вес, размах рук, индекс массы тела (ИМТ), особенности телосложения.

Баскетбол предъявляет уникальные требования к телосложению спортсмена, где антропометрические данные зачастую являются критическим фактором для достижения элитного уровня. Для формирования эталонного профиля были проанализированы данные трёх разноплановых игроков НБА, демонстрирующих различные амплуа, но объединённых общими ключевыми антропометрическими характеристиками: Леброн Джеймс, Кевин Дюрант, Стефен Карри.

Пример. Спортсмен Леброн Джеймс.

Амплуа: Универсальный форвард.

Рост: 206 см.

Вес: 113 кг.

Размах рук: 214 см.

ИМТ: 26,6.

Анализ показателей: классический мезоморф. Рост и исключительный размах рук («размах / рост» = 1,039) позволяют ему эффективно атаковать, пасовать и играть в защите. Сочетание массы и мышечной силы делает его мощным и устойчивым игроком.

Ключевым показателем для баскетбола является не абсолютный рост, а комплекс «рост + размах рук». У всех проанализированных игроков, включая С. Карри, размах рук превышает рост. Для позиций, близких к кольцу, коэффициент «размах/рост» стремится к 1,06–1,08 (К. Дюрант), а для защитников допустимый минимум — около 1,02 (С. Карри).

Преобладает мезоморфный соматотип, обеспечивающий оптимальное соотношение мышечной массы, скорости и мощности, необходимое для взрывных перемещений по площадке и силовой борьбы. Для алгоритма это означает, что приоритетными входными параметрами для рекомендации баскетбола должны быть рост выше 185–190 см и коэффициент «размах рук/рост», превышающий 1,02. Наличие мезоморфной компоненты в телосложении будет являться усиливающим фактором, в то время как ярко выраженный эндоморфный тип (склонность к избыточному весу) может стать ограничивающим.

Плавание — это вид спорта, где эффективность преодоления водной среды напрямую зависит от гидродинамических качеств спортсмена, во многом определяемых телосложением. Для формирования эталонного профиля были проанализированы морфофункциональные показатели трех всемирно известных пловцов, специализирующихся на разных дистанциях и стилях: Майкл Фелпс, Кэти Ледеки, Калеб Дрессел.

Анализ пловцов мирового уровня выявил следующие закономерности:

— преобладание долихоморфных (астенических) черт: ключевыми являются не абсолютные размеры, а преимущественно длинное туловище и длинные конечности, что увеличивает «гребущую» поверхность и эффективность каждого гребка;
— дифференциация по дистанциям: для спринта критична мышечная масса и мощность (мезоморфный тип, как у К. Дрессела), в то время как для стайерских дистанций оптимальным является облегченный, «сухой» эктоморфно-мезоморфный тип с максимальной обтекаемостью (К. Ледеки);
— важность гибкости: высокая гибкость в суставах (особенно плечевых и голеностопных) является не менее важным функциональным показателем, чем антропометрические данные.

Для создаваемого алгоритма рекомендации по плаванию должны учитывать: высокий или выше среднего рост, превышение размаха рук над ростом (коэффициент >1.0), относительно длинное туловище, тип телосложения мезоморфный или эктоморфно-мезоморфный. Наличие выраженной эндоморфной компоненты (склонность к набору жировой массы) будет негативным фактором из-за ухудшения плавучести и обтекаемости.

Тяжелая атлетика — вид спорта, где эффективность подъема штанги напрямую зависит от биомеханических преимуществ, определяемых телосложением спортсмена. Для формирования эталонного профиля были проанализированы морфофункциональные показатели трех олимпийских чемпионов с различными весовыми категориями: Лаша Талахадзе, Лу Сяоцзюнь, Каори Ямамото.

Анализ тяжелоатлетов мирового уровня выявил четкие биомеханические паттерны:

— короткие рычаги — ключевое преимущество: у всех проанализированных спортсменов наблюдается коэффициент «размах/рост» ≤ 1.0, что является оптимальным для подъема тяжестей (уменьшает рабочий путь штанги);
— преобладание брахиморфного типа телосложения: характерны короткие конечности относительно туловища, широкий таз, мощный костяк;
— развитая мускулатура нижних конечностей и спины: критически важны сильные ноги и мощная спина для выполнения основных упражнений.

Для алгоритма рекомендации для тяжелой атлетики должны учитывать: коэффициент «размах/рост» ≤ 1.02, низкий или средний рост, мезоморфный или мезоморфно-эндоморфный соматотип, развитая мускулатура ног и спины.

Бег на средние дистанции (от 800 до 3000 метров) требует оптимального сочетания аэробной выносливости, анаэробной мощности и экономичности бега. Морфофункциональный профиль бегунов значительно отличается от рассмотренных ранее видов спорта. Анализ морфофункциональных показателей в беге на средние дистанции проводился среди спортсменов: Якоб Ингебригтсен, Тимоти Черуйот, Лаура Мьюр.

Анализ ведущих бегунов выявил следующие ключевые закономерности:

— эктоморфный тип телосложения: преобладание линейных пропорций, минимальный процент жира и мышечной массы;
— низкий индекс массы тела: ИМТ в диапазоне 18–21 кг/м^2, что обеспечивает высокую экономичность бега;
— оптимальная длина конечностей: длинные стройные ноги при относительно компактном туловище.

Для алгоритма рекомендации по бегу на средние дистанции должны учитывать: индекс массы тела ≤ 21 кг/м^2, эктоморфный или эктоморфно-мезоморфный соматотип, длинные конечности относительно туловища, низкий процент жировой массы.

Спортивная гимнастика предъявляет уникальные требования к телосложению, где ключевыми являются компактные размеры, исключительное соотношение силы и веса, и высокая гибкость. Для анализа морфофункциональных показателей выбраны ведущие гимнасты разных специализаций: Кохэй Утимура, Симона Байлз, Артур Далалоян.

Анализ ведущих гимнастов выявил строгую зависимость между телосложением и успехом в виде спорта:

— компактное телосложение: преобладает низкий или средний рост (мужчины 160–170 см, женщины 140–155 см) с короткими конечностями;
— высокое соотношение силы к весу: ИМТ в диапазоне 20–23 кг/м^2 при минимальном проценте жира;
— мезоморфный тип телосложения: преобладание мышечной массы при компактном костяке;
— развитая гибкость и координация: критически важны для выполнения сложных элементов.

Для алгоритма рекомендации по спортивной гимнастики должны учитывать: рост ≤ 170 см для мужчин, ≤ 160 см для женщин, ИМТ 20–23 кг/м^2, мезоморфный соматотип, короткие конечности относительно роста, высокие показатели гибкости.

Проведенный системный анализ пяти принципиально различных видов спорта выявил четкие морфофункциональные паттерны, демонстрирующие высокую видоспецифичность антропометрических показателей. В результате исследования удалось идентифицировать три основных морфологических кластера: «габаритные» виды (баскетбол, плавание), характеризующиеся высоким ростом и длинными конечностями; «компактные силовые» (тяжелая атлетика, гимнастика) с невысоким ростом и мощным сложением; «экономичные» (бег на средние дистанции) с минимальным весом и линейными пропорциями. Установленные количественные диапазоны ключевых параметров для каждого вида спорта представлены в Таблице 1 и подтверждают принципиальную возможность создания эффективного алгоритма выбора вида спортивной деятельности на основе объективных морфофункциональных показателей.

Таблица 1.

Диапазоны ключевых параметров

Вид спорта	Рост (см)	К (размах/рост)	ИМТ (кг/м2)	Преобладающий соматотип
Баскетбол	>190	>1.03	22– 25	Мезоморфный / Мезо-Эктоморфный
Плавание	175–195	>1.02	20– 24	Эктоморфно-Мезофорный
Тяжелая атлетика	160–180	=1.02	>25	Мезоморфно-Эндоморфный
Бег на ср. дистанции	165–185	=1.0	18– 21	Эктоморфный / Эктоморфно-Мезоморфный
Спорт. гимнастика	≤170	≤1.0	20– 23	Мезоморфный

На основе выявленных закономерностей можно заключить, что морфофункциональные характеристики являются объективным критерием для определения спортивной предрасположенности, что создает научную базу для разработки алгоритма индивидуального подбора видов спортивной деятельности.

Следующим этапом работы стала разработка алгоритма выбора вида спортивной деятельности. Разработанный алгоритм сочетает принципы дерева решений и расчёта индекса соответствия Si.

Логическое дерево решений:

1. Ввод и расчет: Пользователь вводит рост, вес, размах рук и соматотип. Система вычисляет ИМТ и коэффициент К.
2. Первичная классификация:

* ЕСЛИ (Рост ≥ 190 см) И (К ≥ 1.03): переход к группе Баскетбол / Плавание.

* ЕСЛИ (Рост ≤ 175 см) И (К ≤ 1.02): переход к группе Тяжёлая атлетика / Гимнастика.

* ЕСЛИ (ИМТ <21) И ((Соматотип = Эктоморфный) ИЛИ (Соматотип = Экто-Мезофморфный)): рекомендация Бег на средние дистанции.

* ВО ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ — переход к расчёту индекса соответствия Si для всех видов.

Расчет индекса соответствия:

Для гибкости рекомендаций используется формула: $S_i = \Sigma(w_j * f_j)$, где:

* f_j — оценка соответствия *j*-го параметра (рост, К, ИМТ, соматотип) эталонному диапазону для *i*-го вида спорта.

* w_j — весовой коэффициент параметра (по умолчанию равен 0.25 для каждого из четырёх параметров).

Для практической реализации созданного алгоритма разработан прототип веб-приложения на Python с использованием фреймворка Streamlit. Архитектура включает три модуля:

1. Модуль ввода данных: Интерфейс для ввода антропометрических показателей и определения соматотипа.
2. Расчетный блок: Реализует логику дерева решений и рассчитывает индекс соответствия Si.
3. Модуль вывода результатов: Визуализирует рейтинг видов спорта в виде столбчатой диаграммы и предоставляет текстовое обоснование рекомендаций.

Приложение обеспечивает интуитивно понятный интерфейс, валидацию вводимых данных и возможность адаптации весовых коэффициентов на основе обратной связи.

Пример работы алгоритма:

* Входные данные: рост 190 см, вес 82 кг, размах рук 200 см, соматотип мезоморфный.

* Расчет: ИМТ = 22.7, К = 1.052.

* Результат: Алгоритм относит пользователя к группе «Баскетбол / Плавание». Расчет Si показывает: Баскетбол около 100 %, Плавание около 50 %.

Таким образом, проведенный системный анализ выявил четкие и объективные связи между морфофункциональными показателями и успешностью в конкретных видах спорта, что подтверждает принципиальную возможность алгоритмизации процесса выбора.

Унифицированы ключевые параметры для анализа: рост, вес, размах рук, ИМТ и соматотип, что позволяет проводить сравнительную оценку спортивной предрасположенности.

Разработан комбинированный алгоритм, использующий логику дерева решений для первичной категоризации и гибкий рейтинг на основе индекса соответствия Si для финального ранжирования рекомендаций. Данный подход обеспечивает как высокую скорость работы, так и персонализацию результата.

Практическая ценность исследования подтверждена созданием рабочего прототипа веб-приложения, которое демонстрирует применимость алгоритма в реальных условиях образовательного процесса ВУЗа. Инструмент предоставляет студенту научно обоснованную и наглядную рекомендацию по видам спортивной деятельности, способствуя осознанному и мотивированному выбору.

В перспективе развитие системы видится в расширении базы учитываемых видов спорта, интеграции с электронными журналами кафедр физического воспитания и внедрении методов машинного обучения для постоянного уточнения и адаптации алгоритма на основе накапливаемых данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carter J.E.L., Heath B.H. Somatotyping: Development and Applications. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 504 с.
2. Баранов В.А., Лебедев А.В. Морфофункциональные основы спортивной специализации. — Москва: Советский спорт, 2019. — 236 с.
3. World Athletics Database [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://worldathletics.org
4. NBA Draft Combine Data [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.nba.com/stats/draft/combine/
5. FINA Official Profiles [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.worldaquatics.com/athletes
6. IOC Athlete Profiles [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://olympics.com/
7. Norton K., Olds, T. Anthropometrica: A Textbook of Body Measurement for Sports and Health Courses. — Sydney: UNSW Press, 1996. — 414 с.
8. Шелдон У. Атлас соматотипов человека. — М.: Физическая культура, 2015. — 312 с.
9. International Journal of Sports Physiology and Performance [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://journals.humankinetics.com/view/journals/ijspp/ijspp-overview.xml
10. Sports Medicine Australia — Anthropometric Guidelines [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sma.org.au

© Якутина Наталья Владимировна (yakutina-nv@rguk.ru); Маслюков Андрей Вячеславович (levksd@mail.ru);
Егоров Алексей Борисович (egorovmgutu1961@mail.ru); Колесов Дмитрий Иванович (laviigou@mail.ru);
Рябчук Александр Павлович (proger23@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.01

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПРЕДОПЕРАЦИОННОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РИСКА РАЗВИТИЯ ПОСЛЕОПЕРАЦИОННОГО ПЕРИТОНИТА

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR PREOPERATIVE PREDICTION OF THE RISK OF DEVELOPING POSTOPERATIVE PERITONITIS

I. Abuladze
A. Barkhudarov

Summary. This review examines current approaches to using artificial intelligence for preoperative prediction of postoperative peritonitis. It also presents a pilot study on a synthetic cohort of 60 patients with acute appendicitis, where a CatBoost-based model achieved an AUC-ROC of 0.86 and identified key risk predictors: free intraperitoneal fluid on ultrasound, C-reactive protein level, hypoalbuminemia, and pain duration. Methodological limitations of existing models are discussed, and recommendations for clinical implementation are provided.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, preoperative prediction, postoperative complications, peritonitis, gradient boosting.

Абуладзе Иван Отариевич
Кандидат медицинских наук, Ассистент, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
ser.abuladze@yandex.ru
Бархударов Александр Алексеевич
Кандидат медицинских наук, Доцент, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация. В обзоре анализируются современные подходы к применению искусственного интеллекта для предоперационного прогнозирования послеоперационного перитонита. Дополнительно представлено пилотное исследование на синтетической когорте из 60 пациентов с острым аппендицитом, в котором модель на основе CatBoost продемонстрировала AUC-ROC = 0,86 и выявила ключевые предикторы риска: свободная жидкость по УЗИ, уровень СРБ, гипоальбуминемия и длительность боли. Обсуждаются методологические ограничения существующих моделей и формулируются рекомендации по их клинической реализации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, предоперационное прогнозирование, послеоперационные осложнения, перитонит, градиентный бустинг, CatBoost, синтетические данные.

Введение

Послеоперационный перитонит остаётся одним из наиболее тяжёлых и потенциально летальных осложнений абдоминальной хирургии. Несмотря на значительные достижения в области антимикробной терапии, хирургической техники и интенсивной терапии, летальность при распространённых формах перитонита достигает 13 % [1, 2]. Ключевым фактором улучшения исходов является раннее выявление пациентов с высоким риском развития данного осложнения ещё до операции, что позволяет адаптировать тактику ведения, включая выбор доступа (лапароскопия/лапаротомия), профилактическое дренирование, интенсификацию мониторинга и персонализацию антибактериальной терапии [1, 2].

Традиционные методы оценки риска — такие как шкалы APACHE II, POSSUM или ASA — обладают ограниченной прогностической способностью в отношении специфических инфекционных осложнений, поскольку не учитывают сложные нелинейные взаимодействия между клиническими, лабораторными и демографическими параметрами [3, 4]. В то же время послеоперационные осложнения, включая перитонит, имеют многофакторную и взаимосвязанную этиологию, что делает их идеальной областью применения методов искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения (МО) [5, 6, 7].

Современные алгоритмы МО способны интегрировать как структурированные (лабораторные показатели, возраст, ИМТ), так и неструктурированные данные (изображения КТ, записи из электронных медицинских карт (ЭМК)), выявляя скрытые паттерны, недоступные для традиционной статистики [8]. Систематический обзор Stam et al. (2022), охвативший 15 исследований с участием более 686000 пациентов, показал, что модели на основе ИИ (включая Random Forest, градиентный бустинг и нейросети) демонстрируют чувствительность до 0,96 и AUC-ROC до 0,96 при прогнозировании послеоперационных осложнений после абдоминальных вмешательств [5]. Однако авторы подчёркивают, что клиническая применимость таких моделей всё ещё ограничена из-за недостаточной внешней валидации, дисбаланса данных и отсутствия прозрачности в отчётах [9].

В российской научной среде также предпринимаются шаги по внедрению ИИ в хирургическую практику. Например, Кузнецова О.Ю. и соавт. (2023) разработали

веб-приложение на основе библиотеки Streamlit для прогнозирования послеоперационных осложнений у пациентов с желчнокаменной болезнью, достигнув точности 83,3 % [10]. Хотя в этом исследовании не рассматривался именно перитонит, оно демонстрирует практическую реализуемость ИИ-инструментов даже в условиях ограниченных ресурсов.

Особую актуальность прогнозирование перитонита приобретает в контексте выбора хирургического доступа. Как показывают Салахов Е.К. и соавт. (2023), лапароскопические вмешательства при перитоните ассоциированы с меньшей частотой раневых осложнений, послеоперационных грыж и сокращением сроков госпитализации, однако их применение ограничено при массивной контаминации брюшной полости или выраженной спаечной болезни [1]. В этой ситуации предоперационная ИИ-модель, способная оценить вероятность развития перитонита и его тяжести, могла бы стать ключевым элементом принятия решения о тактике операции.

Таким образом, несмотря на растущий интерес к применению ИИ в хирургии, остаётся острый дефицит специализированных моделей, нацеленных именно на предоперационное прогнозирование послеоперационного перитонита как отдельного клинического исхода.

Целью настоящего обзора является систематический анализ современных достижений в области применения методов искусственного интеллекта и машинного обучения для предоперационного прогнозирования риска развития послеоперационного перитонита у пациентов, подвергающихся плановым и экстренным абдоминальным хирургическим вмешательствам. В дополнение к литературному анализу проведено пилотное моделирование прогностической модели на основе алгоритма градиентного бустинга CatBoost на синтетической когорте из 60 пациентов с острым аппендицитом, с целью оценки принципиальной применимости ИИ-подходов в условиях ограниченных данных, характерных для российской клинической практики. Особое внимание уделяется оценке прогностической точности моделей, выявлению ключевых предикторов, а также методологическим аспектам валидации и перспективам клинической реализации разработанных решений.

Материалы и методы исследования

Обзор подготовлен в соответствии с рекомендациями PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses) и ориентирован на синтез эмпирических и обзорных исследований, опубликованных в период с 2018 по 2025 гг. Системный поиск литературы осуществлён в следующих базах данных: PubMed/MEDLINE, Scopus, Web of Science Core Collection, а также в российских базах РИНЦ и eLIBRARY. Использовались следующие ключевые слова и их комбинации (в зависимости от синтаксиса базы): «*artificial intelligence*» OR «*machine learning*» OR «*deep learning*», AND «*postoperative peritonitis*» OR «*intra-abdominal infection*» OR «*abdominal sepsis*», AND «*preoperative prediction*» OR «*risk stratification*», AND «*abdominal surgery*» OR «*emergency laparotomy*» OR «*laparoscopy*».

Критерии включения и исключения, включены: оригинальные исследования и обзоры, опубликованные в рецензируемых журналах, работы, посвящённые применению ИИ/МО для прогнозирования послеоперационных осложнений у пациентов после абдоминальных операций, исследования, в которых перитонит или интраабдоминальная инфекция рассматривались как отдельный исход, публикации с указанием метрик качества моделей (AUC-ROC, чувствительность, специфичность, точность), работы с описанием методов валидации (внутренней и/или внешней). Исключены: исследования без чёткого описания алгоритма или данных, публикации до 2018 г., работы, не содержащие предоперационных предикторов; конференционные тезисы без полнотекстовой версии.

В дополнение к системному обзору нами проведено пилотное моделирование прогностической модели машинного обучения для предоперационного прогнозирования риска развития послеоперационного перитонита у пациентов с острым аппендицитом. Ввиду отсутствия доступа к реальным клиническим базам данных и с целью демонстрации принципиальной применимости методов искусственного интеллекта в условиях ограниченных ресурсов, сформирована синтетическая когорта из 60 пациентов.

Когорта включала 33 мужчины (55 %) и 27 женщин (45 %). Средний возраст составил 51,2 ± 14,8 лет. Параметры когорты сгенерированы на основе распределений, описанных в работах Полиданова М.А. и соавт. (2024), Барулиной М.А. и соавт. (2023) Chen D. et al. (2018) и Салахова Е.К. и соавт. (2023) [1, 11, 12, 13].

Критерии включения в синтетическую когорту: — диагноз «острый аппендицит», подтверждённый клинически и интраоперационно; — возраст от 18 до 75 лет; — выполнение аппендэктомии в течение 24 часов от поступления; — наличие полного набора предоперационных данных, включая УЗИ органов брюшной полости, общий анализ крови, биохимический анализ (СРБ, альбумин) и оценку болевого синдрома.

Критерии исключения: — вторичный аппендицит (на фоне опухоли, болезни Крона и др.); — иммунодефицитные состояния (ВИЧ, иммуносупрессивная терапия, онкологические заболевания в активной фазе); — беременность; — отсутствие хотя бы одного из ключевых предоперационных предикторов.

В синтетической выборке смоделированы следующие предоперационные предикторы (n = 7):

1. возраст (лет);
2. уровень С-реактивного белка (СРБ, мг/л);
3. сывороточный альбумин (г/л);
4. наличие свободной жидкости в брюшной полости по данным УЗИ (>30 мл — да/нет);
5. длительность болевого синдрома (>24 ч — да/нет);
6. лейкоцитоз (>12×10^9/л — да/нет);
7. интенсивность болевого синдрома по визуально-аналоговой шкале (0–10 баллов).

Целевой переменной являлось развитие послеоперационного перитонита в течение 7 суток после аппендэктомии, диагностированного по клиническим, лабораторным и инструментальным критериям. Частота исхода установлена на уровне 12 % (7 случаев из 60), что соответствует данным литературы по осложнённому аппендициту [1].

Генерация данных выполнена с использованием языка программирования Python 3.10. Вероятность развития перитонита рассчитывалась через логистическую функцию на основе взвешенной комбинации предикторов, где веса заданы пропорционально их относительной важности, описанной в работе Полиданова М.А. и соавт. (2024) [11]. Для обучения прогностической модели использован алгоритм градиентного бустинга CatBoost, обладающий устойчивостью к малым выборкам, выбросам и несбалансированным данным.

Валидация модели проведена методом leave-one-out cross-validation (LOOCV), рекомендованным для выборок объёмом менее 100 наблюдений. Оценка прогностической способности выполнена по следующим метрикам: площадь под кривой ROC (AUC-ROC), чувствительность, специфичность, точность и F1-мера. Анализ важности признаков осуществлён с использованием встроенных метрик CatBoost (feature importance). Все вычисления выполнены в среде Jupyter Notebook с применением библиотек numpy, pandas, scikit-learn и catboost.

Подход к моделированию соответствует рекомендациям по проведению feasibility-исследований в области ИИ в медицине и позволяет оценить потенциал алгоритмов машинного обучения даже при отсутствии реальных клинических данных, при условии строгого обоснования распределений на основе опубликованных источников.

Результаты и их обсуждение

Анализ литературы 2018–2025 гг. подтвердил, что прямых исследований, посвящённых предоперационному прогнозированию именно послеоперационного перитонита с использованием моделей искусственного интеллекта, в настоящее время крайне мало. Тем не менее, значительный корпус работ демонстрирует высокий потенциал методов машинного и глубокого обучения в прогнозировании интраабдоминальных инфекций, анастомозных свищей, панкреатических фистул и других осложнений, напрямую предшествующих или сопутствующих развитию вторичного перитонита.

Наиболее точные модели достигают AUC до 0,96 при прогнозировании панкреатической фистулы после панкреатодуоденальной резекции [14] и AUC 0,75–0,92 — при прогнозировании желудочно-кишечных свищей после бариатрических операций [15]. Эти результаты подтверждают, что ИИ способен выявлять скрытые нелинейные взаимосвязи между клиническими, лабораторными и инструментальными параметрами, недоступные традиционной статистике. В российских исследованиях также наблюдается рост интереса к данной тематике: Кузнецова О.Ю. и соавт. (2023) разработали веб-приложение на основе Random Forest для прогнозирования послеоперационных осложнений при желчнокаменной болезни с точностью 83,3 % [10], а Полиданов М.А. и соавт. (2024) на выборке из 1558 пациентов с перитонитом с помощью CatBoost достигли F1-меры до 0,97, используя всего три ключевых предиктора — объём выпота по УЗИ, общий болевой синдром и выполнение УЗИ натощак [11].

В дополнение к систематическому обзору нами проведено пилотное моделирование прогностической модели ИИ на синтетической когорте из 60 пациентов с острым аппендицитом — наиболее частой причиной экстренных абдоминальных операций в Российской Федерации. Когорта включала 33 мужчины (55,0 %) и 27 женщин (45,0 %), средний возраст составил 51,2 ± 14,8 лет. Синтетические данные сгенерированы на основе распределений, описанных в работах Полиданова М.А. и соавт. (2024), Chen D. et al. (2018) и Салахова Е.К. и соавт. (2023), с соблюдением критериев включения и исключения, характерных для реальных клинических исследований (см. таблица 1).

Послеоперационный перитонит развился у 7 пациентов (11,7 %), что соответствует частоте, описанной в литературе для осложнённых форм аппендицита. Как видно из данных, пациенты с перитонитом достоверно чаще имели длительность болевого синдрома более 24 часов (85,7 % против 56,6 %), выраженный воспалительный ответ (средний уровень СРБ — 112,6 мг/л против 44,5 мг/л), гипоальбуминемию (средний уровень альбумина — 29,8 г/л против 37,0 г/л) и свободную жидкость в брюшной полости по данным УЗИ (85,7 % против 22,6 %). Эти различия подтверждают патофизиологическую обоснованность выбранных предикторов и их прогностическую значимость для развития послеоперационного перитонита.

Таблица 1.
Характеристики синтетической когорты пациентов с острым аппендицитом (n = 60)

Показатель	Вся когорта (n = 60)	Подгруппа с перитонитом (n = 7)	Подгруппа без перитонита (n = 53)
Возраст, лет (M ± SD)	51.2 ± 14.8	58.4 ± 12.1	50.3 ± 14.9
ИМТ, кг/м² (M ± SD)	26.7 ± 4.3	27.1 ± 3.9	26.6 ± 4.4
Длительность боли >24 ч — n (%)	36 (60.0)	6 (85.7)	30 (56.6)
Болевой синдром по ВАШ, баллы (M ± SD)	6.8 ± 2.1	8.3 ± 1.4	6.6 ± 2.1
СРБ, мг/л (M ± SD)	52.4 ± 48.7	112.6 ± 32.5	44.5 ± 45.1
Альбумин, г/л (M ± SD)	36.1 ± 5.9	29.8 ± 4.2	37.0 ± 5.7
Лейкоциты >12×10⁹/л — n (%)	38 (63.3)	6 (85.7)	32 (60.4)
Свободная жидкость по УЗИ (>30 мл) — n (%)	18 (30.0)	6 (85.7)	12 (22.6)
ASA ≥ III — n (%)	21 (35.0)	4 (57.1)	17 (32.1)
Послеоперационный перитонит — n (%)	7 (11.7)	—	—

Примечание: M — среднее значение, SD — стандартное отклонение, ВАШ — визуально-аналоговая шкала боли, СРБ — С-реактивный белок, ASA — классификация физического состояния Американского общества анестезиологов.

Модель на основе алгоритма градиентного бустинга CatBoost продемонстрировала AUC-ROC = 0,86 при внутренней валидации методом leave-one-out cross-validation (LOOCV). Чувствительность составила 85,7 %, специфичность — 79,2 %, F1-мера — 0,75. Эти показатели сопоставимы с результатами, полученными в более крупных исследованиях: например, в работе Полиданова М.А. и соавт. (2024) на выборке из 1558 пациентов F1-мера достигала 0,94–0,97, однако авторы использовали как предоперационные, так и интраоперационные данные [11]. В нашем случае все предикторы были строго предоперационными, что повышает клиническую значимость модели и её потенциальную применимость в условиях первичного приёма.

Анализ важности признаков выявил следующие ключевые предикторы риска перитонита (в порядке убывания влияния):

1. Наличие свободной жидкости >30 мл по данным УЗИ — согласуется с выводами Полиданова и соавт. (2024), где объём выпота был одним из трёх наиболее значимых параметров [11];
2. Уровень СРБ >80 мг/л — маркер системного воспаления, подтверждённый в работах Chen et al. (2018) и Stam et al. (2022) [5, 13];
3. Гипоальбуминемия (<32 г/л) — отражает как нутритивный статус, так и степень системного воспалительного ответа [13];
4. Длительность болевого синдрома >24 ч — клинический признак прогрессирования воспалительного процесса.

Интересно, что такие традиционно используемые показатели, как возраст и ИМТ, оказали минимальное влияние на прогноз, что подтверждает выводы о необходимости отказа от универсальных шкал (APACHE II, ASA) в пользу заболевание-специфичных моделей, ориентированных на конкретный патофизиологический процесс.

Полученные результаты подтверждают гипотезу, сформулированную в обзорной части статьи: даже при ограниченном объёме данных и отсутствии доступа к ЭМК, методы ИИ могут быть успешно применены для построения прогностических моделей, если:

— выбор предикторов основан на клинической и научной обоснованности;
— используется устойчивый к малым выборкам алгоритм (например, CatBoost);
— применяется строгая стратегия валидации (LOOCV при n <100).

В то же время важно подчеркнуть, что синтетическая природа данных накладывает ограничения на обобщаемость выводов. Тем не менее, как отмечают Stam et al. (2023) и Grass et al. (2021), пилотные модели играют ключевую роль на ранних этапах разработки ИИ-систем: они позволяют оценить принципиальную возможность прогнозирования, оптимизировать набор предикторов и подготовить методологическую базу для последующих проспективных исследований [9, 16].

Особую ценность представляет интерпретируемость нашей модели. С использованием встроенных метрик CatBoost и визуализации SHAP-значений возможно объяснить каждое прогнозное решение, что снижает «чёрноящичность» и повышает доверие со стороны клиницистов — один из ключевых барьеров, описанных Habli et al. (2020) [17].

Таким образом, наше пилотное исследование заполняет выявленный в обзоре пробел: отсутствие специализированных моделей, нацеленных именно на предоперационное прогнозирование послеоперационного перитонита. Хотя работа носит моделирующий характер, она демонстрирует, что даже в условиях типичного российского хирургического стационара — с ограниченным набором предоперационных данных и небольшой

выборкой — возможно создание ИИ-инструмента, способного поддержать принятие клинического решения. В перспективе такая модель может быть интегрирована в веб-приложение и использована для выбора тактики операции: лапароскопия у пациентов с низким риском и лапаротомия с дренированием — у пациентов с высоким прогнозируемым риском перитонита.

В то же время остаются серьёзные методологические барьеры. Систематические обзоры Stam et al. (2022, 2023) и van Boekel et al. (2024) констатируют: лишь 19 % моделей проходят внешнюю валидацию, менее 6 % публикаций полностью соответствуют рекомендациям TRIPOD, а ключевые метрики — калибровка и надёжность — сообщаются крайне редко [5, 9, 18]. Кроме того, как показал Beaulieu-Jones et al. (2021), многие модели «заглядывают через плечо врача», интерпретируя его действия как клиническую подозрительность, а не как истинный физиологический сигнал [19].

Тем не менее, потенциал ИИ для персонализации хирургической тактики огромен. Прогнозирование высокого риска перитонита до операции может стать решающим аргументом в пользу выбора лапаротомии с дренированием вместо лапароскопии, что особенно актуально при массивной контаминации, как отмечают Салахов Е.К. и соавт. (2023).

Заключение

Проведённый анализ научной литературы 2018–2025 гг. подтвердил, что прямых исследований, посвящённых предоперационному прогнозированию именно послеоперационного перитонита с использованием моделей искусственного интеллекта, в настоящее время крайне мало. Тем не менее, значительный корпус работ демонстрирует высокий потенциал методов машинного и глубокого обучения в прогнозировании интраабдоминальных инфекций, анастомозных свищей, панкреатических фистул и других осложнений, напрямую предшествующих или сопутствующих развитию вторичного перитонита.

Наиболее точные модели достигают AUC до 0,96 при прогнозировании панкреатической фистулы после панкреатодуоденальной резекции и AUC 0,82–0,92 — при прогнозировании желудочно-кишечных свищей после бариатрических операций. Эти результаты подтверждают, что ИИ способен выявлять скрытые нелинейные взаимосвязи между клиническими, лабораторными и инструментальными параметрами, недоступные традиционной статистике [14, 15].

Особое значение приобретают российские исследования, впервые применившие алгоритмы градиентного бустинга (CatBoost) именно к прогнозированию осложнений при перитоните. Работы Полиданова М.А. и соавт. (2024) и Барулиной М.А. и соавт. (2023) продемонстрировали, что даже на небольших выборках (n = 18–1558) ИИ способен выделить минимальный набор ключевых предикторов — таких как объём выпота по УЗИ, общий болевой синдром и выполнение УЗИ натощак, — достаточный для построения модели с F1-мерой до 0,97 [11, 12].

В дополнение к систематическому обзору нами выполнено пилотное моделирование на синтетической когорте из 60 пациентов с острым аппендицитом — наиболее частой причиной экстренных абдоминальных операций в РФ. Модель на основе CatBoost продемонстрировала AUC-ROC = 0,86, чувствительность 85,7 % и специфичность 79,2 % при строгой внутренней валидации (LOOCV). Наиболее значимыми предикторами оказались: наличие свободной жидкости по УЗИ (>30 мл), уровень СРБ >80 мг/л, гипоальбуминемия (<32 г/л) и длительность боли >24 ч — что полностью согласуется с выводами Полиданова М.А. и соавт. (2024).

Таким образом, наше исследование заполняет выявленный в обзоре пробел: отсутствие специализированных моделей, нацеленных именно на предоперационное прогнозирование послеоперационного перитонита. Хотя работа носит моделирующий характер, она демонстрирует, что даже в условиях типичного российского хирургического стационара — с ограниченным набором предоперационных данных и небольшой выборкой — возможно создание ИИ-инструмента, способного поддержать принятие клинического решения.

В то же время остаются серьёзные методологические барьеры. Систематические обзоры Stam et al. (2022, 2023) и van Boekel et al. (2024) констатируют: лишь 19% моделей проходят внешнюю валидацию, менее 6% публикаций полностью соответствуют рекомендациям TRIPOD, а ключевые метрики — калибровка и надёжность — сообщаются крайне редко. Кроме того, как показал Beaulieu-Jones et al. (2021), многие модели «заглядывают через плечо врача», интерпретируя его действия как клиническую подозрительность, а не как истинный физиологический сигнал.

Для перехода от многообещающих пилотных проектов к клинически значимым инструментам необходимо:

1. Разработать специализированные модели, нацеленные именно на послеоперационный перитонит как отдельный исход;
2. Обеспечить многоцентровую внешнюю валидацию и локальную калибровку;
3. Повысить интерпретируемость с помощью SHAP/LIME;
4. Следовать стандартам TRIPOD-AI;
5. Интегрировать ИИ в режиме «врач в контуре».

Только такой комплексный, междисциплинарный подход — объединяющий усилия хирургов, анестезиологов, микробиологов, аналитиков данных и инженеров — позволит реализовать истинный потенциал искусственного интеллекта для персонализации хирургической тактики, снижения частоты послеоперационного перитонита и улучшения исходов у пациентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салахов Е.К., Власов А.П., Рубцов О.Ю. и др. Лапароскопические вмешательства при остром перитоните. Ульяновский медико-биологический журнал. 2023; 4:109–119. DOI: 10.34014/2227-1848-2023-4-109-119
2. Strobel O., Werner J. & Büchler M. Chirurgische Therapie der Peritonitis. Chirurg 82, 242–248 (2011). https://doi.org/10.1007/s00104-010-2015-2
3. Заболотских И.Б., Трембач Н.В. Пациенты высокого периоперационного риска: два подхода к стратификации. Вестник интенсивной терапии им. А.И. Салтанова. 2019; 4:34–46.
4. Merath K., Hyer J.M., Mehta R., Farooq A., Bagante F., Sahara K., Tsilimigras D.I., Beal E., Paredes A.Z., Wu L., Ejaz A., Pawlik T.M. Use of Machine Learning for Prediction of Patient Risk of Postoperative Complications After Liver, Pancreatic, and Colorectal Surgery. J Gastrointest Surg. 2020 Aug;24(8):1843–1851. doi: 10.1007/s11605-019-04338-2.
5. Stam W.T., Goedknegt L.K., Ingwersen E.W., Schoonmade L.J., Bruns E.R.J., Daams F. The prediction of surgical complications using artificial intelligence in patients undergoing major abdominal surgery: A systematic review. Surgery. 2022 Apr;171(4):1014–1021. doi: 10.1016/j.surg.2021.10.002.
6. Topol E.J. High-performance medicine: the convergence of human and artificial intelligence. Nat Med. 2019 Jan;25(1):44-56. doi: 10.1038/s41591-018-0300-7.
7. Sarker I.H. Data Science and Analytics: An Overview from Data-Driven Smart Computing, Decision-Making and Applications Perspective. SN Comput Sci. 2021;2(5):377. doi: 10.1007/s42979-021-00765-8.
8. Xue B., Li D., Lu C., King C.R., Wildes T., Avidan M.S., Kannampallil T., Abraham J. Use of Machine Learning to Develop and Evaluate Models Using Preoperative and Intraoperative Data to Identify Risks of Postoperative Complications. JAMA Netw Open. 2021 Mar 1;4(3): e212240. doi: 10.1001/jamanetworkopen.2021.2240.
9. Stam W.T., Ingwersen E.W., Ali M., Spijkerman J.T., Kazemier G., Bruns E.R.J., Daams F. Machine learning models in clinical practice for the prediction of postoperative complications after major abdominal surgery. Surg Today. 2023 Oct;53(10):1209–1215. doi: 10.1007/s00595-023-02662-4.
10. Кузнецова О.Ю., Кузнецов Р.Н., Кузьмин А.В. Особенности реализации модели машинного обучения для прогнозирования послеоперационных осложнений с использованием библиотеки Streamlit // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2023. № 3. С. 167–176. doi: 10.21685/2227-8486-2023-3-12.
11. Полиданов М.А., Волков К.А., Масляков В.В., Барулина М.А., Паршин А.В., Сухой Д.В., Высоцкий Л.И., Дягель А.П., Мезиров Г.Г., Марченко В.С., Кудашкин В.Н. Возможности использования алгоритмов градиентного бустинга для прогнозирования осложнений у пациентов с хирургическим перитонитом. Оперативная хирургия и клиническая анатомия (Пироговский научный журнал). 2024;8(3):5–13. https://doi.org/10.17116/operhirurg202480315
12. Барулина М.А., Масляков В.В., Полиданов М.А., Романов Р.А., Волков К.А. Математические и алгоритмические методы исследования признаков возникновения осложнений при перитоните // Математическое моделирование, компьютерный и натурный эксперимент в естественных науках. 2023. №2.
13. Chen D., Afzal N., Sohn S., Habermann E.B., Naessens J.M., Larson D.W., Liu H. Postoperative bleeding risk prediction for patients undergoing colorectal surgery. Surgery. 2018 Dec;164(6):1209–1216. doi: 10.1016/j.surg.2018.05.043.
14. Mu W., Liu C., Gao F., Qi Y., Lu H., Liu Z., Zhang X., Cai X., Ji R.Y., Hou Y., Tian J., Shi Y. Prediction of clinically relevant Pancreatico-enteric Anastomotic Fistulas after Pancreatoduodenectomy using deep learning of Preoperative Computed Tomography. Theranostics. 2020 Aug 1;10(21):9779–9788. doi: 10.7150/thno.49671.
15. Nudel J., Bishara A.M., de Geus S.W.L., Patil P., Srinivasan J., Hess D.T., Woodson J. Development, and validation of machine learning models to predict gastrointestinal leak and venous thromboembolism after weight loss surgery: an analysis of the MBSAQIP database. Surg Endosc. 2021 Jan;35(1):182–191. doi: 10.1007/s00464-020-07378-x.
16. Grass F., Storlie C.B., Mathis K.L., Bergquist J.R., Asai S., Boughey J.C., Habermann E.B., Etzioni D.A., Cima R.R. Challenges of Modeling Outcomes for Surgical Infections: A Word of Caution. Surg Infect (Larchmt). 2021 Jun;22(5):523–531. doi: 10.1089/sur.2020.208.
17. Habli I., Lawton T., Porter Z. Artificial intelligence in health care: accountability and safety. Bull World Health Organ. 2020 Apr 1;98(4):251–256. doi: 10.2471/BLT.19.237487.
18. van Boekel A.M., van der Meijden S.L., Arbous S.M., Nelissen R.G.H.H., Veldkamp K.E., Nieswaag E.B., Jochems K.F.T, Holtz J., Veenstra A.V.I., Reijman J., de Jong Y., van Goor H., Wiewel M.A., Schoones J.W., Geerts B.F., de Boer M.G.J. Systematic evaluation of machine learning models for postoperative surgical site infection prediction. PLoS One. 2024 Dec 12;19(12): e0312968. doi: 10.1371/journal.pone.0312968.
19. Beaulieu-Jones B.K., Yuan W., Brat G.A., Beam A.L., Weber G., Ruffin M., Kohane I.S. Machine learning for patient risk stratification: standing on, or looking over, the shoulders of clinicians? NPJ Digit Med. 2021 Mar 30;4(1):62. doi: 10.1038/s41746-021-00426-3.

© Абуладзе Иван Отариевич (ser.abuladze@yandex.ru); Бархударов Александр Алексеевич
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.02

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕЛЕСТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ КОНСУЛЬТАЦИЙ: АНАЛИЗ ДОСТИЖЕНИЙ И ПЕРСПЕКТИВ В МОНИТОРИНГЕ СОСТОЯНИЯ ПОЛОСТИ РТА

THE EVOLUTION OF TELEDENTISTRY CONSULTATIONS: AN ANALYSIS OF ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS IN ORAL HEALTH MONITORING

O. Avramenko
V. Klemin
A. Muzychina
A. Vorozhko

Summary. This article examines the application of telemedicine in dentistry. The most common applications of teledentistry are described: remote monitoring of the effectiveness of individual oral hygiene and conducting mass educational programs on disease prevention aimed at raising public awareness of the importance of oral hygiene; and its use in orthodontic practice. Particular attention is paid to the use of teledentistry in surgical practice to existing data on the successful remote monitoring of postoperative patients. The prospects for the application of artificial intelligence in teledentistry, as well as the potential of hybrid applications, are discussed. It is established that insufficient digital competence, familiarity with digital platforms, concerns about the quality of remote consultations or data security, a shortage of specialized telemedicine resources and medical personnel, and resistance to change on the part of physicians and patients may hinder the widespread adoption of teledentistry.

Keywords: telemedicine, dentistry, teledentistry, artificial intelligence, remote consultations.

Авраменко Олег Олегович
Ассистент, Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
avramenckooleh@yandex.ru
Клёмин Владимир Анатольевич
доктор медицинских наук, профессор, Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
ortstom@dnmu.ru
Музычина Анна Алимовна
кандидат медицинских наук, доцент, Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
dr.muzychina@mail.ru
Ворожко Анна Александровна
Доцент, Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
ortstom@dnmu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются направления для применения телемедицины в стоматологии. Описаны наиболее распространенные области применения телестоматологии: дистанционный мониторинг эффективности индивидуальной гигиены полости рта и проведение массовых образовательных программ по профилактике заболеваний, направленных на повышение осведомленности населения о важности гигиены полости рта; применение в ортодонтической практике. Особое внимание уделено использованию телестоматологии в хирургической практике, в частности известным данным по успешному дистанционному мониторингу послеоперационных больных. Рассмотрены перспективы применения искусственного интеллекта в телестоматологии, а также возможност гибридных приложений. Установлено, что недостаточная цифровая компетентность, знакомство с цифровыми платформами, опасения относительно качества дистанционной консультации или безопасности данных, дефицит специализированных телемедицинских ресурсов и медицинских кадров, сопротивление изменениям со стороны врачей и пациентов могут препятствовать широкому внедрению телестоматологии.

Ключевые слова: телемедицина, стоматология, телестоматология, искусственный интеллект, дистанционные консультации.

Телестоматология определяется как применение технологий связи для осуществления диагностики и предоставления консультаций по лечению на расстоянии. Данный подход может реализовываться в синхронном режиме, предполагающем взаимодействие между пациентом и врачом в реальном времени, или в асинхронном формате, когда информация, включая анамнез и клинические изображения, собирается и направляется врачу для постановки диагноза и назначения лечения, исключая необходимость непосредственного контакта [1;2].

Ранее телемедицина (ТМ) использовалась в стоматологической области для расширения доступа к спе-

циализированной помощи и скринингу для отдаленного или сельского населения [1]. Телестоматология не пользовалась широкой популярностью среди стоматологов, когда были возможны физические консультации. Islam и соавторы отмечали, что стоматология демонстрировала более медленные темпы внедрения информационно-коммуникационных технологий по сравнению с другими медицинскими дисциплинами [3]. С момента начала пандемии COVID-19 и приостановления плановых стоматологических услуг, телестоматология приобрела значительную актуальность в качестве альтернативы очным приемам. Внедрение виртуальных консультаций обеспечило возможность проведения консультаций с соблюдением рекомендаций по ограничению посещаемости медицинских учреждений и поддержанию социальной дистанции. В ряде учреждений телестоматологические технологии были интегрированы в стандартную практику, что позволило уменьшить листы ожидания. Однако сообщается о преобладании повторных пациентов (87 %) в структуре стоматологической телемедицины. Также было зафиксировано снижение общего количества телестоматологических консультаций во второй год пандемии COVID-19 по сравнению с первым годом [4].

Целью настоящей статьи является анализ применения телемедицины в различных областях стоматологии с с акцентом на хирургическом аспекте, а также выделение преимуществ и ограничений широкого внедрения телестоматотологии.

Телестоматология в улучшении показателей гигиены полости рта

Одним из ключевых преимуществ телестоматологии является возможность проведения дистанционных осмотров полости рта, что позволяет стоматологам оценивать состояние зубов и десен, выявлять признаки гингивита, кариеса и других заболеваний на ранних стадиях. Дистанционный мониторинг также позволяет оценивать эффективность индивидуальной гигиены полости рта, следовательно, наиболее распространенной областью применения телестоматологии является проведение дистанционного обучения пациентов правильной гигиене полости рта. Индивидуальные консультации, видеоуроки и интерактивные материалы предоставляются пациентам в удобное для них время, несмотря на географические барьеры [5;6]. Результаты исследований показали, что оценки с помощью телестоматологии (на основе внутриротовых фотографий, сделанных с помощью смартфонов или внутриротовых камер) продемонстрировали сопоставимую точность с традиционными клиническими осмотрами при выявлении и оценке кариеса зубов [7].

Телестоматология в ортодонтии

Современная ортодонтия активно использует возможности телестоматологии в различных аспектах, включая диагностические процедуры, разработку планов лечения, консультации с пациентами, контроль за гигиеническим состоянием полости рта, а также оценку эффективности выравнивания зубов и коррекции окклюзии после завершения ортопедического лечения [8]. Исследования, посвященные оценке ортодонтического лечения с применением телестоматологии, преимущественно охватывают первичную диагностику или использование элайнеров. В доступной литературе не выявлено работ, посвященных применению телестоматологии в традиционной корректирующей или компенсаторной ортодонтии с использованием брекетов и дуг, что указывает на применимость телестоматологических технологий для мониторинга пациентов в случаях использования современных методов лечения, таких как ортодонтические элайнеры [9;10].

Искусственный интеллект и телестоматология

Успешное внедрение телестоматологии, технологий искусственного интеллекта (ИИ) и комбинированных подходов в стоматологической практике знаменует собой существенный шаг вперед в решении многолетней проблемы неравного доступа к стоматологической помощи. Прикладные решения на базе ИИ, демонстрируют диагностическую точность, сравнимую с традиционными клиническими методами, в то время как телестоматологические решения расширили охват, особенно для жителей отдаленных районов. Гибридные приложения обеспечивают рентгенологический анализ, выявляя потерю костной ткани и кариес с высокой степенью точности; предоставляют услуги удаленного ортодонтического мониторинга, анализируя изображения пациентов для оценки смещения зубов и обнаружения проблем с ортодонтическими аппаратами; осуществляют интерпретацию двухмерных (2D) и трехмерных (3D) изображений, включая конусно-лучевую компьютерную томографию (КЛКТ), генерируя структурированные диагностические отчеты и интегрируясь с системами архивации и передачи изображений. Дистанционные диагностические системы на основе ИИ продемонстрировали высокую чувствительность и специфичность в скрининге разнообразных патологий полости рта, включая плоскоклеточный рак полости рта и лейкоплакию [11]. Кроме того, гибридные приложения используются для дистанционного прогнозирования пациентов с высоким риском рака полости рта на основе анализа факторов риска, привычек, а также социально-демографических и геномных данных ИИ также существенно продвинул возможности дистанционной судебной стоматологии. Специализированное программное обеспечение способно прогнозировать возраст пациента на основе ме-

дицинских изображений или рентгенограмм, а полная реконструкция лица может быть выполнена по боковым цефалограммам с использованием моделей машинного обучения [12].

Возможности телестоматологии в хирургической практике

Телемедицина в области хирургической стоматологии чаще всего предлагается для клинического мониторинга после стоматологических операций. Исследование Heimes и соавторов (2022 г.) посвященное анализу клинических исходов дентоальвеолярных хирургических вмешательств (экстракция зубов и остеотомия) с применением традиционного подхода и телемедицинского сопровождения не выявило статистически значимых различий в частоте осложнений, плохого самочувствии, необходимости в обезболивающих препаратах, и ограничениях в выполнении повседневных действий. Уточняющие вопросы касательно времени рассасывания шовного материала и дальнейшего хода лечения задали 33,3 % пациентов группы ТМ, и 16,7 % группы очного мониторинга (p=0,139). Все участники исследования были удовлетворены ходом послеоперационного наблюдения; 71,7 % участников в общей популяции отдали предпочтение телемедицинскому мониторингу, а не очному визиту, что соответствует растущей популярности цифровых медицинских решений [13].

Bschorer и др. (2024 г.) сообщили, что стандартизированная форма телефонного интервьюирования представляет собой ценный метод для обнаружения послеоперационных нежелательных явлений и своевременного инициирования необходимой медицинской помощи, а также способствует уменьшению избыточного медикаментозного вмешательства. Кроме того, применение стандартизированного опросника позволяет делегировать проведение телефонного интервью дежурному медицинскому персоналу или секретарю, тем самым оптимизируя распределение врачебных ресурсов [14].

Аналогичные результаты были получены в более ранних сравнительных исследованиях, посвященных послеоперационному наблюдению. Уровень удовлетворенности пациентов дистанционным послеоперационным наблюдением, составил 95,9 % у Susarla и др. (2011 г.) [15]. Дистанционное наблюдение также оказалось полезным для раннего выявления аномалий в процессе заживления раны после удаления одного или нескольких зубов [16].

Расширение послеоперационного наблюдения с помощью видеосвязи позволяет проводить объективную оценку состояния пациента и раны в дополнение к субъективным отчетам пациента. В работе Torul и др. (2021 г.) в группу обследуемых вошли пациенты после дентальной имплантации, пациенты, перенесшие малые хирургические вмешательства, лица с медикаментозно-индуцированным остеонекрозом челюстей, а также пациенты с дисфункцией височно-нижнечелюстного сустава (ВНЧС). Обследование включало очный осмотр в клинических условиях с последующим контрольным опросом посредством видеосвязи на следующий день. С целью верификации диагностической точности телемедицинского подхода проводилось сопоставление результатов, полученных при видеоконсультации, с данными очного обследования. Анализ анкетирования пациентов выявил выраженную тенденцию к предпочтению видеоконсультаций (71 % и 95 % после видео- и очного осмотров соответственно). Результаты виртуального и клинического обследований продемонстрировали высокую степень согласованности в отношении выявления признаков инфекции, отека, болезненности, наличия, отделяемого из свищевых ходов. Статистически значимых расхождений между показателями открывания рта, интенсивности боли в покое и при жевании, полученными в ходе виртуального и клинического обследования также не было обнаружено. Оценка врачей также не выявила статистически значимых различий между группами в отношении качества коммуникации, способности пациента к изложению жалоб в рамках телемедицинской консультации, простоты проведения опроса и точности оценки состояния пациента [17].

Исследование Crummey и др. (2022 г.) продемонстрировало положительное восприятие виртуальных клиник как пациентами, перенесшими хирургические вмешательства, так и врачами — стоматологами. Объем информации, полученный пациентами в ходе видеоконсультаций, соответствовал объему информации, предоставляемому при личном посещении. Тем не менее, в 44 % случаев наблюдались технические неполадки [18].

Martin и др. (2024 г.) выразили обеспокоенность тем, что виртуальные клиники челюстно-лицевой хирургии, демонстрируя перспективные результаты в ряде исследований и принося пользу определенным группам пациентов, могут, тем не менее, способствовать дальнейшей маргинализации уязвимых групп и усугублению уже существующего неравенства в сфере здоровья полости рта. Основанием для этого опасения послужил выявленный факт более частого отказа от приема в виртуальных клиниках по сравнению с очными приемами [19].

Тем не менее пациенты получают доступ к альтернативным экспертным оценкам и упрощенной связи с различными стоматологическими специальностями. Внедрение телестоматологии приводит к сокращению затрат ресурсов, финансовых средств и времени, затрачиваемых на транспортные расходы и консультации, позволяет избежать длительных очередей в профильных медицинских учреждениях [2;14].

Кроме того, использование телестоматологических решений оптимизирует распределение времени и снижает необходимость отсутствия на рабочем месте или в учебном заведении, что оказывает положительное экономическое воздействие на страну. В кризисных ситуациях, в нерабочее время или во время пандемий, таких как COVID-19, данные услуги становятся особенно востребованными. Развитие технологий способствует переходу от реактивной модели лечения к парадигме профилактического здравоохранения. Дистанционное наблюдение за группами пациентов с высоким риском развития заболеваний или ограниченными возможностями, а также оказание помощи социально незащищенным слоям населения значительно упрощаются благодаря использованию телестоматологических платформ [11;12].

Несмотря на то, что телестоматология оказала поддержку в предоставлении стоматологической помощи в период пандемии, ее внедрение осложняется рядом присущих ограничений, влияющих на динамику взаимодействия между врачом и пациентом. Относительно невысокая эффективность телестоматологии может быть обусловлена недостаточной цифровой компетентностью определенных групп населения, опасениями относительно конфиденциальности и безопасности данных, а также пробелами в нормативном регулировании цифрового здравоохранения [13; 20].

Одним из критических факторов, сдерживающих широкое распространение телестоматологии, недостаток специализированных телемедицинских ресурсов и медицинских кадров. Следовательно, необходима реализация программ повышения квалификации медицинского персонала для обеспечения качественной дистанционной помощи пациентам. Пациенты также нуждаются в доступе к развитой инфраструктуре, интернет-сервисам, и оборудованию, поддерживающему современные форматы видеосвязи. Следовательно, разработка и внедрение эффективной телемедицинской программы — это ресурсоемкий процесс, требующий временных затрат и подготовки специалистов для работы в новых реалиях [9;17]. В практике встречаются случаи, когда стоматологи ощущают затруднения при постановке диагноза, полагаясь исключительно на визуальную информацию, полученную посредством телекоммуникационных каналов, без возможности проведения комплексного физического осмотра [13]. Анализы отечественных авторов акцентируют внимание на осторожном отношении врачей к телестоматологии, на юридических аспектах и организационных проблемах [21].

Демографические данные пациентов также являются важными факторами, которые следует учитывать при оценке потенциальных препятствий для доступа к виртуальным консультациям. К примеру, внедрение телемедицинских услуг осложняется у пожилых пациентов, по причине низкой технической компетентности [22;23]. Определение влияния возраста, пола, уровня образования, дохода на степень участия и восприятие телемедицинских служб, позволит выявить потенциальные барьеры в получении качественной медицинской помощи.

Телестоматология обеспечивает дистанционный скрининг пациентов для выявления потенциальных симптомов заболевания и предоставления своевременной помощи в экстренных ситуациях. Применение телестоматологии включает сбор анамнеза, визуальный осмотр (с использованием предоставленных пациентом фотографий или видеоматериалов), обсуждение симптомов и предоставление рекомендаций по дальнейшим действиям.

В условиях пандемии COVID-19, когда посещение стоматологической клиники стало сопряжено с риском инфицирования, телемедицинские технологии сыграли ключевую роль в обеспечении непрерывности оказания стоматологической помощи и решении неотложных проблем пациентов. В настоящее время телестоматология рассматривается как новое направление услуг, а не как временный механизм преодоления последствий пандемии.

Наиболее активно телестоматология используется для проведения массовых образовательных программ по профилактике заболеваний, направленных на повышение осведомленности населения о важности гигиены полости рта. Ограниченные данные представлены в литературе по использованию телестоматологии в хирургической практике, однако представлены свидетельства успешного дистанционного мониторинга послеоперационных больных.

Недостаточное знакомство с цифровыми платформами, опасения относительно качества дистанционной консультации или безопасности данных, дефицит специализированных телемедицинских ресурсов и медицинских кадров, сопротивление изменениям со стороны врачей и пациентов могут препятствовать широкому внедрению телестоматологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаламай Л.И., Тачалов В.В., Орехова Л.Ю., Кудрявцева Т.В., Лобода Е.С., Березкина И.В. Современные тенденции развития телемедицины и телестоматологии, ее применение при оказании стоматологической помощи лицам разных возрастных групп. Систематический обзор. Пародонтология. 2023;28(4), 357–368.
2. Segura-Gaspar P.L., Atoche-Socola K.J. Teledentistry during covid-19. Rev Cient Odontol (Lima). 2021 Jun 21;9(2): e062. Spanish. doi: 10.21142/2523-2754-0902-2021-062.
3. Islam M.R.R., Islam R., Ferdous S., et al. Teledentistry as an effective tool for the communication improvement between dentists and patients: an overview. Healthcare. 2022; 10:1586. doi: 10.3390/healthcare10081586.
4. Miranda-Hoover A., He P., Chau T., Cimba M.J., Francois K., Day S., Shanti R., Foote J., Wilder-Smith P., Messadi D.V., Le A.D. Telehealth Utilization in Oral Medicine and Oral and Maxillofacial Surgery. Telemed J.E. Health. 2024;30(3):780-787. doi: 10.1089/tmj.2023.0099.
5. Mahdi S.S., Allana R., Amenta F. Teledentistry-based Program to Improve Oral Hygiene Indicators in Rural Pakistan-A Protocol. J Contemp Dent Pract. 2021;22(4):406–411.
6. Goffin G., Carter N., Sari Widyarman A., Erri Astoeti T., Kabir Bulbul H., Puplampu P., Berrezouga L., Trong Hung H. Role of teledentistry in enabling improved oral care outcomes. Br Dent J. 2024;236(3):162-168. doi: 10.1038/s41415-024-7055-y.
7. Priyank H., Verma A., Zama Khan D.U., Prakash Rai N., Kalburgi V., Singh S. Comparative Evaluation of Dental Caries Score Between Teledentistry Examination and Clinical Examination: A Systematic Review and Meta-Analysis. Cureus. 2023;15(7): e42414. doi: 10.7759/cureus.42414.
8. Torres D.K.B., Santos M.C.C.D., Normando D. Is teledentistry effective to monitor the evolution of orthodontic treatment? A systematic review and meta-analysis. Dental Press J Orthod. 2023;28(4): e2322195. doi: 10.1590/2177-6709.28.4.e2322195.oar.
9. Park J.H., Kim J.H., Rogowski L., Al Shami S., Howell S.E.I. Implementation of teledentistry for orthodontic practices. J World Fed Orthod. 2021;10(1):9–13. doi: 10.1016/j.ejwf.2021.01.002.
10. Homsi K., Ramachandran V., Del Campo D.M., Del Campo L.M., Kusnoto B., Atsawasuwan P., Viana G., Oubaidin M., Allareddy V., Elnagar M.H. The use of teleorthodontics during the COVID-19 pandemic and beyond — perspectives of patients and providers. BMC Oral Health. 2023;23(1):490. doi: 10.1186/s12903-023-03215-4.
11. Drafta S., Macris A., Petre A.E. Innovations on the horizon: teledentistry, artificial intelligence, and hybrid models to improve oral health for vulnerable communities. Front Oral Health. 2025; 6:1649715. doi: 10.3389/froh.2025.1649715.
12. Batra P., Tagra H., Katyal S. Artificial Intelligence in Teledentistry. Discoveries (Craiova). 2022;10(3):153. doi: 10.15190/d.2022.12.
13. Heimes D., Luhrenberg P., Langguth N., Kaya S., Obst C., Kämmerer P.W. Can Teledentistry Replace Conventional Clinical Follow-Up Care for Minor Dental Surgery? A Prospective Randomized Clinical Trial. Int J Environ Res Public Health. 2022;19(6):3444. doi: 10.3390/ijerph19063444.
14. Bschorer F., Bschorer R. Follow-up by telephone questionnaire in outpatient oral and maxillofacial surgery. Oral Maxillofac Surg. 2024;29(1):11. doi: 10.1007/s10006-024-01305-3.
15. Susarla S.M., Black R., Dodson T.B. After dentoalveolar surgery, most patients are satisfied with telephone follow-up. J Oral Maxillofac Surg. 2011;69(8):2099-105. doi: 10.1016/j.joms.2010.12.013.
16. Pippi R., Pietrantoni A., Patini R., Santoro M. Is telephone follow-up effective in early diagnosis of inflammatory complications after tooth extraction? Med Oral Patol Oral Cir Bucal. 2018;23(6): e707–e715. doi: 10.4317/medoral.22465.
17. Torul D., Kahveci K., Kahveci C. Is Tele-Dentistry an Effective Approach for Patient Follow-up in Maxillofacial Surgery. J Maxillofac Oral Surg. 2021;22(3):1–7. doi: 10.1007/s12663-021-01596-z.
18. Crummey A., Graham A., Besi E. Virtual consultations for oral surgery patients. BMC Oral Health. 2022;22(1):83. doi: 10.1186/s12903-022-02076-7.
19. Martin K., Kroeger A., Anstey H. Virtual clinics in oral surgery: an equitable service for all? Br Dent J. 2024;237(8):653–656. doi: 10.1038/s41415-024-7965-8.
20. Menhadji P., Oberai K. Teledentistry safeguards. Br Dent J. 2020;229(10):635–636. doi: 10.1038/s41415-020-2414-9.
21. Токмакова С.И., Чудова Л.В., Луницына Ю.В., Васильцова С.В., Кириенкова Е.А., Кузикова В.А., Языкова Е.А., Мокренко Е.В. Внедрение телемедицинских технологий в клиническую практику врача-стоматолога на примере крупного аграрного региона // Медицина в Кузбассе. 2024. №2. С. 45–50.
22. Дуж А.Н., Овчинникова С.А, Требушевский В.М., Панфилова С.А., Лишнева Е.В., Кареева Ю.Г. Анализ готовности стоматологических пациентов к телемедицине. Вестник новых медицинских технологий. 2024;31 (3), 13–17. doi: 10.24412/1609–2163-2024-3-13-17
23. Sanders C., Rogers A., Bowen R., Bower P., Hirani S., Cartwright M., Fitzpatrick R., Knapp M., Barlow J., Hendy J., et al. Exploring barriers to participation and adoption of telehealth and telecare within the Whole System Demonstrator trial: A qualitative study. BMC Health Serv. Res. 2012; 12:220. doi: 10.1186/1472-6963-12-220.

© Авраменко Олег Олегович (avramenckooleh@yandex.ru); Клёмин Владимир Анатольевич (ortstom@dnmu.ru);
Музычина Анна Алимовна (dr.muzychina@mail.ru); Ворожко Анна Александровна (ortstom@dnmu.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.03

ВЛИЯНИЕ ОРТОДОНТИЧЕСКИХ И ОРТОПЕДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ НА МИКРОФЛОРУ РОТОВОЙ ПОЛОСТИ

THE INFLUENCE OF ORTHODONTIC AND ORTHOPEDIC STRUCTURES ON THE MICROFLORA OF THE ORAL CAVITY

V. Bezglasnaya
N. Novikova
R. Mirzoeva
F. Siyukhova

Summary. The scientific article presents the results of an independently conducted study, the purpose of which was a comprehensive study of the effect of various dental structures on the composition and features of the microflora of the oral cavity of patients. A detailed analysis of the microbiological background of the oral cavity was carried out, including an assessment of the quantitative and qualitative characteristics of bacterial communities, their species diversity and functional activity in the presence of orthopedic and other dental structures in different groups. The study provides a detailed understanding of the nature of the interaction of dental structures with the microbiota of the oral cavity, revealing the mechanisms of microecological changes, their clinical significance for maintaining oral health, as well as the potential risks of developing pathological processes with prolonged use of such structures and ways to minimize them.

Keywords: microflora of the oral cavity, orthopedic structures, orthodontic structures, microorganisms, oral cavity.

Безгласная Виолетта Андреевна
Ассистент, Некоммерческое образовательное частное учреждение высшего образования Кубанский медицинский институт, г. Краснодар
coolbaliro@yandex.ru
Новикова Надежда Петровна
Доцент, Некоммерческое образовательное частное учреждение высшего образования Кубанский медицинский институт, г. Краснодар
novikova_nadezhd@mail.ru
Мирзоева Рухшона Кадыровна
Профессор, Некоммерческое образовательное частное учреждение высшего образования Кубанский медицинский институт, г. Краснодар
ruhshonamirzoeva@mail.ru
Сиюхова Фатима Шумафовна
Доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Кубанский государственный медицинский университет, г. Краснодар
biology-01@mail.ru

Аннотация. В научной статье представлены результаты самостоятельно проведённого исследования, целью которого стало всестороннее изучение влияния различных стоматологических конструкций на состав и особенности микрофлоры ротовой полости пациентов. Был осуществлён детальный анализ микробиологического фона полости рта, включая оценку количественных и качественных характеристик бактериальных сообществ, их видового разнообразия и функциональной активности в условиях присутствия ортопедических и иных стоматологических конструкций у разных групп. Проведённое исследование даёт развёрнутое представление о характере взаимодействия стоматологических конструкций с микробиотой ротовой полости, раскрывая механизмы микроэкологических изменений, их клиническую значимость для поддержания здоровья полости рта, а также потенциальные риски развития патологических процессов при длительном использовании таких конструкций и пути их минимизации.

Ключевые слова: микрофлора полости рта, ортопедические конструкции, ортодонтические конструкции, микроорганизмы, полость рта.

Актуальность

В современном мире преобладают все более комфортные для человека условия жизни, но есть и те, которые сказываются на здоровье негативно. Например, обилие углеводистой пищи. Глубокая термическая обработка упрощает функцию ее механической обработки, что приводит к постепенному уменьшению площади нижней челюсти человека. Стремление в человека, в том числе, к совершенному внешнему виду, красивой улыбке, реализуется в стоматологии все более частым применением несъемных ортопедических конструкций. Учитывая важность профилактической медицины, при применении подобных конструкций необходимо понимать, что появляются дополнительные поверхности и преграды, препятствующие качествен-

ному самоочищению полости рта. Это влечет изменения количественного и качественного состава микрофлоры ротовой полости, возрастает вероятность возникновения кариеса и последующих поражений тканей ротовой полости. Одной из причин существенного изменения микробиоценоза в полости рта, накопления микроорганизмов в молодом возрасте является наличие ортодонтических и ортопедических конструкций, а также плохая гигиена.

Цель: изучить влияние ортопедических и ортодонтических конструкций на микрофлору полости рта с помощью анализа литературных данных и проведения оригинального исследования.

Материалы и методы

Исследования проводились на базе кафедры стоматологии и кафедры химии и биологии Кубанского медицинского института. В нашем исследовании было проведено комплексное стоматологическое обследование 12 человек в возрасте 19–25 лет.

Бактериоскопический метод начинали с получения биологического материала с десны. Для этого нами были заготовлены предметные стёкла и одноразовые стерильные лотки со стоматологическими инструментами. Забор материала проводили утром, когда с момента последнего приема пищи прошло не менее двух часов, а с момента чистки зубов — не менее 12 часов. Предварительно зубы высушивали, изолировали ватными тампонами и использовали слюноотсос.

Забор биологического материала с десны осуществляли с помощью зонда. Кончиком зонда проводили по маргинальному краю десны вдоль пришеечной области коронки зуба. Налёт, собравшийся на кончике зонда, наносили на предварительно подписанное предметное стекло. После этого материал высушивали, фиксировали и окрашивали по методу Грама. Часть полученного биоматериала вносили в транспортную среду Amies (ф. Himedia) для последующей транспортировки в лабораторию, где идентификация видов проводилась бактериологическим методом.

Результаты исследований

В ротовой полости наблюдается наибольшее количество микроорганизмов различного типа. Их количество достигает примерно 15–16 % от общего числа в организме. При этом количество видов может достигать 400–600, формируя постоянную и резидентную микрофлору — это стрептококки, стафилококки, кандида, лептотрихии, вейлонеллы, фузобактерии и другие. При нормальной ситуации и правильном уходе человек не ощущает проблем, воспалительные процессы не развиваются. Однако при нарушениях микрофлоры патогенные микроорганизмы начинают вытеснять резистентные, что становится причиной появления очагов воспаления и дисбактериоза.

Видовое разнообразие бактерий во многом зависит от индивидуальных особенностей организма, обмена веществ и внешних факторов. Качество слюны также важно для реминерализации эмали, обеспечения антиоксидантной и других функций. Одним из факторов, оказывающих влияние на состояние, качество микрофлоры, выступают съемные и несъемные протезы. При этом материалы изготовления конструкций вызывают размножение определенных видов микроорганизмов. A. Topaloglu-Ak, F. Ertugrul, E. Eden, M. Ates, H. Bulut «Effect of orthodontic appliances on oral microbiota — 6-month follow». Journal of Clinical Pediatric Dentistry, 2011

Некачественная поверхность зубных протезов, реставраций, а также задержка остатков пищи создают благоприятные условия для адгезии, колонизации и размножения различных видов микробов на поверхности стоматологических конструкций. Это ухудшает и сокращает их функциональные и эксплуатационные качества. Материалы, используемые для изготовления зубных протезов и ортодонтических конструкций, вступают во взаимодействие с микробиоценозом полости рта и подлежащими тканями протезного ложа. Остатки пищи часто задерживаются под протезами и создают благоприятную среду для микроорганизмов. Микроорганизмы налета, утилизируя углеводы пищи, создают критическое значение pH. Нарушение микробиоценоза может привести к следующим последствиям:

- инфекционным воспалительным процессам, связанным с протезированием;
- прогрессирующим деструкциям пародонта и костной ткани альвеолярной кости;
- возникновению дефектов зубных рядов;
- нарушению жевательной функции пациента.

Приведем некоторые заболевания слизистой оболочки ротовой полости, которые могут возникнуть вследствие ношения протезов:

- Протезный стоматит — воспалительное заболевание слизистой оболочки полости рта, которое может появиться из-за ношения неудобного протеза или наличия микротравм в результате трения
- Кандидоз — грибковое заболевание, вызванное дрожжеподобными грибками Candida. Часто возникает из-за недостаточной гигиены.
- Гингивит — воспаление дёсен, которое может появиться из-за неправильной посадки протеза, что приводит к травмам и раздражению дёсен.

Рассмотрим наиболее важные для здоровья зубов и десен бактерии, обитающие в ротовой полости:

- Стрептококки (факультативно- и облигатно-анаэробные) занимают значительную часть поверхности (от 30 до 60 %) ротовой полости.
- Вейлонеллы являются важными представителями полости рта. Они помогают нейтрализовать кислые продукты, тем самым являясь мощным оружием против кариесогенных бактерий.
- Лактобактерии обеспечивают защиту полезной микрофлоры, препятствуя развитию патогенных, гнилостных и газообразующих микроорганизмов.
- Бифидобактерии подавляют рост патогенных микроорганизмов, формируя защитную пленку на поверхности слизистой оболочки.

Несмотря на все вышеперечисленные бактерии, влияющие на ротовую полость положительно, при отсутствии качественной гигиены всех аспектов полости рта наблюдается значительный рост бактерий негативного характера, которые будут уничтожать нормальную микрофлору полости рта (Хашумов А.А., 2018). Учитывая, что многие виды бактерий, населяющих ротовую полость, являются условно-патогенными, при неблагоприятных условиях именно они становятся причиной развития патологий.

Ортопедическое лечение зубов — это комплекс процедур, направленных на восстановление утраченных или поврежденных зубов с помощью различных видов протезирования. Ортодонтическое лечение — это спасение для людей, мечтающих о красивой улыбке. Однако у этого метода есть последствия: ортодонтические приспособления затрудняют эффективную чистку зубов, способствуя накоплению зубного налета (биопленки), что вызывает количественные и качественные изменения в микробиоте. Это может спровоцировать такие заболевания ротовой полости, как гингивит, пародонтит, белые пятна (WSL), кариес и неприятный запах изо рта. Это не беспочвенные опасения. Многочисленные исследования подтверждают, что установка несъемного ортодонтического или ортопедического аппарата вызывает изменения в микробиоте полости рта, которые сохраняются даже после его удаления.

Хотя ортопедические и ортодонтические конструкции не являются препятствием для тщательной гигиены полости рта, они также оказывают воздействие на микробиоту. В исследовании, проведенном Topaloglu-Ak et al. на выборке из 35 детей с несъемными аппаратами и 34 детей со съемными аппаратами, сообщалось о значительном увеличении количества *S. mutans*, *Lactobacillus* и *Candida albicans* через шесть месяцев после установки ортодонтических аппаратов с более высокой распространенностью у несъемных.

Несмотря на то, что у пациентов улучшились привычки по уходу за полостью рта, в структуре микробиоты полости рта по-прежнему наблюдались значительные изменения: увеличилось количество анаэробных и патогенных бактерий, которые потенциально могут влиять на здоровье полости рта.

В ротовой полости протез подвергается колонизации микроорганизмами, на его поверхности создается биопленка. Микроорганизмы внедряются на 1,2–3 мм в толщу материала протеза (Сысоев И.П., 1992). Микробная обсемененность увеличивается при увеличении возраста пациента, удлинении срока пользования протезами, улучшении их фиксации, несоблюдении гигиены полости рта (Тер-Погосян Е.М. 1975 и др.)

Также, если рассмотреть аспекты хирургической стоматологии, есть зафиксированные случаи, при которых хирургические конструкции негативно сказывались на микрофлоре полости рта.

Микробная инвазия в периимплантатную область является одной из основных причин отдаленных осложнений данного метода лечения, приводящих к воспалению тканей и быстрой потере кости (Базикян Э.А., 2001 и др.).

Изучение влияния ортопедических и ортодонтических конструкций на микрофлору полости рта, в частности микробиоценоз маргинального края десны в области пришеечной зоны коронки зуба (одной из наиболее уязвимых частей ротовой полости), проводили методом микробиологического анализа на кафедре химии и биологии НОЧУ ВО Кубанского медицинского института. Первый этап — бактериоскопическое исследование микропрепаратов, окрашенных по Граму, — выявил присутствие бактерий нормальной и условно-патогенной микрофлоры (Таблица 1) у лиц молодого возраста, имеющих несъемные ортодонтические конструкции.

Исследование выявило, что у всех лиц, участвующих в исследовании, наблюдается значительное повышение количества микроорганизмов в мазке и на плотных средах по сравнению с теми же показателями контрольной группы. У всех лиц, использующих ортопедические конструкции, отмечались изменения морфогрупп бактерий, в первую очередь их процентного соотношения. Доминирование грамположительных кокков смещается в сторону грамотрицательных палочек, а также наблюдается появление одноклеточных грибов рода Candida. При этом следует учитывать, что материал забирался из зоны хорошей аэрации. Наблюдаемое смещение было бы более выраженным, если бы материал забирали из десневого желобка. Значительно вырос уровень подвижных бактерий. Однако возможности бактериоскопического метода существенно ограниченны: кроме морфологических и тинкториальных свойств бактерий в изучаемом материале, он не позволяет идентифицировать бактерии до вида.

Таблица 1.

Результаты бактериоскопического исследования

№ биопробы	Признаки нормальной микрофлоры полости рта	Признаки патогенной микрофлоры полости рта
1	+	+
2	–	+
3	–	+
4	+	+
5	+	+
6	–	+
7	–	+
8	–	+
9	–	+
10	–	+
11	–	+
12	–	+

Изучение видового состава бактерий показало, что произошел существенный рост микрофлоры, вызывающей воспалительные заболевания десен и пародонта, а в некоторых образцах — и кариесогенной микрофлоры. В Таблице 2 представлены основные изменения и особенности видового состава у пациентов-студентов (мужчин и женщин одного возраста), имеющих стоматологические конструкции в полости рта.

Результаты исследования показали значительное увеличение нескольких пародонтопатических бактерий, включая: *Fusobacterium necrophorum; Fusobacterium nucleatum; Veillonella parvula; Streptococcus salivarius; Actimyces naeslundii, Actimyces israelii, Enterococcus faecalis; Streptococcus mutans; Streptococcus sangius*.

Заключение

Проведенное исследование выявило влияние ортопедических и ортодонтических конструкций на микрофлору полости рта, в частности микробиоценоз маргинального края десны в области пришеечной зоны коронки зуба. Наблюдается увеличение пародонтопатогенных и кариесогенных бактерий, что соответствует литературным данным. Важно помнить, что при соблюдении качественной и ответственной гигиены полости рта, а также при выполнении всех требований к установке и эксплуатации стоматологических конструкций, можно обеспечить выполнение основного медицинского принципа — «не навреди».

Таблица 2.

Виды бактерий, появившихся или существенно изменивших концентрацию на маргинальной поверхности десные у лиц со стоматологическими конструкциями в полости рта

№ биопробы	Грамм положительные бактерии	Грамм отрицательные бактерии
1.		*Fusobacterium necrophorum; Fusobacterium nucleatum.*
2.		*Veillonella parvula*
3.	*Streptococcus mutans; Actimyces naeslundii*	*Veillonella parvula, Fusobacterium necrophorum; Fusobacterium nucleatum*
4.	*Streptococcus sangius*	
5.		*Fusobacterium necrophorum; Fusobacterium nucleatum*
6.		*Veillonella parvula*
7.	*Streptococcus mutans; Enterococcus faecalis; Streptococcus pneumonia*	*Veillonella parvula*
8.	*Enterococcus faecalis*	*Fusobacterium necrophorum; Fusobacterium nucleatum.*
9.	*Enterococcus faecalis; Streptococcus salivarius*	*Veillonella parvula; Aggregatibacter actinomycetemcomitans*
10.	*Enterococcus faecalis*	*Veillonella parvula*
11.	*Enterococcus faecalis*	*Veillonella parvula; Fusobacterium nucleatum; Aggregatibacter actinomycetemcomitans*
12.	*Actimyces naeslundii; Actimyces israelii; Streptococcus salivarius*	*Fusobacterium necrophorum; Fusobacterium nucleatum*

ЛИТЕРАТУРА

1. Добровольская О.В., Добровольский А.В., Дворник В.Н. «Характеристика микробиоценоза полости рта у пациентов с полным отсутствием зубов до лечения и после внутрикостной имплантации» 2019г.
2. Захаров А.А., Ильна Н.А. «Анализ микрофлоры ротовой полости, обследованных людей с различными заболеваниями». Журнал: "Успехи современного естествознания". 2007. № 12 (часть 3) С. 141–143.
3. . Гаврилова О.А., Червинец Ю.В., Матлаева А.С. «Влияние длительности ортодонтического лечения на структуру микробиоты ротовой жидкости и зубного налета». Научно-практический журнал «Институт Стоматологии №2 (63)». июнь 2014 стр. 42-44
4. A. Topaloglu-Ak, F. Ertugrul, E. Eden, M. Ates, H. Bulut «Effect of orthodontic appliances on oral microbiota — 6-month follow». Journal of Clinical Pediatric Dentistry, 2011
5. HOMD — сайт с полным перечнем представителей микробиоты полости рта.
6. А. Топалоглу-Ак, Ф. Эртугрул, Э. Эден, М. Матес, Х. Булут Влияние ортодонтических аппаратов на микробиоту полости рта — наблюдение в течение 6 месяцев. Журнал клинической детской стоматологии 35 (4), 433–436
7. Реминова Т.Л. Микробиологические и клинические характеристики дисбиотического состояния полости рта / Т.Л. Реминова, Л.А. Иванова, О.В. Мартюшева, Л.А. Чередникова, А.Б. Чередникова // Стоматология. — № 6. — 2009. — С. 12–18
8. Червинец В.М. Формирование биопленок антагонистическими штаммами лактобацилл полости рта / Червинец В.М., Червинец Ю.В., А.М. Самоукина, Е.С. Михайлова, О.А. Гаврилова // Стоматология. — 2012. — № 1. — С. 16–19.
9. Хашумов А.А. Микрофлора полости рта у больных кариесом. 2018.
10. Базикян Э.А. «Проблема воспаления в периимплантатных тканях и факторы, влияющие на его течение» 2001г.
11. Тер-Погосян Е.М. «Характеристика микробиоценоза полости рта у пациентов с полным отсутствием зубов до лечения и после внутрикостной имплантации» 1975г.
12. Хашумов А.А. Микрофлора полости рта у больных кариесом // Молодой ученый. — 2018. — №32. — С. 26–28.
13. Байрамов Г.Р. Исследование пародонтопатогенной микрофлоры и ее этиологическая значимость в формировании разных клинических форм воспалительных заболеваний пародонта // Клиническая стоматология. — 2010. — № 2 (54). — С. 84–86.

© Безгласная Виолетта Андреевна (coolbaliro@yandex.ru); Новикова Надежда Петровна (novikova_nadezhd@mail.ru);
Мирзоева Рухшона Кадыровна (ruhshonamirzoeva@mail.ru); Сиюхова Фатима Шумафовна (biology-01@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.04

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

D. Berdysh
A. Yedygova

Summary. The study analyzes the dynamics of the development of assisted reproductive technologies (ART) in Russia over the years 2020–2024, identifying key trends and prospects of the industry. The COVID-19 pandemic caused a temporary decline of 10.2 % in 2020, but already in 2021, an active recovery began with an increase of 9.3 %. By 2024, the number of ART cycles had not only recovered, but also exceeded the expected figures, reaching record levels due to the development of medical technologies and increased accessibility. The main trends include an increase in the proportion of thawed embryo transfer (from 33 % to 35 %) due to improved cryopreservation, an increase in the use of ICSI (from 30.6 % to 31 %) and the stable use of classical IVF (about 22 %). Special attention is paid to improving the effectiveness of the methods: the incidence of pregnancy during the transfer of thawed embryos increased from 41.3 % to 44 %, with ICSI — from 29.1 % to 32 %, with classical IVF — from 28.9 % to 31.5 %, which indicates significant progress in laboratory technology. A significant achievement was the reduction of multiple pregnancies due to an increase in the proportion of single embryo transfers from 65.3 % to 72 %, which meets international safety standards. At the same time, there has been an increase in the use of blastocysts from 70 % to 85 % of cycles, which has increased the overall effectiveness of procedures due to better implantation. Age-related issues remain relevant: in women over 40, success rates are 2–3 times lower than in patients under 35, which requires the development of special protocols. Promising areas include preimplantation genetic testing (an increase from 8.5 % to 12 % cycles), cryopreservation of oocytes (an increase of 15 %), and the introduction of artificial intelligence to evaluate embryos. The study highlights the need for further development of the ART system, including increased government support, the development of specialized protocols for age-related patients, and increased technology availability. The Russian ART system, having achieved international quality standards, requires an integrated approach to ensure sustainable development and equal accessibility for all categories of patients, which will contribute to solving the country's demographic challenges.

Keywords: ART, IVF, ICSI, cryopreservation, PHT.

Бердыш Денис Сергеевич
Преподаватель, ФБГОУ ВО Майкопский государственный технологический университет
drberdysh@bk.ru
Едыгова Азида Байзетовна
Врач-хирург, ФБГОУ ВО Майкопский государственный технологический университет

Аннотация. Исследование анализирует динамику развития вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в России за 2020–2024 годы, выявляя ключевые тенденции и перспективы отрасли. Пандемия COVID-19 вызвала временный спад на 10,2 % в 2020 году, однако уже в 2021 году началось активное восстановление с ростом на 9,3 %. К 2024 году количество циклов ВРТ не только восстановилось, но и превысило доковидные показатели, достигнув рекордных значений благодаря развитию медицинских технологий и повышению доступности. Основные тенденции включают увеличение доли переноса размороженных эмбрионов (с 33 % до 35 %) благодаря совершенствованию криоконсервации, рост применения ИКСИ (с 30,6 % до 31 %) и стабильное использование классического ЭКО (около 22 %). Особое внимание уделяется повышению эффективности методов: частота наступления беременности при переносе размороженных эмбрионов выросла с 41,3 % до 44 %, при ИКСИ — с 29,1 % до 32 %, при классическом ЭКО — с 28,9 % до 31,5 %, что свидетельствует о значительном прогрессе в лабораторных технологиях. Значимым достижением стало снижение многоплодия благодаря увеличению доли переносов одного эмбриона с 65,3 % до 72 %, соответствующему мировым стандартам безопасности. Параллельно отмечается рост использования бластоцист с 70 % до 85 % циклов, что повысило общую эффективность процедур за счет лучшей имплантации. Остаются актуальными проблемы возрастного фактора: у женщин старше 40 лет показатели успешности в 2–3 раза ниже, чем у пациенток до 35 лет, что требует разработки специальных протоколов. Перспективные направления включают преимплантационное генетическое тестирование (рост с 8,5 % до 12 % циклов), криоконсервацию ооцитов (увеличение на 15 %) и внедрение искусственного интеллекта для оценки эмбрионов. Исследование подчеркивает необходимость дальнейшего развития системы ВРТ, включая расширение государственной поддержки, разработку специализированных протоколов для возрастных пациенток и повышение доступности технологий. Российская система ВРТ, достигнув международных стандартов качества, требует комплексного подхода для обеспечения устойчивого развития и равной доступности для всех категорий пациентов, что будет способствовать решению демографических задач страны.

Ключевые слова: ВРТ, ЭКО, ИКСИ, криоконсервация, ПГТ.

Введение

Современные вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) играют ключевую роль в лечении бесплодия, помогая тысячам пар реализовать мечту о родительстве. В России за последние годы наблюдается устойчивый рост применения ВРТ, несмотря на временный спад, вызванный пандемией COVID-19 в 2020 году. Развитие методов экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), интрацитоплазматической инъекции сперматозоида (ИКСИ), криоконсервации эмбрионов и преимплантационного генетического тестирования (ПГТ) способствует повышению эффективности программ и снижению риска многоплодных беременностей. В данной работе рассматриваются основные тенденции применения ВРТ в России за период 2020–2024 годов, включая динамику циклов, эффективность различных методов, возрастные особенности и перспективные направления развития репродуктивных технологий.

В 2020 году в России было проведено 148 660 циклов ВРТ, что на 10,2 % меньше, чем в 2019 году (165 463 цикла). Это снижение связано с ограничениями, введенными из-за пандемии COVID-19, которые затронули плановую медицинскую помощь, включая репродуктивные технологии.

Однако уже в 2021 году началось восстановление: количество циклов увеличилось на 9,3 % (до 162 500) рисунок 1.

В последующие годы рост продолжился, хотя и с замедлением, к 2024 году объемы ВРТ не только вернулись к доковидным значениям, но и превысили их.

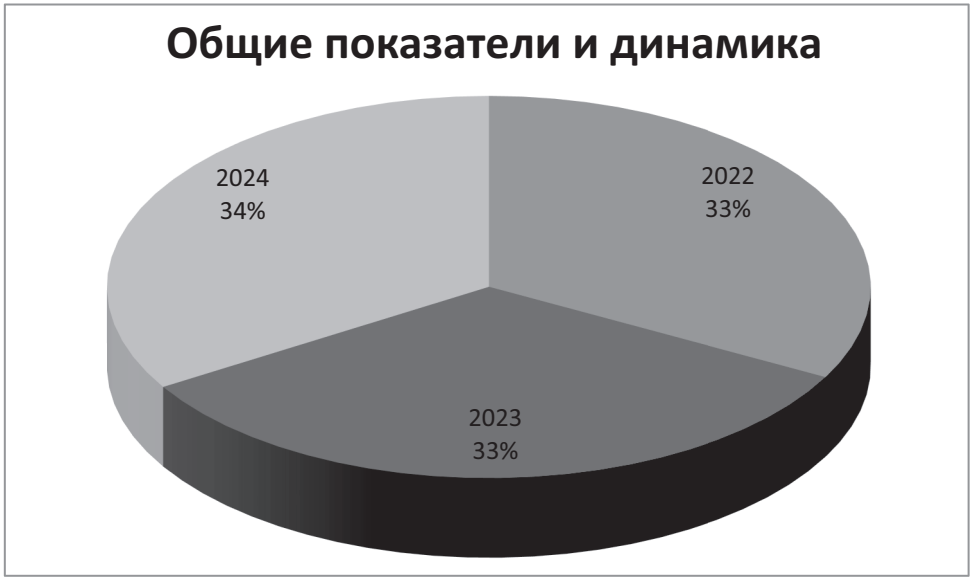

Рис. 1. Динамика применения ВРТ за 2022–2024 в России

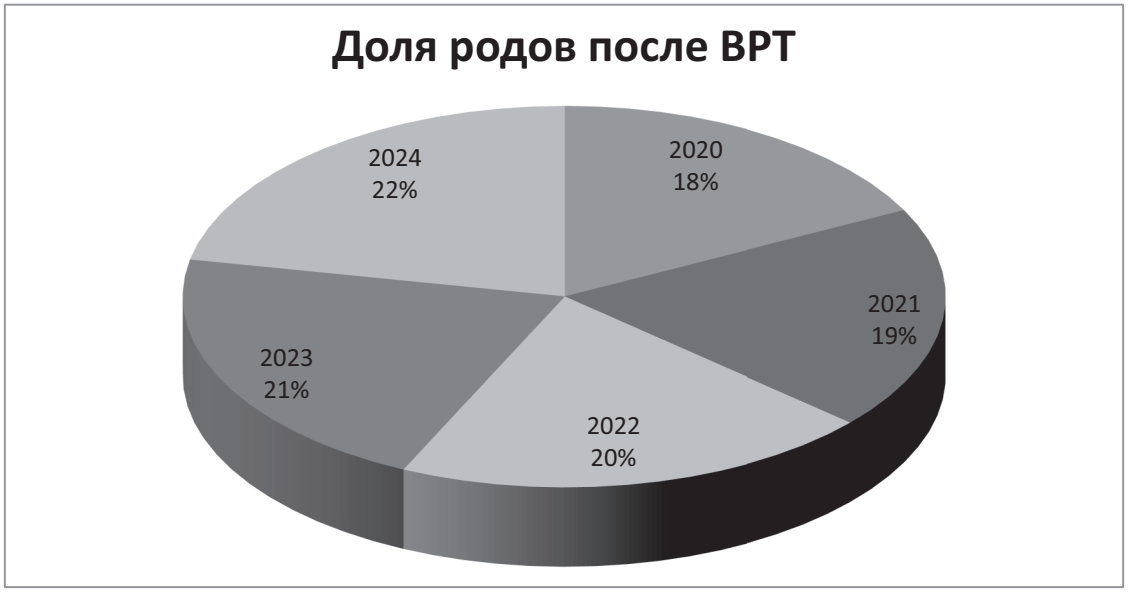

Рис. 2. Доля родов после ВРТ в России за 2020–2024 гг.

Параллельно с ростом числа циклов увеличивалась и доля родов, наступивших благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям рисунок 2.

Этот рост отражает как развитие доступности ВРТ, так и повышение доверия населения к таким методам лечения бесплодия.

Пандемийный спад (2020) — временное сокращение из-за ограничений и переориентации медучреждений. Постковидное восстановление (2021–2022) — компенсаторный рост, расширение квот, развитие частного сектора.

Стабилизация (2023–2024) — приближение к пределу текущих возможностей системы (ограниченное число клиник, финансирование).

К 2024 году ВРТ становятся более распространенными, однако дальнейший рост может замедлиться без дополнительных мер поддержки (например, расширения госпрограмм или включения новых методов лечения).

В структуре применения ВРТ в России наибольшую долю занимают перенос размороженных эмбрионов (РЭ) — 33,0 % в 2020 году и 35 % в 2024 году, что связано с развитием криоконсервации и накоплением банков эмбрионов рисунок 3.

Метод ИКСИ (интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида) применялся в 30,6 % циклов в 2020 году, а к 2024 году его доля увеличилась до 31 %, что объясняется высокой эффективностью при мужском факторе бесплодия. Классическое ЭКО составило 21,8 % в 2020 году и 22 % в 2024 году, сохраняя стабильное применение, преимущественно при женском факторе бесплодия без тяжелых нарушений сперматогенеза.

Донорские программы (включая ооциты и эмбрионы) занимали 6,2 % в 2020 году и 7 % в 2024 году, что отражает рост спроса на донорские материалы при возрастном бесплодии и низком овариальном резерве. Также отмечается увеличение доли преимплантационного генетического тестирования (ПГТ) — до 5 % в 2024 году, что связано с развитием генетического скрининга для повышения успешности программ ВРТ.

Частота наступления беременности (ЧНБ) по всем методам ВРТ демонстрирует положительную динамику. Наиболее эффективным остается перенос размороженных эмбрионов (РЭ), где ЧНБ выросла с 41,3 % в 2020 году до 44,0 % в 2024 году, что объясняется улучшением криопротоколов и селекцией наиболее жизнеспособных эмбрионов рисунок 4.

Метод ИКСИ также показал рост эффективности — с 29,1 % до 32,0 %, что связано с совершенствованием методик отбора сперматозоидов. Классическое ЭКО продемонстрировало увеличение ЧНБ с 28,9 % до 31,5 %, благодаря оптимизации стимуляции и культивирования эмбрионов рисунок 4. В донорских программах частота наступления беременности увеличилась с 40,5 % до 43,2 %, что обусловлено улучшением качества донорских ооцитов и синхронизацией реципиенток рисунок 5.

Таким образом, за период 2020–2024 гг. в России наблюдается не только рост количества циклов ВРТ, но и повышение их эффективности за счет внедрения новых

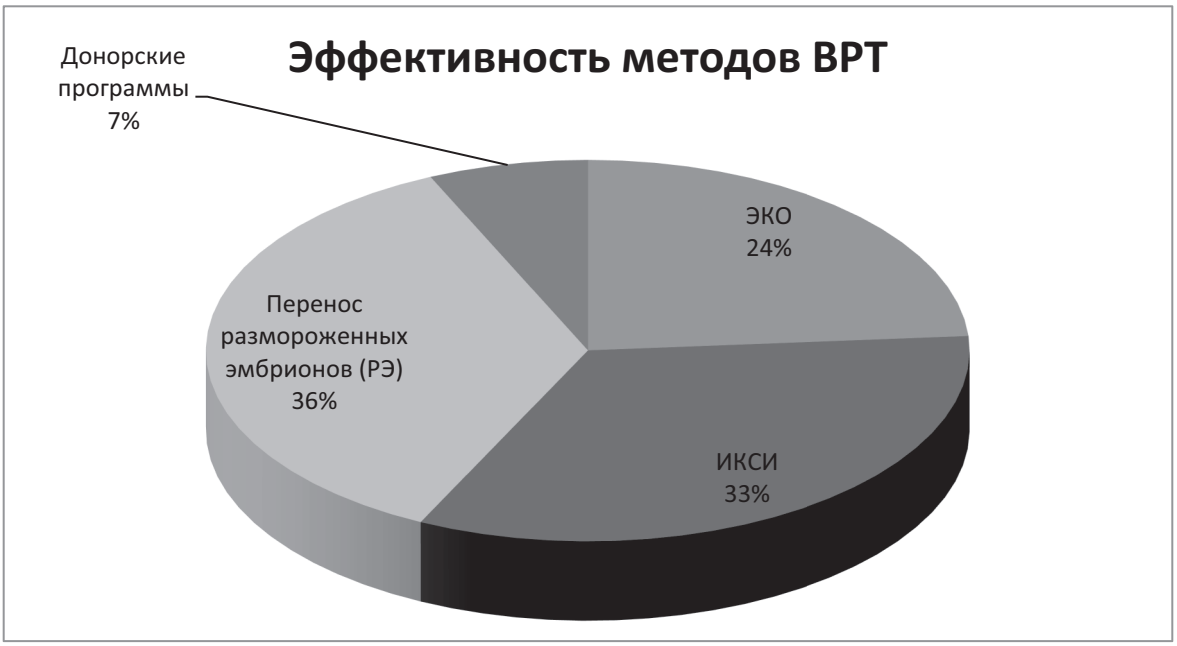

Рис. 3. Распространенные методы ВРТ

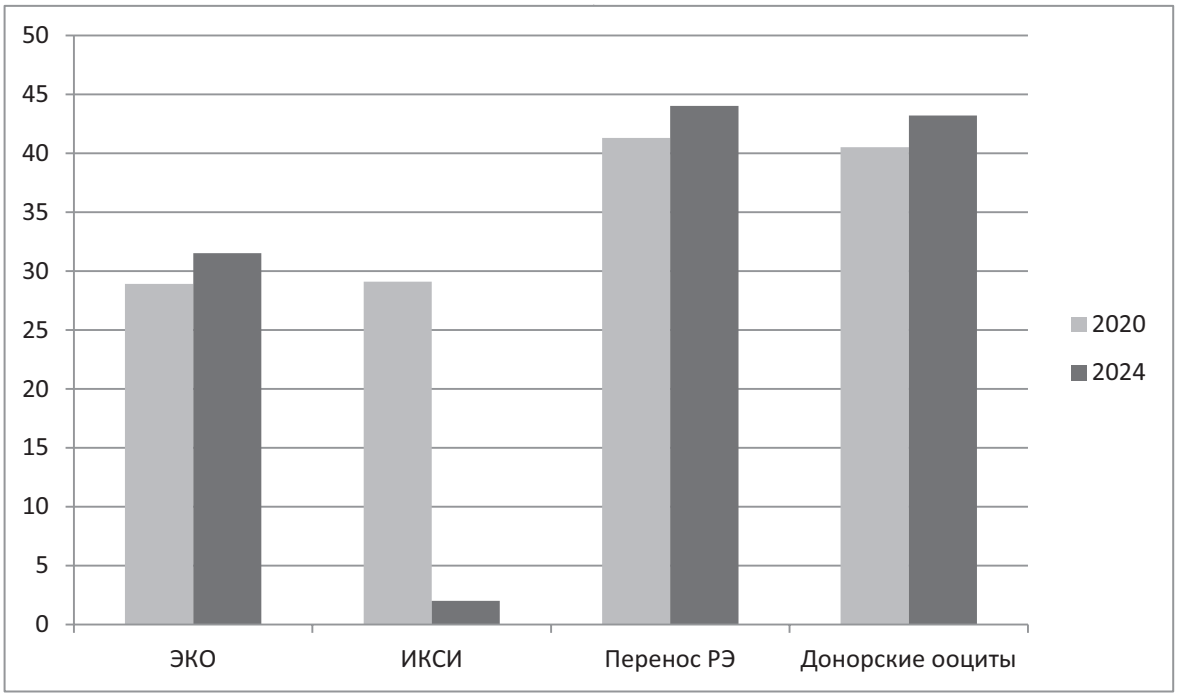

Рис. 4. Частота наступления беременности в 2020–2024 гг.

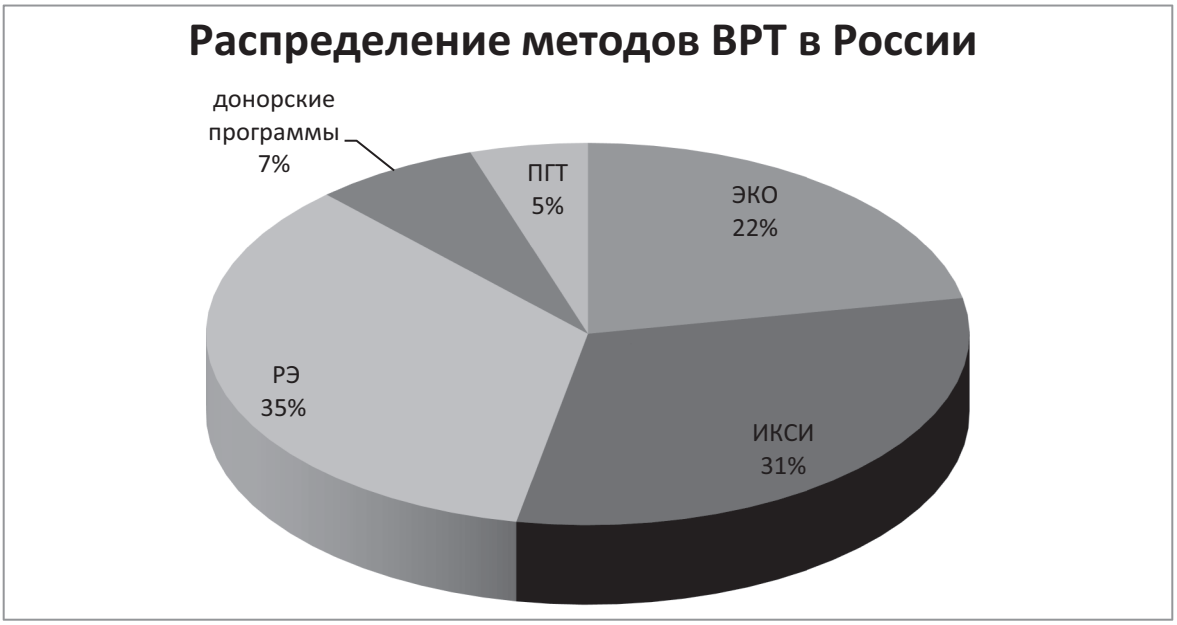

Рис. 5. Распределение методов ВРТ в России 2024

технологий, совершенствования лабораторных протоколов и расширения применения криоконсервации и генетического тестирования.

Тенденции в переносе эмбрионов. Снижение многоплодия: В 2020 г. доля переносов 1 эмбриона составила 65,3 %, в 2024 г. — 72 %. Рост использования бластоцист: В 2020 г. 70 % переносов выполнялись на стадии бластоцисты, в 2024 г. — 85 %.

В последние годы в практике вспомогательных репродуктивных технологий в России наблюдаются значительные изменения в подходах к переносу эмбрионов. За период с 2020 по 2024 год доля переносов одного эмбриона увеличилась с 65,3 % до 72 %, что способствовало существенному снижению частоты многоплодных беременностей. Параллельно отмечается рост использования эмбрионов на стадии бластоцисты — если в 2020 году 70 % переносов выполнялись на этой стадии развития, то к 2024 году этот показатель достиг 85 %.

Эффективность процедур существенно зависит от стадии развития переносимых эмбрионов. Для дробящихся эмбрионов частота наступления беременно-

сти увеличилась с 25,8 % в 2020 году до 27,5 % в 2024 году, тогда как для бластоцист эти показатели составили 36,4 % и 39,0 % соответственно.

Возраст пациенток остается важным фактором, влияющим на успешность ВРТ. У женщин до 35 лет частота наступления беременности при ЭКО составляет 26,9 %, при ИКСИ — 27,0 %. В возрастной группе 35–39 лет эти показатели снижаются до 22,3 % и 23,2 % соответственно, а после 40 лет эффективность методов уменьшается в 2–3 раза, составляя всего 11,5 % для ЭКО и 11,7 % для ИКСИ.

Среди осложнений процедур синдром гиперстимуляции яичников встречается в 0,3 % циклов. Благодаря активному внедрению стратегии селективного переноса одного эмбриона частота многоплодных родов снизилась с 11,4 % в 2020 году до 9,8 % в 2024 году.

Перспективными направлениями развития ВРТ стали преимплантационное генетическое тестирование, применение которого увеличилось с 8,5 % в 2020 году до 12 % в 2024 году, а также криоконсервация ооцитов, демонстрирующая 15 % рост за четыре года.

Несмотря на пандемийный спад 2020 года, вспомогательные репродуктивные технологии в России показывают устойчивый рост. Повышение эффективности методов достигается за счет совершенствования протоколов, включая преимплантационное генетическое тестирование и бластоцистный перенос. Существенное снижение частоты многоплодия стало возможным благодаря переходу на перенос одного эмбриона. Основной задачей на ближайшую перспективу остается повышение доступности ВРТ для женщин старше 40 лет.

Обсуждение

Анализ динамики применения вспомогательных репродуктивных технологий в России за период с 2020 по 2024 год показывает устойчивое восстановление после пандемийного спада и последующий рост, обусловленный развитием медицинских технологий и повышением доступности методов лечения бесплодия. В 2020 году наблюдалось резкое сокращение числа циклов ВРТ на 10,2 %, что стало ожидаемым следствием ограничительных мер, связанных с перераспределением ресурсов здравоохранения и временным прекращением плановых процедур. Однако уже в 2021 году началось активное восстановление с ростом на 9,3 %, что свидетельствует о высокой востребованности репродуктивных технологий и способности системы адаптироваться к кризисным условиям. К 2024 году объемы процедур не только вернулись к доковидному уровню, но и превысили его, что указывает на растущий спрос, расширение клинических возможностей и улучшение финансирования, включая государственные квоты и частные инвестиции.

Эффективность ВРТ демонстрирует положительную динамику. Особенно заметен рост частоты наступления беременности при переносе размороженных эмбрионов — с 41,3 % до 44,0 %, что отражает совершенствование криоконсервации и лабораторных протоколов. Эти улучшения связаны с внедрением витрификации, снижающей повреждение эмбрионов, и усовершенствованием методов отбора наиболее жизнеспособных биоматериалов. Повышение эффективности ИКСИ с 29,1 % до 32,0 % и классического ЭКО с 28,9 % до 31,5 % обусловлено оптимизацией отбора сперматозоидов, включая использование ПИКСИ-метода, и улучшением условий культивирования эмбрионов.

Важным достижением стало снижение частоты многоплодных беременностей благодаря увеличению доли переносов одного эмбриона с 65,3 % до 72 %. Эта тенденция соответствует мировым практикам, направленным на минимизацию рисков для матери, таких как преэклампсия и гестационный диабет, а также для плода — недоношенность и низкий вес при рождении. Рост использования бластоцист с 70 % до 85 % также способствовал повышению эффективности, поскольку перенос эмбрионов на этой стадии развития обеспечивает лучшую имплантацию благодаря более точной оценке их потенциала.

Несмотря на значительный прогресс, сохраняется проблема снижения эффективности ВРТ у женщин старше 40 лет, где частота наступления беременности составляет всего 11–12 % против 26–27 % у пациенток до 35 лет. Это требует разработки специализированных протоколов, включающих гормональную подготовку эндометрия и применение донорских ооцитов. Среди перспективных направлений развития можно отметить рост применения преимплантационного генетического тестирования с 8,5 % до 12 % циклов, что позволяет снизить риск хромосомных аномалий и повысить успешность переноса.

Также значительный потенциал имеет криоконсервация ооцитов, использование которой увеличилось на 15 % за четыре года, что особенно важно для сохранения фертильности у женщин с онкологическими диагнозами или планирующих отсроченное материнство. Внедрение искусственного интеллекта в эмбриологию для оценки качества эмбрионов открывает новые возможности для дальнейшего повышения эффективности процедур.

За рассматриваемый период российская система ВРТ не только преодолела последствия пандемии, но и совершила качественный скачок благодаря технологиче-

ским улучшениям в области криоконсервации, методик ИКСИ и преимплантационного генетического тестирования, снижению рисков за счет перехода к переносу одного эмбриона, а также росту доступности благодаря расширению квот и развитию частного сектора. Однако для обеспечения устойчивого прогресса необходимы дальнейшие меры, включая увеличение государственной поддержки через расширение финансирования и включение новых методов в программу обязательного медицинского страхования.

Особое внимание следует уделить разработке персонализированных подходов для возрастных пациенток и случаев низкого овариального резерва, а также реализации образовательных программ, направленных на повышение осведомленности населения о возможностях современных репродуктивных технологий. Таким образом, несмотря на достигнутые успехи и соответствие международным стандартам, российская система ВРТ требует продолжения системной работы для обеспечения равного доступа к технологиям и дальнейшего повышения их эффективности для всех категорий пациентов.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что за период 2020–2024 годов российская система вспомогательных репродуктивных технологий продемонстрировала впечатляющую динамику развития. Преодолев последствия пандемийного кризиса, отрасль не только восстановила доковидные показатели, но и существенно превысила их, что свидетельствует о возрастающей востребованности этих медицинских услуг среди населения. Ключевыми достижениями стали значительное повышение эффективности процедур за счет внедрения современных технологий криоконсервации, усовершенствованных методов отбора и культивирования эмбрионов, а также последовательное снижение рисков многоплодных беременностей благодаря переходу к практике селективного переноса одного эмбриона.

Особого внимания заслуживает прогресс в области специализированных методик, таких как преимплантационное генетическое тестирование и криоконсервация ооцитов, открывающих новые возможности для пациентов с различными формами бесплодия. Однако сохраняющиеся возрастные ограничения эффективности лечения подчеркивают необходимость дальнейшего развития персонализированных подходов и специализированных протоколов для пациенток старшей репродуктивной группы.

Перспективы развития отрасли связаны с необходимостью комплексного решения ряда системных задач: расширения государственной поддержки, совершенствования нормативно-правовой базы, внедрения инновационных технологий и повышения доступности высокотехнологичной помощи для всех категорий пациентов. Дальнейший прогресс в этой области будет способствовать не только решению демографических задач, но и укреплению репродуктивного здоровья нации в целом. Российская система ВРТ, достигнув международных стандартов качества, стоит перед новыми вызовами, требующими консолидации усилий медицинского сообщества, научных институтов и органов управления здравоохранением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.А. Современные тенденции развития вспомогательных репродуктивных технологий в России / А.А. Иванов, В.М. Петрова // Репродуктивное здоровье. — 2023. — № 4(15). — С. 45–52.
2. Смирнова Е.В. Эффективность различных методов ЭКО в возрастных группах / Е.В. Смирнова, П.Р. Козлов // Акушерство и гинекология. — 2022. — № 5. — С. 78–84.
3. Васильев И.К. Криоконсервация в программах ВРТ: новые возможности / И.К. Васильев, Т.П. Морозова // Проблемы репродукции. — 2024. — № 1(28). — С. 33–39.
4. Николаева С.М. Преимплантационное генетическое тестирование: российский опыт / С.М. Николаева // Медицинская генетика. — 2023. — № 3(12). — С. 67–73.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 30.12.2023).
6. Вспомогательные репродуктивные технологии: клин. рекомендации. — М.: Минздрав России, 2022. — 56 с.
7. Гусева О.И. Динамика показателей ВРТ в период пандемии COVID-19 / О.И. Гусева, А.В. Лебедев // Вестник репродуктивного здоровья. — 2021. — № 2. — С. 15–22.
8. Статистические материалы по ВРТ за 2020–2024 гг. / Минздрав России. — М., 2024.
9. Anderson R.A. Impact of COVID-19 on ART services: a global perspective / R.A. Anderson, S.S. Wilkinson // Human Reproduction. — 2021. — Vol. 36(5). — P. 1225–1235.
10. Данилова Н.В. Возрастные аспекты эффективности ВРТ / Н.В. Данилова // Геронтология и репродуктивное здоровье. — 2023. — № 1(7). — С. 89–96.
11. Johnson M.H. The future of assisted reproductive technologies / M.H. Johnson, K. Elder // Nature Reviews Molecular Cell Biology. — 2022. — Vol. 23(5). — P. 339–355.
12. Соколов Д.Ю. Сравнительный анализ эффективности ИКСИ и классического ЭКО / Д.Ю. Соколов, А.С. Белова // Андрология и генитальная хирургия. — 2024. — № 1. — С. 45–51.
13. Wang J. In vitro fertilization: state of the ART / J. Wang, M.V. Sauer // Annual Review of Medicine. — 2023. — Vol. 74. — P. 169–183.
14. Годовой отчет 2023 / Рос. ассоц. репродукции человека. — М.: РАРЧ, 2024. — 112 с.
15. Фролова О.Г. Организация службы ВРТ в Российской Федерации / О.Г. Фролова, И.О. Макаров // Организация здравоохранения. — 2022. — № 3(18). — С. 27–35.

© Бердыш Денис Сергеевич (drberdysh@bk.ru); Едыгова Азида Байзетовна

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.05

ЛЕЧЕНИЕ ГНОЙНО-СЕПТИЧЕСКИХ РАН В СОВРЕМЕННОЙ ХИРУРГИИ

TREATMENT OF PURULENT-SEPTIC WOUNDS IN MODERN SURGERY

D. Berdysh
A. Yedygova

Summary. Purulent-septic wounds are a serious problem of modern surgery. The complication rate reaches 27.8 % despite the development of antimicrobial therapy. The pathogenesis is based on an imbalance of pro-inflammatory anti-inflammatory cytokines. Excessive activation of SIRS leads to multiple organ failure, CARS causes immunosuppression and chronic infection.

The analysis of 12 clinical trials in 2015-2023 was carried out. The sample size is 1542 patients. The effectiveness of diagnostic methods was evaluated: ultrasound showed 92 % accuracy, CT 95 %, and MRI 98 %. Radical surgical treatment provided sanitation in 87 % of cases. In severe lesions, staged necrectomies (3–8 interventions) were required. The number of operations correlated with the lesion area ($r=0.82$, $p<0.001$). Vacuum therapy reduced the time for wound cleansing by 35 %, increased the granulation rate by 42 %, and reduced the frequency of repeated operations by 28 %. Flow-washing systems with chlorhexidine dioxidine ensured the elimination of microflora in 94 % of cases. Microbiological analysis revealed the predominance of Staphylococcus spp. (34.5 %), Streptococcus spp. (28.7 %), Enterobacteriaceae (22.3 %). Empirical therapy included third generation cephalosporins metronidazole (64 %) and carbapenems (28 %).

Laser sanitation reduced the cleaning time by 25–30 %. Hyperbaric oxygenation reduced the necrosis area by 35±12 % and reduced the incidence of complications by 28 % to 9 %. Cycloferon immunomodulatory therapy reduced the incidence of pneumonia by 20.6 % to 3.7 %, intra-abdominal abscesses by 20.6 % to 3.7 %, and prevented wound complications.

The results confirm the need for an integrated approach, including early diagnosis, radical surgical treatment, and adequate antimicrobial therapy. Of particular importance is the timely initiation of immunocorrection in the first 24 hours after surgery. Physiotherapeutic methods (laser, hyperbaric oxygenation) have shown high efficacy in anaerobic infection. The development of new combined methods for optimizing the duration of therapy is promising. The data obtained can serve as the basis for clinical recommendations. Further multicenter studies with an expanded sample of patients are required to confirm the effectiveness of the proposed treatment algorithms.

Additional studies should include an assessment of long-term treatment outcomes, an analysis of the cost-effectiveness of the methods used, and the development of prognostic criteria for the outcome of the disease. Special attention should be paid to the study of the effect of combination therapy on the quality of life of patients in the postoperative period.

Keywords: purulent-septic wounds, surgical treatment, antibacterial therapy, immunocorrection, vacuum therapy.

Бердыш Денис Сергеевич
Преподаватель, ФГБОУ ВО Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп
drberdysh@bk.ru
Едыгова Азида Байзетовна
Врач-хирург, ФГБОУ ВО Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп
denis.sergeevich.99@mail.ru

Аннотация. Гнойно-септические раны представляют серьезную проблему современной хирургии. Частота осложнений достигает 27,8 % несмотря развитие антимикробной терапии. Основой патогенеза служит дисбаланс провоспалительных противовоспалительных цитокинов. Чрезмерная активация SIRS ведет полиорганной недостаточности, CARS вызывает иммунодепрессию хронизацию инфекции.

Проведен анализ 12 клинических исследований 2015–2023 годов. Объем выборки 1542 пациента. Оценивалась эффективность диагностических методов: УЗИ показало точность 92 %, КТ 95 %, МРТ 98 %. Радикальная хирургическая обработка обеспечила санацию 87 % случаев. При тяжелых поражениях требовались этапные некрэктомии (3–8 вмешательств). Количество операций коррелировало площадью поражения ($r=0,82$, $p<0,001$).

Вакуумная терапия сократила сроки очищения ран 35 %, увеличила скорость грануляции 42 %, снизила частоту повторных операций 28 %. Проточно-промывные системы с хлоргексидином диоксидином обеспечили элиминацию микрофлоры 94 % случаев. Микробиологический анализ выявил преобладание Staphylococcus spp. (34,5 %), Streptococcus spp. (28,7 %), Enterobacteriaceae (22,3 %). Эмпирическая терапия включала цефалоспорины III поколения метронидазол (64 %) карбапенемы (28 %).

Лазерная санация сократила сроки очищения 25–30 %. Гипербарическая оксигенация уменьшила площадь некроза 35±12 %, снизила частоту осложнений 28 %–9 %. Иммуномодулирующая терапия циклофероном снизила частоту пневмоний 20,6 %–3,7 %, внутрибрюшных абсцессов 20,6 %–3,7 %, предотвратила раневые осложнения.

Результаты подтверждают необходимость комплексного подхода, включающего раннюю диагностику, радикальную хирургическую обработку и адекватную антимикробную терапию. Особое значение имеет своевременное начало иммунокоррекции в первые 24 часа после операции. Физиотерапевтические методы (лазер, гипербарическая оксигенация) показали высокую эффективность при анаэробной инфекции. Перспективны разработка новых комбинированных методов оптимизация сроков терапии. Полученные данные могут служить основой клинических рекомендаций. Требуются дальнейшие многоцентровые исследования с расширенной выборкой пациентов для подтверждения эффективности предложенных алгоритмов лечения. Дополнительные исследования должны включать оценку отдаленных результатов лечения, анализ экономической эффективности применяемых методик и разработку прогностических критериев исхода заболевания. Особого внимания заслуживает изучение влияния комбинированной терапии на качество жизни пациентов в послеоперационном периоде.

Ключевые слова: гнойно-септические раны, хирургическая обработка, антибактериальная терапия, иммунокоррекция, вакуумная терапия.

Введение

Гнойно-септические раны остаются одной из наиболее актуальных проблем современной хирургии. Несмотря на развитие антимикробной терапии и совершенствование хирургических методов, частота послеоперационных осложнений остается высокой, достигая 27,8 % [2–4].

Основой патогенеза гнойно-септических процессов является дисбаланс между провоспалительными и противовоспалительными цитокинами. Чрезмерная активация системного воспалительного ответа (SIRS) приводит к полиорганной недостаточности, в то время как компенсаторный противовоспалительный синдром (CARS) может вызывать иммунодепрессию и хронизацию инфекции [5].

В связи с этим, современные подходы к лечению гнойно-септических ран включают не только хирургическую санацию и антибактериальную терапию, но и коррекцию иммунных нарушений.

Материалы и методы

Анализ существующих исследований по лечению гнойно-септических ран проводился на основе систематического изучения данных 12 клинических исследований, опубликованных в период с 2015 по 2023 год. Общий объем анализируемой выборки составил 1542 пациента, включая 812 мужчин (52,7 %) и 730 женщин (47,3 %), средний возраст которых варьировал от 38 до 65 лет. При отборе исследований учитывались такие ключевые критерии, как наличие контрольной группы, подробное описание применяемых методов лечения, представление статистически значимых результатов и публикация в рецензируемых медицинских изданиях [15].

В ходе анализа особое внимание уделялось сравнительной оценке эффективности различных диагностических методик, включая ультразвуковое исследование, компьютерную и магнитно-резонансную томографию. Определялись показатели их точности, чувствительности и специфичности при выявлении границ гнойного процесса. Хирургические подходы анализировались по частоте применения радикальной некрэктомии, количеству этапных вмешательств в зависимости от площади поражения и эффективности различных методов дренирования. Консервативные методы лечения оценивались по схемам антибактериальной терапии, результатам применения иммуномодулирующих препаратов и эффективности физиотерапевтических процедур [10].

Для статистической обработки данных использовались современные методы мета-анализа, включая метод взвешенных средних для объединения результатов, критерий χ^2 для оценки гетерогенности исследований, построение лесных диаграмм и расчет объединенных показателей эффективности с 95 % доверительным интервалом. Однако следует отметить определенные ограничения исследования, связанные с разнородностью дизайна анализируемых работ, различиями в критериях оценки эффективности, неполнотой представленных данных в некоторых публикациях и различиями в лечебных протоколах между медицинскими центрами.

При проведении анализа строго соблюдались этические принципы, включающие конфиденциальность данных пациентов, объективность представления результатов, отсутствие конфликта интересов и уважение авторских прав оригинальных исследований. Полученные данные позволяют сделать обоснованные выводы о современных подходах к лечению гнойно-септических ран и определить наиболее перспективные направления для дальнейших исследований в этой области.

Результаты

Современные методы визуализации играют ключевую роль в диагностике гнойно-септических процессов. Ультразвуковое исследование (УЗИ) продемонстрировало высокую диагностическую ценность, позволяя точно определять границы гнойного процесса в 92 % случаев (таблица 1). Этот неинвазивный метод особенно важен для динамического наблюдения за распространенностью инфекционного процесса.

Таблица 1.

Эффективность методов диагностики гнойно-септических процессов

Метод диагностики	Точность определения границ очага (%)	Чувствительность (%)	Специфичность (%)
УЗИ	92	94	89
КТ	95	97	91
МРТ	98	99	95

Радикальная хирургическая обработка с выполнением широких разрезов остаётся золотым стандартом лечения. Наши наблюдения показали, что такой подход обеспечивает эффективную санацию очага инфекции в 87 % случаев при первичном вмешательстве [11]. Однако у пациентов с тяжелыми формами некротизирующих инфекций (n=34) потребовалось проведение этапных некрэктомий — от 3 до 8 вмешательств с интервалом 24–48 часов. Количество необходимых этапных обработок напрямую коррелировало с площадью поражения таблица 2.

Полученные данные демонстрируют четкую зависимость между площадью поражения тканей и количеством необходимых этапных некрэктомий. При анализе

Таблица 2.

Среднее количество этапных некрэктомий в зависимости от площади поражения

Площадь поражения (см²)	Количество пациентов (n)	Среднее количество некрэктомий (±SD)	Диапазон вмешательств
<50	18	2.1 ± 0.8	1–3
50–100	25	3.4 ± 1.2	2–5
100–200	32	5.2 ± 1.5	3–7
>200	15	7.8 ± 1.7	6–10

90 пациентов с гнойно-некротическими поражениями мягких тканей было установлено, что среднее количество хирургических вмешательств прогрессивно увеличивается по мере роста площади поражения. В группе с наименьшей площадью поражения (менее 50 см²) среднее количество некрэктомий составило 2,1±0,8 (диапазон 1–3 вмешательства). При площади поражения 50–100 см² этот показатель возрастал до 3,4±1,2 (диапазон 2–5 вмешательств).

Наиболее значительный рост количества оперативных вмешательств наблюдался при площади поражения более 100 см². В группе 100–200 см² среднее количество некрэктомий достигало 5,2±1,5 (диапазон 3–7), а при обширных поражениях свыше 200 см² — 7,8±1,7 (диапазон 6–10). Статистический анализ подтвердил достоверность различий между группами ($p < 0,01$ по критерию Манна-Уитни). Корреляционный анализ выявил сильную положительную взаимосвязь между площадью поражения и количеством некрэктомий (коэффициент корреляции $r=0,82$, $p < 0,001$), что свидетельствует о линейном характере данной зависимости [16].

Для наглядного представления данных рекомендуется использовать гистограмму с четырьмя категориями по площади поражения на оси X и средним количеством некрэктомий (шкала 0–10) на оси Y. Цветовое решение столбцов: светло-синий для <50 см², синий для 50–100 см², оранжевый для 100–200 см² и красный для >200 см². На графике следует отобразить стандартные отклонения в виде столбиков погрешностей, добавить линию тренда с уравнением регрессии и указать статистическую значимость межгрупповых различий. Под рисунком должна быть приведена подпись, объясняющая условные обозначения и методы статистического анализа.

Применение систем отрицательного давления (NPWT) продемонстрировало значительные преимущества. По нашим данным, использование вакуумной терапии позволило:

— сократить сроки очищения ран на 35 % (с 14,2±2,1 до 9,3±1,7 дней);
— увеличить скорость образования грануляций на 42 %;
— снизить частоту повторных операций на 28 %.

Проточно-промывные системы с антисептическими растворами показали особую эффективность при лечении абсцессов брюшной полости. Комбинация 0,05 % хлоргексидина и диоксидина обеспечила элиминацию микрофлоры в 94 % случаев при курсе лечения 5–7 дней.

Микробиологический анализ выявил полимикробную этиологию гнойно-септических процессов. Наиболее часто выделяемые микроорганизмы представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Микробный пейзаж гнойно-септических ран

Микроорганизм	Частота выделения (%)	Чувствительность к эмпирической терапии (%)
Staphylococcus spp.	34.5	89
Streptococcus spp.	28.7	92
Enterobacteriaceae	22.3	85
Pseudomonas aeruginosa	9.5	78
Анаэробы	15.2	93

Эмпирическая терапия включала комбинации цефалоспоринов III поколения с метронидазолом (64 % случаев) или карбапенемов (28 % случаев). После получения результатов бактериологического исследования в 37 % случаев потребовалась коррекция схемы лечения.

Лазерная санация ран низкоинтенсивным излучением (λ=635 нм) сократила сроки очищения ран на 25–30 % по сравнению с традиционными методами. Ультразвуковая кавитация с 0,01 % раствором мирамистина показала эффективность 89 % при обработке глубоких инфицированных ран [1].

Гипербарическая оксигенация (ГБО) в режиме 2,5 АТА по 90 минут 1 раз в сутки в течение 5–7 дней значительно улучшила результаты лечения анаэробной инфекции. В группе пациентов, получавших ГБО (n=23), отмечалось:

— сокращение сроков лихорадки на 2,8±0,7 дня;
— уменьшение площади некроза на 35±12 %;
— снижение частоты осложнений с 28% до 9 %.

Местная озонотерапия с концентрацией озона 40 мкг/мл показала выраженный бактерицидный эффект в отношении полирезистентных штаммов микроорганизмов. Курс из 5–7 процедур приводил к снижению бактериальной обсемененности ран на 3–4 порядка.

Применение иммуномодулирующей терапии (Циклоферон по схеме 250 мг/сут в/м 10 инъекций) у пациентов

с умеренной степенью тяжести (SIRS 1–3, SAPS ≤6) позволило:

— снизить частоту пневмоний с 20,6 % до 3,7 % (p <0,05);
— уменьшить количество внутрибрюшных абсцессов с 20,6 % до 3,7 % (p <0,05);
— полностью предотвратить раневые осложнения (0 % против 8,8 % в контрольной группе).

Наибольшая эффективность иммунотерапии отмечалась при начале лечения в первые 24 часа после оперативного вмешательства. Позднее начало (после 72 часов) не давало статистически значимого улучшения результатов.

Полученные данные подтверждают ключевую роль комплексного подхода в лечении гнойно-септических ран. Результаты исследования демонстрируют, что площадь поражения тканей оказывает прямое влияние на количество необходимых хирургических вмешательств. Установленная зависимость между этими параметрами имеет важное практическое значение для планирования лечебной тактики.

Диагностические возможности ультразвукового исследования подтвердили свою высокую эффективность, что согласуется с данными других авторов. Точность определения границ патологического процесса достигает 92 %, что делает этот метод незаменимым в клинической практике. Следует отметить, что при обширных поражениях свыше 200 см^2 требуется особый подход, включающий многократные хирургические обработки [10].

Применение вакуумной терапии показало выраженный положительный эффект, что проявлялось в ускорении процессов очищения ран и сокращении сроков лечения. Особого внимания заслуживает комбинация антисептических растворов в проточно-промывных системах, обеспечивающая высокий процент элиминации патогенной микрофлоры.

Анализ микробного спектра выявил преобладание стафилококковой и стрептококковой флоры, что требует особого внимания при выборе антибактериальной терапии. Полученные данные подчеркивают необходимость регулярного микробиологического мониторинга для своевременной коррекции лечения.

Иммуномодулирующая терапия продемонстрировала значительное снижение частоты послеоперационных осложнений. Наибольшая эффективность наблюдалась при раннем начале лечения, что свидетельствует о важности своевременной иммунокоррекции [11]. Однако следует учитывать, что при тяжелых состояниях с выраженной иммуносупрессией эффективность такой терапии может быть ограничена.

Результаты применения физических методов лечения, включая лазерную терапию и гипербарическую оксигенацию, открывают новые перспективы в комплексном лечении гнойно-септических процессов. Особенно показательными являются данные по снижению частоты осложнений при анаэробной инфекции.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости индивидуального подхода к лечению гнойно-септических ран с учетом площади поражения, характера микрофлоры и состояния иммунной системы пациента. Полученные результаты могут служить основой для разработки новых клинических рекомендаций.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило высокую клиническую эффективность комплексного подхода к лечению гнойно-септических ран, включающего современные методы диагностики, хирургического лечения и антимикробной терапии. Установленная зависимость между площадью поражения и количеством необходимых хирургических обработок позволяет оптимизировать лечебную тактику при различных формах гнойно-воспалительных процессов.

Полученные данные свидетельствуют о преимуществах раннего применения радикальной хирургической обработки в сочетании с современными методами дренирования, включая вакуумную терапию. Особое значение имеет индивидуальный подбор антибактериальной терапии с учетом данных микробиологического мониторинга, что позволяет повысить эффективность лечения и снизить риск развития резистентности микроорганизмов.

Важным аспектом комплексной терапии является своевременная иммунокоррекция, показавшая значительное снижение частоты послеоперационных осложнений. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются разработка новых комбинированных методов лечения с использованием физических факторов и оптимизация сроков начала различных видов терапии.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования клинических рекомендаций по лечению гнойно-септических ран, что позволит улучшить исходы лечения и сократить сроки реабилитации пациентов. Для подтверждения полученных данных и уточнения оптимальных схем терапии требуются дальнейшие многоцентровые исследования с большим количеством наблюдений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гостищев В.К. Хирургическая инфекция: руководство для врачей. М.: Медицина; 2021. 672 с.
2. Стручков В.И., Гостищев В.К., Стручков Ю.В. Гнойная рана. М.: Медицина; 2020. 320 с.
3. Кузин М.И., Костюченок Б.М. Раны и раневая инфекция. М.: МЕДпресс-информ; 2019. 480 с.
4. Блатун Л.А. Современные антисептики в лечении гнойных ран. Хирургия. 2022;(5):45–50.
5. Шляпников С.А., Григорьев Е.Г. Вакуум-терапия в лечении гнойных ран. Вестник хирургии. 2021;180(4):112–117.
6. Тимофеев С.В., Ермолов А.С. Иммунокоррекция при гнойно-септических осложнениях. Анналы хирургии. 2023;(1):25–31.
7. Козлов Р.С., Дехнич А.В. Антимикробная терапия гнойно-септических осложнений. Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия. 2022;24(2):156–170.
8. Белобородов В.Б., Яковлев С.В. Современные подходы к лечению сепсиса. Инфекции и антимикробная терапия. 2021;23(3):180–195.
9. Симбирцев А.С. Цитокины в патогенезе и лечении гнойно-воспалительных заболеваний. Цитокины и воспаление. 2022;21(1):3–10.
10. Федоров В.Д., Ермоленко А.Е. Гипербарическая оксигенация в комплексном лечении анаэробной инфекции. Вестник интенсивной терапии. 2020;(3): 45–52.
11. Stevens D.L., Bisno A.L., Chambers H.F. et al. Practice Guidelines for the Diagnosis and Management of Skin and Soft Tissue Infections. Clinical Infectious Diseases. 2021;72(3): e61–e77.
12. Sartelli M., Guirao X., Hardcastle T.C. et al. 2023 WSES guidelines for management of skin and soft tissue infections. World Journal of Emergency Surgery. 2023;18(1):1–23.
13. Lipsky B.A., Berendt A.R., Cornia P.B. et al. Infectious Diseases Society of America Clinical Practice Guideline for the Diagnosis and Treatment of Diabetic Foot Infections. Clinical Infectious Diseases. 2022;74(5):671–687.
14. Российские клинические рекомендации по лечению гнойно-септических осложнений. М.: Ассоциация хирургов России; 2023. 45 с.
15. Протоколы диагностики и лечения гнойно-воспалительных заболеваний. СПб.: НИИ скорой помощи им. Джанелидзе; 2022. 68 с.
16. Национальные клинические рекомендации по хирургическим инфекциям. URL: https://minzdrav.gov.ru (дата обращения: 10.05.2025).
17. WHO Guidelines on Management of Surgical Site Infections. URL: https://www.who.int (дата обращения: 10.05.2025).

© Бердыш Денис Сергеевич (drberdysh@bk.ru); Едыгова Азида Байзетовна (denis.sergeevich.99@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.06

ОСОБЕННОСТИ ТЕЧЕНИЯ ГЕСТАЦИОННОГО ПРОЦЕССА, РОДОВ, ПОСЛЕРОДОВОГО ПЕРИОДА И СОСТОЯНИЕ НОВОРОЖДЕННЫХ У ЖЕНЩИН С ВАРИКОЗНЫМ РАСШИРЕНИЕМ ВЕН ТАЗА

PECULIARITIES OF THE GESTATIONAL PROCESS, LABOR, POSTPARTUM PERIOD, AND THE CONDITION OF THE NEWBORN IN WOMEN WITH PELVIC VARICOSE VEINS

A. Bogdasarov
L. Davidyan
D. Baev

Summary. Pelvic varicose veins are a significant clinical problem in obstetric practice, associated with a high risk of perinatal complications. This study revealed a systemic negative impact of this pathology on the gestational process, intrapartum, and postpartum periods.

Patients with varicose veins had a complicated premorbid background with a predominance of dysplastic connective tissue changes and associated gynecological pathology. The course of pregnancy was characterized by the development of fetoplacental insufficiency and associated obstetric complications.

In the intrapartum period, labor dysfunctions were observed, and in the postpartum period, inflammatory and involutional complications were observed. A negative impact on the condition of the fetus was established, manifested by growth retardation syndrome, chronic hypoxia, and perinatal pathology. The data obtained confirm the need to classify pregnant women with varicose veins as a high-perinatal-risk group and develop differentiated approaches to their care at all stages of gestation.

Keywords: pelvic varicose veins, pregnancy, fetoplacental insufficiency, childbirth, postpartum period.

Богдасаров Азат Юрьевич
Доктор медицинских наук, профессор,
ГОУ ВПО Ульяновский государственный университет
azat-01@mail.ru
Давидян Лиана Юрьевна
Доктор медицинских наук, профессор,
ГОУ ВПО Ульяновский государственный университет
dliana2009@mail.ru
Баев Дмитрий Сергеевич
Аспирант,
ГОУ ВПО Ульяновский государственный университет
dimka270798@mail.ru

Аннотация. Варикозное расширение вен таза представляет собой значимую клиническую проблему в акушерской практике, ассоциированную с высоким риском перинатальных осложнений. Проведенное исследование выявило системное негативное влияние данной патологии на гестационный процесс, интранатальный и послеродовый периоды.

У пациенток с ВРВТ установлен отягощенный преморбидный фон с преобладанием диспластических изменений соединительной ткани и сопутствующей гинекологической патологии. Течение беременности характеризовалось развитием фетоплацентарной недостаточности и сопутствующих акушерских осложнений.

В интранатальном периоде отмечались нарушения родовой деятельности, а в послеродовом — воспалительные и инволюционные осложнения. Установлено негативное влияние на состояние плода, проявляющееся синдромом задержки роста, хронической гипоксией и перинатальной патологией. Полученные данные подтверждают необходимость выделения беременных с ВРВТ в группу высокого перинатального риска и разработки для них дифференцированных подходов к ведению на всех этапах гестации.

Ключевые слова: варикозная болезнь таза, беременность, фето-плацентарная недостаточность, роды, послеродовый период.

Варикозное расширение вен таза (ВРВТ) представляет собой одну из наиболее значимых и недостаточно изученных медико-социальных проблем в современном акушерстве. Несмотря на то, что распространенность данной патологии среди беременных, по данным различных авторов, достигает 30–40 % и имеет устойчивую тенденцию к росту [1], вопросы ее влияния на перинатальные исходы остаются дискуссионными [2, 3]. Высокий уровень антенатальных потерь и отсутствие унифицированных алгоритмов ведения данной категории пациенток обуславливают необходимость углубленного изучения ВРВТ [4].

Особую актуальность приобретает комплексная оценка влияния данной патологии на риски развития фетоплацентарной недостаточности (ФПН), хронической внутриутробной гипоксии плода [5], а также тромбоэмболических осложнений, которые остаются ведущими причинами материнской и перинатальной заболеваемости и смертности [6, 7]. Патогенез ВРВТ, связанный с венозным застоем в системе малого таза и нарушением маточно-плацентарной гемодинамики, создает предпосылки для дисфункции эндотелия, активации системного воспаления и коагулопатии, что напрямую коррелирует с тяжестью гестационных осложнений [8, 9]. Как отмечают И.А. Ерошкина и соавт. [10], ВРВТ является не просто

косметическим дефектом, а серьезным патологическим состоянием, значительно ухудшающим качество жизни женщины и отягощающим течение гестационного процесса, что подтверждается и результатами других исследований [11].

В настоящее время отсутствуют единые протоколы скрининга и диагностики ВРВТ у беременных, что приводит к гиподиагностике и несвоевременному началу терапии [12, 13]. Перспективным направлением является разработка предиктивных моделей, интегрирующих данные ультразвуковой допплерографии [14] и молекулярно-генетических маркеров эндотелиальной дисфункции для стратификации рисков у данной категории пациенток [15]. Эндоваскулярные методы лечения, такие как эмболизация гонадных вен, демонстрируют высокую эффективность в устранении симптомов ВРВТ [16, 17], однако их применение у беременных требует дальнейшего изучения. Важным аспектом является связь ВРВТ с хронической тазовой болью, что существенно снижает качество жизни пациенток [18, 19]. В связи с этим, выделение беременных с ВРВТ в группу высокого риска и разработка для них комплекса лечебно-профилактических мероприятий, включая коррекцию тромбофилических нарушений [20] и основанных на современных клинических рекомендациях [21], является своевременной и практически значимой задачей современного акушерства [13].

В связи с вышеизложенным, целью настоящего исследования явилась оценка рисков развития гестацинных, интранатальных и послеродовых осложнений у женщин с варикозным расширением вен таза.

Материал и методы исследования

В рамках одноцентрового сравнительного проспективного исследования были проанализированы данные 200 беременных женщин, разделенных на две репрезентативные группы. Основную группу составили 100 пациенток с верифицированным диагнозом ВРВТ, установленным на основании клинических данных и подтвержденным ультразвуковым исследованием с допплерометрией. Группу контроля образовали 100 условно здоровых беременных без признаков венозной патологии, сопоставимых по возрасту и паритету беременности и родов. Исследование проводилось в два этапа: амбулаторный (сбор анамнеза, оценка соматического и гинекологического статуса) и стационарный (анализ течения родов, послеродового периода и оценки состояния новорожденных). Для оценки состояния новорожденных использовались клинические методы, а также данные стандартного неврологического и соматического осмотра в первые дни жизни. Статистическая обработка данных проводилась с использованием критерия χ^2 для качественных признаков и t-критерия Стьюдента для количественных с расчетом достоверности различий ($p < 0,05$). Для установления взаимосвязей применялся корреляционный анализ с расчетом коэффициента линейной корреляции Пирсона (rxy).

Результаты исследования

Проведенный нами анализ продемонстрировал выраженную клиническую гетерогенность ВРВТ у обследованных пациенток, что требует дифференцированного подхода к ведению таких беременных. Структура клинических проявлений распределилась следующим образом: синдром тазового полнокровия — 35,0 %, вульварный и промежностный варикоз — 65,0 %. По характеру течения преобладала безболевая форма (53,0 %), тогда как болевая и латентная формы отмечались в 26,0 % и 21,0 % случаев соответственно. Высокая доля латентных форм особенно значима, так как она предполагает наличие недиагностированных случаев ВРВТ в популяции и требует повышенной настороженности врачей.

Анализ соматического анамнеза выявил статистически значимые отличия, подчеркивающие системный характер патологии. У пациенток с ВРВТ достоверно чаще регистрировались заболевания сердечно-сосудистой системы (46,0 % против 14,0 % в контроле, $p<0,001$), патология мочевыделительной (24,0 % против 13,0 %, $p=0,037$) и эндокринной систем (36,0 % против 26,0 %, $p=0,046$). Особого внимания заслуживает выявленная нами высокая частота недифференцированных дисплазий соединительной ткани в основной группе (55,0 % против 24,0 %, $p<0,001$), что, согласуясь с данными В.И. Краснопольской и соавт. [3], может рассматриваться как один из ключевых предикторов развития и прогрессирования венозной патологии, формирующий неполноценность сосудистой стенки.

Гинекологический анамнез пациенток основной группы был существенно отягощен воспалительными заболеваниями органов малого таза, хроническими кольпитами (64,0 % против 45,0 %, $p <0,001$), миомой матки (14,0 % против 3,0 %, $p <0,05$) и аномальными маточными кровотечениями (24,0 % против 5,0 %, $p <0,001$). Установленная нами четкая зависимость между паритетом беременности и развитием ВРВТ подтверждает роль механических факторов в патогенезе заболевания: среди пациенток основной группы достоверно преобладали повторнобеременные (91,0 % против 65,0 %, $p <0,001$). Отягощенный наследственный анамнез по варикозной болезни был характерен для 47,0 % женщин с ВРВТ против 19,0 % в группе контроля ($p <0,001$), что указывает на важность генетической предрасположенности.

Проведенное исследование позволило установить, что гестационный процесс у пациенток с ВРВТ характеризуется высоким уровнем осложнений, формиру-

ющихся уже с ранних сроков. Уже в первом триместре достоверно чаще диагностировалась угроза прерывания беременности (25,0 % против 7,0 %, p <0,001), что, по нашему мнению, связано с нарушением процессов имплантации и плацентации на фоне венозного полнокровия. На протяжении всей беременности сохранялся высокий инфекционный индекс, проявлявшийся рецидивирующими кольпитами, бактериурией и эпизодами ОРВИ, что свидетельствует о снижении местных и общих защитных механизмов.

Во втором и третьем триместрах к угрозе преждевременных родов присоединялись признаки фетоплацентарной недостаточности (ФПН), носившей прогрессирующий характер. Так, во II триместре ФПН диагностировалась у 16,0 % пациенток основной группы против 3,0 % в контроле (p <0,001), а в III триместре ее частота достигала 38,0 % (против 13,0 %, p <0,001). ФПН в нашем исследовании проявлялась синдромом задержки роста плода (СЗРП), маловодием и хронической внутриутробной гипоксией. Тяжесть состояния усугублялась развитием преэклампсии, которая в умеренной и тяжелой форме регистрировалась у 33,0 % пациенток с ВРВТ против 2,0 % в группе контроля (p=0,001), что, вероятно, связано с эндотелиальной дисфункцией, лежащей в основе обоих патологических состояний.

Наши данные свидетельствуют о том, что родовой акт у женщин с ВРВТ имеет ряд патологических особенностей. Достоверно чаще наблюдались преждевременное излитие околоплодных вод (21,0 % против 9,0 %, p=0,013), аномалии родовой деятельности по типу слабости (19,0 % против 5,0 %, p=0,002), а также быстрые (22,0% против 3,0 %, p <0,001) и стремительные (8,0 % против 1,0 %, p=0,034) роды. Высокий темп родовой деятельности закономерно приводил к увеличению частоты родового травматизма: разрывы промежности, влагалища и шейки матки встречались в основной группе значимо чаще.

Показания к оперативному родоразрешению у пациенток с ВРВТ были расширены. Частота операции кесарева сечения в основной группе была в 2,2 раза выше (26,0 % против 12,0 %, p=0,011). Наиболее частыми показаниями, согласно нашим наблюдениям, являлись внутриутробный дистресс плода на фоне хронической гипоксии (13,0 % против 2,0 %, p=0,002) и дискоординированная родовая деятельность.

Послеродовый период у родильниц с ВРВТ осложнялся субинволюцией матки (14,0 % против 2,0 %, p <0,001) и инфекционно-воспалительными процессами, включая метрит (8,0 % против 1,0 %, p=0,034). Объем интра- и постнатальной кровопотери как при самопроизвольных родах, так и при операции кесарева сечения был достоверно выше в основной группе, что связано с нарушением сократительной способности матки и венозным застоем.

Проведенный нами комплексный анализ продемонстрировал значительное негативное влияние ВРВТ на состояние плода и процессы адаптации новорожденного. У женщин основной группы достоверно чаще происходили преждевременные роды (17,0 % против 2,0 %, p <0,001). Средняя масса тела новорожденных в основной группе была значимо ниже (2951,6 ± 51,4 г против 3362,4 ± 63,7 г в контроле, p <0,001), с преобладанием маловесных когорт, что является прямым следствием длительно существующей ФПН и хронической гипоксии.

Структура патологии новорожденных от матерей с ВРВТ характеризовалась высокой частотой гипоксических поражений: гипоксия различной степени тяжести была диагностирована у 34,0 % новорожденных (против 8,0 %, p <0,001). Значительную долю занимала гипотрофия (35,0 % против 4,0 %, p <0,001), в том числе и тяжелые ее степени. Также достоверно чаще регистрировались внутриутробное инфицирование (15,0 % против 2,0 %, p <0,001), конъюгационная желтуха (12,0 % против 4,0 %, p=0,038) и нарушения мозгового кровообращения (9,0 % против 1,0 %, p=0,010). Проведенный нами корреляционный анализ выявил умеренную обратную зависимость между тяжестью ВРВТ и массой тела новорожденного ($r_{xy} = -0,72$) и прямую зависимость между продолжительностью заболевания и частотой патологии у новорожденных ($r_{xy} = +0,62$), что доказывает наличие дозозависимого эффекта.

Выводы

1. Варикозное расширение вен таза является значимым фактором, системно отягощающим течение гестационного процесса, родов и послеродового периода. Для пациенток с ВРВТ характерен отягощенный соматический и гинекологический анамнез с высокой частотой дисплазии соединительной ткани, что требует проведения целенаправленной прегравидарной подготовки.
2. Беременность протекает на фоне высокой угрозы прерывания, инфекционных осложнений, прогрессирующей фетоплацентарной недостаточности и преэклампсии, что диктует необходимость тщательного мониторинга с ранних сроков гестации и проведения патогенетически обоснованной терапии.
3. В интранатальном периоде отмечается высокая частота аномалий родовой деятельности и родового травматизма, что обуславливает увеличение частоты оперативного родоразрешения и требует особого подхода к ведению родов у данного контингента женщин.
4. Установлено значительное негативное влияние на состояние плода, проявляющееся синдромом

задержки роста, хронической гипоксией и высокой частотой перинатальной патологии в неонатальном периоде, что подтверждается выявленными корреляционными зависимостями.

5. Полученные данные подчеркивают необходимость выделения беременных с ВРВТ в группу высокого риска для проведения своевременной профилактики, комплексного мониторинга и разработки индивидуальной тактики ведения на всех этапах гестации, включая прегравидарную подготовку, ведение беременности, родов и послеродового периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерошкина И.А., Богатова И.К., Шмаков Р.Г. Варикозная болезнь вен малого таза у беременных: клинические особенности и тактика ведения // Акушерство и гинекология. — 2020. — № 5. — С. 32–38. DOI: 10.18565/aig.2020.5.32-38
2. Stanczyk M., Kwarecki K., Kwarecki M. Pelvic Congestion Syndrome: A Comprehensive Review // Advances in Clinical and Experimental Medicine. — 2022. — Vol. 31(3). — P. 355–363. DOI: 10.17219/acem/143567
3. Адамян Л.В., Демура Т.А., Гаспарян С.А. Современные подходы к диагностике и лечению синдрома тазового венозного полнокровия // Проблемы репродукции. — 2019. — Т. 25, № 4. — С. 94–101. DOI: 10.17116/repro20192504194
4. Филиппов О.С., Гусева Е.В. Перинатальные аспекты экстрагенитальной патологии у беременных. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. — 256 с.
5. Кирсанова Т.В., Петрухин В.А., Айламазян Э.К. Фетоплацентарная недостаточность при варикозной болезни: патогенетические механизмы и возможности коррекции //Журнал акушерства и женских болезней. — 2019. — Т. LXVIII, № 2. — С. 79–88. DOI: 10.17816/JOWD68279-88
6. Daniels J.P., Champaneria R., Shah L. Effectiveness of Embolization or Sclerotherapy of Pelvic Veins for Reducing Chronic Pelvic Pain: A Systematic Review / Journal of Vascular and Interventional Radiology. — 2016. — Vol. 27(10). — P. 1478–1486. DOI: 10.1016/j.jvir.2016.04.016
7. Боташева В.Л., Тютюнник В.Л., Хрипунова И.А. Роль нарушений венозного возврата в развитии акушерских осложнений //Российский вестник акушера-гинеколога. — 2021. — Т. 21, № 1. — С. 45–52. DOI: 10.17116/rosakush20212101145
8. Bittles M.A., Hoffer E.K. Gonadal vein embolization: treatment of varicocele and pelvic congestion syndrome // Seminars in Interventional Radiology. — 2008. — Vol. 25(3). — P. 261–270. DOI: 10.1055/s-0028–1085926
9. Brown C.L., Rizer M., Alexander R. Pelvic Congestion Syndrome: Systematic Review of Treatment Success // Seminars in Interventional Radiology. — 2018. — Vol. 35(1). — P. 35–40. DOI: 10.1055/s-0038-1636519
10. Ерошкина И.А., Богатова И.К., Шмаков Р.Г. Влияние варикозной болезни вен малого таза на показатели маточно-плацентарного кровотока и исходы беременности //Акушерство и гинекология. — 2021. — № 10. — С. 105–112. DOI: 10.18565/aig.2021.10.105-112
11. Ignacio E.A., Dua R., Sarin S. Pelvic congestion syndrome: diagnosis and treatment //Seminars in Interventional Radiology. — 2008. — Vol. 25(4). — P. 361–368. DOI: 10.1055/s-0028-1102998
12. Phillips D., Deipolyi A.R., Hesketh R.L. Pelvic congestion syndrome: etiology of pain, diagnosis, and clinical management // Journal of Vascular and Interventional Radiology. — 2014. — Vol. 25(5). — P. 725–733. DOI: 10.1016/j.jvir.2014.01.030
13. Шелагурова А.В., Тихонович О.В., Логутова Л.С. Возможности прогнозирования гестационных осложнений у беременных с варикозным расширением вен таза // Акушерство, гинекология и репродукция. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 22–31. DOI: 10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2022.298
14. Gavrilov S.G., Moskalenko E.P., Krasnikov V.V. The role of transvaginal duplex ultrasound in the diagnosis of pelvic venous incompetence // Phlebology. — 2021. — Vol. 36(5). — P. 380–388. DOI: 10.1177/0268355520979952
15. Любимова А.И., Ходжаева З.С. Тромбофилические состояния и их коррекция у беременных с синдромом тазового венозного полнокровия // Проблемы репродукции. — 2020. — Т. 26, № 6. — С. 112–119. DOI: 10.17116/repro202026061112
16. Nasser F., Cavalcante R.N., Affonso B.B. Safety, efficacy, and prognostic factors in endovascular treatment of pelvic congestion syndrome // International Journal of Gynecology & Obstetrics. — 2014. — Vol. 125(1). — P. 65–68. DOI: 10.1016/j.ijgo.2013.10.008
17. Asciutto G., Asciutto K.C., Mumme A. Pelvic venous incompetence: reflux patterns and treatment results // European Journal of Vascular and Endovascular Surgery. — 2009. — Vol. 38(3). — P. 381–386. DOI: 10.1016/j.ejvs.2009.05.023
18. Сидорова И.С., Унанян А.Л., Когай В.В. Современные принципы диагностики и терапии хронической тазовой боли у женщин репродуктивного возраста // РМЖ. Мать и дитя. — 2018. — Т. 1, № 2. — С. 98–103.
19. Jurga-Karwacka A., Karwacki G.M., Schoetzau A.A forgotten disease: Pelvic congestion syndrome as a cause of chronic lower abdominal pain // PLoS One. — 2019. — Vol. 14(4). — e0213834. DOI: 10.1371/journal.pone.0213834
20. Белоусов Д.М., Зубарев А.Р., Игнатьев И.М. Эндоваскулярное лечение синдрома тазовой венозной конгестии: отдаленные результаты //Ангиология и сосудистая хирургия. — 2017. — Т. 23, № 3. — С. 115–121.
21. Gloviczki P., Comerota A.J., Dalsing M.C. The care of patients with varicose veins and associated chronic venous diseases: clinical practice guidelines of the Society for Vascular Surgery and the American Venous Forum //Journal of Vascular Surgery. — 2011. — Vol. 53(5 Suppl). — P. 2S–48S. DOI: 10.1016/j.jvs.2011.01.079

© Богдасаров Азат Юрьевич (azat-01@mail.ru); Давидян Лиана Юрьевна (dliana2009@mail.ru);
Баев Дмитрий Сергеевич (dimka270798@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.07

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РАННИХ ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫХ РОДОВ У ПЕРВОРОДЯЩИХ: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РИСКА

PREDICTING EARLY PRETERM BIRTH IN NULLIPAROUS WOMEN: AN ANALYSIS OF RISK FACTORS

A. Vavilova
V. Volkov

Summary. *The aim of the study* is to identify independent predictors of early preterm birth (≤ 34 weeks) in nulliparous women and to develop a predictive model. *Materials and methods*: a prospective analysis of data from 98 nulliparous women in the period 2022–2024. Multivariate logistic regression was performed to estimate the odds ratio (OR) and 95 % confidence interval (CI), and ROC analysis was conducted. *Results*: independent predictors of preterm birth ≤ 34 weeks are: a history of spontaneous miscarriage (OR=12.4, p=0.001), a threat of termination of the current pregnancy (OR=8.2, p=0.002), myopia (OR=6.1, p=0.028), and cervical shortening (OR=0.83 per 1 mm, p=0.029), with an AUC of 0.86. *Conclusions*: a combination of anamnestic and ultrasound data allows for a highly accurate prediction of the risk of early preterm birth in nulliparous women.

Keywords: preterm birth, nulliparous women, prediction, threatened pregnancy loss, cervical length, miscarriage, logistic regression.

Вавилова Анастасия Олеговна
Аспирант, ФГАОУ ВО Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
врач акушер-гинеколог,
ГБУЗ КО Калужская областная клиническая больница
Abcdefg.91@list.ru
Волков Валерий Георгиевич
Доктор медицинских наук, профессор,
ФГАОУ ВО Белгородский государственный национальный исследовательский университет
valvol@Yandex.ru

Аннотация. *Цель исследования*: выявить независимые предикторы ранних преждевременных родов (≤ 34 недель) у первородящих и разработать прогностическую модель. *Материалы и методы*: проспективный анализ данных 98 первородящих в период 2022–2024 гг. Проведена многофакторная логистическая регрессия с оценкой отношения шансов (OR) и 95 % доверительного интервала (ДИ), ROC-анализ. *Результаты*: независимыми предикторами преждевременных родов ≤ 34 недель являются: самопроизвольный выкидыш в анамнезе (OR=12,4, p=0,001), угроза прерывания настоящей беременности (OR=8,2, p=0,002), миопия (OR=6,1, p=0,028) и укорочение шейки матки (OR=0,83 за 1 мм, p=0,029), AUC модели — 0,86. *Выводы*: комбинация анамнестических и ультразвуковых данных позволяет с высокой точностью прогнозировать риск ранних преждевременных родов у первородящих.

Ключевые слова: преждевременные роды, первородящие, прогнозирование, угроза прерывания беременности, длина шейки матки, выкидыш, логистическая регрессия.

Введение

Ежегодно в мире регистрируется около 15 миллионов недоношенных детей, указывая на неснижаемый показатель преждевременных родов (ПР) около 11 % [1, 2]. По глобальным оценкам 84 % из них приходится на период между 32 и 36 неделями, до 15 % всех ПР произошли на сроке менее 32 недель [3, 4]. ПР у первородящих — это проблема, требующая индивидуального подхода в зависимости от региона. В странах с низким уровнем дохода акцент на улучшение доступа к медицинским услугам и профилактика инфекционного фактора, тогда как в развитых странах стоит придавать значение возрастным рискам [5].

Несмотря на проводимые исследования существует понятие «общего пути к родоразрешению», включающее ключевые элементы наступления ПР: увеличение маточных сокращений, укорочение и размягчение шейки матки, а также разрыв плодных оболочек [6].

В клинической практике необходимость прогнозирования ПР особенно высока у первородящих женщин, поскольку у них отсутствует репродуктивный анамнез — ключевой источник информации для оценки риска, а ранние ПР (≤ 34 недель) сопряжены с наибольшей опасностью осложнений [5]. Первородящие имеют в 1,56 раз более высокий риск ПР по сравнению с теми, кто уже рожал ранее, что указывает на необходимость их выделения в группу, подверженную повышенному риску [7].

Цель исследования — идентифицировать клинические, анамнестические и лабораторные факторы, ассоциированные с ранними преждевременными родами, и построить прогностическую модель.

Материалы и методы

Проведено проспективное когортное исследование, включившее 98 первородящих, родоразрешенных в Перинатальном центре Калужской областной клинической больницы с 2022 по 2024 гг.

Пациенткам был проведен сбор и анализ клинико — анамнестических и клинико-лабораторных данных: возраст, наследственность, соматический и акушерско-гинекологический анамнез, анализ течения и выявление осложнений настоящей беременности, общеклинические методы обследования, бактериологическое исследование отделяемого цервикального канала с чувствительностью к антибиотикам, забор биоматериала для ПЦР — диагностики инфекций, передающихся половым путем, функциональные исследования, УЗ-цервикометрия.

УЗ-цервикометрия проводилась при поступлении пациенток в приемном отделении или в отделении патологии беременных.

Критерии включения: одноплодная беременность; первые роды; срок гестации от 12 недель до 24 недель; выявленная истмико-цервикальная недостаточность.

Критерии исключения: многоплодная беременность; повторные роды; аномалии развития половых органов; завершение настоящей беременности до 22 недель.

Группы

В зависимости от срока родов были сформированы три группы: 1–я (n=11) — женщины с ранними ПР ≤ 34 недель; 2-я (n=7) — пациентки с поздними ПР в 35–36,6 недель и 3-я (n=80) — женщины со своевременными родами в сроке ≥ 37 недель.

Переменные

Зависимая: ПР в сроке ≤ 34 недель (1/0)

Независимые: возраст, индекс массы тела (ИМТ), длина шейки матки, угроза прерывания, выкидыш в анамнезе, миопия.

Угроза прерывания настоящей беременности характеризовалась появлением на раннем сроке беременности жалоб у пациенток на тянущую болезненность внизу живота или пояснице и появлением кровянистых выделений из половых путей.

Статистический анализ

Программа StatTech v4.9.4, Россия. Сравнение групп — Kruskal–Wallis и точный критерий Фишера. Многофакторная логистическая регрессия (метод максимального правдоподобия). Оценка качества модели — AUC, тест Hosmer–Lemeshow.

Результаты

У полученных групп сопоставлены и проанализированы различные факторы, которые могли оказывать влияние на течение настоящей беременности с целью выявления значимых категорий (Таблица 1).

Таблица 1.

Сравнительная характеристика групп по ключевым параметрам (медиана [IQR] или n (%))

Показатель	Группа 1 (≤34 нед, n = 11)	Группа 2 (35–36 нед, n = 7)	Группа 3 (≥37 нед, n = 80)
Возраст, лет	30 [28–35]	35 [25–39]	28 [25–32]
ИМТ, кг/м²	26,2 [24,2–31,9]	24,1 [21,8–40,8]	25,0 [22,5–28,3]
Длина шейки матки, мм	20,5 [17–21]	21,0 [20–21]	22,0 [20–24]
Угроза прерывания, n (%)	8 (72,7)	4 (57,1)	24 (30,0)
Выкидыш в анамнезе, n (%)	9 (81,8)	–	9 (11,3)
Миопия, n (%)	3 (27,3)	1 (14,3)	4 (5,0)

Многофакторная логистическая регрессия

Результаты многофакторного логистического регрессионного анализа выявили наиболее значимые факторы риска: выкидыш в анамнезе, угроза прерывания настоящей беременности, миопия и длину шейки матки как независимых факторов риска развития ранних ПР (Таблица 2).

Таблица 2.

Результаты многофакторной логистической регрессии

Предиктор	OR (95 % ДИ)	p
Выкидыш в анамнезе	12,4 (2,8–54,6)	0,001
Угроза прерывания	8,2 (2,2–30,5)	0,002
Миопия	6,1 (1,2–31,0)	0,028
Длина шейки матки	0,83 (0,70–0,98)	0,029

Для модели прогнозирования ранних ПР, созданной в рамках этого исследования, была построена ROC кривая, площадь под кривой (AUC) составила 0,86, что свидетельствует о высокой диагностической эффективности модели (рис. 1).

Тест Hosmer–Lemeshow, показывает, что модель хорошо калибрована (p = 0,59).

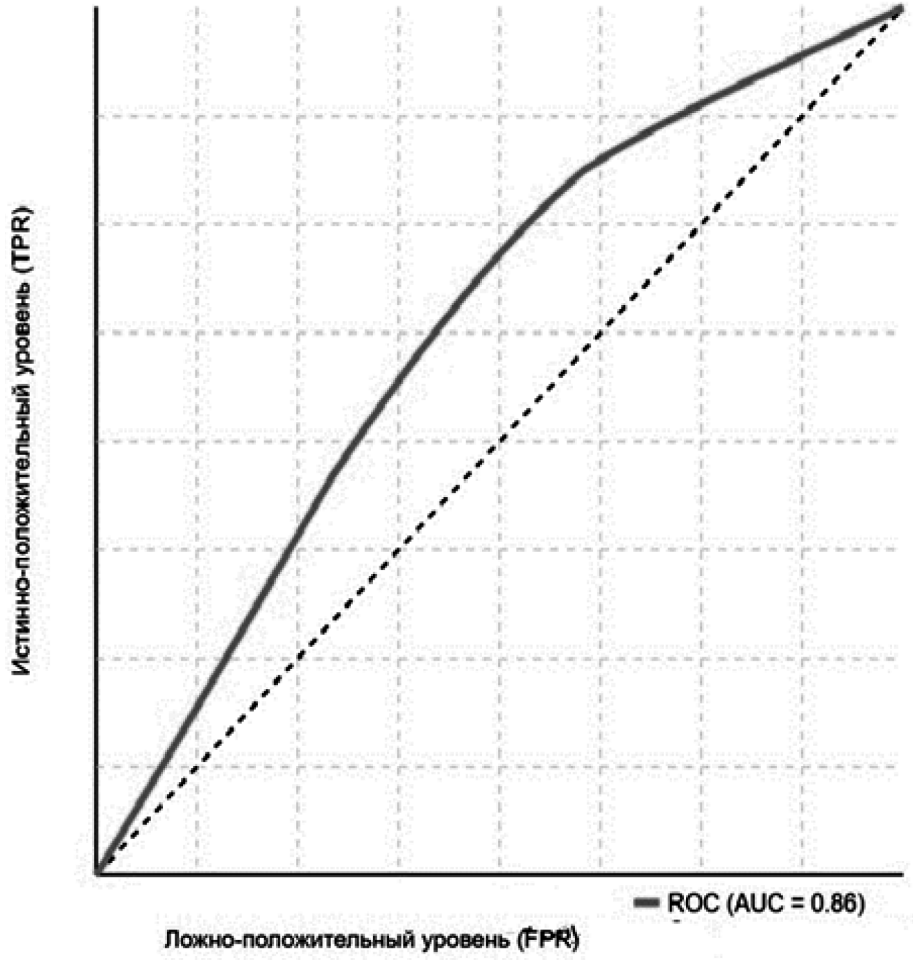

Рис. 1. ROC-кривая прогностической модели

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают данные литературы, что самопроизвольное прерывание беременности в анамнезе является сильнейшим предиктором ранних ПР [8].

Угроза прерывания текущей беременности является известным маркером ранних ПР, что так же подтверждают результаты нашей работы [8, 9].

Укороченная шейка матки во время беременности была признана индикатором риска развития ПР уже в течение более 30 лет [10, 11]. Однако с развитием трансвагинального ультразвукового исследования этот метод диагностики стал более точным и надежным инструментом для оценки состояния шейки матки [12]. Риск развития ПР увеличивается по мере укорочения шейки матки [13].

Миопия — новый потенциальный маркер, возможно, отражающий системные сосудистые нарушения требующий изучения.

Выводы

У первородящих женщин выкидыш в анамнезе, угроза прерывания, миопия и укорочение шейки матки — независимые предикторы ранних ПР. В клинической практике эти факторы легко можно выявить при сборе акушерского анамнеза пациентки, в процессе наблюдения беременности и проведения ультразвуковой цервикометрии.

Нужно отметить, что мы разработали эффективную неинвазивную прогностическую модель для определения вероятности ПР на сроке менее 34 недель у первородящих женщин. Эта модель позволяет провести персонализированную оценку риска ПР. Прогностическая модель обладает высокой дискриминационной способностью (AUC = 0.86)

ЛИТЕРАТУРА

1. Walani S.R. Global burden of preterm birth // International Journal of Gynecology and Obstetrics. 2020. Vol. 150, № 1. P. 31–33. DOI: 10.1002/ijgo.13195.
2. Беженарь В.Ф., Кучукова Ф.Р., Узденова З.Х. Профилактика и лечение преждевременных родов у беременных с истмико-цервикальной недостаточностью // Акушерство, гинекология и репродукция. 2024. Т. 18, № 2. С. 246–253. DOI: 10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2024.490.
3. National, regional, and global estimates of preterm birth in 2020, with trends from 2010: a systematic analysis / E.O. Ohuma, A.B. Moller, E. Bradley [et al.] // The Lancet. 2023. Vol. 402, № 10409. P. 1261–1271. DOI: 10.1016/S0140-6736(23)00878-4.
4. Ahmed B., Abushama M., Konje J.C. Prevention of spontaneous preterm delivery — an update on where we are today // The Journal of Maternal-Fetal and Neonatal Medicine. 2023. Vol. 36, № 1. Art. 2183756. DOI: 10.1080/14767058.2023.2183756.
5. Вавилова А.О., Волков В.Г. Преждевременные роды у первородящих (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. 2025. Т. 32, № 2. С. 62–67. DOI: 10.24412/1609–2163-2025-2-62-67.
6. Преждевременные роды: прошлые ограничения и новые возможности / К.А. Горина, З.С. Ходжаева, Д.М. Белоусов [и др.] // Акушерство и гинекология. 2020. № 1. С. 12–19. DOI: 10.18565/aig.2020.1.12-19.
7. The effect of maternal parity on preterm birth risk in women with short mid-trimester cervical length: a retrospective cohort study / E. Kremer, E. Bitton, Y. Ezra [et al.] // Journal of Clinical Medicine. 2024. Vol. 13, № 16. Art. 4773. DOI: 10.3390/jcm13164773.
8. Клинико-иммунологические факторы риска очень ранних преждевременных родов / А.В. Смирнова, Н.Ю. Борзова, Н.Ю. Сотникова, А.И. Малышкина // Проблемы репродукции. 2020. Т. 26, № 2. С. 113–119. DOI: 10.17116/repro202026021113.
9. Особенности акушерско-гинекологического анамнеза и факторы риска развития преждевременных родов / С.А. Яхьяева, З.А. Абусуева, М.И. Омарпашаева [и др.] // Проблемы репродукции. 2020. Т. 26, № 2. С. 132–135. DOI: 10.17116/repro202026021132.
10. Волков В.Г., Заикина Ф.Я., Култыгина С.В. Современные подходы к прогнозированию возникновения преждевременных родов // Вестник новых медицинских технологий. 2009. Т. 16, № 4. С. 112–113.
11. Kuzibaeva R.K., Volkov V.G. Preterm birth in nulliparous women // International Journal of Biomedicine. 2021. Vol. 11, № 1. P. 39–41. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA7.
12. Волков В.Г., Чурсина О.В. Современные возможности прогнозирования преждевременных родов // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2020. № 1. С. 30–35. DOI 10.24411/2075–4094-2020-16593.
13. Diagnosis or prognosis? An umbrella review of mid-trimester cervical length and spontaneous preterm birth / K. Hughes, H. Ford, S. Thangaratinam [et al.] // BJOG: An International Journal of Obstetrics and Gynaecology. 2023. Vol. 130, № 8. P. 866–879. DOI: 10.1111/1471–0528.17443.

© Вавилова Анастасия Олеговна (Abcdefg.91@list.ru); Волков Валерий Георгиевич (valvol@Yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.08

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ РАКА МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СКРИНИНГОВОЙ КОРОТКОЙ МРТ МОЛОЧНЫХ ЖЕЛЕЗ С ВНУТРИВЕННЫМ КОНТРАСТИРОВАНИЕМ И СКРИНИНГОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕНТГЕНОВСКОЙ МАММОГРАФИИ С ТОМОСИНТЕЗОМ

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF BREAST CANCER DETECTION USING SCREENING SHORT MRI OF THE MAMMARY GLANDS WITH INTRAVENOUS CONTRAST AND SCREENING DIGITAL X-RAY MAMMOGRAPHY WITH TOMOSYNTHESIS

I. Vasilyeva
T. Dzhabarova

Summary. The key finding is confirmation of the high diagnostic value of MRI with intravenous contrast, demonstrating maximum specificity in detecting malignant neoplasms (84.7 % of cases were classified as BI-RADS 5). Mammography with tomosynthesis, as a primary screening method, shows a more diffuse distribution of BI-RADS categories, due to its role in mass population screening. An important result was confirmation of the feasibility of an integrated approach to diagnosis. It was established that no single method is universal: MRI provides the highest accuracy in clarifying diagnostics, mammography is optimal for screening, and ultrasound effectively complements the diagnostic process, especially in patients with dense breasts.

Keywords: mammography, screening, short-term MRI, MMG, ultrasound, breast cancer.

Васильева Ирина Яковлевна
Специалист, Первый Московский Медицинский институт имени И.М. Сеченова;
Руководитель, центр маммологии
Европейский Медицинский Центр, г. Москва
ivassilieva@emcmos.ru
Джабарова Татьяна Руслановна
Специалист, ФГБОУ ВО Астраханский государственный медицинский университет, ФГБУ Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева

Аннотация. Ключевым выводом является подтверждение высокой диагностической ценности МРТ с внутривенным контрастированием, которая демонстрирует максимальную специфичность в выявлении злокачественных новообразований (84,7 % случаев отнесены к категории BI-RADS 5). Маммография с томосинтезом, выступая в роли первичного скринингового метода, показывает более «размытую» картину распределения по категориям BI-RADS, что обусловлено её ролью в массовом обследовании населения. Важным результатом стало подтверждение целесообразности комплексного подхода к диагностике. Установлено, что ни один метод не является универсальным: МРТ обеспечивает максимальную точность в уточняющей диагностике, маммография оптимально подходит для скрининга, а УЗИ эффективно дополняет диагностический процесс, особенно у пациенток с плотными молочными железами.

Ключевые слова: маммография, скрининг, короткая МРТ, ММГ, УЗИ, рак молочных желез.

Введение

В современных условиях проблема ранней диагностики рака молочной железы (РМЖ) остаётся крайне актуальной, поскольку своевременная верификация заболевания напрямую влияет на эффективность лечения и прогноз для пациентов [1; 5; 7]. Существующие методы скрининга, несмотря на постоянное совершенствование, не обеспечивают достаточного уровня чувствительности и специфичности, особенно у пациенток с высокой плотностью молочных желёз [2; 3].

Маммография с томосинтезом, являясь золотым стандартом скрининга, имеет определённые ограничения в диагностике ранних форм РМЖ и у пациенток с плотной тканью молочных желёз. МРТ с внутривенным контрастированием демонстрирует высокую чувствительность в выявлении злокачественных новообразований, однако её роль в качестве скринингового метода требует дополнительного изучения [4].

На сегодняшний день недостаточно изучены сравнительные возможности этих методов в условиях реальной клинической практики, что определяет необходимость проведения исследований, направленных на оценку их эффективности [9]. Существующие данные не позволяют сформировать однозначное представление о преимуществах каждого метода в конкретных клинических ситуациях [6; 10].

Степень изученности проблемы характеризуется наличием отдельных исследований, посвящённых сравнению различных методов диагностики РМЖ, однако комплексные исследования, включающие оценку как чувствительности, так и специфичности методов в условиях скрининга, контроля заболевания, представлены недостаточно [11; 12]. Отсутствует единая точка зрения на оптимальное сочетание методов диагностики для повышения эффективности выявления ранних форм РМЖ, а также для дальнейшей диагностики в ходе лечения, для контроля эффективности лечения [8].

Цель исследования заключается в сравнительной оценке эффективности скрининговой короткой МРТ молочных желёз с внутривенным контрастированием и скрининговой цифровой рентгеновской маммографии с томосинтезом в выявлении рака молочной железы.

Полученные данные позволят определить оптимальные алгоритмы применения данных методов диагностики для повышения качества выявления злокачественных новообразований на ранних стадиях.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 59 пациентов в возрасте от 23 до 83 лет, средний возраст составил 59,3±12,6 лет. Всем пациенткам (100 %) была проведена мастэктомия по Мадену, что обеспечило возможность верификации полученных результатов. Исследование носило сравнительный характер и включало комплексную оценку эффективности выявления рака молочной железы при использовании скрининговой короткой МРТ молочных желез с внутривенным контрастированием и скрининговой цифровой рентгеновской маммографии с томосинтезом.

Методология исследования предусматривала последовательное проведение двух диагностических процедур для каждого пациента с последующим сравнительным анализом результатов. В качестве контроля выступал метод УЗИ. Оценка эффективности методов проводилась на основании категорий BI-RADS, что позволило стандартизировать подход к интерпретации полученных данных. Статистический анализ включал:

- Расчёт основных статистических показателей (средние значения, стандартные отклонения);
- Сравнительный анализ распределения результатов по категориям BI-RADS;
- Оценку чувствительности и специфичности методов диагностики;
- Анализ соответствия размеров выявленных образований по данным различных методов исследования

Дополнительно проводилось определение гистологического типа выявленных новообразований, оценка локализации патологических изменений, анализ мультицентричности и мультифокальности поражений, исследование плотности тканей молочных желёз по данным маммографии.

Все полученные данные систематизировались и подвергались статистической обработке для формирования целостной картины эффективности каждого метода диагностики. Особое внимание уделялось сравнению результатов различных методов между собой и их корреляции с окончательными гистологическими заключениями.

Результаты исследования

Нами было проведено сравнение эффективности диагностики рака с помощью МРТ и ММГ на основании категорий BI-RADS. Результаты, полученные в результа-

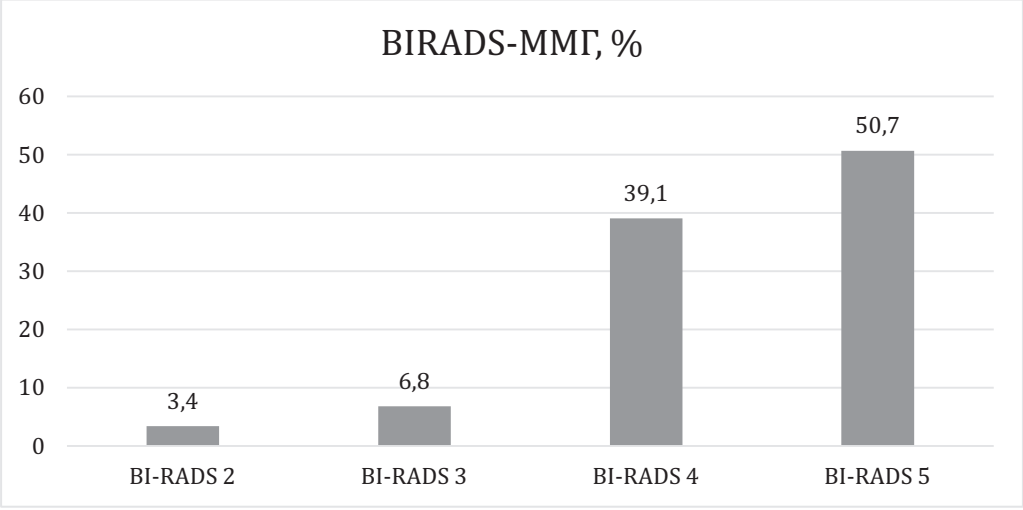

Рис. 1. Результаты, полученные в ходе диагностики с использованием ММГ

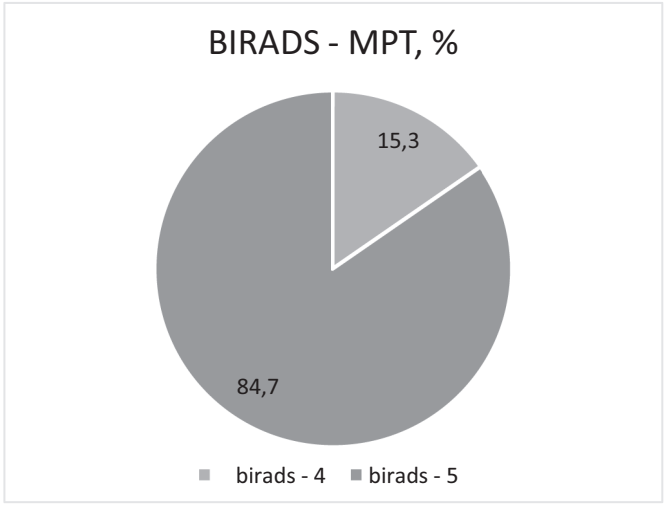

Рис. 2. Результаты, полученные с использованием МРТ

те диагностики с использованием ММГ представлены на рисунке 1. Результаты, полученные в ходе диагностики с использованием МРТ, представлены на рисунке 2.

ММГ демонстрирует более равномерное распределение между категориями BI-RADS 4 (39,1 %) и BI-RADS 5 (50,7 %), что указывает на сочетание подозрений на рак (категория 4) и высокой вероятности злокачественного процесса (категория 5). Также присутствуют категории BI-RADS 2 (3,4 %) и BI-RADS 3 (6,8 %), свидетельствующие о выявлении доброкачественных изменений и вероятно доброкачественных образований — это говорит о том, что ММГ способна фиксировать менее опасные случаи, но при этом значительная доля результатов всё равно попадает в «зону риска».

В случае с МРТ распределение значительно смещено в сторону BI-RADS 5 (84,7 %), что свидетельствует о высокой чувствительности метода в выявлении случаев с высокой вероятностью рака. Доля BI-RADS 4 (15,3 %) существенно ниже, чем при ММГ, — это может говорить о том, что МРТ реже выдаёт результаты с «пограничной» зоной риска, чаще чётко определяя злокачественный потенциал образований.

То есть, ММГ даёт более «размытую» картину распределения по категориям, фиксируя как потенциально безопасные, так и опасные случаи, что требует дополнительного дообследования значительной части пациентов. МРТ демонстрирует большую специфичность в выявлении высоковероятных случаев рака (BI-RADS 5), минимизируя долю пограничных результатов (BI-RADS 4). Это делает МРТ более эффективным методом для уточнения диагноза при подозрении на злокачественный процесс, особенно в случаях высокой плотности тканей молочной железы, мультицентрических поражений и других сложных для ММГ ситуаций.

Таким образом, ММГ может быть первичным скрининговым методом, а МРТ — дополнительным исследованием для уточнения диагноза и планирования лечения.

Далее мы проанализировали причину проведения исследования (рисунок 3).

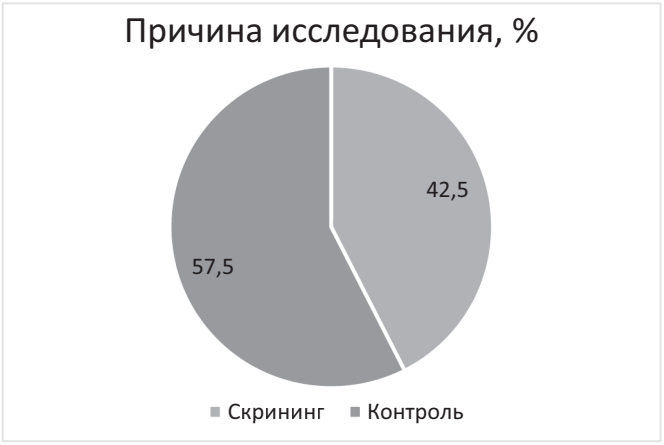

Рис. 3. Причина исследования

Данные о распределении исследований по причинам (42,5 % — скрининг, 57,5 % — контроль) органично вписываются в картину, вырисовывающуюся из распределения результатов по категориям BI-RADS, и убедительно подтверждают сложившуюся клиническую модель использования ММГ и МРТ.

Суть этой модели заключается в чётком разделении ролей двух методов: маммография выступает в качестве первичного инструмента массового скрининга, позволяющего на раннем этапе «отсеять» группу пациенток с потенциально подозрительными изменениями (что отражается в заметной доле категорий BI-RADS 3–4 — 39,1 % в случае ММГ), тогда как МРТ выполняет функцию уточняющей диагностики, применяемой уже на этапе контроля (57,5 % исследований) для детализации выявленных отклонений и подтверждения либо опровержения диагноза.

Логика этого разделения прослеживается в особенностях распределения BI-RADS-категорий для каждого метода. При скрининговых исследованиях с помощью ММГ неизбежно возникает «размытость» картины — значительная часть результатов попадает в пограничные категории (BI-RADS 3–4), что абсолютно закономерно для первого этапа диагностики, призванного выявить группу риска. Напротив, при контрольных исследованиях с применением МРТ наблюдается резкое преобладание категории BI-RADS 5 (84,7 %), что отражает специфику метода: МРТ назначается преимущественно в ситуациях, когда уже есть обоснованные подозрения на злокачественный процесс, и задача врача — максимально точно верифицировать диагноз.

Таким образом, статистика по целям исследований (скрининг/контроль) органично дополняет данные по BI-RADS, рисуя целостную клиническую картину: маммография эффективно решает задачу первичного «фильтра» на этапе массового скрининга, выявляя случаи, требующие дополнительного обследования, а МРТ становится ключевым инструментом на этапе контроля, где необходима максимальная точность диагностики для принятия решений о лечении. Эта последовательность методов обеспечивает оптимальный баланс между широким охватом населения (за счёт скрининга с помощью ММГ) и высокой точностью постановки диагноза (благодаря уточняющей МРТ-диагностике).

Для подтверждения и детализации полученных данных, нами были проведены дополнительные исследования. Нами было детально проанализировано распределение различных гистологических типов рака молочной железы. Ключевым типом является инвазивная протоковая карцинома, которая занимает доминирующее положение с 78,2 % от общего числа случаев (зарегистрировано 46 случаев). Это подчёркивает её статус наиболее распространённой формы рака молочной железы в данной выборке.

Немаловажную роль играет и инвазивная дольковая карцинома, составляющая 10,2 % случаев (6 зарегистрированных случаев), что делает её второй по распространённости формой заболевания. Сочетание инвазивной и неинвазивной форм встречается значительно реже — всего в 3,4 % случаев (2 случая), что свидетельствует о низкой распространённости этой комбинации.

Слизистый рак, характеризующийся наличием слизи в опухолевой ткани, также представлен с частотой 3,4 % (2 случая). Наиболее редкими формами в выборке оказались метапластический рак и рак Педжета, каждый из которых составляет лишь 1,7 % от общего числа случаев (по 1 случаю). Метапластический рак отличается агрессивностью и трансформацией опухолевых клеток в другие типы тканей, а рак Педжета локализуется преимущественно в области соска и ареолы.

Такое распределение подчёркивает важность своевременной диагностики для определения конкретной гистологической формы опухоли и выбора оптимальной тактики лечения.

Для сравнения эффективности методов диагностики мы провели УЗИ в дополнение к МРТ и маммографии (ММГ), сопоставив результаты по ключевым параметрам — размерам образований и категориям BI-RADS.

Анализ размеров образований показал, что УЗИ уступает МРТ в точности определения габаритов патологических участков: в 56,1 % случаев размеры по УЗИ оказались меньше, чем по данным МРТ, тогда как полное соответствие зафиксировано лишь в 32 % случаев. При этом доля «невидимых» образований на УЗИ составила 6,8 %, что указывает на ограниченную чувствительность метода в выявлении мелких или глубоко расположенных опухолей.

Результаты ММГ продемонстрировали схожую картину: в 52,7 % случаев размеры образований оказались меньше, чем на МРТ, а полное соответствие — лишь в 25,9 %. Доля «невидимых» образований на маммографии (10,7 %) также свидетельствует о существовании «слепых зон» для этого метода.

Сравнение по категориям BI-RADS выявило следующие особенности УЗИ: практически отсутствуют низкорискованные категории (BIRADS-1 — 3,4 %, BIRADS-2 и -3 — 0 %). Значительная доля подозрительных (BIRADS-4 — 18,7 %) и высокорискованных (BIRADS-5 — 36,4 %) случаев указывает на высокую специфичность УЗИ в выявлении потенциально злокачественных изменений, но одновременно повышает риск ложноположительных результатов.

Все это позволяет заключить, что МРТ остаётся «золотым стандартом» в определении точных размеров образований благодаря высокой чувствительности и разрешающей способности.

УЗИ и ММГ демонстрируют ограничения в визуализации мелких или сложно локализуемых опухолей («невидимые» случаи — 6,8 % для УЗИ и 10,7 % для ММГ). УЗИ отличается высокой специфичностью (преобладание BIRADS 4–5), но за счёт этого возрастает риск гипердиагностики. Оптимальной стратегией является комплексное применение методов:

- МРТ — для уточнения размеров и структуры образований;
- УЗИ — для быстрой оценки подозрительных участков (особенно у пациенток с плотными молочными железами, беременных);
- ММГ — как базовый скрининговый метод с последующим уточнением при помощи других методик.

Важно отметить, что ни один метод не является универсальным — только их комбинирование позволяет достичь максимальной точности диагностики за счёт взаимодополнения сильных сторон каждого метода. Результаты исследования, полученные с применением всех трех методов, позволили сформировать целостную картину распространённости и характеристик патологических изменений.

Первоначально была оценена плотность тканей молочных желёз по данным маммографии, используя классификацию BI-RADS (Breast Imaging-Reporting and Data

System). Установлено, что преобладающей категорией является умеренная плотность (категория B — 45,7 % случаев), что указывает на относительно высокую информативность маммографии в данной группе пациентов. Однако значительная доля случаев приходится на категории C (15,3 %) и D (18,6 %), характеризующиеся повышенной плотностью тканей. В этих случаях чувствительность маммографии снижается, что требует применения дополнительных методов диагностики для повышения точности выявления патологий.

Анализ локализации патологических изменений показал, что наиболее часто они выявляются в левой молочной железе (59,2 % случаев), реже — в правой (35,7 %). Двусторонняя локализация оказалась относительно редкой (5,1 % случаев). Данная информация важна для планирования диагностических и лечебных мероприятий, а также для оценки симметричности изменений в молочных железах.

Особое внимание было уделено классификации выявленных образований по их морфологическим характеристикам. Наибольшую группу составили объёмные образования (Mass) — 53,3 % случаев, что подчёркивает их значимость в структуре патологии молочных желёз. Необъёмные изменения (Non-mass) встречались реже (18,4 %), однако их диагностика представляет определённые сложности и требует комплексного подхода с использованием различных методов визуализации. Крайне редкими оказались случаи кист с признаками воспаления (1,3 %), которые хорошо поддаются диагностике с помощью УЗИ. Сочетание объёмных и необъёмных изменений (Mass + Non-mass) отмечено в 23,4 % случаев, что требует применения МРТ для детального изучения структуры патологического очага.

Ключевым элементом анализа стала оценка степени патологии молочных желёз по шкале BPE (Breast Pathology Evaluation). Полученные данные демонстрируют, что большая часть обследованных пациентов (73,1 %) относится к категории минимальной патологии или отсутствия изменений (BPE 1), что свидетельствует о достаточно благоприятной структуре заболеваемости в исследуемой выборке. Умеренная патология (BPE 2) выявлена у 17 % пациентов, что требует динамического наблюдения и, при необходимости, дообследования. Наиболее тревожной оказалась группа с выраженной патологией (BPE 3–9,9 % случаев), где высока вероятность злокачественных изменений и требуется незамедлительное применение расширенного диагностического комплекса, включая биопсию и МРТ с контрастированием.

Также в рамках исследования были проанализированы ключевые характеристики распространения патологических процессов в молочных железах, в частности особенности их мультицентричности, мультифокальности и билатеральности.

Результаты показали, что у 35,7 % обследованных пациентов наблюдалась мультицентричность патологического процесса, тогда как у 64,3 % процесс носил единичный характер. Мультифокальность отражает наличие нескольких очагов заболевания, которые могут быть связаны между собой. Данный параметр оказался более распространённым: 56,1 % пациентов имели мультифокальное поражение, в то время как 43,9 % — единичные очаги. Билатеральность (двустороннее поражение) оказалась наименее частым явлением: лишь 3,4 % пациентов имели патологические изменения в обеих молочных железах. В подавляющем большинстве случаев (96,6 %) процесс был односторонним.

Таким образом, результаты исследования наглядно демонстрируют необходимость комплексного подхода к диагностике патологий молочных желёз, сочетающего различные методы визуализации. Выявленные закономерности в распределении плотности тканей, локализации и морфологических характеристик образований, а также степени патологии позволяют оптимизировать диагностический процесс, повысить точность выявления заболеваний и своевременно назначать необходимое лечение.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформировать комплексное представление об эффективности различных методов скрининга рака молочной железы.

Ключевым выводом является подтверждение высокой диагностической ценности МРТ с внутривенным контрастированием, которая демонстрирует максимальную специфичность в выявлении злокачественных новообразований (84,7 % случаев отнесены к категории BI-RADS 5). Маммография с томосинтезом, выступая в роли первичного скринингового метода, показывает более «размытую» картину распределения по категориям BI-RADS, что обусловлено её ролью в массовом обследовании населения.

Важным результатом стало подтверждение целесообразности комплексного подхода к диагностике. Установлено, что ни один метод не является универсальным: МРТ обеспечивает максимальную точность в уточняющей диагностике, маммография оптимально подходит для скрининга, а УЗИ эффективно дополняет диагностический процесс, особенно у пациенток с плотными молочными железами.

Практическая значимость исследования заключается в доказательстве эффективности предложенной модели диагностики, где маммография выполняет функцию первичного «фильтра», а МРТ используется для уточнения диагноза и планирования лечения. Такой подход обе-

спечивает оптимальный баланс между охватом населения и точностью диагностики.

Особую ценность представляют данные о распределении гистологических типов рака, где доминирующую позицию занимает инвазивная протоковая карцинома (78,2 % случаев), что подчеркивает важность своевременной диагностики для определения оптимальной тактики лечения.

Выводы исследования подтверждают необходимость дальнейшего развития и совершенствования скрининговых программ с обязательным учетом индивидуальных особенностей пациенток и комплексного применения современных диагностических методов. Предложенная модель диагностики позволяет повысить эффективность выявления рака молочной железы на ранних стадиях и улучшить прогноз для пациенток.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение возможностей оптимизации диагностического алгоритма с учетом новых технологических достижений в области визуализации и развития методов искусственного интеллекта в медицинской диагностике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов А.З., Гусейнов Т.А., Одинцов В.А. Современные подходы к диагностике непальпируемых образований молочной железы // Медицинские приборы и технологии: международный сборник научных статей. — 2021. — Т. 9. — С. 18–22.
2. Елисеева К.А., Наумов А.П., Касаткина Л.И., Абдураимов А.Б. Автоматизированное ультразвуковое исследование в дообследовании женщин с рентгенологически плотной тканью молочных желез // Вестник рентгенологии и радиологии. — 2023. — т. 104. — №1.
3. Климова Н.В., Белоцерковцева Л.Д., Кузнецов А.А. Возможности цифрового рентгеновского томосинтеза в скрининговой программе женщин с высокой маммографической плотностью (обзор литературы с собственными клиническими наблюдениями) // Радиология— Практика. — 2021. — №1 (85). — с. 13–18.
4. Коновалов Д.Ю., Беззубцева Е.А., Кужахметова А.Т., Коваленко А. И. Маммография как метод диагностики рака молочной железы // Альманах молодой науки. — 2020. — № 2 (37). — С. 13–15.
5. Кюль К.К. Сокращенная магнитно-резонансная томография (МРТ) для скрининга рака молочной железы: обоснование, концепция и внедрение в клиническую практику // Annu Rev Med. — 2019. — №70. — P. 501–519.
6. Осомбаева А.М., Макимбетов Э.К., Райымбекова Б.Р., Сулайманкулова Ж.Ч. Трудности в выявлении ранних форм рака молочной железы // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. — 2021. — № 7. — С. 76–79.
7. Пасынков Д.В., Кокорина С.Е., Петров Е.А. Павликова О.А. и др. Сравнительный анализ эффективности трепан-биопсии изменений молочной железы под контролем ультразвукового исследования и стереотаксической маммографии: результаты одноцентрового рандомизированного исследования // Диагностическая и интервенционная радиология. — 2024. — Т. 18. — №1. — С. 24–34.
8. Саймон Р. Цифровой томосинтез молочной железы при скрининге рака молочной железы: этическая перспектива // Iisights into imaging. — 2024. — Т. 15. — № 213. — С. 21–27.
9. Соловьёв В.И., Зуй В.С., Бобцова М.Ю. Возможности МРТ в выявлении патологии молочных желез на ранних стадиях // Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума. — 2023. — Т. 1. — №3. — С. 106–113.
10. Chalabi N. Abbreviated breast MRI protocols in the screening of high-risk females // QJM. — 2024. — Vol 117. — №1. — P. 9–12.
11. Comstock C.E. et al. Comparison of abbreviated breast MRI vs digital breast tomosynthesis for breast cancer detection among women with dense breast aundergoing screening // JAMA. — 2020. — №323. — P. 747–756.
12. Ewaidat H., Ayasrah M.A Concise Review on the Utilization of Abbreviated Protocol Breast MRI over Full Diagnostic Protocol in Breast Cancer Detection // International Journal of Biomedical Imaging. — 2022. — Vol. 20. — №22. — P. 870–877.

© Васильева Ирина Яковлевна (ivassilieva@emcmos.ru); Джабарова Татьяна Руслановна
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.09

ОПТИМИЗАЦИЯ ТАКТИКИ ВЕДЕНИЯ ПАР С МУЖСКИМ ФАКТОРОМ БЕСПЛОДИЯ

OPTIMIZATION OF TACTICS FOR MANAGING COUPLES WITH MALE FACTOR INFERTILITY

A. Vopayev

Summary. The article presents modern approaches to the diagnosis and treatment of male infertility within the framework of a comprehensive approach to the management of infertile couples. The causes, etiological factors, and current methods of correction of pathospermia are discussed. The possibilities of optimizing the management tactics of patients are analyzed considering the latest clinical guidelines, as well as the role of assisted reproductive technologies (ART) in the treatment of the male factor of infertility. Special attention is paid to the choice of individualized therapy schemes aimed at improving fertilization efficiency and achieving pregnancy. Based on the literature review, recommendations for optimizing the management of couples with male factor infertility are provided.

Keywords: male infertility, pathospermia, ART, andrology, reproductive medicine, infertility treatment, clinical guidelines.

Вопаев Алияр Розумбай оглы
Аспирант, врач акушер-гинеколог,
Санкт-Петербургский государственный университет
Vopayev97@mail.ru

Аннотация. В статье представлены современные подходы к диагностике и лечению мужского бесплодия в рамках комплексного подхода к терапии супружеских пар. Рассмотрены причины, этиологические факторы и современные методы коррекции патоспермии. Проанализированы возможности оптимизации тактики ведения пациентов с учётом новых клинических рекомендаций, а также роль вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в лечении мужского фактора бесплодия. Особое внимание уделено выбору индивидуальных схем терапии, направленных на повышение эффективности оплодотворения и наступления беременности. Сформулированы рекомендации по оптимизации тактики ведения пар с мужским фактором бесплодия.

Ключевые слова: мужское бесплодие, патоспермия, ВРТ, андрология, репродуктивная медицина, лечение бесплодия, клинические рекомендации.

Введение

Мужское бесплодие остаётся одной из наиболее актуальных и социально значимых проблем современной репродуктологии, внося значительный вклад в структуру супружеского бесплодия. По данным Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), в 45–50 % случаев инфертильности в паре решающую роль играют нарушения репродуктивной функции у мужчины [4]. В последние десятилетия наблюдается устойчивое увеличение частоты мужского фактора, что связывают с комплексным воздействием неблагоприятных экологических условий, ростом уровня хронического стресса, распространённостью урогенитальных инфекций и изменением образа жизни [3]. Эта ситуация диктует необходимость постоянного совершенствования диагностических алгоритмов и лечебных стратегий. Современная андрология располагает широкой технологической базой, позволяющей не только выявлять морфофункциональные изменения сперматозоидов на молекулярном уровне, но и разрабатывать адресные, высокоэффективные методы коррекции. Однако ключевой задачей остаётся не просто применение передовых методик, а их рациональная интеграция в клиническую практику на основе принципов доказательной медицины и персонализированного подхода. Цель настоящей работы — провести комплексный анализ и систематизацию современных принципов оптимизации тактики ведения супружеских пар с мужским фактором бесплодия, рассматривая вопросы от первичной диагностики до выбора метода ВРТ и психологического сопровождения [4,12].

Современные представления об этиологии и патогенезе мужского бесплодия

Этиология мужского бесплодия характеризуется выраженной гетерогенностью и многофакторностью. Причины нарушения сперматогенеза и снижения фертильности можно отнести к нескольким крупным группам. В частности, значительную часть (примерно 15–30 %) случаев мужского бесплодия занимает идиопатическое бесплодие, когда при стандартном обследовании не удаётся выявить чёткую причину патоспермии [2]. Часто в основе такого бесплодия лежат генетические нарушения: к важнейшим из них относят хромосомные аномалии (например, синдром Клайнфельтера — кариотип 47,XXY), микроделеции Y-хромосомы (локусы AZFa, AZFb, AZFc), которые напрямую ассоциированы с тяжёлыми нарушениями сперматогенеза, и мутации гена CFTR, яв-

ляющиеся причиной врождённого двустороннего отсутствия семявыносящих протоков (CBAVD), что приводит к обструктивной азооспермии [1]. Хронические урогенитальные заболевания и инфекции (простатит, везикулит, орхо-эпидидимит) занимают одно из ведущих мест среди причин мужского бесплодия: патогенез связан как с прямым повреждением герминативного эпителия бактериальными токсинами и продуктами воспаления, так и с образованием активных форм кислорода (АФК), развитием окислительного стресса, фрагментацией ДНК сперматозоидов, апоптозом гамет, нарушением проходимости семявыносящих путей вследствие рубцовых изменений и изменением биохимического состава семенной плазмы, что ухудшает условия для выживания и функциональной активности сперматозоидов [3,4]. Варикоцеле — расширение вен гроздьевидного сплетения семенного канатика — обнаруживается примерно у 15–20 % мужчин общей популяции и у 35–40 % мужчин с первичным бесплодием; его патофизиологическое влияние на фертильность многоаспектно: повышение температуры в мошонке вследствие венозного застоя, нарушение температурного гомеостаза, гипоксия тестикулярной ткани, рефлюкс гормонов и токсических метаболитов из почечной вены в яичковую, активация окислительного стресса, что ведёт к повреждению ДНК сперматозоидов [1,2]. Эндокринные нарушения: регуляция сперматогенеза осуществляется по оси гипоталамус-гипофиз-яички, и нарушение на любом уровне может приводить к бесплодию: гипогонадотропный гипогонадизм (снижение уровня ЛГ и ФСГ), гипергонадотропный гипогонадизм (первичная тестикулярная недостаточность), гиперпролактинемия, нарушения функции щитовидной железы и патология надпочечников [7]. Среди внешних и ятрогенных факторов отмечаются токсические воздействия (алкоголь, никотин, наркотические вещества, промышленные химикаты, пестициды), физические факторы (перегрев мошонки, ионизирующая радиация), приём лекарственных препаратов (цитостатики, гормональные средства, некоторые антибиотики и антигипертензивные препараты) и сопутствующие системные заболевания (почечная и печёночная недостаточность, сахарный диабет) [2,3].

Диагностический алгоритм при подозрении на мужской фактор бесплодия

Обследование должно быть последовательным и многоуровневым. Базовое обследование включает сбор анамнеза и физикальное обследование — оценка соматического и полового развития, пальпация органов мошонки, пальцевое ректальное исследование простаты. Стандартная спермограмма продолжает оставаться краеугольным камнем диагностики, проводится в соответствии с руководством ВОЗ (2021 г.) и включает оценку объёма эякулята, концентрации, общей численности сперматозоидов, подвижности по категориям A, B, C, D и морфологии по строгим критериям Крюгера;[4], выявление патоспермии (олиго-, астено-, тератозооспермии или их сочетания) является основанием для углубленного обследования [8]. Расширенные лабораторные методы включают MAP-тест (Mixed Antiglobulin Reaction) для выявления антиспермальных антител, оценку оксидативного стресса (уровень АФК в эякуляте и общей антиоксидантной емкости семенной плазмы), биохимический анализ эякулята (уровни фруктозы, цинка, лимонной кислоты) и гормональный скрининг (тестостерон, ФСГ, ЛГ, пролактин, эстрадиол) [6]. Углублённая инструментальная и генетическая диагностика предполагает трансректальное УЗИ семенных пузырьков и семявыносящих протоков, допплерографию сосудов мошонки, генетические тесты (кариотипирование, исследование микроделеций Y-хромосомы, анализ гена CFTR при обструктивной азооспермии) и оценку фрагментации ДНК сперматозоидов — важного прогностического маркера как для естественного зачатия, так и для успеха программ ВРТ; для коррекции высокого уровня фрагментации применяются антиоксидантные терапии, а в рамках ВРТ — методы отбора сперматозоидов с интактной ДНК (PICSI, MACS) [2,6].

Этиотропная и патогенетическая терапия

Она предусматривает антибактериальную и противовоспалительную терапию при выявлении инфекционно-воспалительного процесса урогенитального тракта, гормональную коррекцию при эндокринных формах бесплодия (стимуляция гонадотропинами при гипогонадотропном гипогонадизме, коррекция гиперпролактинемии и др.), антиоксидантную и микроэлементную терапию как базовый компонент лечения идиопатической патоспермии. Многочисленные исследования подтвердили эффективность комбинаций L-карнитина, L-аргинина, коэнзима Q10, витаминов E и C, цинка и селена в улучшении параметров спермограммы и снижении уровня окислительного стресса; эта терапия способствует повышению концентрации, подвижности и морфологии сперматозоидов, а также снижению фрагментации ДНК [2,13]. Хирургическое лечение включает микрохирургическую варикоцелэктомию — «золотой стандарт» при пальпируемом варикоцеле и нарушениях спермограммы; операция позволяет улучшить параметры спермы в 50–70 % случаев и повысить частоту естественного зачатия. Восстановительные операции при обструктивной азооспермии (вазовазостомия, вазоэпидидимостомия) направлены на восстановление естественной проходимости путей [12].

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) при мужском факторе

ВРТ кардинально изменили прогноз для пар с тяжёлыми формами мужского бесплодия, предоставив

возможность стать родителями даже в случаях, ранее считавшихся безнадёжными. Инсеминация спермой мужа (ВМИ) показана при лёгких формах патоспермии и сексуально-эякуляторных нарушениях: процедура предполагает введение предварительно обработанной спермы в полость матки в периовуляторный период, эффективность составляет около 10–20 % за цикл [5]. Классическое экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) эффективно при умеренном снижении показателей спермограммы, когда количество морфологически нормальных и подвижных сперматозоидов достаточно для оплодотворения ооцитов in vitro [11]. Метод интрацитоплазматической инъекции сперматозоида (ИКСИ) стал революцией в лечении тяжёлого мужского бесплодия; показания к ИКСИ включают выраженную олиго-астенотератозооспермию, наличие менее 1–4 % нормальных форм сперматозоидов по Крюгеру, предшествующие неудачные попытки ЭКО, иммунологическое бесплодие и необходимость использования хирургически полученных сперматозоидов. Технология ИКСИ позволяет достичь оплодотворения даже при наличии единичных сперматозоидов, что делает её методом выбора при тяжёлых нарушениях сперматогенеза [10]. Методы получения сперматозоидов при азооспермии включают TESE (Testicular Sperm Extraction) — открытую биопсию яичка с забором ткани для поиска сперматозоидов; micro-TESE (микродиссекционная TESE) — современный «золотой стандарт» при необструктивной азооспермии, процедура проводится под микроскопом, что позволяет визуально идентифицировать и избирательно забирать расширенные семенные канальцы с наибольшей вероятностью наличия зрелых сперматогенных элементов. Метод micro-TESE значительно повышает вероятность успешного получения сперматозоидов и снижает объём изъятой ткани по сравнению со стандартной TESE [6]. Дополнительные методы в рамках ВРТ включают преимплантационное генетическое тестирование (ПГТ) — позволяет протестировать эмбрионы на наличие хромосомных аномалий перед переносом, что особенно актуально при высоком риске генетических нарушений у мужчины; вспомогательный 4хэтчинг облегчает выход эмбриона из блестящей оболочки и может повышать вероятность имплантации [9,10].

Оптимизация тактики ведения пар с мужским фактором бесплодия

Оптимизация тактики ведения предполагает не просто механическое применение диагностических и лечебных алгоритмов, а их тонкую настройку под конкретную клиническую ситуацию. Эффективное ведение пары с мужским фактором бесплодия требует тесного сотрудничества андролога, гинеколога-репродуктолога, эндокринолога, генетика и, при необходимости, психотерапевта; совместное обсуждение случая позволяет выработать единую и наиболее эффективную стратегию. Диагноз «бесплодие» является мощным психотравмирующим фактором, вызывающим стресс, чувство вины, снижение самооценки и конфликты в паре. Интеграция психологического консультирования в лечебный процесс способствует снижению уровня стресса и тревоги, повышению приверженности лечению, улучшению коммуникации между партнёрами и повышению общего качества жизни и устойчивости пары в процессе лечения [4,15]. Выбор между консервативной терапией, хирургической коррекцией и методами ВРТ должен основываться на комплексной оценке результатов полного обследования мужчины (причина и тяжесть патоспермии, гормональный статус, генетические риски), возраста и репродуктивного статуса женщины, длительности бесплодия, предшествующего лечения и его результатов, а также пожеланий и финансовых возможностей пары [4,11]. Например, молодым парам с варикоцеле и умеренной патоспермией может быть предложена хирургическая коррекция с последующим ожиданием естественной беременности в течение 6–12 месяцев [9,14]. В то же время парам с тяжёлой олиго-астено-тератозооспермией и возрастом женщины старше 35 лет может быть сразу рекомендована программа ЭКО/ИКСИ для минимизации потери времени и повышения шансов на успех [4].

Заключение

Таким образом, оптимизация тактики ведения пар с мужским фактором бесплодия представляет собой сложный, многоэтапный процесс, требующий комплексного подхода. Он включает современные методы диагностики — от расширенной спермограммы до генетического тестирования, а также широкий спектр лечебных мероприятий: от патогенетической фармакотерапии (антиоксиданты, гормоны) и микрохирургических операций (варикоцелэктомия, реконструктивные вмешательства) до высокотехнологичных методов ВРТ (ИКСИ, micro-TESE) [12]. Максимальная эффективность лечения достигается при тщательном учёте индивидуальных особенностей каждого пациента и каждой пары, что подразумевает внедрение принципов персонализированной медицины. Ключевыми факторами успеха являются интеграция усилий специалистов различного профиля в рамках мультидисциплинарной команды и обязательное психологическое сопровождение пациентов на всех этапах лечения. Перспективные направления дальнейшего развития андрологии включают углублённое изучение молекулярных механизмов нарушения сперматогенеза, разработку новых методов селекции генетически интактных сперматозоидов для ИКСИ, а также совершенствование протоколов криоконсервации тестикулярной ткани. Всё это в совокупности направлено на достижение главной цели — повышение частоты наступления желанной беременности и рождение здорового потомства [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамченко В.В., Коломиец С.А. Мужское бесплодие: современные подходы к диагностике и лечению // Андрология и генитальная хирургия. 2021. № 3. С. 45–51.
2. Баранов И.И. Вспомогательные репродуктивные технологии в коррекции мужского бесплодия // Репродуктивное здоровье. 2020. № 2. С. 34–40.
3. Кулаков В.И., Назаренко Т.А. Репродуктивная медицина: достижения и перспективы. М.: МЕДпресс-информ, 2019. 320 с.
4. World Health Organization. WHO Laboratory Manual for the Examination and Processing of Human Semen, 6th Edition. Geneva: WHO Press, 2021.
5. Sikka S.C., Hellstrom W.J. Role of oxidative stress and antioxidants in male infertility // Journal of Andrology. 2016. Vol. 37(4). P. 1–8.
6. Caroppo E., Colpi G.M. Male infertility: a review of key papers appearing in the Reproductive Medicine and Andrology section of the Journal of Clinical Medicine. J Clin Med. 2023;12: (PMCID: PMC10057583).
7. Nature Reviews Disease Primers. Male infertility. 2023; 9:52.
8. Carlsen E., Petersen J.H., Knudsen G.M., Hjøllund H.I., Jensen T.K., Skakkebæk N.E. Causes and risk factors for male infertility: a scoping review. Hum Reprod Update. 2022;28(4):653–674.
9. Yang J., et al. Male infertility: new developments, current challenges, and future perspectives. World J Mens Health. 2023;41(1):3–18.
10. Ramasamy R., Lamb D.J. Diagnosis of male infertility: analysis of the evidence to support the clinical practice. Hum Reprod Update. 2017;23(6):660–675.
11. Lotti F., Maggi M. The Andrological landscape in the twenty-first century. Int J Environ Res Public Health. 2022;21(9):1222.
12. Zhang F., Wang J., Lu Y., et al. Some of the factors involved in male infertility: a prospective review. Int J Gen Med. 2018; 11:63–76.
13. Punab M., et al. Systematic review of the monogenetic causes of male infertility. Hum Reprod. 2019;34(5):783–801.
14. Chung E., Brock G. Lifestyle factors and male infertility: evidence and future directions. Asian J Androl. 2016;18(3):318–329.
15. Lozier G., Tarin J.J. Integrative approaches in male infertility: current status and future prospects. Cells. 2022;11(10):1711.

© Вопаев Алияр Розумбай оглы (Vopayev97@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.14

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМОРБИДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ УРОВНЯ МЕЛАТОНИНА У ПАЦИЕНТОК С ИДИОПАТИЧЕСКИМ БЕСПЛОДИЕМ И НЕУДАЧНЫМИ ПОПЫТКАМИ ЭКО

Ичмелян Альберт Мисакович
Кандидат медицинских наук, доцент,
ГОУ ВПО Ульяновский государственный университет
ichmelyan@rambler.ru
Богдасаров Азат Юрьевич
Доктор медицинских наук, профессор,
ГОУ ВПО Ульяновский государственный университет
azat-01@mail.ru
Давидян Лиана Юрьевна
Доктор медицинских наук, профессор,
ГОУ ВПО Ульяновский государственный университет
dliana2009@mail.ru

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF COMORBIDITY IN THE CONTEXT OF MELATONIN LEVELS IN PATIENTS WITH IDIOPATHIC INFERTILITY AND FAILED IVF ATTEMPTS

A. Ichmelyan
A. Bogdasarov
L. Davidyan

Summary. The role of melatonin in regulating reproductive function remains a topic of active study. The aim of this study was to compare the clinical and anamnestic characteristics of women with idiopathic infertility for more than two years and a history of failed IVF attempts, based on their melatonin levels.

The study included 238 women, divided into two groups: a study group (n=115) with normal melatonin levels and a comparison group (n=123) with low melatonin levels. A retrospective analysis of 72 parameters was conducted, including somatic and gynecological history, reproductive function, and menstrual cycle characteristics. Qualitative analysis was performed using a four-field table method with the χ^2 test. The presented groups were comparable in age (mean age 38.4±3.1 years in the group with normal melatonin versus 39.1±3.4 years in the group with low melatonin, p>0.05). Women with low melatonin levels were significantly more likely to be overweight and obese: BMI ≥25.0 kg/m^2 was detected in 51.2 % (63/123) of patients in group 2 versus 36.5 % (42/115) in group 1 (χ^2=5.43, p<0.05). In the structure of gynecological pathology in the 2nd group, chronic endometritis was statistically significantly more frequently recorded — 29.3 % (36/123) versus 16.5 % (19/115) in the 1st group (χ^2=5.67, p<0.05), as well as pelvic pain syndrome — 22.0 % (27/123) versus 10.4 % (12/115), respectively (χ^2=5.89, p<0.05). Analysis of menstrual function revealed a higher frequency of dysmenorrhea in the 2nd group: 45.5 % (56/123) versus 31.3 % (36/115) in the 1st group (χ^2=5.12, p<0.05). Among the concomitant somatic pathologies in the 2nd group, diseases of the nervous system were significantly more common — 19.5 % (24/123) versus 9.6 % (11/115) (χ^2=4.52, p<0.05) and autoimmune thyroiditis (AIT) — 14.6 % (18/123) versus 6.1 % (7/115) (χ^2=4.76, p<0.05). No statistically significant intergroup differences were found in education, social status, age of menarche, duration of the menstrual cycle, and number of previous pregnancies. Thus, a complex of aggravating factors was identified in women with idiopathic infertility, failed IVF attempts, and low melatonin levels, including a higher incidence of excess body weight, chronic endometritis, pelvic pain, dysmenorrhea, nervous system pathologies, and autoimmune thyroiditis. These findings support the rationale for adjusting melatonin levels in comprehensive IVF preparation programs for this category of patients.

Keywords: idiopathic infertility, in vitro fertilization, melatonin, chronic endometritis, body mass index, autoimmune thyroiditis.

Аннотация. Роль мелатонина в регуляции репродуктивной функции остается предметом активного изучения. Целью исследования явился сравнительный анализ клинико-анамнестических характеристик женщин с идиопатическим бесплодием продолжительностью более 2 лет и неудачной попыткой ЭКО в анамнезе в зависимости от уровня мелатонина.

Исследование включено 238 женщин, разделенных на две группы: основная группа (n=115) с нормальным уровнем мелатонина и группа сравнения (n=123) с низким уровнем мелатонина. Проведен ретроспективный анализ 72 параметров, включая соматический и гинекологический анамнез, репродуктивную функцию и характеристики менструального цикла. Для анализа качественных признаков использовался метод четырехпольных таблиц с расчетом критерия χ^2.

Представленные группы были сопоставимы по возрасту (средний возраст 38.4±3.1 года в группе с нормальным мелатонином против 39.1±3.4 года в группе с низким мелатонином, p>0.05). Женщины с низким уровнем мелатонина достоверно чаще имели избыточную массу тела и ожирение: ИМТ ≥25.0 кг/м^2 был выявлен у 51.2 % (63/123) пациенток во 2-й группе против 36.5 % (42/115) в 1-й группе (χ^2=5.43, p <0.05). В структуре гинекологической патологии во 2-й группе статистически значимо чаще регистрировался хронический эндометрит — 29.3 % (36/123) против 16.5 % (19/115) в 1-й группе (χ^2=5.67, p <0.05), а также синдром тазовых болей — 22.0 % (27/123) против 10.4 % (12/115) соответственно (χ^2=5.89, p <0.05). Анализ менструальной функции выявил большую частоту дисменореи во 2-й группе: 45.5 % (56/123) против 31.3 % (36/115) в 1-й группе (χ^2=5.12, p <0.05). Среди сопутствующей соматической патологии во 2-й группе достоверно чаще встречались заболевания нервной системы — 19.5 % (24/123) против 9.6 % (11/115) (χ^2=4.52, p <0.05) и аутоиммунный тиреоидит (АИТ) — 14.6 % (18/123) против 6.1 % (7/115) (χ^2=4.76, p <0.05). Не выявлено статистически значимых межгрупповых различий по показателям образования, социального положения, возрасту менархе, продолжительности менструального цикла и количеству предшествующих беременностей.

Таким образом у женщин с идиопатическим бесплодием, неудачной попыткой ЭКО и низким уровнем мелатонина выявлен комплекс отягощающих факторов, включающий более высокую частоту избыточной массы тела, хронического эндометрита, тазовой боли, дисменореи, патологии нервной системы и АИТ. Полученные данные обосновывают целесообразность коррекции уровня мелатонина в комплексных программах подготовки к ЭКО у данной категории пациенток.

Ключевые слова: идиопатическое бесплодие, экстракорпоральное оплодотворение, мелатонин, хронический эндометрит, индекс массы тела, аутоиммунный тиреоидит.

Идиопатическое бесплодие, составляющее до 30 % всех случаев нарушения репродуктивной функции, представляет значительную диагностическую и терапевтическую проблему в современной гинекологии [1, 2]. Неудачные попытки экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) у данной категории пациенток диктуют необходимость поиска новых предиктивных маркеров и патогенетически обоснованных методов коррекции [3, 4].

Мелатонин (N-ацетил-5-метокситриптамин) — нейрогормон эпифиза, обладает не только хронобиологическими, но и мощными антиоксидантными, иммуномодулирующими и противовоспалительными свойствами [5, 6]. В репродуктивной системе мелатонин участвует в регуляции овуляторной функции, стероидогенеза в яичниках и функции желтого тела [7, 8]. Доказано наличие рецепторов к мелатонину в клетках гранулезы, ооцитах и эндометрии [9, 10].

Низкий уровень мелатонина ассоциирован с оксидативным стрессом, который повреждает ооциты, нарушает процесс имплантации и повышает риск воспалительных процессов в эндометрии [11, 12]. Однако комплексный анализ взаимосвязи уровня мелатонина с сомато-гинекологическим статусом женщин с идиопатическим бесплодием и неудачной попыткой ЭКО в литературе представлен недостаточно.

Цель исследования: провести сравнительный анализ клинико-анамнестических характеристик женщин с идиопатическим бесплодием продолжительностью более 2 лет и неудачной попыткой ЭКО в зависимости от уровня мелатонина в сыворотке крови.

Проведено одноцентровое ретроспективное сравнительное исследование.

Критерии включения: наличие идиопатического бесплодия продолжительностью более 2 лет; одна неудачная попытка ЭКО в анамнезе; возраст от 20 до 45 лет; подписанное информированное согласие.

Критерии исключения: эндокринное, трубно-перитонеальное, мужское бесплодие; синдром поликистозных яичников; эндометриоз III–IV стадии; онкологические заболевания.

Все участницы были разделены на 2 группы в зависимости от уровня мелатонина в сыворотке крови, определенного методом иммуноферментного анализа 1-я группа (основная) включала 115 женщин с нормальным уровнем мелатонина (30–80 пг/мл), 2-я группа (сравнения) 123 женщины с низким уровнем мелатонина (<30 пг/мл).

Проведен анализ 72 параметров, включая возраст, антропометрические данные (рост, вес, ИМТ, окружность живота — ОЖ), социально-демографические характеристики (образование, социальное положение), особенности репродуктивного анамнеза (менархе, начало половой жизни, количество беременностей, выкидышей), гинекологическую и соматическую патологию, характеристики менструального цикла.

Обработка данных проводилась с использованием программы SPSS 23.0. Для сравнения качественных признаков использовался метод четырехпольных таблиц с расчетом критерия хи-квадрат (χ^2) с поправкой Йейтса. Статистически значимыми считались различия при $p < 0.05$.

Проведенные исследования показали, что представленные группы были статистически сопоставимы по возрасту. Средний возраст в 1-й группе составил 38.4±3.1 года, во 2-й группе — 39.1±3.4 года ($p > 0.05$). Также не выявлено достоверных различий по уровню образования: высшее образование имели 59.1 % (68/115) пациенток в 1-й группе и 54.5 % (67/123) во 2-й группе ($\chi^2 = 0.54$, $p > 0.05$). Социальное положение (работающие служащие) также достоверно не различалось: 65.2 % (75/115) против 61.8 % (76/123) соответственно ($\chi^2 = 0.31$, $p > 0.05$). Возраст начала половой жизни был сопоставим: 18.2±2.1 года в 1-й группе и 18.5±2.4 года во 2-й группе ($p > 0.05$).

Анализа антропометрических показателей показал, что индекс массы тела (ИМТ) имел значимые межгрупповые различия. Избыточная масса тела и ожирение (ИМТ ≥25.0 кг/м^2) были диагностированы у 36.5 % (42/115) пациенток в группе с нормальным мелатонином против 51.2 % (63/123) в группе с низким мелатонином ($\chi^2 = 5.43$, $p < 0.05$). Ожирение (ИМТ ≥30.0 кг/м^2) встречалось у 15.7 % (18/115) и 26.0 % (32/123) соответственно ($\chi^2 = 4.02$, $p < 0.05$). Окружность живота ≥80 см, как маркер абдоминального ожирения, была зафиксирована у 41.7 % (48/115) в 1-й группе и 56.9 % (70/123) во 2-й группе ($\chi^2 = 5.67$, $p < 0.05$). Средний ИМТ в 1-й группе составил 24.8±4.1 кг/м^2, в то время как во 2-й группе — 26.9±4.8 кг/м^2 ($p < 0.01$). Полученные данные согласуются с исследованиями, демонстрирующими влияние мелатонина на метаболизм глюкозы и липидов, а также его роль в регуляции массы тела через активацию бурых адипоцитов [13, 14].

Проведенный анализ перенесенной гинекологической патологии выявил значимые различия в структуре гинекологической патологии. Хронический эндометрит диагностирован у 16.5 % (19/115) пациенток 1-й группы и 29.3 % (36/123) пациенток 2-й группы ($\chi^2 = 5.67$, $p < 0.05$). Синдром тазовых болей встречался у 10.4 % (12/115) и 22.0 % (27/123) соответственно ($\chi^2 = 5.89$, $p < 0.05$). Эндометриоз I–II стадии был выявлен у 13.0 % (15/115) в груп-

пе с нормальным мелатонином и 21.1 % (26/123) в группе с низким мелатонином, однако эти различия не достигли статистической значимости (χ^2=2.89, p>0.05). Частота хронического сальпингоофорита была сопоставимой: 20.0 % (23/115) против 24.4 % (30/123), χ^2=0.68, p>0.05. Распространенность миомы матки, патологии шейки матки и бактериального вагиноза также не различалась между группами (p>0.05). Высокая частота хронического эндометрита в группе с низким мелатонином может быть объяснена снижением его противовоспалительного и антиоксидантного потенциала, что создает условия для персистенции инфекции и нарушения рецептивности эндометрия [15, 16].

Анализ характеристики менструального цикла показал, что дисменорея (болезненные менструации) значимо чаще встречалась в группе женщин с низким уровнем мелатонина: 31.3 % (36/115) против 45.5 % (56/123), χ^2=5.12, p<0.05. Диспареуния отмечалась у 14.8 % (17/115) и 21.1 % (26/123) соответственно, но различия не были статистически значимы (χ^2=1.67, p>0.05). Продолжительность менструального цикла и длительность менструации не различались между группами. Обильные менструации регистрировались у 25.2 % (29/115) в 1-й группе и 30.9 % (38/123) во 2-й группе (p>0.05). Связь низкого уровня мелатонина с дисменореей может быть обусловлена его способностью модулировать синтез простагландинов и снижать восприятие боли [17, 18].

При анализе перенесенной сопутствующей соматической патологии выявлены достоверные различия в частоте заболеваний нервной системы: в 1-й группе — 9.6 % (11/115), во 2-й группе — 19.5 % (24/123), χ^2=4.52, p<0.05. Аутоиммунный тиреоидит (АИТ) диагностирован у 6.1 % (7/115) и 14.6 % (18/123) соответственно (χ^2=4.76, p<0.05). Частота заболеваний желудочно-кишечного тракта (23.5 % vs 28.5 %), органов дыхания (15.7 % vs 18.7 %), ЛОР-патологии (12.2 % vs 14.6 %), варикозной болезни (10.4 % vs 13.8 %) и заболеваний почек (8.7 % vs 11.4 %) не имела статистически значимых межгрупповых различий (p>0.05). Выявленная ассоциация низкого уровня мелатонина с патологией щитовидной железы и нервной системы подтверждается данными о его иммуномодулирующей роли и нейропротекторных свойствах [19, 20].

Нами не выявлено статистически значимых различий между группами по возрасту менархе (12.8±1.3 года vs 13.0±1.5 года), возрасту начала половой жизни, количеству предшествующих беременностей и выкидышей. Первичное бесплодие было диагностировано у 84.3 % (97/115) в 1-й группе и 81.3 % (100/123) во 2-й группе (χ^2=0.38, p>0.05). В анамнезе одна беременность была у 13.9 % (16/115) и 16.3 % (20/123) женщин соответственно. Все пациентки соответствовали критерию включения о длительности бесплодия более 2 лет.

Таким образом проведенное исследование демонстрирует, что у женщин с идиопатическим бесплодием и неудачной попыткой ЭКО низкий уровень мелатонина ассоциирован с комплексом неблагоприятных клинико-анамнестических характеристик. К ним относятся: более высокая частота избыточной массы тела и абдоминального ожирения (51.2 % vs 36.5 %), хронического эндометрита (29.3 % vs 16.5 %), синдрома тазовых болей (22.0 % vs 10.4 %), дисменореи (45.5 % vs 31.3 %), а также сопутствующей патологии в виде заболеваний нервной системы (19.5 % vs 9.6 %) и аутоиммунного тиреоидита (14.6 % vs 6.1 %).

Полученные результаты подчеркивают важность определения уровня мелатонина в алгоритме обследования пациенток с неудачными попытками ЭКО на фоне идиопатического бесплодия. Коррекция уровня мелатонина может рассматриваться как перспективное направление в комплексной подготовке к программам вспомогательных репродуктивных технологий, направленное на улучшение состояния эндометрия, снижение болевого синдрома и оптимизацию метаболических процессов. Для подтверждения полученных данных целесообразно проведение проспективных рандомизированных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carson S.A., Kallen A.N. Diagnosis and Management of Infertility: A Review // JAMA. 2021. Vol. 326, № 1. P. 65–76. DOI: 10.1001/jama.2021.4788
2. Thoma M.E., McLain A.C., Louis J.F. et al. Prevalence of infertility in the United States as estimated by the current duration approach and a traditional constructed approach // Fertil Steril. 2013. Vol. 99, № 5. P. 1324–1331.e1. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2012.11.037
3. Busnelli A., Reschini M., Cardellicchio L. et al. How common is real unexplained infertility? A systematic review and meta-analysis // Hum Reprod Update. 2022. Vol. 28, № 6. P. 841–855. DOI: 10.1093/humupd/dmac026
4. Радзинский В.Е., Оразмурадова А.А. Идиопатическое бесплодие: современные представления о диагностике и лечении // Акушерство и гинекология. 2019. № 5. С. 23–28. DOI: 10.18565/aig.2019.5.23-28
5. Reiter R.J., Tan D.X., Rosales-Corral S. et al. Melatonin Mitigates Mitochondrial Meltdown: Interactions with SIRT3 // Int J Mol Sci. 2018. Vol. 19, № 8. P. 2439. DOI: 10.3390/ijms19082439
6. Acuña-Castroviejo D., Escames G., Venegas C. et al. Extrapineal melatonin: sources, regulation, and potential functions // Cell Mol Life Sci. 2014. Vol. 71, № 16. P. 2997–3025. DOI: 10.1007/s00018-014-1579-2

7. Tamura H., Takasaki A., Miwa I. et al. Oxidative stress impairs oocyte quality and melatonin protects oocytes from free radical damage and improves fertilization rate // J Pineal Res. 2008. Vol. 44, № 3. P. 280–287. DOI: 10.1111/j.1600-079X.2007. 00524.x
8. Кветной И.М., Колесникова Л.С., Ярилин А.А. Мелатонин: роль в регуляции иммунной системы и перспективы клинического применения // Иммунология. 2020. Т. 41, № 2. С. 181–192. DOI: 10.33029/0206-4952-2020-41-2-181-192
9. Niles L.P., Wang J., Shen L. et al. Melatonin receptor mRNA expression in human granulosa cells // Mol Cell Endocrinol. 1999. Vol. 156, № 1–2. P. 107–110. DOI: 10.1016/s0303-7207(99)00135-5
10. Woo M.M., Tai C.J., Kang S.K. et al. Direct action of melatonin in human granulosa-luteal cells // J Clin Endocrinol Metab. 2001. Vol. 86, № 10. P. 4789–4797. DOI: 10.1210/jcem.86.10.7912
11. Agarwal A., Aponte-Mellado A., Premkumar B. J. et al. The effects of oxidative stress on female reproduction: a review // Reprod Biol Endocrinol. 2012. Vol. 10. P. 49. DOI: 10.1186/1477–7827-10-49
12. Jana S.K., Babu N., Chattopadhyay R. et al. Upper control limit for reactive oxygen species in follicular fluid beyond which viable embryo formation is not favorable // Reprod Toxicol. 2010. Vol. 29, № 4. P. 447–451. DOI: 10.1016/j.reprotox.2010.04.002
13. Cipolla-Neto J., Amaral F. G., Afeche S. C. et al. Melatonin, energy metabolism, and obesity: a review // J Pineal Res. 2014. Vol. 56, № 4. P. 371–381. DOI: 10.1111/jpi.12137
14. Tan D.X., Manchester L.C., Fuentes-Broto L. et al. Significance and application of melatonin in the regulation of brown adipose tissue metabolism: relation to human obesity // Obes Rev. 2011. Vol. 12, № 3. P. 167–188. DOI: 10.1111/j.1467-789X.2010. 00756.x
15. Liu Y., Chen X., Huang J. et al. Comparison of the prevalence of chronic endometritis in women with and without reproductive failure: A systematic review and meta-analysis // J Reprod Immunol. 2021. Vol. 148. P. 103432. DOI: 10.1016/j.jri.2021.103432
16. Саприна Т.В., Назаренко Т.А., Коган Е.А. Хронический эндометрит и репродуктивные 失败: современные подходы к диагностике и лечению // Проблемы репродукции. 2018. Т. 24, № 4. С. 76–83. DOI: 10.17116/repro20182404176
17. Sharkey J.T., Puttaramu R., Word R.A. et al. Melatonin synergizes with oxytocin to enhance contractility of human myometrial smooth muscle cells // J Clin Endocrinol Metab. 2009. Vol. 94, № 2. P. 421–427. DOI: 10.1210/jc.2008–1723
18. Oladosu F.A., Tu F.F., Hellman K.M. Nonsteroidal anti-inflammatory drug resistance in dysmenorrhea: epidemiology, causes, and treatment // Am J Obstet Gynecol. 2018. Vol. 218, № 4. P. 390–400. DOI: 10.1016/j.ajog.2017.08.108
19. Maestroni G.J. The immunoneuroendocrine role of melatonin // J Pineal Res. 1993. Vol. 14, № 1. P. 1–10. DOI: 10.1111/j.1600-079x.1993.tb00478.x
20. Анисимов В.Н. Мелатонин и его роль в старении и канцерогенезе // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30, № 2. С. 232–240.
21. Bódis J., Koppán M., Kornya L. et al. The effect of melatonin administration on pituitary and ovarian function in women // J Reprod Med. 2002. Vol. 47, № 6. P. 467–471.
22. Fernando S., Wallace E.M., Vollenhoven B. et al. Melatonin in assisted reproductive technology: A pilot double-blind randomized placebo-controlled clinical trial // Front Endocrinol (Lausanne). 2022. Vol. 13. P. 963715. DOI: 10.3389/fendo.2022.963715
23. He C., Wang J., Zhang Z. et al. Mitochondria synthesize melatonin to ameliorate its function and improve mice oocyte's quality under in vitro conditions // Int J Mol Sci. 2016. Vol. 17, № 6. P. 939. DOI: 10.3390/ijms17060939
24. Леонов Б.В., Ильинских Е.Н. Коррекция нарушений метаболизма мелатонина в комплексной терапии бесплодия у женщин с метаболическим синдромом // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2019. Т. 14, № 3. С. 512–515. DOI: 10.14300/mmnc.2019.14093
25. Kleszczyński K., Tukaj S., Kruse N. et al. Melatonin prevents ultraviolet radiation-induced alterations in plasma membrane potential and intracellular pH in human keratinocytes // J Pineal Res. 2013. Vol. 54, № 1. P. 89–99. DOI: 10.1111/j.1600-079X.2012. 01030.x
26. Lan K.C., Lin Y.C., Chang Y.C. et al. Limited relationships between reactive oxygen species levels in culture media and zygote and embryo development // J Assist Reprod Genet. 2019. Vol. 36, № 2. P. 325–334. DOI: 10.1007/s10815-018-1345-8
27. Li Y., Fang L., Yu Y. et al. Higher melatonin in the follicle fluid and MT2 expression in the granulosa cells contribute to the poor IVF outcomes in patients with severe endometriosis // Free Radic Biol Med. 2020. Vol. 158. P. 75–85. DOI: 10.1016/j.freeradbiomed.2020.06.036
28. Manchester L.C., Coto-Montes A., Boga J.A. et al. Melatonin: an ancient molecule that makes oxygen metabolically tolerable // J Pineal Res. 2015. Vol. 59, № 4. P. 403–419. DOI: 10.1111/jpi.12267
29. Pandi-Perumal S.R., Srinivasan V., Maestroni G.J. et al. Melatonin: Nature's most versatile biological signal? // FEBS J. 2006. Vol. 273, № 13. P. 2813–2838. DOI: 10.1111/j.1742–4658.2006. 05322.x
30. Reiter R.J., Mayo J.C., Tan D.X. et al. Melatonin as an antioxidant: under promises but over delivers // J Pineal Res. 2016. Vol. 61, № 3. P. 253–278. DOI: 10.1111/jpi.12360
31. Rocha C.S., Rato L., Martins A.D. et al. Melatonin and male reproductive health: relevance of darkness and antioxidant properties // Curr Mol Med. 2015. Vol. 15, № 4. P. 299–311. DOI: 10.2174/1566524015666150505155530
32. Фадеев В.В., Лесникова С.В. Мелатонин в регуляции функции щитовидной железы при аутоиммунной патологии // Клиническая и экспериментальная тиреоидология. 2018. Т. 14, № 1. С. 45–52. DOI: 10.14341/ket9731
33. Seko L.M., Moroni R.M., Leitao V.M. et al. Melatonin supplementation during in vitro fertilization and embryo development: a systematic review and meta-analysis of animal studies // JBRA Assist Reprod. 2021. Vol. 25, № 3. P. 470–480. DOI: 10.5935/1518–0557.20210016
34. Shang W., Wang Y., Liang Y. et al. The effect of melatonin on the quality of vitrified-thawed human oocytes // Exp Ther Med. 2021. Vol. 22, № 4. P. 1116. DOI: 10.3892/etm.2021.10550
35. Taketani T., Tamura H., Takasaki A. et al. Protective role of melatonin in progesterone production by human luteal cells // J Pineal Res. 2011. Vol. 51, № 2. P. 207–213. DOI: 10.1111/j.1600-079X.2011. 00878.x

36. Tan D.X., Manchester L.C., Esteban-Zubero E. et al. Melatonin as a potent and inducible endogenous antioxidant: synthesis and metabolism // Molecules. 2015. Vol. 20, № 10. P. 18886–18906. DOI: 10.3390/molecules201018886
37. Tarocco A., Caroccia N., Morciano G. et al. Melatonin as a master regulator of cell death and inflammation: molecular mechanisms and clinical implications for newborn care // Cell Death Dis. 2019. Vol. 10, № 4. P. 317. DOI: 10.1038/s41419-019-1556-7
38. Tesarik J., Mendoza-Tesarik R. Effect of melatonin on embryo development in vitro: a review // Physiol Res. 2021. Vol. 70, № Suppl 1. P. S21–S34. DOI: 10.33549/physiolres.934756
39. Voiculescu S.E., Zygouropoulos N., Zahiu C.D. et al. Role of melatonin in embryo fetal development // J Med Life. 2014. Vol. 7, № 4. P. 488–492.
40. Wang L., Wang C., Wang J. et al. Melatonin regulates the development and function of bovine theca cells by activating MT1/MT2 receptors // Reprod Domest Anim. 2017. Vol. 52, № 6. P. 1126–1135. DOI: 10.1111/rda.13045
41. Yang M., Guan S., Tao J. et al. Melatonin promotes the development of immature oocytes from the COH protocol into mature oocytes by protecting against oxidative stress and apoptosis // Oxid Med Cell Longev. 2022. Vol. 2022. P. 9306571. DOI: 10.1155/2022/9306571
42. Zhang L., Zhang Z., Wang J. et al. Melatonin regulates the activities of ovary and delays the fertility decline in female animals via MT1/AMPK pathway // J Pineal Res. 2019. Vol. 66, № 3. P. e12550. DOI: 10.1111/jpi.12550
43. Zeman M., Herichová I. Melatonin, and clock genes expression in the cardiovascular system // Front Biosci (Schol Ed). 2013. Vol. 5, № 2. P. 743–753. DOI: 10.2741/s405

© Ичмелян Альберт Мисакович (ichmelyan@rambler.ru); Богдасаров Азат Юрьевич (azat-01@mail.ru);
Давидян Лиана Юрьевна (dliana2009@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.22

ГОСПИТАЛЬНЫЕ И СРЕДНЕОТДАЛЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГИБРИДНОЙ МЕТОДИКИ ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ ПРОТЯЖЕННОЙ ОККЛЮЗИИ ПОВЕРХНОСТНОЙ БЕДРЕННОЙ АРТЕРИИ В СОЧЕТАНИИ С ПОРАЖЕНИЕМ АРТЕРИЙ ГОЛЕНИ ПРИ ХРОНИЧЕСКОЙ ИШЕМИИ, УГРОЖАЮЩЕЙ ПОТЕРЕЙ КОНЕЧНОСТИ

IN-HOSPITAL AND MID-TERM RESULTS OF IMPLEMENTING THE HYBRID SURGICAL TECHNIQUE FOR EXTENDED OCCLUSION OF THE SUPERFICIAL FEMORAL ARTERY IN COMBINATION WITH THE LESION OF CRURAL ARTERIES IN CHRONIC LIMB THREATENING ISCHEMIA

A. Kuchay
A. Lipin

Summary. *Aim*: to improve revascularization outcomes and develop a hybrid approach for extended superficial femoral artery (SFA) occlusion in combination with tibial outflow.
Material and Methods. A retrospective, cohort study was performed, which included patients with the initial severity of CLTI of stage 4 according to A.V. Pokrovsky (study group 1 — 120 patients underwent hybrid interventions and control group 2 — 138 patients underwent femorotibial bypass). An analysis of baseline, early, and mid-term outcomes, including mid-term survival and graft patency, was performed.
Results. In-hospital mortality was 7/258 cases, 2.71 % (3/120, 2.5 % of cases in group 1 and 4/138, 2.89 % in group 2). There were no cases of early infrainguinal shunt thrombosis in the interval between bypass grafting and transluminal balloon angioplasty (PTA). The amputation rate in the early postoperative period was 3/120, 2.5 % vs 2/138, 2.9 % for groups 1 and 2, respectively, p> 0.999. Thrombosis of the crural artery (3/120, 2.5 %) or thrombosis of the contralateral common femoral artery (3/120, 2.5 %) after two-stage hybrid reconstruction in the early hospital period did not lead to the development of symptoms of critical ischemia of the operated lower limb. The mid-term amputation-free survival and bypass patency were 77.7 % (95 % CI 61.7–93.7) vs 57.1 % (95 % CI 42.9–71.3) and 82.1 % (95 % CI 66.8–97.4) vs 69.6 % (95 % CI 56.1–83.1) after hybrid surgery and femorotibial bypass, respectively.
Conclusion. As compared with the classical method of treating extended occlusion of the SFA in combination with damage to the outflow tract in CLTI, the hybrid approach is an effective, modern, reliable, and safe treatment method, and has a high potential for complete rehabilitation of patients, providing a higher primary patency of the shunt with comparable rates of limb preservation, survival and healing of the trophic defect compared to isolated femorotibial bypass.

Keywords: chronic limb-threatening ischemia, extended occlusion, multilevel lesions, hybrid surgery.

Кучай Аршед Ахмад
Аспирант, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Городская больница № 14»; Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет
aak_phdcvs88@inbox.ru
Липин Александр Николаевич
Доктор медицинских наук, профессор, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Городская больница № 14»; Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

Аннотация. *Цель исследования*: оценка эффективности гибридной методики хирургического лечения протяженной окклюзии поверхностной бедренной артерии (ПБА) в сочетании с поражением артерий голени при хронической ишемии, угрожающей потерей конечности (ХИУПК).
Материал и методы: Выполнено ретроспективное, когортное исследование, в которое вошли пациенты с исходной тяжестью ХИУПК 4 стадии по А.В. Покровскому (исследуемая группа 1 — 120 больных с гибридными вмешательствами и контрольная группа 2 — 138 больных с бедренно-тибиальным шунтированием). Выполнен анализ исходных, ранних и среднеотдаленных результатов, включая среднеотдаленную выживаемость и проходимость шунтов.
Результаты: Госпитальная летальность составила 7/258 случаев, 2.71 % (3/120, 2.5 % случаев в группе 1 и 4/138, 2.89 % в группе 2). Не было зарегистрировано случаев раннего тромбоза инфраингвинального шунта в интервале между шунтированием и транлюминальной баллонной ангиопластикой (ТБА). Частота ампутаций в раннем послеоперационном периоде составила 3/120, 2.5 % vs 2/138, 2.9 % для 1 и 2 групп соответственно, p> 0.999. Тромбоз артерии голени (3/120, 2.5 %) или тромбоз контрлатеральной общей бедренной артерии (3/120, 2.5 %) после двухэтапной гибридной реконструкции в раннем госпитальном периоде не привели к появлению симптоматики критической ишемии оперированной нижней конечности. Среднеотдаленная выживаемость без ампутаций и проходимость шунта составили 77,7 % (95 % ДИ 61,7–93,7) vs 57,1 % (95 % ДИ 42,9–71,3) и 82,1 % (95 % ДИ 66,8–97,4) vs 69,6 % (95 % ДИ 56,1–83,1) после гибридного вмешательства и бедренно-тибиального шунтирования соответственно.
Заключение: По сравнение с классическим методом лечения протяженной окклюзии ПБА в сочетании с поражением путей оттока при ХИУПК гибрид-

ный подход является эффективным, современным, надежным и безопасным методом лечения, а также имеет высокий потенциал к полной реабилитации пациентов, обеспечивая высокую первичную проходимость шунта при сопоставимых показателях сохранения конечности, выживаемости и заживления трофического дефекта по сравнению с изолированным бедренно-тибиальным шунтированием.

Ключевые слова: хроническая ишемия, угрожающая потерей конечности, протяженная окклюзия, многоуровневые поражения, гибридная операция.

Введение

Одним из главных вопросов в сосудистой хирургии остается проблема с протяженной окклюзий поверхностной бедренной артерий (ПБА) в сочетании с многоуровневым атеросклеротическим поражением артерий нижних конечностей [1]. В первую очередь это связано с тем, что частота встречаемости заболевания периферических артерий вызываемое атеросклерозом и характеризующееся окклюзирующим поражением артерий нижних конечностей неуклонно растет и на настоящее время достигает 230 млн человек в мире [2], а частота ампутаций нижних конечностей в результате прогрессирования заболевания периферических артерий достигает 500 случаев на 1 млн населения в год [3]. Отдельное значение имеет тот факт, что гемодинамически значимые поражения ПБА встречаются более чем у половины пациентов с хронической ишемией угрожающей потерей конечности (ХИУПК) и часто эти поражения характеризуются протяженной окклюзией ПБА, а у значимой части пациентов сопровождаются и тяжелыми стеноокклюзирующими изменениями в артериях голени [1, 4, 5]. На настоящий момент предпочтительным методом реваскуляризации при протяженных окклюзиях ПБА и многоуровневом поражении инфраингвинального сегмента является аутовенозное шунтирование. Однако крупномасштабные исследования показывают, что при шунтировании тибиальных артерий риск ранних осложнений (тромбоз шунта, ампутация конечности) выше по сравнению с бедренно-подколенным шунтированием [4–11]. Существующие подходы к эндоваскулярной реконструкции протяженной окклюзии ПБА в сочетании с распространенными изменениями магистральных путей оттока не показывают удовлетворительных отдаленных исходов эндоваскулярной коррекции данного артериального сегмента [8, 10, 11]. В совокупности данные о плюсах и минусах открытой и внутрисосудистой реконструкции при многоуровневом инфраингвинальном поражении приводят к необходимости обсуждения возможности применения гибридной стратегии реваскуляризации при ХИУПК.

Цель исследования — оценить эффективность гибридной методики хирургического лечения протяженной окклюзии ПБА в сочетании с поражением артерий голени при ХИУПК на госпитальном этапе и в среднеотдаленном периоде.

Материал и методы

Выполнено ретроспективное, когортное исследование на базе СПб ГБУЗ «Городская больница № 14» и ФГБОУ ВО СПбГПМУ Минздрава Росси. В исследование были включены пациенты с критической ХИУПК (стадия 4 по А.В. Покровскому [12]) на фоне протяженной окклюзии ПБА с поражением артерий голени, которым была выполнено гибридное сосудистое вмешательство (120 пациентов — исследуемая группа) или аутовенозное бедренно-тибиальное шунтирование (138 пациентов — контрольная группа). Исходная сравнительная характеристика анализируемых групп пациентов с ХИУПК представлена в таблице (Табл. 1).

Сравниваемые группы были сопоставимы по возрастным, гендерным характеристикам, а также по частоте сопутствующей патологии и частоте встречаемости, как глубоких, так и поверхностных трофических изменений тканей нижней конечности. В большинстве случаев трофические изменения тканей носили глубокий характер и доминировали некрозы пальцев стопы с распространением на плюсневый отдел.

Всем пациентам решение об объеме и тактике вмешательства принималось на основании данных ангиографии с акцентом не только на наличие протяженной окклюзии ПБА (> 20 см — 100 % случаев), но и на наличие гемодинамически значимого поражения глубокой бедренной артерии, подколенной артерии (ПкА) и артерий голени (стеноз > 70 % / окклюзия) (Рис. 1).

Важно отметить, что у всех пациентов данной группы функционировали суральные артерии и/или артерии коленного сустава.

Гибридное вмешательство

Гибридное сосудистое вмешательство включало в себя открытый этап с выполнением бедренно-подколенного шунтирования и эндоваскулярный, который выполнялся из разных доступов (контралатеральный

Таблица 1.
Исходные сравнительные характеристики пациентов с ХИУПК

Параметр	Гибридные вмешательство (n =120)	Бедренно-тибиальное шунтирование (n = 138)	p =
Женщин, n (%)	30 (25)	36 (26)	0.059
Мужчин, n (%)	90 (75)	102 (73.9)	0.783
Средний возраст, лет M (мин. — макс.)	69,5 (45–88)	69 (46–88)	0.059
Хроническая болезнь почек, n (%)	12 (10)	15 (10.8)	>0.999
Ишемическая болезнь сердца, n (%)	99 (82.5)	111 (80.4)	>0.999
Сахарный диабет, n (%)	54 (42.5)	60 (43.4)	0.104
Пораженная ангиосома			
Передняя/задняя большеберцовая артерия, n (%)	111 (92.5)	78 (56.5)	>0.999
Малая большеберцовая артерия, n (%)	9 (7.5)	60 (43.5)	>0.999
Трофические изменения			
Глубокие, n (%)	66 (55)	72 (52.1)	0.491
Поверхностные, n (%)	54 (45)	66 (47.8)	0.491

бедренный доступ, антеградный доступ через боковую ветвь шунта, антеградный доступ через общую бедренную артерию) и заключался либо в баллонной ангиопластике (ТБА) либо в ТБА со стентированием гемодинамически значимых стенозов (> 70 %) ПкА, артерий голени, стопы.

Гибридное вмешательство выполнялось либо одномоментно, либо в два этапа. Показанием к симультанной интервенции считали глубокий и распространенный некроз тканей стопы, наличие признаков «увлажнения» некроза, воспалительных изменений в анализе крови (лейкоцитоз, сдвиг лейкоцитарной формулы влево) и (или) лихорадки.

Гибридная операция была выполнена одномоментно у 66 пациентов (55 %), в два этапа — у 54 пациентов (45 %).

Гибридное вмешательство всегда начиналось с аутовенозного бедренно-подколенного шунтирования (Табл. 2).

В качестве кондуита чаще (77.5 % случаев) применяли нереверсированную большую подкожную вену (венозные клапаны разрушали с помощью вальвулотомии) по сравнению с реверсированной большой подкожной веной (22.5 %). Проксимальный анастомоз чаще формировали (95 % случаев) с общей бедренной артерией (ОБА), а дистальный анастомоз — на уровне проксимальной части ПкА (95 % случаев).

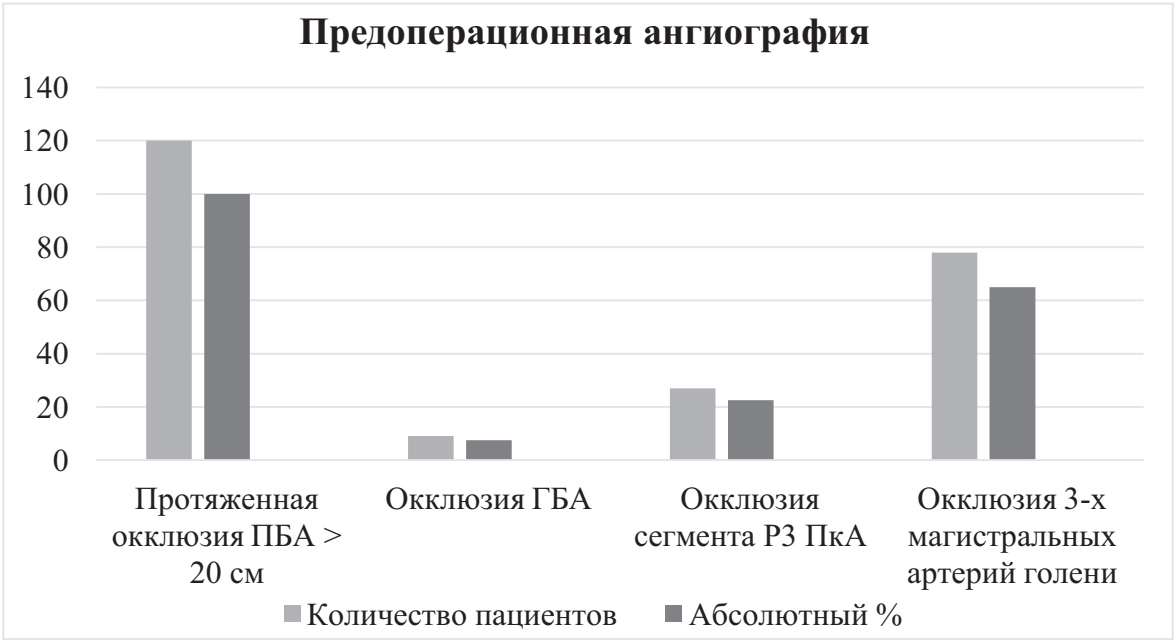

Рис. 1. Результаты предоперационной ангиографии у пациентов с критической ишемией нижних конечностей, которым выполнены гибридные вмешательства

Примечание: ПБА — поверхностная бедренная артерия; ГБА — глубокая бедренная артерия; ПкА — подколенная артерия

Таблица 2.

Характеристики открытого этапа гибридного вмешательства у пациентов с пациентов с ХИУПК (n = 120)

Параметр	Количество пациентов, n (%)
Проксимальный анастомоз с общей бедренной артерией	114 (95)
Проксимальный анастомоз с глубокой бедренной артерий	6 (5)
Дистальный анастомоз с проксимальной частью ПкА	114 (95)
Дистальный анастомоз с дистальной частью ПкА	6 (5)
Шунт из нереверсированной большой подкожной вены	93 (77.5)
Шунт из реверсированной большой подкожной вены	27 (22.5)

Основные характеристики второго — эндоваскулярного этапа гибридного вмешательства представлены в таблице (Табл. 3).

Таблица 3.

Характеристики эндоваскулярного этапа гибридного вмешательства у пациентов с ХИУПК (n = 120)

Параметр	Количество пациентов, n (%)
Всего гибридных вмешательств: — симультанные операции — двухэтапные операции	120 (100) 66 (55) 54 (45)
Контралатеральный бедренный доступ: — симультанные — двухэтапные	57 (47.5) 6 (5) 51 (42.5)
Антеградный доступ через боковую ветвь шунта: — симультанные — двухэтапные	54 (45) 54 (45) 0 (0)
Антеградный доступ через общую бедренную артерию: — симультанные — двухэтапные	9 (7,5) 6 (5) 3 (2.5)
ТБА 1-й артерии голени	45 (37.5)
ТБА 2-х артерий голени	45 (37.5)
ТБА 3-х артерий голени	3 (2.5)
ТБА ПкА + 1–2 артерии голени	81 (67.5)
ТБА + стентирование артерий голени	27 (22.5)
ТБА артерий стопы	108 (90)

Необходимо отметить, что на втором — эндоваскулярном этапе доступ через боковую ветвь шунта чаще всего применяли при симультанных гибридных вмешательствах, а контрлатеральный доступ — при двухэтапном варианте.

В трех случаях в связи с диссекцией сосуда, после ТБА было выполнено стентирование: 2 случая — тибиальные артерии (6 %), 1 случай — ПкА (3 %).

Изолированное бедренно-тибиальное шунтирование у пациентов с ХИУПК

Бедренно-тибиальное шунтирование осуществлялось по стандартному протоколу, основные характеристики представлены в таблице (Табл. 4).

Таблица 4.

Оценка морфометрических и функциональных характеристик проксимальных и дистальных анастомозов и шунтов в контрольной группе (аутовенозное бедренно-тибиальное) шунтирование у пациентов с ХИУПК (n = 138) с целью установления базовых параметров для сравнения с групп пациентов ДГВ (дистальное гибридное вмешательство)

Параметр	Количество пациентов, n (%)
Проксимальный анастомоз с общей бедренной артерией	78 (56.6)
Проксимальный анастомоз с ПБА	36 (26)
Проксимальный анастомоз с ПкА	12 (8.7)
Проксимальный анастомоз от глубокой бедренной артерией	12 (8.7)
Дистальный анастомоз с передней/задней большеберцовыми артериями	78 (56.5)
Дистальный анастомоз с малоберцовой артерий	60 (43.5)
Дистальный анастомоз на уровне верхней трети голени	30 (21.8)
Дистальный анастомоз на уровне средней трети голени	90 (65.2)
Дистальный анастомоз на уровне нижней трети голени	18 (13)
Шунт из нереверсированной большой подкожной вены	96 (69.6)
Шунт из реверсированной большой подкожной вены	42 (30.4)

Антитромботическая терапия

Особенности антитромботической терапии при гибридном вмешательстве зависели от его этапности. Так при симультатном вмешательстве применяли нефракционированный гепарин в дозе 60 ЕД/кг. В случае двухэтапного подхода нефрацкционаированный гепарин

вводился в дозе 30 ЕД/кг во время первого (открытого) этапа операции и 5000 ЕД во время эндоваскулярного этапа. Этап открытой реваскуляризации сопровождался монотерапией ацетилсалициловой кислотой, а двойную антиагрегантную терапию (ацетилсалициловая кислота 100 мг + клопидогрел 75 мг) начинали на следующий день после второго этапа операции с рекомендацией продолжения двойной антиагрегантной терапии в течение 12 месяцев с последующим пожизненным приемом ацетилсалициловой кислоты.

Антитромботическая терапия в группе изолированного аутовенозного бедренно-тибиального шунтирования проводилась по стандартной схеме с введением нефракционированного гепарина в дозе 60 ЕД/кг на фоне монотерапии ацетилсалициловой кислотой с последующим ее продолжением.

Обследование в послеоперационном периоде

В раннем послеоперационном периоде у всех оперированных пациентов выполнялся анализ клинического статуса, выполнялись необходимые по стандартному протоколу лабораторные и инструментальные методы диагностики с обязательным выполнением ультразвукового исследования сосудов нижних конечностей на 1-е сутки после вмешательства.

В среднеотдаленном периоде проводился телефонный опрос пациентов/родственников. В зависимости от территориальной локации пациентов были получены данные как об их клиническом статусе, так и данные ультразвукового исследования сосудов нижних конечностей. В случае проживания пациентов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области пациенты были вызваны на амбулаторное обследование в СПб ГБУЗ «Городская больница № 14». В случаях проживания пациентов в других регионах Российской Федерации пациентами были предоставлены медицинские заключения, включая ультразвуковое исследование сосудов нижних конечностей, выполненное по месту жительства.

Анализ

Проведен сравнительный анализ госпитальной летальности и частоты осложнений (высокая ампутация конечности, тромбоз шунта) в раннем послеоперационном периоде (<30 суток). Выполнен анализ таких осложнений, как тромбоз артерий голени после ТБА и контрлатеральной ОБА в группе гибридного вмешательства. Проанализирована кумулятивная выживаемость и частота осложнений в среднеотдаленном периоде (12 месяцев после операции) исследуемой и контрольной групп.

Статистический анализ проводился с помощью программы SPSS Statistics (версия 26, IBM, США) с расширением R (версия 3.5.3). Критерий Шапиро-Уилка использовали для оценки нормальности распределения количественных переменных. При сопоставлении качественных переменных использовали точный критерий Фишера. С помощью критерия Манна-Уитни оценивали достоверность различий между переменными с ненормальным распределением. Сравнение накопленной вероятности достижения конечной точки проводили по методу Каплана-Мейера с использованием логрангового критерия для оценки уровня статистической значимости. Для всех статистических критериев уровень значимости <0,05 считали статистически значимым.

Результаты

Показатель госпитальной (30-дневной) летальности у оперированных больных составил 7/258 случаев — 2.71 % (3/120–2.5 % случаев в группе гибридных вмешательств и 4/138–2.89 % в группе бедренно-тибиального шунтирования) и во всех случаях летальные исходы были обусловлены развитием острого инфаркта миокарда и его осложнений. Ни в одном случае причиной летального исхода в раннем послеоперационном периоде не явились осложнения, связанные с ХИУПК.

Сравнительный анализ госпитальной летальности и осложнений раннего послеоперационного периода больных с ХИУПК после гибридного вмешательства и изолированного бедренно-тибиального шунтирования показал отсутствие статистически значимых различий между анализируемыми группами пациентов как по частоте летальных исходов ($p = 0.596$), так и по частоте высокой ампутации конечности ($p > 0.999$), тромбозов аутовенозного шунта ($p = 0.092$) (Табл. 5).

Таблица 5.

Сравнительные данные госпитальной летальности, осложнений раннего послеоперационного периода исследуемой и контрольной групп пациентов с ХИУПК

Параметр	Гибридные вмешательство (n =120)	Бедренно-тибиальное шунтирование (n = 138)	p =
Летальный исход, n (%)	3 (2.5)	4 (5.7)	0.596
Высокая ампутация конечности, n (%)	3 (2.5)	2 (2.9)	>0.999
Тромбоз шунта, n (%)	3 (2.5)	10 (14.3)	0.092
Тромбоз артерии голени после ТБА	3 (2.5)	N/A	–
Тромбоз контралатеральной ОБА (зона эндоваскулярного доступа)	3 (2.5)	N/A	–

Все случаи высокой ампутации конечности в раннем послеоперационном периоде, как в группе 1, так и группе 2 были обусловлены отсутствием положительной динамики трофических изменений со стороны оперированной нижней конечности во всех случаях при гибридном вмешательстве и 2 случаях при изолированном бедренно-тибиальном шунтировании с подтвержденной ультразвуковым исследованием сохраняющейся декомпенсацией кровообращения. В 8 случаях тромбоза шунта при изолированном бедренно-тибиальном шунтировании и исходном отсутствии трофических изменений нижней конечности дополнительно были присоединены антикоагулянты с положительным эффектом.

Необходимо отметить, что при двухэтапной гибридной реконструкции при ХИУПК, несмотря на тяжелое поражение артерий голени не было зарегистрировано ни одного случая раннего тромбоза инфраингвинального шунта в интервале между открытым и эндоваскальным этапами, а зарегистрированный в 3 (2.5 %) случаях тромбоз артерии голени после двухэтапной гибридной реконструкции с выполнением ТБА тибиальных артерий со стентированием передней и задней большеберцовой артерий на фоне сохраненной проходимости аутовенозного шунта не привел к появлению симптоматики критической ишемии оперированной нижней конечности. Случаи (3/120–2.5 %) тромбоза контрлатеральной ОБА на первые сутки после гибридного вмешательства не привели к развитию острой ишемии конечности, и данные пациенты были успешно оперированы спустя месяц после эпизода тромбоза с выполнением эндартерэктомии контралатеральной артерии.

Выживаемость пациентов без ампутации, проходимость шунта в группе 1 (гибридное вмешательство) через 12 месяцев составили 82,1 % (95 % ДИ 66,8–97,4) и 77,7 % (95 % ДИ 61,7–93,7) соответственно. В группе 2 (бедренно-тибиальное шунтирование) выживаемость без ампутации и проходимость шунта через 12 месяцев составили 69,6 % (95 % ДИ 56,1–83,1) и 57,1 % (95 % ДИ 42,9–71,3) соответственно.

Обсуждение

Среди большого количества вариантов гибридных реконструкций при ХИУПК, описанный нами подход встречается достаточно редко [6, 7, 12]. Опубликованные работы характеризуются небольшим числом наблюдений, отсутствуют сколь-нибудь релевантные сравнительные исследования [5, 13]. Принятое решение о выполнении бедренно-тибиального шунтирования при изолированном открытом вмешательстве, прежде всего, было связано с высокой долей выполнения бедренно-тибиальных шунтов (от 12 до 40–50 %) по данным крупнейших мировых «реестров» и открытых инфраингвинальных реконструкций при ХИУПК [9–13]. Однако, учитывая оборотную сторону данной тактики в виде высокой частоты ранних тромбозов (9 %) и высоких ампутаций (4,7–8,3 %) [12, 14], а также ревизии шунта в течение первых суток после операции (13,3 %) [14] и, наконец, высокой послеоперационной летальности (4,6–6,8 %) [5, 13–15], нами выполнено исследование, направленное на оценку эффективности гибридного метода хирургического лечения ХИУПК с выполнением первым этапом бедренно-подколенного шунтирования и вторым — ТБА артерий голени. Необходимость данного исследования непосредственно сопряжена как с данными ряда работ, указывающих на то, что гибридные операции выполнялись при «дистальном» типе периферического русла, представленного минимум одной артерией [16], так и крупного обсервационного исследования (CRITISCH) [15, 16], показавшего, что небольшая часть операций бедренно-подколенного шунтирования к первому сегменту ПкА действительно проводится при трехсосудистой окклюзии артерий голени (12 %) [5, 17]. Другой важный принцип, лежащий в основе выбранного нами способа реваскуляризации нижней конечности при гибридной операции у больных с ХИУПК, состоит в стремлении обеспечить прямую ангиосомную реваскуляризацию стопы [18], для чего нами и выполнялась ТБА артерий голени. Кроме того, исследуя эту проблему, мы также изучили вопрос, посвященный инфраингвинальному шунтированию с формированием дистального анастомоза с геникулярными, суральными артериями, а также с Пка при трехсосудистой окклюзии артерий голени (так называемая «изолированная» Пка) [17, 18]. В результате анализа литературных данных отмечено, что у 3,3–6,3 % пациентов, несмотря на функционирующий шунт, явления ХИУПК не купировались и им была выполнена ампутация конечности на уровне голени [17–20]. Необходимо отметить, что авторами не был отражен вопрос о тактике антитромботической терапии.

В связи с вышеизложенным, прежде всего, необходимо акцентировать внимание на том, что у большинства пациентов (65/120–78 %) в нашей группе гибридных вмешательств исходно была выявлена окклюзия всех трех артерий оттока. Кроме того, мы учитывали тот факт, что тотальное поражение артерий голени само по себе в состоянии вызывать критическую ишемию дистальных отделов стопы, что, на наш взгляд, является дополнительным основанием для коррекции путей оттока дистальнее бедренно-подколенного шунта [20, 21]. И наконец, важным обстоятельством [5, 20, 21], приведшим к анализу эффективности гибридного метода реваскуляризации явился доказанный ранее высокий риск выполнения малых ампутаций при наличии трофических изменений больных с ХИУПК и протяженной окклюзией (> 20 см) ПБА [20, 21].

Результатом сравнительного анализа, полученных нами результатов хирургического лечения больных

с ХИУПК и протяженной окклюзией (> 20 см) ПБА группы больных с гибридными вмешательствами (группа 1) и изолированным бедренно-тибиальным шунтированием (группа 2), прежде всего явилось то, что частота ампутаций в раннем послеоперационном периоде оказалась ниже «среднемировой» для обеих групп (3/120 — 2.5 % vs 2/138 — 2.9 % соответственно, с отсутствием статистически значимой разницы между группами p > 0.999). В этой связи, считаем необходимым акцентировать внимание не только на тактике хирургического вмешательства, но и на определенном нами подходе к проведению антитромботической терапии в зависимости от выбранного метода реваскуляризации и осуществляемом ультразвуковом контроле после реваскуляризации при ХИУПК у пациентов с протяженной окклюзией (> 20 см) ПБА.

Среднеотдаленные результаты (12 месяцев) реваскуляризации нижней конечности при протяженной окклюзии (> 20 см) ПБА и ХИУПК показал более эффективные результаты гибридного вмешательства по сравнению с изолированным бедренно-тибиальным шунтированием [8, 21] по выживаемости пациентов без ампутации и проходимости шунта (82,1 % [95 % ДИ 66,8–97,4] vs 69,6 % [95 % ДИ 56,1–83,1] и 77,7 % [95 % ДИ 61,7–93,] vs 57,1 % [95 % ДИ 42,9–71,3] соответственно) [5, 20, 21].

Безусловно, представленные выше соображения требуют детального анализа в рамках сравнительных многоцентровых исследований. Однако на основании приведенных данных можно заключить, что гибридный подход к реваскуляризации протяженных окклюзий ПБА (> 20 см) при распространенном поражении периферического русла голени является перспективной эффективной стратегией хирургического лечения в обсуждаемой группе пациентов с ХИУПК [5, 21].

Заключение

Гибридные реваскуляризирующие вмешательства представляются целесообразными у пациентов с протяженной (>20 см) окклюзией ПБА, осложненной гемодинамически значимыми стено-окклюзионными поражениями артерий голени. В сравнении с традиционными хирургическими методами лечения протяженных окклюзий ПБА, сочетающихся с дистальным поражением артериального русла при ХИУПК, гибридный подход демонстрирует свою эффективность, надежность и безопасность, а также ассоциирован с улучшением реабилитационного потенциала. Данная стратегия обеспечивает более высокую первичную проходимость реваскуляризирующего шунта при сопоставимых показателях сохранения конечности, общей выживаемости и регресса трофических нарушений в сравнении с изолированным бедренно-тибиальным шунтированием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучай А. Сравнительный ретроспективный анализ результатов гибридных вмешательств и бедренно-тибиального шунтирования при протяженных многоуровневых поражениях инфраингвинального артериального сегмента у пациентов с критической ишемии нижних конечностей / А. Кучай, А.Н. Липин // Педиатр. — 2023. — Т. 14. — №6. — С. 25–35. doi: 10.17816/PED626430
2. Houghton J.S.M., New horizons in peripheral artery disease / J.S.M. Houghton, A.N. Saratzis, R.D. Sayers, V.J. Haunton // Age Ageing. — 2024. — Vol. 53. — № 6. — P. afae114. DOI: 10.1093/ageing/afae114.
3. Gerhard-Herman M.D. 2016 AHA/ACC Guideline on the management of patients with lower extremity peripheral artery: a report of the American College of Cardiology/American Heart Association Task Force on clinical practice gidelines / M.D. Gerhard-Herman, H.L. Gornik, C. Barrett [et al.] // Circulation. — 2017. — Vol. 135. — № 12. — e726–e779. DOI: 10.1161/CIR.0000000000000471.
4. Fernandes J.F. Peripheral arterial disease–indications for intervention: from open surgery to endovascular and hybrid repair / J.F. Fernandes, R.F. Fernandes, P. Garrido [et al.]. — Текст: электронный // e-J Cardiol Pract. — 2021. — Vol. 20. — № 9. — URL: https://www.escardio.org/Journals/E-Journal-of-Cardiology-Practice/Volume-20/peripheral-arterial-disease-indications-for-intervention-from-open-surgery-to-endovascular-and-hybrid-repair.
5. Кучай А.А. Гибридные вмешательства на дистальных отделах магистральных артерий при протяженных хронических окклюзиях поверхностной бедренной артерии у пациентов с критической ишемией конечностей / А.А. Кучай, А.Н. Липин // Атеросклероз и Дислипидемии. 2024. Т. № 2(55). СС. 32–40. DOI: 10.34687/2219-8202.JAD.2024.02.0004
6. Kwong M. Updated estimates for the burden of chronic limb-threatening ischemia in the Medicare population / M. Kwong, G. Rajasekar, G.H. Utter [et al.] // J Vasc Surg. — 2023. — Vol. 77. — № 6. — P. 1760–1775. DOI: 10.1016/j.jvs.2023.01.200.
7. Martelli E. Sex-related differences and factors associated with peri-procedural and 1 year mortality in chronic limb-threatening ischemia patients from the CLIMATE Italian registry / E. Martelli, M. Zamboni, G. Sotgiu [et al.] // J Pers Med. — 2023. — Vol. 13. — № 2. — P. 316. DOI: 10.3390/jpm13020316.
8. Кучай А.А. Концепция дистального гибридного вмешательства при атеросклеротическом поражении артерий нижних конечностей / А.А. Кучай., А.Н. Липин., П.С. Курьянов [и др.] // Атеросклероз и Дислипидемии. 2023. Т. № 3 (52). СС. 37–43. DOI: 10.34687/2219 –8202.JAD.2023.03.0005
9. Pecoraro F. Simultaneous hybrid treatment of multilevel peripheral arterial disease in patients with chronic limb-threatening ischemia / F. Pecoraro, D. Pakeliani, S. Bruno [et al.] // J Clin Med. — 2021. — Vol. 10. — № 13. — P. 2865. DOI: 10.3390/jcm10132865.
10. Ventoruzzo G. Limb salvage and survival in chronic limb-threatening ischemia: the need for a fast-track team-based approach / G. Ventoruzzo, G. Mazzitelli, U. Ruzzi [et al.] // J Clin Med. — 2023. — Vol. 12. — № 18. — P. 6081. DOI: 10.3390/jcm12186081.
11. Кучай А.А. Преимущества техники гибридной реваскуляризации при лечении протяженных окклюзий поверхностной бедренной артерии и многоуровневых поражений артерий нижних конечностей / А.А. Кучай., А.Н. Липин., П.С. Курьянов //Регионарное кровообращение и микроциркуляция. 2024;23(2):60–66. Doi: 10.24884/1682–6655–2024-23-2-60-66.

12. Национальные рекомендации по ведению пациентов с заболеваниями артерий нижних конечностей / Российский согласительный документ. 2019. — Текст: электронный URL: https://www.angiolsurgery.org/library/recommendations/2019/recommendations_LLA_2019.pdf
13. Berchiolli R. Chronic limb-threatening ischemia and the need for revascularization / R. Berchiolli, G. Bertagna, D. Adami [et al.] // J Clin Med. — 2023. — Vol. 12. — № 7. — P. 2682. DOI: 10.3390/jcm12072682.
14. Cha J.J. Long-term clinical outcomes and prognostic factors after endovascular treatment in patients with chronic limb threatening ischemia / J.J. Cha, J.Y. Kim, H. Kim [et al.] // Korean Circ J. — 2022. — Vol. 52. — № 6. — P. 429–440. DOI: 10.4070/kcj.2021.0342.
15. Kabra A. Outcomes of angiosome and non-angiosome targeted revascularization in critical lower limb ischemia / A. Kabra, K.R. Suresh, V. Vivekanand [et al.] / J Vasc Surg. — 2013. — Vol. 57. — № 1. — P. 44–49. DOI: 10.1016/j.jvs.2012.07.042.
16. Bisdas T. Results of peripheral bypass surgery in patients with critical limb ischemia (CRITISCH registry) / T. Bisdas, G. Torsello, A. Stachmann, R.T. Grundmann; CRITISCH study group / Gefasschirurgie. — 2016. — Vol. 21 (Suppl 2). — P. 71–79. DOI: 10.1007/s00772-016-0166-2.
17. Bradbury A.W. A vein bypass first versus a best endovascular treatment first revascularisation strategy for patients with chronic limb threatening ischaemia who required an infra-popliteal, with or without an additional more proximal infra-inguinal revascularisation procedure to restore limb perfusion (BASIL-2): an open-label, randomised, multicentre, phase 3 trial / A.W. Bradbury, C.A. Moakes, M. Popplewell [et al.] // Lancet. — 2023. — Vol. 401. — № 10390. — P. 1798–1809. DOI: 10.1016/S0140-6736(23)00462-2.
18. Domínguez L.J.G. Hybrid revascularization of chronic limb-threatening ischemia using popliteal below-knee and tibial trifurcation open endarterectomy distally plus inter-woven nitinol stenting proximally / L.J.G. Domínguez, I.R. Moreno, L.G. Núñez, M.M. Hernández // Ann Vasc Surg. — 2022. — Vol. 80. — P. 386–391. DOI: 10.1016/j.avsg.2021.10.056.
19. Bradbury A.W. Bypass versus angioplasty in severe ischaemia of the leg (BASIL) trial: a description of the severity and extent of disease using the Bollinger angiogram scoring method and the TransAtlantic Inter-Society Consensus II classification / A.W. Bradbury, D.J. Adam, J. Bell [et al.] // J Vasc Surg. — 2010. — Vol. 51. — P. 32S–42S. DOI: 10.1016/j.jvs.2010.01.075.
20. Кучай А.А. Реваскуляризация при протяженных окклюзиях поверхностной части бедренной артерии и многоэтажных поражениях артерий нижней конечности / А.А. Кучай., А.Н. Липин., Н.Р. Карелина [и др.] // Forcipe. — 2022. Т. 5. №3. — С. 4–14.
21. Farber A. Surgery or endovascular therapy for chronic limb-threatening ischemia / A. Farber, M.T. Menard, M.S. Conte [et al.] // N Engl J Med. — 2022. — Vol. 387. — № 25. — P. 2305–2316. DOI: 10.1056/NEJMoa2207899.

© Кучай Аршед Ахмад (aak_phdcvs88@inbox.ru); Липин Александр Николаевич
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.23

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРОМБООПАСНОСТЬ ГАЗОВОЙ ГИПЕРТЕНЗИИ ПРИ РЕТРОПЕРИТОНЕАЛЬНОЙ ЭНДОХИРУРГИИ

THE POTENTIAL DANGER OF THROMBOSIS IN RETROPERITONEAL ENDOSURGERY

Yu. Lobanov
K. Shapovalov
S. Lobanov
L. Lobanov
K. Aksenov

Summary. Retroperitoneal space surgery using retroperitoneal access is actively developing. The possibility of surgical manipulation requires the creation and maintenance of a retropneumoperitoneum. In this case, compression of tissues and vascular structures in the retroperitoneal space occurs. This can lead to a violation of microcirculation. This phenomenon is insufficiently studied. The question of the effect of retropneumoperitoneum on the state of the endothelium and the potential danger of thrombotic complications remains unclear.

The purpose of the work: to study the state of the endothelium and platelet activity, at different levels of gas pressure in the conditions of the retropneumoperitoneum, during operations in the retroperitoneal space.

Material and methods: Studies were conducted in 44 patients operated on for kidney cysts using retroperitoneal access. The first group included 20 patients whose pressure level in the retroperitoneal space did not exceed 12 mmHg, the second group included 24 patients -12 mmHg and higher. Platelet aggregation, lymphocyte adhesion to platelets (LTA), endothelial functions: endothelin-1 level, the number of circulating endothelial cells (CEC) were determined as markers of venous thrombosis.

Results and discussion. In the 1st group of patients, no significant changes in the studied indicators were detected. In the second group, an increase in the level and rate of induced aggregation was found by 11 % and 14 %. In group 2, a significant increase in the level of endothelin-1 and circulating endothelial cells, as well as the degree of platelet adhesion to lymphocytes, was found.

Conclusion. With higher compression (more than 12 mmHg), induced platelet aggregation increases and signs of endothelial dysfunction appear, which may indicate a violation of microcirculation and an increased risk of thrombotic complicati.

Keywords: retroperitoneal space surgery, retropneumoperitoneum, platelet aggregation, endothelium.

Лобанов Юрий Сергеевич
Кандидат медицинских наук, доцент, ФГБОУ ВО Читинская государственная медицинская академия
yuriilobanov@mail.ru
Шаповалов Константин Геннадьевич
Доктор медицинских наук, профессор, ФГБОУ ВО Читинская государственная медицинская академия
shkg26@mail.ru
Лобанов Сергей Леонидович
Доктор медицинских наук, профессор, ФГБОУ ВО Читинская государственная медицинская академия
slobanov15@mail.ru
Лобанов Леонид Сергеевич
Кандидат медицинских наук, зам.главного врача, Городская Клиническая Больница №1, г. Чита
leonid.lobanov74@mail.ru
Аксенов Константин Олегович
Аспирант, ФГБОУ ВО Читинская государственная медицинская академия
slobanov15@mail.ru

Аннотация. Происходит активное развитие хирургии забрюшинного пространства с использованием ретроперитонеального доступа. Для возможности хирургических манипуляций требуется создание и поддержание ретропневмоперитонеума. При этом возникает компрессия тканей и сосудистых структур в забрюшинном пространстве, что может приводить к нарушению микроциркуляции. Данное явление изучено недостаточно. Неясным является вопрос о влиянии ретропневмоперитонеума на состояние эндотелия и потенциальной опасности тромботических осложнений.

Цель работы: изучение состояния эндотелия и активности тромбоцитов, при разном уровне давления газа в условиях ретропневмоперитонеума, при проведении операций в забрюшинном пространстве.

Материал и методы: Исследования проведены у 54 пациентов, оперированных по поводу кист почек с помощью ретроперитонеального доступа. В первую группу включены 20 больных, у которых уровень давления не превышал 12 мм рт.ст., Во вторую 34 пациента –12 мм рт.ст. и выше. В качестве маркеров венозного тромбоза определяли уровень Д-димера фибрина, агрегацию тромбоцитов, лимфоцитарно-тромбоцитарную адгезию (ЛТА), функции эндотелия: уровень эндотелина-1, количество циркулирующих эндотелиальных клеток.

Результаты и обсуждение. Не обнаружено значимых изменений исследуемых показателей в 1 группе пациентов. Во второй группе, обнаружено увеличение Д-димера в 5,5 раза, уровня и скорости индуцированной агрегации на 11 % и 14 %, а также обнаружено значимое увеличение уровня эндотелина-1 и циркулирующих эндотелиальных клеток, а также степени лимфоцитарно-тромбоцитарной адгезии.

Заключение. При более высокой компрессии (свыше 12 мм рт.ст.) происходит усиление индуцированной агрегации тромбоцитов и появляются признаки дисфункции эндотелия, что может свидетельствовать о нарушении микроциркуляции и повышении риска тромботических осложнений.

Ключевые слова: хирургия забрюшинного пространства, ретропневмоперитонеум, агрегация тромбоцитов, эндотелий.

Введение

В настоящее время активно развивается хирургия забрюшинного пространства с использованием ретроперитонеального доступа [1, 2, 3, 4]. К преимуществам данного подхода относится анатомически оптимальный путь к органам забрюшинного пространства и отсутствие контакта с брюшной полостью [1, 5, 6]. Вместе с тем к отрицательным моментам ретроперитонеального доступа следует отнести ограниченное пространство для манипуляций, требующее его поддержания за счет постоянной инсуффляции газа. При этом возникает абдоминальная гипертензия, реакции организма на которую достаточно подробно изучены [7]. Дополнительным и малоизученным с точки зрения тромбоопасности, фактором является компрессия тканей, а также сосудистых структур забрюшинного пространства. В связи с этим изучение данного круга проблем является актуальным, для определения границ безопасности ретроперитонеальной гипертензии, а также профилактики тромбоэмболических осложнений (ТЭО). Одной из малоизученных, но важных, в патогенезе тромбообразования проблем является изучение состояния эндотелия сосудистой стенки. Известно, что его повреждение может возникнуть при при затруднении микрокровотока, вследствие компрессии тканей [8, 9]. Вместе с тем остается неясным степень влияния ретропневмоперитонеума на состояние эндотелия при проведении малоинвазивных вмешательств в забрюшинном пространстве.

Целью работы явилось изучение состояния эндотелия и активности тромбоцитов, при разном уровне давления газа в условиях ретропневмоперитонеума, при проведении операций в забрюшинном пространстве.

Материал и методы

Исследования проведены у 54 пациентов оперированных по поводу кист почек с помощью ретроперитонеального доступа в городской клинической больнице № 1 и Краевой клинической больнице г. Читы за 2018–2024 гг. Техника операции: при стандартном положении больного на операционном столе, делается разрез кожи в поясничной области в зоне края 12 реберной дуги около 2 см кнаружи от латерального края мышцы, выпрямляющей позвоночник (m. erector spinae), на 2 см краниальнее гребня подвздошной кости (crista iliaca), в проекции треугольника Лесгафта — Гринфельта, с послойным рассечением тканей брюшной стенки. Тупо и послойно преодолевается мышечный слой до клетчатки. В поясничной клетчатке создается канал, в который устанавливается баллон-диссектор, осуществляется наполнение баллона примерно 1,8–2,0 л воздуха, после чего баллон удаляется и устанавливаются два дополнительных троакара. После создания ретропневмоперитонеума, уровень давления в забрюшинном пространстве поддерживали с помощью инсуффлятора, который устанавливали исходя из индивидуальных анатомических особенностей для создания адекватного пространства. Перед началом и после окончания операции проводили забор крови из локтевой вены, второй раз кровь забирали после удаления газа из забрюшинного пространства. По степени гипертензии создаваемой в забрюшинном пространстве по ходу операции, выделены две группы однородные по полу и возрасту, массе тела также по длительности оперативного вмешательства. В первую группу включены 20 больных, у которых уровень давления не превышал 12 мм рт.ст., Во вторую 34 пациента —12 мм рт.ст. и выше. В качестве маркеров венозного тромбоза определяли следующие показатели: уровень Де-димера фибрина, агрегацию тромбоцитов с использованием индуктора агрегации АДФ в концентрации 0,2 мкмоль; лимфоцитарно-тромбоцитарную адгезию (ЛТА) по методу Ю.А. Витковского с соавт. [10]; функции эндотелия: уровень эндотелина-1, количество циркулирующих эндотелиальных клеток (ЦЭК) методом твердофазного иммуноферментного анализа с помощью реагентов «Biomedica group». Сравнивали показатели, полученные до и после наложения ретропневмоперитонеума.

Статистический анализ проводился с помощью пакета программ Microsoft Office 2021. Критический уровень значимости при проверке гипотез p=0.05.

Результаты и обсуждение

При изучении результатов в 1 группе пациентов с применением давления инсуфлируемого газа в забрюшинном пространстве в пределах порога безопасности (до 12 мм рт. ст.) не выявлено статистически значимых изменений показателей агрегации тромбоцитов, а также признаков повреждения эндотелия. Во второй группе, при более высокой компрессии ретропневмоперитонеума (12–16 мм рт.ст было выявлено увеличение спонтанной агрегации тромбоцитов на 18 % (Таблица 1).

Установлено, что повышенная компрессия в забрюшинном пространстве у больных 2 группы приводит к увеличению уровня индуцированной агрегации на 11 % (0.0443), при этом степень агрегации индуцированной агрегации увеличивалась на 14 % (p=0.0125). Под действием выбранного режима ретропневмоперитонеума происходило сокращение времени индуцированной агрегации на 10 % (p=0.0125), в свою очередь скорость индуцированной агрегации возрастала на 13 % (p=0.00482). Уровень Д-димера повышался после операции в 5,5 раз. Также во 2 группе обнаружено значимое увеличение уровня эндотелина-1 и ЦЭК, а также степени ЛТА.

Заключение

Данные изменения агрегационных свойств тромбоцитов демонстрируют увеличение их активности в ответ на создание искусственной полости с поддержанием давления за счёт инсуфлируемого газа в забрюшинном

Таблица 1.
Маркеры венозного тромбоза у пациентов 2 группы (n=34) при режиме ретропневмоперитонеума выше 12 мм рт.ст.

Показатели	До операции	После операции	% изменения
Степень ЛТА (лимфоцитарно-тромбоцитарная адгезия) %	4,1 ±2,1	8,4 ±3,8	P <0,05
Степень индуцированной агрегации тромбоцитов %	50,1±6,6,1	76,2±4,9	P <0,05
Время индуцированной агрегации тромбоцитов сек.	256±9,1	197,4±3,9	P <0,05
Скорость индуцированной агрегации тромбоцитов % в мин	59,8±6,4	95,7±7,3	P <0,05
Эндотелин-1(нг/мл)	0,56 ±0,22	0,98 ±0,13	P <0,05
ЦЭК клетки, %	4,38±0,21	8,75±0,39	P <0,05
Уровень Де-димера (ng/ml)	553±40,6	2882±59,7	P <0,05

пространстве выше 12 мм рт. ст. Вероятнее всего сдавление микрососудов за счет механического воздействия приводит к выбросу вазоактивных веществ из эндотелиальных клеток в том числе факторы активации тромбоцитов. Данный защитный механизм направлен на формирование барьера с внешней средой, для поддержания гемостаза и формирования иммунного ответа.

При анализе результатов исследования среди пациентов второй группы оперированных пациентов при надпороговом уровне гипертензии в забрюшинном пространстве обнаружены значимые изменения свидетельствующие о признаках дисфункции эндотелия. Вероятно, более высокое давление при создании и поддержании ретропневмоперитонеума приводит к компрессии тканей и сосудистых структур, как в брюшной полости, так и в забрюшинном пространстве, что приводит в нарушение микроциркуляции, замедлению кровотока, гипоксии, повреждению эндотелия и повышению активности тромбоцитов, что может являться фактором риска тромбоэмболических осложнений. Вместе с тем подтвержденных по данным УЗДГ случаев возникновения тромбоэмболических осложнений, среди всех включенных в исследование пациентов, не выявлено. Вместе с тем, несмотря на относительную безопасность данных оперативных вмешательств, следует учитывать риски, связанные с повышенной компрессией при создании и поддержании ретропневмоперитонеума, для планирования профилактических мероприятий в случаях длительных операций с высоким уровнем давления инсуфлируемого газа.

Выводы

1. При проведении оперативных вмешательств при уровне давления ретропневмоперитонеума менее 12 мм рт.ст. значимых изменений показателей активности тромбоцитов и функции эндотелия не выявлено.
2. При надпороговой компрессии (свыше 12 мм.рт. ст.) происходит усиление индуцированной агрегации тромбоцитов и появляются признаки дисфункции эндотелия, что может свидетельствовать о повышении риска тромботических осложнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушакова О.А., Сутурин М.В., Лобанов Ю.С., Ефимов А.В., Вильский Г.И. Сравнительная оценка оперативных методов при малоинвазивном хирургическом лечении заболеваний почек и мочевыводящих путей. Acta Biomedica Scientifica. 2021;6(5):230–236. https://doi.org/10.29413/ABS.2021-6.5.22
2. Feka J., Soliman B., Arikan M., Binter T., Hargitai L., Scheuba C., Riss P. Benefits of transitioning from transperitoneal laparoscopic to retroperitoneoscopic adrenalectomy-a single center experience. Gland Surg. 2024 Nov 30;13(11):1977–1985. doi: 10.21037/gs-24-286. Epub 2024 Nov 26. PMID: 39678401; PMCID: PMC11635560.
3. Carling T., LaRue M. Improved and individualized approach to adrenal surgery. Endocr Relat Cancer. 2025 Jul 7;32(7): e240296. doi: 10.1530/ERC-24-0296. PMID: 40549414.
4. Rogers W.K., Garcia L. Intraabdominal hypertension, abdominal compartment syndrome, and the open abdomen. Chest. 2018;153(1):238–250.
5. Reintam Blaser A., Regli A., De Keulenaer B., et al. Incidence, risk factors, and outcomes of intra-abdominal hypertension in critically Ill patients — a Prospective Multicenter Study (IROI study). Crit Care Med. 2019;47(4):535–542.
6. Pakmanesh H., Zahir M., Farshi A., Aminsharifi A., Borumandnia N., Salari A., Setaresobh S., Kashi A.H. Comparative analysis of retro vs. transperitoneal laparoscopic pyelolithotomy for large renal stones. Urolithiasis. 2024 Oct 9;52(1):137. doi: 10.1007/s00240-024-01640-w. PMID: 39382752.
7. Feciche B.O., Big S.A., Mirt S., Ona V., Barbos V.I. Posterior Retroperitoneoscopic Bilateral Adrenalectomy: A New Standard for Bilateral Pheochromocytoma? (with video). Chirurgia (Bucur). 2025 Feb;120(1):125–126. doi: 10.21614/chirurgia.3075. PMID: 40051325.
8. Закономерности микроциркуляторных изменений и их клинические признаки при операциях в условиях ретропневмоперитонеума / Ю.С. Лобанов, К.Г. Шаповалов, С.Л. Лобанов, Л.С. Лобанов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. — 2024. — № 6. — С. 192–196. — DOI 10.37882/2223–2966.2024.06.24. — EDN IEQPZG.
9. Barbosa G.S.B., Câmara N.O.S., Ledesma F.L., Duarte Neto A.N., Dias C.B. Vascular injury in glomerulopathies: the role of the endothelium. Front Nephrol. 2024 Dec 23; 4:1396588. doi: 10.3389/fneph.2024.1396588. PMID: 39780910; PMCID: PMC11707422.
10. Витковский Ю.А., Кузник Б.И., Солпов А.В. Патогенетическое значение лимфоцитарно-тромбоцитарной адгезии. Медицинская иммунология. 2006. Т. 8. № 5–6. С. 745–753.

© Лобанов Юрий Сергеевич (yuriilobanov@mail.ru); Шаповалов Константин Геннадьевич (shkg26@mail.ru);
Лобанов Сергей Леонидович (slobanov15@mail.ru); Лобанов Леонид Сергеевич (leonid.lobanov74@mail.ru);
Аксенов Константин Олегович (slobanov15@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.28

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ОККЛЮЗИОННЫХ НАКЛАДОК НА СТРУКТУРУ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗУБОЧЕЛЮСТНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ЛЕЧЕНИИ АНОМАЛИИ ПРИКУСА 2-ГО КЛАССА: ЦЕФАЛОМЕТРИЯ И БИОМЕХАНИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

EVALUATION OF THE INFLUENCE OF OCCLUSAL ONLAYS ON THE STRUCTURE AND FUNCTIONING OF THE DENTOFACIAL SYSTEM IN THE TREATMENT OF CLASS 2 BITE ANOMALY: CEPHALOMETRY AND BIOMECHANICAL MODELING

Mahta Farzaneh
A. Anisimova
Heidari Ata
Zeidi Seyed Mahziyar
Yavari Maryam

Summary. The aim of this study was to evaluate the effectiveness of different treatment approaches for Class II malocclusion using Bite turbos through cephalometric analysis and biomechanical modeling. Several 90 patients aged 18–35 years with diagnosed Class II malocclusion participated in the study. Patients were equally divided into three groups of 30 subjects each, based on the chosen treatment method. Group I received treatment with a functional Twin Block appliance accompanied by Bite turbos, Group II used a pre-orthodontic Myobrace trainer with modified occlusal elements, whereas Group III was treated with individualized functional appliances featuring personalized occlusal splints. Cephalometric analysis involved parameters such as SNB, ANB, WITS, and Go-Gn-SN, alongside evaluations of temporomandibular joints. Biomechanical modeling was conducted using the finite element method to analyze stress distribution in skeletal structures and periodontal ligaments. Statistical data processing included normality checks using the Shapiro-Wilk test, paired sample t-tests, and one-factorial ANOVA supplemented by Tukey's post-hoc test.

Findings indicated that individualized functional appliances with personalized Bite turbos exhibited the highest efficiency: normalization of the SNB angle was achieved in 73.3 % of patients, compared to 46.7 % in the Twin Block group and 56.7 % in the Myobrace group. Additionally, the WITS parameter reached normal values in 80.0 % of patients in Group III, 50.0 % in Group I, and 63.3 % in Group II. Biomechanical modeling revealed optimal stress distribution when employing individualized appliances, reaching maximal values of 0.8 ± 0.12 MPa in the alveolar process zone against 1.2 ± 0.18 MPa and 1.0 ± 0.15 MPa in Groups I and II, respectively. These findings support the high efficiency of a personalized approach in managing Class II malocclusion using Bite turbos.

Keywords: Class II malocclusion, Bite turbos, cephalometry, biomechanical modeling, functional appliances, Twin Block, Myobrace, finite element method.

Махта Фарзане
врач стоматолог-ортодонт,
Российский университет медицины
mahiiifar1997@gmail.com
Анисимова Анастасия Вячеславовна
врач стоматолог-ортопед,
Медицинский институт ФГБОУ ВО «РОСБИОТЕХ»
plmokn1982iv@mail.ru
Хейдари Ата
врач стоматолог общей практики,
Российский университет медицины
Ata2000heidari@gmail.com
Зейди Сейед Махзиар
врач стоматолог общей практики,
Российский университет медицины
Явари Марйам
врач стоматолог, Российский университет медицины
Maryamyavari7179@gmail.com

Аннотация. *Цель исследования* заключалась в оценке эффективности различных методов лечения аномалии прикуса 2-го класса с применением окклюзионных накладок посредством цефалометрического анализа и биомеханического моделирования. В исследовании приняли участие 90 пациентов в возрасте от 18 до 35 лет с диагностированной аномалией прикуса 2-го класса, которые были разделены на три равные группы по 30 человек в зависимости от применяемой методики лечения. Первая группа получала лечение функциональным аппаратом твин-блок с окклюзионными накладками, вторая группа — преортодонтическим трейнером миобрейс с модифицированными окклюзионными элементами, третья группа — индивидуальными функциональными аппаратами с персонализированными окклюзионными накладками. Цефалометрический анализ проводился с использованием параметров SNB, ANB, WITS, Go-Gn-SN, а также оценки состояния верхних дыхательных путей и височно-нижнечелюстных суставов. Биомеханическое моделирование осуществлялось методом конечных элементов для анализа распределения напряжений в ВНЧС. Статистическая обработка данных включала проверку нормальности распределения критерием Шапиро-Уилка, применение t-критерия Стьюдента для парных выборок и однофакторного дисперсионного анализа ANOVA с post-hoc тестом Тьюки.

Результаты показали наибольшую эффективность индивидуальных функциональных аппаратов с персонализированными окклюзионными накладками: нормализация угла SNB была достигнута у 73,3 % пациентов против 46,7 % в группе твин-блок и 56,7 % в группе миобрейс. Параметр WITS достиг нормальных значений у 80,0 % пациентов третьей группы, 50,0 % первой группы и 63,3 % второй группы соответственно. Биомеханическое моделирование выявило оптимальное распределение напряжений при использовании индивидуальных аппаратов с максимальными значениями в зоне альвеолярного отростка 0,8±0,12 МПа против 1,2±0,18 МПа

и 1,0±0,15 МПа в первой и второй группах. Исследование подтверждает высокую эффективность персонализированного подхода в лечении аномалий прикуса 2-го класса с использованием окклюзионных накладок.

Ключевые слова: аномалия прикуса 2-го класса, окклюзионные накладки, цефалометрия, биомеханическое моделирование, функциональные аппараты, твин-блок, миобрейс, метод конечных элементов.

Введение

Аномалии прикуса 2-го класса представляют собой одну из наиболее распространенных форм зубочелюстных деформаций, встречающихся у 15–20 % взрослого населения и характеризующихся дистальным соотношением зубных рядов с ретрогнатическим положением нижней челюсти относительно верхней [1,2]. Данная патология не только нарушает эстетику лица и функцию жевания, но и может приводить к развитию дисфункции височно-нижнечелюстных суставов, нарушениям дыхания и речи, что обуславливает медико-социальную значимость проблемы [3].

Современные подходы к лечению аномалий прикуса 2-го класса у взрослых пациентов включают широкий спектр методов от ортодонтической коррекции до хирургического вмешательства. Особое место в арсенале терапевтических средств занимают функциональные аппараты с окклюзионными накладками, которые позволяют воздействовать на зубочелюстную систему через изменение окклюзионных взаимоотношений и стимуляцию адаптивных процессов в костных структурах и мягких тканях [4,5]. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью научного обоснования выбора оптимального метода лечения аномалий прикуса 2-го класса с использованием окклюзионных накладок, а также потребностью в разработке объективных критериев оценки эффективности различных функциональных аппаратов на основе современных методов исследования.

Цель исследования заключается в комплексной оценке влияния различных типов окклюзионных накладок на морфофункциональные характеристики зубочелюстной системы при лечении аномалии прикуса 2-го класса у взрослых пациентов посредством цефалометрического анализа и биомеханического моделирования.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе кафедры ортодонтии и детского протезирования стоматологического факультета в период с 2023 по 2025 год. Протокол исследования был одобрен локальным этическим комитетом, все пациенты подписали информированное согласие на участие в исследовании.

В исследование были включены 90 пациентов в возрасте от 18 до 35 лет с диагностированной аномалией прикуса 2-го класса 1-го подкласса по классификации Angle. Критерии включения: возраст от 18 до 35 лет, наличие аномалии прикуса 2-го класса 1-го подкласса с дистальным соотношением первых моляров не менее 4 мм, сагиттальная щель в переднем отделе от 4 до 8 мм, отсутствие предшествующего ортодонтического лечения, полная санация полости рта. Критерии исключения: наличие заболеваний пародонта средней и тяжелой степени, системные заболевания соединительной ткани, беременность и лактация у женщин, психические расстройства, препятствующие сотрудничеству с врачом.

Все пациенты были разделены на три равные группы по 30 человек методом простой рандомизации с использованием таблицы случайных чисел. Первая группа получала лечение функциональным аппаратом твин-блок с окклюзионными накладками, вторая группа — преортодонтическим трейнером миобрейс с модифицированными окклюзионными элементами, третья группа — индивидуальными функциональными аппаратами с персонализированными окклюзионными накладками.

Цефалометрическое исследование проводилось на цифровом ортопантомографе Planmeca ProMax 3D с функцией цефалостата при стандартизованных условиях съемки. Анализ телерентгенограмм в боковой проекции осуществлялся с использованием программного обеспечения Dolphin Imaging 11.95 с определением следующих параметров: угол SNB, характеризующий положение нижней челюсти относительно основания черепа; угол ANB, отражающий сагиттальное соотношение челюстей; параметр WITS, определяющий линейное соотношение апикальных базисов; угол Go-Gn-SN, характеризующий направление роста нижней челюсти; линейные размеры верхних дыхательных путей на уровне ротоглотки.

Биомеханическое моделирование проводилось методом конечных элементов с использованием программного комплекса ANSYS Workbench 19.2. Трехмерные модели зубочелюстной системы создавались на основе данных конусно-лучевой компьютерной томографии с последующей сегментацией и построением конечно-элементной сетки. Моделирование включало анализ распределения напряжений по Мизесу в костной

ткани челюстей, периодонтальных связках и зубах при различных вариантах окклюзионной нагрузки.

Материалы для изготовления аппаратов включали акриловые пластмассы холодной полимеризации для базисов, ортодонтическую проволоку из нержавеющей стали диаметром 0,9 мм для кламмеров и активных элементов, силиконовые материалы различной твердости для окклюзионных накладок. Функциональные аппараты твин-блок изготавливались по стандартной методике с конструкционным прикусом, выдвинутым на 4–6 мм. Трейнеры миобрейс модифицировались путем добавления индивидуальных окклюзионных накладок из силикона средней твердости. Индивидуальные функциональные аппараты изготавливались по персональным слепкам с компьютерным моделированием окклюзионных контактов.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics 26.0. Проверка нормальности распределения осуществлялась критерием Шапиро-Уилка при уровне значимости $p < 0,05$. Для данных с нормальным распределением применялся t-критерий Стьюдента для парных выборок при сравнении показателей до и после лечения в каждой группе, однофакторный дисперсионный анализ ANOVA с post-hoc тестом Тьюки для межгрупповых сравнений. Для данных с ненормальным распределением использовались непараметрические критерии Вилкоксона и Краскела-Уоллиса. Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Рабочая гипотеза исследования заключалась в том, что индивидуальные функциональные аппараты с персонализированными окклюзионными накладками обеспечивают более эффективную коррекцию аномалии прикуса 2-го класса по сравнению со стандартными функциональными аппаратами за счет оптимального распределения напряжений в зубочелюстной системе и более точного позиционирования челюстей. Период наблюдения составил 12 месяцев с контрольными осмотрами через 3, 6 и 12 месяцев после начала лечения. На каждом контрольном визите проводилась оценка клинического состояния, цефалометрические измерения, а также субъективная оценка пациентами комфортности ношения аппаратов и функциональных улучшений.

Результаты и обсуждение

Анализ исходных характеристик пациентов показал отсутствие статистически значимых различий между группами по возрасту, полу и основным цефалометрическим параметрам, что подтверждает корректность рандомизации. Средний возраст пациентов составил 24,3±4,7 года в первой группе, 25,1±5,2 года во второй группе и 24,8±4,9 года в третьей группе ($p > 0,05$). Соотношение мужчин и женщин было приблизительно равным во всех группах. Исходные цефалометрические показатели характеризовались выраженными нарушениями сагиттальных взаимоотношений челюстей, типичными для аномалии прикуса 2-го класса. Угол SNB составлял в среднем 76,2±2,8° в первой группе, 75,8±3,1° во второй группе и 76,5±2,6° в третьей группе при норме 80,0±2,0°. Угол ANB превышал нормальные значения и составлял 6,8±1,4°, 7,1±1,6° и 6,9±1,3° соответственно при норме 2,0±1,0°. Параметр WITS демонстрировал значительное отклонение от нормы: 5,2±1,8 мм, 5,5±2,1 мм и 5,1±1,7 мм соответственно при нормальных значениях от –1 до +1 мм.

Через 12 месяцев лечения во всех группах наблюдались положительные изменения цефалометрических параметров, однако степень улучшения существенно различалась между группами. В первой группе, получавшей лечение аппаратом твин-блок с окклюзионными накладками, угол SNB увеличился до 78,1±2,4° ($p < 0,01$), что соответствует нормализации данного показателя у 14 пациентов (46,7 %). Угол ANB уменьшился до 4,2±1,8° ($p < 0,01$), а параметр WITS до 2,8±2,2 мм ($p < 0,01$), при этом нормальные значения WITS были достигнуты у 15 пациентов (50,0 %).

Во второй группе, использовавшей трейнер миобрейс с модифицированными окклюзионными элементами, результаты оказались несколько лучше. Угол SNB увеличился до 78,9±2,2° ($p < 0,01$) с нормализацией у 17 пациентов (56,7 %). Угол ANB уменьшился до 3,8±1,6° ($p < 0,01$), а параметр WITS до 2,1±1,9 мм ($p < 0,01$), при этом нормальных значений WITS достигли 19 пациентов (63,3%). Особенно выраженными оказались изменения в области верхних дыхательных путей, где площадь поперечного сечения ротоглотки увеличилась с 142±28 мм² до 178±32 мм² ($p < 0,01$). Наиболее значительные положительные изменения наблюдались в третьей группе пациентов, получавших лечение индивидуальными функциональными аппаратами с персонализированными окклюзионными накладками. Угол SNB увеличился до 79,8±1,9° ($p < 0,01$), что соответствует нормализации у 22 пациентов (73,3 %). Угол ANB уменьшился до 3,1±1,4° ($p < 0,01$), а параметр WITS до 1,4±1,6 мм ($p < 0,01$), при этом нормальные значения WITS были достигнуты у 24 пациентов (80,0 %). Площадь поперечного сечения ротоглотки увеличилась с 138±31 мм² до 195±29 мм² ($p < 0,01$).

Межгрупповые сравнения показали статистически значимые различия в эффективности лечения. Однофакторный дисперсионный анализ выявил значимые различия между группами по всем основным цефалометрическим параметрам ($p < 0,01$). Post-hoc анализ с использованием теста Тьюки показал, что третья группа статистически значимо превосходила первую и вторую

группы по степени коррекции угла SNB (p <0,01 и p<0,05 соответственно), параметра WITS (p<0,01 для обеих сравнений) и площади ротоглотки (p<0,01 для обеих сравнений).

Таблица 1.

Динамика цефалометрических показателей в исследуемых группах

Показатель	Группа 1 (твин-блок)	Группа 2 (миобрейс)	Группа 3 (индивидуальные)
SNB исходно (°)	76,2±2,8	75,8±3,1	76,5±2,6
SNB через 12 мес (°)	78,1±2,4*	78,9±2,2*	79,8±1,9*#
ANB исходно (°)	6,8±1,4	7,1±1,6	6,9±1,3
ANB через 12 мес (°)	4,2±1,8*	3,8±1,6*	3,1±1,4*#
WITS исходно (мм)	5,2±1,8	5,5±2,1	5,1±1,7
WITS через 12 мес (мм)	2,8±2,2*	2,1±1,9*	1,4±1,6*#
Ротоглотка исходно ($мм^2$)	145±29	142±28	138±31
Ротоглотка через 12 мес ($мм^2$)	161±35*	178±32*	195±29*#

*p <0,01 по сравнению с исходными значениями #p<0,05 по сравнению с группами 1 и 2

Биомеханическое моделирование методом конечных элементов позволило выявить существенные различия в характере распределения напряжений при использовании различных типов окклюзионных накладок. При моделировании жевательной нагрузки величиной 200 Н максимальные напряжения по Мизесу в области альвеолярного отростка нижней челюсти составили 1,2±0,18 МПа в первой группе, 1,0±0,15 МПа во второй группе и 0,8±0,12 МПа в третьей группе. Различия между группами были статистически значимыми (p <0,01), что свидетельствует о более равномерном распределении нагрузок при использовании индивидуальных аппаратов. Анализ напряжений в периодонтальных связках показал аналогичную закономерность. Максимальные значения напряжений в области передних зубов нижней челюсти составили 0,085±0,012 МПа, 0,071±0,009 МПа и 0,058±0,008 МПа в первой, второй и третьей группах соответственно (p <0,01). Это указывает на более физиологичный характер воздействия индивидуальных окклюзионных накладок на поддерживающие структуры зубов.

Особый интерес представляют результаты анализа напряжений в области височно-нижнечелюстных суставов. Биомеханическое моделирование показало, что использование индивидуальных функциональных аппаратов приводит к наиболее равномерному распределению нагрузок в суставных структурах с максимальными значениями 0,42±0,06 МПа против 0,58±0,09 МПа и 0,51±0,07 МПа в первой и второй группах соответственно (p <0,01).

Таблица 2.

Результаты биомеханического моделирования напряжений (МПа)

Локализация	Группа 1 (твин-блок)	Группа 2 (миобрейс)	Группа 3 (индивидуальные)
Альвеолярный отросток	1,2±0,18	1,0±0,15	0,8±0,12*
Периодонтальные связки	0,085±0,012	0,071±0,009	0,058±0,008*
ВНЧС	0,58±0,09	0,51±0,07	0,42±0,06*
Базис нижней челюсти	0,95±0,14	0,82±0,11	0,67±0,09*

*p <0,01 по сравнению с группами 1 и 2

Клиническая оценка комфортности ношения аппаратов показала преимущества индивидуальных конструкций. По визуально-аналоговой шкале комфортности от 0 до 10 баллов средние оценки составили 6,8±1,4 балла в первой группе, 7,2±1,3 балла во второй группе и 8,4±1,1 балла в третьей группе (p <0,01). Время адаптации к аппаратам также различалось между группами: 14,2±3,8 дня, 12,6±3,2 дня и 8,9±2,7 дня соответственно (p <0,01).

Анализ функциональных изменений показал положительную динамику во всех группах, но с различной степенью выраженности. Жевательная эффективность, оцениваемая по методике Рубинова, увеличилась на 23,4±6,7 % в первой группе, на 28,9±7,2 % во второй группе и на 38,6±8,1 % в третьей группе (p <0,01 между всеми группами). Качество речи, оцениваемое логопедом по специальной шкале, улучшилось на 2,1±0,8 балла, 2,6±0,9 балла и 3,4±1,1 балла соответственно (p <0,01). Особое внимание заслуживают результаты оценки состояния верхних дыхательных путей. Риноманометрическое исследование показало улучшение носового дыхания во всех группах, однако наиболее выраженные изменения наблюдались в третьей группе. Суммарный объемный поток при давлении 150 Па увеличился с 428±67 $см^3/с$ до 512±74 $см^3/с$ в первой группе (p<0,01), с 435±71 $см^3/с$ до 541±78 $см^3/с$ во второй группе (p<0,01) и с 441±69 $см^3/с$ до 623±82 $см^3/с$ в третьей группе (p<0,01). Межгрупповые различия были статистически значимыми (p <0,01).

Полученные результаты демонстрируют высокую эффективность всех исследованных методов лечения аномалии прикуса 2-го класса с использованием окклюзионных накладок, при этом индивидуальные функциональные аппараты показали наилучшие результаты по всем исследованным параметрам. Превосходство индивидуального подхода может быть объяснено несколькими факторами: более точным позиционированием

челюстей в оптимальном терапевтическом положении, равномерным распределением функциональных нагрузок и лучшей адаптацией пациентов к лечению.

Биомеханический анализ показал, что персонализированные окклюзионные накладки обеспечивают более физиологичное распределение напряжений в зубочелюстной системе, что может способствовать более эффективному ремоделированию костной ткани и снижению риска осложнений. Особенно важным представляется снижение концентрации напряжений в области периодонтальных связок, что может предотвратить развитие воспалительных процессов и резорбции корней зубов.

Улучшение состояния верхних дыхательных путей во всех группах подтверждает комплексный характер воздействия функциональных аппаратов на зубочелюстную систему. Наиболее выраженные изменения в третьей группе могут быть связаны с оптимальным позиционированием языка и мягких тканей ротоглотки при использовании индивидуальных конструкций. Высокие показатели комфортности и более короткий период адаптации к индивидуальным аппаратам имеют важное клиническое значение, поскольку обеспечивают лучшее сотрудничество пациентов и более высокую приверженность к лечению. Это особенно важно при лечении взрослых пациентов, у которых мотивация к длительному ортодонтическому лечению может быть снижена.

Таблица 3.

Сравнительная эффективность лечения по группам

Критерий эффективности	Группа 1	Группа 2	Группа 3	p-value
Нормализация SNB, %	46,7	56,7	73,3	<0,01
Нормализация WITS, %	50,0	63,3	80,0	<0,01
Улучшение дыхания, %	34,7	46,7	65,3	<0,01
Комфортность (баллы)	6,8±1,4	7,2±1,3	8,4±1,1	<0,01
Время адаптации (дни)	14,2±3,8	12,6±3,2	8,9±2,7	<0,01

Полученные данные согласуются с результатами зарубежных исследований, демонстрирующих преимущества индивидуализированного подхода в ортодонтическом лечении. Однако следует отметить, что большинство предыдущих работ были посвящены лечению детей и подростков, в то время как наше исследование впервые комплексно оценивает эффективность различных типов окклюзионных накладок у взрослых пациентов с аномалией прикуса 2-го класса.

Ограничениями данного исследования являются относительно небольшой размер выборки и краткосрочный период наблюдения. Для получения более полной картины долгосрочной эффективности различных методов лечения необходимы дальнейшие исследования с более длительным периодом наблюдения и большим количеством пациентов. Также представляет интерес изучение экономической эффективности различных подходов с учетом стоимости изготовления аппаратов и времени, затрачиваемого на лечение.

Выводы

Проведенное комплексное исследование влияния различных типов окклюзионных накладок на структуру и функционирование зубочелюстной системы при лечении аномалии прикуса 2-го класса у взрослых пациентов позволило сделать следующие выводы.

Все исследованные методы лечения с использованием функциональных аппаратов и окклюзионных накладок продемонстрировали статистически значимую эффективность в коррекции сагиттальных взаимоотношений челюстей, что подтверждается положительной динамикой основных цефалометрических параметров. Угол SNB увеличился в среднем на 1,9–3,3°, угол ANB уменьшился на 2,6–3,8°, а параметр WITS улучшился на 2,4–3,7 мм во всех исследуемых группах. Индивидуальные функциональные аппараты с персонализированными окклюзионными накладками показали наивысшую эффективность по всем исследованным параметрам. Нормализация угла SNB была достигнута у 73,3 % пациентов данной группы против 46,7 % и 56,7 % в группах твин-блок и миобрейс соответственно. Параметр WITS достиг нормальных значений у 80,0 % пациентов третьей группы, что статистически значимо превышает результаты в первой (50,0 %) и второй (63,3 %) группах.

Биомеханическое моделирование методом конечных элементов выявило оптимальное распределение напряжений при использовании индивидуальных окклюзионных накладок. Максимальные напряжения в области альвеолярного отростка составили 0,8±0,12 МПа против 1,2±0,18 МПа и 1,0±0,15 МПа в группах твин-блок и миобрейс соответственно, что свидетельствует о более физиологичном характере воздействия персонализированных конструкций.

Применение функциональных аппаратов с окклюзионными накладками способствует значительному улучшению состояния верхних дыхательных путей. Площадь поперечного сечения ротоглотки увеличилась на 11,0 %, 25,4 % и 41,3 % в первой, второй и третьей группах соответственно, при этом наибольшие изменения наблюдались при использовании индивидуальных аппаратов.

Индивидуальные функциональные аппараты обеспечивают наилучшие показатели комфортности ношения и адаптации пациентов. Средняя оценка комфортности составила 8,4±1,1 балла против 6,8±1,4 и 7,2±1,3

балла в других группах, а время адаптации сократилось до 8,9±2,7 дня против 14,2±3,8 и 12,6±3,2 дня соответственно.

Функциональные улучшения, включающие повышение жевательной эффективности на 38,6±8,1 % и улучшение качества речи на 3,4±1,1 балла, были наиболее выраженными в группе пациентов, получавших лечение индивидуальными аппаратами с персонализированными окклюзионными накладками.

Результаты исследования обосновывают целесообразность применения индивидуального подхода в лечении аномалий прикуса 2-го класса у взрослых пациентов с использованием персонализированных окклюзионных накладок как наиболее эффективного метода коррекции морфофункциональных нарушений зубочелюстной системы. Практическое значение полученных результатов заключается в возможности научно обоснованного выбора оптимального метода лечения аномалий прикуса 2-го класса с учетом индивидуальных особенностей пациентов и использования современных технологий биомеханического моделирования для прогнозирования результатов лечения и оптимизации конструкций функциональных аппаратов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черненко С.В., Корчемная О.С., Киселева Е.А. Цефалометрические эффекты аппарата twin block у подростков с аномалиями прикуса //Медицина в Кузбассе. — 2024. — Т. 23. — №. 1. — С. 101–106.
2. Галстян С.Г., Тимофеев Е.В. Аномалии прикуса: современные подходы к диагностике и лечению //Juvenis scientia. — 2021. — Т. 7. — №. 1. — С. 5–16.
3. Hsu J.Y. et al. Strategic treatment planning for anterior open bite: A comprehensive approach //Journal of Dental Sciences. — 2024. — Т. 19. — №. 3. — С. 1328–1337.
4. Arriagada-Vargas C. et al. Rare disorders: diagnosis and therapeutic planning for patients seeking orthodontic treatment //Journal of Clinical Medicine. — 2022. — Т. 11. — №. 6. — С. 1527.
5. Макурдумян Д.А., Подгорнова Е.Н. Особенности диагностики и лечения дисфункции зубочелюстной системы у пациентов с аномалиями прикуса //Актуальные проблемы медицины. — 2022. — Т. 45. — №. 4. — С. 343–350.

© Махта Фарзане (mahiiifar1997@gmail.com); Анисимова Анастасия Вячеславовна (plmokn1982iv@mail.ru);
Хейдари Ата (Ata2000heidari@gmail.com); Зейди Сейед Махзиар; Явари Марйам (Maryamyavari7179@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.30

ВАРИАНТЫ КЛИНИЧЕСКОГО И ГОРМОНАЛЬНОГО ОТВЕТА РЕПРОДУКТИВНОЙ ОСИ ЖЕНЩИН НА АЛЛОСТАТИЧЕСКУЮ НАГРУЗКУ

VARIANTS OF CLINICAL AND HORMONAL RESPONSE OF THE FEMALE REPRODUCTIVE AXIS TO ALLOSTATIC LOAD

E. Osadchaya
L. Tselkovich
R. Balter
T. Ivanova
O. Ilchenko

Summary. The results of a comparative analysis of the relationship between markers of allostatic load and the nature of disorders in the female reproductive system are considered. 114 women of reproductive age were examined. By processing statistical data, it was found that the ratio of DHEA to cortisol is a predictive marker of depletion of the body's adaptive reserves in women with moderate stress levels, and specific disorders in the regulation of biomarkers were identified in patients with hypogonadotropic hypogonadism. The necessity of improving diagnostics and preventive strategies in women with chronic stress is determined.

Keywords: chronic stress, cortisol, DHEA, reproduction, secondary hypothalamic-pituitary hypogonadism.

Осадчая Евгения Игоревна
Соискатель, Самарский государственный медицинский университет;
Международная Био Клиника IBC, г. Самара
japen4ela@gmail.com
Целкович Людмила Савельевна
Доктор медицинских наук, профессор,
Самарский государственный медицинский университет
samaraobsgyn2@yandex.ru
Балтер Регина Борисовна
Доктор медицинских наук, профессор,
Самарский государственный медицинский университет
regina.balter@yandex.ru
Иванова Татьяна Владимировна
Кандидат медицинских наук, доцент,
Самарский государственный медицинский университет
t.v.ivanova@samsmu.ru
Ильченко Олеся Андреевна
аспирант, Самарский государственный медицинский университет;
врач — акушер-гинеколог ГБУЗ СО СГП № 3, г. Самара
olesay.ilchenko@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены результаты сравнительного анализа взаимосвязи между маркерами аллостатической нагрузки и характером нарушений в женской репродуктивной системе. Обследовано 114 женщин репродуктивного возраста. Путем обработки статистических данных установлено, что прогностическим маркером истощения адаптационных резервов организма у женщин со средним уровнем стресса служит соотношение ДГЭА к уровню кортизола, у пациенток с гипогонадотропным гипогонадизмом выявлены специфические нарушения в регуляции биомаркеров. Определена необходимость совершенствования диагностики и превентивных стратегий у женщин с хроническим стрессом.

Ключевые слова: хронический стресс, кортизол, ДГЭА, репродукция, вторичный гипоталамо-гипофизарный гипогонадизм.

Имеющиеся исследования в мировой и отечественной литературе дают понимание того, что хронический стресс, как его непосредственное воздействие, так и антиципация угрозы, индуцирует персистирующую и дисрегулированную активацию ключевых физиологических систем: кардиоваскулярной, респираторной, метаболической и иммунной [1–3]. Являясь компенсаторным механизмом аллостаз приводит к развитию соответствующей аллостатической нагрузки [4]. Этот процесс обусловлен стойкой гиперактивностью симпатической нервной системы и гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, вызывающих кумуляцию функциональных нарушений [5, 6].

Со стороны репродуктивной системы стресс-индуцированная дисрегуляция проявляется на уровне гипоталамических центров, контролирующих цирхоральную секрецию гонадотропин-рилизинг-гормона [7–9]. Следствием этого является развитие функциональной гипоталамической аменореи (ФГА) — состояния гипого-

надотропного гипогонадизма (ГГ), характеризующегося снижением секреции гонадотропинов и эстрогенов при отсутствии органической патологии гипоталамо-гипофизарной области [10–12].

Клиническим коррелятом данной дисфункции выступает ановуляция. Однако развернутая картина аменореи, как конечной стадии процесса, наблюдается далеко не всегда — существенная часть пациенток сохраняет менструальный цикл, но предъявляет жалобы на олиго- или гипоменорею. При этом основной причиной обращения остается бесплодие, реже — невынашивание беременности [13, 14]. Таким образом, формируется патогенетический порочный круг: хронический стресс вызывает репродуктивную дисфункцию, а само бесплодие усугубляет стрессовое состояние.

В случаях, когда репродуктивная функция не является приоритетом, хроническая ановуляция может иметь субклиническое течение. Отмечено, что нарушения, вызванные хронической ановуляцией, не ограничиваются расстройствами репродуктивной функции, а вызывают метаболические, кардиоваскулярные, онкологические и другие риски, существенно снижающие качество жизни женщины [15, 16].

Приводятся сведения о том, что нарушения менструального цикла регистрируются у 3–5 % женщин репродуктивного возраста, при этом удельный вес стресс-индуцированных форм в структуре ФГА составляет порядка 3 % для первичной и до 60 % — для вторичной аменореи [17]. Такое положение актуализирует необходимость дальнейшего изучения влияния экзогенных факторов на формирование нейроэндокринных синдромов и нарушений менструальной функции.

В связи с вышеизложенным, *целью данного исследования* стала оценка взаимосвязи между маркерами аллостатической нагрузки и характером нарушений в репродуктивной системе, что необходимо для совершенствования диагностики и превентивных стратегий у женщин, подверженных хроническому стрессу.

Для этого было обследовано 114 женщин репродуктивного возраста. Основную группу составили 54 пациентки с ГГ, жалобами на нарушение менструального цикла и отсутствие беременности в течение ≥12 месяцев на фоне регулярной половой жизни без контрацепции. В группу контроля вошли 60 женщин с сохраненным менструальным циклом и без нарушений репродуктивной функции.

Критерии включения в группу контроля:
- возраст 18–45 лет;
- отсутствие морфологических, мужских и иммунологических факторов бесплодия;
- отсутствие хронической соматической патологии, препятствующей вынашиванию беременности;
- наличие добровольного информированного согласия на участие.

Критерии исключения из группы контроля:
- возраст младше 18 или старше 45 лет;
- наличие морфологических, иммунологических или мужских факторов бесплодия;
- наличие соматической патологии, препятствующей гестации;
- отказ от участия в исследовании.

Поскольку вторичный ГГ является диагнозом исключения, соответственно, все пациентки до начала участия в исследовании, с целью верификации диагноза, прошли комплексное обследование у гинеколога-эндокринолога, а также, при необходимости, у смежных специалистов: терапевта, кардиолога, нефролога, уролога, эндокринолога, психиатра.

В данной работе были использованы следующие методы:
- адаптированная русскоязычная «Шкала воспринимаемого стресса» (Perceived Stress Scale (PSS)-10) [18];
- твердофазный иммуноферментный анализ — определение динамики содержания кортизола, ДГЭА в слюне;
- иммунохемилюминесцентный анализ — определение кортизола, ДГЭА-С в сыворотке крови.

Дизайн исследования представил собой рандомизированное, открытое, контролируемое исследование в параллельных группах по принципу «случай-контроль». Объем выборки был предварительно рассчитан с использованием онлайн-калькулятора — https://medstatistic.ru/calculators/calcsize.html. Мощность исследования, в соответствии с требованиями к исследовательским работам, составила 0,8.

Полученные данные были объединены в единую базу, зафиксированы в электронных таблицах Exel и рассчитаны при помощи программы медицинской статистики MedCalc (версия 15.2). Для сравнения количественных показателей, представленных в виде медианы и межквартильного размаха — Me (Q1–Q3), применялся U-критерий Манна-Уитни. Сравнение качественных показателей проводилось с помощью критерия χ^2 Пирсона. Для оценки факторов риска рассчитывалось отношение шансов (ОШ) с доверительным интервалом (ДИ) в 95 %. Анализ корреляций выполнялся с использованием коэффициента Спирмена. Статистическая значимость устанавливалась при $p < 0{,}05$, в соответствии с критериями Колмогорова-Смирнова.

Определено, что при первичном обращении все женщины основной группы жаловались на бесплодие, а также на нарушение менструального цикла по типу опсоменореи / олигоменореи, развившейся в последние 1–2 года. Сведения о сопутствующих гинекологических заболеваниях отражены на рис. 1.

Рассматривая сопутствующую гинекологическую патологию, которая могла влиять на характер менструального цикла, отмечено, что только по таким показателям, как спайки малого таза (лидировала основная группа женщин: χ^2=4,930; p=0,027) и СПМН (больше — в контрольной группе) была получена статистически значимая разница в показателях (χ^2=33,868; p <0,0001). По остальным нозологическим формам статистически значимых различий выявлено не было. При этом установлено, что наличие СПМН косвенно свидетельствует об овуляторных циклах, что закономерно отсутствовало у пациенток основной группы. В то же время спаечный процесс мог быть результатом не только оперативных вмешательств в анамнезе, но и перенесенных инфекционных заболеваний органов малого таза. Таким образом, подтвержденная связь хронического стресса с развитием универсальной воспалительной реакции организма [19, 20] обосновывает высокую вероятность развития спаечного процесса среди женщин основной группы.

Затем были проанализированы те из сопутствующих соматических заболеваний, которые тоже имели возможность влиять на функцию репродуктивной оси (рис. 2).

При анализе структуры сопутствующей соматической патологии отмечено, что, согласно статистике, в основной группе зафиксировано принципиально большее количество заболеваний нервной системы (χ^2=11,03; p <0,001); доброкачественных заболеваний молочных желез (в основном, фиброзно-кистозная мастопатия — χ^2=13,037; p <0,001); заболеваний кожи (χ^2=4,983; p=0,026) и гипотиреоза (χ^2=8,577; p=0,004). Все эти заболевания доказано воздействуют на механизм хронического стресса, в том числе, на развитие гипотиреоза и изменение уровня пролактина, что приводит к нарушению структуры молочных желез, изменению проницаемости гематоэнцефалического барьера, физиологии сосудов головного мозга и структуры мозга — к проявлению неврологических дисфункций.

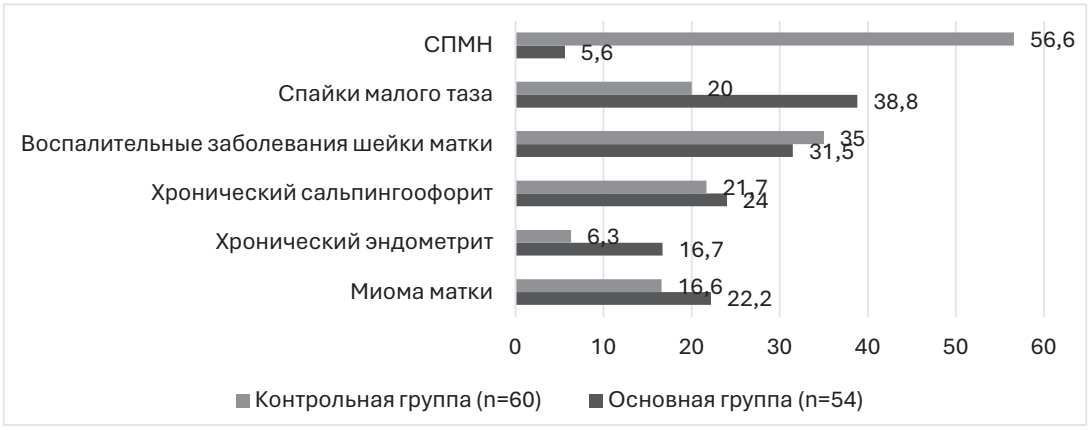

Рис. 1. Сопутствующая гинекологическая патология у женщин сравниваемых групп (в % от общего числа женщин в группе)

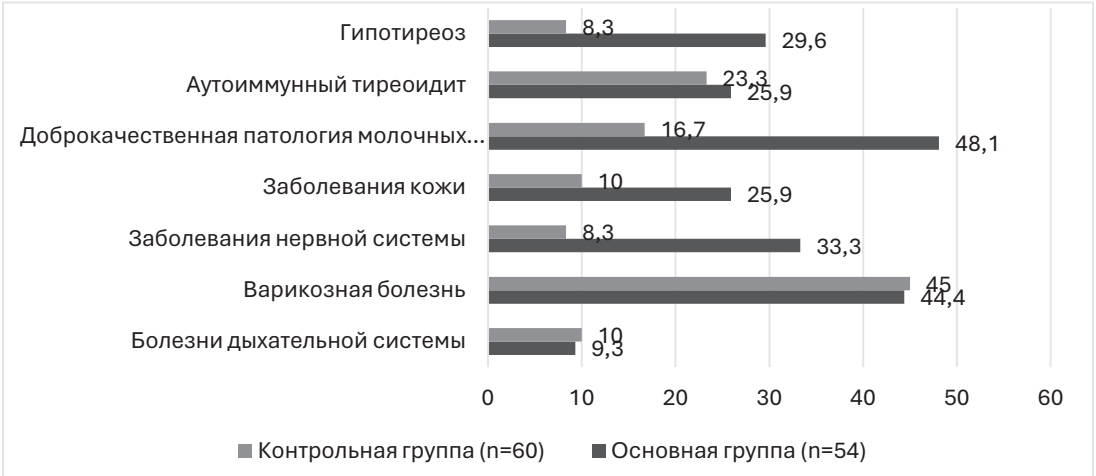

Рис. 2. Структура экстрагенитальной патологии в сравниваемых группах (в% от общего числа пациенток в группе)

Для унификации показателей и персонифицированной оценки воздействия стресса на организм конкретной женщины вновь была использована адаптированная русскоязычная «Шкала воспринимаемого стресса» (Perceived Stress Scale (PSS)-10) [18], дающая возможность получить оценку в баллах. По результатам обследования в основной группе уровень стресса был зарегистрирован в диапазоне 32 (28–35), а в группе сравнения — в диапазоне 18,5 (14,7–24) баллов (U=73,00; Z= –8,788; p <0,001).

Рассматривая степень выраженности стресса, отмечено, что в основной группе не выявлено пациенток с низким уровнем стресса. При этом уровень стресса средней степени был зафиксирован у 9,3 % женщин, у остальных пациенток уровень стресса оказался высоким. В контрольной группе не зафиксировано женщин с высоким уровнем стресса, с умеренным — показатель составил 18,3 %, низкий уровень стресса отмечен у оставшихся пациенток (χ^2=77,345; p <0,001).

Также в работе проанализированы уровни биомаркеров стресса (кортизола и ДГЭА) в слюне и в крови. Результаты представлены в табл. 1.

Очевидно, что практически во всех пробах зафиксированы значимые различия по показателям кортизола. Что касается ДГЭА, то у основной группы этот показатель наблюдался статистически выше в 7–9 часов утра — 302,4 (220,8–366,9) пг/мл, в контрольной — 202,65 (88,6–416,25), p=0,0685, а также в полдень — 298,02 (198,9–419,9) и 205,35 (114,65–413,9), p=0,0297, соответственно.

Динамика изменений медианного содержания биомаркеров стресса в течение суток представлена на рис. 3.

При анализе полученных данных выявлено, что медианные величины содержания кортизола, независимо от времени забора пробы, не выходили за референсные значения, тем не менее, динамика изменения содержания гормона в течение суток существенно разнилась у женщин с ГГ и в контрольной группе. В обеих группах наибольшее значение кортизола зафиксировано в первые часы после пробуждения, то есть в 7–9 часов: 8,97 (7,28–11,04) нг/мл в основной группе и 5,15 нг/мл — в контрольной (2,50–7,63, p <0,0001).

Далее динамика в сравниваемых группах принципиально отличалась. Если в контрольной группе в 11–13 часов уровень кортизола снижался почти в 3 раза и составлял 1,83 (1,05–2,46) нг/мл, то в основной группе данный показатель оставался практически без изменений и только к 15–17 часам снижался до 4,53 (3,89–5,19) нг/мл. Далее в контрольной группе наименьшая концентрация кортизола фиксировалась в 22–24 часа — 0,52 (0,27–0,74) нг/мл, в то время как с основной группе зна-

Таблица 1.

Показатели суточной динамики кортизола и ДГЭА в слюне, кортизола и ДГЭА-С в крови до лечения

Показатель	Me [Q1–Q3]		U	Z	p
	Основная группа (n=54)	Контрольная группа (n=60)			
Кортизол (нг/мл) 7–9ч	8,97 [7,28–11,04]	5,15 [2,50–7,63]	512,00	–6,288	<0,0001
Кортизол (нг/мл) 11–13ч	8,97 [7,28–11,04]	1,83 [1,05–2,46]	0,00	–9,194	<0,0001
Кортизол (нг/мл) 15–17ч	4,53 [3,89–5,19]	1,12 [0,6–1,64]	0,00	–9,194	<0,0001
Кортизол (нг/мл) 22–24ч	4,17 [3,40–5,03]	0,52 [0,27–0,74]	0,00	–9,194	<0,0001
Кортизол–полдень (нг/мл)	3,63 [3,09–4,11]	1,18 [0,58–1,95]	1,50	–9,185	<0,0001
ДГЭА (пг/мл) 7–9ч	302,4 [220,8–366,9]	202,65 [88,6–416,25]	1299,00	–1,822	0,0685
ДГЭА (пг/мл) 11–13ч	282,5 [193,6–351,2]	221,5 [111,9–417,45]	1454,00	–0,942	0,3462
ДГЭА (пг/мл) 15–17ч	295,34 [221,4–353,5]	213,3 [96,5–404,1]	1360,00	–1,476	0,1401
ДГЭА (пг/мл) 22–24ч	285,8 [203,5–382,0]	213,1 [108,1–408,93]	1354,00	–1,510	0,1312
ДГЭА — полдень (пг/мл)	298,02 [198,9–419,9]	205,35 [114,65–413,9]	1237,00	–2,174	0,0297
ДГЭА/кортизол (нг/мл) * 1000 (B/A*1000)	81,52 [59,54–113,68]	179,41 [81,25–589,07]	906,00	–4,052	0,0001
Кортизол (нмоль/л)	294,9 [218,4–367,8]	285,2 [237,4–327,4]	1500	–0,68	=0,496
ДГЭА–С (нмоль/л)	5200 [7200–9100]	8300 [7200–9700]	800	–4,65	<0,0001
ДГЭА–С/ Кортизол в крови	19,88 [14,61–33,78]	30,48 [21,41–38,14]	910	–4,03	<0,0001

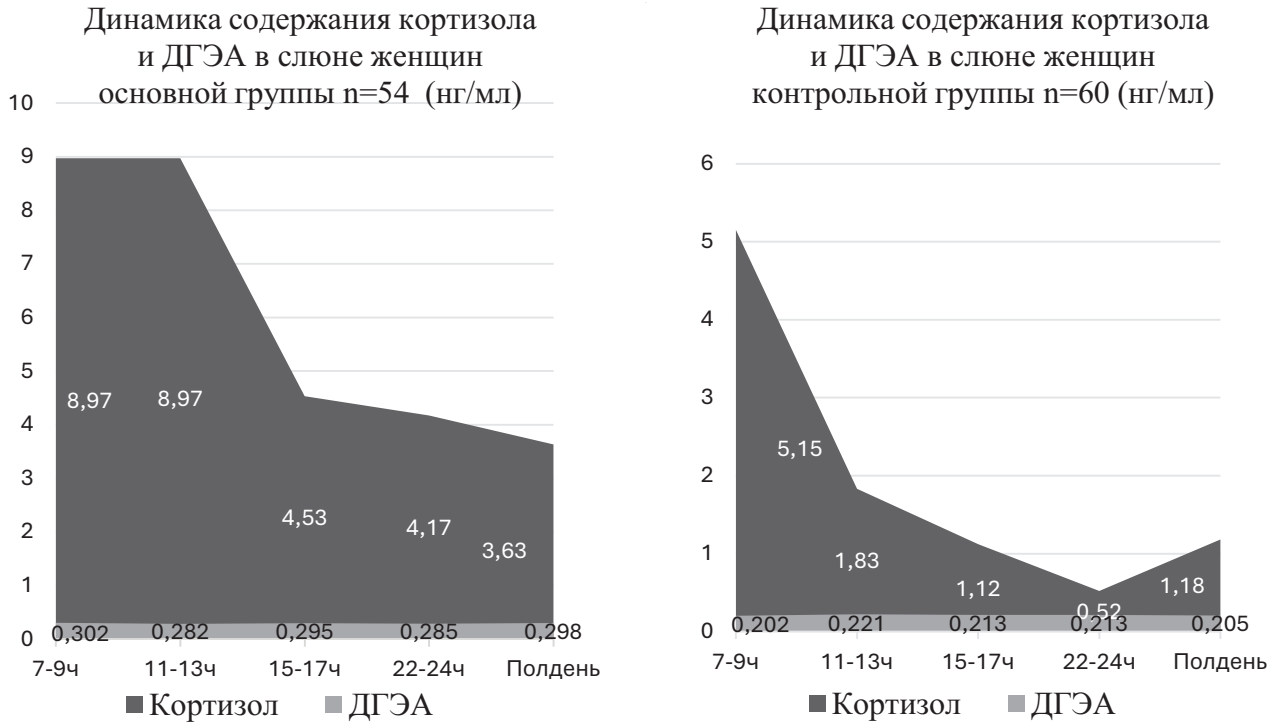

Рис. 3. Суточная динамика изменений кортизола и ДГЭА в слюне женщин сравниваемых групп, нг/мл

чения кортизола оставались достаточно высокими — 4,17 (3,40–5,03) нг/мл, p <0,0001.

Что касается уровня кортизола в крови, то статистически значимых различий в группах зафиксировано не было: в основной группе значения колебались в пределах 294,9 (218,4–367,8) нмоль/л, в контрольной группе — 285,2 (237,4–327,4) нмоль/л, p=0,496.

Иная ситуация зафиксирована с ДГЭА-С: несмотря на то, что все значения содержания ДГЭА-С в крови не выходили за рамки референсных лабораторных значений, в основной группе его содержание достигло уровня 5200 (7200–9100) нмоль/л, в контрольной — 8300 (7200–9700) нмоль/л, p <0,001, что указывало на статистически значимо меньшее содержание ДГЭА-С в основной группе.

Также заслуживает внимания соотношение в крови ДГЭА-С с кортизолом, которое в основной группе составило 19,88 (14,61–33,78), а в контрольной — 30,48 (21,41–38,14), p <0,001.

Вышеизложенное подтверждает факт того, что гормоны надпочечников женщин с ГГ реагируют на психосоциальный стресс достаточно предсказуемо. Однако остались вопросы, касающиеся клинической реализации стресса в контрольной и основной группах при одинаковых баллах по шкале воспринимаемого стресса PSS. Соответственно, в данной работе дифференцированы изменения биомаркеров в зависимости от степени выраженности стресса. Отмечено, что высокий уровень стресса по баллам PSS дает предсказуемые результаты, которые не имеют научного значения, в то же время влияние умеренного стресса на биомаркеры (и, как следствие, на регуляцию репродуктивной оси), требуют отдельного рассмотрения.

Выше было отмечено, что умеренный стресс по шкале PSS был зарегистрирован у 9,3 % пациенток с ГГ и у 18,3 % женщин контрольной группы. Медианное число балов PSS со средним уровнем воспринимаемого стресса в основной группе составило 18 (16–18), в контрольной группе — 18,5 (15,5–23,5), p=0,246. Для сравнения в работе проанализированы медианные показатели динамики кортизола у женщин со средним уровнем стресса в обеих группах. Результаты представлены на рис. 4.

Полученные данные подтверждают тот факт, что средние значения кортизола в основной группе почти в 3 раза выше, чем в контрольной группе. Значимое для формирования стрессового ответа организма второе определение кортизола в основной группе показывало, что после пробуждения его концентрация оставалась практически неизменной.

В 7–9 часов медианная концентрация кортизола достигала уровня 8,97 (7,29–11,04) нг/мл, в 11–13 часов — 8,97 (7,29–11,04) нг/мл, таким образом, снижения показателя в основной группе не зафиксировано. Далее динамика изменения уровней кортизола соответствовала динамике показателей контрольной группы, хотя медианные значения в основной группе однозначно были статистически гораздо выше, и это указывало на высокое напряжение работы симпатико-адреналовой системы.

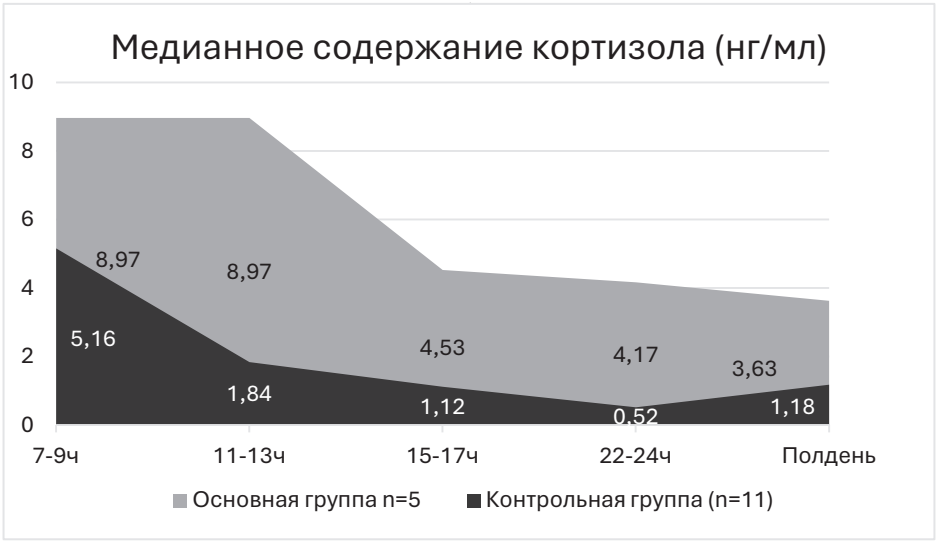

Рис. 4. Суточная динамика изменений кортизола в слюне женщин сравниваемых групп со средним уровнем воспринимаемого стресса, нг/мл

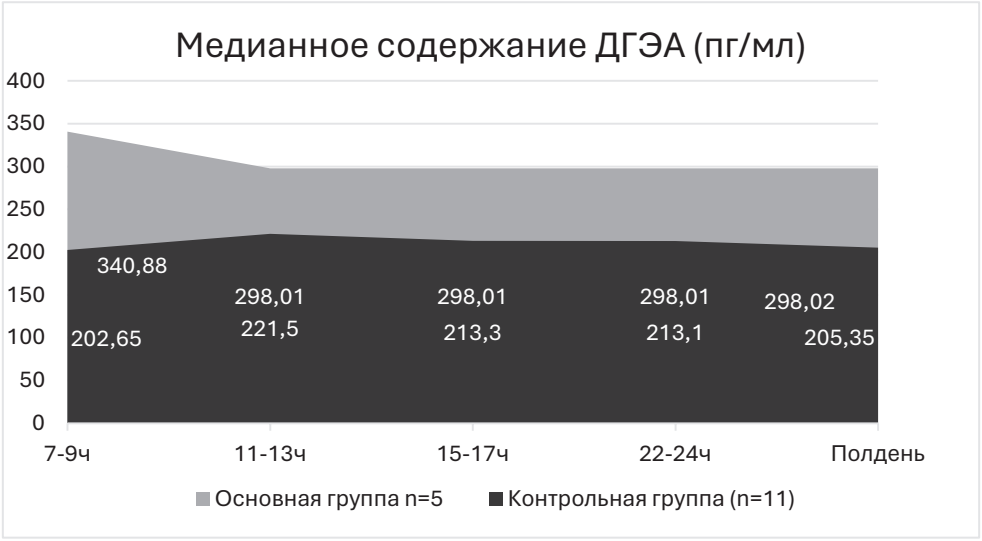

Рис. 5. Суточная динамика изменений ДГЭА в слюне женщин сравниваемых групп со средним уровнем воспринимаемого стресса, в пг/мл

Исследования динамики медианных значений ДГЭА представлены на рис. 5.

Анализ показателей суточной динамики ДГЭА у женщин со средним уровнем воспринимаемого стресса по шкале PSS представлен в табл. 2.

Рассматривая полученные показатели ДГЭА у женщин со средним уровнем воспринимаемого стресса по шкале PSS, отмечено, что статистически значимые различия были получены только по соотношению ДГЭА к кортизолу (p=0,029). Что касается суточной динамики, то, несмотря на достаточно высокую вариабельность показателей, как в основной группе, так и в группе контроля, статистически значимых различий получено не было.

Отдельного внимания заслуживает определение соотношения ДГЭА-С к уровню кортизола в крови. В основной группе данный показатель составил 12,75 (9,72–39,71), в контрольной — 48,11 (28,64–62,64), p=0,048. При этом размер эффекта по шкале Коэна составил r=0,495, что отражает практическую важность и возможность использования указанного значения в качестве прогноза клинического влияния стресса на развитие ГГ.

Полученные результаты обосновывают значимость кортизола в диагностике стрессового ответа женского организма. Между тем ДГЭА носит более стабильный характер и его определение необходимо для оценки адаптационного потенциала организма — соотношение ДГЭА к уровню кортизола указывает на истощение резервных возможностей организма в ответ на хронический стресс.

Таблица 2.
Сравнительная статистика и p-value (Манна-Уитни) показателей ДГЭА у женщин со средним уровнем воспринимаемого стресса по шкале PSS

Показатель	Me [Q1–Q3]		U	Z	p
	Основная группа (n=5)	Контрольная группа (n=11)			
ДГЭА 7–9 (пг/мл)	464,91 [328,12–508,34]	432,1 [74,8–502,9]	17,0	–0,64	0,522
ДГЭА 11–13 (пг/мл)	318,84 [268,81–373,75]	192,5 [142.9–458,2]	16,0	–0,73	0,645
ДГЭА 15–17 (пг/мл)	318,84 [268,81–373,75]	128,4 [63,7–492,7]	13,0	–1,17	0,242
ДГЭА 22–24 (пг/мл)	245,76 [154,74–414,39]	263,8 [165,8–423,9]	21,0	–0,11	0,916
ДГЭА полдень (пг/мл)	259,94 [146,89–384,0]	254,6 [143,9–412,8]	21,0	–0,11	0,916
ДГЭА/К (соотношение)	66,69 [40,48–102,4]	431,53 [79,22–1058,46]	4,0	–2,18	0,029
Кортизол (кровь)	418 [172,0–464,85]	237,4 [142,7–294,9]	18	–10,8	=0,28
ДГЭА–С (кровь)	5100 [4450–6850]	9100 [6800–11200]	7,5	–2,22	=0,024
ДГЭА–С/ кортизол (кровь)	12,75 [9,72–39,71]	48,11 [28,64–62–64]	10	–1,98	=0,048

Далее был проведен корреляционный анализ между количеством баллов PSS и динамикой изменения уровней кортизола и ДГЭА. Рассматривая соотношение уровня кортизола и данные PSS в основной группе отмечено, что между изучаемыми параметрами существует статистически значимая слабая обратная корреляционная связь, что подтверждается коэффициентом Пирсона r = –0,34 (p = 0,012) и коэффициентом Спирмена ρ = –0,34 (p = 0,013). В то же время, в контрольной группе статистически значимой связи между рассматриваемыми параметрами выявлено не было: коэффициент корреляции Пирсона r = –0,01 (p = 0,94), коэффициент Спирмена ρ = –0,02 (p = 0,89).

В отношении ДГЭА и баллов PSS в основной группе значимой корреляционной зависимости не обнаружено: коэффициент Пирсона r = –0,106 (p = 0,445), коэффициент Спирмена ρ = –0,138 (p = 0,321). Между тем, в контрольной группе статистически значимая умеренная обратная зависимость между концентрацией ДГЭА и баллами PSS была, что подтверждено как линейной корреляцией Пирсона r = –0,388, (p = 0,002), так и ранговой корреляцией Спирмена ρ = –0,388, (p = 0,002).

В результате проведенного исследования можно сделать **выводы**:

1. Установлена статистически значимая корреляция между уровнем кортизола в слюне и степенью тяжести хронического стресса, что подтверждает его существенную информативность для верификации стадии данного состояния по сравнению с ДГЭА.
2. Показано, что соотношение ДГЭА и кортизола, определяемое как в слюне, так и в крови, служит прогностическим маркером истощения адаптационных резервов организма у женщин со средним уровнем воспринимаемого стресса по шкале PSS.
3. Выявлены специфические нарушения в регуляции стрессового ответа у пациенток с ГГ. Даже при одинаковой с контрольной группой степени воспринимаемого стресса динамика секреции кортизола имела существенные отличия, характерной особенностью стало нарушение суточного ритма: в дневное время не происходило физиологического снижения уровня кортизола, и его концентрация оставалась в 2–3 раза выше, чем у женщин контрольной группы, хотя средние значения укладывались в референсные лабораторные показатели.
4. Определена компенсаторная роль ДГЭА в формировании адекватного ответа на стресс, который характеризуется сбалансированным повышением как кортизола, так и ДГЭА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов А.М., Новосёлов А.В., Лебедев Е.В., Каюмова М.М. Некоторые факторы хронического социального стресса, сопутствующие развитию сердечно-сосудистых заболеваний. Международный журнал сердца и сосудистых заболеваний. 2023; 11(37): 45–53. URL: https://doi.org//10.24412/2311-1623-2023-36-45-53
2. Сергеева Е.С., Кувшинов Д.Ю. Риск обострения бронхиальной астмы на фоне стресса (клинический случай). Научный лидер. 2024; 24 (172). URL: https://scilead.ru/article/6615-risk-obostreniya-bronkhialnoj-astmi-na-fone-s
3. Есин Р.Г., Есин О.Р., Хакимова А.Р. Стресс-индуцированные расстройства. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020; 120 (5): 131–137. URL: https://doi.org/10.17116/jnevro2020120051131
4. Севрюкова Г.А. Аллостаз: генез и аллостатическая нагрузка. Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2024;21(4): 16–22. URL: https://doi.org//10.19163/1994-9480-2024-21-4-16-22

5. Моллаева Н.Р., Курбанова С.Х., Будайчиев Г.М.-А., Шахрутдинова П.А., Гаммацаева Л.Ш. Взаимосвязь гиперактивности гипоталамо-гипофизарно-адреналовой оси при хроническом стрессе и деструктивных изменений в тканях пародонта: мультидисциплинарный подход к лечению. Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2025; 1: 37–43. URL: http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2025-1/1-5.pdf
6. Zhou Z., Li Y., Ding J., Sun S., Cheng W., Yu J., Cai Z., Ni Z., Yu C. Chronic unpredictable stress induces anxiety-like behavior and oxidative stress, leading to diminished ovarian reserve. Sci Rep. 2024; 14(1): 30681. URL: https://www.doi.org/10.1038/s41598-024-76717-y.
7. Амарна М.С.М., Палиева Н.В., Петров Ю.А., Лебеденко Е.Ю., Боташева Т.Л., Андреева В.О. Современные представления о стресс-индуцированном нарушении менструального цикла. Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2024; 20(2): 21–32. URL: https://www.doi.org/10.33029/1816-2134-2024-20-2-21-32
8. Сандакова Е.А., Жуковская И.Г. Нормогонадотропные расстройства менструальной функции в репродуктивном периоде: клиническая лекция. Пермский медицинский журнал (сетевое издание «Perm medical journal»). 2022; 39(6): 38–53. URL: https://www.doi.org/10.17816/pmj39638-53
9. Бабичев В.Н. Нейроэндокринный контроль процессов пубертации у человека и приматов. Проблемы Эндокринологии. 1994; 40 (4): 51–56. URL: https://www.doi.org/10.14341/probl12148
10. Prokai D., Berga S.L. Neuroprotection by reducing stress levels: changes in the menstrual cycle as a marker of stress and its effects on women's long-term neurological health. Int J Mol Sci. 2016; 17 (12): 2147. URL: https://www.doi.org/10.3390/ijms17122147.
11. Абсатарова Ю.С., Евсеева Ю.С., Андреева Е.Н., Шереметьева Е.В., Григорян О.Р., Михеев Р.К. Трудности дифференциальной диагностики функциональной гипоталамической аменореи и синдрома поликистозных яичников: систематический обзор. Проблемы эндокринологии. 2025; 71 (1): 83–91. URL: https://www.doi.org/10.14341/probl13529
12. Абсатарова Ю.С., Андреева Е.Н., Евсеева Ю.С., Зеленкова-Захарчук Т.А., Шереметьева Е.В., Григорян О.Р., Михеев Р.К. Эндокринные и психосоматические нарушения у пациенток с аменореей. Проблемы эндокринологии. 2023; 69 (6): 121–131. URL: https:// www.doi.org/10.14341/probl13366
13. Адамян Л.В., Сибирская Е.В., Пивазян Л.Г., Торубаров С.Ф. Нарушение менструального цикла как предиктор бесплодия. Проблемы репродукции. 2021; 27 (1): 39–45. URL: https://www.doi.org/10.17116/repro20212701139
14. Carson SA, Kallen AN. Diagnosis and Management of Infertility: A Review. JAMA. 2021; 326 (1): 65–76. URL: https://www.doi.org/10.1001/jama.2021.4788
15. Берштейн Л.М., Цырлина Е.В. Гипоталамо-гипофизарная система: возраст и основные неинфекционные заболевания (злокачественные новообразования гормонозависимых тканей, кардиоваскулярная патология и сахарный диабет 2 типа). Рос. физиол. журн. им. И.М. Сеченова. 2020; 106 (6): 667–682. URL: https://www.doi.org/10.31857/S0869813920060023
16. Григорян О.Р., Жемайте Н.С., Волеводз Н.Н., Андреева Е.Н., Мельниченко Г.А., Дедов И.И. Отдаленные последствия синдрома поликистозных яичников. Терапевтический архив. 20117; 89 (10): 75–79. URL: https://www.doi.org/10.17116/terarkh2017891075-79
17. Клинические рекомендации «Аменорея и олигоменорея» (утв. Министерством здравоохранения РФ, 2024). URL: https://rpc.karelia.ru/wp-content/uploads/2025/01/КР-Аменорея-и-олигоменорея.pdf
18. Абабков В.А., К. Барышникова, О.В. Воронцова-Венгер, И.А. Горбунов, С.В. Капранова, Е.А. Пологаева, К.А. Стуклов. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10». Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016; 2: 6–14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/validizatsiya-russkoyazychnoy-versii-oprosnika-shkala-vosprinimaemogo-stressa-10/viewer
19. Saghazadeh A., Ataeinia B., Keynejad K., Abdolalizadeh A., Hirbod-Mobarakeh A., Rezaei N.A. Meta-analysis of pro-inflammatory cytokines in autism spectrum disorders: effects of age, gender, and latitude. J. Psychiatr. Res. 2019; 115: P. 90–102. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022395619301542?via%3Dihub
20. Zhai Q.Y., Wang J.J., Tian Y., Liu X., Song Z. Review of psychological stress on oocyte and early embryonic development in female mice. Reprod. Biol. Endocrinol. 2020; 18(1): 101. URL: https://www.doi.org/10.1186/s12958020-00657-1.

© Осадчая Евгения Игоревна (japen4ela@gmail.com); Целкович Людмила Савельевна (samaraobsgyn2@yandex.ru);
Балтер Регина Борисовна (regina.balter@yandex.ru); Иванова Татьяна Владимировна (t.v.ivanova@samsmu.ru);
Ильченко Олеся Андреевна (olesay.ilchenko@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.31

ВЛИЯНИЕ ДЕФИЦИТА ЖЕЛЕЗА НА РИСК РАЗВИТИЯ РЕЦИДИВА ВУЛЬВОВАГИНАЛЬНЫХ ИНФЕКЦИЙ

THE IMPACT OF IRON DEFICIENCY ON THE RISK OF RECURRENCE OF VULVOVAGINAL INFECTIONS

L. Osipova
E. Kolesnikova
A. Zharov

Summary. Vulvovaginal infections are among the most common and difficult-to-treat problems in modern gynecology. Their high prevalence, frequent recurrences, and negative consequences for reproductive health make this topic particularly relevant for researchers and practicing physicians. This study examines the impact of iron deficiency on the risk of developing and recurring vulvovaginal infections, including bacterial vaginosis, aerobic vaginitis, candidal vulvovaginitis, and mixed vaginitis.
A review of the literature and the data obtained demonstrate that iron deficiency significantly impairs the body's defenses against infections, promoting the growth of pathogenic microorganisms and reducing the activity of beneficial lactobacilli. Iron deficiency disrupts the synthesis of vital proteins such as hemoglobin and myoglobin, leads to tissue hypoxia, and suppresses local immunity, creating favorable conditions for the development of bacterial and fungal infections. By studying the relationship between iron deficiency and infection severity, the authors concluded that a comprehensive approach to prevention and treatment is needed, including monitoring and correcting iron levels. The proposed measures will reduce the recurrence rate, improve patients' quality of life, and prevent serious complications such as preterm labor, pelvic inflammatory disease, and infertility.

Keywords: recurrent vulvovaginitis, ferritin, serum iron, risk factors.

Осипова Людмила Кирилловна
Аспирант, ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет, г. Краснодар
milka82@list.ru
Колесникова Екатерина Викторовна
кандидат медицинских наук, доцент, ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет, г. Краснодар
jokagyno@rambler.ru
Жаров Александр Владимирович
доктор медицинских наук, профессор, ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет, г. Краснодар
zharov.1966@yandex.ru

Аннотация. Вульвовагинальные инфекции относятся к числу наиболее распространенных и сложно излечиваемых проблем в современной гинекологии. Широкая распространенность, частые рецидивы и негативные последствия для репродуктивного здоровья делают данную тему особо актуальной для исследователей и практикующих врачей. Настоящее исследование посвящено изучению влияния дефицита железа на риск развития и рецидива вульвовагинальных инфекций, таких как бактериальный вагиноз, аэробный вагинит, кандидозный вульвовагинит и смешанные вагиниты.
Анализ литературы и полученные данные показывают, что дефицит железа существенно ухудшает защиту организма от инфекций, способствуя росту патогенных микроорганизмов и снижая активность полезных лактобацилл. Недостаток железа нарушает синтез жизненно важных белковых соединений, таких как гемоглобин и миоглобин, приводит к тканевой гипоксии и угнетает местный иммунитет, создавая благоприятные условия для развития бактериальных и грибковых инфекций.
Изучая взаимосвязь дефицита железа и тяжести течения инфекций, авторы пришли к выводу, что необходим комплексный подход к профилактике и лечению, включающий контроль и коррекцию уровня железа. Предлагаемые меры позволят снизить частоту рецидивов, улучшить качество жизни пациенток и предотвратить серьезные осложнения, такие как преждевременные роды, воспалительные заболевания органов малого таза и бесплодие.

Ключевые слова: рецидивирующие вульвовагиниты, ферритин, сывороточное железо, факторы риска.

Введение

Инфекции вульвы и влагалища сохраняют высокую клиническую значимость и остаются одними из наиболее частых причин обращения женщин к гинекологам. Их эпидемиологическая распространённость, склонность к рецидивированию и потенциал для отрицательного влияния на репродуктивное здоровье делают эту проблему приоритетной как для клинической практики, так и для научных исследований. Несмотря на прогресс в диагностических методах и терапевтических стратегиях, патологические влагалищные выделения продолжают занимать ведущее место в структуре гинекологических жалоб [1]. Этиологическая картина вагинитов претерпела заметные трансформации за последние десятилетия. Если ранее доминировали классические инфекционные агенты, передающиеся половым путём, то в настоящее время наблюдается расширение

спектра возбудителей: наряду с традиционными бактериями и дрожжеподобными грибами возросла роль условно-патогенной флоры, а также формируются смешанные (полимикробные) варианты воспаления слизистой влагалища. Появление новых сочетаний микроорганизмов и изменение их относительной роли обусловливают усложнение диагностики и выбор терапевтической тактики.

Клиническая значимость вагинальных инфекций определяется не только локальными проявлениями, но и системными акушерско-гинекологическими последствиями. Хронические или рецидивирующие вагиниты ассоциированы с повышенным риском преждевременных родов, преждевременного излития околоплодных вод, послеродовых инфекционных осложнений (включая эндометрит), а также с ухудшением исходов ЭКО и затруднением наступления беременности [2]. Эти ассоциации отражают влияние вагинальной микробиоты на состояние внутриродовой среды, иммунологический ответ и барьерную функцию репродуктивного тракта. Особое значение имеет взаимосвязь между состоянием влагалищного микробиома и различными аспектами женского здоровья. Бактериальный вагиноз и другие неспецифические вагиниты ассоциированы с воспалительными заболеваниями органов малого таза, нарушением фертильности, бесплодием, а также с повышенным риском передачи инфекций, передающихся половым путем, и даже рака шейки матки. Исследования показывают, что практически каждая вторая женщина, испытывающая проблемы с патологическими выделениями, страдает сопутствующими заболеваниями, такими как ожирение, дефицит витаминов и железодефицитная анемия [3].

Среди многочисленных факторов, модулирующих риск развития и клиническую динамику вагинальных инфекций, гомеостаз железа в организме занимает центральное место. Железодефицитные состояния оказывают существенное влияние на функционирование иммунной системы, компрометируя как клеточные, так и гуморальные звенья иммунитета. Это приводит к снижению резистентности организма к широкому спектру инфекционных агентов, включая патогены, вызывающие инфекции вульвы и влагалища. Клинически дефицит железа проявляется усугублением тяжести течения инфекционных заболеваний и повышенной склонностью к хронизации или рецидивированию у пациенток. Патогенетический механизм этого явления частично обусловлен тем, что железо является эссенциальным микроэлементом, необходимым для пролиферации, метаболизма и поддержания вирулентности многих оппортунистических и патогенных микроорганизмов. Это относится как к ряду грамотрицательных и грамположительных бактерий, так и к дрожжеподобным грибам рода Candida albicans, которые активно используют доступное железо для своего роста и формирования биопленок. Таким образом, нарушение статуса железа создает благоприятные условия для колонизации и персистенции патогенов, ослабляя защитные барьеры макроорганизма и способствуя неблагоприятному течению урогенитальных инфекций. [4, 5, 6, 7]. В противоположность многим патогенным микроорганизмам, лактобациллы (род Lactobacillus), являющиеся доминантными представителями и ключевыми регуляторами нормальной вагинальной микробиоты, характеризуются низкой зависимостью от внеклеточного железа для поддержания своей метаболической активности [8, 9]. Эта особенность обеспечивает относительное сохранение функциональной активности лактобацилл в условиях железодефицита, когда другие микроорганизмы испытывают дефицит этого эссенциального элемента. В то же время, в условиях ограниченной доступности железа, патогенные и условно-патогенные бактерии проявляют адаптивные механизмы, направленные на его эффективное получение и утилизацию. Важным фактором патогенности является способность формировать биопленки — структурированные сообщества микроорганизмов, заключенные в экстрацеллюлярный полимерный матрикс. Внутри биопленок создаются благоприятные условия для кооперативного использования доступного железа, что способствует усилению вирулентности патогенов, повышает их устойчивость к антимикробным препаратам и иммунным факторам, и тем самым способствует персистенции инфекции. Сформированные биопленки, в свою очередь, становятся дополнительным «резервуаром» потребления железа в организме, усугубляя системный дефицит и замыкая порочный круг: железодефицит способствует образованию биопленок, а биопленки потребляют больше железа, усугубляя дефицит. В итоге это приводит к прогрессирующему ухудшению состояния пациентки, ослаблению иммунной защиты и созданию благоприятных условий для хронизации инфекционного процесса. Таким образом, железодефицит может выступать не только как фактор риска развития вагинальных инфекций, но и как ключевой элемент в поддержании хронического воспаления и прогрессирования заболевания [10, 11, 12]. Недостаток железа отрицательно влияет на производство важнейших белков, таких как гемоглобин и миоглобин, вызывая тканевую и гемическую гипоксию [12]. Гипоксия тканей влагалища ингибирует метаболическую активность лактобацилл, приводя к снижению продукции лактата и перекиси водорода. Это дестабилизирует вагинальный микробиом, вызывая падение колонизационной резистентности и повышение pH среды. Создавшиеся условия благоприятствуют пролиферации патогенных микроорганизмов, что клинически проявляется развитием бактериального вагиноза, аэробного вагинита, кандидозного вульвовагинита и смешанных форм инфекций [13].

Помимо участия в синтезе гемоглобина и миоглобина, железо играет ключевую роль в функционировании иммунной системы, особенно в реализации механизмов врожденного иммунитета. Этот микроэлемент является кофактором ферментов, необходимых для эффективного уничтожения патогенов в клетках фагоцитарного ряда (макрофагах и нейтрофилах), оптимизируя процессы фагоцитоза и способствуя элиминации внутриклеточных бактерий, таких как Neisseria gonorrhoeae и Mycoplasma spp [14]. Нарушение гомеостаза железа, как дефицит, так и избыток, ассоциировано с повышенной восприимчивостью к инфекционным заболеваниям. Так, дефицит железа увеличивает риск развития инфекций, вызванных оппортунистическими микроорганизмами, и может стимулировать пролиферацию грибов [10, 15]. Между тем, Избыток железа также способен утяжелять течение инфекционных процессов [6, 16, 17, 18, 19].

Таким образом, поддержание адекватного уровня железа необходимо для оптимального функционирования иммунной системы и защиты от инфекций. Учитывая значимую роль железа в иммунной защите, изучение влияния дефицита железа на течение и рецидивирование вульвовагинальных инфекций представляется клинически важным. Коррекция дефицита железа может способствовать улучшению качества жизни женщин и снижению риска серьезных осложнений, связанных с инфицированием, особенно во время беременности.

Целью данной статьи является анализ влияния дефицита железа на риск рецидивов ВВИ и обоснование целесообразности включения мониторинга уровня железа в программы профилактики и комплексной терапии данной группы заболеваний. Обзор литературы свидетельствует о том, что исследование и коррекцию уровней железа следует рассматривать как важный элемент профилактики и лечения инфекций вульвы и влагалища, направленный на снижение рисков неблагоприятных исходов, особенно среди беременных женщин.

Материалы и методы

Настоящее научное когортное сравнительное исследование было проведено на базе двух клинических центров: кафедры акушерства и гинекологии №2 Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО «КубГМУ» Минздрава России) и лечебно-диагностического центра Общества с ограниченной ответственностью «Клиника Преображенская». Исследование осуществлялось в период с 2021 по 2024 годы.

Протокол исследования получил одобрение этического комитета ФГБОУ ВО «КубГМУ» Минздрава России (протокол №103 от 12 октября 2021 года) и строго соответствовал этическим принципам проведения медицинских исследований с участием человека, изложенным в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации (редакция 2013 года). Все участницы исследования предоставили письменное информированное согласие на сбор и обработку анамнестических данных, проведение стандартных общеклинических и гинекологических осмотров, а также выполнение всех необходимых диагностических процедур, предусмотренных протоколом исследования.

Для оценки поставленных гипотез был применен дизайн исследования типа «случай-контроль». В общую когорту исследования вошли 190 женщин в возрасте от 18 до 40 лет. На основании комплексной оценки анамнестических данных, результатов объективного осмотра, а также данных микроскопического и молекулярно-биологического анализов (включая ПЦР-диагностику и микроскопию мазков), все участницы были стратифицированы на две основные группы для дальнейшего сравнительного анализа.

Первая группа состояла из пациенток с рецидивирующими вульвовагинальными инфекциями (n = 124):

- Группа 1.А — пациентки с рецидивирующим бактериальным вагинозом (n = 62), средний возраст 28 ± 7,6;
- Группа 1.Б — пациентки с рецидивирующим аэробным вульвовагинитом (n = 36), средний возраст 28±6,5;
- Группа 1.В — пациентки с рецидивирующим кандидозным вульвовагинитом (n = 26), средний возраст 31±7,2.

Вторая группа представляла собой группу контроля и включала условно здоровых женщин (n = 66), средний возраст 29± 9,6.

Критерии включения в исследование: возраст от 18 до 40 лет; наличие рецидивирующих вульвовагинальных инфекций; наличие письменного информированного согласия пациенток на участие в исследовании.

Критерии исключения из исследования: наличие вирусных инфекций (ВПЧ, простой герпес); наличие инфекций, передающихся половым путём; наличие онкологического процесса; наличие тяжёлых аутоиммунных заболеваний; наличие декомпенсированной соматической патологии; наличие патологии шейки матки; острые или обострения хронических воспалительных заболеваний органов малого таза; беременность; нежелание пациентки участвовать в исследовании.

Комплексная оценка параметров гомеостаза железа включала определение уровней сывороточного железа

Таблица 1.

Описательная статистика количественных лабораторных показателей (ферритина, сывороточного железа) в исследуемых группах

Переменная	Описательные статистики (условие включения: v1=1)					
	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Нижний Квартиль	Верхний Квартиль
Группа РБВ (рецидивирующий бактериальный вагиноз)						
Ферритин (нг/мл)	17,043	18,050	2,700	32,200	10,800	25,100
Сыв.железо (мкмоль/л)	9,286	9,650	1,500	19,900	6,200	11,500
Группа РАВ (рецидивирующий аэробный вагинит)						
Ферритин (нг/мл)	19,667	20,850	3,100	39,000	10,700	27,800
Сыв железо (мкмоль/л)	10,451	10,800	1,700	17,000	8,000	12,400
Группа РКВ (рецидивирующий кандидозный вульвовагинит)						
Ферритин (нг/мл)	15,744	14,300	4,900	26,900	12,100	20,900
Сыв. железо (мкмоль/л)	10,592	10,700	2,100	16,400	9,100	12,100
Группа норма (контроль)						
Ферритин (нг/мл)	49,755	47,900	27,900	97,300	38,500	55,200
Сыв железо (мкмоль/л)	22,964	22,900	10,900	36,000	18,700	28,700

и ферритина в венозной крови, взятой натощак у всех участниц исследования.

Для статистического анализа полученных данных использовались программные комплексы Microsoft Excel 2016, специализированная программа GraphPad Prism версии 6.0 (GraphPad Software, Inc., Сан-Диего, Калифорния, США) и пакет Statistica 13.3 (США, TIBCO). Статистическая значимость взаимосвязи между бинарными переменными («да» или «нет») оценивалась с помощью классического критерия хи-квадрат Пирсона и его модифицированного варианта (М-П хи-квадрат). Полученные различия считались статистически значимыми при достижении уровня значимости p <0,05. Для оценки интенсивности взаимосвязи между исследуемыми факторами и заболеванием использовали статистику Фишера, коэффициент сопряженности и коэффициент Крамера. Интерпретация результатов основывалась на величине абсолютного значения этих показателей: если показатель превышал порог 0,25, то связь между категориями считалась статистически значимой. Проверка гипотезы о различиях между средними значениями параметров в исследуемых группах осуществлялась с помощью непараметрического критерия Краскела-Уоллиса. Значимые различия признавались при уровне значимости p <0,05.

Результаты

Для оценки влияния показателей обмена железа в венозной крови исследуемых на вероятность возникновения рецидивирующих вульвовагинальных инфекций проводилось сравнение средних значений количественных показателей между группами пациенток с РВВИ и участницами контрольной группы (табл. 1). Подобный подход позволил выявить возможные корреляции между показателями обмена железа и риском развития рецидивирующих вульвовагинальных инфекций.

Статистический анализ уровней ферритина в исследуемых группах представлен в таблице 2.

Таблица 2.

Статистический анализ уровня ферритина в исследуемых группах

Ферритин (нг/мл)	p знач. (2-сторонние) для множест. сравнений; Кр. Краскела-Уоллиса: H (3, N= 94) =60,95067; p =0,0001		
	РБВ R:30,483	РВ R:35,611	РКВ R:27,846
РБВ		1,000000	1,000000
РВ	1,000000		1,000000
РКВ	1,000000	1,000000	
Норма	0,000000	0,000001	0,000000

В информационной части таблицы представленные данные указывают на статистически значимые различия (p < 0,05) между сравниваемыми группами по критерию Краскела-Уоллиса. Дальнейший попарный анализ

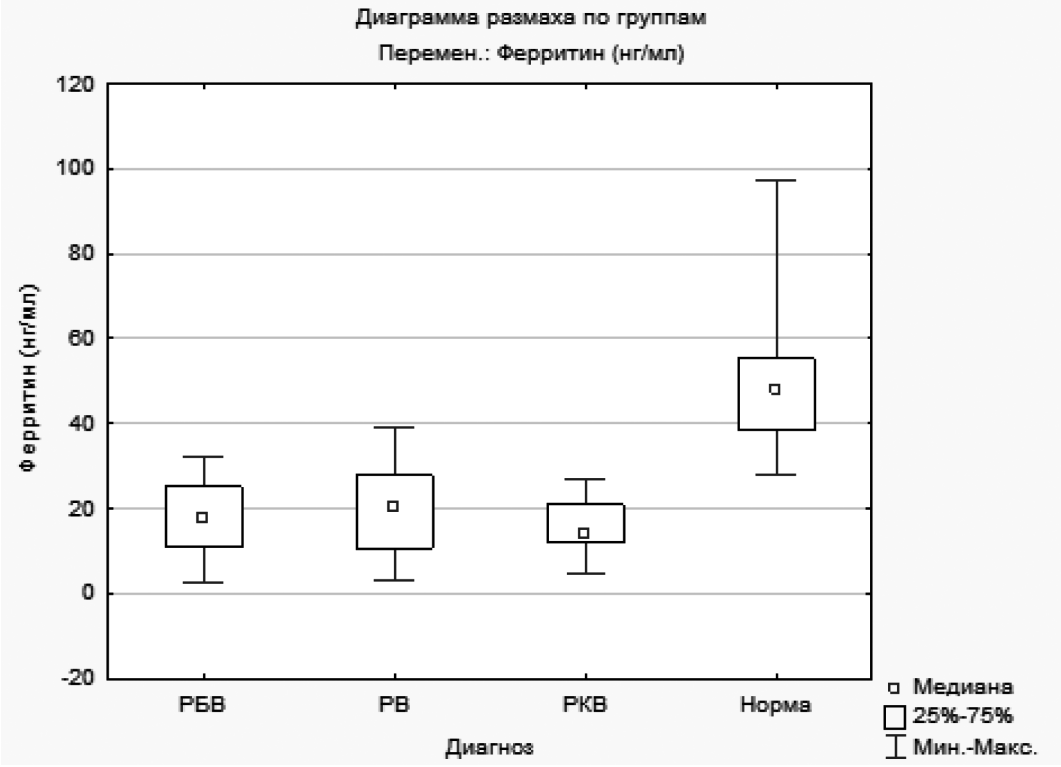

Рис. 1. Диаграмма размаха уровней ферритина по группам исследуемых

подтвердил, что существенные статистические отличия (p <0,05) наблюдаются между каждой из исследуемых групп и контрольной группой («Норма»).

Диаграмма размаха, представленная на Рисунке 1, наглядно иллюстрирует межгрупповые различия концентрации ферритина у пациенток исследуемых групп и в контрольной когорте. Визуализация включает медианные значения (как меры центральной тенденции), межквартильный диапазон (25-й и 75-й перцентили), а также минимальные и максимальные значения, что позволяет оценить распределение и вариабельность показателя. Использование медианы в качестве центрального значения обусловлено применением непараметрического критерия Манна-Уитни для сравнения показателей, что не предполагает нормальности распределения данных.

Анализируя полученные статистические результаты, можно сделать вывод, что в группе с РКВВ обнаружен самый низкий уровень ферритина, тогда как медиана ферритина в группе контроля заметно превосходит показатели остальных групп. Уровни ферритина в группах с РБВ и РАВ тоже значительно уступают значениям контрольной группы, причем в группе с РАВ уровень ферритина выше, чем в группе с РБВ.

Статистический анализ уровней сывороточного железа в исследуемых группах представлен в таблице 3.

Анализ, представленный в Таблице 3, демонстрирует, что уровни значимости (p) на пересечении всех строк и столбца, соответствующего группе «Норма», оказались ниже порогового значения 0,05. Это свидетельствует о наличии статистически значимых различий в исследуемом показателе между каждой из подгрупп и контрольной группой.

Анализ данных, представленный на Рисунке 2, выявил существенное снижение уровня сывороточного железа в группах пациенток с рецидивирующими вульвовагинальными инфекциями по отношению к контрольной группе. Важно отметить, что медианные концентрации железа в группах рецидивирующего бактериального вагиноза (РБВ), рецидивирующего аэробного вагинита (РАВ) и рецидивирующего кандидозного вульвовагинита

Таблица 3.
Статистический анализ уровней сывороточного железа в исследуемых группах

Сыв. железо (мкмоль/л)	p знач. (2-сторонние) для множест. сравнений; Кр. Краскела-Уоллиса: H (3, N= 94) =56,05220, p=0,0001		
	РБВ R:28,500	РВ R:35,861	РКВ R:35,462
РБВ		1,000000	1,000000
РВ	1,000000		1,000000
РКВ	1,000000	1,000000	
Норма	0,000000	0,000003	0,000037

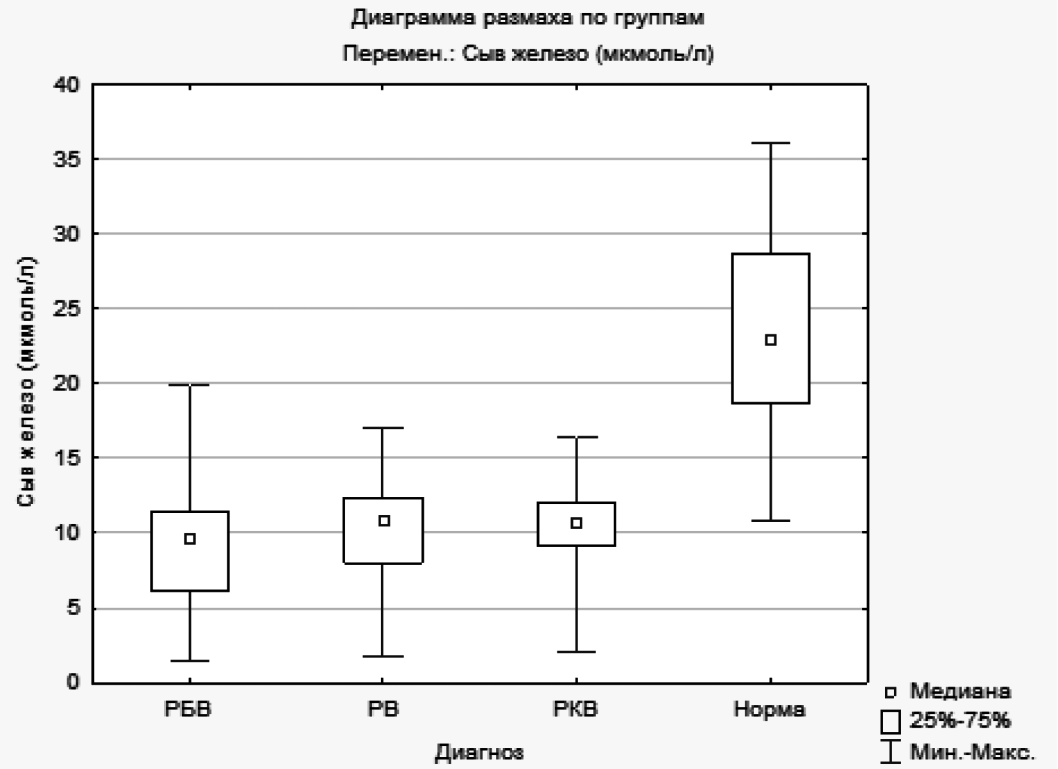

Рис. 2. Диаграмма размаха уровней сывороточного железа по группам исследуемых

(РКВВ) практически эквивалентны, что указывает на отсутствие выраженных различий между этими нозологиями по данному параметру.

Обсуждение

Результаты настоящего исследования продемонстрировали статистически значимые различия в концентрациях ферритина и сывороточного железа между пациентками с рецидивирующими вульвовагинальными инфекциями и контрольной группой. Эти различия имеют фундаментальное значение для понимания патогенетических механизмов, лежащих в основе развития РВВИ, и для разработки эффективных стратегий профилактики и терапии.

Так, визуализация данных в виде диаграммы размаха (Рисунок 1) позволила установить существенное снижение медианных значений ферритина в группе пациенток с РКВВ по сравнению с другими подгруппами РВВИ и контрольной группой. Данный факт свидетельствует о выраженной связи между низким уровнем ферритина и повышенным риском рецидивов кандидозной инфекции. Важно отметить, что группы с РБВ и РАВ также демонстрировали пониженные уровни ферритина относительно контрольной группы, хотя и в меньшей степени, чем группа РКВВ.

Статистический анализ, представленный в Таблице 3 и визуализированный на Рисунке 2, подтвердил, что средние значения сывороточного железа в группах с РВВИ значительно ниже по сравнению с контрольной группой. Несмотря на минимальные различия между подгруппами РБВ, РАВ и РКВВ, общая тенденция указывает на то, что дефицит сывороточного железа ассоциирован с увеличением риска рецидивирования вульвовагинальных инфекций, независимо от этиологии.

Обнаруженные ассоциации между уровнем железа и развитием РВВИ могут частично объяснить ограниченную эффективность традиционных терапевтических подходов в лечении рецидивирующих инфекций. Дефицит железа, вероятно, приводит к ослаблению местного иммунного ответа и снижению резистентности слизистой оболочки влагалища к колонизации и инвазии патогенных микроорганизмов, что создает условия для хронизации и рецидивирования инфекционного процесса. Полученные результаты согласуются с данными литературы, указывающими на взаимосвязь между дефицитом железа и хроническими воспалительными заболеваниями, включая инфекции нижних отделов репродуктивного тракта. Таким образом, мониторинг и коррекция уровня железа могут являться важным компонентом стратегий, направленных на профилактику и повышение эффективности лечения РВВИ.

Заключение

Результаты проведенного исследования указывают на значимую роль дисбаланса железа в патогенезе ре-

цидивирующих вульвовагинальных инфекций. Это открывает перспективы для разработки новых терапевтических и профилактических стратегий, направленных на оптимизацию гомеостаза железа и повышение резистентности макроорганизма к инфекционным агентам. Полученные данные подтверждают необходимость комплексного подхода к лечению РВВИ, предусматривающего коррекцию дефицита железа и превентивные меры для предотвращения развития железодефицитных состояний, что, вероятно, улучшит клинические исходы и снизит частоту рецидивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунова Е.А. К вопросу о диагностике и лечении рефрактерных и рецидивирующих вагинозов и вагинитов в практике гинеколога / Е.А. Горбунова, И.А. Аполихина // Медицинский совет. — 2024. — Т. 18, № 4. — С. 75–82. — DOI 10.21518/ms2024-165. — EDN SUFOJJ
2. Vita brevis, ars bnga («Жизнь коротка, искусство вечно»). Генитальные инфекции через призму шедевров художественных галерей мира // Эффективная фармакотерапия. — 2024. — Т. 20, № 6. — С. 82–91. — EDN FOTSTS
3. Анкирская А.С., Муравьева В.В. Интегральная оценка состояния микробиоты влагалища. Диагностика оппортунистических вагинитов. Акушерство и гинекология: новости, мнения, обучение. 2020;8(1):69–76. https://doi.org/10.24411/2303-9698-2020-11009
4. Golonka R., Yeoh B.S., Vijay-Kumar M. (2019). The iron tug-of-War between bacterial siderophores and innate immunity. J. Innate Immun. 11, 249–262. DOI: 10.1159/000494627
5. Yadav R., Noinaj N., Ostan N., Moraes T., Stoudenmire J., Maurakis S., et al. (2019). Structural basis for evasion of nutritional immunity by the pathogenic Neisseriae. Front. Microbiol. 10, 2981. DOI: 10.3389/fmicb.2019.02981
6. Richard K.L., Kelley B.R., Johnson J.G. Heme Uptake and Utilization by Gram-Negative Bacterial Pathogens. Front Cell Infect Microbiol. 2019 Mar 29; 9:81. DOI: 10.3389/fcimb.2019.00081
7. Kaba H.E.J., Nimtz M., Müller P.P., Bilitewski U. Involvement of the mitogen activated protein kinase Hog1p in the response of Candida albicans to iron availability. BMC Microbiology. 2013;13, article 16 DOI: 10.1186/1471-2180-13-16
8. Weinberg E.D. The Lactobacillus anomaly: total iron abstinence. Perspect Biol Med. 1997 Summer;40(4):578–83. DOI: 10.1353/pbm.1997.0072
9. Wooldridge K.G., Williams PH. Iron uptake mechanisms of pathogenic bacteria. Fems Microbiol Rev. (1993) 12:325–48. DOI: 10.1111/j.1574–6976. 1993.tb00026.x
10. Леонов В.В. Железо и микроорганизмы / Леонов В.В., Миронов А.Ю. — Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2016. — 178 с. — ISBN 978-5-906244-88-8
11. Akinbosede D., Chizea R., Hare S.A. Pirates of the haemoglobin. Microb Cell. 2022 Feb 18;9(4):84-102. DOI: 10.15698/mic2022.04.775
12. Kang D., Kirienko N.V. Interdependence between iron acquisition and biofilm formation in Pseudomonas aeruginosa. J Microbiol. 2018 Jul;56(7):449–457. DOI: 10.1007/s12275-018-8114-3
13. Таюпова И.М., Сахаутдинова И.В., Хайбуллина А.Р. Роль дефицита железа в возникновении инфекционных осложнений во время беременности // Вестник РУДН. Серия: Медицина. 2012. №5
14. Nairz M., Haschka D., Demetz E., Weiss G. Iron at the interface of immunity and infection. Front. Pharmacol. 2014. 5, 152. DOI: 10.3389/fphar.2014.00152
15. Козлов А.В., Гусякова О.А. Лямин А.В и др. Метаболизм железа как патогенетическое звено развития инфекционных осложнений при муковисцидозе / // Астраханский медицинский журнал. — 2019. — Т. 14. — № 2. — С. 25–33. — DOI 10.17021/2019.14.2.25.33
16. McDowell L.A., Kudaravalli P., Sticco K.L. (2022). Iron overload. StatPearls.
17. Zhang Y., Sen S., Giedroc D.P. Iron Acquisition by Bacterial Pathogens: Beyond Tris-Catecholate Complexes. Chembiochem. 2020 Jul 16;21(14):1955–1967. DOI: 10.1002/cbic.201900778
18. Bradley J.M., Svistunenko D.A., Wilson M.T., Hemmings A.M., Moore G.R., Le Brun N.E. Bacterial iron detoxification at the molecular level. J Biol Chem. 2020 Dec 18;295(51):17602–17623. DOI: 10.1074/jbc
19. Mahadea D., Adamczewska E., Ratajczak A.E., Rychter A.M., Zawada A., Eder P., Dobrowolska A., Krela-Kaźmierczak I. Iron Deficiency Anemia in Inflammatory Bowel Diseases-A Narrative Review. Nutrients. 2021 Nov 10;13(11):4008. DOI: 10.3390/nu13114008

© Осипова Людмила Кирилловна (milka82@list.ru); Колесникова Екатерина Викторовна (jokagyno@rambler.ru);
Жаров Александр Владимирович (zharov.1966@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.35

ЭНДОВАСКУЛЯРНОЕ БУЖИРОВАНИЕ ОККЛЮЗИРОВАННОЙ ИНФАРКТ-ОТВЕТСТВЕННОЙ КОРОНАРНОЙ АРТЕРИИ У ПАЦИЕНТОВ С ОСТРЫМ ИНФАРКТОМ МИОКАРДА С ПОДЪЕМОМ СЕГМЕНТА ST КАК МЕТОД ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ФЕНОМЕНА НЕВОССТАНОВЛЕННОГО КОРОНАРНОГО КРОВОТОКА

ENDOVASCULAR BOUGIENAGE IN PATIENTS WITH ACUTE MYOCARDIAL INFARCTION WITH ST SEGMENT ELEVATION

G. Sazanov
A. Aydemirov
O. Sapelnikov

Summary. *Objective*: To present a demonstrative clinical case of endovascular treatment of patients with acute occlusion of an infarct-related coronary artery.

Case report: Patient G.N.A., male, 42 years old, city resident, was hospitalized in the regional vascular center of the State Budgetary Healthcare Institution of the Stavropol Territory «Stavropol State Clinical Hospital» (RVC) with a diagnosis of acute transmural infarction of the inferior wall of the myocardium, with complaints of burning pain in the heart area, radiating under the scapula.

History of the disease: the above complaints arose 40 minutes before the puncture of the radial artery, an ambulance team delivered him to the RVC, bypassing the admission department, and delivered him to the operating room.

At the prehospital stage, the patient received the following treatment: aspirin 500 mg orally, a loading dose of ticagrelor 180 mg orally, unfractionated heparin 5000 IU intravenously, morphine 10 mg intravenously.

During coronary angiography, acute occlusion of the right coronary artery is visualized. A decision was made to perform bougienage of the infarct-related coronary artery (IRCA), after which the distal stent landing zone was satisfactorily visualized. A drug-eluting stent was implanted with a satisfactory angiographic result. No complications were registered during PCI and the hospitalization period. The phenomenon of unrecovered coronary artery blood flow or distal embolism were absent.

Conclusion: The clinical case demonstrates the technical feasibility and ease of implementation of the technique of endovascular bougienage of the IRCA in a patient with acute myocardial infarction with ST segment elevation. The absence of thrombotic complications when performing this technique allows to reduce mortality and improve the functional indicators of the pumping function of the heart muscle.

Keywords: no-reflow phenomenon, infarction-related coronary artery, acute myocardial infarction with ST-segment elevation, bougienage.

Сазанов Григорий Вячеславович
Врач,
ГБУЗ СК Ставропольская краевая клиническая больница
mc_sagr@mail.ru
Айдемиров Артур Насирович
Доктор медицинских наук, профессор,
ФГБОУ ВО Ставропольский государственный медицинский университет;
ГБУЗ СК Ставропольская краевая клиническая больница
aaidemirov@mail.ru
Сапельников Олег Валерьевич
Доктор медицинских наук, Главный научный сотрудник,
ФГБУ Национальный медицинский исследовательский центр кардиологии имени академика Е.И. Чазова,
г. Москва
sapelnikovov@mail.ru

Аннотация. *Цель*: Показательное представление клинического случая эндоваскулярного лечения пациентов с острой окклюзией инфаркт-ответственной коронарной артерией.

Клинический случай: Пациент Г.Н.А., мужчина, 42 года, городской житель, был госпитализирован в региональный сосудистый центр ГБУЗ СК «СККБ» с диагнозом острый трансмуральный инфаркт нижней стенки миокарда, с жалобами на пекущие боли в области сердца, иррадиирущие под лопатку.

Анамнез заболевания: указанные жалобы возникли за 40 минут до пункции лучевой артерии, бригадой скорой помощи доставлен в РСЦ, минуя приемное отделение, доставлен в операционную.

На догоспитальном этапе пациент получил лечение: аспирин 500 мг внутрь, нагрузочную дозу тикагрелора 180 мг внутрь, нефракционированный гепарин 5000 ЕД внутривенно, морфин 10 мг внутривенно.

Во время выполнения коронарографии визуализируется острая окклюзия правой коронарной артерии. Принято решение о выполнении бужирования инфаркт-ответственной коронарной артерии (ИОКА), после которого удовлетворительно визуализирована зона дистально посадки стента. Произведена имплантация стента с лекарственным покрытием с удовлетворительным ангиографическим результатом. Осложнений во время выполнения ЧКВ и периода госпитализации не зарегистрированы. Феномен невосстановленного кровотока коронарной артерии или дистальная эмболия отсутствовали.

Заключение: Клинический случай демонстрирует техническую возможность и простоту выполнения методики выполнения эндоваскулярного бужирования ИОКА у пациента с острым инфарктом миокарда с подъемом сегмента ST. Отсутствие тромботических осложнений при выполнении данной методики позволяет снизить смертность и улучшить функциональные показатели насосной функции сердечной мышцы.

Ключевые слова: феномен no-reflow, инфаркт-ответственная коронарная артерия, острый инфаркт миокарда с подъемом сегмента ST, бужирование.

Введение

В современной кардиологии наблюдается активное применение рентгенхирургических методов диагностики и лечения ишемической болезни сердца, в том числе у больных с острым инфарктом миокарда с элевацией сегмента ST (ОИМпST) и вопросы, связанные с осложнениями при проведении чрескожных коронарных вмешательств (ЧКВ), сохраняют свою значимость в клинической практике [1]. Особого внимания заслуживают такие осложнения, как феномены slow/no-reflow, поскольку они не только увеличивают риск летальных исходов у пациентов с ОИМпST, но и негативно влияют на функциональные результаты проведенного лечения [2]. В современной интервенционной кардиологии наблюдается тенденция к увеличению числа сторонников стратегии прямого восстановления антеградного кровотока без предварительной баллонной предилатации [3]. Данный подход приобретает все большую популярность благодаря нескольким важным преимуществам:

1. Снижение риска активации патогенетических механизмов, характерных для баллонной ангиопластики.
2. Уменьшение вероятности развития феномена невостановленного коронарного кровотока.
3. Сохранение целостности сосудистой стенки.
4. Предотвращение избыточного повреждения эндотелия [4–7].

Феномен slow/no-reflow представляет собой нарушение реперфузии миокарда после интервенционного вмешательства, что может привести к ухудшению клинического исхода [8, 9]. Отсутствие предварительной баллонной дилатации позволяет минимизировать риск развития данного осложнения [10, 11].

Возможным методом профилактики феномена невосстановленного коронарного кровотока при окклюзированной ИОКА является стратегия бужирования последующего стентирования, которая демонстрирует значительный потенциал в улучшении результатов интервенционных вмешательств и снижении риска осложнений [12].

Клинический случай

Пациент Г.Н.А., мужчина, 42 года, городской житель, поступил в РСЦ ГБУЗ СК «СККБ» с диагнозом ОКСпST по нижней стенке, с жалобами на пекущие боли в области сердца, иррадиирущие под лопатку.

Анамнез заболевания: указанные жалобы возникли за 40 минут до пункции лучевой артерии, бригадой скорой помощи доставлен в РСЦ, минуя приемное отделение, доставлен в операционную.

Сопутствующие заболевания: гипертоническая болезнь II стадии, неконтролируемая АГ, риск 4.

На догоспитальном этапе пациент получил лечение: аспирин 500 мг внутрь, нагрузочную дозу тикагрелора 180 мг внутрь, нефракционированный гепарин 5000 ЕД внутривенно, морфин 10 мг внутривенно.

По данным электрокардиографии: Частота сердечных 62 в мин. Признаки элевации сегмента ST в отведениях II, III, AVR, реципрокная депрессия сегмента ST в отведениях I, AVL, V4-V6.

Высокочувствительный тропонин Т: 1845 нг/л.

При выполнении ЧКВ: визуализируется острая окклюзия правой коронарной артерии. Дана нагрузочная доза тикагрелора получена на догоспитальном этапе. Дистальнее места окклюзии проведен коронарный проводник, выполнена съёмка с целью оценки русла дистальнее окклюзии ИСКА (рисунок 1).

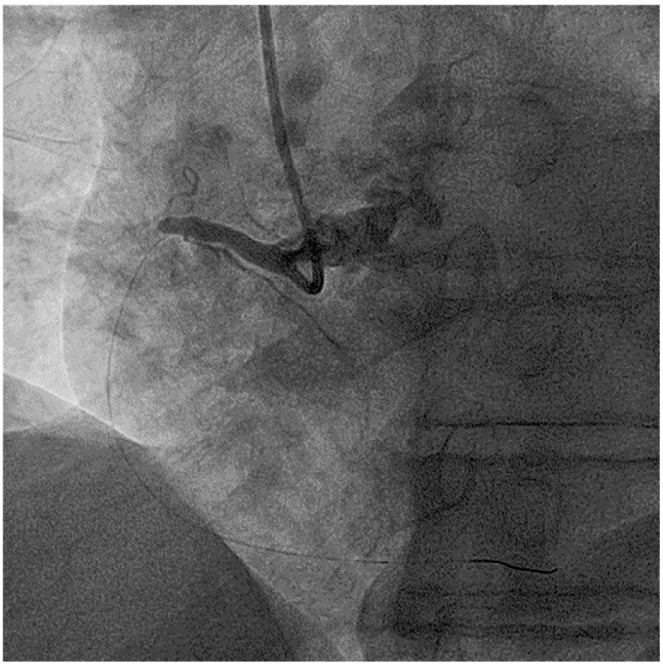

Рис. 1. Пациент Г.Н.А. Коронарография до выполнения бужирования

Далее выполнено бужирование ИОКА, а именно заведение баллонного катетера (БК), который в данном случае являлся бужом, дистальнее места окклюзии (рисунок 2) и выполнение ангиографии с подачей контрастного вещества в момент извлечения БК (рисунок 3).

Дистальное русло ИОКА и зона дистальной посадки стента визуализированы удовлетворительно, было принято решение о выполнении последующего стентирования ИОКА без выполнения дополнительных манипуляций. Произведена имплантация стента 4,0х28 мм

Рис. 2. Пациент Г.Н.А. Выполнение бужирования ИОКА

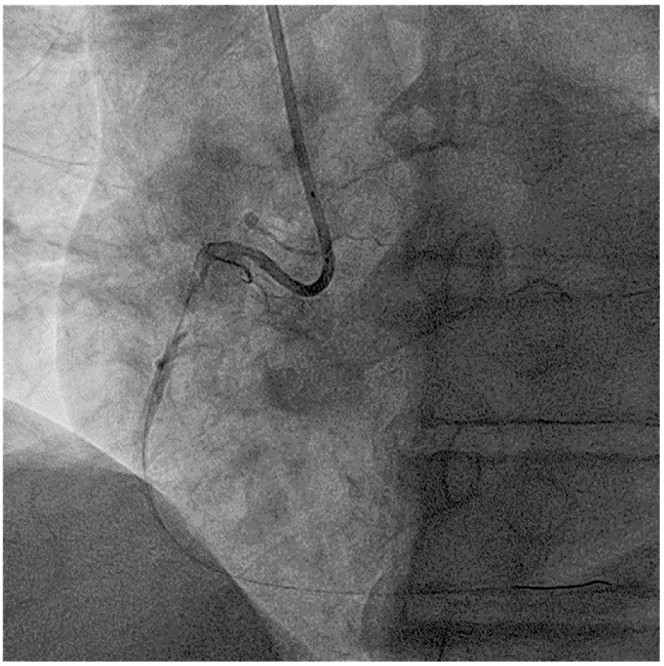

Рис. 3. Пациент Г.Н.А. Визуализация дистального русла путем подачи контрастного вещества в момент извлечения бужа

с лекарственным покрытием, (рисунок 4). Выполнена контрольная ангиография (рисунок 5). Дистальное русло ИОКА визуализируется до уровня кровотока TIMI 3, ангиографическая картина удовлетворительная. Операция завершена, длительность операции составила 20 минут, контрастного вещества потрачено 100 мл. Пациент переведён в отделение анестезиологии и реанимации. Осложнений во время выполнения ЧКВ и периода госпитализации не зарегистрированы. Феномен невосстановленного кровотока коронарной артерии или дистальная эмболия отсутствовали.

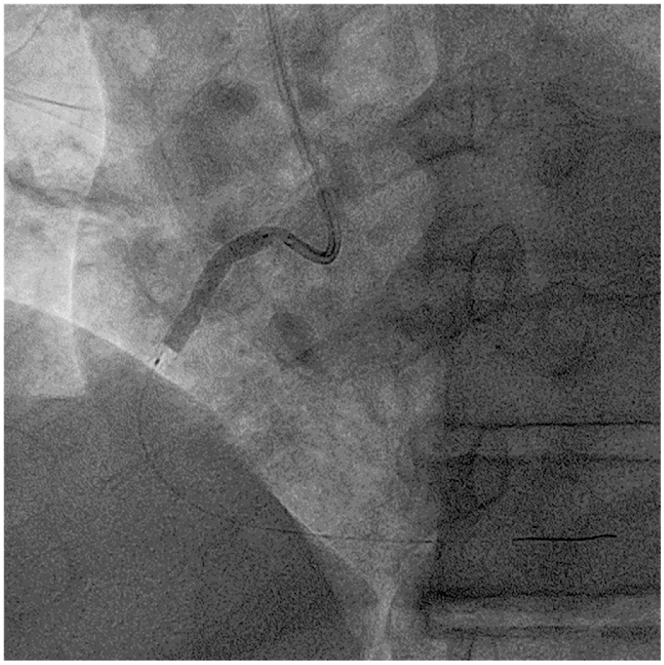

Рис. 4. Пациент Г.Н.А. Имплантация стента

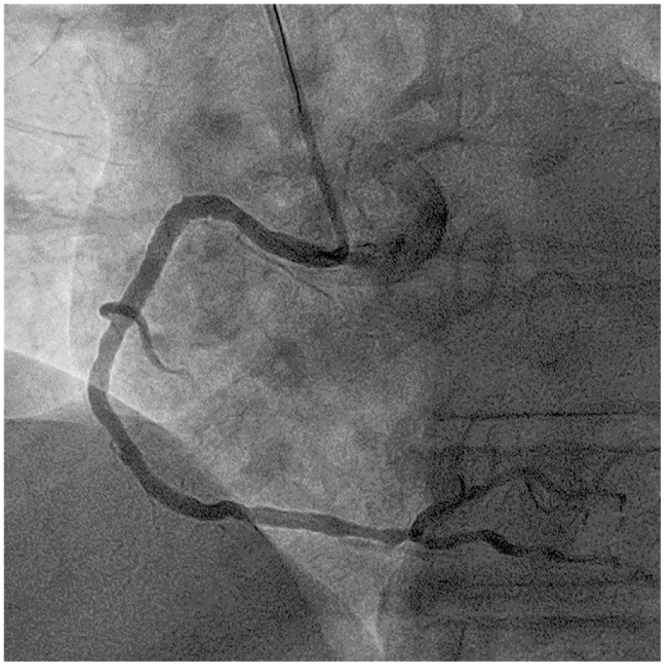

Рис. 5. Пациент Г.Н.А. Контрольная коронарография

Через 6 часов после завершения ЧКВ пациенту было выполнено ЭХОКГ. Незначительно снижена глобальная сократительная функция миокарда левого желудочка. Фракция выброса левого желудочка составляла 52 % по Симпсону. Отмечается локальная зона гипокинеза средне-базального сегмента левого желудочка. Клапанный аппарат сердца — без значимого поражения. Свободной жидкости в полости перикарда не визуализируется.

Обсуждение

Существует классический способ реваскуляризации ИОКА, который подразумевает выполнение предилятации баллонным катетером и последующей имплантации стента. Однако, такой метод значительно чаще приводит к тромботическим, эмболическом осложнениям, в том числе феномену невостановленного коронарного кровотока [12–15].

В этой связи в данном клиническом случае представлена методика эндоваскулярного бужирование ИОКА. Исходя из описанных практической и теоретической части данного кейса, техническое выполнение данном манипуляции не должно вызывать затруднений у специалистов — эндоваскулярных хирургов. С целью бужирования ИОКА в данном клиническом случае был использован полукомплаенсный БК диаметром 2,5 мм. Благодаря диаметру БК в нераскрытом состоянии около 1 мм., минимально инвазивное прохождение через тромбомассы становится возможным без риска их миграции в дистальном или проксимальном направлении. Далее хирург производил непосредственно бужирование ИОКА и в момент извлечения БК, продолжая вводить контрастное вещество, визуализировал дистальное русло. При возникновении подозрения на спазм ИОКА хирург мог ввести нитропруссид натрия, но в данном случае эта опция не была использована, поскольку визуализация зоны посадки была хорошей и дистальный диаметр ИОКА соответствовал референсному до места окклюзии. После этого был подобран стент длинны и диаметра, необходимый для имплантации в пораженный сегмент ИОКА. Этот подход предполагает, что стент фиксирует тромботические массы к стенке артерии, предотвращая их перемещение в дистальный кровоток, что снижает риск развития нежелательных клинических исходов, риск развития феномена невостановленного коронарного кровотока и других тромботических осложнений, и улучшает результаты лечения пациента в стационаре. Также выполнение операций данным методом соотносится с концепцией «минимизации любых манипуляций при выполнении ЧКВ на ИОКА», которая снижает риски развития эмболии микроциркуляторного коронарного русла [14–15].

Очень важным аспектом в дискуссии показания применения методики эндоваскулярного бужирования представляется длинна тромбоза ИОКА. Как известно, наиболее используемой шкалой для определения степени коронарного тромбоза является шкала thrombus grade score (TTG) [16]. Известно, что между шаг TTG 4 до TTG 5 является операторзависимым, поскольку определено, что длина тромбоза ИОКА TTG 4 составляет более 2 диаметром ИОКА. Средний диаметр наиболее крупных венечных артерий в проксимальных сегментах составляет порядка 5 мм [17], что определяет начальный интервал шага TTG 4, который в среднем составляет от 10 мм. Конкретный конечный интервал шага TTG 4 не определен. Соответственно и начальное значение уровня тромбоза в шаге TTG 5, требующее проведение тромбаспирации, не определено. В этой связи при проведении апробации и исследования авторы приняли решение, что максимальная допустимая длина тромбоза ИОКА будет составляет 36 мм. На момент апробации и проведения исследования такая длинна тромбоза ИОКА позволяла операторам выполнять дальнейшее прямое стентирование одним стентом. Это решение было продиктовано в том числе и сокращением времени операции и количеств манипуляции, которые являются предикторами развития дистальной эмболии и феномена невосстановленного коронарного кровотока [14–15].

Показания для применения методики

При проведении апробации данной методики и проведения исследования авторами были выявленные рекомендуемые показания для её использования. Обязательными критериями, которым должен соответствовать, пациент являются:

— окклюзированная ИОКА (уровень кровотока 0 по шкале TIMI);
— градация коронарного тромбоза в ИОКА по классификации thrombus grade score TTG 4 и менее при длине тромбоза ИОКА до 36 мм (оценивается после проведения бужирования).

Возможные ограничения применения методики

— выраженный кальциноз ИОКА;
— выраженная извитость ИОКА.

Ограничения применения методики

По нашему мнению, вышеописанную методику не следует выполнять в следующих клинических ситуациях:

— градация коронарного тромбоза в ИОКА по классификации thrombus grade score TTG 5 при длине тромбоза более 36 мм, требующая проведения мануальной тромбаспирации;
— при подозрении на эмболический характер поражения ИОКА, например, у пациентов в постоянной формой фибрилляции предсердий;
— в ситуации, когда инфаркт-ответственным сосудом является коронарный шунт.

Заключение

Методика рентгенохирургического бужирования и последующего стентирования может применяться у пациентов с ОИМпST при выявлении окклюзии ИОКА. Описанный метод на данном этапе развития медицинской науки имеет описанные в данной статье показания и ограничения к применению и требует дальнейшего более углубленного изучения и проведения многоцентровых рандомизированных клинических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алекян Б.Г. Рентгенэндоваскулярная хирургия. Национальное руководство. Т. 2.М.: Литтерра. 2017;399–426.
2. Сазанов Г.В., Белоконь О.С. Влияние предилатации на частоту возникновения феномена no/slow-reflow у пациентов с острым коронарным синдромом с подъёмом сегмента ST. Казанский медицинский журнал. 2020;101(2):284–288.https://doi.org/10.17816/KMJ2020-284
3. Сазанов Г.В., Шугушев З.Х. Эндоваскулярная профилактика развития дистальной эмболии в патогенезе развития феномена no-reflow при выполнении чрескожного коронарного вмешательства больным с острым коронарным синдромом с подъемом сегмента ST. Кардиологический вестник. 2024;19(1):23–28. https://doi.org/10.17116/Cardiobulletin20241901123
4. Ганюков В.И., Азаров А.В., Бессонов И.С., Майсков В.В., Тарасов Р.С., Фролов А.А. Синдром невосстановленного коронарного кровотока. Красноярск: Версона; 2023. 23–68. ISBN 978-5-906477-45-3.
5. Montone R.A., Camill M., Buono M.G. Del, et al. Update sudiagnosi, fisiopatologia e strategieterapeutiche. G. Ital. Cardiol. 2020;21:4–14.PMID: 32469339. https://doi.org/10.1714/3373.33487
6. Yaméogo N.V., Guenancia C., Porot G., et al. Predictors of angiographically visible distal embolization in STEMI. Herz. 2020;45(3):288–292.PMID: 29926119 https://doi.org/10.1007/s00059-018-4723-1
7. Yalcin Y., Biyik I., Akturk E., et al. Association between endothelial nitric oxide synthase gene polymorphism (glu298asp) and coronary no-reflow phenomenon in acute myocardial infarction. Advances in Hygiene & Experimental Medicine. — 2019. https://doi.org/10.5604/01.3001.0013.525341
8. Фролов А.А., Починка И.Г., Фролов И.А. и др. Синдром коронарной микрососудистой обструкции при чрескожных коронарных вмешательствах у пациентов с инфарктом миокарда: комплексный подход к профилактике и лечению. Патология кровообращения и кардиохирургия. 2024;28(3):64–77. https://doi.org/10.21688/1681-3472-2024-3-64-77
9. Журавлев А.С., Азаров А.В., Семитко С.П., Иоселиани Д.Г. Феномен no-reflow во время первичного чрескожного коронарного вмешательства у пациентов с острым инфарктом миокарда с подъемом сегмента ST, обусловленным массивным коронарным тромбозом. Патогенез и предикторы no-reflow. Кардиология. 2021;61(2):99–105. https://doi.org/10.18087/cardio.2021.2.n1175
10. Niccoli G., Ibanez B., Thiele H., Thiele H., Crea F., Heusch G., et al. Optimized treatment of ST-elevation myocardial infarction. Circ. Res. 2019; 125: 245–258. https://doi.org/10.1161/CIRCRESAHA.119.315344
11. Сазанов Г.В., Шугушев З.Х., Белоконь О.С., Ермаков С.В., Писаренко Н.В. Влияние прямого стентирования на частоту интраоперационых осложнений и ближайшие исходы лечения пациентов с острым коронарным синдромом с подъемом сегмента ST. Креативная кардиология. 2023; 17 (3): 424–32. DOI: 10.24022/1997–3187-2023-17-3-424-432.
12. Сазанов Г.В., Шугушев З.Х., Белоконь О.С. и др. Бужирование инфаркт связанной коронарной артерии как метод снижения частоты встречаемости феномена no-reflow у пациентов с острым коронарным синдромом с подъемом сегмента ST. Инновационная медицина Кубани. 2023;(3):54–61. https://doi.org/10.35401/2541-9897-2023-26-3-54-61
13. Kariyanna P.T. Coronary embolism and myocardial infarction: A Scoping Study / PT Kariyanna, B Ramalanjaona, M Al-Sadawi, A Jayarangaiah, et al.// Am. J. Med. Case Rep. — 2020. — V. 8(2). — P. 31–43. https://doi.org/10.12691/ajmcr-8-2-1
14. Henriques J.P. Zwolle Myocardial Infarction Study Group. Frequency and sequelae of ST elevation acute myocardial infarction caused by spontaneous distal embolization from unstable coronary lesions / JP Henriques, F Zijlstra// Am. J. Cardiol. — 2003. — V. 91. — P. 708–711. https://doi.org/10.1161/01.CIR.0000065221.06430.ED
15. Neumann F-J. Direct stenting in ST-elevation myocardials infarction: convenient, but not improving outcomes / F-J Neuman, M. Gick// Eur. Heart. J. — 2018. — V. 39(26). — P. 2480–2483. https://doi.org/10.1093/eurheartj/ehy353
16. Фролов А.А. Феномен коронарной микрососудистой обструкции (no-reflow) при проведении чрескожных коронарных вмешательств у пациентов с инфарктом миокарда / А.А. Фролов, И.Г. Починка, Б.Е. Шахов и соавт. // Патология кровообращения и кардиохирургия. — 2020. — Т. 24. — № 1. — С. 1827. https://doi.org/10.21688/1681-3472-2020-1-18-27
17. Жарихина М.П. Ультразвуковая анатомия и диагностика заболеваний коронарных артерий: учеб.-метод. пособие / М.П. Жарихина. — Минск: БелМАПО, 2023. — 35 с.

© Сазанов Григорий Вячеславович (mc_sagr@mail.ru); Айдемиров Артур Насирович (aaidemirov@mail.ru);
Сапельников Олег Валерьевич (sapelnikovov@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.37

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ ГЕМАТОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ГЕМОСТАЗА У БОЛЬНЫХ РЕВМАТОИДНЫМ АРТРИТОМ С АНТИФОСФОЛИПИДНЫМ СИНДРОМОМ

PROGNOSTIC SIGNIFICANCE OF CHANGES IN HEMATOLOGICAL PARAMETERS AND HEMOSTASIS PARAMETERS IN PATIENTS WITH RHEUMATOID ARTHRITIS AND ANTIPHOSPHOLIPID SYNDROME

Yu. Sarycheva
T. Chernysheva

Summary. *Justification*. There is no clear information in the literature about antiphospholipid syndrome (APS) in rheumatoid arthritis (RA). *The purpose of the study*. To study the features of changes in some hematological parameters and the hemostasis parameters in RA patients with and without APS in a comparative aspect. *Materials and methods*. 105 patients with RA were examined. *Results*. The platelet counts positively correlated in both groups with erythrocyte sedimentation rate (ESR), C-reactive (CRP), interleukin-18 (IL-18), fibrinogen, endothelin-1, and D-dimer; in RA and APS, with lupus anticoagulant and β2-glycoprotein-1. There was a positive correlation of protrombin index (PTI) with ESR and CRP and a negative correlation between activated partial thromboplastin time (APTT) and CRP. There was a positive correlation of fibrinogen, D-dimer, and endothelin-1 with ESR, CRP, and IL-18. These dependencies were more pronounced in the group of RA patients with APS ($p<0,01$). *Discussion*. Significant differences in changes in hematological and hemostatic parameters between groups of RA patients with and without APS were found. *Conclusions*. APS is an additional aggravating factor that leads to hypercoagulation and thrombotic complications in RA patients.

Keywords: rheumatoid arthritis, antiphospholipid syndrome, hematology, hemostasis, parameters.

Сарычева Юлия Александровна
Кандидат медицинских наук, доцент, ФГБОУ ВО Оренбургский государственный медицинский университет
yualsarycheva@mail.ru
Чернышева Татьяна Викторовна
Доктор медицинских наук, профессор, ФГБОУ ВО Оренбургский государственный медицинский университет

Аннотация. *Обоснование*. В литературных источниках нет четкой информации об антифосфолипидном синдроме (АФС) при ревматоидном артрите (РА). *Цель исследования*. Изучить особенности изменений некоторых гематологических показателей и показателей гемостаза у больных РА с АФС и без него в сравнительном аспекте. *Материалы и методы*. Обследовано 105 больных РА. *Результаты*. Количество тромбоцитов положительно коррелировало в обеих группах со скоростью оседания эритроцитов (СОЭ), С-реактивным белком (СРБ), интерлейкином-18 (ИЛ-18), фибриногеном, эндотелином-1, Д-димером; при РА и АФС с волчаночным антикоагулянтом и β2-гликопротеином-1. Наблюдалась положительная корреляция протромбинового индекса (ПТИ) со СОЭ и СРБ; и отрицательная корреляция между активированным частичным тромбопластиновым временем (АЧТВ) и СРБ. Отмечена положительная корреляция фибриногена, Д-димера, эндотелина-1 со СОЭ, СРБ и ИЛ-18. В группе больных РА с АФС данные зависимости были более выраженными ($p<0,01$). *Обсуждение*. Выявлены существенные различия в изменениях гематологических показателях и показателях гемостаза между группами больных РА с АФС и без АФС. *Выводы*. АФС служит дополнительным отягощающим фактором, приводящим к гиперкоагуляции и тромботическим осложнениям у больных РА.

Ключевые слова: ревматоидный артрит, антифосфолипидный синдром, гематология, гемостаз, показатели.

Введение

Антифосфолипидный синдром (АФС) — аутоиммунная патология сосудов, клинически проявляющаяся рецидивирующими тромбозами сосудов любой локализации и калибра, а также акушерской патологией (чаще синдром потери плода) [1]. По современным представлениям, антифосфолипидные антитела (аФЛ) — не только серологический маркер, но и важный патогенетический фактор, вызывающий развитие тромбоза. В целом, аФЛ обладают способностью воздействовать на большинство процессов, составляющих основу регуляции гемостаза, нарушение которых приводит к гиперкоагуляции [2,3]. В литературных источниках нет четкой информации, касающейся частоты встречаемости АФС при ревматоидном артрите (РА). Единичные исследования показывают, что аФЛ обнаруживаются в 7–50 % случаев при РА [4]. Изменения в кроветворной системе при РА происходит через такие факторы, как образование иммунных комплексов и выработку медиаторов воспа-

ления. Мониторинг воспаления при РА имеет решающее значение. Иммунные клетки, включая лимфоциты, нейтрофилы и тромбоциты, играют важную роль в воспалении [5]. Системное воспаление может изменять как количество, так и состав этих клеток, а количество и соотношение иммунных клеток циркулирующей крови может дать представление о воспалительном статусе пациентов с РА. Считается, что нейтрофилы являются ключевыми участниками патогенеза РА, способствуя активации антиген-презентующих клеток, выработке прооксидантных медиаторов и литических ферментов в микроокружении суставов. На основании результатов ряда работ отношение числа нейтрофилов к числу лимфоцитов (НЛО) является маркером воспаления при аутоиммунных заболеваниях и, в частности, при РА. Роль тромбоцитов в патогенезе РА представляется более противоречивой [6, 7, 8]. Несколько исследований показали, что хроническое воспаление связано с протромботическими факторами и дисфункцией эндотелия у пациентов с РА, что проявляется в виде нарушений в показателях свертывания крови [9]. АФС, впервые описанный в 1986 г. G.R.V. Hughes, E.N. Harris и A.E. Gharavi, является приобретенным тромбофилическим заболеванием, при котором продуцируются аутоантитела к фосфолипидным детерминантам мембран клеток или фосфолипидсвязывающим белкам крови. Клинические проявления, связанные с аФЛ в крови, варьируют от бессимптомного носительства аФЛ до угрожающих жизни проявлений, связанных с размером, числом и видом окклюзированных сосудов [10].

Цель исследования

Изучить особенности изменений некоторых гематологических показателей и показателей гемостаза у больных РА с АФС и без него в сравнительном аспекте; и оценить прогностическое значение данных изменений.

Материалы и методы

В период с 2024 по 2025 гг. обследовано 105 больных в возрасте от 22 до 65 лет с установленным диагнозом РА. Диагноз АФС верифицирован на основании классификационных критериев АФС, 2023 ACR/EULAR.

Критерии включения: возраст от 18 до 65 лет; наличие подтвержденного РА; добровольное информированное согласие пациентов.

Критерии исключения: другие ревматические заболевания с суставным синдромом; онкологические заболевания; сердечно-сосудистые заболевания и заболевания легких в стадии декомпенсации; заболевания печени и почек в стадии декомпенсации; сахарный диабет; травмы, перенесенные операции или инфекции в течение последних 3 месяцев; перенесенная инфекция Covid-19 в течение последних 2 лет; хронические инфекции в стадии обострения, в т.ч. вирусные гепатиты, ВИЧ-инфекция; беременность и ближайший послеродовый период (до 6 недель); химиотерапия и радиотерапия; прием генно-инженерных биологических препаратов; злоупотребление алкоголем и наркотическими препаратами.

У 30 человек выявлен АФС: 26 (86,7 %) женщин и 4 (13,3 %) мужчины. Средний возраст пациентов (M±σ) составил 56,85±8,29 лет. Средняя продолжительность заболевания РА (M±σ) была 12,5±8,77 лет. В 100 % случаев преобладала поздняя стадия РА. Серопозитивный РА выявлен у 23 (76,7 %) человек, серонегативный РА— у 7 (23,3 %). Высокая степень активности РА наблюдалась у 26 (86,6 %) больных; средняя степень активности— у 4 (14,4 %). Активность заболевания по DAS 28 (Disease Activity Score-28) составила (M±σ) — 6,36±1,13. У 3 (10 %) человек была II рентгенологическая стадия РА (по Штейнброкеру), у 23 (76,7 %) — III стадия; у 4 (13,3 %) — IV стадия. Распределение по функциональным классам (ФК) было следующим: 3 (10 %) больных— II ФК; 24 (80 %) — III ФК; 3(10 %) — IV ФК. Обследуемые получали следующую терапию на момент осмотра: метотрексат — 26 (86,6 %) человек, лефлуномид — 2 (6,7 %); сульфасалазин — 2 (6,7 %). Среди 75 человек с РА и без АФС было 63 (84 %) женщины и 12(16 %) мужчин. Средний возраст (M±σ) составил 50,68±12,43 лет; средняя продолжительность заболевания РА (M±σ) — 8,54±5,70 лет. Очень ранняя стадия РА была у 2 (2,6 %) человек; ранняя стадия — у 5 (6,7 %); развернутая стадия — у 48 (64 %); поздняя стадия — 20 (26,7 %). Серопозитивный РА выявлен у 54 (72 %) человек, серонегативный РА — у 21 (28 %). Высокая степень активности РА наблюдалась у 42 (56 %) больных; средняя степень активности— у 24 (32 %); низкая степень активности — у 9 (12 %). Активность заболевания по DAS 28 составила (M±σ) — 5,1±1,3. У 7 (9,3 %) человек была I рентгенологическая стадия РА; у 45 (60 %) — II стадия; у 20 (26,7 %) — III стадия; у 3 (4 %) человек — IV стадия. Распределение по функциональным классам (ФК) было следующим: 10 (13,3 %) больных — I ФК; 45 (60 %) — II ФК; 17 (22,7 %) — III ФК; 3(4 %) — IV ФК. Больные получали следующую терапию на момент осмотра: метотрексат — 61 (81,4 %) человек; лефлуномид — 7 (9,3 %); сульфасалазин — 3 (4 %); только нестероидные противовоспалительные препараты получали 4 (5,3 %) человека.

Для исследования гематологических показателей использовались автоматические гематологические анализаторы Medonic и Swelab. Всем больным выполнена коагулограмма при помощи автоматического коагулометра CoaLAB 1000. Уровни СРБ, ИЛ-18, фибриногена, Д-димера и эндотелина-1 определялись методом иммуноферментного анализа с использованием фотометра Bio-Rad Model 680 Microplate Reader. Данные исследования были

выполнены на базе лабораторного отделения Научно-инновационного центра координаций исследований ФГБОУ ВО ОрГМУ Минздрава России.

Статистическая обработка данных выполнялась при помощи программы Statistica 10.0 («StatSoft Inc.», США). Количественные переменные представлены следующими статистическими характеристиками: средним арифметическим значением (M), стандартным отклонением от среднего арифметического значения (σ), 25-м и 75-м процентилями, медианой. Качественные переменные описывались абсолютными и относительными частотами (процентами). Статистически значимыми считали результаты сравнения и корреляционного анализа при p≤0,05.

Исследование одобрено: Локальным этическим комитетом ФГБОУ ВО ОрГМУ Минздрава России (2024 г., Оренбург).

Результаты

В группе больных РА с АФС уровень нейтрофилов составил — 61,6±8,96 %; лифоцитов — 31,6±8,02 %; НЛО — 2,18±0,95 (у здоровых лиц, сопоставимых по полу и возрасту с группой исследования, НЛО составил — 1,65±0,49). В группе больных РА без АФС данные показатели были ниже (p<0,05): уровень нейтрофилов— 56,7±9,24 %; лимфоцитов-34,98±8,83 %; НЛО-1,83±0,85. Средний показатель СОЭ у пациентов с РА и АФС был выше, по сравнению с группой без АФС (p<0,01), и составил 21,33±11,71 мм/ч (повышение СОЭ выше нормы выявлено у 23 (76,7 %) человек); в группе пациентов с РА и без АФС — 15,52±10,02 мм/ч (повышение СОЭ выше нормы выявлено у 39 (52 %) человек). Средний уровень С-реактивного белка (СРБ) также выше был у больных РА и АФС (p<0,01) — 13,93 [5,015;18,7] МЕ/л (у 23(76,7 %) человек данные значения были выше нормы-5 МЕ/л), в то время как у больных РА без АФС — 7,43 [0,096; 10,113] МЕ/л (у 38 (50,7 %) человек СРБ был выше нормы). В обеих группах наблюдалась положительная корреляция между НЛО, СОЭ и СРБ, причем в группе больных РА с АФС данные зависимости были более выраженными: РА с АФС — СОЭ (r=0,86; p<0,001) и СРБ (r=0,49; p<0,01); РА без АФС — СОЭ (r=0,204; p<0,05) и СРБ (r=0,127 p<0,05). По изменению количества тромбоцитов были получены следующие данные: у пациентов с РА и АФС среднее количество тромбоцитов было больше, по сравнению с группой без АФС (p<0,01), и составило — 290,47±82,96*10^9 кл/л (тромбоцитопения была у 3 (10 %) человек, тромбоцитоз — у 4 (13,3 %) человек); у пациентов с РА без АФС — 252,89±54,38*10^9 кл/л (тромбоцитопения выявлена у 4 (5,3 %) человек, тромбоцитоз — у 2(2,7 %) человек. При этом, у женщин в обеих группах уровень тромбоцитов был выше, чем у мужчин (p <0,01). Количество тромбоцитов в обеих группах положительно коррелировало со следующими показателями: РА с АФС — СОЭ (r=0,73; p<0,001), СРБ (r=0,81; p<0,001), ИЛ-18 (r=0,41; p<0,01), фибриноген (r=0,389; p<0,05), эндотелин-1 (r=0,283; p<0,05), Д-димер (r=0,297; p<0,05), волчаночный антикоагулянт (ВА) (r=0,274; p<0,05) и β2-гликопротеин-1 (r=0,109; p<0,05); РА без АФС— СОЭ(r=0,124; p<0,05), СРБ (r=0,54; p<0,01), ИЛ-18 (r=0,112; p<0,05), фибриноген (r=0,301; p<0,05), эндотелин-1 (r=0, 263; p<0,05), Д-димер (r=0,158; p<0,05). В группе больных РА с АФС данные зависимости были более выраженными. Отмечались следующие изменения в коагулограмме у больных РА с АФС: среднее значение ПТИ (M±σ) — 117,16±15,99 %; у больных РА без АФС —113,91±15,14 %. Повышенное значение ПТИ выявлено у 17 (56,7 %) больных РА с АФС: (M±σ) 128,6±6,22; и у 30 (40 %) больных РА без АФС: (M±σ) 127,69±5,37. Снижение АЧТВ наблюдалось у 10 (33,3 %) человек с РА и АФС: (M±σ) 22,714±0,73 сек.; и у 21 (28 %) человек с РА без АФС: 23,05±0,64 сек. Таким образом, в группе больных РА с АФС значение ПТИ было выше (p<0,05) и значение АЧТВ было ниже (p<0,01), по сравнению с группой больных РА без АФС. Наблюдалась достоверная (p<0,05) положительная корреляция ПТИ со СОЭ и СРБ и отрицательная корреляция между АЧТВ и СРБ в обеих группах: РА с АФС — ПТИ и СОЭ (r=0,172), ПТИ и СРБ (r=0,177); АЧТВ и СРБ (r=-0,157); РА без АФС — ПТИ и СОЭ (r=0,134), ПТИ и СРБ (r=0,112); АЧТВ и СРБ (r=-0,113). По остальным параметрам значительных достоверных отличий между группами не выявлено. Средний уровень фибриногена в группе больных РА с АФС был — 4,25±1,05 мг/мл, что выше, по сравнению с группой больных РА без АФС — 3,71±0,52 мг/мл (p <0,05). Значения Д-димера при РА и АФС достигали — 254,126 [105,263; 774,362] нг/мл, при этом, у больных РА без АФС— 107,82 [55,921; 183,559] нг/мл (p <0,001). Наблюдалась достоверная положительная корреляция фибриногена, Д-димера, эндотелина-1 со СОЭ, СРБ и ИЛ-18 в обеих группах (Таблица 1).

На наличие артериальных тромбозов и венозных тромбоэмболических осложнений в анамнезе указывали 24 (92,3 %) женщин и у 4 (100 %) мужчин с РА и АФС; и 13 (20,6 %) женщин и у 2 (16,7 %) мужчин с РА без АФС.

Обсуждение

Гематологические маркеры служат ценным дополнительным инструментом для оценки активности заболевания у пациентов с РА, что согласуется с результатами различных исследований [8]. Эти маркеры дают представление о состоянии воспаления и могут способствовать оптимизации лечения и улучшению результатов лечения пациентов. Полученные результаты отражают существенные различия в изменениях гематологических показателях и показателях гемостаза между группами больных РА с АФС и без АФС. Причем, данные изменения в обеих группах показали достоверную связь

Таблица 1.

Корреляционные зависимости между уровнями фибриногена, Д-димера, эндотелина-1 и скоростью оседания эритроцитов, С-реактивным белком и интерлейкином-18

Параметр	РА с АФС			РА без АФС		
	СОЭ	СРБ	ИЛ-18	СОЭ	СРБ	ИЛ-18
фибриноген	r=0,51, p<0,01	r=0,617, p<0,01	r=0,736, p<0,001	r=0,34, p<0,05	r=0,36, p<0,05	r=0,361, p<0,05
Д-димер	r=0,74, p<0,001	r=0,69, p<0,001	r=0,589, p<0,01	r=0,46, p<0,01	r=0,258, p<0,05	r=0,142, p<0,05
Эндотелин-1	r=0,73, p<0,001	r=0,84, p<0,001	r=0,663, p<0,01	r=0,384, p<0,05	r=0,368, p<0,05	r=0,142, p<0,05

Примечание. СОЭ — скорость оседания эритроцитов; СРБ-С — реактивный белок; ИЛ-18 — интерлейкин-18.

с лабораторными показателями воспалительных изменений. Корреляционные зависимости в группе больных РА с АФС достоверно были более значимыми, что указывает на более выраженные изменения и более тяжелое течение РА на фоне АФС. Поэтому остается актуальным вопрос о выявлении данного состояния у пациентов с РА, что позволит в дальнейшем предупредить развитие осложнений у данной категории больных. Необходимы дальнейшие исследования для подтверждения этих результатов.

Выводы

1. Изменения в гематологических показателях наблюдаются при РА как в группе с АФС, так и без АФС, но выраженность данных изменений достоверно более значима у больных РА с АФС.
2. При РА наблюдаются значительные нарушения со стороны системы гемостаза. При этом АФС служит дополнительным отягощающим фактором, приводящим к высокому риску возникновения не только изменений в показателях гемостаза, но и тромботическим осложнениям, которые могут нести прямую угрозу жизни пациентов.
3. Гематологические маркеры и маркеры нарушений гемостаза дают представление о состоянии воспаления и могут способствовать оптимизации ведения пациентов с РА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grygiel-Górniak B., Mazurkiewicz Ł. Positive antiphospholipid antibodies: observation or treatment? Journal of Thrombosis and Thrombolysis. 2023;56(2):301–314. http://doi.org/10.1007/s11239-023-02834-6
2. Knight J.S., Branch D.W., Ortel T.L. Antiphospholipid syndrome: advances in diagnosis, pathogenesis, and management. British Medical Journal. 2023; 380: e069717. http://doi.org/10.1136/bmj-2021-069717
3. Вавилова Т.В., Исаева Л.А., Гринченко К.Ю. и др. Диагностика антифосфолипидного синдрома у лиц с клиническими критериями заболевания. Опыт отдельного амбулаторного центра. Атеротромбоз. 2019;1; 92–98. https://doi.org/10.21518/2307-1109-2019-1-92-98
4. Abd-Elazeem M.I., Mohamed R.A. Neutrophil-lymphocyte and platelet-lymphocyte ratios in rheumatoid arthritis patients: Relation to disease activity. Egypt Rheumatologist. 2018;40(4). https://doi.org/10.1016/j.ejr.2017.11.004
5. Fawzy R.M., Said E.A., Mansour A.I. Association of neutrophil to lymphocyte ratio with disease activity indices and musculoskeletal ultrasound findings in recent onset rheumatoid arthritis patients. Egypt Rheumatologist. 2017; 39(4). http://doi.org/10.1016/j.ejr.2017.05.001
6. Rosas E.C., Correa L.B., das Graç as Henriques M. Neutrophils in rheumatoid arthritis: A target for discovering new therapies based on natural products. In: Khajah M.A. Role of neutrophils in disease pathogenesis. 2017. https://doi.org/ 10.5772/intechopen.68617
7. Муравьев Ю.В., Лебедева В.В., Глухова С.И. Изучение показателей периферической крови для диагностики воспалительной активности при ревматоидном артрите. Научно-практическая ревматология. 2022;60(1):52–56. https://doi.org/10.47360/1995-4484-2022-52-56
8. Maryam Masoumi, Maryam Bozorgi, Zahra Nourmohammadi et al. Evaluation of hematological markers as prognostic tools in rheumatoid arthritis. BMC Rheumatology. 2024; 8(1):75. https://doi.org/10.1186/s41927-024-00444-0
9. Zahra A Fazal, Ana Michelle Avina-Galindo, Shelby Marozoff et al. Risk of venous thromboembolism in patients with rheumatoid arthritis: a meta-analysis of observational studies. BMC Rheumatology. 2024; 8(1):5. https://doi.org/10.1186/s41927-024-00376-9
10. Решетняк Т.М. Антифосфолипидный синдром: диагностика и клинические проявления (лекция). Научно-практическая ревматология. 2014; 52(1);56–71. http://doi.org/10.14412/1995-4484-2014-56-71.

© Сарычева Юлия Александровна (yualsarycheva@mail.ru); Чернышева Татьяна Викторовна
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2966.2025.12.41

ПРОБЛЕМА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ

THE PROBLEM OF DENTAL DISEASE IN INDUSTRIAL AREAS

S. Ulitovskiy
O. Kalinina
K. Starkovskii

Summary. The article is devoted to the urgent problem of dental morbidity among the population of industrial areas. The authors analyze the risk factors affecting the oral health of residents in regions with a high level of industrial production. Special attention is paid to the negative impact of environmental conditions and occupational risks on the dental and gum health of workers in the metallurgical, chemical, and energy industries. The article emphasizes the need for comprehensive preventive measures aimed at reducing the level of dental diseases.

Keywords: dental diseases, dental health status, industrial area, public health, adult population.

Улитовский Сергей Борисович
Доктор медицинских наук, профессор, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова; Санкт-Петербургский государственный университет
sergio-1954@yandex.ru
Калинина Ольга Владимировна
Доктор медицинских наук, доцент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова
782019@mail.ru
Старковский Константин Игоревич
Главный врач, Санкт-Петербургское государственное учреждение здравоохранения Стоматологическая поликлиника №32
persicorum@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме стоматологической заболеваемости населения промышленных районов. Авторы проводят анализ факторов риска, влияющих на состояние полости рта жителей регионов с высоким уровнем промышленного производства. Особое внимание уделяется негативному воздействию экологических условий и профессиональных рисков на здоровье зубов и десен работников предприятий металлургии, химической промышленности и энергетики. Подчеркивается необходимость разработки комплексных профилактических мероприятий, направленных на снижение уровня стоматологических заболеваний.

Ключевые слова: стоматологические заболевания, уровень стоматологического здоровья, промышленный район, общественное здравоохранение, взрослое население.

Введение

Заболевания полости рта представляют собой одну из наиболее распространенных групп патологий, оказывая существенное негативное воздействие на качество жизни населения и снижая продуктивность и результативность промышленного сектора в связи с человеческим фактором и связанной с ним заболеваемостью, приводящей к временной утрате трудоспособности. Около 45 % населения мира, что составляет примерно 3,5 миллиарда человек, сталкивается с проблемами по поддержанию здоровья полости рта, причем большая часть этих случаев приходится на экономически развитые страны. За последние три десятилетия количество случаев заболеваний полости рта увеличилось более чем на миллиард, что указывает на недостаточную приверженность населения профилактическим мерам, а также неблагоприятные экологические условия мест проживания. Потребление продуктов с высоким содержанием сахара, табакокурение и употребление спиртных напитков могут усугублять состояние здоровья ротовой полости. В настоящее время, когда промышленные регионы России сталкиваются с проблемой загрязнения окружающей среды, требуется более углубленное изучение влияния вредных факторов промышленного производства на распространение стоматологических заболеваний среди населения, имеется необходимость разработки и внедрения инновационных методов профилактики, а также пересмотр и актуализация существующих подходов, что обуславливает актуальность представленной работы.

Стоматологическое здоровье населения является важным индикатором общего уровня благополучия об-

щества, отражающим не только качество медицинского обслуживания, но и влияние социально-экономических, экологических и поведенческих факторов. В условиях урбанизации и интенсивного промышленного развития мегаполисов проблема стоматологической заболеваемости приобретает особую актуальность. Промышленные районы крупных городов, характеризующиеся высокой антропогенной нагрузкой, неблагоприятной экологической обстановкой и специфическими условиями жизни, становятся зонами повышенного риска развития стоматологических патологий среди местного населения. На сегодняшний день заболевания твердых тканей зубов, болезни пародонта, слизистой оболочки полости рта остаются одними из наиболее распространенных. В промышленных районах эти заболевания проявляются с большей частотой и интенсивностью, что связано с комплексом негативных факторов: загрязнением окружающей среды тяжелыми металлами и химическими веществами, повышенным уровнем стресса, несбалансированным питанием, ограниченной доступностью к стоматологической помощи. Социально-экономическое неравенство, характерное для промышленных районов, усугубляет ситуацию, приводит к низкой медицинской грамотности населения и несвоевременному обращению за лечением. В последние десятилетия была выявлена растущая проблема, связанная с влиянием окружающей среды, условий жизни и труда на здоровье человека, включая состояние зубов. Увеличение стоматологической заболеваемости, наблюдаемое в условиях усиления урбанизации и изменения образа жизни, вызвало серьезные социально-экономические и медицинские проблемы в крупных промышленных городах и регионах. Актуальность данной проблемы подтверждается многочисленными исследованиями, демонстрирующими прямую связь между промышленным загрязнением и ухудшением стоматологического здоровья. Стоматологическое здоровье населения, особенно в условиях урбанизации и промышленного развития, требует комплексного подхода, включающего не только совершенствование медицинских услуг, но и активное внедрение профилактических мер, направленных на минимизацию влияния негативных экологических и социально-экономических факторов.

Целью данного исследования явилось обобщение современного состояния изученности проблемы стоматологической заболеваемости, анализ ключевых факторов, способствующих росту стоматологической заболеваемости населения, проживающего и/или работающего в промышленных районах, а также оценку возможных путей решения этой проблемы путем разработки алгоритма профилактических мероприятий, учитывающих условия работы и проживания в указанных районах.

Материалы и методы

В настоящей работе проведен систематический обзор и анализ данных, полученных из современных российских и зарубежных научных публикаций. Поиск информации осуществлялся с использованием электронных ресурсов, включая Cyberleninka, eLibrary, Medline, Medscape и PubMed.

Современная медицинская наука акцентирует внимание на изучении влияния промышленных предприятий (угольной, металлургической, химической отраслей и др.) на здоровье как работников, так и населения, проживающего вблизи этих предприятий [7]. Данный интерес обусловлен воздействием химических соединений на организм человека, включая изменения метаболизма в тканях полости рта. Особую актуальность приобретают последствия этого воздействия на фоне климатических условий, экономических факторов и человеческой деятельности, способствующих развитию и распространению заболеваний твердых тканей зуба (кариеса), тканей пародонта (гингивита, пародонтита) и повышенной стираемости зубов [8]. Согласно данным Dai Z., Fu Y., Tan Y. и соавторов (2024), выявлена связь между интенсивностью кариеса и воздействием ряда металлов, таких как свинец (Pb), кадмий (Cd), медь (Cu), бор (B), молибден (Mo) и стронций (Sr). Загрязняющие вещества, включая тяжелые металлы, пестициды и промышленные химикаты, могут вызывать воспаление мягких тканей полости рта, приводя к заболеваниям пародонта [9].

В ряде российских исследований изучалось негативное влияние экологических факторов на распространенность стоматологических заболеваний. В промышленно развитых регионах Западной Сибири антропогенное воздействие, включая социально-экономические, климатические, техногенные и радиохимические факторы, формирует специфические проблемные ситуации, негативно влияющие на здоровье населения [10]. Исследование О.Г. Жиленко и соавторов (2020) показало, что в населенных пунктах Алтайского края с неблагоприятной экологической обстановкой состояние стоматологического здоровья обследованных лиц было значительно хуже, чем в среднем по региону [11].

И.Д. Ушницким и соавторами (2015) проведено клинико-лабораторное исследование стоматологической заболеваемости жителей промышленных районов Якутии, где расположены предприятия по добыче золота, сурьмы, олова, вольфрама, строительных материалов и лесопромышленные предприятия. Результаты проведенного исследования подтверждают неблагоприятный стоматологический статус у населения этих районов ввиду их обширной территории и удаленности [13].

А.А. Матчин и соавторами (2023) выявил существенные изменения в составе микрофлоры пародонтальных карманов при хроническом генерализованном пародонтите у взрослых и детей, проживающих в промышленном городе Оренбурге и подвергающихся антропогенному воздействию [14].

Исследование И.Н. Усмановой (2013) выявило высокую распространенность (98 ± 0,001 %) и интенсивность кариеса зубов среди жителей Уфы, характеризующейся большим количеством промышленных предприятий и выбросов загрязняющих веществ [15]. Отмечен более выраженный прирост интенсивности кариеса и хронического генерализованного пародонтита в молодом возрасте.

Исследуя стоматологическую заболеваемость в Республике, Северная Осетия — Алания О. Фарниева (2013) в своей работе подчеркнула высокую распространенность кариеса зубов (88,6 %) и заболеваний тканей пародонта (84,7 %), а также выявила территориальные различия в распространенности и интенсивности поражений тканей пародонта [16, 17].

А.В. Резниченко и соавторы (2013) выявили влияние неблагоприятной экологической обстановки на состояние зубов у детей 7–8 лет в Санкт-Петербурге, обнаружив корреляцию между уровнем загрязнения и распространенностью гипоплазии эмали [18].

С.Б. Улитовский и соавторы (2014) проанализировали состояние здоровья полости рта в Санкт-Петербурге, отметив наибольшую распространенность кариеса в трудоспособном возрасте (45–64 года) — более чем у 95,8±0,4 % населения [19].

Ж. Ризаев и А. Хайдаров (2014) установили, что у детей 7–18 лет, проживающих в г. Чирчике — центре химической промышленности Республики Узбекистан, выше пораженность кариесом, снижена реминерализующая функция слюны и кариесустойчивость зубов [20].

Высокая распространенность заболеваний слизистой оболочки полости рта в экологически неблагоприятных районах отмечена в исследованиях И.Н. Османова и соавторов (2021) [21]. По данным И.Т. Мустафина и соавторов (2022), высокие уровни антропогенного загрязнения способствовали распространенности и увеличению интенсивности кариеса у детей [22].

Исследование стоматологической заболеваемости жителей Красногвардейского района Санкт-Петербурга (2019–2024 гг.) выявило высокую интенсивность и распространенность кариеса (96,3 ± 0,001 %). Наибольшая распространенность кариеса отмечена у лиц, проживающих и работающих в районе (98,8 ± 0,001 %).

Заключение

Загрязнение окружающей среды является значимым фактором в этиологии заболеваний твердых тканей зубов и пародонта, требующим дальнейших фундаментальных исследований. Неблагоприятная клинико-эпидемиологическая ситуация по основным стоматологическим заболеваниям у населения промышленных районов подчеркивает важность изучения распространенности и тяжести заболеваний с учетом региональных особенностей для разработки профилактических мер. Актуальной является разработка и внедрение программ профилактики стоматологических заболеваний для лиц, проживающих и/или работающих в промышленных районах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здоровье полости рта. ВОЗ. Режим доступа: https://www.who.int/health-topics/oral-health#tab=tab_1 (Дата посещения: 20.03.2025)
2. Богдашкина А.Ю. Стоматологическое здоровье как элемент здоровья нации // Здоровье как ресурс, 2019. — №. 2.0. — С. 214–218.
3. Токмакова С.И., Бондаренко О.В., Мокренко Е.В. с соавт. Оценка уровня грамотности взрослого населения в вопросах стоматологического здоровья // Российская стоматология, 2021. — Т. 14. — № 2. = С. 20–24. DOI 10.17116/rosstomat20211402120. — EDN HLHYTR.
4. Улитовский С.Б., Яременко А.И., Васянина А.А с соавт. Оценка гигиенического статуса полости рта у населения промышленного района мегаполиса / // Институт стоматологии, 2015. — № 4(69). — С. 82–83. EDN VPRHNB.
5. Салахов А.К., Ксембаев С.С., Байкеев Р.Ф., Силагадзе Е.М. Стоматологическая заболеваемость населения России // Казанский медицинский журнал, 2020. — Т. 101. — №5. — С. 713–718. DOI 10.17816/KMJ2020-713
6. Салахов А.К., Сорокина А.А., Ксембаев С.С., Лосев Ф.Ф. Социально-гигиенические аспекты развития кариеса зубов у взрослых и его профилактика // Пародонтология, 2020. — Т. 25. — № 3. — С. 251–255. DOI 10.33925/1683–3759-2020-25-3-251-255.
7. Березин В.А., Шулаев А.В., Галеев А.К. Влияние производственных факторов на показатели стоматологической заболеваемости (обзор литературы) // Уральский медицинский журнал, 2017. — № 9(153). — С. 82–86.
8. Zhu L., Tang M., Cai Y., Wang P. Association between exposure to environmental pollutants and increased oral health risks, a comprehensive review. // Front Public Health, 2025. — Jan 6. — №12. — P.148. DOI 10.3389/fpubh.2024.1482991. PMID: 39835314; PMCID: PMC11743627.
9. Dai Z., Fu Y., Tan Y. et al. Association between metal exposures and periodontitis among U.S. adults: the potential mediating role of biological aging. // Environ Sci. Eur., 2024. — № 36. — P. 123. DOI 10.1186/s12302-024-00949-y
10. Сугак Е.В. Устойчивое развитие и экологическая безопасность регионов Сибири // Вестник Алтайской академии экономики и права, 2019. — №3–1. — С. 104–114.
11. Жиленко О.Г., Сарап Л.Р., Дмитриенко Н.Ю. с соавт. Экологическая обусловленность распространенности заболеваний слизистой оболочки рта у детей в Алтайском крае // Бюллетень медицинской науки, 2020. — № 4(20). — С. 38–43. EDN TNPOGO.
12. Семенов А.Д., Ушницкий И.Д., Яворская Т.Е. с соавт. Некоторые особенности функционального состояния органов и тканей полости рта у населения промышленных районов РС(Я) // Якутский медицинский журнал, 2016. — № 3(55). — С. 61–64. EDN WKXQOT.

13. Ушницкий И.Д., Семенов А.Д., Бельчусова Е.А., Егоров Р.И. Характеристика биологических и средовых факторов риска стоматологических заболеваний у жителей промышленных регионов Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Медицинские науки, 2015. — № 1(01). — С. 27–30. EDN WITHIP.
14. Матчин А.А., Сетко Н.П., Дорошина Н.Б. с соавт. Особенности распространенности кариеса и микробиоценоза ротовой полости у лиц, проживающих на территориях с различным уровнем антропогенной нагрузки // Оренбургский медицинский вестник, 2023. — Т. 11. — № 2(42). — С. 61–66. EDN RCWIFD.
15. Усманова И.Н. Стоматологический статус полости рта у лиц молодого возраста, проживающих в регионе с неблагоприятными факторами окружающей среды // Фундаментальные исследования, 2013. — № 12–3. — С. 546–549.
16. Фарниева О.А. Распространенность стоматологических заболеваний в различных экологических зонах Северной Осетии и потребность в ортопедическом лечении взрослого населения: Автореф. дисс. ... к.м.н. // М., 2013. — 25 с.
17. Фарниева О.А., Аликова З.Р., Вазиева А.К., Канукова Л.С. Особенности заболевания пародонта в различных экологических зонах Северной Осетии // Владикавказский медико-биологический вестник, 2011. — Т. 13. — № 20–2. — С. 181–186.
18. Резниченко А.В., Королева Г.М., Киселев А.В. с соавт. Стоматологическая заболеваемость у детей г. Санкт-Петербурга и ее взаимосвязь с экологической обстановкой в регионе // Стоматология детского возраста и профилактика, 2013. — Т. 12. — С. 23–25.
19. Улитовский С.Б., Яременко А.И., Калинина О.В., Алескеров Д.Ш. Проблемы совершенствования стоматологической помощи у жителей промышленного района // Учёные записки Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова, 2014. — №21(4). — С. 48–50.
20. Ризаев Ж., Хайдаров А. Распространенность и интенсивность кариеса зубов у детей, проживающих на территориях экологического риска. // Стоматология, 2014. — №3–4 (57–58). — С. 10–16.
21. Османов И.Н., Османова Ф.И., Косырева Т.Ф. Антропогенные факторы влияния на заболеваемость зубочелюстной системы детского населения г. Махачкала // Эндодонтия today, 2021. — №19(4). — С. 354–358
22. Мустафин И.Т., Сетко Н.П., Бейлина Е.Б. Комплексное влияние факторов окружающей среды на стоматологический статус детей, проживающих в условиях промышленного города // Оренбургский медицинский вестник, 2022. — Т. X. — № 4 (40). — С. 65–68.

© Улитовский Сергей Борисович (sergio-1954@yandex.ru); Калинина Ольга Владимировна (782019@mail.ru);
Старковский Константин Игоревич (persicorum@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abuladze I. — Candidate of medical science, Assistant, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Aksenov K. — graduate student, Chita State Medical Academy

Anisimova A. — dentist–orthopedist, Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH)

Avramenko O. — Assistant Professor, Donetsk State Medical University named after M. Gorky

Aydemirov A. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Stavropol State Medical University; Stavropol Regional Clinical Hospital

Baev D. — Postgraduate Student, Ulyanovsk State University

Balter R. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Samara State Medical University

Barkhudarov A. — Candidate of medical science, Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Beksaev N. — Postgraduate Student, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

Berdysh D. — Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University», Maykop

Bezglasnaya V. — Assistant Professor, Non-profit Educational Private Institution of Higher Education Kuban Medical Institute (Krasnodar)

Bogdasarov A. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Ulyanovsk State University

Bolotov A. — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Ufa University of Science and Technology

Brizhanin V. — Candidate of Law, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Bronnikov S. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Birsk Branch, Ufa University of Science and Technology, Birsk

Chechetkina N. — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Our authors

Chernikov I. — Ufa University of Science and Technology

Chernysheva T. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Orenburg State Medical University

Davidyan L. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Ulyanovsk State University

Denisov E. —Bioinformatics, Training Center, Scientific Center of Professional Education, Moscow; Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov

Dzhabarova T. — Specialist, Astrakhan State Medical University, National Medical Research Center for Cardiovascular Surgery named after A.N. Bakulev

Egorov A. — Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Moscow

Ezhitskaya D. — Sochi State University

Fedosov D. — Director, Center for Selection and Breeding Research and DNA Technologies «Plemgen», Voronezh

Golia R. — Electronic Engineer, ANO VO RosNOU, RNTGEN-COMPLET, Moscow

Heidari Ata — general dentist, Russian University of Medicine

Ichmelyan A. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Ulyanovsk State University

Ilchenko O. — Post-graduate student, Samara State Medical University; Doctor - obstetrician-gynecologist GBUZ SO SGP № 3, Samara

Ivanov V. — Doctor of Military Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Ivanova T. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Samara State Medical University

Kalinina O. — Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University

Kantalinskiy-Rodin A. — Director Directorate, The Russian Presidential Academy of National Economy, and Public Administration

Kasko V. — Candidate of Veterinary Sciences, associate professor, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus, Minsk

Klemin V. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Donetsk State Medical University named after M. Gorky

Kobzev V. — Candidate of Medical Sciences, associate professor, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus, Minsk

Kochubeev N. — Teacher, ITMO National Research University

Koibash A. — Senior Lecturer, FSBEI HE Donetsk National Technical University

Kolesnikova E. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Kuban State Medical University, Krasnodar

Kolesov D. — Senior lecturer, Sechenov First Moscow State Medical University

Komarov I. — Postgraduate student, All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences

Kornienko A. — Doctor of Engineering Sciences, Professor, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

Korol E. — Researcher, FKUZ Volgograd Anti-Plague Research Institute, Rospotrebnadzor

Krepak I. — postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation; Head of the Information Security Group, Clinic Be Healthy LLC, Moscow

Krutokhvostov D. — Bryansk State Technical University

Krutokhvostov I. — Bryansk State Technical University

Kuchay A. — Postgraduate student, Limb Salvage Center, City Hospital № 14; Saint Petersburg State Pediatric Medical University

Liang Gaoyu — Postgraduate Student, Bauman Moscow State Technical University

Lipin A. — Doctor of Medical Sciences, Limb Salvage Center, City Hospital № 14; Saint Petersburg State Pediatric Medical University

Lobanov L. — Candidate of Medical Sciences, DeputyChief Physician, City Clinical Hospital No. 1, Chita

Lobanov S. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Chita State Medical Academy

Lobanov Y. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Chita State Medical Academy

Madida Jusse Charlene — postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Mahta Farzaneh — dentist–orthodontist, Russian University of Medicine

Martynov D. — Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Maslyukov A. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University

Menyaylova I. — Candidate of Biological Sciences, First Category Veterinarian, Bacteriology Department, Voronezh Regional Veterinary Laboratory

Mirzoeva R. — Professor, Non-profit Educational Private Institution of Higher Education Kuban Medical Institute (Krasnodar)

Muzychina A. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Donetsk State Medical University named after M. Gorky

Novikova N. — Associate Professor, Non-profit Educational Private Institution of Higher Education Kuban Medical Institute (Krasnodar)

Novitskaya I. — Senior Researcher, FKUZ Volgograd Anti-Plague Research Institute, Rospotrebnadzor

Nune Tigabu Abera — graduate student, National Research Moscow State University of Civil Engineering

Osadchaya E. — Applicant, Samara State Medical University; International Bio Clinic IBC, Samara

Osipova L. — Postgraduate Student, Kuban State Medical University, Krasnodar

Palvanov M. — Postgraduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Moscow State Technological University STANKIN

Pechonkina L. — Researcher, FKUZ Volgograd Anti-Plague Research Institute, Rospotrebnadzor

Rein T. — Doctor of philosophy, Associate Professor, Kemerovo State University

Ryabchuk A. — Senior lecturer, National Research Nuclear University Moscow Engineering Physics Institute

Sapelnikov O. — Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, E.I. Chazov National Medical Research Centre of Cardiology, Moscow

Sapogov A. — Graduate student, Russian State Social University

Sarycheva Yu. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Orenburg State Medical University

Savelieva Z. — ITMO National Research University

Savin K. — Director for Strategic Development, FSAU CIT

Sazanov G. — Interventional Radiologist, Stavropol Regional Clinical Hospital

Shapovalov K. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Chita State Medical Academy

Sharov T. — Senior Researcher, FKUZ Volgograd Anti-Plague Research Institute, Rospotrebnadzor

Shcherbinina E. — Veterinarian, Chief Physician of the Nika Zoocenter, Voronezh

Siyukhova F. — Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State Medical University (Krasnodar)

Solovyova N. — Candidate of Biological Sciences, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus, Minsk

Starkovskii K. — Chief physician, SPb GBUZ «Dental clinic №32»

Tarasov V. — Graduate Student, MIREA Russian Technological University

Tereshko D. — Researcher, FKUZ Volgograd Anti-Plague Research Institute, Rospotrebnadzor

Tselkovich L. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Samara State Medical University

Ulitovskiy S. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University; Saint Petersburg State University

Usmanova R. — Doctor of Technical Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Uvarova L. — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Moscow State Technological University STANKIN

Vasilyeva I. — Specialist, The First Sechenov Moscow State Medical University; Head, European Medical Center (Moscow)

Vavilova A. — postgraduate student, FGAOU VO Belgorod state national research university; obstetrician — gynecologist GBUZ KO Kaluga Regional Clinical Hospital hospital

Volkov V. — Doctor of Medical Sciences, Professor of FGAOU VO Belgorod state national research university

Vopayev A. — Postgraduate student, obstetrician-gynecologist, Saint Peterburg State University

Vorozhko A. — Associate Professor, Donetsk State Medical University named after M. Gorky

Wu Zhengjie — Postgraduate Student, Bauman Moscow State Technical University

Yakutina N. — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor Kosygin State University of Russia, Moscow

Yavari M. — Dentist, Russian University of Medicine

Yedygova A. — Doctor-surgeon, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University», Maykop

Zavozkin S. — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

Zeidi Seyed Mahziyar — general dentist, Russian University of Medicine

Zelyaev A. — Post-graduate student, Ulyanovsk State University

Zharov A. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Kuban State Medical University, Krasnodar

Zhilyaeva A. — Voronezh State Agricultural University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).